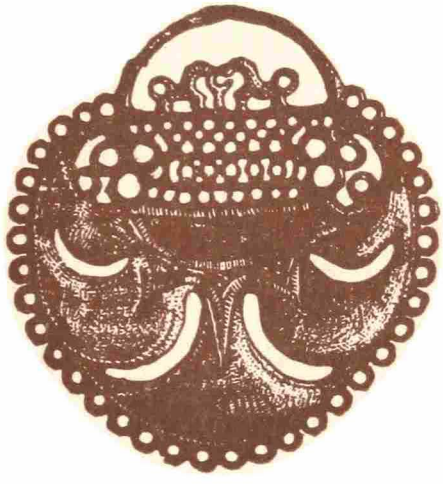
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3
1987

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1987 3

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году

Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. РЫБАКОВ (главный редактор)
И. И. Артеменко, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин, Л. Р. Кызласов, В. П. Любин,
В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора), А. А. Формозов, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

Ле Суан Зием (Ханой, Вьетнам) Археологические открытия на равнине Намбо (СРВ) . . . 5
Филатова В. Ф. (Петрозаводск). Кремневые наконечники стрел в мезолите Карелии . . . 14
Алексеев А. Ю. (Ленинград). Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. . . . 28
Зубарев В. Г., Масленников А. А. (Москва). Историческая география европейского Боспора до Клавдия Птолемею . . . 40
Гей О. А. (Москва). Погребальный обряд поздних скифов на Нижнем Днепре . . . 53
Обломский А. М. (Москва). О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры . . . 68
Юшко А. А. (Москва). О междукняжеских границах бассейна р. Москвы в середине XII — начале XIII в. . . . 86
Лунина С. Б. (Ташкент). Расписная керамика X—XII вв. и ее назначение (по материалам Кашкадарьинского оазиса) . . . 98

Публикации

Заверняев Ф. М. (Брянск). Техника обработки кости из Хотылевской верхнепалеолитической стоянки . . . 111
Кольцов Л. В., Жилин М. Г. (Москва). Мезолитическая стоянка Угольново 1 . . . 131
Горелик А. Ф. (Ворошиловград). Новые мезолитические памятники с ямнославицкими вкладышевыми элементами на Северском Донце . . . 146
Озеров А. А., Беспалый Е. И. (Азов, Ростов-на-Дону). Погребение эпохи ранней бронзы близ г. Сальска (Ростовская обл.) . . . 161
Яценко С. А. (Владимир). К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии . . . 166
Пилипко В. Н. (Ашхабад). Типология поселений кушанского времени в долине Средней Амударьи . . . 177
Енуков В. В. (Волгоград). Курганы в селе Беседы . . . 190

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1987 г.

Заметки

Вишняцкий Л. Б. (Ленинград). Костяные изделия с пазами из позднепалеолитической стоянки Березовый Ручей I 202
Смирнов А. С. (Москва). Могильник Стайки II в бассейне Верхней Оки . . 203
Сорокин В. Я. (Кишинев). Уникальное трипольское орудие 207
Санжаров С. Н., Привалова О. Я. (Донецк). Новые материалы эпохи бронзы из Донецкого музея 209
Гершкович Я. П., Клочко В. И., Оленковский Н. П. (Киев). Литейная форма эпохи поздней бронзы из Нижнего Поднепровья 211
Авдеев А. Г., Цетерс Б. Г. (Москва). Заметки об амфорных клеймах из раскопок Феодосии 214
Артемьев А. Р. (Москва). Древнерусский поруб в Изборске 219
Золотов Ю. М. (Москва). Семь надписей XVI—XVII вв. из Москвы 223

Критика и библиография

Халдеев В. В. (Казань). Сколько было сарматов? 230
Трейстер М. Ю. (Москва). О новых исследованиях Британского института Археометаллургии 231
Сердитых З. В., Кошеленко Г. А. (Москва). Проблемы истории и культуры Греко-Бактрии в литературе последних лет 237
Телегин Д. Я., Отрощенко В. В. (Киев). Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. 251
Качалова Н. К. (Ленинград). Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985 258
Березкин Ю. Е. (Ленинград). Gräber von Ancon, Peru. (MAVA, B. 7). München, 1983 264

Хроника

Гусаков М. Г., Кулаков В. И., Смирнов Ю. А. (Москва). Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: погребальный обряд» (Москва, 1985) 270
Трифонов В. А. (Ленинград). Межреспубликанский методический семинар Совета молодых ученых ЛОИА АН СССР «Новейшие теоретические и методические разработки в зарубежной археологии. Археология зарубежной Азии». (Ленинград, 1985) 275
Избицер Е. В. (Ленинград). Научно-практическая конференция «Археологические исследования в зонах мелиорации. Итоги и перспективы их интенсификации» (Ленинград, 1985) 278
Лунин Б. В. (Ташкент). Памяти Михаила Евгеньевича Массона 282

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1987 3

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
B. A. RYBAKOV

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Articles

Le Suan Ziem (Hanoi, Vietnam). Archaeological Discoveries in the Nambo Valley (SRV) 5
Filatova V. F. (Petrozavodsk). Flint Arrowheads of the Karelian Mesolithic . . 14
Alexeyev A. Yu. (Leningrad). Notes on the Chronology of Scythian Steppe Antiquities of the 4th Century B.C. 28
Zubarev V. G., Maslennikov A. A. (Moscow). Historical Geography of European Bosporus According to Claudius Ptolemy 40
Gei O. A. (Moscow). The Late Scythian Burial Rite on the Lower Dnieper . . . 53
Oblomsky A. M. (Moscow). On the Final Date of the Middle Dnieper Variant of the Zarubintsy Culture 68
Yushko A. A. (Moscow). On the Frontiers Between the Principalities in the Moskva Basin in the Mid-12th-Early 13th Centuries 86
Lunina S. B. (Tashkent). Painted Pottery of the 10th-12th Centuries and Its Uses (on the materials of the Kashkadarya oasis) 98

Publications

Zavernyaev F. M. (Bryansky). Bone Processing Techniques in the Khotylevo Palaeolithic Camp 111
Koltsov L. V., Zhilin M. G. (Moscow). Ugolnovo 1, a Mesolithic Camp 131
Gorelik A. F. (Voroshilovgrad). New Mesolithic Sites with Yanislavitsa Hafted Elements in the Seversky Donets Area 146
Ozerov A. A., Bespaly E. I. (Azov, Rostov-on-the Don). An Early Bronze Age Burial Near Salsk (Rostov Region) 161
Yatsenko S. A. (Vladimir). Reconstruction of Sarmatian Womenswear . . . 166
Pilipko V. N. (Ashkhabad). Topology of Kushanic Settlements in the Middle Amu Darya 177
Enukov V. V. (Volgograd). Mounds in the Besedy Village 190

Notes

Vishnyatsky L. B. (Leningrad). Bone Grooved Artifacts from the Late Palaeolithic Site of Berezovy Ruchey I 202
Smirnov A. S. (Moscow). The Staiki II Burial Ground in the Upper Oka Basin 203
Sorokin V. Y. (Kishinev). A Unique Tripoly Implement 207
Sanzharov S. N., Privalova O. Y. (Donetsk). New Bronze Age Materials from the Donetsk Museum 209
Gershkovich Y. P., Klochko V. I., Olenkovsky N. P. (Kiev). A Late Bronze Age Casting Mould from the Lower Dnieper 211
Avdeyev A. G., Peters B. G. (Moscow). Notes on Stamps Found on the Amphorae from Feodosia 214

Artemyev A. R. (Moscow). An Old Russian Porub in Izborsk 219
Zolotov Y. M. (Moscow). Seven Inscriptions of the 16th and 17th Centuries from Moscow 223

Book Reviews and Bibliography

Khaldeev V. V. (Kazan). The Numerical Strength of the Sarmatians 230
Treister M. Yu. (Moscow). On New Studies in the British Institute for Archaeo-Metallurgical Studies 231
Serditykh Z. V., Koshelenko G. A. (Moscow). Historical and Cultural Issues of Graeco-Bactria in Recent Publications 237
Telegin D. Y., Otroshchenko V. V. (Kiev). Antiquities from the Mounds in the Steppe Regions Along the Dnieper Dated Between the Third and First Millennia B.C. 251
Kachalova N. K. (Leningrad). Potemkina T. M. The Bronze Age in the Forest Area of the Tobol Basin. Moscow, 1985 258
Berezkin Yu. E. (Leningrad). Gräber von Ancon, Peru (MAVA, B. 7). München, 1983 264

Chronicle

Gusakov M. G., Kulakov V. I., Smirnov Y. A. (Moscow). The Conference on «The Balto-Slavic Ethnocultural and Archaeological Anitquities: the Burial Rite» (Moscow, 1985) 270
Trifonov V. A. (Leningrad). The Inter-Republican Methodological Seminar of the Council of Young Researchers of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (USSR AS) «The Latest Theoretical and Methodological Innovations in Archaeological Investigations Abroad. The Archaeology of Asia Outside the USSR» (Leningrad, 1985) 275
Izbitser E. V. (Leningrad). The Scientific-Practical Conference «Archaeological Studies in the Zones of Land Reclamation. Some Results and Prospects of their Intensification» (Leningrad, 1985) 278
Lunin B. V. (Tashkent). In Memory of M. E. Masson 282

ЛЕ СУАН ЗИЕМ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ НА РАВНИНЕ НАМБО (СРВ)

Намбо — обширная равнина, расположенная на крайнем юге Социалистической Республики Вьетнам. В ее пределы входят нижняя часть бассейна р. Донгнай и бóльшая часть дельты р. Меконг. Археологические изыскания, проводимые здесь с конца прошлого века и особенно в последние годы, выявили многочисленные следы человеческой деятельности разных эпох [1]. К палеолиту относится около 100 оббитых каменных орудий и нуклеусов, обнаруженных в местонахождениях, которые располагаются на базальтовых холмах и возвышенностях провинций Донгнай и Шонгбе: Нянзя (ныне Шауле), Заузей, Камтием, Нуидат, Фукуй, Зокмо, Биньлок, Локнинь. Большинство из них сосредоточено в районах Суанлок и Динькуан (пров. Донгнай). Материалом служил базальт [2]. Каменные орудия, в частности миндалевидные бифасы, кливеры, диски, остроконечники, сделаны с помощью грубой оббивки. Отмечена клектонская и леваллуазская техника расщепления. Особый интерес представляет изделие из Зокмо, напоминающее миндалевидное раннеашельское рубило. Эти орудия были отнесены большинством исследователей к раннему палеолиту (600—200 тыс. лет назад). Они представляют собой самые древние остатки человеческой культуры, известные на равнине Намбо.

К более позднему времени относятся орудия из кварцита молочного цвета, найденные в 1976—1978 гг. на стоянке Выонзу, расположенной на террасе, возвышающейся на 5 м над уровнем р. Донгнай (пров. Шонгбе). Техника изготовления этих орудий сходна с техникой, наблюдаемой в культурах Шонви, Хоабинь, а также в местонахождениях восточных районов Кампучии, где Э. Сорен сделал открытия в 60-х годах нашего века [3]. Выонзу рассматривается как один из вариантов позднепалеолитической культуры Шонви.

Выразительные хоабиньские и бакшонские памятники (мезолит — ранний неолит) пока на равнине Намбо не обнаружены. На холмах и возвышенных террасах рек встречаются лишь единичные орудия топоровидной формы хоабиньского типа, причем они часто залегают в одних слоях с находками более позднего периода, как, например, это имеет место на стоянке периода неолита — бронзы Биньсуан (пров. Донгнай) или на памятниках эпохи металла Баухое (пров. Тхуанхай) и Шуойтьон (пров. Донгнай).

Можно предположить, что древние хоабинцы и бакшонцы вообще не обитали на равнине Намбо в связи с тем, что природные условия здесь были в тот период неблагоприятны для жизни.

8—7 тыс. лет назад равнина Намбо постепенно входила в период геологической стабилизации. Шесть тысячелетий назад уровень моря начал снижаться, постепенно формировалась и начинала наступление на море дельта р. Меконг — низменная часть равнины Намбо. Однако прошло еще не одно тысячелетие, прежде чем поверхность дельты окончательно стабилизировалась в виде речных аллювиальных почв, дюн по побережью моря, илистых болот с сетью многочисленных водных потоков и обширных водных пространств в середине дельт, находящейся в настоящее время на территории провинций Лонган и Донгтхап.

Культурные остатки этого периода (т. е. после бакшонской культуры) найдены в большом количестве. Самым ранним, относящимся к концу неолита — началу эпохи бронзы, считается памятник под названием

Каушат, который датируется 2500—2000 лет до н. э. Он был открыт в конце 1975 г. и является первым раскопанным и изученным археологическим памятником на юге Вьетнама со дня его освобождения. Коллекция находок, полученных на площади 320 м², богата: около 800 каменных изделий и 100 тыс. фрагментов керамики. Набор каменных изделий разнообразен: шлифованные топоры четырехугольной и подтреугольной формы, топоры с прямыми, наклоненными вниз или острыми плечиками, мотыги, острия, наконечники стрел, копий, ножи, серпы, шлифовальные камни, зернотерки. Сосуды изготовлены из глины с примесью песка, имеют покрытие красного, коричневого, розового, бледно-желтоватого цвета. На внутренней поверхности стенок сосуда после обжига оставался тонкий слой черного, серого или коричневого цвета. Орнаментированная керамика встречается редко. Сосуды украшались главным образом отпечатками шнура, гребенчатыми оттисками или линейным орнаментом. Наиболее распространенными формами являются горшки, миски, сосуды с высокими с наклоном наружу или цилиндрическими поддонами.

Культурные черты, проявляющиеся в Каушат, легли в основу своеобразной традиции, существовавшей на равнине Намбо,— культуры Донгнай.

За Каушат следует ряд памятников, относящихся к энеолиту и началу эпохи бронзы. Они датируются приблизительно II—I тыс. до н. э., расположены в нижнем течении р. Донгнай, преимущественно на склонах краснопочвенных базальтовых холмов по берегам ручьев (Нуйгом, Хынгтинь, Заузей) или на аллювиальных холмах вдоль р. Донгнай (Бендо, Хойшон, Кайван, Биньда). Основные черты их культуры сходны с Каушат. Однако налицо и отличия. Каменные орудия тщательнее отшлифованы, приобрели более пропорциональные формы, что указывает на возросшую специализацию каждой группы орудий. Во многих местах обнаружены каменные топоры с выпуклым секировидным лезвием и крупные молотки, повторяющие формой аналогичные бронзовые орудия. Некоторые пункты (Кайван, Нуйгом) дают даже литейные формы из песчаника для изготовления простых орудий, а также шлаки и остатки бронзовых предметов. Все памятники занимают значительные площади и дают большое количество находок. Только на Фыоктан было поднято свыше 2600 каменных изделий, в Бендо — 2000 находок (около 800 из них было обнаружено при раскопках на площади 200 м²). В каждом кубометре грунта любого местонахождения содержатся тысячи фрагментов керамики.

Памятники данного периода представляют собой древние поселения на холмах или искусственно возвышенных осыпях вблизи рек и ручьев. Их население продолжало заниматься подгорным сухопольным земледелием, а также охотой и собирательством в лесах и на болотах. Радиоуглеродные датировки показали, что самым ранним является Нуйгом (Хангтон I, по Э. Сорену) — 3950±150 (до 1950 г.); за ним следуют Биньда — 3180±50 и, наконец, Бендо — 3040±140. К более позднему периоду относятся два памятника в провинции Лонган: Аншон (2780±50) и Ратьнуй (2400±100); их следовало бы отнести к эпохе бронзы или даже раннего железа, однако полученные находки имеют скорее энеолитический облик. При раскопках 1978 г. рядом с коллекцией исключительно каменных орудий и при полном отсутствии металлических было найдено множество костяных изделий, среди которых рыболовные крючки, сверла, проколки, наконечники стрел и даже плечиковые топоры, сделанные из панциря черепахи. Фаунистические остатки принадлежат домашним собакам, свиньям, диким кабанам, обезьянам, крокодилам, быкам, носорогам, морским черепахам. Найдены также кости рыб и раковины. В поселении Аншон были открыты погребения людей, принадлежащих к древнеиндонезийскому антропологическому типу.

К памятникам эпохи развитой бронзы относятся Зоктьюа (пров. Шонгбе), Шуойтьон и Лонгзяо (пров. Донгнай).

Наиболее характерный из них — Зоктьюа — был открыт в начале 1976 г. и раскопан в течение трех сезонов 1976—1978 гг. Площадь рас-

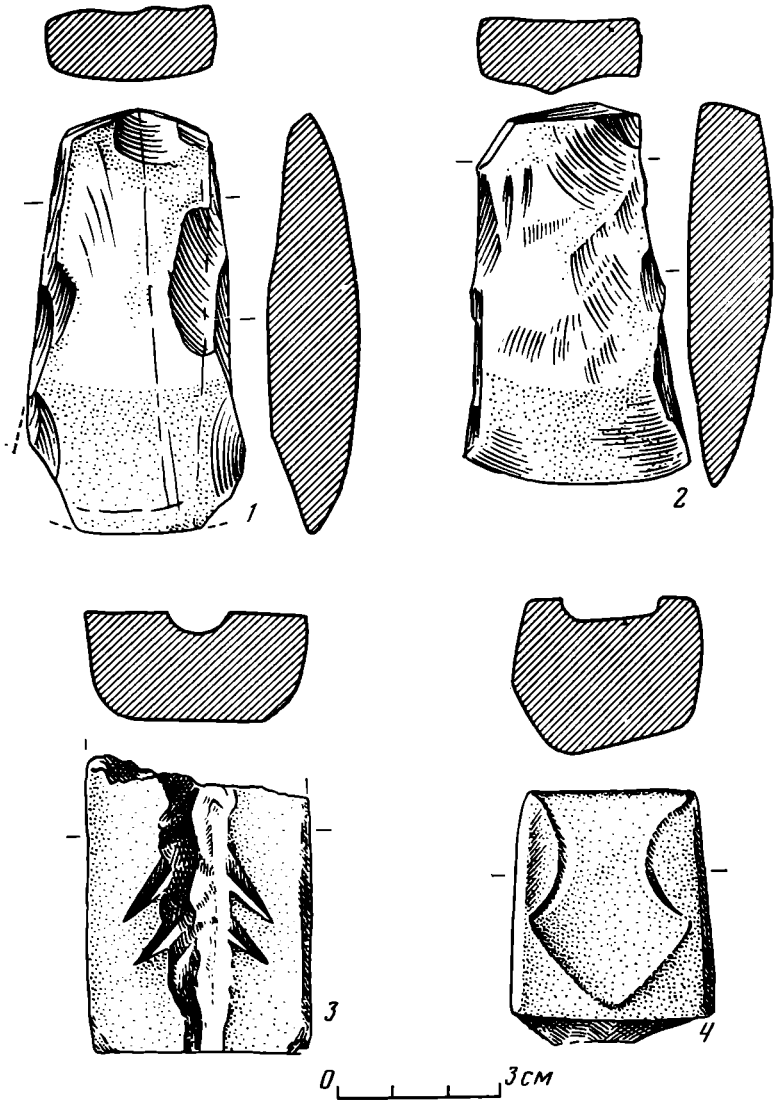


Рис. 1. Находки из поселения Зоктьюа (пров. Шонгбе). *1*, *2* – каменные топоры; *3* – фрагмент литейной формы из песчаника для отливки гарпуна; *4* – литейная форма из песчаника для отливки кельта

пространения культурного слоя превышает 10 тыс. м², а толщина достигает 2 м. В культурном слое было обнаружено около 40 погребений. На вскрытой раскопками площади 550 м² собрано примерно 250 тыс. фрагментов керамики и 1880 других находок, в число которых входят 76 литейных форм, включая заготовки, готовые формы и отходы (брак, куски сломанных форм) (рис. 1, *3*, *4*). Бронзовые изделия различных типов представлены 71 экз.: топоры с выпуклым и широко растянутым лезвием (кельты), наконечники копий, секиры, ножи, наручные браслеты, колокольчики, фигурки животных. Датировка по ^{14}C: 2990±105 (2495±50) лет назад.

Аналогичная коллекция каменных и бронзовых изделий была собрана при раскопках Шуойтьон. В Лонгзяо найден целый склад бронзового оружия, в том числе несколько десятков крупных секир. Почти все они украшены различными узорами, главным образом волнистыми, трех-четырехугольными, округлыми, полушаровидными и зубчатыми фигурами. Такие же секиры, но несколько меньших размеров были обнаружены в могилах поселения Зоктьюа и в кувшинных погребениях в дюнах Баухое.

Группа памятников эпохи бронзы со своими богатыми коллекциями отражает дальнейший важный этап в развитии экономики и техники. Высокого уровня развития достигла техника выплавки и обработки ме-

талла, многие другие ремесла также сделали заметный шаг в сторону бо́льшей специализации. Умение обрабатывать камень было применено при изготовлении литейных форм, вырезании украшений (браслетов, бус), фигурок животных. В то же время производство керамики шло по пути утилитарности, упрощению форм, повышению качества. Наличие сотен пряслиц говорит о развитии ткачества.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что число каменных орудий (рис. 1, *1*, *2*) на этих памятниках резко сократилось, причем число топоров четырехугольной формы превышает число топоров с плечиками, чего не наблюдалось в предшествующий период. Что же касается бронзовых изделий, то они по типам и формам имеют сходство с находками в других районах Южного Индокитая. Так, например, топоры (кельты) с выпуклым пропорционально растянутым лезвием встречаются не только в данном районе, но и на стоянках Млу Прей (Кампучия), Нонноктха (Таиланд), на памятниках центрального плато Вьетнама, в коллекциях антикварных вещей французского священника Герлаша [4—6]. Напротив, совершенно отсутствуют здесь топоры с наклонным в одну сторону лезвием, большие бронзовые котлы, барабаны и другие предметы, широко распространенные в северном районе или на севере центрального района Вьетнама (памятники культуры донгшон). Особенности памятников эпохи бронзы равнины Намбо позволяют некоторым исследователям говорить о культурном центре, зародившемся здесь на фундаменте энеолита и существовавшем параллельно с другими культурными центрами эпохи бронзы в Северном Вьетнаме и Северо-Восточном Таиланде [7]. Этот центр возник по меньшей мере в конце II тыс. до н. э. (по радиокарбонным данным из Зоктьюа, 3145±50 лет назад) и продолжал существовать даже в эпоху железа. Можно заключить, что могилы в Зоктьюа и склад оружия в Лонгзяо являются памятниками позднебронзового века, существовавшими в эпоху раннего железа. Один из образцов, взятый с глубины 0,5 м от поверхности, дает радиокарбонную дату 2550±50 (до 1950 г.). Эта дата полностью соответствует времени зарождения железа на равнине Намбо.

Таким образом, в раннюю пору железного века одновременно существовали три типа культурных памятников: железного века, бронзового века и энеолита. Наиболее характерной является группа памятников раннего железного века. Она представлена крупными могильниками, имеющими совершенно одинаковые культурные особенности: для сохранения останков умерших во всех погребениях были использованы сосуды (урны) — кувшины или крупные горшки, сделанные из глины с примесью песка, с покрытием красно-коричневого цвета. Почти все они имеют грушевидную форму, 45—50 см высотой и 50—60 см в наибольшем диаметре. Крышкой часто служат горшки или кувшины меньшего размера. Все кувшины закапывались в вертикальном положении. В них содержатся останки людей (детей), иногда зола и погребальный инвентарь: такие керамические изделия, как миски, тазы, небольшие горшки, вазы, выполненные в стиле, характерном для традиционной керамики района Донгнай (рис. 2, 3), каменные и бронзовые орудия. Большой интерес представляют также кованые железные орудия и оружие: серпы, ножи, кельты, меч, кинжалы, наконечники копий. В погребениях в кувшинах встречаются и комплексы украшений, сделанных из различных материалов: бусы из агата, искусственного стекла зеленого цвета, красного камня (рубина), фаянса, стеклянные браслеты, серьги из белого камня (жадеита) в виде открытого кольца с тремя-четырьмя ушками или двумя головками зверей (рис. 3, *3*, *4*).

Радиокарбонные анализы дают для этой группы памятников самую раннюю дату — 2590±290 (Фухоа) и самую позднюю — 2190±150 (Шуойда). Даты позволяют считать, что появление железа на равнине Намбо относится к очень раннему времени, возможно к самому раннему в Юго-Восточной Азии. С другой стороны — и это имеет важное значение, которое необходимо подчеркнуть,— железные предметы, находящиеся рядом с керамикой, обладающей характерными чертами культуры Донгнай,

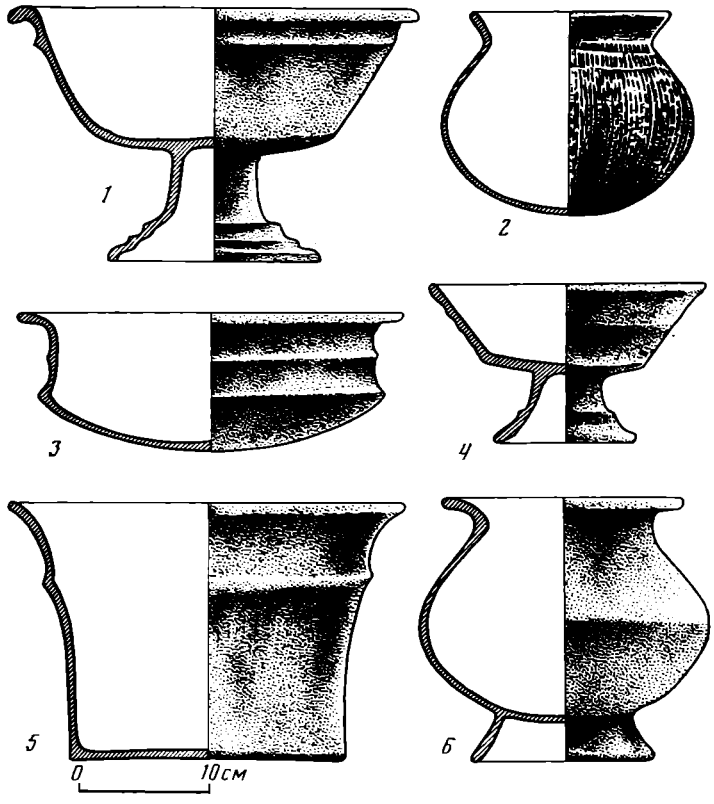


Рис. 2. Керамические изделия из поселения Зоктьюа (пров. Шонгбе)

также, несомненно, местного производства. Они представлены здесь полными наборами предметов различного назначения, порой повторяют типы и формы каменных и бронзовых изделий, а именно топоров, кельтов, мотыг, серпов или жатвенных ножей, ножей, наконечников и т. д. Железная руда не является редкостью в аллювиальных почвах возвышенных районов Намбо. Рудник, где в древние времена добывали железо, находится на территории села Лонгбинь (пров. Донгнай).

Таким образом, если в конце II тыс. до н. э. равнина Намбо была районом распространения металлургии бронзы и одним из центров культуры бронзы на материке Юго-Восточной Азии, то в середине I тыс. до н. э. она уже стала центром металлургии железа, которая имеет ярко выраженный местный характер. Железные изделия использовались главным образом в качестве земледельческих и охотничье-собирательских орудий, а не в качестве боевого оружия.

Применение железных орудий в хозяйстве резко повышало эффективность труда, расширялись зоны, где осуществлялись охота, собирательство, земледелие, развивались и укреплялись культурные и экономические связи между различными этническими общностями. Культура раннежелезной эпохи распространилась в это время из Донгнай на юг Центрального Вьетнама. Следы этой культуры обнаруживаются на памятниках Баухое, Митыонг (пров. Тхуанхай), расположенных в дюнах по берегу моря. Возможно, культура донгнай достигла южных районов центрального плато в провинциях Ламдонг и Даклак, а также северных районов равнины Намбо, где были открыты памятники, представляющие собой поселения, укрепленные земляной стеной округлой формы (типа крепостей) в провинциях Тэйнинь и Шонгбе. В то же время в процессе контактов с другими районами Юго-Восточной Азии на равнину Намбо разными путями и по разным причинам начинают поступать вещи из других культурных областей. Бронзовые барабаны, распространенные преимущественно на территории северной равнины (Бакбо) и на севере Центрального Вьетнама, появляются на рубеже нашей эры в пров. Шонг-

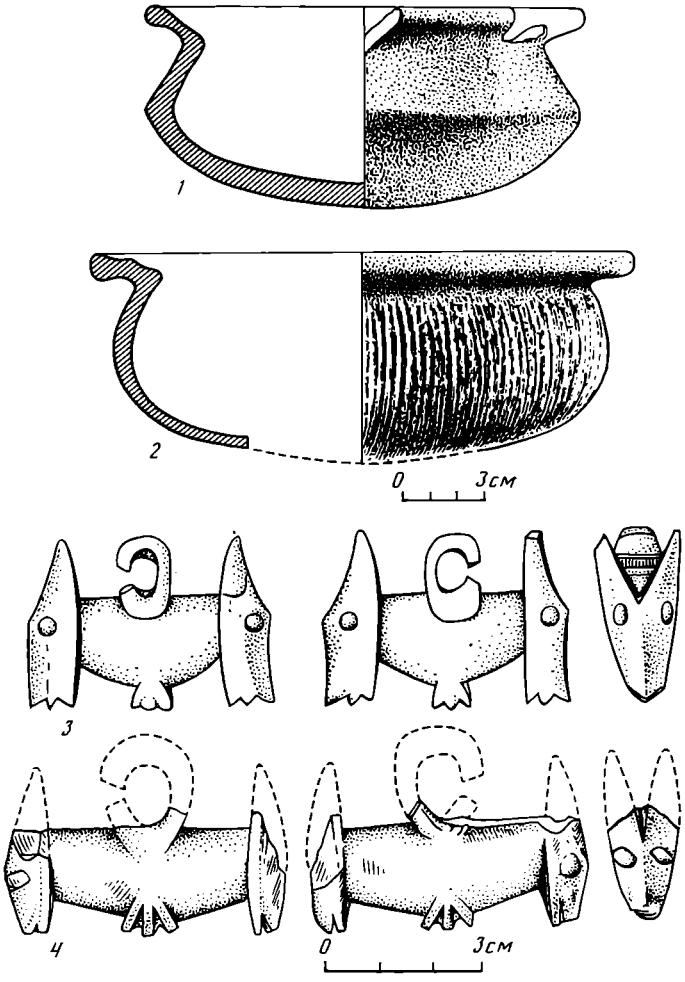


Рис. 3. *1, 2* – керамические изделия из поселения Зоктьюа (пров. Шонгбе); *3, 4* – каменные серьги из поселения Ханггон (пров. Донгнай)

бе и приморском районе Вунгтау. Здесь встречаются предметы и украшения, типичные для культуры Шагуйнь (Центральный Вьетнам), а также других культур островной части Юго-Восточной Азии.

Говоря о культурном облике данного района в эпоху раннего металла, нельзя не остановиться на находках каменных музыкальных инструментов — литофонов. Они представляют собой крупные, тщательно оббитые плиты из камня метаморфического сланца. Их длина 40—110, ширина 15—25, толщина 5—15 см. Благодаря оббивке и точечной технике поправки каждая плита обладает определенной октавой. Первым коллекционером литофонов был французский этнограф Кондоминас; ныне эти каменные музыкальные инструменты экспонируются в парижском Музее Человека [8]. В последнее время благодаря усилиям и настойчивым поискам многих исследователей было собрано свыше 100 таких плит и обломков. Очень важное значение имеют коллекции литофонов, найденных в культурных слоях Биньда, Гоме (пров. Донгнай) и Дакай (пров. Тхуанхай). В этих местах каменные плиты залегают в одних слоях с другими изделиями, и это дало возможность датировать их около 3000 лет назад. Представляя собой продукт местной традиции, литофоны свидетельствуют о высоком уровне развития не только материальной, но и духовной культуры древнего населения этого района.

На равнине Намбо встречаются и укрепленные поселения. Они представляют собой более или менее ровные площадки, окруженные одной или двумя земляными стенами округлого очертания, диаметром 150—200 и высотой до 2 м. Вдоль подножия стен заметны неглубокие рвы. Известно 20 таких поселений. Они часто располагаются на краснопочвен-

ных базальтовых возвышенностях или холмах в северных провинциях равнины Намбо (Тэйнинь и Шонгбе) и граничащих с ними провинциях Кампучии (Преи-Вненг и Кратье). Эта группа памятников пока изучена слабо. Раскопки, проведенные на внутренней площадке одного из таких поселений в Мимот (Кампучия) в 1961 г., дали множество каменных шлифовальных орудий и фрагментов керамики, залегающих в 3-метровом культурном слое. Б. Гросье датировал комплекс IV тыс. до наших дней (земляная стена не была датирована) и назвал его «мимотской культурой», поскольку, по его мнению, он принадлежит к самостоятельной культурной традиции. Однако в разведочных шурфах, заложенных во время раскопок 1980 г., на месте земляной крепости в районе Локнинь (пров. Шонгбе) были обнаружены каменные топоры, отщепы и фрагменты керамики, напоминающие культуру донгнай.

Следует упомянуть еще об одном типе памятников, представляющем иную культурную традицию. Он пока характеризуется только дольменом Сцанлок, который был сооружен на территории плантации Ханггон. Дольмен состоит из могильной камеры в форме правильного параллелепипеда, сделанной из крупных гранитных плит, и нескольких рядов гранитных колонн, окружающих камеру. Мегалитический монумент имеет величественный вид. Не было обнаружено, правда, никакого инвентаря, который помог бы определить культурную принадлежность памятника и датировать его. Возможно, этот единственный дольмен на равнине Намбо существовал уже в эпоху металла. Он отличается от мегалитических памятников на севере Лаоса и Индонезии, но близок к дольменам Южной Индии.

В западной, более низменной части равнины Намбо, т. е. в дельте р. Меконг, памятники первобытной культуры почти не встречаются. Единичные экземпляры каменных орудий, найденные в различных местах, не позволяют говорить о наличии здесь долговременных поселений.

В дельте р. Меконг имеются только памятники протоисторического и исторического периодов, т. е. существовавшие в первые века н. э. Из них наибольшую известность получили остатки культуры Окэо, которая относится к самому раннему периоду освоения человеком дельты р. Меконг (со II по V—VI вв. н. э.). В настоящее время известно около 20 местонахождений этой культуры. Они расположены на большой территории, включающей в себя почти всю дельту р. Меконг, но группируются преимущественно в более низменных, болотистых местностях западного побережья р. Хау (западного притока р. Меконг, протекающего по территории Вьетнама). Можно выделить несколько типов памятников: открытые поселения на холмах; поселения, состоящие из свайных домов, культовых сооружений из кирпича и камней, построенных на искусственных холмах, у подножий или на склонах гор; монументальные могилы, водные каналы, связывающие поселения, стены и рвы, окружающие поселения. В этой пестрой картине самой яркой и имеющей наибольшее значение является группа памятников в районе Батхе-Окэо.

Комплекс находится на территории современного с. Бахте (р-н Тхойайшон, пров. Анзянг). По аэрофотографиям на этом месте отмечены очертания древнего, возможно портового, города, скрытого под землей. Город имел в плане четырехугольную форму 3×1,5 км общей площадью 450 га и был окружен несколькими рвами. Первые раскопки во многих пунктах на территории самого города были проведены в 1942 г. В 1982 г. осуществлялись раскопки на холмах, расположенных в северной части города, причем были открыты остатки кирпично-каменного сооружения в виде камер различных размеров, алтарей из крупных каменных плит, больших и малых могильных сооружений, а также жилые горизонты, деревянные подпорки свайных домов и следы древних каналов. Кроме того, по подножью и на склонах горы Батхе, находящейся примерно в 100 м от города, были найдены кирпично-каменные сооружения такого же типа, скульптуры и их фрагменты, каменные статуэтки, характерные для буддийских и индуистских верований. Количество находок, обнаруженных в культурных слоях и на полях в черте города, в настоящее

время составляет десятки тысяч экземпляров. Только коллекция украшений насчитывает свыше тысячи золотых изделий, свыше 10 тыс. бус из драгоценных камней, агата, стекла, фаянса, свыше 300 оловянных и 30 бронзовых изделий, около 100 маленьких барельефных изображений на мелкозернистых камнях. Особый интерес представляют оттиснутые на перстнях и печатях надписи, выполненные, вероятно, брахманским письмом эпохи Гупты (V в. н. э.), а также римские монеты с изображением Антония и Марка Аврелия, древнетюркские монеты и китайские бронзовые зеркала эпохи династии Восточная Хань (I—III вв. н. э.).

Кроме этой основной группы памятников в Батхе-Окэо комплексы с аналогичными находками были открыты и в других местах, например в Каньдэн, Зонгда, Лунгзэйме (пров. Киензянг), Ломо, Чапда, Диньму, Нуйшам (пров. Анзянг) и Тхапмыой (пров. Донгтхап). При раскопках 1982—1983 гг. в районе Такео, считавшемся ранее «передним портом города Окэо» (ныне Нэнтюа, пров. Киензянг), были вскрыты десятки монументальных сооружений, которые, по предварительным данным, представляют собой могилы с остатками трупосожжений носителей культуры Окэо.

Находки культуры Окэо отражают высокий уровень развития экономики, техники, культуры и общества на равнине Намбо в период II—VI вв. н. э. Дельта р. Меконг в это время стала оживленным торговым центром международного масштаба, местом скрещения различных культурных традиций и этнических групп. Тут была также высшая точка социально-экономического и культурного развития данной эпохи во всей Юго-Восточной Азии. Многие исследователи считают, что здесь возникло первое в истории Юго-Восточной Азии древнее государство. Особенности и характер его, возможно, проявились в культуре Окэо, где в свою очередь важное место занимает группа памятников Батхе-Окэо, которую считают столицей государства, существовавшего под названием Титон и описанного во многих древних письменных источниках.

Культура Окэо возникла, развивалась и достигала своего расцвета в течение нескольких веков и примерно в VII в. н. э. пришла в упадок. До сих пор не удалось выявить следы древних культур, пришедших на смену Окэо в данном районе. Действительно ли в последующие века произошли грандиозные сдвиги, которые привели к краху культурного центра Окэо, слава о котором некогда шла по всей Юго-Восточной Азии, или, может быть, замечательные достижения носителей культуры Окэо были сохранены и достигли новых высот в таких крупных центрах, сложившихся позднее, как Ангкор (Кампучия), Тямпа (Центральный Вьетнам), Боробудур (Индонезия)? Решение этих сложных вопросов — задача археологии Южного Индокитая и архипелагов Юго-Восточной Азии.

Археологам Социалистической Республики Вьетнам предстоит еще многое открыть в древнейшей истории равнины Намбо. Вместе с тем актуальным и важным для будущих исследований является деятельное сотрудничество и участие в этой работе археологов всего мира, в первую очередь археологов Советского Союза, поскольку проблемы археологии и истории равнины Намбо, как мы показали выше, неразрывно связаны с культурно-историческим процессом во всей Юго-Восточной Азии. Исследование равнины Намбо может пролить свет на важнейшие проблемы мировой истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Saurin E.* La station préhistorique de Hong Gon près Xuon — Loc // Asian Perspectives. 1963. V. VI, № 1–2.
2. *Борисковский П. И.* Первобытное прошлое Вьетнама. М.– Л.: Наука, 1966.
3. *Saurin E.* Le paléolithique du Cambodge Oriental // Asian Perspectives. 1968. V. IX.
4. *Levy P.* Recherches préhistoriques dans la région de Mlu Prei. Hanoi, 1943.
5. *Solheim W. G.* Early Bronze Age in Northeastern Thailand // Current. Anthropol. 1968. V. 9. № 1.
6. *Bayard D. T.* Excavation in Non Noc Tha, 1968, an Interim Report // Asian Perspectives. 1972. V. XIII.

7. *Hoang Xuan Chinh, Bui Van Tien.* The Dongson Culture and Cultural Centers in the Metal Age in Vietnam // Asian Perspectives. 1983. V. XXIII, № 1.
8. *Condominas G.* Decouverte d'un troisiéme lithophone préhistorique en pays Mnong-Naá // L'Anthropologie. 1959. V. 62.

Le Suan Ziem

ARCHAEOLOGICAL DISCOVERIES IN THE NAMBO VALLEY (SRV)

Summary

Survey of the recent archaeological discoveries in South Vietnam, related to the period between the Palaeolithic and the 7th century A. D.

В. Ф. ФИЛАТОВА

КРЕМНЕВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ В МЕЗОЛИТЕ КАРЕЛИИ

К настоящему времени в Карелии известен 151 экз. наконечников стрел из камня, относящихся к эпохе мезолита. 109 из них происходят из Оленеостровского могильника [1], один из могильника Черная Губа, а остальные из обычных поселений. В мезолитических комплексах в целом и по каждому памятнику в отдельности наконечники стрел составляют ничтожно малую часть инвентаря [2], они найдены лишь на 15 из 50 раскопанных памятников [3]. В данном обзоре рассмотрены изделия из стоянок и черногубский экземпляр [4], оленеостровские привлекаются в качестве сравнительного материала.

Все 15 памятников, где найдены наконечники стрел, расположены в южной части Карелии, непосредственно на берегах Онежского озера (группа поселений на п-ове Оровнаволок и в заливе Черная Губа, стоянка Повенчанка V — северо-восточное побережье; Оленеостровская и Суна XII — западное побережье, Шелтозеро III — юго-западное побережье), на небольших озерах и реках его бассейна — на оз. Муромском (Муромское VII), соединяющемся с Онежским одноименной речкой, на реках Илексе и Нижней Колонже (Илекса III, IV, Нижняя Колонжа II), связанных с ним системой оз. Водлозеро — р. Водла.

Большинство орудий происходит из поселений однослойных, с чистым мезолитическим комплексом инвентаря. Другие обнаружены в слоях, частично перекрытых древними озерными отложениями, на которые налегают культурные пласты с более поздними материалами. Местами стерильность прослоек между слоями нарушена, наблюдается смешение явно разновозрастных комплексов; мезолитические находки в этих случаях выделены отчасти типологическим путем (Илекса III и IV, Муромское VII, Нижняя Колонжа II). На стоянке Пигалахта II имеется незначительная примесь поздней керамики, но мезолитические вещи отделяются легко.

Как следует из таблицы, небольшая часть памятников содержит более половины всех наконечников стрел, тогда как на остальные приходится по 1—2 экз. В основном орудия изготовлены из привозного кремня разного цвета — от светло-серого, почти белого, до черного, темно- и светло-желтого, красновато-коричневатого. Преобладают серовато-черные тона. На одном и том же поселении зафиксированы экземпляры разного

---

[1] 100 кремневых и 9 кварцевых [1, с. 91, 104].

[2] В Оленеостровском могильнике они составляют треть всего каменного инвентаря, но обнаружены только в 22 из 177 погребений, причем 63 экз. залегали в шести (по 7, 10, 10, 11, 16, 23), а прочие по одному-два в остальных 16 захоронениях [1, табл. 13].

[3] Всего на территории Карелии известно более 200 мезолитических памятников.

[4] В опубликованной сводной таблице и описании памятников [2 прил. III, с. 97, 103, 105, 107—109] допущены опечатки. Так, в описании стоянки Пиндуши VII наконечник не указан, а в таблице он есть, в коллекционной описи отсутствует. На стоянке Нижняя Колонжа II в мезолитическом комплексе соответственно не одно и не восемь, а два изделия. В среднем слое Илексы III одно орудие является очень грубой заготовкой неопределенной формы. На стоянке Шелтозеро XXV найден обломок наконечника дротика или копья, обработанный по всей поверхности тонкой плоской пильчатой ретушью, легко соотносимый с присутствующей в материалах ямочно-гребенчатой керамикой. На Оленеостровской стоянке, согласно коллекционной описи, обнаружены три кремневых наконечника и один сланцевый. В коллекции находок стоянки Путкинская V наконечники стрел отсутствуют.

Мезолитические наконечники стрел Карелии

№ п. п.	Памятник	Наконечники стрел		
		кремневые	сланцевые	кварцевые
1	Оровнаволок XV	12		
2	Оровнаволок XIV	5		
3	Муромское VII	3		
4	Суна XII	1		
5	Илекса III	3		
6	Илекса IV			1
7	Повенчанка V	2		
8	Шелтозеро III	1		
9	Могильник Черная Губа	1		
10	Черная Губа XI	1		
11	Оровнаволок IX	4		
12	Нижняя Колонжа II	2		
13	Оровнаволок XII	1		
14	Оленеостровская	3	1	
15	Пигалахта II	1		
	Всего (экз.)	40	1	1

цвета. Использовано только два вида местных пород, причем наименее пригодных для этих целей.

Особый интерес среди наконечников стрел вызывают кремневые, из которых 29 целые или части черешка, девять — фрагменты пера. Последние не дают возможности судить о типе изделия, но их необходимо учитывать для общей оценки техники изготовления и формы. 19 орудий по форме (очертаниям) можно назвать иволистными, семь — черешковыми; два, довольно своеобразного вида, выделены особо.

Иволистные наконечники стрел имеют в плане вытянутые удлиненно-овальные очертания, плавно сужаются к концам. Насад обычно чуть шире и толще острия и выделяется либо способом обработки, либо прямой линией основания. Эти орудия отличают значительные вариации в технике изготовления и форме. Особое место среди них занимают два изделия, обработанные с обеих сторон по всей поверхности плоской, но довольно небрежной ретушью (Оровнаволок XIV и IX) [5]. Первый наконечник (рис. 1, *1*) большой (7 см длиной), правильной иволистной формы, достаточно резко заужен к кончику пера, плавно сужается к прямому, но узкому основанию. Второй (рис. 1, *2*) значительно меньших размеров, близкий к первому по форме. Интересно, что они изготовлены из кремня одного и того же серого цвета, самого светлого из всех серых разновидностей. Такой оттенок более не встречается. Упомянутые орудия типологически как будто бы должны сопоставляться с двусторонне обработанными формами времени неолита или, самое позднее, финального мезолита. Однако они обнаружены в культурном слое поселений, чистота комплексов и мезолитический возраст которых сомнений не вызывают [6]. Первое изделие обнаружено в кострище вместе с другими наконечниками стрел на глубине 0,25 м от современной поверхности, второе — в толще культурного пласта на глубине 0,2 м от современной поверхности, тут же залегали ножевидные пластинки из кварца и кремня.

Прочие иволистные формы изготовлены из ножевидных пластин. Одни из них имеют обоюдоострые концы, плоское, острое и тонкое перо. Насад тоже острый, чуть более массивный и вытянутый. Экземпляр из могильника Черная Губа (рис. 1, *3*) обработан со спинки полукрутой ретушью почти по всему перу и крутой по насаду, а с брюшка плоской — только по одному краю насада. Орудие со стоянки Илекса III [2, прил. IV, рис. 19] имеет крутую или полукрутую краевую ретушь по всему периметру и со спинки и с брюшка. У другого (Оленеостровская стоянка; рис. 1, *4*) насад сформирован ретушью со спинки, крутой

[5] Подобное орудие, по данным Г. А. Панкрушева, найдено на Оленеостровской стоянке [2, с. 104].

[6] Памятники раскапывались автором в 1970, 1971, 1976, 1980, 1981 гг.

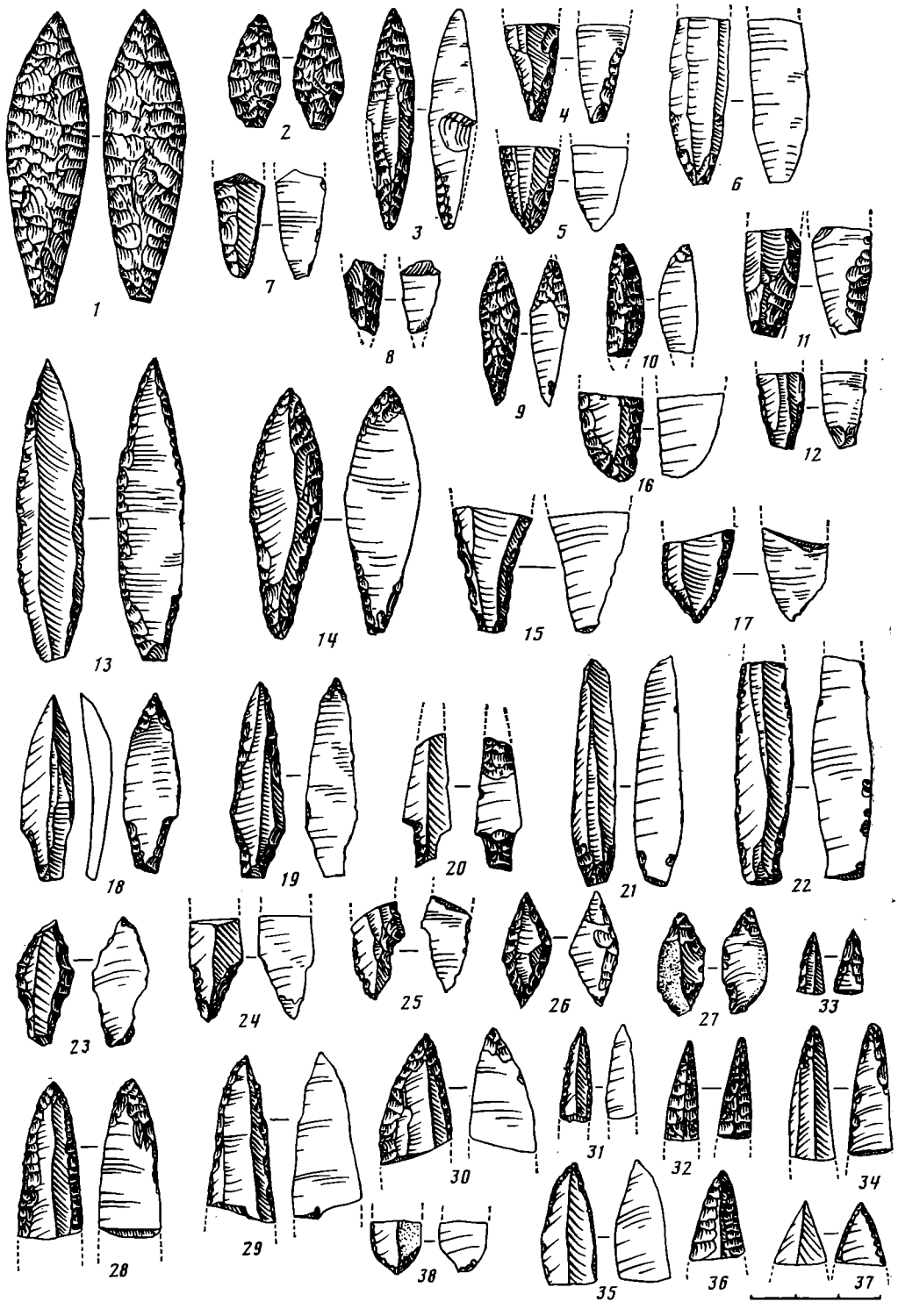


Рис. 1. Кремневые наконечники стрел. *1*, *16*, *27*, *33*, *36* – Оровнаволок XIV; *2*, *9*, *10*, *31* – Оровнаволок IX; *3* – могильник Черная Губа; *4*, *17* – Оленеостровская; *5* – Суна XII; *6–8*, *12*, *14*, *15*, *19*, *21*, *24*, *29*, *32*, *35* – Оровнаволок XV; *11* – Оровнаволок XII; *13* – Пигалахта II; *18*, *25* – Илекса III; *20*, *26*, *28* – Муромское VII; *22*, *30* – Нижняя Колонжа II; *23* – Шелтозеро III; *34* – Черная Губа XI; *37*, *38* – Повенчанка V

по одной стороне и полукрутой по другой, которая продолжается дальше по краю, а с брюшка подработан плоской ретушью по одному краю. Найденная на стоянке Суна XII часть насада имеет мелкую ретушь по краю только со спинки (рис. 1, *5*), такая же часть с Оровнаволока XV (рис. 1, *6*) изготовлена из тонкой пластиночки с неровными краями. На спинке его по одному из краев насада нанесено несколько фасеток пло-

ской ретуши. Похожи на него два экземпляра из этого же поселения (рис. 1, *7*, *8*), с той только разницей, что у первого ретушь распространяется по большей части периметра, а у второго насад обработан крутой краевой ретушью со спинки и, вероятно, был подработан плоской с брюшка.

Несколько отличаются от вышеназванных иволистных форм орудия из Оровнаволока IX (рис. 1, *9*, *10*). Первое имеет короткое плоское перо, длинный узкий толстый насад, обработку по всей спинке тонкой ретушью, плоской по перу и средней части и крутой по насаду. На брюшке кончик пера покрыт плоской ретушью, по насаду нанесены две такие же фасетки. Второе сделано из тонкой маленькой пластиночки и тоже покрыто по всей спинке ретушью, очень мелкой и тонкой. На брюшке такая же ретушь нанесена на кончике пера. Черешковая часть обломана, но была, по-видимому, острой.

Два обломка насада из стоянок Оровнаволок XII и XV имеют прямое, но очень узкое основание, обработанное у одного (рис. 1, *11*) с брюшка и со спинки плоской ретушью по противолежащим краям; по спинке она, возможно, заходила и на перо. У второго фрагмента ретушь нанесена по краю со спинки и тоже, видимо, продолжалась дальше по краю (рис. 1, *12*).

У некоторых иволистных форм основание выделено более отчетливо. Изделие из мезолитического комплекса Пигалахты II (рис. 1, *13*) изготовлено из серого с белыми пятнами кремня, обработано крутой мелкой попеременной ретушью по всему периметру, но по одному краю она нанесена с брюшка, а по другому с брюшка и со спинки, т. е. попеременная и встречная. По насаду она полукрутая с брюшка и крутая встречная по одному краю со спинки. Кончик пера обработан по краю крутой ретушью с брюшка. Орудие из Оровнаволока XV отличает (рис. 1, *14*) широкое перо и довольно узкий черешок, обработанный со спинки и с брюшка полукрутой ретушью. По спинке такая же ретушь идет по обоим краям до кончика пера, последний с брюшка подработан плоской ретушью. Похож на него обломок из той же стоянки, изготовленный из точно такого же кремня светло-серого цвета, но обработанный только по краю спинки крутой ретушью (рис. 1, *15*). Она могла продолжаться и на перо. Еще у двух фрагментов (Оровнаволок XIV и Повенчанка V) черешки имеют несколько скошенный и округленный вид, полукрутую ретушь по краю со спинки (рис. 1, *16*) и несколько фасеток плоской с брюшка (рис. 1, *38*). Следующий фрагмент (из Оленеостровской стоянки; рис. 1, *17*) заострен. С одной стороны он имеет неглубокую одностороннюю выемку, обработан тоже по краю со спинки крутой и мелкой ретушью, вероятно, продолжавшейся дальше по краю. Столь же своеобразно выделен черешок у орудия из мезолитического комплекса Нижней Колонжи II (рис. 1, *22*) — мелкой крутой ретушью по краям со спинки, формирующей два широких противолежащих выема вблизи его конца. Такая же ретушь распространяется по всему периметру со спинки, а на брюшке она нанесена местами.

По способу обработки поверхности иволистные наконечники стрел можно подразделить на ретушированные с двух сторон, покрытые ретушью по всей спинке, имеющие ретушь по краям спинки или брюшка, подработанные только на концах. Преобладают формы, заретушированные со спинки по краю, по всему периметру или по большей части его. Ретушь встречается чаще всего полукрутая или крутая по насаду и плоская по перу. На брюшке по насаду она может быть плоской или почти плоской, но чаще отсутствует вовсе. Перо на брюшке, судя по сохранившимся экземплярам, подрабатывалось плоской ретушью либо оставалось в естественном виде. Они имеют значительную длину (в пределах 5—7 см) и ширину в средней части до 1,5 см.

Черешковые стрелы представлены пятью целыми экземплярами и двумя обломками. Все они изготовлены из ножевидных пластинок, имеют удлиненно-вытянутые очертания, сближаясь тем самым с предыдущими. Размеры их примерно одинаковы — в среднем 4×1,1 см, но в

общих своих пропорциях они мельче иволистных. Перо имеют длинное, плавно заостряющееся, черешок короткий, составляющий только пятую часть длины. Плечики выделены слабо. Обработка состоит в основном в ретушировании кончика пера и черешка. У орудия из мезолитического слоя Илексы III (рис. 1, *18*) мелкая полукрутая ретушь нанесена только по одному краю черешка со спинки; на брюшке она более крупная полукрутая, на кончике пера плоская, по краям отсутствует. Экземпляр из Оровнаволока XV (рис. 1, *19*) со спинки по черешку и по краям, в том числе и по кончику пера, обработан крутой ретушью. На брюшке она плоская, нанесена только на кончике пера. Похож на него наконечник из этого же памятника (рис. 1, *21*), но обработан он только по черешку полукрутой ретушью со спинки. С брюшка нанесены две плоские фасетки. Еще одно, почти целое изделие (мезолитический комплекс Муромское VII; рис. 1, *20*) изящнее упомянутых, с более четкими плечиками, по черешку со спинки с одного края оформлено крутой ретушью, а с брюшка покрыто мелкой и плоской. Такая же ретушь нанесена здесь на кончике пера. Края оставлены без обработки. Последнее целое орудие со стоянки Шелтозеро III (рис. 1, *23*) довольно своеобразное — короткое, широкое и массивное, со спинки оформлено очень крутой, почти перпендикулярной, но весьма несовершенной ретушью по всему периметру, в том числе по черешку. С брюшка на черешке имеется несколько фасеток плоской и грубой ретуши, и несколько таких же нанесено на кончике пера. Из обломков интересен один, из Оровнаволока XV (рис. 1, *24*), с заостренным черешком, тогда как у всех других его конец (основание) прямой. По краям со спинки идет очень крутая ретушь, на брюшке обработка отсутствует. Второй обломок (Илекса III; рис. 1, *25*), возможно, и не наконечник. Но если он таковым был, то черешок у него выделен только по одному краю крутой ретушью со спинки, а по другому обработан мелкой притупляющей ретушью, которая продолжалась, видимо, и далее по краю. У черешковых форм насад со спинки всегда обработан по краю крутой, а в двух случаях полукрутой ретушью. Перо со спинки имеет подработку у двух наконечников. С брюшка черешок один раз обработан по краю полукрутой ретушью и один — плоской по всей поверхности. У остальных обработка его отсутствует. Перо с брюшка оформлялось только по кончику плоской ретушью.

Последнюю группу составляют изделия своеобразного вида. Одно (Муромское VII; рис. 1, *26*) изготовлено из ножевидной пластинки, имеет правильную и довольно четкую ромбическую форму с острыми утоньшенными концами, утолщено в середине. Со спинки по краю по всему периметру нанесена мелкая крутая ретушь, а на брюшке она плоская и распространяется по одному краю. Экземпляр из поселения Оровнаволок XIV (рис. 1, *27*) изготовлен из краевого отщепа или массивной пластинки, сохранившей на спинке корку. Бугорковая часть со спинки и брюшка несет по несколько фасеток плоской ретуши, кончик со спинки обработан крутой ретушью, а с брюшка плоской, причем он выделен как черешок. По одному краю наблюдаются выщербинки. Возможно, это сверло, хотя в таком случае непонятна обработка нерабочего конца.

Остальные девять обломков кремневых наконечников стрел представляют собой, по всей видимости, части пера. Они также изготовлены из ножевидных пластинок. У 6 экз. (Муромское VII, Нижняя Колонжа II, Оровнаволок IX, XIV, XV, Повенчанка V) по краям спинки нанесена полукрутая или крутая ретушь. С брюшка она плоская (рис. 1, *28, 30, 33*) или полукрутая (рис. 1, *37*), у 2 экз. (рис. 1, *29, 31*) ее нет. Два обломка имеют ретушь полукрутую и плоскую на кончике со спинки, а на брюшке плоскую на кончике лишь один обломок из стоянки Черная Губа XI (рис. 1, *34*). У другого фрагмента (из Оровнаволока XV; рис. 1, *35*) она отсутствует. Последние два отличаются от прочих. Фрагмент со стоянки Оровнаволок XV обработан по всей сохранившейся части — и со спинки и с брюшка — плоской мелкой ретушью (рис.

1, *32*), а обломок, найденный на стоянке Оровнаволок XIV,— только по всей спинке такой же ретушью (рис. 1, *36*).

Наконечники стрел из местных пород классификации не поддаются. Сланцевый экземпляр из Оленеостровской стоянки имеет вытянутую иволистную форму, линзовидное сечение и зашлифован по всей поверхности. Кварцевый наконечник из Илексы IV представлен невыразительным фрагментом.

Рассмотренные выше изделия единообразны, они имеют стройные, удлиненные очертания, повторяющие в целом форму ивового листа. Способы обработки пера и насада, спинки и брюшка варьируют, но в общем выдержаны в одном стиле. Характернейшей особенностью их является обработка крутой или полукрутой ретушью со спинки по всему периметру или по большей его части, в том числе и по черешку. Обработка брюшка по краю отмечена у двух наконечников (рис. 1, *13*) [2, прил. V, рис. 19], у остальных наблюдается лишь на самом кончике пера или черешка. Последний с брюшка чаще всего оставлен без оформления, но у некоторых экземпляров здесь имеется краевая полукрутая или (чаще) плоская ретушь (рис. 1, *3, 4, 11, 13, 14, 18, 20, 23, 38*). Кончик пера с брюшка иногда оставлен без обработки (рис. 1, *3, 21, 23, 29, 31, 35*), а у большинства оформлен плоской ретушью. У двух она крутая (рис. 1, *13*) или полукрутая (рис. 1, *37*).

Наконечники стрел из поселений весьма близки к найденным в Оленеостровском могильнике; почти каждому из них можно подобрать аналог из серии орудий, опубликованных Н. Я. Гуриной. Общим признаком тех и других помимо вида заготовки (ножевидной пластинки) является обработка плоской ретушью с брюшка кончика пера и крутой ретушью по насаду со спинки и почти полное отсутствие обработки краев по периметру с брюшка. Существуют и различия. В могильнике нет форм, покрытых плоской или какой-либо другой ретушью по всей спинке или по всей поверхности, а также подобных изображенным на рис. 1, *13, 25, 27*. Кроме того, изделия из поселений чаще всего имеют обработку по краю со спинки по всему периметру. В могильнике таких находок мало [1, рис. 53, *4, 5, 11, 13, 15, 18*, рис. 55, *5, 7*], преобладает ретуширование только концов. Несмотря на отмеченные различия, наконечники стрел из поселений и могильника с полным правом могут быть объединены в один тип, уже получивший в литературе название оленеостровского. Орудия из поселений менее однородны по технике, форме и размерам, у них использовался способ обработки плоской ретушью по всей поверхности. Можно предположить, что они представляют следующие, несколько более поздние этапы.

До недавнего времени наконечники стрел на мезолитических поселениях Карелии встречались эпизодически, что считалось для региона одной из особенностей эпохи. Оленеостровский могильник был исключением. Однако находки последних лет позволяют полагать, что данные орудия на определенном этапе применялись достаточно широко.

Для уточнения хронологии наконечников стрел чрезвычайно важен вопрос о времени существования Оленеостровского могильника. Однако он до сих пор дискутируется и не может быть решен без анализа всех его материалов, взятых в совокупности, но автор по-прежнему склонен считать его одним из самых ранних памятников Карелии[7] [3, с. 179].

[7] Заметим, что ближайшие аналогии его сланцевому инвентарю существуют в поселениях VII тыс. до н. э., недавно исследованных П. Э. Песонен и автором (Суна XIII, Оровнаволок XV). На стоянке Черная Губа XI [4] обнаружены три сланцевых ножа, более близкие оленеостровским, чем ранее известный нож из стоянки Пески III; по аналогии с ней Г. А. Панкрушевым [2, с. 66] и датирован могильник первой половиной IV тыс. до н. э. Пески III, возможно, имеет смешанный комплекс. Каменный инвентарь стоянки обнаруживает тесную близость с мезолитическим, керамика сперрингс, согласно схеме Г. А. Панкрушева [5, с. 41, 42], выглядит поздней, к тому же здесь присутствует асбестовая посуда. Кроме того, высота расположения Оленеостровского могильника, по моим данным [6, с. 45], равна 14,77 м над уровнем озера (июль 1972 г.), что по графику датировок Г. А. Панкрушева соответствует первой четверти VII тыс. до н. э.

Датировка поселений с наконечниками стрел оленеостровского типа в схеме относительной периодизации мезолитических памятников особых затруднений не вызывает. Некоторые из них имеют радиоуглеродные даты (Муромское VII — 7940±120 и 7600±100, Оровнаволок IX — 7720±100, Оровнаволок XII — 6740±50 лет назад), которые находят подтверждение в типологических определениях. Эта схема наиболее достоверна для района Оровнаволока и Черной Губы, лучше других изученных раскопками. Расположение поселений на Оровнаволоке в непосредственной близости друг от друга в соответствии с гипсометрическими уровнями исключает одновременность их существования. Древнейшими из них могут быть Оровнаволок XIV и XV. Вслед за последним возникло поселение IX, а за ним XII, которое находится на следующей по высоте и времени формирования древней береговой террасе [8].

Поселения Оровнаволок XIV и XV на основе сопоставления инвентаря с наиболее ранними кварцево-сланцевыми комплексами типа Суны XIII и Шелтозера XV [9, 10] могут быть датированы второй половиной VII тыс. до н. э. Самое позднее из этой группы, Оровнаволок XII, прекратило свое существование на рубеже VI—V тыс. до н. э. Поселение Черная Губа XI отнесено к тому же времени, что и Оровнаволок IX. Так же оно датировано П. Э. Песонен [11, с. 20]. Мезолитическая стоянка на Муромском VII, по мнению М. Г. Косменко, существовала в первой половине атлантического периода [12, с. 128] или несколько раньше, если иметь в виду наконечники стрел. Труднее обстоит дело с датированием остальных поселений, поскольку здесь возможен лишь типологический метод. Мезолитические комплексы Илексы III и Нижней Колонжи II отнесены Г. А. Панкрушевым ко второй половине VII — первой половине VI тыс. до н. э. [2, с. 106—109]. Не исключен более поздний их возраст, если принять во внимание выраженную микролитизацию кремневого инвентаря, господство неретушированных пластин-вкладышей, присутствие разнообразных сланцевых инструментов и абразивов и т. д. Одновременными им могут быть стоянки Суна XII и Шелтозеро III. Оленеостровская представляет уже следующий этап мезолита — первую половину V тыс. до н. э. [2, с. 102, 104; 13, с. 139].

Стоянка Повенчанка V датирована Г. А. Панкрушевым серединой VIII тыс. до н. э. Тем самым она оказывается одновозрастной раннемезолитическим поселениям волго-окского региона [14, с. 20—23]. Согласиться с этой датой трудно. Кремневый комплекс стоянки [9] [12, рис. 7, 8, 9, *19—48*] содержит значительное количество мелких пластин-вкладышей, ретушированных среди них немного. Скребки изготовлены из отщепов небольших размеров, часто встречаются микролитические их формы. Совершенно отсутствуют такие типичные для волго-окских памятников орудия, как резцы на углу сломанной пластинки, скобели на пластинах, пластинки с затупленным или скошенным ретушью концом, нуклеусы и т. д. Помимо кремневых на стоянке имели применение изделия из местных пород, в том числе абразивы и крупные топоровидные. Последние в волго-окском регионе появляются значительно позже [15, с. 28—35]. Орудия из местного сырья представлены типами, зарождение и развитие которых могло произойти только в местных условиях. Они заметно отличаются по составу и облику (в первую очередь сланцевые — одни из самых надежных источников при определении времени существования поселений) от тех, которые составляют начальный этап кварцево-сланцевой индустрии, выявленный на ряде поселений — Суна XIII, Шелтозеро XV. Кварцевый инвентарь менее

---

[8] По определениям Э. И. Девятовой [7, с. 53—57; 8], террасы, на которых расположились упоминаемые стоянки, могли быть пригодны к освоению со второй половины бореального до начала атлантического периода, примерно в течение одной тысячи лет. Эти выводы в целом подтверждаются археологическими материалами.

[9] Фонды ИЯЛИ КФАН СССР, колл. № 1488, 1581.

показателен, поскольку при его производстве использовались традиционные приемы, выработанные на базе кремня, т. е. в иных условиях, но значительно трансформированные и, по-видимому, не только в силу своеобразия свойств кварца. Но и здесь нет ничего неизвестного в местном мезолите, а наоборот, содержится полный набор специфичных для него форм (долотовидные орудия, резцы из остроугольных осколков и т. д.). Заметна разница в составе и облике инвентаря Повенчанки V с поселениями, содержащими немалое число кремневых изделий, например Муромским VII. Последнее имеет куда больше сближающих и типологически более ранних признаков с волго-окскими мезолитическими комплексами, но остается тем не менее типичным представителем местного мезолита [12]. Рассмотрение материалов Повенчанки V на фоне других, в том числе с наконечниками стрел, заставляет склониться к мысли о ее ординарном значении в местной кварцево-сланцевой индустрии времени VI тыс. до н. э.

На основе вышеприведенных датировок памятников можно полагать, что наконечники стрел рассмотренного типа существовали на территории Карелии в период с начала VII до начала V тыс. до н. э.; в финальном мезолите данная категория орудий неизвестна и вновь зафиксирована на стоянках с керамикой сперрингс и ямочно-гребенчатой, но уже видоизмененного облика [5, с. 10, 11, табл. 6].

Наконечники стрел не обнаружены в памятниках, датированных Г. А. Панкрушевым IX—VIII тыс. до н. э., составляющих, по его мнению, раннемезолитический этап и основанных выходцами с Северного Приуралья [14, с. 28—30]. Существование столь раннего этапа в мезолите края не бесспорно. Он выделен на основе высотного расположения объектов, гипсометрические отметки которых выше всех других, Относительно некоторых из них, в частности группы стоянок с исключительно кварцевым инвентарем из Северной Карелии, наиболее обоснованным представляется вывод П. Э. Песонен. Сравнительно-типологический анализ материалов стоянок типа Аскола в Финляндии, Кандалакшского берега Белого моря, а также Комса Северной Норвегии и северо-западной части Кольского полуострова выявил существенное сходство в материальной культуре очерченной территории. Это позволило говорить об особом северном мезолитическом регионе, едином не только в хозяйственно-культурном отношении, но, возможно, и этническом. П. Э. Песонен предлагает новую датировку памятников типа Аскола в Карелии, а именно вторую половину VII — начало VI тыс. до н. э. [16, с. 94—160].

Остальные высокорасположенные стоянки (Повенчанка I и II) находятся по соседству с упомянутой Повенчанкой V. Все сказанное выше о вещевом комплексе последней с полным правом можно отнести и к двум первым[10]. Здесь не усматривается никаких явных пережиточно-палеолитических и раннемезолитических черт, которых следовало бы ожидать, имея в виду предложенную дату — начало и вторая половина IX тыс. до н. э. [14, с. 6—16]. Сопоставление с инвентарем Медвежьей пещеры кажется по меньшей мере преждевременным, а точек соприкосновения с финальнопалеолитическими и раннемезолитическими комплексами западных территорий не находит сам исследователь. Инвентарь этих стоянок аналогичен позднемезолитическому, выявленному на большом числе памятников, в том числе опубликованных [2, прил. 1; 14, с. 23—30]. В сравнении с комплексами VII тыс. до н. э. типа Суны XIII он выглядит во всех отношениях (технически и морфологически) более поздним.

Возраст стоянок Повенчанка I и II определен на основе их высотного расположения относительно уровня Онежского озера, причем исследователь исходил из установленного им же топографического положения

---

[10] В равной мере и к двум другим — Медвежьегорской X и Мяньгоре; последняя датирована по графику концом X тыс. до н. э. [2. с. 93].

памятников. По его мнению, они привязаны не к реке, а к древней озерной террасе. Специальные геолого-геоморфологические и палеогеографические изыскания здесь не проводились. Исследования в этом направлении на других участках побережья Онежского озера [7, 8] показали, что общее послеледниковое поднятие его северных берегов сопровождалось многократными эвстатическими колебаниями уровня и не было равномерным ни во времени, ни в пространстве. В развитии водоема установлено несколько трансгрессивных и регрессивных фаз, сменявших одна другую. В условиях спада его уровня высотные отметки близких по времени памятников могут заметно отличаться, а в период повышения уровня более поздние по времени могут занимать те же поверхности, что и предшествующие им. В силу этого прямой зависимости возраста всех археологических объектов от их гипсометрических показателей, как это принято при разработке графика датировок по высотным данным, ожидать трудно. В действительности имеет место немало случаев несовпадения датировок согласно графику и сравнительно-типологических. Один из них приведен выше. Малоэффективной пока представляется его проверка радиоуглеродным методом. В условиях Карелии, при незначительной глубине залегания культурных остатков на облесенной, часто с признаками многократных пожаров территории, в легко проникаемом для современных органических частиц песчаном грунте, сам этот способ нуждается в корректировке. Некоторые из 12 дат по ^{14}C, упомянутых Г. А. Панкрушевым, противоречат датированию высотным и сравнительно-типологическим способами. Случаев совпадения всех трех пока немного. Поэтому мезолитическую эпоху в Карелии на основе надежно документированных источников можно вести с конца бореального периода. Более ранний этап тем самым не исключается, но и не кажется обязательным и может быть выявлен вне пределов Карелии — в соседних областях со сходной географической и сырьевой обстановкой. Его существование в самой Карелии материалы пока не подтверждают.

Комплексы VII тыс. до н. э. содержат разнообразный набор орудий из разных горных пород: кварца, роговика, кварцита, сланца, кремня. Последний встречается в разных количествах, и в ряде случаев его оказывается много. Этот факт и привел Г. А. Панкрушева к выделению культурной группы памятников, оставленных выходцами из волго-окского мезолитического региона [2, с. 62—64]. Ее характеризуют 11 стоянок. Но восемь из них (Ялгуба II, V, Vя, Селецкое, Усть-Охта, Шелтозеро XXV, XXVIа) не раскапывались, представлены подъемными материалами, а остальные наряду с кремневым инвентарем содержат широкий ассортимент орудий из местных пород, в том числе сланцевых. Думается, что все памятники «кремневого» мезолита, в том числе с наконечниками стрел (Муромское VII, Повенчанка V, Илекса III и др.), при всем сходстве с памятниками волго-окского региона безусловно (в чем совершенно правы исследователи) не относятся к числу типичных для него [12, с. 129], а представляют местную самобытную культуру.

Роль кремня в карельском мезолите не стоит преувеличивать. Весь ассортимент орудий из него представлен и в кварцевом исполнении. Уже в памятниках VII тыс. до н. э., таких, как Суна XIII, Шелтозеро XV, и особенно первой половины VI тыс. до н. э. (Черная Губа XI, Оровнаволок IX и др.), мы имеем полный набор хорошо ограненных кварцевых пластинок-вкладышей, заретушированных или обработанных по краю особым приемом скола. Крайне разнообразны морфологически орудия, объединяемые в группы резцов и долотовидных, специфичность облика которых обусловлена, возможно, не только структурой кварца. Преобладание орудий из кремня на отдельных стоянках может зависеть от разных причин. Некоторые поселения (Шелтозеро III, XXV, Муромское VII и др.) расположены недалеко от его коренных месторождений, на южном берегу Онежского озера. Другие (Оровнаволок XIV и XV, Пиндуши XIV и XIVа) находятся на его противоположном берегу, куда доставка сырья осуществлялась водным путем и была сопряжена с из-

вестными трудностями[11]. Тем не менее кремневых орудий на этих стоянках много, едва ли не больше, чем кварцевых, а сами эти памятники оказываются древнее других. В то же время отдельные поселения на западном побережье Онежского озера в районе Петрозаводска (Суна XIII, Шелтозеро XV), одновозрастные некоторым из упомянутых, содержат мало кремневых орудий, а наконечники стрел на них не обнаружены.

Далее. Чистота мезолитических «кремневых» комплексов на многослойных памятниках (Илекса III, IV) в некоторых местах нарушена. Хронологическое членение кварцевых и сланцевых орудий в них было затруднено; часть их соотнесена с поздними комплексами, а в мезолитические вошли бесспорно ранние формы (ножевидные пластинки-вкладыши, микроскребки и т. д.). Можно признать, что кремень играл существенную роль, но не подменял и не мог подменить местных видов сырья хотя бы по той причине, что постоянное и беспрерывное поступление его вряд ли можно было регулировать. Как видим, вопрос о «кремневом» мезолите на территории Карелии куда сложнее, чем это представлялось до последнего времени. Все известные к настоящему моменту памятники этой эпохи независимо от количества кремня являются типичными для кварцево-сланцевой индустрии, основанной на местном сырье. Кремень использовался широко, но спорадически и преимущественно для тех орудий, которые в его исполнении более эффективны, например наконечники стрел, вкладыши, ножи.

Оленеостровский тип стрел сложился, вероятнее всего, в местной среде, что было обусловлено ее внутренним развитием. Об этом свидетельствует сочетание признаков, неизвестное в других областях. Некоторыми отдельно взятыми чертами они соотносятся с орудиями так называемой «свидерской традиции». Указанные выше детали в форме и технике изготовления позволяют выделить их в самостоятельный постсвидерский вариант.

Сравнение наконечников стрел оленеостровского типа, например, с кундскими обнаруживает весьма отдаленное сходство, с наиболее ранними из них оно практически отсутствует. Так, два орудия со стоянки Пулли плоско заретушированы почти по всей поверхности пера с брюшка [17, рис. 2, *3, 4*], что совершенно не характерно для оленеостровского типа. Два других [17, рис. 2, *1, 2*] имеют такой же способ обработки черешка крутой ретушью со спинки и полукрутой с брюшка и заретушевку со спинки по краю, но форма их иная — они более широкие, с заостренным черешком, резко суженные у пера. У оленеостровских отсутствует ретушь по краю пера с брюшка, а краевая со спинки более крутая и крупная. В целом они не более похожи, чем прочие постсвидерские варианты. Изделия из стоянки Кунда [18] отдаленно близки опять-таки к орудиям из поселений, особенно явно к одному из наконечников (рис. 1, *19*), но даже у него ретушь с брюшка отсутствует на черешке, а на пере занимает самый кончик, хотя тоже плоская. С другой стороны, такая обработка отмечена у орудия из поселения Муромское VII (рис. 1, *20*), но спинки она почти не коснулась. В целом они имеют определенное сходство, но не более как в рамках общей принадлежности к культурам, унаследовавшим в той или иной сумме некоторые свидерские элементы. В то же время оленеостровский тип в раннем своем виде (из могильника) кажется более свидероидным, но заметно отличается от других постсвидерских форм западных территорий [19].

В свое время Н. Н. Гурина указывала на близость костяного инвентаря Оленеостровского могильника и стоянки Кунда, но аналогии кремневому, в том числе наконечникам стрел, видела в памятниках волго-окского круга [1, с. 99, 100, 252, рис. 58, 60]. Сходство это очевидно,

---

[11] Общая протяженность пути около 300 км вдоль восточного берега. Это предполагает наличие водных средств передвижения большой вместимости, которыми население того времени, вероятнее всего, обладало, если принять во внимание расположение большинства поселений на островах.

однако не со всеми известными там формами. Его нет с орудиями раннего этапа из нижних слоев стоянок Елин Бор и Коприно [20, с. 178—184, рис. 2, *26*; 21, с. 7—17, рис. 2, *32*]. В карельском мезолите не известны ни в чистом виде, ни как производные от них формы асимметрично-черешковые и с поперечным лезвием, которые обнаружены на многих стоянках (Черная Грязь I, Алтыново, Ладыжино III, Староконстантиновские IV и VI, Пеньково, Иенево и др. [22, с. 91—98; 23, с. 87—91; 24, с. 225—260; 25, с. 162—168; 26, с. 56; 27, с. 68]) и связываются с западным и юго-западным влиянием [22, с. 98], с так называемой пеневской культурой начала атлантического периода [24, с. 259, 260]. Асимметричные наконечники на отщепах выделены Н. Н. Гуриной на ряде стоянок верховий Волги [28, с. 81, 82]. Там присутствуют и свидероидные формы, но в незначительном количестве. Сходство последних с оленеостровскими проявляется в тех же общесвидерских рамках. Оленеостровский тип наконечников можно сопоставить только с теми волго-окскими формами, которые содержат свидерские признаки. Определенное сходство усматривается даже с изделиями из Бутовской стоянки [29, с. 92, рис. 36, *1—3, 6*]. Но на раннем этапе волго-окского мезолита свидероидных стрел не так уж много, и, кроме того, там известны иные — на пластинчатых отщепах и аренсбургские [30, с. 24]. Отчетливее близость с орудиями стоянок Лукино, Пищалкино, Силикатозаводских, Дмитровской II, местонахождения у поста бакенщика [31, с. 120—134, рис. 3, *15*; 5, *1, 4*; 6, *1, 6*; 8, *6*]. Наиболее ранние из них относятся к середине VII тыс. до н. э. [32, с. 10—12; 33, с. 30—32]. Сходны с оленеостровскими некоторые изделия среднего слоя стоянки Елин Бор [1, рис. 60, *1—8*; 20, рис. 2, *2*], Бологовской, Устье, Некрасово, Золоторучье III [34, с. 9—25, рис. 1, *14—16*; 2, *22, 23*; 5, *24, 25*; 6, *18*], Борки, Скнятино [1, с. 99; 35, рис. 58, *3*, 60, *9—31*], из мезолитических стоянок Умиленье [36, с. 105, рис. 35] и Федоровская [37, рис. 2, *1—3*]. С одними из них сходства больше, с другими меньше. Территориально самые близкие формы встречаются в памятниках ярославско-костромского течения Волги (Устье, Некрасово и др.), а также Нижней Оки (Елин Бор, средний слой; Борки и др.), соболевско-скнятинской группы и в отдельных ранних поселениях калининско-бутовской. Сходство это кажется более тесным, чем, например, с прибалтийскими постсвидерскими. Оно отчетливее с изделиями из Оленеостровского могильника, но волго-окские экземпляры ближе к свидерским. В них почти совершенно отсутствует обработка по краю со спинки по всему периметру или частично, т. е. основной признак оленеостровского типа. На этом основании можно было бы предположить более поздний возраст оленеостровских наконечников. В то же время по аналогии с западными они могут датироваться довольно ранним временем. Предложенная выше схема относительной периодизации карельских поселений с наконечниками стрел обоснована типологическими сопоставлениями мезолитических материалов и в целом подтверждается схемой развития берегов Онежского озера в голоцене. Согласно установленным датировкам, развитые формы оленеостровского типа наконечников стрел были известны в Карелии уже во второй половине VII тыс. до н. э. Содержащая их материальная культура имеет своеобразную каменную индустрию, базирующуюся на местном сырье со своими формами и способами изготовления орудий. Наиболее архаичные признаки ее выявлены в комплексах VII тыс. до н. э. В первую очередь это относится к сланцевому инвентарю; досланцевые или бессланцевые этапы ее в Южной Карелии неизвестны.

Поиски ближайших параллелей каменному инвентарю ранних памятников этой территории приводят в соседнюю область Восточного Прионежья, к комплексам типа Нижнее Веретье I, по времени синхронным им [38]. Напомним, что наконечники стрел из кремня в одних ранних южнокарельских памятниках не обнаружены, а в других (Оленеостровский могильник) имеются формы из местной породы (кварца), неэквивалентные свидерским образцам из южных областей. В Нижнем Ве-

ретье I кремневых стрел удивительно мало, и, возможно, не только потому, что их заменяли костяные[12]. Они не имеют аналогий с оленеостровским типом, равно как и с другими постсвидерскими вариантами, и, вероятно, ни с какими иными формами с западных территорий. Уже Н. Н. Гурина отмечала особую близость стрел из Оленеостровского могильника с экземплярами из Ягорбы I и Нижнего Веретья I [1, рис. 57, *7—10*]. Если с первыми сходство в общесвидерских рамках, то со вторыми оно теснее — присутствует та же сплошная обработка по спинке [39, рис. 21, *1*], как на орудии из стоянки Оровнаволок IX (рис. 1, *9*). Еще отчетливее оно с изделиями Андозера М. Каждому из пяти свидероидных экземпляров этой стоянки можно подобрать аналог в оленеостровском типе, причем они оказываются ближе всего изделиям из Оленеостровского могильника, что отмечала и С. В. Ошибкина [40, с. 21—27, рис. 2, *7—11*]. Это сходство не ограничивается наконечниками стрел, а может быть распространено на многие стороны материальной культуры. Существенные общие моменты (в погребальном обряде, принципах домостроительства, технике исполнения и формах сланцевых орудий и др.) содержаться во всех памятниках типа Нижнее Веретье I и одновозрастных им карельских всего бассейна Онежского озера, а не только его восточного побережья. Их куда больше, чем, например, с комплексами культур кунда и суомусъярви. Причина этого явления, вероятно, не только в территориальной близости карельских и восточноприонежских памятников и, наоборот, в географической обособленности и удаленности этих последних районов от области распространения прибалтийских культур. Кунда и суомусъярви скорее всего складывались при доминирующем влиянии раннемезолитических общностей Северной Европы [30], сходство с которыми мезолита лесной зоны Восточной Европы кажется несколько преувеличенным. Полученные за последние годы факты заставляют отделять материальную культуру Южной Карелии от культуры суомусъярви и считать оба эти образования вполне самостоятельными[13]. Тесная же близость суомусъярви и кунда, принадлежность первой к кругу культур Южной Скандинавии отмечались давно [41, с. 116]. Очень показательным представляется с этой точки зрения факт наличия в Андозере М и в Нижнем Веретье I кремневых наконечников стрел, происхождение которых установить пока трудно. Интересно также, что, например, наконечники стрел из мезолитических поселений бассейна Сухоны [38, с. 13—44], с одной стороны, ассоциируются с северодвинскими [42, с. 89—93] и волго-камскими [43, с. 94—99] (а также топоровидные орудия с выпуклой спинкой, скребки на мелких пластинках и т. д.), а с другой — с несвидероидными формами волго-окского региона, например из нижнего слоя Елина Бора. Свидероидные черты в них отсутствуют. Наконечники стрел этой традиции здесь, как и далее к востоку, встречаются эпизодически и, вероятно, имеют случайную природу появления.

Изучение материалов карельских мезолитических памятников приводит к мысли об их тесной близости, вероятнее всего, обусловленной генетическим единством с кругом волго-окских культур, и особенно с теми, основу которых составляла местная более ранняя среда. Присутствие некоторых свидерских элементов, отчетливее выраженных в наконечниках стрел, ставит вопрос об их появлении здесь.

В волго-окском мезолите свидерские признаки фиксируются с начала VIII тыс. до н. э., с наибольшей их концентрацией в области бутовской

[12] В мезолитических поселениях Карелии кость выступает в роли главнейшего вида сырья, используется для изготовления инструментов производственного характера [3, с. 160—181].

[13] Судя по публикации В. Лухо [41], основные формы сланцевых орудий (широкие, овально-линзовидные или подквадратные в поперечнике, острообушные, разнообразные топоры типа Рованиеми), кварцевый инструментарий (клювовидные резцы, наконечники стрел, острия), остальные виды инвентаря (сланцевые наконечники стрел, шаровидные булавы), составляющие культуру суомусъярви, в значительной степени отличаются от инвентаря карельских памятников бассейна Онежского озера.

культуры [30, с. 24, 25] и эпизодически в юго-восточных частях региона [15, с. 22—26; 27, с. 131—133; 33, с. 34, 35]. На территории Карелии они появились, вероятно, какое-то время спустя и опосредованно, через группу волго-окского населения, точнее, с частью ее, только воспринявшей некоторые черты свидерской культуры, но имевшей свои, местные древние способы обработки камня, формы орудий и т. д. Именно поэтому свидерские наконечники могли претерпеть столь быстрые трансформации в карельских комплексах.

Наиболее вероятным районом, из которого население могло проникнуть в бассейн Онежского озера, представляется ярославско-костромское течение Волги и далее к югу до низовьев Оки. Возможно участие населения из соболевско-скнятинского и в значительно меньшей степени калининско-бутовского локальных районов. Сходство наконечников стрел оленеостровского типа со свидероидными из разных мест волго-окского региона представляется одним из свидетельств в пользу предложенного вывода. Подтверждение ему видится также в присутствии в некоторых районах (соболевско-скнятинском и ярославско-костромском) рубящих орудий прямоугольных форм [33, с. 34, 35] и в отмеченных выше общих моментах в мезолите Восточного Прионежья, через которое, очевидно, проходил путь населения, обосновавшегося затем по берегам Онежского озера и рек его бассейна.

Существующие отличия волго-окского мезолита от карельского и восточноприонежского могут быть объяснены ранним выделением их в качестве самостоятельных образований и последующим существованием в несколько иной природной обстановке (бóльшая облесенность, суровее климат, иная сырьевая база и т. д.) и, возможно, в условиях некоторой изоляции. Дальнейшее развитие, по крайней мере в пределах Карелии, шло сравнительно быстро и почти без всякого последующего влияния извне. Об этом свидетельствует отсутствие в кремневом инвентаре и его сланцевых и кварцевых эквивалентах на отрезке времени от VI до IV тыс. до н. э. черт, характерных в это время для волго-окских культур, например наконечников стрел с поперечным лезвием, топоров с перехватом, резцов на углу сломанной пластинки и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник // МИА. 1956. № 47.
2. *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1. Мезолит. Л.: Наука, 1978.
3. *Филатова В. Ф.* Костяные изделия мезолитических поселений Оровнаволока // Мезолитические памятники Карелии. Петрозаводск, 1978.
4. *Персонен П. Э.* Раскопки мезолитических поселений на северо-восточном берегу Онежского озера // АО — 1981. М., 1983.
5. *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2. Неолит. Л.: Наука, 1978.
6. *Филатова В. Ф.* Отчет о работе Онежско-Водлозерского отряда за 1972 г. // Архив КФАН СССР. Ф. 1. Оп. 29. № 339.
7. *Девятова Э. И.* Первые результаты изучения палеогеографии археологических памятников Оровнаволока и Пегремы // Геология и полезные ископаемые Карелии. Оперативно-информационные материалы. Петрозаводск, 1981.
8. *Девятова Э. И.* Природная среда и ее изменения в голоцене. Петрозаводск: Карелия, 1986.
9. *Песонен П. Э.* Мезолитическое поселение Суна XIII // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск, 1982.
10. *Филатова В. Ф.* Древнейшие памятники юго-западного побережья Онежского озера // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск, 1982.
11. *Песонен П. Э.* Отчет о работе Медвежьегорского отряда за 1981 г. // Архив КФАН СССР. Ф. 1. Оп. 50. № 445.
12. *Косменко М. Г., Витенкова И. Ф.* Мезолитический слой поселения Муромское VII // СА. 1980. № 4.
13. *Филатова В. Ф.* Комплекс орудий Оленеостровской стоянки на Онежском озере // КСИА. 1971. Вып. 126.
14. *Панкрушев Г. А.* Раннемезолитические поселения долины р. Повенчанки // Поселения каменного века и раннего металла в Карелии. Петрозаводск, 1982.
15. *Кольцов Л. В.* Локальные группы волго-окского мезолита // КСИА. 1973 Вып. 137.
16. *Персонен П. Э.* Мезолитические памятники Кандалакшского берега // Мезолитические памятники Карелии. Петрозаводск, 1978.
17. *Jeanits J., Jeanits K.* Frühmesolitische Siedlung in Pulli // Изв. АН СССР. Обществ. науки. 1975. Т. 24, № 1.

18. *Indreko R.* Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948.
19. *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука, 1977.
20. *Кольцов Л. В.* Новые раскопки стоянки Елин Бор // МИА. 1966. № 126.
21. *Кольцов Л. В.* Стоянка у села Коприно на Верхней Волге // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: Наука, 1964.
22. *Крайнов Д. А.* Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь // КСИА. 1972. Вып. 131.
23. *Кольцов Л. В.* Мезолитический слой стоянки Алтыново // КСИА. 1972. Вып. 131.
24. *Жилин М. Г., Фролов А. С.* Мезолитическая стоянка Ладыжино III (по материалам раскопок 1976 и 1977 гг.) // СА. 1981. № 2.
25. *Бодунов Е. В., Воробьев В. М.* Мезолитическая стоянка Староконстантиновская VI // СА. 1974. № 4.
26. *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* Раскопки Пеньковской мезолитической стоянки // АО – 1975. М., 1976.
27. *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* Археологические исследования в Ярославской области // АО – 1977. М., 1978.
28. *Гурина Н. Н.* Основные особенности мезолитических памятников в верховьях Волги // КСИА. 1977. Вып. 149.
29. *Кольцов Л. В.* Мезолитическая стоянка Бутово (по раскопкам 1967 г.) // КСИА. 1971. Вып. 126.
30. *Кольцов Л. В.* О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы // СА. 1979. № 4.
31. *Бадер О. Н., Кольцов Л. В.* Мезолитические стоянки близ города Калинина // СА. 1974. № 1.
32. *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР. 1965.
33. *Кольцов Л. В.* Локальные группы волго-окского мезолита // КСИА. 1973. Вып. 137.
34. *Третьяков П. Н.* Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья // МИА. 1963. № 110.
35. *Третьяков П. Н.* Эпипалеолитические поселения Скнятских дюн // МИА. 1950. № 13.
36. *Гаврилова И. В.* Новые мезолитические памятники Костромской области // КСИА. 1967. Вып. 111.
37. *Гаврилова И. В.* Новые мезолитические находки Федоровского поселения // КСИА. 1973. Вып. 137.
38. *Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983.
39. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера европейской части СССР // МИА 1952. № 29.
40. *Ошибкина С. В.* Мезолитическая стоянка Андозеро // КСИА. 1979. Вып. 157.
41. *Luho V.* Suomusjärvi-kultur. Die mittel- und spätmesolitische Zeit in Finnland // SMYA. 1967. № 66.
42. *Верещагина И. В.* Мезолитические памятники на Северной Двине // КСИА. 1977. Вып. 149.
43. *Косменко М. Г.* Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. 1977. Вып. 149.

V. F. Filatova

FLINT ARROWHEADS OF THE KARELIAN MESOLITHIC

Summary

At a definite period of the Karelian Mesolithic flint arrowheads were fairly widespread. Forty-two items from 15 settlements around Lake Onega were added to the already known arrowheads obtained from the Oleny Ostrov burial ground. All of them come within the group termed the Oleny Ostrov type. Besides the type of the blank, which was a knife-shaped blade, this group is marked by steep or semi-steep sharpening along the back and the absence of sharpening on the lower side. According to their shapes the arrowheads are divided into willow-leaf (Fig. 1, *1-17*) and tanged artifacts (Fig. 1, *18-27*).

The type of processing and the general shape refer the Oleny Ostrov arrowheads to the Swidry artifacts. Their specificity makes them an independent post-Swidry variant. The dates of the sites testify that these objects appeared in Karelia in the latter half of the Boreal. The earliest objects with more pronounced Swidry features came from the Oleny Ostrov burial ground; further evolution unfolded in the local conditions. Similar objects came to light in the Mesolithic sites east of Lake Onega and from the Volga-Oka interfluve; their appearance in Karelia is associated with migrations from these areas.

А. Ю. АЛЕКСЕЕВ

ЗАМЕТКИ ПО ХРОНОЛОГИИ СКИФСКИХ СТЕПНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ IV В. ДО Н. Э.

Из многочисленных памятников скифской культуры середины — второй половины IV в. до н. э. самыми выдающимися являются курганы Чертомлыкский и Толстая Могила. Их исключительность определяется необыкновенным разнообразием многочисленного инвентаря погребений, а также сложностью и монументальностью погребальных сооружений. Обилие связей между элементами погребального обряда этих двух и большинства других «царских» захоронений, присутствие в могилах практически всех известных категорий изделий позволяет рассматривать Толстую Могилу и Чертомлыкский курган в качестве эталонных комплексов для характеристики культуры степной Скифии IV в. до н. э. Их относительная датировка сейчас уже ясна, и вывод ряда исследователей о более ранней дате Толстой Могилы представляется бесспорным [1, с. 67, 68; 2; 3, с. 258]. Абсолютная же хронология этих погребений нуждается в проверке и корректировке.

«Царские» погребальные вещевые наборы слагаются из находок различных типов — от высокохудожественных уникальных изделий, имевших престижный и парадный характер, до массовых, широко распространенных и утилитарных предметов. Первые могут жить долго, вторые относительно недолговечны. Время сооружения курганов скифской аристократии часто определяется без учета характера найденных в них изделий, что приводит исследователей одного и того же памятника к совершенно различным результатам. Так, например, М. И. Артамонов датировал Чертомлыкский курган по серебряным амфоре и тазу, золотым обкладкам горита и ножен меча примерно серединой IV в. до н. э., а И. Б. Брашинский по синопскому клейму из насыпи — концом этого же столетия [4, с. 52; 5, с. 89—110].

«Широкая» дата памятника (хронологический интервал между самым ранним и самым поздним предметом) такого класса, как скифский «царский» курган, имеет сложную структуру, которая включает четыре элемента, тесно связанных между собой: дату отдельной вещи, «узкую» дату (слагается из дат позднейших или самой поздней находки в могиле), дату «ядра» комплекса (хронологические рамки большинства вещей), время совершения захоронения (определяется или утилитарными вещами, фиксирующими время создания погребальных сооружений, например амфорами из насыпи, или позднейшей находкой из могилы: в последнем случае может совпадать с «узкой» датой) [6, с. 10].

Значимость этих элементов субъективна и меняется в зависимости от конкретной задачи исследования. Так, при определении генезиса и развития определенных категорий находок важна дата отдельной вещи и вещевого комплекса в целом. В решении вопроса об особенностях погребального ритуала бóльшее значение приобретает соотношение интервала «ядра» вещевого комплекса, «узкой» даты, времени совершения захоронения. Характеристика исторической ситуации в регионе прежде всего требует установления даты совершения захоронения и сооружения кургана. Для вычленения стандартных наборов и сочетаний вещей, определяющих отдельные этапы развития материальной культуры, необходимо учитывать две характеристики памятника: его «узкую» дату и время совершения захоронения.

Установление абсолютных дат «царских» курганов сделает реальным выделение наиболее характерных элементов в хронологических группах этих памятников и фиксацию этапов развития отдельных категорий находок в рамках 25—30 лет. На современном уровне исследований самым корректным методом определения времени, к которому относится подобный памятник, является учет прежде всего тех вещей, даты которых получены независимо от хронологии собственно скифских древностей, а также тех, наиболее близкие аналогии которым встречены в памятниках, прямо датированных подобными «независимыми» находками. И хотя отсутствие окончательно и безусловно установленной микрохронологии ряда категорий импортных изделий, например античной клейменой тары, некоторых разновидностей керамики, монет, вносит заметную неопределенность в результаты применения этого метода, это все же наиболее надежный источник абсолютных дат для скифской культуры и истории.

Даты отдельных вещей престижного характера, определенные датами памятников, содержащих близкие аналогии этим вещам, могут оказаться лишь отрезками на длинной реальной временной линии существования этих вещей и исказить дату совершения захоронения в скифской «царской» могиле. Ведь парадные предметы могли передаваться по наследству, изготавливаться в юности владельца или непосредственно к его погребению. Тем не менее учет их хронологических позиций необходим в тех случаях, когда синхронность хотя бы нескольких престижных вещей или их аналогий [1] позволяет проверить дату, построенную на хронологии утилитарных изделий. Совпадение или смыкание хронологических интервалов вещей обоих классов в достаточно узких пределах — наиболее простой и желательный вариант; несовпадение — вариант, требующий объяснения и вызывающий дополнительную проверку. Именно с такой позиции и следует рассмотреть возможности хронологического определения двух ключевых скифских «царских» курганов.

Курган Толстая Могила включает три последовательных захоронения — мужское, женское, детское. Б. Н. Мозолевский на основании керамических материалов, а также установленной промежуточной позиции погребальных комплексов относительно Солохи и Чертомлыкского кургана датировал Толстую Могилу серединой — началом третьей четверти IV в. до н. э. [3, с. 229]. В своей датировке Б. Н. Мозолевский опирался и на факт незначительного разрыва между временем совершения всех трех захоронений.

Первоначально иную дату предложил И. Б. Брашинский, который, определив принадлежность амфорного материала к первой половине IV в. до н. э., отнес сооружение кургана к третьей четверти IV в. до н. э. [1]. Позднее он отодвинул дату к середине IV в. до н. э. [2, с. 138]. Н. А. Онайко, отметив близость стеклянных фиал Толстой Могилы и Курджипского кургана и указав на хронологические рамки одного типа бляшек (лев, напавший на лань: 350—330 гг. до н. э.), посчитала возможным отнести Толстую Могилу к третьей четверти IV в. до н. э. или даже к концу этого периода [7, с. 258]. Близкая дата (345/340—320 гг. до н. э.) была предложена и мною [6, с. 20; 8, с. 35].

Для решения поставленной задачи важным является то, что ряд предметов, причем разного класса, из погребений Толстой Могилы находит аналогии в комплексах, относящихся к четырем последним десятилетиям IV в. до н. э. (рис. 1).

Очевидное типологическое сходство нагрудных украшений из Толстой Могилы и склепа № 4 Большой Близницы [3, рис. 57; 4, табл. 295] позволяет сделать вывод об их изготовлении не только в одном центре,

[1] Можно указать несколько основных комбинаций, в которых хронологические позиции престижных или парадных предметов окажутся пригодными для датирования «царских» погребений: 1) аналогии одному изделию найдены в различных, но синхронных или близких по времени сооружения памятниках; 2) аналогии нескольким вещам найдены в одном надежно датированном комплексе; 3) аналогии нескольким вещам найдены в разных синхронных памятниках. Все эти варианты характерны для вещевых наборов Чертомлыкского кургана и Толстой Могилы.

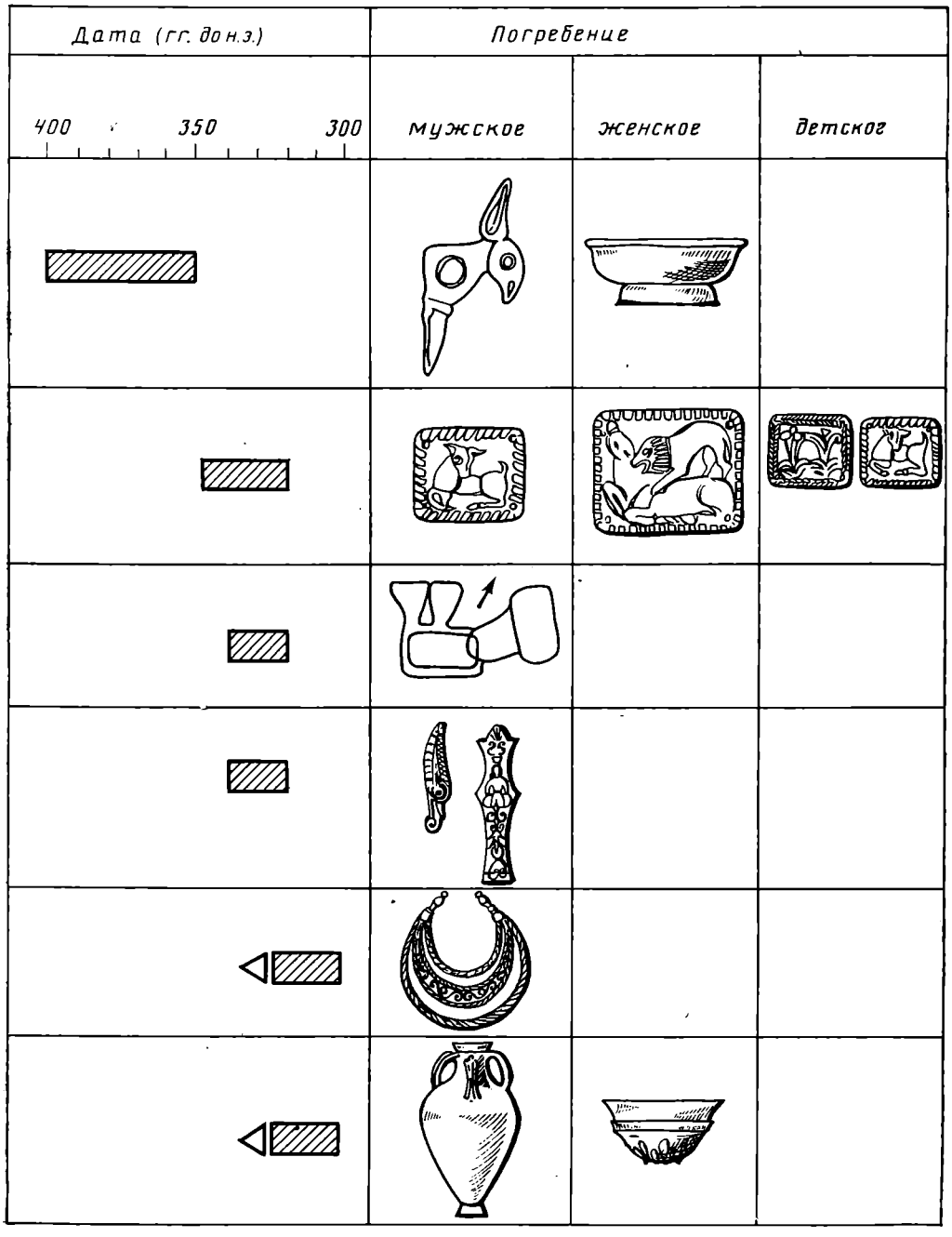


Рис. 1. Хронологические позиции некоторых находок из кургана Толстая Могила

но и, вероятно, в одной мастерской. Б. Н. Мозолевский, отнеся пекторали из Толстой Могилы к первой четверти IV в. до н. э., подтвердил это датой погребения Большой Близницы, по А. А. Передольской (начало второй четверти IV в. до н. э.) [3, с. 218; 9, с. 47]. Но хронология терракот и керамики из склепа № 4 была пересмотрена В. И. Пругло, что повлекло за собой и изменение даты его сооружения на конец IV, рубеж IV—III вв. до н. э. [10, с. 77]. Эта корректировка заставляет предположить более молодой возраст и пекторали из Толстой Могилы.

Из женского погребения Толстой Могилы происходят фрагменты стеклянной посуды, находящие ближайшие соответствия в Курджипском кургане [11, № 9—11]. В Курджипском кургане нашлась и аналогия трехручной амфоры из дромоса центрального погребения Толстой Могилы [3, рис. 51]. Часть тулова трехручной амфоры также найдена на Елизаветовском городище [12, табл. XXIII, *10*]. Но ручки елизаветовского сосуда были овальными в сечении и равномерно располагались по

окружности горла, что и отличает этот экземпляр от амфоры Толстой Могилы. Воспроизведения курджипской амфоры, к сожалению, не сохранились, и мы располагаем лишь ее описанием в отчете В. М. Сысоева: «Дно и одна (из трех) ручек большого сосуда, имевшего форму амфоры, но три ручки. Каждая ручка составлена из трех глиняных веревочек; длина ручки около 25 с., ширина до 4,5 с., толщина до 4 с. Дно кончается тупиком, длина обломка до 15 с., диаметр дна около 6 с. Глина красноватая; полная длина сосуда около 1 арш.» [13, л. 40]. Единственное различие между двумя амфорами заключается в длине ручек: в Толстой Могиле она составляет 16,5 см. Возможно, это расхождение следует объяснить небрежностью или ошибкой, вкравшейся в переписанный экземпляр отчета В. М. Сысоева, так как в его тексте чувствуется стандартизация в описании амфорных материалов (как правило, длина амфор определена в аршин, длина их ручек в 25 см). К тому же длина ручек могла быть замерена вместе с фрагментом стенки.

Совпадение формы ручек — трехчастных в сечении — и расположения их вокруг горла сосуда [2] свидетельствует если не о синхронности, то о хронологической близости амфор из Толстой Могилы и Курджипса. Между тем соотношение датирующих материалов в последнем позволило Л. К. Галаниной отнести курган к 325—300 гг. до н. э. Для фиалы, правда, не исключена вероятность более ранней датировки — в рамках второй половины IV в. до н. э. [11, с. 55].

Парадные или редкие вещи (нагрудник, стеклянная фиала), даже имея близкие аналогии в хорошо датированных памятниках, в отдельности еще не определяют «узкую» дату погребений Толстой Могилы, поскольку срок жизни этих вещей остается неясным. Тем не менее в данном случае важно, что два независимо датированных памятника (склеп № 4 Большой Близницы и Курджипский курган) указывают на последние десятилетия IV в. до н. э. как опорный отрезок при определении времени этих предметов. Подтверждает это и комплектность находки трехручной глиняной амфоры (изделия хоть и редкого, но скорее утилитарного) со стеклянной фиалой, отмеченная и для Толстой Могилы, и для Курджипса.

В специальной работе мною была обоснована близость Толстой Могилы и Цимбалки (по сходству конструкций погребальных сооружений, обряда конских жертвоприношений и украшений конского оголовья) [8]. Дата же Цимбалки определяется фасосским клеймом из насыпи в пределах 340—320 гг. до н. э.

Некоторые украшения из Толстой Могилы (часть нашивных бляшек, пластин калафа и др.) идентичны или близки вещам из погребений второй половины IV в. до н. э. Так, квадратные бляшки с изображением лежащего бычка, льва, терзающего лань (выполнены в сходной стилистической манере и композиционно тождественны более широко распространенным бляшкам, на которых лев терзает оленя), двух цветков датируются 350—320 гг. до н. э. на основании нумизматических аналогий и находок сходных или тождественных изделий в Чертомлыкском кургане, первичном погребении Мелитопольского кургана и центральном склепе Огуза. Подобное объяснение такой дате будет предложено далее в разделе о Чертомлыкском кургане.

В то же время должна быть учтена и объяснена дата чернолаковой миски из женского погребения. Б. Н. Мозолевский отнес ее к первой половине IV в. до н. э., хотя сосуды подобной формы встречаются и в середине, и в третьей четверти этого столетия [14, № 535; 15, № 806]. Больше оснований для ранней датировки дает характер орнаментации, известной даже на изделиях конца V в. до н. э. [15, № 789]. Помимо аналогий, приведенных Б. Н. Мозолевским, следует указать еще одну. По форме и орнаментации миска чрезвычайно близка сосуду из впускного погребения кург. 4 Носаковской группы [16, рис. 20, *1*]. Килик, най-

[2] В отчете В. М. Сысоева приведен схематический рисунок участка раскопа, на котором представлен вид трехручной амфоры сверху [13, л. 76].

денный в этом комплексе вместе с миской, по форме относится к первой половине IV в. до н. э. [16, рис. 20, *2*]. Но следует отметить, что факты полного или частичного несовпадения дат греческой керамической посуды и других находок, происходящих из одного комплекса, не единичны. Интервал между временем изготовления сосуда и временем его попадания в могилу может быть различным. Следует учитывать несколько факторов, самый очевидный из которых — использование большинства сосудов в быту. Этот интервал не всегда улавливается при датировке рядовых погребений. Иначе обстоит дело для могил аристократии, предоставляющих возможности проверки даты по другим категориям изделий. Так, например, не совпадают хронологические рамки чернолаковой чашечки и трех амфорных клейм в Чертомлыкском кургане [17]; чернолаковая пелика первичного погребения Мелитопольского кургана датируется серединой IV в. до н. э., а один тип бляшек оттуда же (бородатая голова в венке влево) воспроизводит аверс боспорских статеров 330—300 гг. до н э. (ср.: [18, рис. 2; 19, табл. III, *32*, *33*]). Находки в богатых захоронениях, например в Рыжановском кургане, реставрированной греческой керамики [20, рис. 31], по-видимому, свидетельствует о длительности употребления чернолаковой посуды и бережном отношении к ней в варварской среде. Поэтому представляется, что даты импортной греческой посуды не всегда соответствуют позднейшим вещам из комплекса и, как и парадные вещи, нередко определяют terminus post quem захоронения.

Учитывая все данные о датировке Толстой Могилы, демонстрирующие протяжение хронологических связей в первую половину IV в. до н. э.[3] и, что особенно важно, в конец столетия, наиболее вероятным промежутком времени, к которому относятся позднейшие вещи и в который были произведены все три захоронения, следует, видимо, считать период около 340—320 гг. до н. э. (рис. 1).

Чертомлыкский курган. Даты, предложенные для этого памятника, варьируют в пределах от середины до конца IV в. до н. э. Подробный анализ некоторых категорий инвентаря позволил установить, что греческая чернолаковая керамика датируется временем около 350—320 гг. до н. э., а хронологический диапазон трех амфорных клейм из насыпи (синопское, херсонесское и, вероятно, родосское; хранятся в Эрмитаже) ограничен последней четвертью IV — началом III вв. до н. э. [17]. Это практически единственные импортные изделия из комплекса с более или менее надежной и узкой датировкой. Исключением является лишь необыкновенно богатый набор нашивных украшений, но он хронологически неоднороден и в целом датируется широко — второй половиной IV в. до н. э. Рассмотрим экземпляры бляшек, имеющие наиболее надежные даты, а также и некоторые другие изделия (рис. 2).

Четырехугольная бляшка с изображением льва, напавшего на оленя. Повторения штампа неизвестны. Ближайшие аналогии — в курганах Толстой Могиле, Носаковском 4-м. На основании нумизматических аналогий сюжету, представленных на киликийских монетах Мазея (361—333 гг. до н. э.) и херсонесских (350—330 гг. до н. э.), следует ограни-

[3] Вероятна хронологическая близость некоторых изделий из Толстой Могилы вещам первой половины IV в. до н. э., прежде всего из впускного погребения Солохи: оковка булавы или шестопера [21, с. 157], характер оформления краев некоторых бляшек [3, с. 209], одна разновидность конских наносников, почти идентичная солохинской (убор четвертого коня) [3, рис. 19, *1*].

Terminus post quem впускного погребения Солохи может быть приблизительно определен по чернолаковому килику [22, табл. VIII, *326*]. Н. А. Онайко отнесла этот сосуд ко времени не позднее второй четверти IV в. до н. э. [22, с. 98]. Килик по форме и орнаменту находит аналогии среди сосудов афинской агоры рубежа V—IV, начала IV в. до н. э. [15, № 619, 621, 803]. Т. Иванов для подобного килика из могильника Аполлонии предложил более широкую дату — первая половина IV в. до н. э. [14, с. 184, № 424]. Находка аналогичного по форме сосуда из бокового погребения кург. 4 Носаковской группы как будто бы подтверждает предпочтительность именно широкой даты. Таким образом, время совершения впускного захоронения Солохи следует предварительно отнести к рубежу первой — второй четверти IV в. до н. э., не исключая окончательно вторую четверть этого столетия.

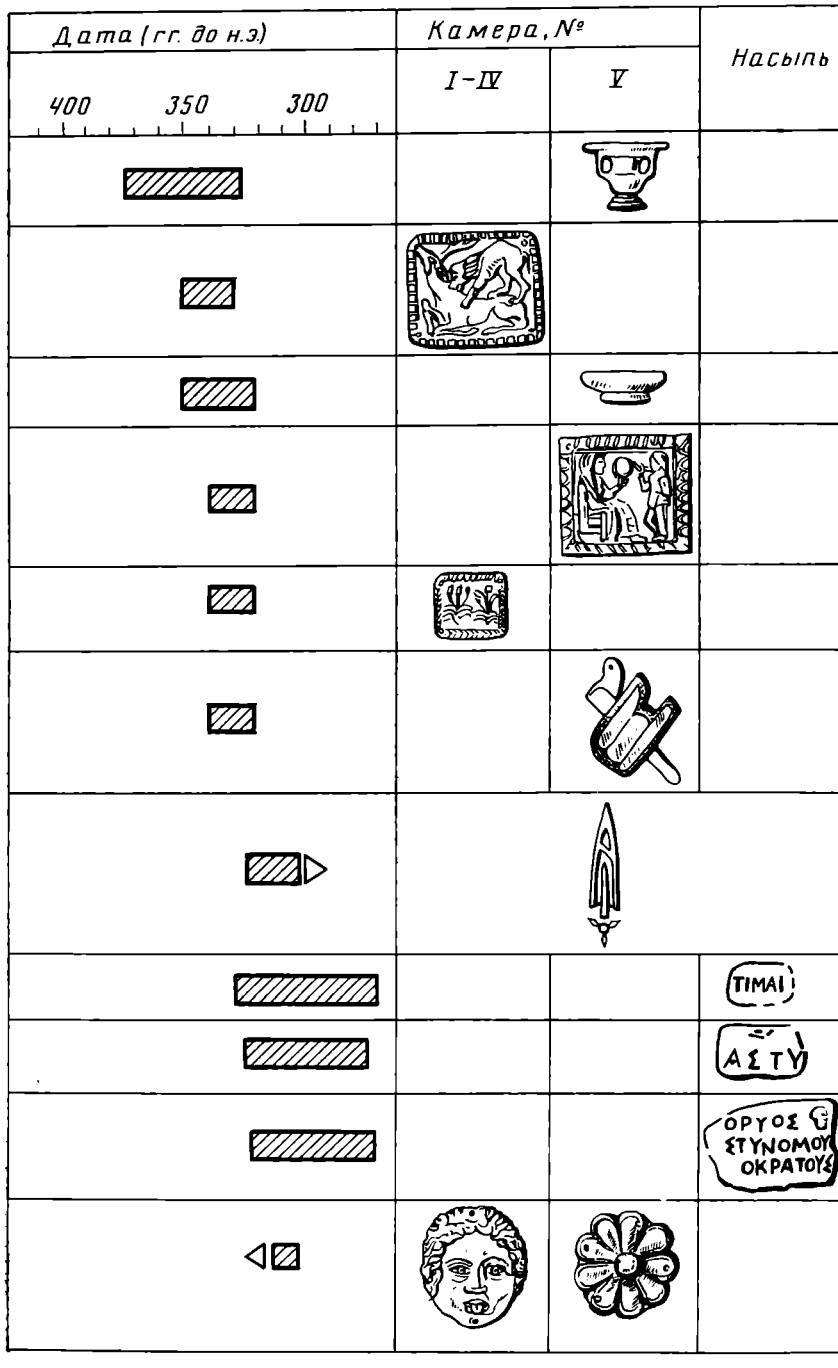


Рис. 2. Хронологические позиции некоторых находок из Чертомлыкского кургана

чить нижний рубеж бытования данных бляшек началом второй половины IV в. до н. э. [7, с. 252; 23, с. 49, 50]. Верхний хронологический рубеж определяется с бóльшим трудом. Но поскольку бляшки этого типа не встречаются в наиболее поздних скифских курганах конца IV в. до н. э. (Александропольском, Деевом, Краснокутском и др.), предположительно временем исчезновения этих украшений можно считать 330—320 г. до н. э.

Четырехугольные бляшки с изображением богини с зеркалом и скифа с ритоном. Повторения штампа известны в курганах Куль-Оба, Носаковском 4-ом, боковой могиле Огуза (раскопки Ю. В. Болтрика). Бляшки с аналогичным сюжетом, но отличающиеся проработкой деталей и, вероятно, являющиеся вторичными по времени, происходят из впускных погребений Мордвиновского, Мелитопольского курганов, из Верхнего Рогачика.

В Куль-Обе была найдена фасосская амфора с клеймом, относящимся, по Ю. Г. Виноградову, ко времени после 320 г. до н. э. [24, 25].

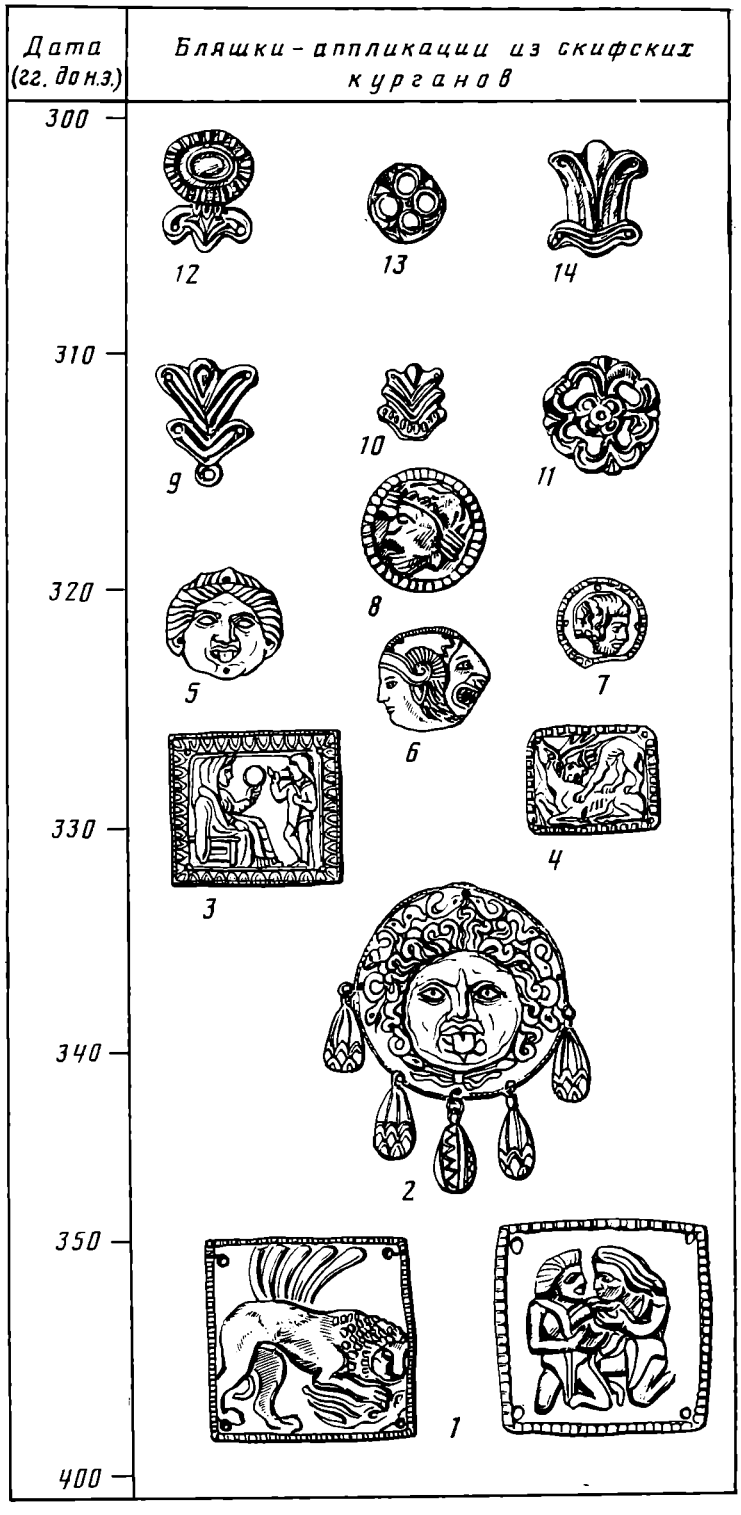


Рис. 3. Тенденция изменения нашивных украшений из скифских курганов IV в. до н. э. *1* – Солоха; *2–7*, *10* – Чертомлыкский курган; *8* – Мелитопольский курган; *9*, *11–14* – Александропольский курган

Но полностью переносить эту дату на комплекс нашивных украшений нельзя, так как синхронность амфоры и бляшек с одним из захоронений Куль-Обы однозначно не устанавливается.

В первичной могиле Мелитопольского кургана были найдены круглые бляшки с изображением бородатой головы влево в венке (рис. 3, *8*), сопоставленные Н. А. Онайко с боспорским монетным типом сатиров третьей четверти IV в. до н. э. [22, с. 49]. Формально изображения на

этих бляшках признаются близкими к статерам 330—315 гг. до н. э., а по «сравнительно мягкой трактовке лица» — к более ранним монетам. Но все же одна характерная деталь изображений на бляшках — вздернутая борода сатира — является диагностичной и указывает на монеты именно последней трети IV в. до н. э. [19, с. 93, 101]. Из этого же комплекса происходит и чернолаковая пелика, пропорции которой (низкое пухлое тулово, невысокое горло, развитые ручки) близки пропорциям сосудов второй — третьей четверти IV в. до н. э. [18, рис. 8; 26, рис. 2, *3*]. Н. А. Онайко отнесла эту пелику к середине IV в. до н. э. [22, с. 17].

По-видимому, датировка бляшек с сидящей богиней из вторичной, более поздней гробницы временем после 330 г. до н. э. не будет ошибочной. Синхронными или чуть более ранними должны быть и чертомлыкские бляшки — около 340—320 гг. до н. э.

Квадратные бляшки с двумя цветками. Изделия, изготовленные с помощью того же штампа, известны в первичном погребении Мелитопольского кургана, центральном склепе Огуза, детском погребении Толстой Могилы. По датам Мелитополя и Толстой Могилы бляшки можно отнести примерно к 340—320 гг. до н. э.

Два типа круглых бляшек — розетка и личина Медузы. Оттиснутые тем же штампом изделия найдены в 1-й жженой гробнице («а») Большой Близницы [4], датируемой посмертным статером Александра Македонского последним десятилетием IV в. до н. э. [29, с. 89]. Подобные бляшки-горгонейоны и розетки известны и в других погребальных комплексах — в Толстой Могиле (первичное погребение), Цимбалке, Чмыревой Могиле (боковое), склепе № 4 Большой Близницы. Но выполнены они другими штампами (за исключением, вероятно, одного типа Медузы Горгоны из Чмыревой Могилы). Для датировки чертомлыкских экземпляров прежде всего имеет значение их идентичность вещам из жженой гробницы Большой Близницы, а также то, что тождественна в данном случае серия, состоящая из двух разновидностей. Таким образом, датировать чертомлыкские бляшки следует временем никак не раньше последних десятилетий IV в. до н. э.

Обкладки горита со сценами из жизни Ахилла и ножен с изображением боя греков и варваров [4, табл. 181, 183]. Обкладки, оттиснутые с тех же матриц, происходят из Ильинецкого кургана, вторичного погребения Мелитопольского и 8-го Пятибратнего.

В Мелитопольском кургане вторичное захоронение было проведено в последней трети IV в. до н. э. В дромосе склепа 8-го Пятибратнего кургана была найдена синопская амфора с клеймом астинома Хабрия, датирующимся, по В. И. Кацу, переходным периодом между I и II группами синопских клейм (335—320 гг. до н. э.) [30, с. 18]. И. Б. Брашинский отнес это клеймо к I группе и датировал его третьей — началом последней четверти IV в. до н. э. [13, с. 121, М128] [5]. В этом же склепе были найдены круглые золотые нашивные бляшки с изображением мужской безбородой головы вправо, боспорские нумизматические прототипы ко-

[4] Л. Стефани ошибочно отнес бляшки-розетки к склепу № 1 [27, табл. III, *18*]. В рукописной описи находок И. Е. Забелина из гробницы 1864 г. («а») под № 18 значатся бляшки-розетки 5/8 вершка в диаметре, под № 19 — бляшки-розетки 4/8 вершка в диаметре, размеры которых соответствуют размерам изделий, опубликованных в Атласе [27, л. 14; 28, табл. III, *18*, *36*]. Большие розетки диаметром около 5 см, по Стефани, якобы обнаруженные в жженой гробнице, в описи Забелина не значатся.

[5] Необходимо иметь в виду вероятность разновременного захоронения в склепе двух мужчин. С каким из погребенных в этом случае следует связать 14 амфор из дромоса, остается неясным. Попутно замечу, что в работе не учитывается присутствие в комплексах гераклейских клейм, так как их хронология — одна из наиболее дискуссионных проблем керамической эпиграфики. Показательно, что гераклейские клейма из Деева, Александропольского, Чертомлыкского (раскопки Б. Н. Мозолевского 1981 г.) курганов были отнесены И. Б. Брашинским к первой половине — середине IV в. до н. э. (определения были сделаны по моей просьбе). Эта дата плохо соответствует даже самым общим представлениям о хронологии скифских и античных древностей IV в. до н. э.

торых относятся ко времени 340—315 гг. до н. э. [19, табл. IV, *41, 52*, V, *55*; 31, № 2341—78].

Для определения хронологической позиции чертомлыкских обкладок важны и даты погребений, в которых найдены изделия с другим набором изображений, но относящиеся к той же «троянской» серии,— гориты с эпизодом взятия Трои — из гробницы в Вергине в северной Греции [6] и в Карагодеуашхе [3, с. 49—51; 34]. Первая датирована М. Андроникосом по керамическим материалам 350—325 гг. до н. э. Датировка Карагодеуашха не может быть выражена столь определенно, и уверенно можно отнести этот памятник лишь ко второй половине IV в. до н. э. Все приведенные датировки совпадают в узком интервале около 340—320 гг. до н. э. Вероятно, и чертомлыкские обкладки могут быть отнесены к этому же времени.

Наконечники стрел — трехлопастные, башневидные, со слегка вогнутыми ребрами и с рельефной косой перемычкой на каждой грани. Тождественные, отлитые в одной форме или по одной модели наконечники происходят из могилы «слуги» (Деев курган [35, с. 168, 169]). Эта могила датируется находкой 11 амфор, две из которых (гераклейская и синопская) клейменые. Дата синопского клейма, по мнению И. Б. Брашинского, является определяющей: от верхней строчки сохранились три первые и шестая буквы «К Е Р . . Е». Этот экземпляр относится к группе фабрикантских клейм с именем и отчеством гончара. Большинство подобных клейм было помещено В. Н. Граковым в III группу [36, с. 135, 136], которая, следуя модифицированной хронологии И. Б. Брашинского, датируется 270—220 гг. до н. э. В первых двух группах применение этого термина единично. В. И. Цехмистренко, посвятивший специальную статью синопским клеймам с именами гончаров, отнес клейма этой группы к концу IV — началу III в. до н. э. или же к последней четверти IV в. до н. э. [37, с. 71]. Следовательно, и наконечники из Деева кургана, и тождественные им наконечники Чертомлыкского кургана могут быть датированы временем не ранее последней четверти IV в. до н. э.

Совпадение временны́х интервалов большинства датированных вещей приходится примерно на 330—310 гг. до н. э. Значит, «узкая» дата комплекса должна определяться в рамках последней трети IV в. до н. э. Захоронение и завершение сооружения курганной насыпи было проведено, судя по трем эрмитажным клеймам, или в это же время, или в последней четверти IV в. до н. э. (рис. 2).

Возможности сравнительной характеристики некоторых наиболее показательных изделий и их наборов из памятников круга Толстой Могилы и Чертомлыкского кургана могут быть продемонстрированы на примере двух категорий — украшений конской сбруи и нашивных бляшек.

Б. Н. Мозолевский выделил в конских погребениях Толстой Могилы два основных типа уздечных уборов [3, с. 184], которые являются характерными и для других погребальных комплексов скифской знати: 1) пластинчатые налобники различной формы и с различными изображениями, «крыловидные» нащечники, круглые бляхи с антропоморфными изображениями; 2) литые наносники в виде скульптурных головок фантастических существ на фигурных пластинах с гравированным орнаментом; нащечники, выполненные в виде стилизованной задней части туловища животного (одна разновидность — пластины с гравированным рисунком); круглые литые петельчатые бляхи.

Сейчас известны серии комплексов, в которых эти наборы украшений уздечек встречаются как в чистом виде, так и в сочетании друг с другом, что позволяет выделить несколько групп погребений. Погребения группы «а» — с наборами 1-го типа: Солоха (первичное погребение), Бердянский курган. В этих курганах найдены и детали оголовья иного типа, но объединяет эти памятники отсутствие круглых блях с антропоморф-

---

[6] Эта находка позволяет поддержать точку зрения А. П. Манцевич о балканском происхождении обкладки ножен «чертомлыкского» типа, хранящейся в музее Метрополитен в Нью-Йорке [32, с. 113].

ными изображениями, характерных для другой группы погребений. Группа «б» — с наборами 1-го и 2-го типов: Толстая Могила (первичное погребение), Цимбалка, Чмырева Могила (боковое), 8-й Пятибратний. В первых двух памятниках наборы 1-го типа полные, в двух других найдены лишь «крыловидные» нащечники. В Толстой Могиле, Цимбалке, Чмыревой Могиле присутствуют и нащечные бляхи с изображениями личин, причем в Цимбалке и Чмыревой Могиле золотые оболочки некоторых таких блях выполнены одним штампом. Погребения группы «в» — с наборами 2-го типа («чертомлыкский» тип узды): Чертомлыкский курган, Лемешев (центральное погребение), Мелитопольский (вторичное), Мордвиновский II. К этой же серии примыкают и конские погребения Огуза, Краснокутского кургана, Козла, часть уздечных украшений которых выполнена во Фракии или под влиянием фракийского художественного стиля.

Датировка комплексов группы «а» не входит в задачу настоящей статьи, хотя очевидно, что они не выпадают за рамки конца V — первой половины IV в. до н. э. [6, с. 20]. Хронология наборов группы «б» может быть определена 350—320 гг. до н. э. на основании опорных «узких» дат Толстой Могилы, Цимбалки (340—320 гг. до н. э.), 8-го Пятибратнего (около 330—320 гг. до н. э.). Украшения конского оголовья группы «в» по «узкой» дате Чертомлыкского и Мелитопольского курганов относятся к последней трети IV в. до н. э. Снаряжение коней этой группы дополнено еще одной категорией находок, не характерной для памятников круга Солохи и Толстой Могилы,— седельными обивками в виде пластин с зубцами и гладких лент. Полные наборы из пластин этих двух типов известны в Чертомлыкском кургане и Козле. Пластины с зубцами найдены в Огузе, в разграбленном погребении в с. Покровка, в Александропольском кургане и в Желтокаменной Могиле.

Единственным памятником, нарушающим на первый взгляд предложенную хронологическую схему, является Желтокаменная Могила, в гробнице которой обнаружены фрагменты фасосских клейменых амфор 340—320 гг. до н. э. [38, с. 204]. Но они находились в первичном дромосе близ входа в камеру и, вероятно, связаны с первичным же захоронением. Серебряные накладки на седла обнаружены у лошадей, лежавших в дромосе вторичного захоронения. Величина хронологического разрыва между двумя последовательными захоронениями не устанавливается достоверно, но сам факт его существования не дает оснований для полной синхронизации даты клейм с датой вторичного захоронения в центральной гробнице кургана.

Итак, одновременное использование в качестве украшений оголовья «царских» погребальных коней наборов 1-го и 2-го типа относится к периоду около 350—320 гг. до н. э. Для трех последних десятилетий IV в. до н. э. характерны украшения конской сбруи 2-го типа и пластины, украшавшие седла. За рамками схемы остался памятник, конские украшения которого лишь частично соответствуют обычным степным изделиям конца IV в. до н. э.,— Александропольский курган. Украшения оголовьев коней, относящихся к его захоронениям, слагают четыре разновидности наборов, происхождение и датировка которых составят предмет специального исследования.

Тенденция изменения скифских нашивных бляшек IV в. до н. э. определена на основании изучения коллекций большинства «царских» курганов: от сложных антропо- и зооморфных композиций и отдельных фигур к орнаментальным, заполненным растительными мотивами бляшкам, различным розеткам [6, с. 9]. Эта тенденция подтверждается и сравнительным анализом «эталонных» памятников, демонстрирующим заметные отличия в наборах их нашивных украшений. Так, во всех трех погребениях Толстой Могилы найдено 17 разновидностей бляшек, лишь две из которых (в детском — позднейшем погребении) орнаментальны: розетка и квадратная с двумя цветками (около 12%). В Цимбалке из трех типов бляшек нет ни одной розетки (правда, это погребение было сокрушительно разграблено). Во впускной, также ограбленной могиле Чмырева кур-

гана из 10 разновидностей бляшек (не учтены варианты треугольников с псевдозернью) лишь одна в виде розетки (10%).

Напротив, в Чертомлыкском кургане из 43 штампов бляшек (не учитываются разновидности полусферических и треугольников с псевдозернью) 15 — бляшки с растительным орнаментом и розетки (около 35%). В Александропольском кургане такие бляшки из 52 разновидностей составляют 17 штампов (около 33%). Для степных скифских памятников последней трети IV в. до н. э., пожалуй, в большей степени характерны еще два типа этих украшений: с профильным изображением голов «монетного» типа, не известных в Солохе, Толстой Могиле, Цимбалке, Чмыревой Могиле и других ранних курганах, и ажурные бляшки, найденные в 8-ом Пятибратнем, Александропольском, Рыжановском курганах, жженой гробнице «а» Большой Близницы — памятниках последних десятилетий IV в. до н. э.

Отмеченные особенности позволяют считать присутствие и, наоборот, частичное или полное отсутствие в погребениях некоторых типов бляшек-аппликаций хронологическими индикаторами двух периодов (рис. 3): 350—320 гг. до н. э. (отсутствие бляшек «монетного» типа, растительных и орнаментальных мотивов на бляшках) и 330—300 гг. до н. э. (присутствие в наборах бляшек с «монетными» типами, розеток, ажурных экземпляров). Следует, правда, еще раз подчеркнуть, что отмеченное развитие проявляется в виде тенденции.

Включение в схему более ранних памятников и расширение круга категорий изделий приведет, несомненно, к еще более дробной хронологической периодизации скифских древностей IV в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брашинский И. Б.* К вопросу о датировке кургана Толстая Могила // XVII конференция ИА АН УССР. Тез. докл. Ужгород, 1978.
2. *Брашинский И. Б.* В поисках скифских сокровищ. Л.: Наука, 1979.
3. *Мозолевський Б. М.* Товста Могила. Київ: Наук. думка, 1979.
4. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Гос. Эрмитажа. Прага – Ленинград: Артия – Сов. художник, 1966.
5. *Брашинский И. Б.* Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // Eirene. Вып. 4. Praha, 1965.
6. *Алексеев А. Ю.* Чертомлыкский курган и его место среди погребений скифской знати IV – начала III вв. до н. э.: Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1982.
7. *Онайко Н. А.* О новых публикациях античной торевтики из скифских курганов Приднепровья // СА. 1982. № 4.
8. *Алексеев А. Ю.* Курган Цимбалка и дата его сооружения // СГЭ. 1982. Вып. XLVII.
9. *Передольская А. А.* Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметры // Тр. ГЭ. 1962. Т. 7.
10. *Пругло В. И.* К вопросу о дате кургана Большая Близница // СА. 1974. № 3.
11. *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV в. до н. э. Л.: Искусство, 1980.
12. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980.
13. *Сысоев В. М.* Отчет о раскопках Курджипского кургана // Архив ЛОИА. Ф. 1. 1896. Д. 118.
14. *Иванов Т.* Антична керамика от некропола на Аполония // Аполония. София, 1963.
15. *Sparkers B. A., Talcott L.* Black und Plain Pottery of the 6, 5 and 4 centuries B. C. // The Athenian Agora. 1970. V. 12. Pt 1, 2.
16. *Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П.* Курганный могильник в уроч. Носаки // Курганные могильники Рясные Могилы и Носаки: Киев: Наук. думка, 1977.
17. *Алексеев А. Ю.* К вопросу о дате сооружения Чертомлыкского кургана (по керамическим материалам) // АСГЭ. 1981. Вып. 22.
18. *Тереножкин А. И.* Скифский курган в Мелитополе // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 5.
19. *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора в VI—III вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
20. *Самоквасов Д.* Могилы Русской земли. М., 1908.
21. *Черненко Е. В.* Оружие из Толстой Могилы // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
22. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. // САИ. 1970. Вып. Д1-27.
23. *Алексеев А. Ю.* Чертомлыкский курган и его место среди погребений скифской знати IV – начала III в. до н. э.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л.: ЛГУ, 1982 // Библиотека ЛГУ.

24. *Брашинский И. Б.* Фасосская амфора с клеймом из кургана Куль-Оба // СГЭ. 1975. Вып. X.
25. *Виноградов Ю. Г.* Керамические клейма острова Фасос // НЭ. 1972. Вып 10.
26. *Кобылина М. М.* Поздние боспорские пелики // МИА. 1951. № 19.
27. О раскопках И. Е. Забелина на Таманском полуострове в 1964 г. // Архив ЛОИА. Ф. 1. 1864. Д. 14.
28. ОАК за 1865 г. СПб., 1866.
29. *Зограф А. Н.* Статеры Александра Македонского из керченских и таманских находок // Тр. Отдела истории и искусства античного мира. Т. 1. Л., 1945.
30. *Кац В. И.* Экономические связи позднеклассического Херсонеса (по данным амфорных клейм) // Античный мир и археология. Вып. 4. Саратов, 1979.
31. Фотоархив ЛОИА, альбом 0.2341.
32. *Манцевич А. П.* Парадный меч из кургана Солоха // МИА. 1969. № 150.
33. *Манцевич А. П.* К открытию царской гробницы в Македонии в 1977 г. // СГЭ. 1979. Вып. XLIV.
34. *Andronicos M.* The Royal Graves at Vergina. Athens, 1980.
35. *Спицын А. А.* Серогозские курганы // ИАК. 1905. Вып. 19.
36. *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928.
37. *Цехмистренко В. И.* Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров // СА. 1960. № 3.
38. *Мозолевский Б. Н.* Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.

A. Yu. Alexeyev

NOTES ON THE CHRONOLOGY OF SCYTHIAN STEPPE ANTIQUITIES OF THE 4th CENTURY B. C.

Summary

Dwells on dating two most significant Scythian royal mounds of the 4th century B. C.: the Tolstaya Mogila and the Chertomlyk mounds. A comparison of dates of the artifacts with analogies from the reliably dated complexes gives the date between c. 340-320 B. C. for the Tolstaya Mogila and c. 325-300 B. C. for the Chertomlyk. The dates thus obtained reveal a tendency of a change evident in some categories of Scythian and Graeco-Scythian artifacts of the 4th century B. C.: ornaments and parts of harness developed from the sets which included wide lamellar chamfrons and winged cheek pieces to the sets comprising smaller relief nose pieces on lamellar foundations and cheek pieces styled like hind paws, and lamellar open-work saddle covers; sewn-on plates developed from the artifacts carrying intricate anthropo- and zoomorphic images to a greater number of rosettes and floral designs.

В. Г. ЗУБАРЕВ, А. А. МАСЛЕННИКОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА ПО КЛАВДИЮ ПТОЛЕМЕЮ

К исторической географии Боспора исследователи обращались еще в начале XIX в. Достаточно вспомнить неутомимого Поля Дюбрюкса, который, по его словам, опираясь на полусажень и имея спутниками только собственные недуги, исходил и изъездил почти весь Керченский полуостров. С тех пор «белых пятен» стало меньше, но к проблемам исторической географии полуострова приходится возвращаться вновь и вновь.

Помимо крупных боспорских городов, расположение которых надежно установлено надписями и безоговорочными свидетельствами античных авторов (Пантикапей, Нимфей, Китей, Феодосия, Киммерик, возможно, Савроматий), локализация остальных хотя в основном общепринята, но не бесспорна. Кроме того, в последние десятилетия открыты и отчасти раскопаны безымянные античные поселения, подчас довольно значительные. Естественно, заманчиво соотнести их с дошедшими до нас названиями и тем самым хотя бы частично расширить наши представления о древней географии европейского Боспора.

В этой связи особый интерес представляет «Географическое руководство» Клавдия Птолемея (далее для краткости — «География»), привлекающее обилием различных названий, зачастую только у него и встречающихся. Кажущаяся точность координат давно соблазняла исследователей, от Ф. А. Брауна и Ю. Кулаковского до А. Н. Щеглова и С. Н. Муравьева, расположить упоминающиеся Птолемеем пункты на современной карте. Историография этого вопроса хорошо известна, что избавляет нас от необходимости соответствующих ссылок.

Предпринимая еще одну такую попытку, авторы в полной мере отдают себе отчет о всех сложностях работы, возможностях иной интерпретации сведений Птолемея и, следовательно, определенной гипотетичности своих выводов.

Как известно, каждый пункт в труде Птолемея отмечен вычисленными координатами. При этом наряду с верными положениями имеются и крупные ошибки, обусловленные уровнем географических знаний того времени (суша занимает больше места, чем водное пространство, Средиземное море излишне вытянуто в длину, площадь Азовского моря завышена по широте, а всей Восточной Европы уменьшена и т. п.). К этому надо добавить неверное исчисление длины градуса, неточности измерений и ошибки поздних переписчиков. Вместе с тем данные Птолемея ценны, так как основаны на использовании разновременных периплов, периегестов, римских официальных «справочников» и карт. Птолемей предполагает две картографические проекции: простую коническую с прямыми меридианами, расходящимися из одного центра, и кривыми параллелями и стенографическую — с кривыми параллелями и меридианами, кроме среднего, равного 90° полусферы (Ptol., XXIV).

Если, следуя ему, на географическую сетку координат (в простой конической проекции) перенести указанные в «Географии» пункты п-ова Херсонеса Таврического, соответственно изменив масштаб, то получим карту в том виде, в каком ее представлял Клавдий Птолемей. Сильное искажение ее по сравнению с современной объясняется тем, что вслед за Марином Тирским, своим непосредственным предшественником, Птолемей наносил на градусную сетку известные ему пункты, координаты которых

в подавляющем большинстве устанавливались благодаря пересчетам расстояний, приведенных в периегестах, периплах; при этом точные астрономические данные имелись лишь для очень ограниченного числа центров (Рим, Александрия и т. п.).

Кроме того, до Птолемея для работ отдельных авторов при составлении ими географических описаний была характерна относительная независимость ориентирования от ориентирования карт [1, с. 22—45]. В «Географии» в каждом конкретном случае, видимо, сохранялось ориентирование по берегам морей, рек, крупным дорогам и т. п. Особенно заметное несоответствие и путаница появлялись при нанесении на градусную сетку пунктов, расположенных на извилистой береговой линии. Этим, вероятно, можно объяснить относительную легкость использования труда Птолемея для Западного Причерноморья в сравнении с Крымом.

Итак, при привлечении «Географии» необходимо учитывать: возможность перестановки расстояний в широтном и долготном направлениях вследствие ошибок у Марина Тирского, неточности границ районов у Птолемея из-за отсутствия сведений или их неопределенности, смещения пунктов в результате приспособления описаний к математически вычисленным данным, искажение расстояний в широтном и долготном направлениях вследствие ошибок в определении длины градуса, вероятность ошибок поздних переписчиков. При этом сведения Птолемея сами по себе реальны и относительно точны. И что очень важно, внутри той системы отсчета координат, которая несоизмерима и несопоставима с нашей, на каждой определенной территории и относительно друг друга географическое положение большинства пунктов указано верно.

Мы перечислили причины возможных искажений на карте Птолемея, но для верного восстановления древней географии района необходимо их объяснение в каждом конкретном случае.

Территория европейского Боспора в «Географии» включена в описание Херсонеса Таврического (Ptol., III, 6), но ни Птолемей, ни его предшественники (за исключением, пожалуй, Геродота) не выделяли в Крыму Керченский полуостров.

Описание берегов Понта, в частности крымских, имеет у него много общего с периплами (ср., например, Arr., 29, 30; Strab., VII; Plin., NH) и начинается с «перешейка» (современный Перекоп). Обращает на себя внимание, что Птолемей оставляет Перекоп самой западной точкой полуострова. Что касается координат всех последующих пунктов по широте, то они имеют большее значение. Иными словами, весь Западный и Юго-Западный Крым с 12 названиями, от Евпатории до Феодосии (Ptol., III, 6, 2), смещен у Птолемея к востоку, а Тарханкутский полуостров отсутствует. К объяснению этого мы еще вернемся ниже.

Вслед за Феодосией у Птолемея на берегу Понта указан Нимфей, хотя его локализация в Керченском проливе несомненна [2, с. 81—88]. Правда, как город на Понте, его упоминают и другие источники (Strab., VII, 4, 5; Ps-SkyL., 68; Herodian, XIII, 369, 14; Appian, 108; Ps-Arr., 76, и др.), видимо, нечетко представляя себе границы Понта и Боспора Киммерийского или просто не придавая этому большого значения. У Птолемея же на описании им Херсонеса Таврического это сказалось самым серьезным образом.

Помещение Нимфея на Понте, во-первых, естественно, повлекло за собой противоречие между расстоянием в стадиях от него до Феодосии по периплам и высчитанным координатам. Во-вторых, пункты, указанные в периплах южнее и юго-западнее Нимфея, теперь оказались в море. Чтобы устранить эти недоразумения, Птолемей убрал весь юго-восточный угол полуострова, при этом Феодосию он «подтянул» к востоку в градусах и минутах, а часть побережья от нее до Нимфея сдвинул во внутреннюю часть полуострова к северу и северо-западу. Причем разместил их соответственно конфигурации берега, на котором они были расположены так, что пункты, находившиеся на одной (или почти одной) долготе с Нимфеем, но южнее его, оказались на одной с ним широте и за-

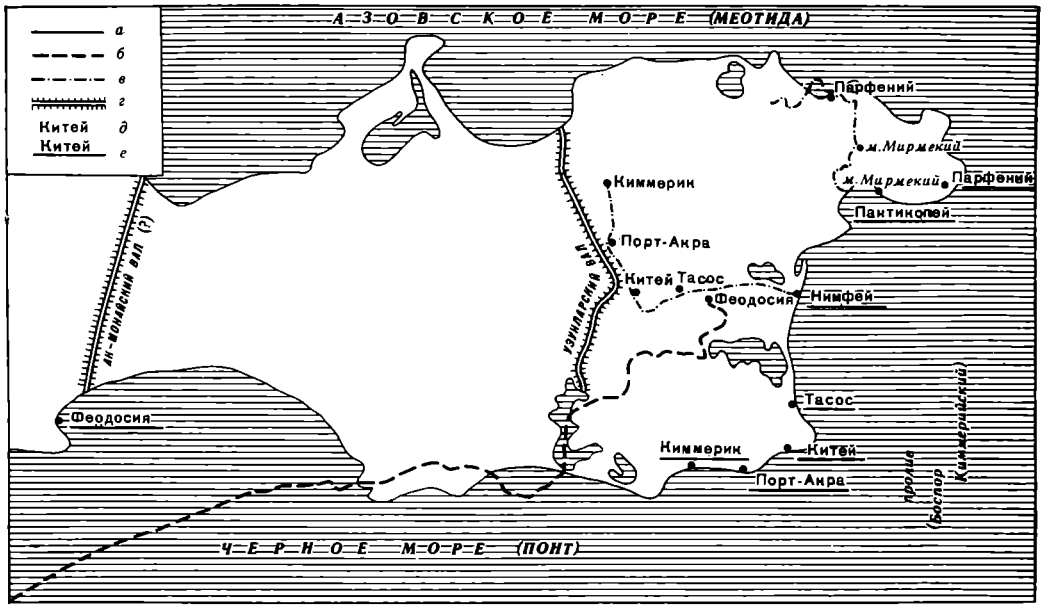


Рис. 1. Восточный Крым. *а* – реальная береговая линия; *б* – береговая линия по Клавдию Птолемею; *в* – смещенная береговая линия и города к югу от Нимфея и восточнее Пантикапея; *г* – древние валы; *д* – города по координатам Птолемея; *е* – реальное расположение древних городов

паднее, остальные севернее. По отношению же друг к другу все они остались в прежнем положении (рис. 1).

Так города, хорошо известные по периплам как прибрежные – Киммерик, Китей, Порт-Акра (Акра?),– оказались в степи. Положение Китея точно археологически установлено [3, с. 523] – вблизи входа в Керченский пролив, т. е. у поворота берега к северу, что помогает определить действительное местоположение других городов. Они должны быть расположены севернее или восточнее Китея, причем те, которые на самом деле были севернее его на берегу, оказались на одной примерно с ним широте. Указанная Птолемеем к северо-западу от Китея Порт-Акра действительно должна была находиться к западу и несколько к югу от него. Тасос же следует поместить к югу от Нимфея на одной с ним долготе. Впрочем, Тасос, неизвестный по периплам, возможно, вовсе не следует рассматривать в этой связи.

Севернее Нимфея указаны в проливе Тиритака, Пантикапей и мыс Мирмекий (Ptol., III, 6, 3). Расположение первых двух общепринято, но мыс Мирмекий под координатами Птолемея (или его «заботливых» переписчиков) не попадает в пролив, вернее, находится как бы в северо-восточной оконечности его на одной широте с Пантикапеем. В то же время Страбон в самом узком месте пролива вслед за Мирмекием помещает Парфений (Strab., VII, 4, 5), который у Птолемея оказывается вообще на Меотиде, западнее мыса Мирмекий. Вероятно, здесь сказалась ошибка Марина Тирского: вместо смещения по долготе к востоку эти пункты оказались сдвинуты по широте. Как и в случае с Нимфеем, разместив Парфений на Меотиде, Птолемей вынужден был развернуть к северу и западу участок побережья от Пантикапея до Парфения. В результате исчез весь северо-восточный выступ Керченского полуострова (рис. 1).

Страбон упоминает вблизи Мирмекия Гераклий (Strab., XI, 2, 8), показанный в «Географии» на Меотиде (Ptol., III, 6, 4). Правда, Страбон это делает как-то вскользь, «спохватившись», не в контексте с описанием пролива. У Птолемея же он так удален от Мирмекия, что простое смещение побережья ничего не объясняет. Видимо, существовал отдельный перипл, описывавший побережье Меотиды от Пантикапея.

К тому же координаты у Птолемея тут очень точно соответствуют реальной географической ситуации в Крымском Приазовье. Действитель-

но, мыс Зюк — самая северная точка полуострова и всего Херсонеса Таврического на карте Птолемея.

Здесь мы подходим к самому сложному вопросу — о расположении городов внутренней части Крымского полуострова. Господствует мнение, что почти все эти города следует искать в Центральном или Юго-Западном Крыму. Между тем территория Боспорского царства была известна и описана в древности во всех отношениях лучше и подробнее, чем подчас враждебные степи и горы остального Крыма. Данные археологии свидетельствуют, что именно во второй половине I в. до н. э.— I в. н. э. на европейском Боспоре идет интенсивное строительство крепостей и укреплений. Не нашло ли это отражение в труде Птолемея, попав к нему из боспорских источников и донесений римских военных? Вспомним, что Рим активно вмешивался в боспорские дела в I в. н. э. и даже время от времени поднимался вопрос о присоединении Боспора к Империи.

Отправной точкой дальнейших рассуждений станут несколько необъяснимых противоречий в сведениях Птолемея, о которых мы упоминали, а также местонахождение городка Тафра. В описании внутренней части Херсонеса он занимает крайне западное положение. Характерное название помогает, но одновременно и усложняет его локализацию. Напрашивается вывод, что вблизи него должны находиться какие-то земляные укрепления. В «Географии» это место помещено рядом с перешейком, отделяющим весь Херсонес Таврический. Самое простое — предположить, что Тафр следует искать где-то на Перекопе. Именно так обычно и поступают. Однако в тексте Птолемея есть одна, на первый взгляд, странная деталь, проясняющая, как нам кажется, существо вопроса. Вот описание перешейка: «За этим устьем следует перешеек, отделяющий Херсонес Таврический, береговая его линия у Каркинитского залива находится под 60°20′ — 48°20′, а у озера Бики под 60°30′ — 48°30′» (Ptol., III, 5, 2). Если здесь указаны координаты Перекопа, то севернее его не может быть ни одного пункта Херсонеса Таврического, в противном случае они окажутся уже не на территории Крыма. Между тем все меотийское побережье полуострова помещено на одной с перешейком широте и даже севернее его. Объяснить это можно, если сдвинуть весь Крым относительно перешейка к северо-востоку (что обычно прежде и делалось); тогда, естественно, все его западное побережье будет восточнее долготы перешейка. Или же необходимо допустить, что со стороны оз. Бики (Сиваш?) указан не Перекопский, а какой-то другой перешеек. Им мог быть Ак-Монайский у Феодосии или Узунларский (от Казантипского залива до Узунларского озера, в древности, возможно, залива) перешеек на Керченском полуострове.

Первое предположение приведет в итоге к большому смещению ориентации полуострова и в целом сильно исказит картину. Второе прежде не рассматривалось. Если следовать ему, то Тафр надо искать не на Перекопе, а вблизи Узунларского вала в Восточном Крыму. Это несколько неожиданное предположение, однако, не лишено смысла. Путаница у античных авторов в отношении числа и местонахождения валов и перешейков в Крыму известна [4, с. 14 сл.]. Начав описание по периплу действительно от района Перекопа, Птолемей впоследствии сбился и брал за исходные в каждом случае (из разных источников!) разные перешейки с валами. Выбор в качестве такого перешейка Узунларского с соответствующим валом, тянущимся с севера на юг, прекрасно объясняет восточное (а не южное, как должно было быть с Перекопом) расположение относительно его всех прочих координат. Тем более, что Узунларский вал, безусловно, существовал во времена, предшествовавшие Птолемею, а наличие древнего вала на Перекопе всеми допускается, но никем не доказано. Далее следует, что все пункты «внутри Херсонеса», находясь к востоку от перешейка (и вала с городом Тафром), таким образом, оказываются в восточной части полуострова. Но тогда как объяснить, что, за исключением Илурата, все они одновременно будут западнее Феодосии? Видимо, Птолемей знал из своих источников, что все «города» в Крыму находятся к востоку от какого-то перешейка с городком Тафром

(в отношении Боспора так оно и было). Дойдя до описания «Перекопа», он спутал его с перешейком в Восточном Крыму, но продолжал следовать периплу западного и южного крымского побережья и вынужден был менять их координаты на более восточные. В итоге весь этот район сильно смещен к востоку. В сущности для Птолемея было важно передать общие размеры Херсонеса Таврического, не вдаваясь в частные подробности, о чем он сам пишет в вводной части «Географии» (Ptol., I, 1, 1).

Поскольку же Феодосия оказалась на одной долготе с Илуратом, вся часть полуострова от нее до Узунларского вала на карте Птолемея отсутствует. Именно этот «сдвиг» береговых пунктов, кончая Феодосией к востоку, привел к противоречию с данными периплов (в стадиях), описывавших побережье от нее до Пантикапея. Для устранения его, как уже говорилось, Птолемей сократил этот участок, «убрав» часть побережья от Киммерика до Нимфея в глубь полуострова.

Обратимся теперь непосредственно к «городам» внутри полуострова. В их число, естественно, не могли входить оказавшиеся там по воле Птолемея прибрежные пункты — Киммерик, Порт-Акра, Китей и, видимо, Тасос. Вместе с тем присутствие их там среди прочих косвенным образом свидетельствует, что все они находились в восточной части Керченского полуострова. Присмотревшись к последовательности расположения этих «городков» и их географическим координатам, отметим одну любопытную особенность. Описание этих пунктов идет как бы по спирали, сверху вниз (с севера на юг) и одновременно с запада на восток в следующем порядке: Тафр, Тарона, Постигия. Потом опять в том же направлении: Пароста, Бион, Илурат; затем — Сатарха, Бадатиї и, наконец, Аргода, Табана. Объяснение этому может быть только одно: перед нами использованные Птолемеем карты основных дорог европейского Боспора. Неведомый автор периегесты сначала указал пункты с запада на восток самой северной дороги, начинавшейся от загадочного Тафра. Затем вернулся и в том же порядке описал «города» на следующих дорогах. Все они шли именно в этом направлении, а не с севера на юг, как если бы они тянулись от «Перекопского» перешейка. Дороги вели из глубины степей, от Асандровских укреплений, к побережью пролива, столице и крупным городам. Конечные пункты указаны в периплах, и повторяться Птолемей не стал.

Обратимся к следующему вопросу. Уже отмечалось, что, хотя значения градуса широты и долготы у Птолемея ошибочные, взаимное расположение пунктов указано верно. Но это положение действительно лишь в пределах конкретных зон, соответствующих определенным группам источников. Таких зон три: юго-восточное побережье Керченского полуострова (включая Тиритаку Нимфея, Тасос, Китей, Порт-Акру, Киммерик). Описание этого района во многом сходно с периплом Псевдо-Арриана (автора более позднего, но опиравшегося на источник близкий, а возможно, и общий с Птолемеем).

Вторая зона: северо-восточное побережье Керченского полуострова (включая Пантикапей, мыс Мирмекий, Парфений, Зенонов Херсонес, Гераклий и, возможно, район перешейка с валом и Тафром). Этот участок отчасти имеет сходство с описанием у Страбона. Кроме того, был, видимо, перипл Меотийского озера, которым пользовались эти авторы.

Третья зона — внутренняя часть полуострова, десять пунктов: Тафр, Тарона, Постигия, Пароста, Бион, Илурат, Сатарха, Бадатиї, Аргода, Табана. Кроме Тафра, ни одно название более нигде, исключая, пожалуй, у Плиния, в этой форме не встречается. Источник Птолемея здесь не ясен, скорее всего он боспорского происхождения.

Не имея точных астрономических данных, географ мог использовать лишь расстояние между пунктами, раскладывая их по широте и долготе, разумеется, погрешности при этом были неизбежны. В «Географии» для Херсонеса Таврического расстояние по долготе, как правило, превышает расстояние по широте и, следовательно, ближе к реальному. В действительности же, однако, соотношение широты и долготы могло быть иным при неизменном прямом расстоянии между пунктами. Последние поэтому

могут занимать иное, нежели в «Географии», положение, сохраняя лишь общую ориентацию относительно друг друга.

У Птолемея есть лишь координаты, поэтому для расчетов необходимо определить реальную величину одной минуты, учитывающую все те искажения, о которых выше говорилось. Для этого мы использовали городища, точно локализованные археологически (Пантикапей, Нимфей, Китей), или пункты, локализация которых представляется достоверной (Зенонов Херсонес).

Обозначив расстояние по долготе в километрах между Пантикапеем и Китеем K_1, а расстояние по широте — K_2, реальное значение одной минуты для этой зоны будет по долготе K_1/M_1, по ширине K_2/M_2, где M_1 и M_2 — расстояние в долготном и широтном направлении в минутах. При условии, что данное значение верно для любого пункта в пределах зоны (пропорции между пунктами внутри зоны не нарушены), можно по теореме Пифагора определить прямое расстояние для каждого из них. Так, если расстояние между Пантикапеем и каким-то пунктом составляет X минут по долготе и Y минут по широте, то реальное расстояние в километрах соответственно будет:

$$P_д = X \frac{K_1}{M_1} \text{ и } P_ш = Y \frac{K_2}{M_2},$$

где $P_д$ — расстояние по долготе, $P_ш$ — расстояние по широте. Зная эти показатели, легко определить прямое расстояние между пунктами:

$$P = \sqrt{P_д^2 + P_ш^2}.$$

Итак, определим реальную величину 1′ широты и 1′ долготы:

№ п. п.	Город	Координаты по Птолемею		Действительное расстояние, км		
		долгота	широта	между городами	по долготе	по широте
1	Зенонов Херсонес	63°	48°45′	Зенонов Херсонес – Пантикапей	10,5	13,5
2	Пантикапей	64°	47°55′	Пантикапей – Нимфей	4,3	12,2
3	Нимфей	63°45′	47°30′	Нимфей – Китей	1,7	19,5
4	Китей	62°15′	47°30′	Пантикапей – Китей	5,9	32,5

1 $1'д = \frac{10,5 \text{ км}}{60} = 0,175 \text{ км}$, $1'ш = \frac{13,5 \text{ км}}{50} = 0,27 \text{ км}$;

2 $1'д = \frac{4,3 \text{ км}}{15 + 10} = 0,172 \text{ км}$, $1'ш = \frac{12,2 \text{ км}}{25 + 20} = 0,27 \text{ км}$;

3 $1'д = \frac{1,7 \text{ км}}{10} = 0,170 \text{ км}$, $1'ш = \frac{19,5 \text{ км}}{80} = 0,24 \text{ км}$;

4 $1'д = \frac{5,9 \text{ км}}{25 + 10} = 0,170 \text{ км}$, $1'ш = \frac{32,5 \text{ км}}{80 + 45} = 0,26 \text{ км}$.

Реальная величина 1′ широты, таким образом, приблизительно равна 0,26 км, а 1′ долготы – 0,171 км (1 стадий?).

При этом необходимо пояснить некоторые моменты. Во-первых, между Китеем и Пантикапеем, по данным «Географии», 105′ долготы. Между Нимфеем и Пантикапеем 25′ широты. Так как Китей у Птолемея оказался на одной широте с Нимфеем на расстоянии 90′ долготы от него, то эти 90′, по-видимому, включают и реальную широту и долготу. Широта между Пантикапеем и Китеем включает в себя широту между Пантикапеем и Нимфеем (25′) и между Нимфеем и Китеем (X′). Поскольку Китей оказался внутри полуострова к западу от Нимфея (вместо юго-запада), то 105′ долготы — это расстояние между Пантикапеем и Китеем по широте. Следовательно, за вычетом 25′ мы должны получить расстояние по широте между Нимфеем и Китеем, т. е. 80′. В таком случае

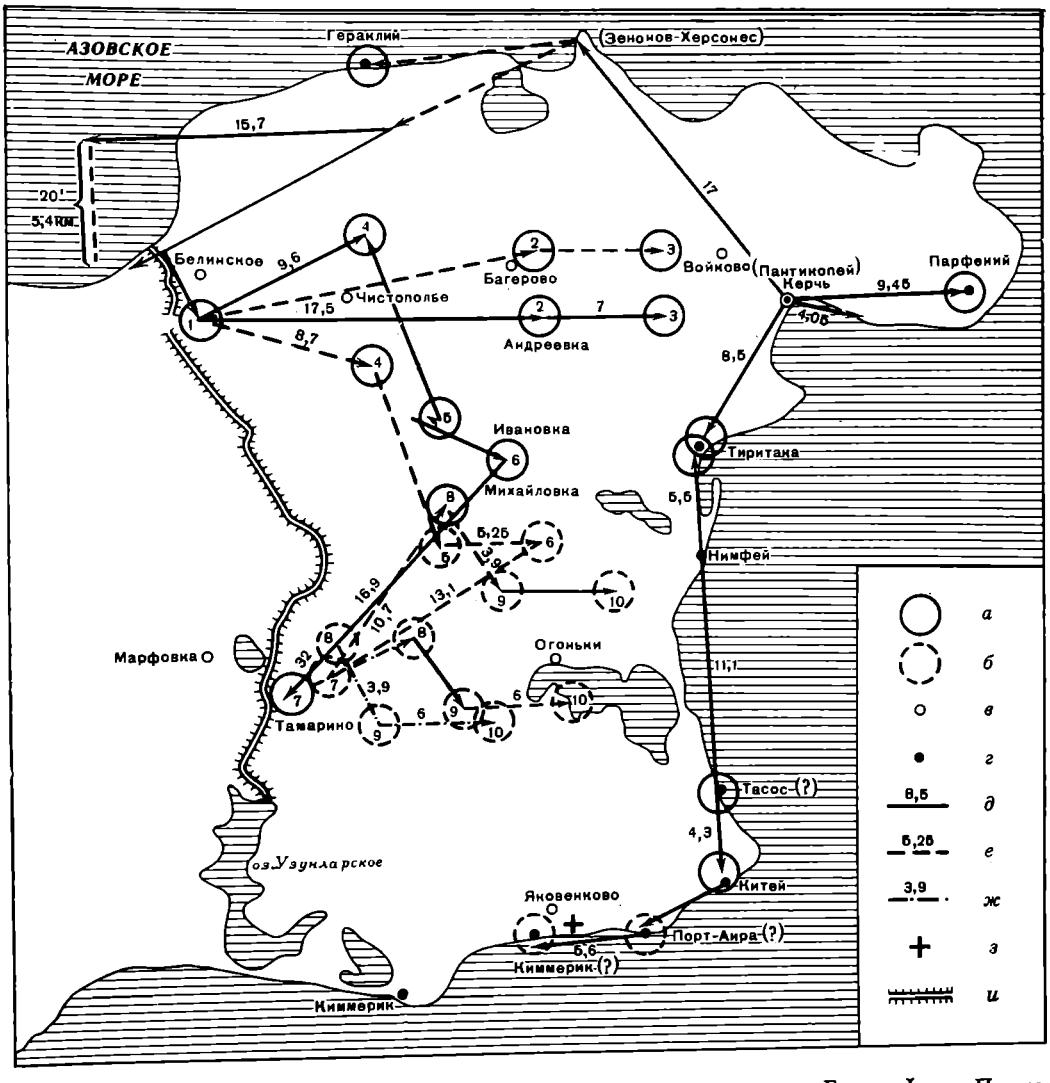


Рис. 2. Восточный Крым. Локализация пунктов, упомянутых в «Географии» Птолемея. *а* – районы с хорошо известными поселениями первых веков нашей эры; *б* – районы, где могут быть или, вероятно, были поселения этого времени; *в* – современные населенные пункты; *г* – античные названия; *д* – 1-й вариант локализации и расстояние в км; *е* – 2-й вариант локализации и расстояние в км; *ж* – 3-й вариант локализации и расстояние в км; *з* – Кыз-Аульский некрополь; *и* – Узунларский вал. *1* – Тафр; *2* – Тарона; *3* – Постигия; *4* – Пароста; *5* – Бион; *6* – Илурат; *7* – Сатарха; *8* – Бадатий; *9* – Аргода; *10* – Табана

расстояние по долготе между Китеем и Нимфеем составит $90' - 80' = 10'$. Таким образом, Нимфей в «Географии» оказался на $10'$ ближе к Пантикапею, т. е. в действительности он по долготе отстоит от него на $15' + 10' = 25'$.

Во-вторых, кроме Тасоса и Китея «внутри» полуострова оказались Порт-Акра и Киммерик, поэтому, возможно, к северу сдвинуты некоторые пункты собственно «глубинки» — Пароста, Постигия, Тарона, Тафр на $20'$ (расстояние между Порт-Акрой и Киммериком). Чтобы не нарушать общей картины, Птолемей вынужден был приблизить на те же $20'$ и прибрежные пункты, в первую очередь Нимфей. В итоге расстояние между Пантикапеем и Нимфеем надо увеличить на $20'$ (всего $45'$).

Перейдем непосредственно к определению положения пунктов в последовательности их перечисления у Птолемея (рис. 2). Вслед за Нимфеем идет Тиритака, отстоящая от него на $10'$ широты и $15'$ долготы.

Как уже говорилось, Нимфей «поднят» на $20'$, следовательно, смещена и Тиритака, вероятно, тоже на $20'$. Тогда расстояние между Нимфеем и ней по широте будет $30'$, а между Тиритакой и Пантикапеем $35'$. Это неверно, так как от Нимфея до Пантикапея $45'$. Следовательно, мы

можем исходить только из этого расстояния. Если Птолемей не нарушал пропорций расстояний (а это у него главное), то правильнее допустить, что соотношение $^{15}/_{10}$ в «Географии» должно соответствовать реальному, а в рамках 45′ — это только соотношение $^{25}/_{20}$. Значит, между Нимфеем и Тиритакой в действительности должно быть 20′ широты, между Тиритакой и столицей Боспора — 25′. Что до долготы, то, поскольку Нимфей приближен к Пантикапею на 10′, Тиритака оказалась отодвинута от него на те же 10′, причем все это в пределах действительного расстояния в 30′ между Тиритакой и Пантикапеем. Тогда расстояние по долготе Тиритаки и Нимфея составит 15′—10′=5′. Получается, что она находилась в 5,4 км к северу от Нимфея и в 6,75 км к югу от столицы, в 0,875 км западнее Нимфея и в 5,25 км западнее Пантикапея. Прямое расстояние от Нимфея 5,5 км, от Пантикапея — 8,5 км.

Уже отмечалось, что под координатами, приведенными в «Географии», мыс Мирмекий находиться не мог (одновременно и к северу от Пантикапея, и в проливе). Весь северо-восточный выступ полуострова развернут у Птолемея на север, и Мирмекий стал крайне северным пунктом в проливе. Расстояние между ним и Пантикапеем составляет 35′ по широте. По той же причине, что и Нимфей, Мирмекий поднят на 20′, но если Нимфей оказался в результате приближен к Пантикапею, то Мирмекий, наоборот, удален. Следовательно, истинное расстояние должно быть 35′—20′=15′, что составляет 4,05 км. Возможно, что в случае с Мирмекием Птолемей спутал, поменял местами широту и долготу, переняв эту ошибку от Марина Тирского. Дальнейших рассуждений и подсчетов это обстоятельство не меняет.

Парфений оказался вслед за Мирмекием к северу от Пантикапея и к тому же сдвинут на 30′ от него к западу. Расстояние в 30′ — это пространство от Мирмекия до Парфения, и оно равно 5,25 км. 9,45 км — 35′ широты—это расстояние между Пантикапеем и Парфением к востоку. Не представляя себе конфигурацию береговой линии пролива, Птолемей, имея только расстояния между пунктами, сохранил последовательность, но нарушил расположение относительно Пантикапея. Повторяем, для него важно было прямое расстояние.

Относительно локализации, вернее, отождествления Парфения существуют две точки зрения [5, с. 75; 6, с. 227 сл.]. Неоднократные обследования района мыса Варзовки на побережье Азовского моря (местоположение Парфения, по Дюбрюксу) показали, что, хотя здесь и имеются следы небольшого античного поселения, сильно разрушенного морем, оно вряд ли было значительным городом. Предпочтительнее, таким образом, мнение В. В. Веселова. Необходимо оговориться, что ограниченные рамки статьи не позволяют дать более развернутую археологическую характеристику того или иного пункта либо района.

Зенонов Херсонес (городище на мысе Зюк) отстоит от Пантикапея по широте на 13 км, по долготе на 10,25 км, по прямой около 17 км.

Следующий город — Гераклий находится в 15′ широты (3,9 км) к югу и в 60′ долготы (10,25 км) к западу или в 11,2 км по прямой от мыса Зюк. В буквальном пересчете этот пункт оказывается в степи, но, поскольку есть прямое указание, что Гераклий — прибрежный город, сдвигаем район его поисков на побережье, тем более что и для Птолемея важны были лишь прямые расстояния. Это почти в точности соответствует большому, хорошо укрепленному городищу первых веков нашей эры в восточной оконечности так называемой Генеральской бухты [7, с. 55].

Сознательно нарушив последовательность описания, определим местонахождение перешейка, поскольку это необходимо для расчета пунктов внутренней части полуострова. От Гераклея он должен отстоять на 90′ (15,75 км) к западу. В «Географии» он указан на одной с ним широте, что на практике приводит нас в Казантипский залив. Почему это произошло? Уже говорилось, что подлинная конфигурация побережья Птолемею была неизвестна. Поскольку первые пункты на Меотиде — Парфений и мыс Мирмекий — имели широту 40°30′, естественно, и все прочие пункты на берегу (Гераклий и начало перешейка) он оставил у моря,

т. е. по крайней мере на той же широте. Исключение было сделано для Зенонова Херсонеса — мыса, самой северной точки побережья. Это, без сомнения, было очевидно любому мореплавателю и каким-то образом нашло отражение в источниках Птолемея. Но так как весь участок полуострова «выше» (т. е. севернее) Киммерика у него поднят на 20′, реальное положение береговой линии и перешейка приходится на эту же величину (5,4 км) южнее указанного Птолемеем. В таком случае перешеек начинался в окрестностях современного села Ново-Отрадное. Определенным несоответствием здесь можно пренебречь. Здесь же, по Птолемею, начинался и вал. Действительно, вблизи Ново-Отрадного от берега моря тянется так называемый Узунларский вал, о котором выше уже говорилось. Итак, искомый перешеек с валом и указанный район — одно и то же место. Впрочем, если учесть замечание относительно прямого расстояния у Птолемея, то оно также приводит нас в этот район, разумеется, от координат Гераклея, указанных в «Географии».

Далее еще раз необходимо сделать оговорку или условиться, что либо мы будем из исходных данных Птолемея вычитать 20′, либо прямо считать от уже установленного реального положения начала перешейка — с. Ново-Отрадного. Расстояния между пунктами, указанными Птолемеем внутри полуострова, остаются неизменными, «поднят», повторяем, был весь этот район. И поставив его на «место», мы считаем далее по цифрам Птолемея, но все искомые пункты будут, естественно, находиться южнее.

Согласно Птолемею, город Тафр располагался в 10′ к востоку и в 15′ к югу от начала перешейка (в 1,75 км восточнее и 4,05 км южнее, прямое расстояние — 4,4 км). Будем считать от реальной оконечности Узунларского вала. Вновь совпадение. Почти точно те же координаты относительно начала вала у довольно большого, никогда не раскапывавшегося городища первых веков нашей эры, расположенного в нескольких километрах южнее с. Белинское (Державино) [8, с. 270; 9, с. 79].

Два последующих пункта — Тарона и Постигия — на одной широте с Тафром. Уже говорилось, что описание внутри полуострова велось вдоль дорог. Вполне вероятно, что оба «города» были в действительности и не строго на одной «линии» — широте, но на одной дороге от Тафра к Пантикапею.

Тарона отстоит на 100′ долготы (17,5 км) к востоку от Тафра. Это или поселение Андреевка-Северная [8, с. 108 сл.], или какое-то иное, располагавшееся севернее пос. Батерово. Действительно, в 1985 г. именно здесь оно было найдено и, по-видимому, представляло собой небольшую крепость (35×35 м) на холме, окруженном зольниками. Находки относятся к I—III вв. н. э.

Несколько слов о самом названии Тарона. Среди городов Ирана античные авторы упоминают схожее Toruana, но в географии античного региона оно не засвидетельствовано. Э. В. Грантовский считает возможным переводить его с иранского как «победоносная, неприступная» [10, с. 280, 281].

Постигию следует искать в 40′ от Тароны, т. е. в 7 км к востоку. Если придерживаться Андреевки-Северной, то она приходится на район пос. Мичурино либо чуть восточнее. Но здесь как будто нет значительных поселений первых веков нашей эры или они уже уничтожены. Зато по второму варианту в очерченном районе известно большое поселение первых веков нашей эры несколько северо-северо-восточнее с. Октябрьское (северо-западнее кургана Кара-Оба) [8, с. 216, № 73]. По поводу названия Постигия лингвисты ничего определенного не говорят. Среди греческих городов такого нет.

Вслед за Постигией у Птолемея следует Пароста. Ее координаты юго-восточнее Тафра требуют уточнения. Три предыдущих пункта помещены в «Географии» по уже не раз указанной причине на 20′ севернее их реального положения. Значит ли это, что и другие «города» глубинки также были сдвинуты к северу? Можно предположить, что Пароста на самом деле была севернее Тафра, если оставалась на своем месте. Тогда действительно расстояние между ней и Тафром не 5′, а 15′ по широте

и 50′ по долготе (соответственно 4,05 и 8,75 км, по прямой — 9,6 км) к востоку-северо-востоку. Это приводит нас в урочище Артезиан (к северо-западу от с. Чистополье). Здесь именно после этих вычислений было найдено поселение, внешне напоминающее «батарейки» Таманского полуострова. Подъемный материал говорит о первых веках нашей эры. По балке или над ней в древности могла проходить дорога, а вблизи, как о том свидетельствует название урочища, есть источники воды. Это поселение могло быть, собственно, на одной дороге с вышеописанными (Тафр. Пароста, Тарона, Постигия), которая вела от Пантикапея к побережью Азовского моря. Обращает на себя внимание и внешняя схожесть поселений Ново-Отрадное, Артезиан, Багерово-Северное, представлявших собой своего рода форты на важной дороге.

Впрочем, Пароста, хотя это и менее вероятно, могла быть сдвинута вместе с другими пунктами. Тогда искать ее надо в 1,35 км южнее и в 8,75 км восточнее Тафра: где-то в районе юго-восточной окраины с. Чистополье или даже к северо-западу от с. Либкнехтовка. Возле последней известна (правда, восточнее ее) усадьба первых веков нашей эры [8, с. 126]. Эти места в должной мере не обследовались.

Относительно названия Пароста Э. В. Грантовский предлагает объяснение «стоящая впереди, передовая» [10, с. 108], а О. Н. Трубачев — из индоарийского «у устья, у гавани» [11, с. 21]. Если наша локализация верна, то первая трактовка предпочтительнее.

Следом у Птолемея идут Киммерик и Порт-Акра; опустив их, обратимся к Биону и вдоль одной с ним дороги (на одной широте) Илурату.

Бион — в 35′ к югу от Паросты и в 80′ к востоку от нее. Из этих 80′ 60′ приходится на расстояние по долготе между Бионом и Порт-Акрой. Можно предположить, что, поскольку Бион помещен за Порт-Акрой, на эти 60′ он отодвинут от Паросты. В этом случае расстояние по долготе между ними должно быть 20′. Итак, 35′ широты и 20′ долготы к югу и востоку от Паросты (соответственно 9,45 и 3,5 км, прямое расстояние — 10,1 км). Эти координаты ложатся в окрестности с. Тасуново, где расположено большое городище, исследованное, правда, еще недостаточно [12, с. 102 сл.; 13, с. 320]. В данном случае мы отсчитывали расстояние от Паросты по первому варианту ее локализации. По второму варианту Бион попадает в район примерно в 3 км южнее известного поселения Михайловское [14, с. 117 сл.]. Датировка его также не противоречит нашей схеме. Первоначальная локализация ввиду большей точности кажется предпочтительней.

Илурат находился в 30′ (5,25 км) к востоку от Биона. В первом варианте к востоку от Тасунова (измеряем от местоположения реального городища) на этом расстоянии как будто бы ничего достойного внимания нет. Но юго-восточнее в 5,3 км находится известный Илурат. Может быть, дорога шла здесь не прямо на восток, а через эти крупнейшие городища? По второму маршруту вычисленный район пока ничем не примечателен.

Далее в «Географии» следует Сатарха. Ее крайне западное положение на юге наводит на мысль о южных «воротах» в валу. Тафр и Сатарха — два противоположные пункта на севере и на юге, поэтому, подобно Тафру, Сатарха, вероятнее всего, сдвинута на 20′ севернее, так как для Птолемея, как уже не раз говорилось, важны были общие соотношения. Впрочем, она могла и не перемещаться.

По первому варианту Сатарха находилась на 45′ широты (12,5 км) и 65′ долготы (11,38 км) от Илурата, т. е. в 16,9 км к юго-западу от Ивановки, где-то в районе немного восточнее с. Тамарино. На археологической карте И. Т. Кругликовой здесь указаны поселения первых веков нашей эры [8, с. 254, 265]. Кстати, в валу у с. Тамарино действительно есть проход. Здесь же заметны остатки сильно разрушенного поселения.

По второму варианту прямые подсчеты, по сведениям Птолемея,— 25′ (6,75 км) широты и 65′ (11,38 км) долготы — снова указывают на дальние окрестности с. Тамарино (в 3 км северо-восточнее села).

Бадатий с координатами 10′ широты и 15′ долготы от Сатархи из-за общего сдвига к северу должен находиться в 30′ (8,1 км) севернее ее. В отношении долготы надо учитывать, что на одной широте с Бадатием оказались два прибрежных пункта — Китей и Тасос. Поэтому Бадатий был, вероятно, отодвинут на 25′ (т. е. на расстояние Китей — Тасос к Сатархе). Тогда расстояние по долготе будет 40′ (7 км), а прямое — 10,7 км на северо-восток (примерно в 2,5 км к западу — юго-западу от д. Михайловка), т. е. ближе всего к одноименному городищу.

Если же допустить, что и Сатарха и Бадатий сохраняли неизменное положение, то его следует искать приблизительно в 4 км к северо-востоку от Тамарино. Однако возможно и еще одно допущение. Сатарха была сдвинута как крайний пункт, а Бадатий нет, т. е. их разделяло 10′ широты и 40′ долготы (2,6 и 6,8 км), что соответствует положению немного юго-западнее пос. Сокольского. Район этот обследован плохо. При любом варианте через Бадатий скорее всего шла к Пантикапею южная дорога от вала. Весьма примечательно предполагаемое объяснение названия Бадатий как «сидящий» [15, с. 159] — не на важной ли дороге или пересечении дорог?

Аргода и Табана по широте отстоят от Бадатия на 15′ (3,9 км к югу), и соответственно Аргода в 15′ долготы (2,56 км) восточнее Бадатия, а Табана в 35′ (около 5 км) восточнее Аргоды.

Исходя из трех вариантов местоположения Бадатия, Аргода будет либо в 3,9 км южнее и 2.6 км восточнее его, т. е. в 3 км к северо-западу от с. Высокое, либо в 3.9 км к северо-востоку от пос. Сокольское, либо в 5,5 км на восток — юго-восток от с. Тамарино.

Относительно первого и третьего районов ничего определенного сказать пока нельзя, а во втором случае вновь любопытное совпадение. В 1985 г. этот район был тщательно обследован.

Приблизительно в 1 км к северо-западу от Чурубашского маяка находится на холме поселение, напоминающее по площади и расположению Тасуновское или Кара-Обинское. Подъемный материал относится к первым векам нашей эры.

Неясна ситуация и в отношении Табаны. Ее можно разыскивать и вблизи с. Высокое, и в 4,5 км к западу от Нимфея, и на южном берегу Тобечикского озера. У Тобечикского озера есть давно известное археологам поселение [8, с. 268; 16, с. 213], но оно находится в другом месте. Как это часто бывает, решение некоторых задач ставит больше вопросов, чем дает ответов. Важно, как нам кажется, то, что сделанные подсчеты в большинстве случаев свидетельствуют о соответствии известных античных городищ в глубине полуострова пунктам, указанным у Птолемея.

Аргода, по убедительному толкованию В. И. Абаева, означает из иранского «славный, священный, блестящий» город [15, с. 154]. Впрочем, греческое слово ἀργός имеет близкое значение. Этимология названия Табана менее ясна.

Описание юго-восточного побережья дается в «Географии» с севера на юг и с востока на запад, что, как мы увидим ниже, имеет свое объяснение. Отправной точкой здесь является Нимфей. К нему как бы выводит нас «маршрут» после Тасоса, который находится с Нимфеем на одной широте (47°30′). Напомним, что юго-восточная часть полуострова сдвинута к северо-западу и Птолемей, не нарушая расположения пунктов относительно друг друга, поменял широту на долготу и наоборот. Это обстоятельство придется постоянно иметь в виду. Следовательно, у Тасоса с Нимфеем общая не широта, а долгота, числовые же показатели остаются без изменений. Итак, Тасос будет не западнее, а южнее Нимфея, но на те же 65′ (11,1 км). Отмерив это расстояние строго на юг от Нимфея, мы окажемся точно на берегу небольшого соленого озера (в древности залива) к востоку от северо-восточной окраины с. Заветное. Место это неоднократно посещалось археологами. Остатки античного поселения здесь большинством исследователей считаются Акрой [17, с. 35—37]. Подводные работы на затопленной части городища ведутся в настоящий момент К. К. Шиликом [18, с. 19]. Предложенная локализа-

ция кажется весьма убедительной, особенно в свете прямого указания Псевдо-Арриана (Ps. Arr., 76), Страбона (Strab., XI, 2, 8) и Плиния Старшего (Plin., NH, IV, 67), хотя этимология этого названия как будто бы не соответствует действительному расположению городища на низком, затопляемом морем берегу. К вопросу об Акре мы еще вернемся ниже.

Вслед за Тасосом, на одной широте (реально — долготе) с ним и Нимфеем указан Китей. Разница по долготе в 25′ должна рассматриваться как расстояние в 4,3 км от Тасоса к югу. Нетрудно убедиться, что это если и не буквально, то очень близко к городищу, бесспорно отождествляемому с Китеем.

Далее (на самом деле несколько ранее, у мыса Такиль) берег делает крутой поворот к западу, и, если Птолемей следовал источнику, описывавшему его с севера на юг и с востока на запад, это должно было найти отражение в координатах последующих пунктов. Другими словами, широта и долгота вновь меняются местами.

За Китеем в 10′ широты (2,6 км) и 25′ долготы (4,3 км), т. е. в 5,2 км прямо на юго-запад, должен, по Птолемею, лежать городок Порт-Акра. В искомой точке расположен мыс Кыз-Аул и одноименный маяк. В отличие от окружающего берега мыс сложен из устойчивых каменистых пород, представляет собой возвышенность и прежде имел еще большую протяженность. Вблизи него разбросано несколько курганов. Мыс издавна сильно застроен, поэтому до сих пор следов античного поселения на нем не найдено. Впрочем, их по-настоящему и не искали. Отмеченное на карте В. Ф. Гайдукевича селище в этом районе относится к более раннему времени [16, с. 212 сл.].

Прежде чем завершить рассмотрение карты побережья, вернемся к вопросу об источниках Птолемея. Своеобразие описания данного района состоит в направлении, последовательности перечисления пунктов. Уже говорилось, что оно идет с севера на юг и с востока на запад. У Страбона, Плиния описание построено в обратном порядке: с запада на восток (от Феодосии до Пантикапея) (Strab., VII, 4, 2—4; Plin., NH, IV, 86). Единственным автором, придерживавшимся того же порядка, что и Птолемей, был Псевдо-Арриан (Ps. Arr., 76). Очень близки у них и расстояния между пунктами. Разумеется, учитывая, что перипл Псевдо-Арриана относится к V в. н. э., речь может идти не о прямом заимствовании, а о каком-то общем источнике. Доказательство этому и общая странная ошибка в локализации Киммерика.

У Птолемея Киммерик указан в 10′ долготы и 20′ широты, или в 5,65 км по прямой (напомним, что для Птолемея важнее всего было именно это расстояние) к западу-юго-западу от предполагаемой Порт-Акры. Это район в 2,3 км на берегу, к юго-западу от с. Яковенко. Никаких следов античного поселения здесь не известно. Кыз-Аульский могильник находится примерно на том же расстоянии, но к юго-востоку от села и вблизи него нет других поселений. Итак, расстояние между Китеем и Киммериком по Птолемею: 6,2+5,65=11,85 км. Но почти столько же оно составляет и у Псевдо-Арриана (60 стадий, или, в зависимости от того, каким стадием он пользовался, около 10—12 км).

Совершенно очевидно, что Птолемей в этом месте перевел стадии неизвестного периила в градусы и минуты. Остается загадкой, что же заставило неведомого автора поместить хорошо знакомый другим писателям Киммерик не у горы Опук, напротив причудливых морских скал, а на ничем не примечательном, быстро разрушаемом морем берегу? Впрочем, последнее обстоятельство, быть может, объясняет исчезновение какого-то селения, которое некоторые авторы (или их переписчики) путали с настоящим Киммериком. Ведь не случайно вблизи хорошо известного Кыз-Аульского некрополя первых веков нашей эры нет и следов одновременного поселения.

В заключение отметим, что при определении местоположения того или иного пункта, естественно, указывались в большинстве случаев не точные координаты, а возможные ареалы предположительного нахождения. Собственно, и сам Птолемей понимал приблизительность своих сведений,

приводя данные с точностью до 5′ (Ptol., II, 1, 10). Таким образом, можно принять за допустимый район поиска окружность с диаметром около 2 км. Конечно, некоторые поселения к настоящему времени могли и не сохраниться, но успешные археологические разведки, выявившие три поселения непосредственно при проверке данных Птолемея, и широкомасштабные раскопки последних лет в Восточном Крыму позволяют надеяться на успех.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Подосинов А. В.* Картографический принцип в структуре географических описаний древностей (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978.
2. *Грач Н. Л.* Открытие нового исторического источника Нимфея // ВДИ. 1984. № 1.
3. Корпус Боспорских надписей. М.– Л.: Наука, 1965.
4. *Масленников А. А.* Еще раз о боспорских валах // СА. 1983. № 3.
5. *Дюбрюкс П.* Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Боспора Киммерийского от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно при Черном море // ЗООИД. 1958. № 4.
6. *Веселов В. В.* Древнейшие городища в районе Синягино // АИБ. 1952. Т. 1.
7. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Разведочные раскопки на городище Генеральское // КСИА. 1985. Вып. 182.
8. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
9. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского полуострова // КСИА. 1981. Вып. 168.
10. *Грантовский Э. В.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Наука, 1970.
11. *Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия древнего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 1977. № 6.
12. *Блаватский В. Д., Шелов Д. Б.* Разведки на Керченском полуострове // КСИИМК. 1955. Вып. 58.
13. *Чевелев О. Д.* Раскопки в окрестностях Керчи // АО–1980. М., 1981.
14. *Петерс Б. Г.* Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
15. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
16. *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов // МИА. 1959. № 69.
17. *Масленников А. А.* О локализации некоторых городов европейского Боспора первых веков н. э. // Вопросы источниковедения и историографии досоветского периода. М.: ИИ АН СССР, 1979.
18. *Шилик К. К.* О локализации Акры // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Тезисы конференции. Керчь, 1984.

V. G. Zubarev, A. A. Maslennikov

HISTORICAL GEOGRAPHY OF EUROPEAN BOSPORUS ACCORDING TO CLAUDIUS PTOLEMY

Summary

The authors surmise that Ptolemy relied on three groups of sources, corresponding to the three main regions of the peninsula, in his descriptions of European Bosporus. Each group had specifics of its own which should be taken into account when localising the places mentioned in his *Geography*. They supply their own explanations of the contradictory data cited by Ptolemy. The inland places were described, write the authors, as if Ptolemy progressed along the roads of Bosporus. The article offers some variants of localization of the «towns» mentioned by Ptolemy on the modern map with due account of the errors and corrections. Some of them may easily be identified with the antique fortified settlements and the settlements of the first centuries A. D. known to modern researchers.

О. А. ГЕЙ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПОЗДНИХ СКИФОВ НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

На Нижнем Днепре подвергались раскопкам три позднескифских некрополя: Золотая Балка, Красный Маяк (бывш. Бизюков монастырь) и Николаевка. Самый северный из них, у с. Золотая Балка, был открыт К. А. Бреде в 1951 г. и исследовался на протяжении нескольких лет В. Ф. Пешановым, А. В. Добровольским, Э. А. Сымоновичем, М. И. Вязьмитиной [1—3]. На могильнике вскрыта площадь до 2000 м², раскопано 86 могил. Результаты исследований опубликованы [4].

Работы в Николаевке были начаты еще в 1912 г. М. Эбертом, который раскопал здесь 16 могил [5, 6]. С 1967 г. в течение нескольких лет раскопки на могильнике проводил Э. А. Сымонович. В настоящее время исследовано 206 могил.

На территории бывш. Бизюкова монастыря существовало по крайней мере два позднескифских некрополя. Первый, расположенный к северу от городища, был случайно открыт монахами во время посадки виноградника. Некоторые вещи были собраны и переданы в Херсонский музей. Однако никаких сведений о характере могильных сооружений, погребальном обряде и инвентаре не сохранилось [7, с. 135—138]. В 1975 г. при строительстве поселка был обнаружен еще один могильник, на котором в 1976—1977 гг. Э. А. Сымонович раскопал 41 могилу [8, 9].

Абсолютное большинство захоронений на всех трех некрополях было совершено по обряду ингумации. Трупосожжение обнаружено лишь одно (Красный Маяк); оно представляло собой скопление кальцинированных костей на площади 0,9×0,3 м. К сожалению, захоронение было задето бульдозером при снятии верхнего балластного слоя, поэтому в действительности размеры его могли быть другими. Погребальный инвентарь представлен бусами, пряслицем, железным ножом, железным перевитым стержнем, обломками краснолаковой мисочки и светлоглиняной амфоры. Недалеко от скопления, на том же уровне была найдена реберчатая ручка амфоры, возможно смещенная бульдозером.

На всех трех исследованных некрополях захоронения по обряду ингумации производились в камерных могилах и простых грунтовых ямах. Лишь в Золотой Балке обнаружено три разрушенных каменных ящика — трапециевидные в плане сооружения размерами 2—3,5×1,3—2,2 м, составленные из больших плоских камней, вкопанных вертикально в землю. Человеческих костей в ящиках не обнаружено. Найдены лишь кости лошади, керамика, предметы конской упряжи. По обломкам светлоглиняных амфор с двуствольными ручками, найденным в кладке, каменные ящики в Золотой Балке датируются I в. н. э. [4, с. 99, 100].

На всех трех некрополях количественно преобладают камерные могилы. Они составляют более 80% всех погребальных сооружений.

Надо отметить, что классификация позднескифских погребальных сооружений до сих пор не проводилась. Для более раннего времени существуют классификация как по отдельным группам памятников [10, 11], так и в целом по степной Скифии [12]. В основе обычно лежит несколько признаков: взаимное расположение входной ямы и камеры, их форма и ориентация.

Камерные могилы позднескифских некрополей на Нижнем Днепре по взаимному расположению длинных осей камеры и входной ямы де-

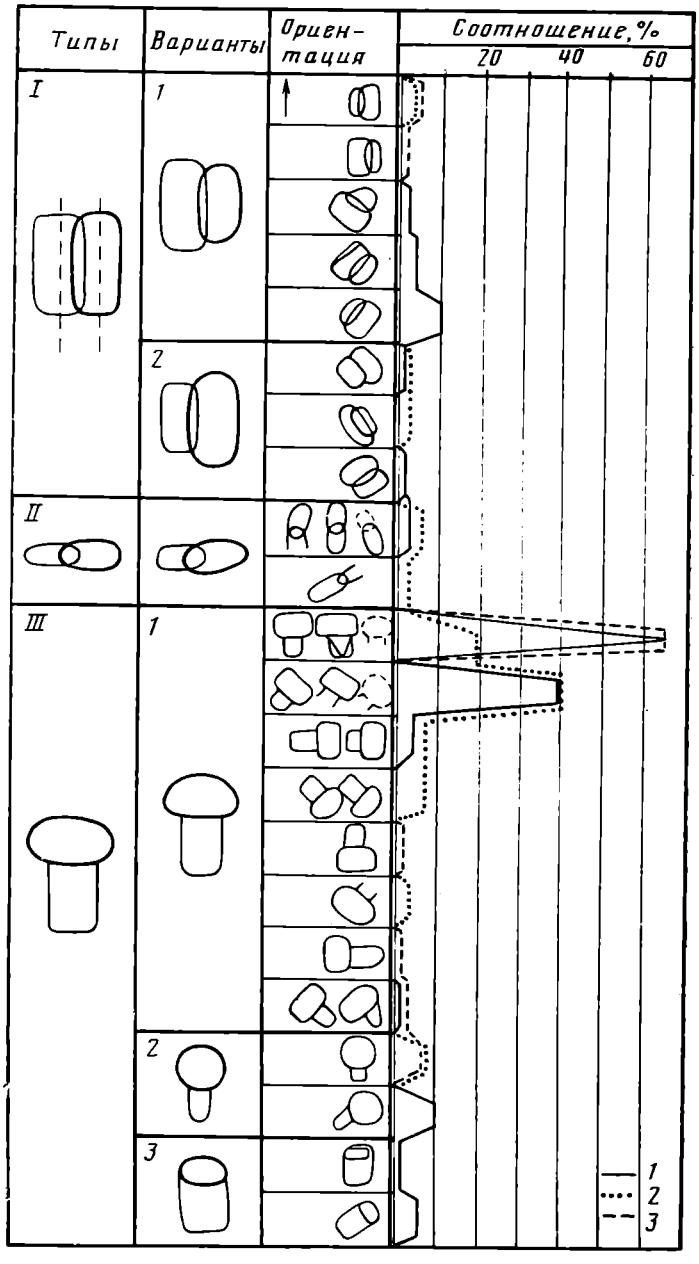


Рис. 1. Типы, варианты и ориентация погребальных сооружений позднескифских могильников на Нижнем Днепре. *1* – Николаевка; *2* – Красный Маяк; *3* – Золотая Балка

лятся на три основных типа: I – камера и входная яма расположены параллельно (камера сделана в одной из длинных стенок входной ямы); II – камера представляет собой продолжение входной ямы, их длинные оси лежат на одной прямой; III – камера расположена перпендикулярно входной яме, в плане все сооружение напоминает букву Т (рис. 1).

В принципе те же типы катакомб, но с учетом ориентации были выделены Б. Н. Граковым для Никопольского курганного поля IV–III вв. до н. э. [10]. Надо отметить, что камерные сооружения I типа для позднескифского времени обычно называют подбоями – по аналогии с такими же сарматскими могилами.

В Золотобалковском некрополе катакомбы I типа (подбои) немногочисленны, они зафиксированы в пяти случаях, что составляет около 6% от общего количества погребальных сооружений. Эти могилы состояли из овальной входной ямы длиной от 1,4 до 1,8 и шириной от 0,9 до 1,1 м и камеры (ниши, подбоя). Последняя имела, как правило, подпрямоугольную или овальную форму и размеры от 1,6×0,7 до 1,9×0,9 м.

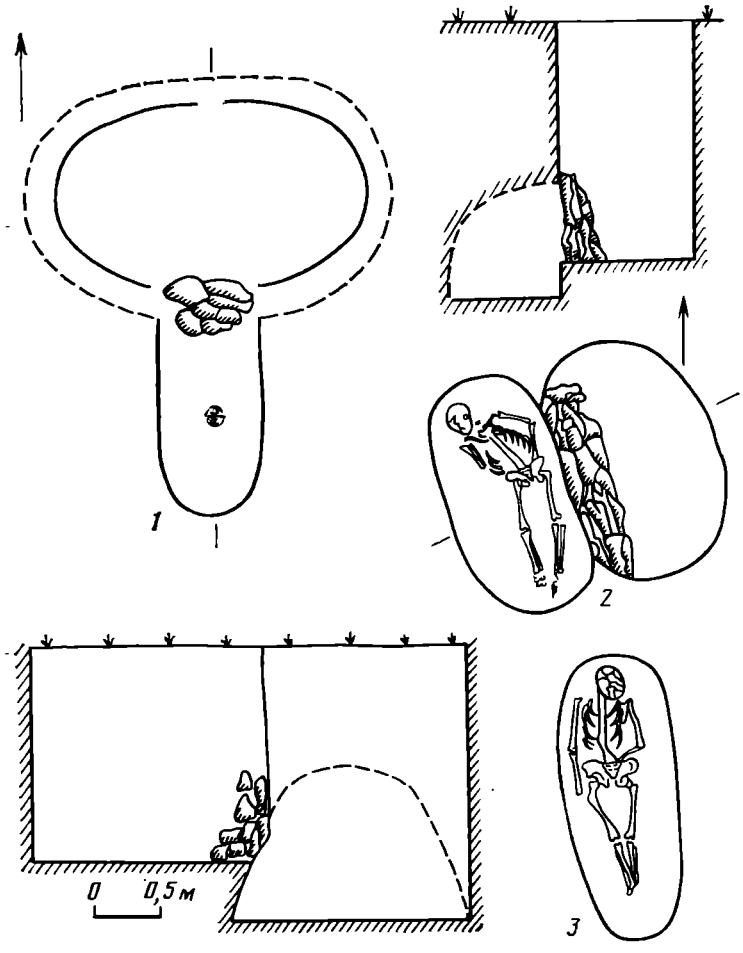


Рис. 2. Погребальные сооружения Золотобалковского могильника (по М. И. Вязьмитиной). *1* – катакомба III типа: *2* – катакомба I типа (могила с подбоем); *3* – простая грунтовая могила

Глубина катакомб I типа достигала 1—2,3 м от современной поверхности. Камера отделялась от входной ямы ступенькой шириной 0,03—0,30 м. В трех случаях вход в камеру был заложен камнями.

Входные ямы всех пяти катакомб I типа Золотобалковского некрополя были ориентированы меридионально (рис. 2, *2*). При этом камеры четырех могил располагались к западу от входа и лишь одной — к востоку.

Все захоронения были одиночные. Умершие лежали в вытянутом положении на спине; руки согнуты, кисти — на тазу (в могиле 87 кисть находилась под тазом). Ориентировка погребенных в основном северная и северо — северо-западная. Лишь в одном случае скелет был ориентирован на юг.

Подавляющее большинство камерных могил Золотой Балки относится к III типу. Всего таких катакомб обнаружено 68, что составляет около 78% всех могил. Входные ямы удлиненно-овальной либо прямоугольной с закругленными углами формы. Их размеры: длина от 0,8 до 2,5, ширина от 0,5 до 1,2 м. По форме погребальной камеры выделяются два основных варианта: 1) катакомбы с овальной в плане камерой (рис. 2, *1*); 2) катакомбы с круглой в плане камерой. Преобладает первый вариант, составляющий 76% всех камерных могил в Золотой Балке. Катакомбы второго варианта составляют всего 7,5%.

В большинстве своем входные ямы катакомб были ориентированы меридионально, а камеры — широтно, при этом камера располагалась к северу от входной ямы, погребенные лежали перпендикулярно входу, головой на запад. Однако существуют некоторые исключения. В двух

случаях входные ямы были ориентированы по линии ЮВ — СЗ, а камеры — СВ — ЮЗ и находились при этом с северо-запада. Ориентация погребенных, лежавших перпендикулярно входу,— на юго-запад и юго — юго-запад. Камера могилы 48 была расположена к югу от входной ямы. Камера могилы 1 была ориентирована меридионально и располагалась к западу от входной ямы. Умерший лежал головой на юг.

Большинство катакомб III типа в Золотой Балке было предназначено для двоих умерших и более, поэтому в них, как правило, оставлялось место для последующих захоронений. Всего в катакомбах III типа захоронено 142 человека.

Положение костяков — вытянутое на спине. Руки либо вытянуты вдоль туловища, либо согнуты в локте и кистью лежат на животе. Было зафиксировано несколько погребений со скрещенными в голени ногами, а также одно — с ногой, согнутой в колене.

Умерших часто укладывали на камни. Этот обычай выявлен в 25 случаях, что составляет почти 20% общего числа погребенных в катакомбах III типа. Обнаружены три могилы, дно которых было подмазано зеленоватой глиной. Иногда погребенные лежали на войлочных или растительных подстилках, от которых сохранился лишь слой коричневого тлена. Различные конструкции из дерева в катакомбах применялись редко: всего три раза зафиксированы остатки досок. В могиле 94 обнаружен деревянный гроб. В могиле 6 погребенный был завернут в луб или бересту. В некоторых случаях отмечены следы действия огня. Это угли в заполнении, обожженные части костяка (могила 14), остатки обгорелых бревен (катакомба 65).

В Золотобалковском некрополе обнаружено 14 захоронений в простых грунтовых ямах (16% общего количества погребальных сооружений). Грунтовые могилы имели удлиненно-овальную или прямоугольную в плане форму: длина от 1,5 до 2,5, ширина 0,5—1 м; глубина 1—2 м (рис. 2, *3*). Подавляющее большинство могил в виде простых грунтовых ям было предназначено для одиночных погребений. Лишь в одном случае зафиксировано парное захоронение. Таким образом, всего в этих могилах было погребено 15 человек. На поверхности грунтовые ямы в отличие от катакомб ничем не отмечены.

Все погребенные лежали на спине. Руки обычно сложены на животе. Ноги вытянуты, скрещены или слегка согнуты в коленях. Могилы в виде простых грунтовых ям были ориентированы в основном меридионально. Умершие лежали головой либо на север (пять случаев), либо на юг (шесть случаев). Остальные направления ориентации (на северо-запад, северо — северо-запад, юго — юго-запад) единичны.

Каменных и деревянных конструкций (закладов, помостов, гробов и др.) не обнаружено. Лишь в трех могилах оказались отдельные камни рядом с погребенными.

В Николаевском могильнике раскопано 32 катакомбы I типа (15% всех могил). Размеры их варьируют в следующих границах: длина входной ямы от 0,8 до 2,8, ширина от 0,57 до 1,5 м; длина камеры от 0,5 до 2,3, ширина от 0,3 до 0,8. Глубина колеблется от 0,8 до 2 м.

В Николаевке выделяются те же варианты подбойных могил, что и в Золотой Балке (рис. 3, *1, 2*). Количественно преобладает первый вариант. Большинство входных ям ориентировано с северо-востока на юго-запад или с северо — северо-востока на юго — юго-запад (22 случая, или 70% всех катакомб I типа). В 16 случаях камера располагалась с северо-запада, в 6 — с юго-востока. Погребенные в этих могилах лежали головой на северо-восток или на северо — северо-восток. Только два костяка были ориентированы иначе — на юго-запад и запад — юго-запад. У трех катакомб I типа входные ямы были ориентированы по линии СЗ — ЮВ, а камеры находились к северо-востоку от входа. Ориентация погребенных в этом случае — северо-запад, северо — северо-запад и юго-восток. Одна катакомба ориентирована на запад меридионально. Подбой был сооружен в западной стенке входной ямы. Ориентация костяка — северная. В одной катакомбе I типа кости человека

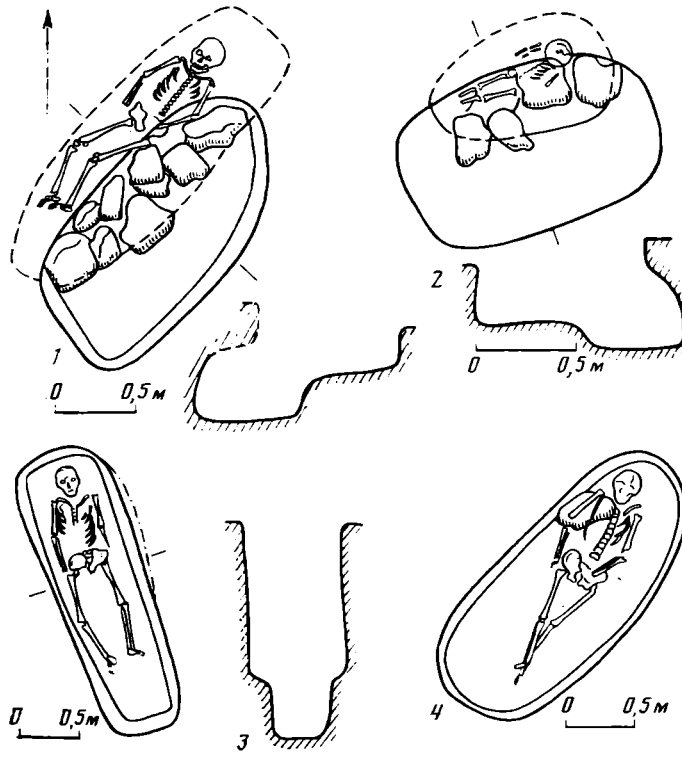


Рис. 3. Погребальные сооружения Николаевского могильника. *1. 2* – могилы с подбоями; *3* – яма с заплечиками; *4* – простая грунтовая яма

отсутствовали. Могила ориентирована почти меридионально, с незначительным отклонением. Восстановить форму и ориентацию подбоев (катакомб I типа), раскопанных Эбертом, не удается, так как в опубликованных им материалах эти вопросы освещены крайне скупо [5]. Две могилы (А, I), судя по чертежам, были ориентированы с северо-запада на юго-восток [5, с. 83], они относятся к поздней группе погребений.

Каменные заклады обнаружены в 18 катакомбах I типа (около 60%). Дно одной из могил подмазано зеленоватой глиной.

В Николаевке раскопаны две катакомбы, определенно относящиеся ко II типу. Одна из них ориентирована меридионально (рис. 4, *2*). Скелет разрушен в древности, его ориентация неясна. Вторая катакомба ориентирована с северо-востока на юго-запад. Скелет лежал перпендикулярно входной яме, головой на северо-запад, как в катакомбах III типа. Можно предположить, что ко II типу относятся еще две могилы; входная яма одной из них не прослежена, но камера вытянута меридионально и расположена к северу от входа. Вторая раскопана М. Эбертом. Чертеж, опубликованный им, не дает полного представления о ее конструкции. Однако многие факты говорят в пользу принадлежности этой катакомбы именно ко II типу (рис. 4, *5*). Костяк лежал ногами ко входу. Такое положение костяков в Николаевском могильнике ни разу не зафиксировано в катакомбах III типа. Нехарактерны для этих погребальных сооружений и одиночные захоронения взрослых. Контуры камеры очерчены лишь приблизительно, но, судя по расположению находок в ней, ее ширина ненамного превышала ширину входной ямы [5, с. 89].

В Николаевке раскопано 122 катакомбы III типа (около 60% всех могил). Как и в Золотой Балке, эти погребальные сооружения состояли из овальной в плане входной ямы размерами 0,75—3×0,6—1,6 м и камеры, круглой или овальной в плане, размерами 0,65—2,5×0,45—3 м. Глубина этих могил от 1 до 3 м. Камера отделялась от входной ямы каменным закладом.

Катакомбы III типа в Николаевке представлены тремя вариантами. Первые два соответствуют двум вариантам, отмеченным для Золотой

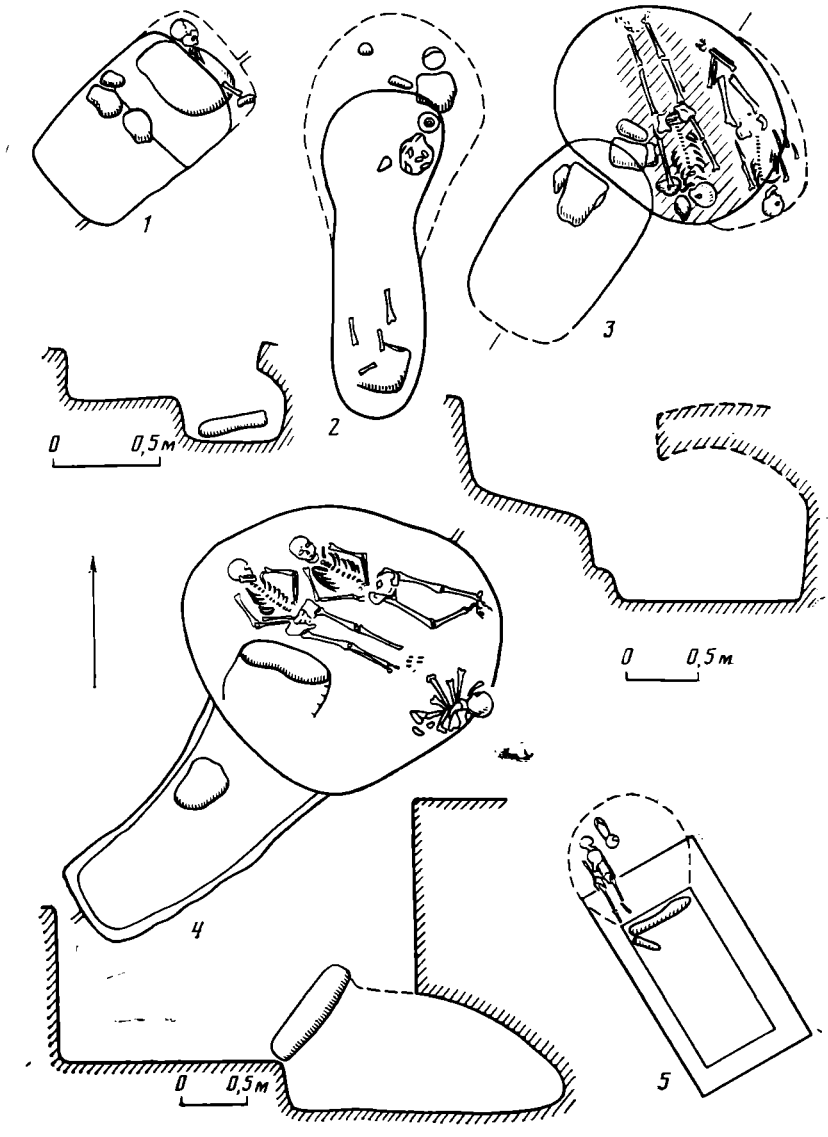


Рис. 4. Погребальные сооружения Николаевского могильника. *1, 2* – катакомбы II типа; *3, 4* – катакомбы III типа (1-й и 2-й варианты); *5* – «детская катакомба» (III тип; 3-й вариант)

Балки (рис. 4, *3, 4*). К третьему относятся небольшие могилы, предназначенные исключительно для захоронения детей, или «детские склепы», по терминологии Э. А. Сымоновича. Камеры этих погребальных сооружений представляют собой непосредственное продолжение входных ям, хотя длинные оси их взаимно перпендикулярны (рис. 4. *1*). Длина камеры равна ширине входной ямы. У большинства катакомб III типа, как и в Золотой Балке, камеры удлиненно-овальной формы (первый вариант). Всего их зафиксировано 72. Ко второму варианту (с круглыми камерами) относится 30 могил, к третьему — 12.

Ориентация и взаимное расположение камеры и входной ямы (входная яма север — юг, камера запад — восток, к северу от входа), характерные для Золотобалковского могильника, зафиксированы только в двух случаях. Обе могилы содержали детские захоронения. Преобладают погребальные сооружения с камерой, ориентированной с северо-запада на юго-восток и расположенной к северо-востоку от входа. При этом входная яма ориентирована с северо-востока на юго-запад. Обнаружено 75 таких могил (64 — первого и 11 — третьего варианта). Погребенные уложены в основном головой на северо-запад (73 случая) или, реже, на юго-восток. Единична северная ориентация.

Четыре могилы первого варианта имеют входную яму, ориентированную широтно, и камеру, расположенную с востока, меридионально. Входные ямы всех катакомб второго варианта (с круглыми в плане камерами) ориентированы с северо-востока на юго-запад. Погребенные лежали преимущественно головой на северо-запад (16 случаев) и юго-восток (9 случаев). В 11 случаях не представлялось возможным определить, к какому типу и варианту относится катакомба, так как контуры могилы не прослежены.

В 137 катакомбах II и III типов Николаевского могильника было захоронено около 250 человек (точное количество погребенных установить невозможно, поскольку многие могилы разрушены в древности). В отличие от Золотой Балки многие могилы предназначались только для одного умершего (67 случаев). В 41 могиле обнаружены парные захоронения, в 26 — многократные. Одна могила, видимо, представляла собой кенотаф.

Погребенные лежали обычно в вытянутом положении на спине. Руки либо вытянуты (11 случаев), либо согнуты и уложены на животе (в 33 случаях — обе кисти на тазу, в 16 — только правая, в 14 — только левая). Скорченное положение на боку зафиксировано только 1 раз. У 18 умерших ноги были скрещены, у 5 раскинуты ромбом, у 11 согнуты в коленях.

Чаще всего погребенные лежали просто на земле. Камни под скелетом обнаружены в 39 могилах, в 9 камни были положены в ногах или у головы. В четырех катакомбах дно было подмазано зеленоватой глиной. Различные растительные подстилки в отличие от Золотой Балки не встречаются. Одно захоронение было совершено в деревянном гробу, три — на помосте из бревен.

Погребальный инвентарь представлен разнообразными бусами, браслетами, фибулами, пряжками, подвесками, орудиями труда, оружием, лепной и гончарной керамикой. В трех могилах обнаружены панцири черепах. Более 50% погребений оказались безынвентарными. Однако эта цифра не дает точного представления о том, сколько умерших было захоронено без сопровождающего инвентаря, так как 10% всех катакомб, вероятно, ограблено.

В Николаевке раскопано 38 захоронений в простых грунтовых ямах. Форма этих могил овальная или прямоугольная в плане. Длина от 0,7 до 2,5, ширина от 0,3 до 1,5, глубина от 0,5 до 2,5 м. Преобладают ямы средних размеров, глубиной 1 — 1,5 м (рис. 3, *4*). Предназначены они были, по-видимому, исключительно для одиночных захоронений; в одном случае остатков скелета не обнаружено, в двух сведений о количестве погребенных нет (раскопки М. Эберта).

Умершие в основном лежали головой на север и северо-восток. Такая ориентация зафиксирована 18 раз, что составляет примерно половину всех захоронений в грунтовых ямах. Остальные направления ориентации встречались редко: юго-восток, юго — юго-восток, запад, юго — юго-запад — по разу; юго-запад — 2 раза. Ориентация самой ямы соответствовала ориентации погребенного. В одном случае были обнаружены остатки доски и каменный заклад (раскопки М. Эберта). В пяти случаях обнаружены отдельные камни рядом со скелетом. В могиле 80 погребенный был уложен на камни.

В Красном Маяке катакомбы I типа (подбои) немногочисленны. Пока обнаружено всего три такие могилы (размеры входных ям — 1,6×1 и 1×0,80 м; контуры третьей не прослежены; размеры камер 1,90×1,25, 1,15×0,70 и 1,73×0,52 м). Ориентация и взаимное расположение входной ямы и камеры во всех трех случаях разные: 1) могила 10 — ориентация входной ямы северо-запад — юго-восток, камера расположена с юго-запада; 2) могила 8 — ориентация входной ямы северо-запад — юго-восток, камера с северо-востока; 3) могила 36 — ориентация входной ямы север — юг, камера с запада от входа.

В могиле 36, ориентированной меридионально, покойник лежал на правом боку, со слегка согнутыми ногами, головой на северо — северо-

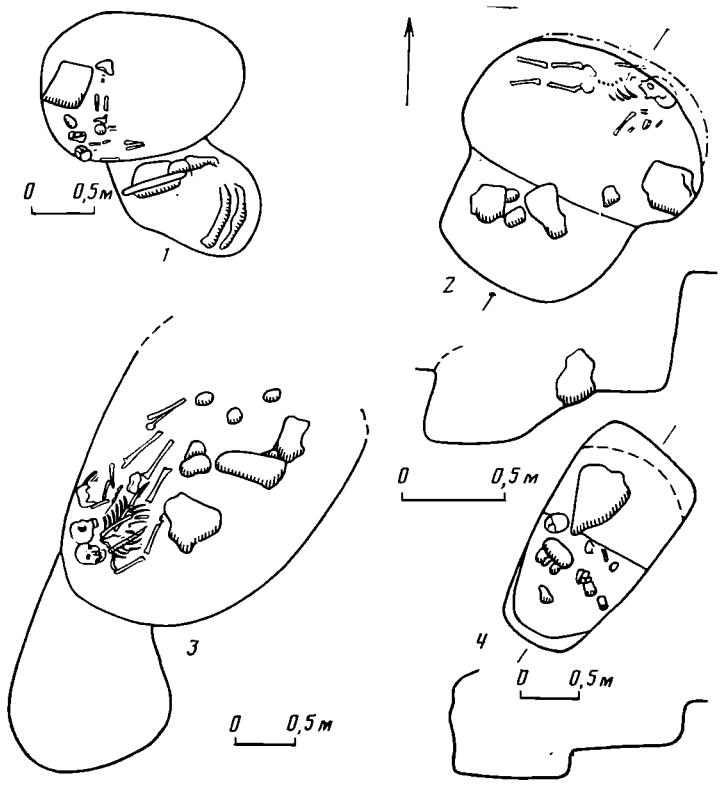


Рис. 5. Погребальные сооружения могильника Красный Маяк. *1* – катакомба III типа; *2* – катакомба I типа (могила с подбоем); *3* – катакомба II типа; *4* – «детская катакомба» (III тип, 3-й вариант)

восток. В могиле 8 захоронен ребенок в вытянутом положении на спине, головой на восток (рис. 5, *2*).

В Красном Маяке открыта 31 катакомба III типа (около 85% всех раскопанных могил). Размеры входных ям: длина 0,75—3 м, ширина 0,6—1,3 м. Длина камер колебалась от 0,97 до 2,50 м, ширина — от 0,52 до 2,40, глубина — от 1 до 2,5 м и более. Для катакомб Красного Маяка характерны неправильные формы, нет определенного соответствия между глубиной камеры и ее площадью, величина входной ямы непропорциональна величине камеры (рис. 5, *1*).

По ориентации входной ямы и камеры и их взаимному расположению выделяются две основные группы. У катакомб I группы, как и в Николаевке, входные ямы ориентированы с северо-востока на юго-запад, а камеры, расположенные к северо-востоку,— с северо-запада на юго-восток. У некоторых из них была нечетко прослежена входная яма или камера, но общий контур всего погребального сооружения и направление ориентации позволяют отнести их к этой группе. В целом обнаружено 11 таких могил, что составляет около 40% всех раскопанных камерных сооружений и более 1/3 катакомб III типа в Красном Маяке.

У катакомб II группы, как в Золотой Балке, входные ямы были ориентированы меридионально, а камеры, вытянутые в широтном направлении, располагались к северу от входа. Обнаружено семь таких могил, учитывая две с плохо прослеженной входной ямой (около 20% от всех камерных сооружений Красного Маяка).

Кроме этих двух основных видов ориентации и взаимного расположения входных ям и камер, соответствующих выделенным группам для Золотой Балки и Николаевки, существуют еще и другие: 1) камера ориентирована меридионально, входная яма — широтно и находится с востока (ориентация погребенных — запад, северо-запад — запад, северо-запад; 2) камера ориентирована с северо-востока на юго-запад; входная яма не прослежена, находилась с западной стороны (ориентация погре-

бенных — на запад). В девяти случаях форму и ориентацию катакомб определить не удалось.

Ко II типу предположительно относится только три могилы: 1) входная яма ориентирована меридионально, камера находилась к северу от входа — с северо — северо-востока на юго — юго-запад; трое погребенных лежали головами на юго-запад (рис. 5, *3*); 2) входная яма и камера ориентированы с северо-востока на юго-запад, камера расположена к юго-западу от входа; ориентация костяков неясна; 3) входная яма не прослежена, судя по местоположению каменного заклада, вход в камеру, ориентированную меридионально, был с юга; ориентация костяков неясна. Положение погребенных аналогично золотобалкинским и николаевским погребениям.

В Красном Маяке в отличие от Николаевки и Золотой Балки имеются могилы, где покойники были уложены не перпендикулярно, а головой (14 случаев) или ногами (2 случая) ко входу.

Катакомбы II и III типа в Красном Маяке были предназначены как для многократных, так и для парных и одиночных захоронений. Последние обнаружены в девяти случаях. Могил с многократными и парными захоронениями соответственно 11 и 13. В двух могилах прослежена подмазка дна зеленоватой глиной. Древесный тлен под скелетом (остатки деревянного настила?) встречен только 2 раза.

Захоронения в простых грунтовых ямах немногочисленны. Обнаружено всего три такие могилы, что составляет около 7% общего количества погребальных сооружений в Красном Маяке. Определить форму двух из них в плане не удалось, так как контуры их плохо прослежены (они повреждены бульдозером). Форма третьей могилы овальная, размеры 2×0,9 м (рис. 3, *3*). Все захоронения одиночные. Умершие лежат на спине, в вытянутом положении, руки (одна или обе) согнуты, кисти — на тазовых костях. Погребенные ориентированы на северо-восток и запад. Каких-либо каменных или деревянных сооружений, подстилок, подмазок в могилах в виде простых грунтовых ям не обнаружено.

В результате можно сделать несколько итоговых заключений относительно погребального обряда поздних скифов на Нижнем Днепре.

1. Общность основных черт погребального ритуала (конструкция и ориентация могил, набор инвентаря, каменные заклады и др.) позволяет относить некрополи в Золотой Балке, Николаевке и Красном Маяке к единой культурной группе, аналогичной позднескифским памятникам Крыма.

2. Основным видом погребального сооружения для всех могильников была катакомба III типа. Надо отметить, что этот тип катакомбы является преобладающим и в Крыму, в некрополях Неаполя скифского, Беляуса [13; 14, с. 12, 13, рис. 6; 15; 16, с. 28].

3. Катакомбы II типа нехарактерны. Необходимо подчеркнуть, что именно к этому типу принадлежат все катакомбы черняховской культуры.

4. Ориентация погребенных в катакомбах II и III типов не совпадает. Каждый из могильников имеет свои характерные виды ориентации и взаимного расположения входных ям и камер катакомб III типа (рис. 1). Отличительная черта золотобалковских катакомб — меридиональная ориентация входной ямы и широтная — камеры. В Николаевке у большинства катакомб III типа входная яма ориентирована с северо-востока на юго-запад, а камера, расположенная к северо-востоку от входа,— с северо-запада на юго-восток. Для некрополя в Красном Маяке характерна поливариантность в ориентации могильных сооружений, однако в наибольшем количестве представлены оба вида, отмеченные для Золотой Балки и Николаевки. При этом погребенные ориентированы либо на запад (Золотая Балка, Красный Маяк), либо на северо-запад (Николаевка, Красный Маяк).

5. Прослеживается совпадение ориентации катакомб I типа (подбоев) и простых грунтовых ям для каждого из могильников. В Золотой Балке эти погребальные сооружения вытянуты в меридиональном направлении (ориентация погребенных — северная или южная с отклонениями),

в Николаевке — в подавляющем большинстве случаев с северо-востока на юго-запад (ориентация погребенных северо-восточная, реже — юго-западная). Интересно, что ориентация костяков в подбоях и простых грунтовых ямах отличается от ориентации костяков в катакомбах III типа.

6. В Николаевском могильнике зафиксирован тип погребального сооружения, предназначенный специально для детей,— миниатюрные камерные могилы, по взаимному расположению входной ямы и камеры относящиеся к катакомбам III типа. Иногда детей хоронили также в небольших подбойных могилах (всего обнаружено три таких погребения), вытянутых по линии северо-запад — юго-восток. Ориентация в этом случае отличается от доминирующей в подбоях и, напротив, совпадает с ориентацией камер (и костяков) основной массы катакомб III типа. Интересно, что на одном из позднескифских некрополей Крыма (Беляус) подбойные могилы предназначались почти исключительно для захоронения детей, при этом подбои и катакомбы III типа в основном имели одинаковую ориентацию [17, с. 55].

Таким образом, прослеживается корреляция между типом погребального сооружения и его ориентацией. Выделяются две основные группы: 1) катакомбы III типа (ориентация камеры запад — восток или северо-запад — юго-восток); 2) подбойные могилы и простые грунтовые ямы (ориентация север — юг, северо-восток — юго-запад). Этой закономерности не подчиняются только «детские подбои» в Николаевке.

Большинство исследователей полагают, что характерным видом погребальных сооружений поздних скифов являются катакомбы, а сарматских — могилы с подбоями [4, с. 161; 18, с. 149]. Однако такое представление страдает излишней упрощенностью и схематизмом.

Как известно, катакомбы I типа (могилы с подбоями, по терминологии сарматоведения) присущи скифскому степному населению IV—III вв. до н. э. Наряду с другими видами погребальных сооружений этот тип катакомбы вполне мог быть унаследован и поздними скифами. Об этом говорит, например, факт использования могил с подбоями только для детских захоронений на Беляусе. В данном случае наличие разных типов погребальных сооружений связано с социальным (возрастным) фактором, а не с этническим.

Однако в Нижнем Поднепровье ситуация несколько иная. В подбойных могилах хоронили как детей, так и взрослых. Наблюдается несовпадение ориентации костяков в катакомбах III типа, с одной стороны, и подбоях и простых грунтовых ямах — с другой. Другими словами, создается впечатление, что для взрослых существовали две четкие группы погребальных сооружений, по-видимому соответствовавшие двум разным в этническом отношении группам населения.

Есть основания полагать, что могилы с подбоями и простые грунтовые ямы нижнеднепровских могильников принадлежали сарматам. Доводом в пользу такого решения может быть ориентация погребенных на север, юг, северо-восток, характерная именно для сарматских племен этого времени.

По конструкции подбои нижнеднепровских могильников аналогичны средне- и позднесарматским. Единственным существенным отличием были каменные заклады вместо обычных у сармат деревянных. Нужно также отметить, что подбойные могилы Золотой Балки характеризуются несколько бо́льшими размерами.

Рассмотрим еще один вид погребальных сооружений, представляющий собой интерес для нашей темы,— катакомбы II типа. Как уже отмечалось, это — единственный тип катакомб, представленный на памятниках черняховской культуры. На позднескифских могильниках Нижнего Днепра он зафиксирован в семи случаях. Обращают на себя внимание следующие факты. Ориентация катакомб II типа неустойчивая, совпадения с ориентацией камер и костяков в катакомбах III типа не прослеживается. Большинство катакомб II типа разрушено и ограблено. Единственное непотревоженное сооружение этого вида в Николаевке (могила 195) содержит богатое захоронение.

Основные элементы конструкции катакомб II типа, зафиксированных на позднескифских могильниках Нижнего Днепра, заставляют вспомнить сарматские камерные могилы. Как отмечает К. Ф. Смирнов, у сарматских племен довольно широко был распространен обычай совершать захоронения в катакомбах. Исследователь выделяет четыре типа этих сооружений. Катакомбы I типа имеют камеру и входную яму с расположенными перпендикулярно длинными осями и соответствуют скифским катакомбам III типа, по классификации Б. Н. Гракова, принятой в общей форме и в настоящей работе. Катакомбы IV типа происходят от могил с подбоями (катакомбы I типа, по Б. Н. Гракову). Катакомбы II и III типов представляют собой сооружения с вытянутыми по одной линии (или расположенными под тупым углом) длинными осями камеры и входной ямы и соответствуют в целом выделенным нами катакомбам II типа [19, с. 74].

II и III типы сарматских катакомб значительно преобладают, такие катакомбы составляют 77% на территории Поволжья и Приуралья. К. Ф. Смирнов подчеркивает, что именно этот тип катакомб проникает и западнее в связи с сарматской экспансией [19, с. 77]. Подобные могилы известны в Нижнем Поволжье, Крыму, на Северном Кавказе [14, рис. 2, 5, 6]. Все эти факты наводят на мысль о сарматском происхождении катакомб II типа, зафиксированных в Николаевке и Красном Маяке.

Интересно рассмотреть погребальный обряд поздних скифов на Нижнем Днепре в динамике. По-видимому, катакомбы III типа существовали в Николаевке с момента возникновения некрополя до конца I — начала II в. н. э. По крайней мере неизвестно ни одной катакомбы III типа, содержавшей инвентарь, который мог бы указывать на более позднее время. Погребения, датированные М. Б. Щукиным III—IV вв. н. э., были совершены в могилах других типов [18, рис. 2; 20, с. 60]. Время совершения большинства захоронений в подбоях и простых грунтовых ямах определить невозможно, так как они содержат малочисленный и невыразительный материал. Основная часть всех датированных могил этих типов принадлежит к позднеримской группе, речь о которой пойдет ниже. Лишь один подбой содержал инвентарь раннего времени — небольшое круглое бронзовое зеркало I в. до н. э.— I в. н. э. [21]. В грунтовой могиле, раскопанной М. Эбертом, были обнаружены лучковая фибула и бронзовое зеркало с коническим выступом в центре [5, с. 84, 85]. М. Б. Щукин датирует это погребение II в. н. э. [20, с. 60; 22, рис. 2].

В Золотой Балке датирующий материал содержали лишь катакомбы III типа. Основная масса находок относится к I в. н. э. [4, с. 127—135].

В Красном Маяке наиболее богатый и разнообразный материал также происходит из катакомб III типа. Есть основания полагать, что эти могилы сооружались на протяжении всего периода существования некрополя или по крайней мере значительной его части — в диапазоне I — начала III в. н. э. Датирующий инвентарь представлен проволочной одночленной лучковой фибулой, смычковой круглой фибулой-брошью, разнообразными сильнопрофилированными фибулами западных и северопричерноморских типов, изделиями из египетского фаянса, краснолаковой посудой (рис. 6).

Наиболее раннее захоронение могильника совершено в грунтовой яме. В нем обнаружена фибула среднелатенской схемы (рис. 6, *18*), датирующаяся II—I вв. до н. э. [23, с. 12, 13].

Только один из трех раскопанных подбоев Красного Маяка содержал инвентарь, позволяющий достаточно точно определить дату (рис. 7, *1—4*). В могиле обнаружены: фрагмент двуствольной ручки амфоры (I в. до н. э.— I в. н. э.); обломки бронзового полусферического колокольчика и фигурка крокодила из египетского фаянса, бытовавшие в I—III вв. н. э. [24, с. 30]. В комплекс входили также две бронзовые фибулы. Одна из них относится к группе сильнопрофилированных причерноморского типа (рис. 7, *3*). Подобные фибулы датируются А. К. Ам-

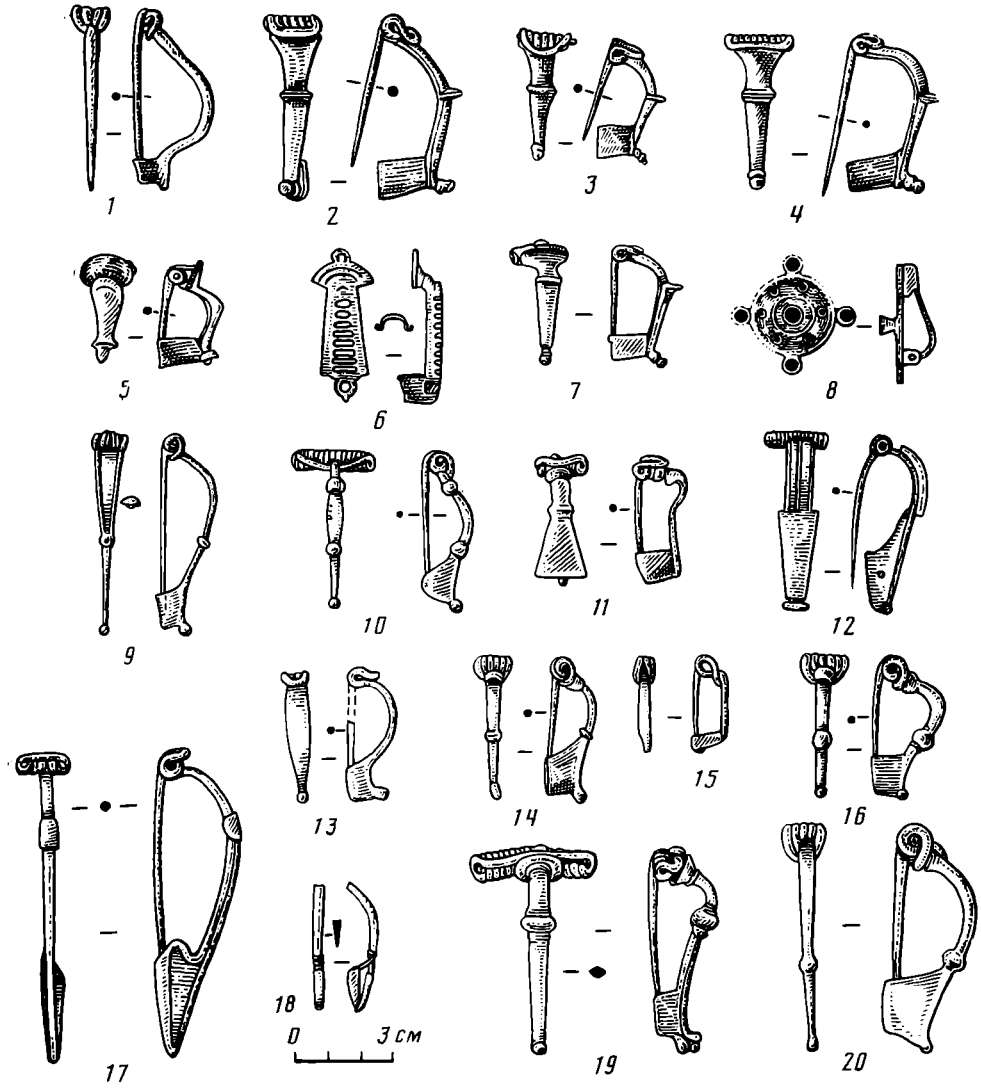


Рис. 6. Фибулы могильника Красный Маяк. *1–8* – могила 30; *9* – могила 4; *10* – могила 38; *12*, *15*, *16* – могила 35; *13* – могила 17; *14* – могила 5; *17* – могила 34; *18* – могила 18; *19*, *20* – могила 29

брозом II в. н. э. [23, с. 42, рис. 8, *12, 13*]. Другая фибула-брошь – с прорезным пластинчатым щитком (рис. 7, *2*). Ее дата – вторая половина I – начало II в. н. э. [23, с. 31]. Таким образом, в целом погребение можно датировать рубежом I–II вв. н. э.

Захоронения позднеримского времени обнаружены только в Николаевке. Всего раскопано восемь таких могил, что составляет примерно 1/3 всех погребений, содержавших датирующий материал. Датировка пяти захоронений, раскопанных М. Эбертом [5], рассмотрена М. Б. Щукиным. Автор пришел к выводу, что одно из них можно датировать широко– III–IV вв. н. э., а остальные четыре совершены в IV в. н. э. [20, рис. 2].

Рассмотрим три могилы этой группы из раскопок Э. А. Сымоновича. В комплексы двух из них (могилы 20, 195) входили костяные многочастные гребни (рис. 7, *5, 7*), датирующиеся III–IV – началом V в. н. э. [25, с. 110, 111; 26], а также бронзовая прогнутая подвязная фибула (рис. 7, *6*) IV в. н. э. [23, с. 64, 65]. Могила 110 ограблена в древности, в ней обнаружены лишь фрагментированные сосуды, среди которых находилась и краснолаковая миска на кольцевом поддоне с отогнутым наружу бортиком (рис. 7, *8*), также указывающая на позднеримское время.

Погребальные сооружения позднеримской группы представлены тремя катакомбами II типа, тремя подбоями, одной ямой с заплечиками

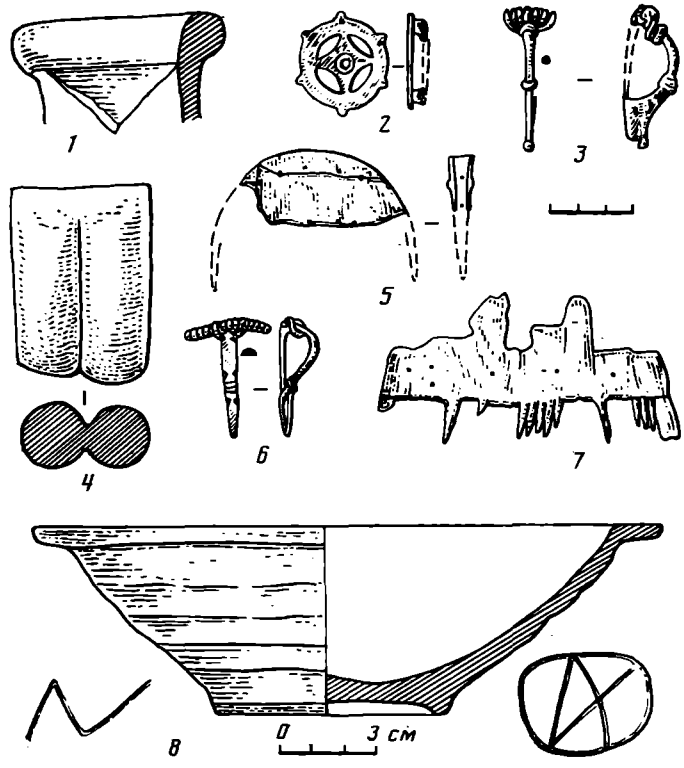


Рис. 7. Датирующие вещи из погребений Красный Маяк и Николаевка. *1–4* – могила 10 (Красный Маяк); *5*, *6* – могила 195 (Николаевка); *7* – могила 20 (Николаевка); *8* – могила 110 (Николаевка)

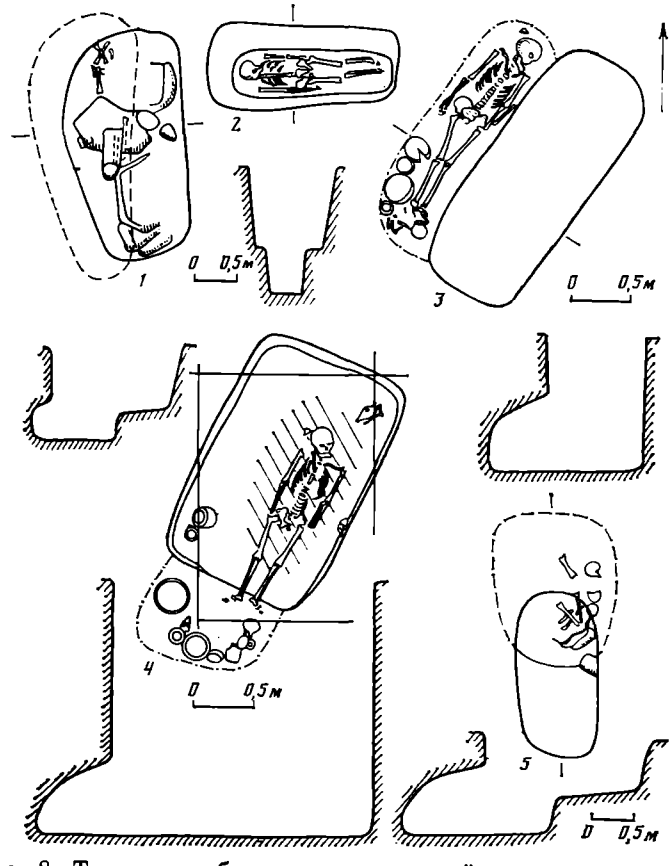


Рис. 8. Типы погребальных сооружений могильников Северопричерноморской зоны черняховской культуры. *1*, *3* – могилы с подбоем; *2* – могила с заплечиками; *4*, *5* – катакомбы

и одной простой грунтовой ямой. Катакомбы III типа — наиболее характерный, составляющий специфику позднескифского обряда вид погребальных сооружений, в III—IV вв. уже не используются. Появляется новый вид могилы, неизвестный на ранних этапах функционирования нижнеднепровских некрополей,— яма с уступом (заплечиками). Может быть, катакомбы II типа также начинают сооружаться в Николаевке не раньше III в. н. э., так как те из них, которые содержали датирующий материал, относятся именно к позднему периоду.

Само количественное соотношение разных типов погребальных сооружений III—IV вв. необычно для позднескифских некрополей: катакомбы составляют чуть больше 1/3 всех могил (если учитывать только достоверно датированные комплексы). При этом надо помнить, что в позднюю группу могли входить и захоронения, не содержавшие датирующего инвентаря. По-видимому, на самом деле доля подбойных и простых грунтовых захоронений в это время была еще больше.

Наблюдаются и некоторые другие изменения погребального ритуала Николаевки в III—IV вв. н. э. Все захоронения этого периода — одиночные. Появляется обычай помещать вокруг погребенного несколько сосудов.

Исследователями давно уже было отмечено, что поздние могилы Николаевки содержат инвентарь, резко отличающийся от традиционного позднескифского: сероглиняную гончарную посуду, прогнутые подвязные фибулы, костяные многочастные гребни, стеклянные кубки с прошлифованными овалами, пряжки черняховского типа [27, с. 64].

Обычно этот факт объяснялся влиянием черняховской культуры [27, с. 65]. Однако несомненное резкое изменение погребального обряда, которое происходило одновременно с появлением качественно нового инвентаря, позволяет сделать более определенные выводы. Поздняя группа погребений Николаевки по всем элементам сходна с могильниками Северопричерноморской зоны черняховской культуры (Коблево, Фурмановка, Ранжевое). На этих могильниках представлены те же виды погребальных сооружений: катакомбы II типа (с длинными осями камеры и входной ямы на одной прямой), подбои, простые грунтовые ямы и ямы с заплечиками (рис. 8) [28].

В отличие от других регионов черняховской культуры трупосожжения составляют незначительный процент (в Ранжевом их нет совсем).

Таким образом, поздняя группа погребений Николаевки по сути дела относится к черняховской культуре. О том, чем была вызвана такая трансформация культуры, происходила ли в это время смена населения, сказать пока трудно. Вероятно, в основе этих процессов лежало усиление сарматского влияния. Позднескифское население Нижнего Приднепровья, испытывая в течение длительного времени сарматское воздействие, по-видимому, к концу II в. н. э. фактически утратило свою культуру. Сарматские черты в это время преобладают.

Интересно, что усилившийся процесс сарматизации совпадает с формированием черняховского культурного комплекса северопричерноморского типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Добровольский А. В.* Розкопки ділянок АІГ та могильника Золотобалківського поселения рубежу н. е. в 1951—1952 роках // АП. 1960. Т. IX.
2. *Сымонович Э. А.* К вопросу об этнической принадлежности нижнеднепровских памятников рубежа н. э. // ЗОАО. 1960. Т. I.
3. *Вязьмітіна М. І.* Могильник рубежу нашої ери біля с. Золота Балка // АП. 1961. Т. X.
4. *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев: Наук. думка, 1972.
5. *Ebert M.* Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn // PZ. 1913. B. V.
6. *Ebert M.* Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjepr, Gouv. Cherson // PZ. 1913. B. V.
7. *Гошкевич В. И.* Древние городища по берегам низового Днепра // ИАК. 1913. Вып. 47.
8. *Сымонович Э. А., Гей О. А.* Черняховская экспедиция на Украине // АО — 1977. М., 1978.

9. *Сымонович Э. А.* Исследования в Поднепровье // АО – 1976. М., 1977.
10. *Граков Б. Н.* Скифские погребения на Никопольском курганном поле // МИА. 1962. № 115.
11. *Мелюкова А. И.* Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И. Л. и Л. П. Стемпковских) // МИА. 1962. № 115.
12. *Ольховский В. С.* Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. 1978. № 4.
13. *Дашевская О. Д., Голенцов А. С., Старченко Е. В.* Работы на Беляусе // АО – 1977. М., 1978.
14. *Абрамова М. П.* Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Тр. ГИМ. 1982. Вып. 54.
15. *Сымонович Э. А.* Население столицы позднескифского царства. Киев: Наук. думка, 1983.
16. *Дашевская О. Д., Михлин Б. Ю.* Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. 1983. № 3.
17. *Дашевская О. Д.* О подбойных могилах у поздних скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
18. *Раевский Д. С.* Скифы и сарматы в Неаполе // МИА. 1971. № 177.
19. *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения Нижнего Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1.
20. *Щукин М. Б.* К истории Нижнего Поднепровья в первые века н. э. // АСГЭ. 1970. Вып. 12.
21. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4.
22. *Щукин М. Б.* К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // АСГЭ. 1979. Вып. 20.
23. *Амброз А. К.* Фибулы Юга Европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
24. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1-12.
25. *Thomas S.* Studien zu den germanischen Kammen der römischen Kaiserzeit // Arbeits und Forschungsberichte zur sachsischen Boden-denkmalpflege. 1960. B. 8.
26. *Никитина Г. Ф.* Гребни черняховской культуры // СА. 1969. № 1.
27. *Сымонович Э. А.* Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье // МИА. 1971. № 177.
28. *Сымонович Э. А.* Коблевский и Ранжевский могильники около Одессы // Могильники черняховской культуры. М.: Наука, 1979.

O. A. Gei

THE LATE SCYTHIAN BURIAL RITE ON THE LOWER DNIEPER

Summary

Three late Scythian ground necropolises – Zolotaya Balka, Nikolaevka and Krasny Mayak – have been investigated in the lower reaches of the Dnieper. For their absolute majority the dead were inhumed, with the sole exception of a cremation burial found in the Krasny Mayak necropolis. The catacombs of three types were the principal kind of burial construction, with type III as specific for the late Scythian burial rite predominating. There are some indications that the burials in the catacombs of type I (shaft-and-chamber tombs), type II and in ground pits belonged to the Sarmatians. Only the Nikolaevka necropolis contained burials of the late Roman period, which wintnessed a decisive change in the burial rite: catacombs of type III ceased to be used. The types of burial constructions and the range of grave goods relate the late Roman Nikolaevka burials to the Chernyakhovo culture.

А. М. ОБЛОМСКИЙ

О ФИНАЛЕ СРЕДНЕДНЕПРОВСКОГО ВАРИАНТА ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

В большинстве последних работ, посвященных зарубинецкой культуре Среднего Поднепровья или материалам зарубинецкого круга близлежащих территорий, предложен вывод, что зарубинецкая культура не исчезает бесследно, развитие ее традиций продолжается на ряде памятников восточноевропейской лесостепи [1, с. 74; 2, с. 59, 60; 3, с. 68; 4, с. 29, 30]. В то же время в работах М. Б. Щукина и Е. В. Максимова указывается на прерывистость развития зарубинецких памятников, на ряд событий, существенно видоизменивших археологическую структуру зарубинецкой культурной общности. Они заключаются: 1) в прекращении в течение очень короткого отрезка времени функционирования всех зарубинецких могильников и большинства поселений [4, с. 25]; 2) в миграции среднеднепровского зарубинецкого населения с территории Среднего Поднепровья [1, с. 74; 4, с. 26, 27] на восток (Подесенье — Посеймье — Поорелье, бассейн Северского Донца), на запад и северо-запад (среднее течение Южного Буга, Верхнее Поднестровье) и, возможно, на юг; 3) в изменении традиционной топографии памятников: во второй четверти I тыс. н. э. резко преобладают поселения, расположенные невысоко над уровнем пойм рек (первая надпойменная терраса, разнообразные низкие останцы в поймах) [1, с. 74]; в предшествующий период в Среднем Поднепровье наиболее распространенными являются поселения на коренных берегах [4, с. 27, 28].

Перечисленные явления можно объединить в общее понятие кризиса зарубинецкой культурной общности, который характеризуется распадом ее как археологического целого. В результате этого значительные изменения претерпевает как структура заселенности территории зарубинецкой культуры, так и хозяйство ее носителей (насколько об этом можно судить по смене топографии поселений). Понятие кризиса (или распада) зарубинецкой культуры позволяет конкретизировать стихийно сложившееся членение зарубинецких памятников лесостепи Восточной Европы на классические и поздние. Классическими в этом случае называются поселения и могильники, возникшие до рубежа нашей эры и существовавшие до кризиса. Поздними можно назвать памятники, появившиеся в результате кризиса и существовавшие в разных временных отрезках периода, лежащего между распадом зарубинецкой культуры и началом появления культур позднеримского времени (черняховской и киевской). Естественно, что в этом случае дата самого кризиса является важным хронологическим рубежом, от точности определения которого в какой-то степени зависит понимание культурных процессов, происходивших на территории восточноевропейской лесостепи в раннеримское время.

Специальная попытка определить эту дату была предпринята М. Б. Щукиным. Логика рассуждений М. Б. Щукина (по статье 1972 г.) в общих чертах такова. 1. Находки предметов II в. н. э., как правило, не связаны с зарубинецкими памятниками, или эта связь не документирована [5, с. 49—51]. 2. Из всех классических зарубинецких комплексов на Среднем Днепре наиболее узко датируется Субботовский могильник. Его хронология определяется в рамках рубежа нашей эры — первой половины I в. н. э. [5, с. 50]. 3. Наиболее поздние вещи со всех

прочих зарубинецких памятников в плане относительной хронологии связаны с финалом позднего латена, т. е. «тяготеют» к рубежу эр — первой половине I в. н. э. [5, с. 52], что соответствует дате Субботовского могильника. 4. Сарматские памятники появляются в Среднем Поднепровье не ранее второй половины I в. н. э. [5, с. 52], отсутствие следов контакта между сарматами и «зарубинцами» заставляет предполагать исчезновение вторых до прихода первых [5, с. 52].

В статье 1979 г. [1] эти выводы повторены без существенных изменений. Добавлено лишь, что, по исследованиям К. В. Каспаровой, дату финала зарубинецкой культуры нужно проводить где-то около 40 г. н. э. [1, с. 68] или в середине I в. н. э. [1, рис. 4].

Представляется, что такое определение конечной даты классических зарубинецких памятников не полностью обосновано. Во-первых, вряд ли можно «жестко» ограничивать рамки функционирования Субботовского могильника первой половиной I в. н. э. В статье 1972 г. М. Б. Щукин анализирует только одно из его погребений (погр. 3). Оно по сочетанию поясного крючка и фибулы с кнопкой на конце приемника действительно датируется рубежом нашей эры — серединой I в. н. э. [5, с. 50]. Однако кроме этих вещей в Субботовском могильнике есть и иные витые бронзовые серьги и бусина из горного хрусталя (погр. 8), скарабей из египетского фаянса,— которые при современном состоянии античной хронологии не могут датироваться у́же, чем I—II вв. н. э. Следовательно, нет и уверенности в том, что позже совершения погр. 3 могильник не функционировал. Датирующие вещи предполагают такую возможность.

То, что большинство наиболее поздних фибул зарубинецкой культуры представлено типами, характерными для третьей фазы позднего латена Средней Европы, несомненно. Однако является ли это надежным основанием для их точного датирования? Автор настоящей статьи уже приводил некоторые типологические аргументы, позволяющие предполагать возможность более длительного употребления носителями зарубинецкой культуры фибул «с рамчатой ножкой» и «воинских одночленных» по сравнению с культурами пшеворской и оксывской [6, с. 118, 119]. Несмотря на отсутствие прямых хронологических данных в пользу подтверждения такого «запаздывания», все же, на наш взгляд, дату финала этой группы фибул нужно определять осторожно и иначе, чем путем прямого переноса пшеворской хронологии на зарубинецкий материал. Ведь типологическое развитие «воинских» фибул у потомков зарубинецкого населения продолжается. Появляются их дериваты — «почепские» фибулы. Раз традиции не исчезают, то, вероятно, и более позднее изготовление «воинских» фибул (первоначальных образцов) — позже 40-х годов н. э.

Что же касается отсутствия контактов между «зарубинцами» и сарматами, то в последнее время выяснилось, что имеется целая серия сарматских по происхождению вещей на зарубинецких памятниках классического периода [7, с. 50—52], встречаются и зарубинецкие вещи в сарматских погребениях [8, с. 68]. Следовательно, какие-то контакты между ними все же были.

В последней монографии Е. В. Максимова верхняя хронологическая граница зарубинецкой культуры Припятского Полесья устанавливается в пределах середины — конца I в. н. э. Указывается также на запустение большинства поселений Среднего Поднепровья в этот период [4, с. 25], однако непосредственно вопрос о дате финала классических зарубинецких памятников Е. В. Максимов не рассматривает.

Таким образом, проблема определения даты кризиса зарубинецкой культуры на Среднем Днепре еще не решена. Важность этого вопроса для изучения зарубинецких древностей требует его специального рассмотрения. Естественно, что решить эту проблему можно только путем по возможности полного сопоставления поздних датирующих предметов, происходящих с зарубинецких памятников, с ранними вещами позднезарубинецких поселений и могильников. В состав датирующих вещей

кроме традиционно включаемых фибул, пряжек, шпор, античного стекла и керамического импорта введены и некоторые типы лощеных мисок. Как уже было отмечено Д. А. Мачинским, они имеют основные особенности датирующего материала [9, с. 27, 28]: массовость и быструю изменчивость.

К сожалению, такая работа затруднена отсутствием полных публикаций памятников, особенно классического зарубинецкого периода. Не всегда обоснована также связь датирующих вещей с зарубинецким или позднезарубинецким материалом. По этой причине в предложенных ниже сводках используются лишь данные раскопок, где принадлежность датирующих вещей к комплексу зарубинецких классических или позднезарубинецких древностей подтверждена документально. Своды поэтому не будут полными, тем не менее основные серии вещей удается выявить.

Необходимо также сделать оговорку, что вопросы типологического изучения зарубинецких памятников обоих периодов (выделение культурных групп, связей между ними, проблема их происхождения) в данной работе не рассматриваются. Разбирается лишь хронологический аспект кризиса зарубинецкой культуры.

Итак, рассмотрим наиболее поздние датирующие вещи с классических зарубинецких памятников.

1. Субботов. Наиболее поздними на могильнике являются комплексы находок из погр. 3 и 8, а также скарабей из египетского фаянса, найденный в культурном слое около погр. 4 [10, с. 35—37; 11, с. 94, рис. 3]. Даты поясного крючка и фибулы из погр. 3 приведены в работе М. Б. Щукина [5, с. 50]. Бронзовая кольцевая серьга из того же погребения [10, рис. 6, *14*] имеет аналогии в Северном Причерноморье [12, рис. 4, *41*; рис. 5, *30, 51*]. Подобные серьги датируются I—II вв. [13, табл. CLXII, *17*]. Округлые бусы из горного хрусталя из погр. 3 [10, рис. 6, *3*] относятся к типу 1 и типу 2, варианту а, по Е. М. Алексеевой [14, с. 7]. Изделия из горного хрусталя, в том числе и округлые бусы, в Северном Причерноморье преимущественно употреблялись в I—II вв. н. э. [14, с. 7]. В погр. 8 найдены две серьги, аналогичные происходящим из погр. 3 [10, рис. 6, *15, 16*], а также бусина из горного хрусталя [10, с. 37]. По сочетанию находок погр. 3 датируется началом I в. н. э. (учитываются даты фибул и поясного крючка), а погр. 8—I—II вв. н. э. К тому же периоду следует относить и скарабея из культурного слоя могильника. Он аналогичен скарабеям типа 52 варианта б [15, с. 43]. Изделия такой формы входят в позднюю группу египетских фаянсов и датируются в Причерноморье преимущественно I—II вв. [15, с. 30].

На городище обнаружено множество обломков импортной античной керамики [10, с. 32]. К сожалению, в публикации не все фрагменты сосудов приведены в удобном для реконструкции ракурсе, что зачастую делает невозможным их датирование. Отмечены находки лощеной сероглиняной керамики; по материалам Тиры А. В. Гудкова датирует ее II—IV вв. [16, с. 100]. Однако А. В. Бураков приводит сведения о находках сероглиняных лощеных мисок и обломков кувшинов в слоях I в. н. э., в том числе в комплексе с амфорами с двуствольными ручками [17, с. 92, 103]. В Танаисе в массовом количестве подобная керамика содержится в слоях I в. до н. э. (штыки 9—10 [18, табл. 2, с. 165]).

Краснолаковые кубки с цилиндрическим верхом и орнаментом в стиле «барботин» [10, рис. 4, *10, 14*] (рис. 1, *13*) датируются Т. Н. Книпович началом — серединой I в. н. э. В Мирмекии подобный сосуд обнаружен с монетой 41—45 гг. [19, с. 296]. Хронологически определимыми являются также фрагменты светлоглиняных амфор с двуствольными ручками [10, рис. 4, *5*] (рис. 1, *12*). Е. В. Максимов датирует их I в. до н. э.— I в. н. э. [10, с. 38]. В последних работах по хронологии эта датировка подкрепляется анализом находок из городской свалки Танаиса (3-й—10-е штыки [18, табл. 2], дата — I в. до н. э.— начало II в. н. э.).

2. Сахновка. С городища происходит фибула варианта Н, по Ю. В. Кухаренко (рис. 1, *6*) [20, рис. 2, *4*].

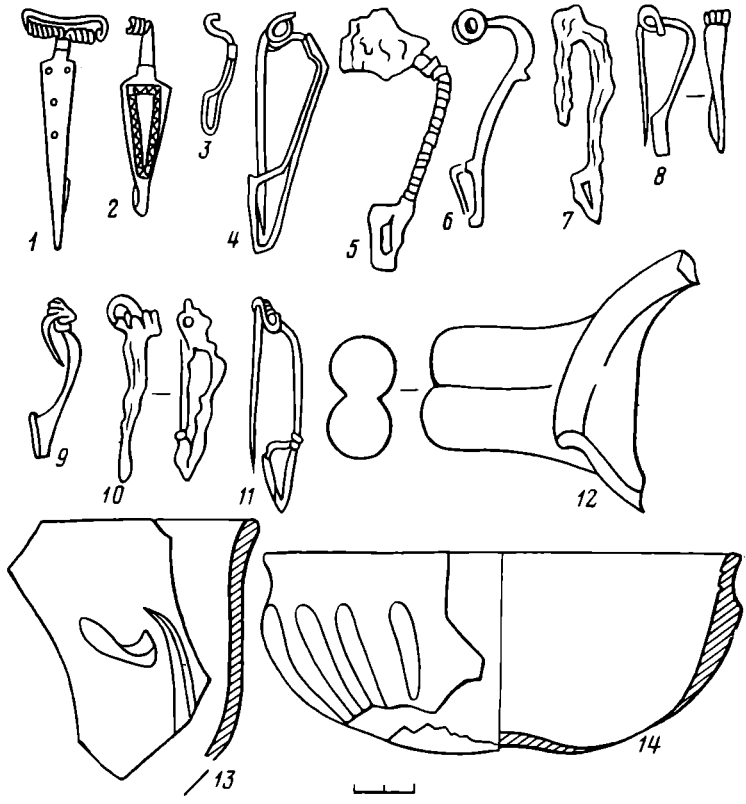


Рис. 1. Некоторые датирующие вещи с классических зарубинецких памятников Среднего Поднепровья. *1—11* — фибулы; *12* — фрагмент светлоглиняной амфоры; *13* — фрагмент краснолакового кубка; *14* — фиала. *1—4*, *8*, *9*, *11* — бронза; *5* — железо с обмоткой бронзовой пластиной; *6*, *7*, *10* — железо; *12*, *13* — керамика; *14* — стекло. *1* — Корчеватое, погр. 39; *2* — Девич-гора, культурный слой; *3* — Пилипенкова гора; *4* — Корчеватое, погр. 13; *5* — Пирогов, погр. 57; *6* — Сахновка; *7* — Девич-гора, погр. 21; *8* — Девич-гора, погр. 22; *9* — Девич-гора, погр. 17; *10* — Девич-гора, погр. 9; *11* — Девич-гора, погр. 12; *12*, *13* — Субботов, городище; *14* — Девич-гора, яма 5

3. Пилипенкова гора. В публикации материалов упоминаются четыре фибулы среднелатенской конструкции [21, с. 48]. Издана одна из них (рис. 1, *3*). Она относится к варианту ГЗ, по модифицированной классификации Ю. В. Кухаренко [21, табл. XX, *4*]. Упоминаются также находки обломков светло- и красноглиняных амфор с двуствольными ручками [22, с. 55] I в. до н. э.— I в. н. э.

4. Бабина гора. На южной площадке городища обнаружена бронзовая фибула варианта ГЗ (23, табл. XII, 2). В публикации упоминаются находки коричнево- и светлоглиняных амфор с двуствольными ручками I в. до н. э.— I в. н. э. [4, с. 101].

5. Монастырек. Во время раскопок восточной площадки городища в 1974 г. найдены две фибулы варианта П/Р, по Ю. В. Кухаренко [24, табл. 34, *3*, 39, *3*].

6. Триполье (*«Девич-гора»*). Из погребений классического зарубинецкого могильника происходят фибулы вариантов Н, по модифицированной классификации Ю. В. Кухаренко (1 экз.— погр. 21 [25, рис. 4, *11*], П/Р (3 экз.— погр. 9, 17, 22 [25, рис. 4, *6—8*]), Ф (1 экз.— погр. 12 [25, рис. 4, *10*]). В культурном слое нижней площадки Девич-горы обнаружена фибула с треугольным щитком IV варианта [25, рис. 4, *12*] (рис. 1, *2*, *7 — 11*).

При исследовании могильника на северо-западной окраине нижней площадки был обнаружен комплекс сооружений, состоящий из остатков постройки и хозяйственной ямы 5. Из указанных объектов, а также из культурного слоя могильника происходят обломки светлоглиняных амфор с одно- и двуствольными ручками, фрагменты серолощеных сосудов, обломок загнутого внутрь венчика краснолаковой чашечки. Все эти предметы Л. А. Цындровская датирует суммарно I—II вв. н. э. [25,

с. 86]. С этой датой нельзя не согласиться, поскольку предметы очень фрагментарны. Данные для определения более узкой их датировки отсутствуют. Крайне спорна, напротив, дата (II в. н. э.), которую Л. А. Цындровская приводит для античной стеклянной фиалы из ямы 5 (рис. 1, *14*) [25, с. 88], опираясь на работу Н. П. Сорокиной о стекле Пантикапея [25, с. 88]. Ссылка на работу Н. П. Сорокиной не совсем точна. В Пантикапее подобные фиалы [26, рис. 3, *3*] найдены в слоях I—II вв., однако такие предметы датируются I в. н. э. [26, с. 215]. В более поздних работах по стеклу античных городов Северного Причерноморья приводится та же дата [27, с. 154] (аналогия фиале — см. [27, рис. 5, *11*]), причем указывается, что в многочисленной литературе по римскому стеклоделию подобные вещи относятся к его раннему периоду и датируются в этой связи скорее началом — серединой, чем концом I в. н. э. [28, с. 97].

7. Ходосовка (*«Малое городище»*). На городище при раскопках 1976 г. в слое зарубинецкой культуры обнаружена фибула варианта Д, по Ю. В. Кухаренко [23, табл. 20, *11*].

8. Пирогов. Рассматриваются фибулы только из первых 100 опубликованных погребений могильника. Из погр. 57 происходит фибула варианта М, по Ю. В. Кухаренко (рис. 1, *5*) [29, рис. 3, *57*]. В погр. 89 найдены обломки, вероятнее всего, подобной же фибулы, но настолько корродированной, что точное определение варианта невозможно [29, с. 39]. В погребениях могильника встречены также две фибулы варианта П/Р (погр. 39 и 61 — по 1 экз. [29, рис. 3, *7*; 30, рис. 4, *11*]), две фибулы IV варианта с треугольным щитком на ножке (погр. 29 и 38 — по одной [30, рис. 4, *9, 10*], топологическое определение фибул с треугольным щитком из Пирогова и Корчеватого приводится в [31]). К позднему периоду существования могильника могут относиться некоторые погребения с фибулами с треугольным щитком III варианта (фибулы III варианта происходят из погр. 19, 24, 66 — по одной [29, рис. 3, *3*; 30, рис. 4, *2, 8*]), а также с подобными фибулами, вариант которых точно определить не удается из-за того, что их щиток испорчен. По размерам щитка они могут быть примерно отнесены к III или IV варианту (погр. 15 — 2 экз.; погр. 16 — 2 экз. [30, рис. 4, *4—7*]).

9. Корчеватое. Из погр. 13 могильника происходит фибула варианта ГЗ [32, табл. VIII, *113*], из погр. 39 — две фибулы с треугольными щитками IV варианта [32, табл. IX, *253, 254*] (рис. 1, *1, 4*). К позднему периоду могильника могут относиться некоторые из погребений со следующими фибулами: варианта III с треугольным щитком (1 экз.— погр. 36 [32, табл. VIII, *119*]), переходные от III к IV варианту (1 экз.— погр. 11 [32, табл. VIII, *111*], 1 экз.— погр. 51 [32, табл. IX, *264*]). Вторая фибула из погр. 51 относится к III—IV вариантам приблизительно, поскольку она помещена в публикации в ракурсе, исключающем возможность точных измерений, на основании которых можно было бы установить принадлежность ее к тому или иному из двух вариантов [31].

Сомнения М. Б. Щукина относительно зарубинецкой принадлежности пряжки из «погр. 94» [5, с. 50] представляются вполне обоснованными.

Таким образом, основная масса фибул, происходящих с поздних классических зарубинецких памятников, представлена вариантами, диагностирующими третью фазу позднего латена на территории зарубинецкой культуры. Это варианты ГЗ, Н, П/Р и Ф гладких проволочных и узкопластинчатых фибул (рис. 1, *3, 4, 7, 11*) [6, с. 117, 118, табл. 3]. С ними синхронизируются и фибулы IV варианта с треугольным щитком на ножке, которые встречены в зарубинецких комплексах с фибулами позднелатенской схемы [31]. К третьему периоду позднего латена можно отнести некоторые из фибул III варианта с треугольным щитком на ножке и часть гладких проволочных вариантов Д и М [6, с. 117, 118, табл. 3; 31]. В плане относительной хронологии набор поздних фибул с классических памятников зарубинецкой культуры не выходит за верхнюю границу латена Д.

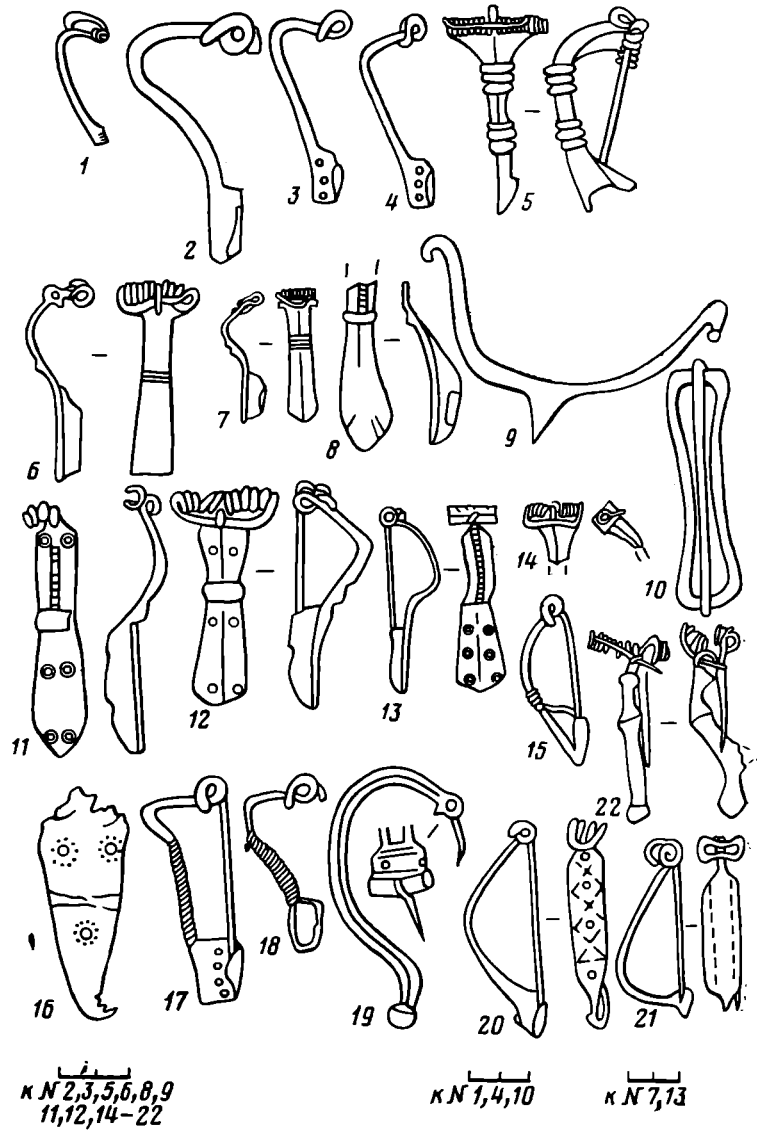


Рис. 2. Некоторые датирующие вещи с позднезарубинецких памятников лесостепи и юга лесной зоны Восточной Европы. *1–8, 11–21* — фибулы; *9* — шпора; *10* — пряжка. *1, 3–8, 11–21* — бронза; *2, 9, 10* — железо. *1* — Оболонь; *2, 3, 10, 15, 17, 18* — Почеп; *4, 7* — Синьково; *5, 9* — Марьяновка; *6* — Рахны, погр. 7; *8, 16, 21* — Рахны, погр. 4; *11, 22* — Рахны, погр. 9; *12* — Рахны, погр. 10; *13* — Лютеж; *14* — Вовки; *19* — Рахны, могильник, культурный слой; *20* — Рахны, поселение

Как уже указывалось выше, поздние абсолютные даты фибул этого набора довольно неопределенны. Несмотря на то что по пшеворско-оксывским аналогиям финал третьей фазы позднего латена приходится на 40-е годы н. э. [33, с. 128–140], на зарубинецкой территории весьма вероятно употребление фибул с рамчатой ножкой и воинских позже, во второй половине I в. н. э.

Верхняя хронологическая граница (равно как и нижняя) античных импортов с большинства классических памятников определяется широко: в пределах одного-двух столетий. В двух случаях отмечено «тяготение» абсолютных дат к первой половине I в. н. э. (краснолаковый кубок из Субботова и фиала с Девич-горы). Примерно так же датируется, по М. Б. Щукину, погр. 3 Субботовского могильника. Однако речь идет всего лишь о датах двух вещей и одного комплекса, что, разумеется, не может служить надежным основанием для определения верхней границы культурного этапа или хронологии серии вещей, которые ее диагностируют.

Рассмотрим теперь датирующие вещи, происходящие с позднезарубинецких памятников.

Подесенье (памятники «почепской культуры»).

1. Почеп. С поселения происходят три фибулы варианта П/Р, в том числе одна с отверстиями на приемнике [34, рис. 15, *3, 6, 8*], фибула варианта Ф [34, рис. 15, *2*], 5 фибул «почепского варианта» [34, рис. 15, *4, 5, 9—11*], по А. К. Амброзу [35, с. 24], а также лучковая подвязная фибула серии I варианта 2 [34, рис. 15, *1*; 35, с. 49] (рис. 2, *2, 3, 15, 17, 18*). Обнаружена также железная пряжка типа I варианта С, по Р. Мадыде [36, с. 362, 363]; аналогию см. [36, табл. 1, *5*] (рис. 2, *10*).

Из античных импортных предметов хронологически определимой является фигурка льва на плакетке из египетского фаянса [34, рис. 16, *1*]. Она относится к типу 68, варианту б, изделий из фаянса, по Е. М. Алексеевой [15, с. 44, 45]. Западно-причерноморское происхождение имеет серолощеный кувшин с цилиндрическим горлом и рифлеными ручками [34, рис. 10, *9*].

2. Синьково. На поселении обнаружена фибула (рис. 2, *4*) варианта П/Р с отдельными топологическими признаками более позднего, «почепского» варианта (прямоугольный пластинчатый приемник с отверстиями [37, альбом, с. 17, № 1]), обломок приемника и нижней части «почепской» фибулы [37, альбом, с. 17, № 2], а также глазчатая фибула типа VII серии А, по Р. Ямке [38, с. 56—58] (рис. 2, *7*), или типа Альмгрен-53 [39, рис. 7, *1*].

3. Железное. Во время раскопок поселения обнаружена фибула «почепского» варианта с обломанной головкой [40, рис. 1, *6*].

Днепровское лесостепное Левобережье.

4. Вовки. На многослойном поселении Е. А. Горюновым при раскопках зафиксированы объекты двух эпох: позднезарубинецкой с керамикой, покрытой расчесами типа поселения Грини 1 [41, рис. 10] и VIII—IX вв. К раннему слою относится обломок фибулы [41, с. 109] (рис. 2, *14*), который по характерной форме головки [41, рис. 13, *3*] принадлежит к типу производных от Альмгрен-84 [42, с. 133, рис. 2В, *3, 4*].

5. Осиповка (*ур. «Пляж»*). На многослойном поселении обнаружен «раннеславянский» горизонт, который, по мнению авторов раскопок — Д. Я. Телегина и С. А. Беляевой, датируется III—V вв. [43, с. 106]. Е. А. Горюнов высказал предположение, что «раннеславянские» материалы относятся к двум этапам: I—III вв. и третьей четверти I тыс. н. э. [41, с. 133]. О правильности выделения позднезарубинецкого горизонта в Осиповке убедительно свидетельствуют многочисленные обломки лощеных позднезарубинецких мисок, которые хранятся в фондах ИА АН УССР.

В культурном слое поселения найдено 23 фрагмента профилированных частей светло- и красноглиняных раннеримских амфор (рис. 3), классификация которых подробно разработана в статьях Д. В. Деопика, А. М. Карапетьянца и И. С. Каменецкого. Венчики, приведенные на рис. 3, *3, 4*, относятся к типу I, вариантам В и Д, светлоглиняных амфор [44, рис. 1], некоторые ручки — к типу I, варианту С (рис. 3, *6—8*). Прочие ручки по форме сечения принадлежат к типу I в целом (варианты А—Е [44, рис. 5]).

Венчики красноглиняных амфор (рис. 3, *14, 16*) относятся к типу 4, по И. С. Каменецкому [18, табл. 1, *26—28*], обломки ручек (рис. 3, *13, 17*) — к типу I [18, табл. IV, *1, 2*].

6. Приоскольское 1. На поселении в 1984 г. (раскопки автора) во втором сверху стратиграфическом горизонте заполнения жилища 1 вместе с позднезарубинецкой груболепной керамикой и фрагментами лощеной посуды была обнаружена призматическая пронизь глухого голубого стекла, которая относится к типу 125 монохромных бус, по Е. М. Алексеевой [45, с. 70].

7. Картамышево 2. В 1980 г. при раскопках поселения с позднезарубинецким и колочинским горизонтами обнаружены глазчатая фибула, лунница с красными эмалевыми вставками и красная эмалевая бусина

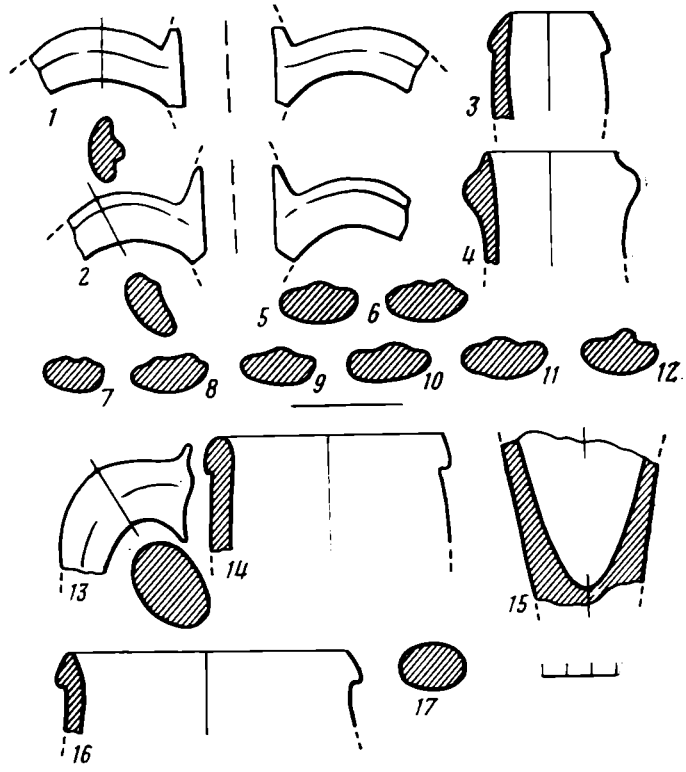


Рис. 3. Фрагменты амфор с поселения Осиповка (ур. «Пляж»). *1—12* — светлоглиняные; *13—17* — красноглиняные

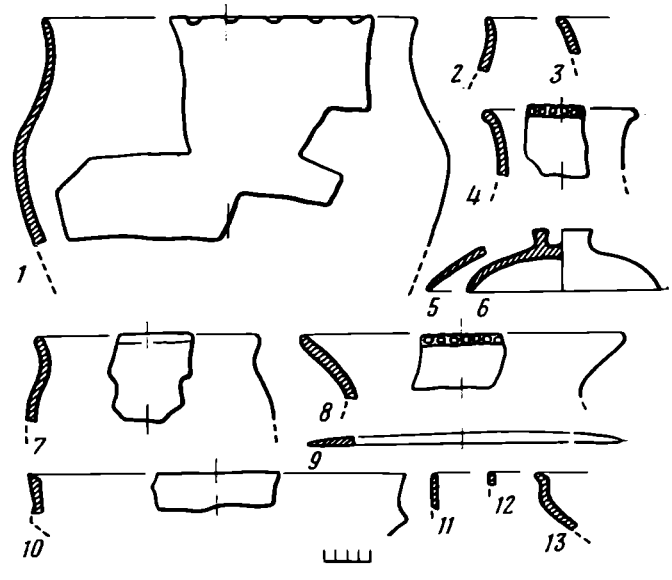


Рис. 4. Поселение Лютеж. Керамика из заполнения жилища 2. *1—9* — с шероховатой поверхностью; *10—13* — лощеная

[46, с. 48]. Фибула происходит из заполнения жилища 7, лунница — из заполнения ямы 24. В указанных объектах найдена также позднезарубинецкая груболепная и лощеная керамика.

Фибула относится к типу IV серии В, по Р. Ямке [38, с. 68—70], лунница — к типу I, варианту Б, по И. К. Фролову [47, рис. 1. *3*], бусина — к типу 104 монохромных бус, по Е. М. Алексеевой [45, с. 69].

8. Терновка 2. В 1985 г. при раскопках поселения, производившихся автором настоящей статьи, в культурном слое обнаружены две бусины

из красной эмали. Поскольку на памятнике никаких материалов, кроме позднезарубинецких, нет, то бусы, несомненно, связаны с этим кругом древностей. Одна из бусин аналогична найденной в Картамышево 2, вторая относится к типу 57 монохромных бус и датируется Е. М. Алексеевой широко — I—IV вв. н. э. [45, с. 67].

Среднее Поднепровье.

9. Лютеж. Из коллекции раскопок поселения происходит глазчатая фибула [48, рис. 11, *4*], которая относится к тому же типу, что и фибула из Картамышево 2 (рис. 2, *13*). Авторы публикации упоминают находки фрагментов гончарной желтолощеной керамики, которую они определяют как черняховскую [48, с. 73]. Из этой группы находок реконструируется лишь форма одной миски [48, рис. 9, *10*]. Миска абсолютно не характерна для черняховской культуры. Близкие по форме сосуды есть среди комплексов античной сероглиняной керамики [16, с. 101—103, рис. 2, *6*; 17, с. 92, 93, табл. VII, *34*]. Однако миска из Лютежа не серо-, а желтолощеная. По-видимому, одно из двух: либо мы сталкиваемся с очень редким типом античных мисок, либо эта миска представляет собой тщательно изготовленное подражание античному образцу.

В. И. Бидзиля и С. П. Пачкова к черняховскому времени относят также днище стеклянного кубка [48, с. 73, рис. 11, *29*]. К сожалению, тип сосуда, а поэтому и точную дату по обломку днища определить невозможно. Днища такой формы не являются специфической принадлежностью позднеримского периода. Они известны в Причерноморье и в I—II вв. (см. находки в соответствующих слоях Пантикапея [26, рис. 6, *5*]).

Подвеска из синего стекла не имеет узкой даты [48, рис. 11, *1*]. Она относится к типу 113 монохромных бус и датируется Е. М. Алексеевой IV в. до н. э.— IV в. н. э. [45, с. 69].

Традиционно время существования поселения Лютеж определялось в пределах I—II вв. н. э. В своей последней монографии Е. В. Максимов попытался расширить хронологические рамки его зарубинецкого горизонта. Возникновение поселения он относит к I в. до н. э. [4, с. 84], а конец его функционирования — к ранней фазе киевской культуры (III в. н. э. [4, с. 88]). По нашему мнению, как нижняя, так и верхняя даты Лютежа в монографии Е. В. Максимова недостаточно обоснованы. Из заполнения жилища 2, которое Е. В. Максимов считает наиболее ранним жилищем памятника [4, с. 84], происходят фрагменты верхних частей мисок с прямыми венчиками, одна из которых имеет грань на его крае (рис. 4, *10—12*). Такие миски соответствуют некоторым разновидностям типа III, варианта III, по классификации Е. В. Максимова, и датируются I—II вв. [4, с. 18]. Следовательно, и материалы из жилища 2 не могут датироваться раньше I в. н. э. Показательно, что среди обширного комплекса лощеной посуды Лютежа полностью отсутствуют миски с различными разновидностями S-овидного профиля и двумя-тремя гранями на венчике, которые Е. В. Максимов считает характерной особенностью керамического набора раннезарубинецкого времени, т. е. периода до рубежа нашей эры [4, с. 46].

К I в. до н. э. Е. В. Максимов относит также горшок с лощеной поверхностью и Л-образным налепом (на основании вида налепа и формы сосуда) [4, с. 84, табл. XVI, *13*]. Вряд ли дату этого сосуда можно определить с такой степенью точности, не ясно, какую он имел форму в действительности, поскольку полный его профиль воссоздан почти целиком из гипса по нескольким неподклеивающимся фрагментам венчика, стенок и дна. Что касается Л-образных налепов, то относительно их датировки у исследователей нет единства. А. В. Бураков, например, на городище Козырка относит сосуды с подобными налепами к концу I в. до н. э.— середине II в. н. э. (преимущественно, к I — середине II в.) [17, с. 87].

Е. В. Максимов датирует жилище 1 III в. н. э., указывая, что конструктивные особенности этого жилища — срубные стены, размещение

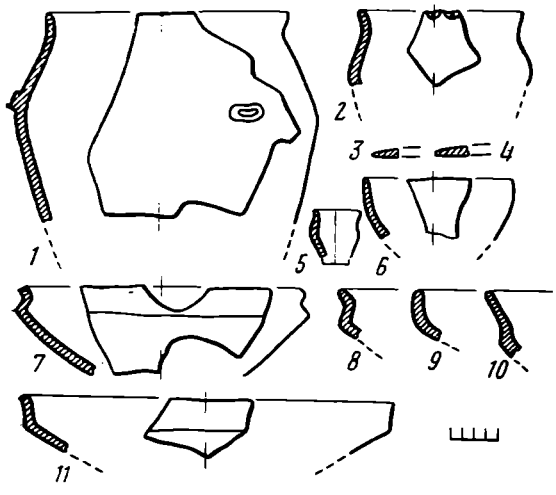


Рис. 5

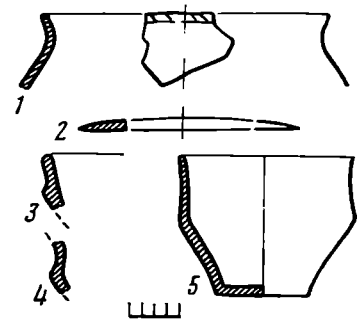


Рис. 6

Рис. 5. Поселение Лютеж. Керамика из заполнения жилища 1. *1—5* — с шероховатой поверхностью, *6—11* — лощеная

Рис. 6. Поселение Лютеж. Керамика из заполнения жилища 3 и горна 5. *1—4* — жилище 3; *5* — горн 5; *1, 2* — с шероховатой поверхностью; *3—5* — лощеная

очага в углу, а также углубленный пол — характерны не для зарубинецкого, а для киевского домостроительства [4, с. 88].

Так ли это? Ведь все перечисленные особенности присущи не только жилищу 1, но и жилищу 3 (подробное описание его см. в [49, с. 54]), которое Е. В. Максимов относит к I в. н. э. [4, с. 86]. Правда, при этом предполагается, что ямки от столбов были мелкими и могли не сохраниться вследствие диффузии песка [4, с. 86], но почему тогда они сохранились в жилище 2, где, судя по плану и профилю постройки [49, рис. 3, *3*], некоторые из них не превышали по глубине 15 см?

Материалы из заполнения жилища 1 ничем принципиально не отличаются от находок из жилищ 2 и 3. Формы лощеных мисок имеют прямые аналогии в последних (ср. рис. 4—6). Цилиндро-конический сосуд из горна 5 и миска с каннелюрой под венчиком [4, с. 88, 89] к киевской культуре отнесены ошибочно. Первый из них представляет собой чернолощеный горшок с отчетливо выраженным ребром и слегка изогнутыми стенками (рис. 6, *5*). Лощеные сосуды подобного типа отсутствуют в древностях киевской культуры. Наиболее близок он к некоторым керамическим формам Чаплинского могильника, распространенным на поздней его фазе (например, из погр. 210, см. [50, рис. 58, *20*]). Миску с каннелюрой Е. В. Максимов связывает с керамическим комплексом киевской культуры по аналогии с подобной формой на поселении Колодезный Бугор на Десне [4, с. 89]. Но миски из Колодезного Бугра прямого отношения к «киевскому этапу» его существования не имеют. В жилищах 1 и 2 этого памятника их обломки происходят из заполнений котлованов, тогда как развалы киевских сосудов — с полов построек [49, с. 94—96], причем на полах в обоих случаях имелись темные прослойки, которые стратиграфически отделялись от слоев заполнений жилищ. П. Н. Третьяков, автор раскопок памятника, выделяет на Колодезном Бугре два горизонта: «зарубинецкий» и III в. н. э. [49, с. 47].

Таким образом, представляется, что какие-либо надежные аргументы для расширения даты Лютежа отсутствуют. Это поселение является чисто позднезарубинецким памятником, вряд ли переживающим конец II в. н. э.

10. Таценки 1. Во время раскопок Л. А. Цындровской в культурном слое поселения были обнаружены милоградские и позднезарубинецкие материалы (лощеная керамика и обломки кухонных горшков с защипами по венчику). Отсюда же происходит железная фибула [51, с. 94], которая относится к варианту М.

11. Оболонь. Как известно, на этом поселении во время многолетних раскопок А. М. Шовкопляс собрана обильная коллекция находок, однако отсутствие полных публикаций и неточность информации в отчетах делает материалы этого поселения практически недоступными для исследователей. Состояние информации по Оболони подробно проанализировано Е. В. Максимовым [4, с. 91—97]. Из датирующих вещей фактически известен лишь тип фибулы, опубликованный А. М. Шовкопляс в 1972 г. [52, рис. 1, *4*]. Фибула относится к варианту О, по Ю. В. Кухаренко (рис. 2, *1*).

12. Грини 1. В культурном слое многослойного поселения около жилища с позднезарубинецкой керамикой обнаружен обломок венчика краснолаковой чашечки и стеклянная бусина [53, рис. 1, *6, 18*, с. 39—41]. Указанные предметы относятся к позднезарубинецкому горизонту существования поселения, поскольку на вскрытой площади памятника в 700 м² позднезарубинецкий культурный слой был зафиксирован лишь поблизости от жилища. Краснолаковые чашечки, по форме близкие происходящей из Гриней, относятся к типу 14 (М) или 13 (Т), по Т. Н. Книпович [19, с. 303, 304].

Поречье Южного Буга.

13. Марьяновка. Из коллекции материалов поселения происходит фибула типа Альмгрен-236 [54, рис. 7, *1*] с обломанным наполовину приемником (аналогия фибуле [55, табл. III, *7*]), а также железная шпора, близкая к типу Ян-46 [55, табл. IV, *10*] (рис. 2, *5, 9*) или группы 1, по классификации Т. Лианы [55, с. 450].

На поселении найдены фрагменты желто- и красноглиняных амфор [56, с. 87]. К сожалению, ни в одной из двух статей, где опубликованы материалы из Марьяновки, на таблицах рисунков не указано, какие именно из фрагментов являются красноглиняными или светлоглиняными. По этой причине определить удалось не все, а лишь некоторые из них. Обломки ручек, опубликованные П. И. Хавлюком [56, рис. 3, *3, 11*], относятся к типу раннеримских амфор с двуствольными ручками, ножка [56, рис. 3, *8*] — к типу I, варианту А, светлоглиняных амфор, по Д. В. Деопику — А. М. Карапетьянцу [44, рис. 1]. Верхние два из фрагментов ручек [56, рис. 3, *10*] по характерному сечению являются явно ручками светлоглиняных амфор типа I варианта Д [44, рис. 7], а крайняя нижняя левая ручка — варианта С того же типа [44, рис. 7]. Крайняя правая ручка на рис. 3, *10* [56], а также ручка на рис. 3, *6* [56] по своему сечению принадлежат типу I светлоглиняных амфор, но относится ко всему типу в целом (ср. [44, рис. 5 и 7]).

14. Рахны. В погребениях могильника обнаружены следующие фибулы: из погр. 4 происходит обломок фибулы с треугольным щитком на ножке наиболее позднего, пятого варианта (рис. 2, *16*), а также фибула со слабо намеченной кнопкой на конце приемника [35, с. 43] (по профилировке фибула имеет некоторое сходство со смычковыми (ср. [54, рис. 7, *6*] и [35, табл. 6, *11—14*]), из погр. 7 — причерноморская сильно профилированная фибула первой серии варианта I—I, по А. К. Амброзу (рис. 2, *22*) [54, рис. 7, *5*]. Прочие фибулы из погребений могильника относятся к группе глазчатых. К сожалению, по опубликованным рисункам тип этих фибул точно определить невозможно. Достоверно удается установить лишь принадлежность фибул к сериям А и В, по Р. Ямке. Впрочем, этого вполне достаточно, так как по последним данным датирующими как раз являются не типы, а серии. К серии А относится фибула из погр. 7 [54, рис. 7, *7*] (рис. 2, *6*), а также, вероятно, один из двух обломков глазчатых фибул из погр. 4 [54, рис. 7, *9*] (типологические признаки серии А приводятся в [38, с. 26, 27], обе фибулы, скорее всего, относятся к наиболее развитому типу VII этой серии [38, с. 56]). Обломок второй глазчатой фибулы из погр. 4 [54, рис. 7, *8*] фибулы из погр. 9 и 10 [54, рис. 7, *11, 12*] принадлежат серии В (рис. 2, *11, 12*). Признаки серии по типам приведены в работе [38, с. 59—68].

Из культурного слоя могильника происходит фибула типа «Авцисса» [35, с. 26; 54, рис. 7, *3*] (рис. 2, *19*). Фибула причерноморского происхождения найдена на поселении Рахны в позднезарубинецком жилище 1 [56, рис. 1, *1*] (рис. 2, *20*). Она относится к типу «крупных фибул с едва намеченной кнопкой» [35, с. 44].

Датирующие предметы, найденные на памятниках позднезарубинецкого периода, можно подразделить на три категории по месту их происхождения: вещи, характерные для Средней Европы, Северного Причерноморья и продолжающие местные традиции. Наиболее ранние фибулы, типологически связанные со среднеевропейскими прототипами, относятся к третьему периоду позднего латена. Это фибулы вариантов П/Р из Синьково и Почепа (рис. 2, *2—4*), М — из Таценок, О — с Оболони (рис. 2, *1*), Ф — из Почепа (рис. 2, *18*).

Серия более поздних металлических предметов датируется периодом В1 по шкале относительной хронологии римского времени Средней Европы. Это пряжка типа I варианта С, по Р. Мадыде [36, с. 362, 363] (рис. 2, *10*), глазчатая фибула типа VII серии А, по Р. Ямке из Синькова, фибула серии А из могильника Рахны [55, с. 442] (рис. 2, *7, 8*). Фибула типа Альмгрен-236 и шпора типа группы I, по Т. Лиане, из Марьяновки (рис. 2, *5, 9*) относятся к периоду В1 — началу периода В2 [1, с. 74; 55, с. 450]. Периодом В2 датируются глазчатые фибулы серии В, по Р. Ямке, из Рахнов, Картамышево 2, Лютежа (рис. 2, *11—13*) [55, с. 442]. В абсолютных датах Т. Лиана определяет продолжительность этих периодов в рамках 40—70-х и 70—170-х гг. н. э. (соответственно В1 и В2) [55, с. 459]. Фибулы, подобные обнаруженной в Вовках, Е. Л. Гороховский на территории Среднего Поднепровья датирует второй половиной II — началом III в. н. э. [42, с. 133].

Вещи античного происхождения в принципе соответствуют тому же хронологическому диапазону. Как уже было указано выше, раннеримские амфоры с двуствольными ручками (Марьяновка) датируются I в. до н. э.— I в. н. э., светлоглиняные узкогорлые типа А (Марьяновка) — концом I в. до н. э.— началом II в. н. э., типа В (Осиповка) — второй третью I в. н. э.— II в. н. э., типов С и Д (Марьяновка, Осиповка) — соответственно II — началом III в. н. э. и II—III вв. н. э. (последние — преимущественно первой половиной III в.) [1] [57, с. 18, 19]. Обломок краснолаковой чашечки из Гриней 1 — концом I—II в. н. э. и, вероятно позже [19, с. 303, 304]; раннеримские красноглиняные амфоры (Осиповка, может быть, Марьяновка) — I—II вв. н. э. [18, с. 140]. Этим же временем датируется фигурка льва из египетского фаянса, происходящая из Почепа [15, с. 44, 45]. Ко II—III вв. относятся монохромные бусы типов 104 (Картамышево 2, Терновка 2) и 125 (Приоскольское 1) [45, с. 69, 70]. Из известных на позднезарубинецких памятниках фибул причерноморского происхождения I в. н. э. (вероятно, второй его половиной) — началом II в. н. э. датируется лучковая подвязная серии 1 варианта 2 из Почепа [35, с. 49] (рис. 2, *15*). Обе причерноморские фибулы, происходящие из погребений могильника Рахны (рис. 2, *21, 22*), относятся ко второй половине или к концу I — середине II в. н. э. [35, с. 40, 43]. Фибула с поселения Рахны («крупная с едва намеченной кнопкой» — см. рис. 2, *20*) датируется второй половиной II—III в. н. э. [35, с. 44].

К причерноморской группе вещей примыкает и фибула типа «Авцисса» из Рахнов (рис. 2, *19*). Хотя она и имеет провинциально-римское происхождение, но попала на Южный Буг скорее всего из Северного Причерноморья. Фибула датируется, по А. К. Амброзу, первой половиной I в. н. э. [35, с. 26].

Немногочисленные хронологически определимые вещи местного происхождения вполне соответствуют приведенным выше датировкам за-

---

[1] Варианты А—Е типа I, по Д. В. Деопику — А. М. Карапетьянцу, соответствуют типам А—Е, по Д. Б. Шелову [57].

падных и причерноморских изделий. Фибула V типа с треугольным щитком на ножке из Рахнов найдена в погр. 4 могильника с двумя обломками глазчатых фибул серий А и В и причерноморской фибулой со слабо намеченной кнопкой на конце приемника (см. выше). Сочетание двух первых в одном комплексе возможно лишь на рубеже периодов В1 и В2, фибулы со слабо намеченной кнопкой появляются, по А. К. Амброзу, в конце I в. н. э. Следовательно, наиболее вероятная дата погр. 4 — конец I в. н. э. «Почепские» фибулы из Почепа, Синьково и Железного датируются второй половиной I—II в. н. э. [35, с. 24]. Лунница с выемчатой эмалью из Картамышева 2 близка к типу I варианту Б, по классификации И. К. Фролова. Подобные лунницы относятся к этапу Б его системы относительной хронологии [47, с. 111]. С уточнениями Е. Л. Гороховского этот период датируется III — началом IV в. н. э. [58, с. 134].

В предыдущем изложении сознательно не рассматривалась проблема хронологии памятников позднего латена и раннеримского периода Верхнего Поднестровья и Волыни. Как таковые, позднезарубинецкие памятники здесь отсутствуют. Зарубинецкие элементы (керамика, некоторые черты домостроительства) прослежены на поселениях с преобладанием традиций других культур: липицкой и пшеворской [2, с. 46—66; 59, с. 154—158]. Д. Н. Козак, составивший периодизацию так называемых «пшеворских» памятников этого региона, относит начало зарубинецкого влияния к III фазе позднего латена, а массовые контакты пшеворского и зарубинецкого населения, интенсивное проникновение зарубинецких племен на пшеворскую территорию — к началу раннеримского периода [2, с. 59, 60]. Наиболее ранние поселения периода активных пшеворско-зарубинецких контактов (Подбирцы, Зубра, Звенигород, верхний горизонт Подрижья, Хоров) возникают в эпоху В1 [2, табл. 4]. К сожалению, эта дата не подкреплена датирующими вещами, а выведена путем сопоставления керамики волынско-подольских памятников и пшеворских комплексов с территории Польши. «Отчетливо выраженных» вещей периода В1 на памятниках Волыни и Верхнего Поднестровья пока нет [2, с. 39—45]. Если хронологические наблюдения Д. Н. Козака справедливы, то появление зарубинецких племен в волынско-прикарпатском регионе является следствием тех же миграций, которые привели к образованию позднезарубинецких памятников более восточных областей.

Итак, позднезарубинецкие памятники лесостепи и юга лесной зоны от Южного Буга до Оскола составляют единый хронологический пласт по всей территории их распространения и датируются суммарно I—II, возможно, началом — серединой III в. н. э. Однако эта дата, справедливая для позднезарубинецкого периода в целом, сама по себе не проясняет вопроса о времени кризиса зарубинецкой культуры на Среднем Поднепровье. Вещи, имеющие аналогии на территории Средней Европы, с равной степенью вероятности (учитывая неопределенность верхней хронологической границы фибул III периода позднего латена и дату фазы В1, по Т. Лиане) могут датировать период возникновения позднезарубинецких памятников как началом, так и серединой — третьей четвертью I в. н. э. То же самое можно сказать и о нижней дате, логически вытекающей из рассмотрения причерноморских импортов и ранних для позднезарубинецкого периода предметов, продолжающих местные традиции. По сопоставлению абсолютных дат вещей, обычно причисляемых к категории датирующих, можно лишь сделать вывод, что классические зарубинецкие памятники исчезают в I в. н. э. (исключая его конец), а позднезарубинецкие появляются в I в. н. э. и продолжают существовать во II и, вероятно, III вв. н. э. Не слишком уточняют дату распада зарубинецкой культуры и два известных в настоящее время узко датированных комплекса: погр. 3 могильника Субботов и погр. 4 могильника Рахны. Первое может свидетельствовать лишь о том, что классические зарубинецкие памятники еще существуют в начале I в. н. э., а второй — о том, что некоторые позднезарубинецкие памятники уже существуют в конце этого столетия.

Попытаемся уточнить дату кризиса, привлекая к анализу лощеную керамику местного изготовления. Как уже указывалось выше, время функционирования поселения Лютеж охватывает в целом позднезарубинецкий период. Большинство лощеных мисок из набора, представленного в Лютеже (они являются основными типами для позднезарубинецкой эпохи), «продолжают» классические зарубинецкие традиции. Иными по происхождению являются миски с прямым венчиком и ребристым переломом бочка. Они представлены четырьмя основными вариантами формы: с «оттянутым» ребром, оформленным в виде треугольного в сечении валика, и гладкой внутренней поверхностью венчика (рис. 7, *10*); ана-

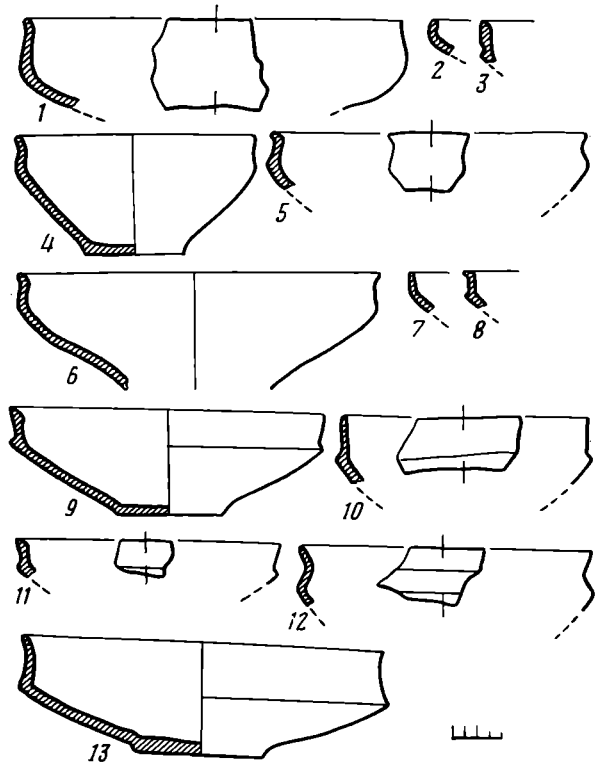
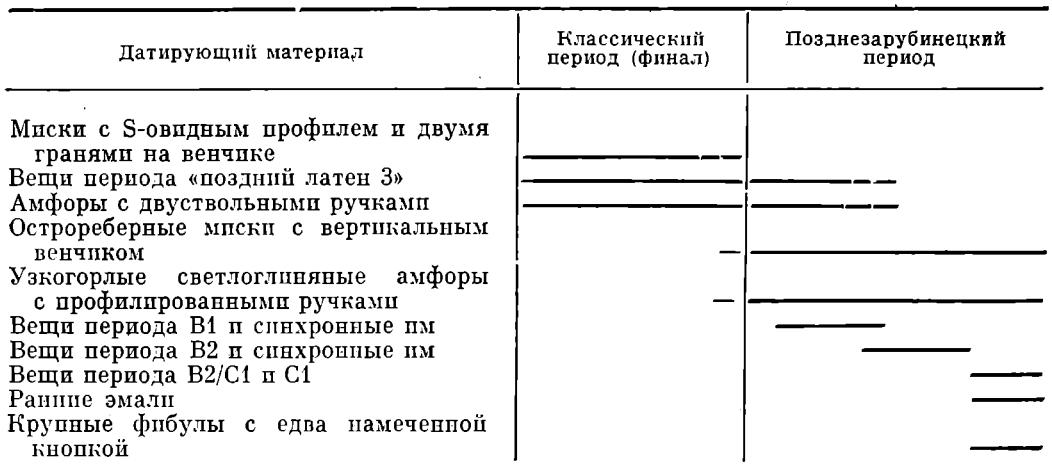


Рис. 7. Типы форм лощеных мисок с поселения Лютеж

логичные по профилю, но без «оттянутого» ребра (рис. 7, *7*); с «оттянутым» ребром и одной гранью на внутренней стороне венчика (рис. 7, *9, 11*); с «оттянутым» ребром и клювовидным в сечении завершением венчика (рис. 7, *8*). Еще в 1961 г. В. П. Петров высказал мысль о близости их по форме к краснолаковым мискам античных городов Северного Причерноморья [60, с. 159]. С тех пор этот вывод никем не оспаривался. Миски с вертикальным венчиком являются одним из наиболее распространенных типов сосудов на поселениях Лютеж и Таценки 1 (по материалам фондовых коллекций), встречены их обломки и на поселении Грини 1 [4, табл. XXVII, *3*]. На памятниках Среднего Поднепровья резко преобладают формы первой и третьей разновидностей. Та же закономерность наблюдается и на поселениях поречья Южного Буга [54, рис. *4, 1, 3, 5—7, 10—12, 15,* рис. *5, 11, 14*; 57, рис. 4, *6, 7* — некоторые из профилей]. Подобные миски характерны и для большинства памятников почепского типа [34, рис. 10, *1—3, 5*; 39, рис. 2, *16*; 40, рис. 1, *4*; 61, с. 59, рис. 4, *17—19, 22*]. Миски второй разновидности происходят с поселений бассейна Северского Донца (Приоскольское 1, Шоссейное, Новодоновка 1, Терновка 2 — по материалам фондов ИА АН СССР и ИА АН УССР). Таким образом, миски с ребристым бочком и вертикальным венчиком являются характерной чертой подзнезарубинецких памятников. Основной период их употребления сов-

Относительная хронология некоторых категорий датирующего материала классических и позднезарубинецких памятников



падает с позднезарубинецким периодом истории лесостепи Восточной Европы.

Изредка такие миски встречаются и на среднеднепровских памятниках классического этапа (см. Корчеватое [32, табл. IV, *74*, *93*], Ходосовка [23, табл. 25, *5*, *7*], Монастырек [24, табл. XXXIX, *5*], Бабина гора [4, табл. XIX, *14*] — одна из приведенных, Пилипенкова гора (62, табл. I, *1*], Субботов (10, рис. 2, *10*]), но лишь в качестве «примеси» к основному набору, который составляют преимущественно различные варианты мисок с S-овидным профилем, округлым бочком и двумя-тремя гранями на внутренней стороне венчика. Следовательно, начало употребления мисок с вертикальным венчиком и острым ребром падает на конец классических зарубинецких памятников Среднего Поднепровья.

Поскольку формы мисок этого типа являются подражанием античным образцам, то период их вероятного появления на Среднем Днепре можно определить по дате краснолаковых мисок с аналогичной профилировкой верхней части. Миски Terra sigillata, близкие по структуре профиля к зарубинецким первой, третьей и четвертой разновидностям, относятся к типам 6 и 7 Мирмекия, по Т. Н. Книпович, и соответствуют типам 19 и 20 Ольвии [19, рис. 2, *1—4*, с. 298; 63, рис. 19, *5*, *8*]. Оба типа мисок датируются суммарно второй-третьей четвертями I в. н. э. [19, с. 298].

К сожалению, после выхода работы Т. Н. Книпович в советской историографии не появлялось новых обобщающих исследований по красному лаку Причерноморья. В современной литературе по римской керамике востока Средиземноморья наиболее детальная классификация и хронология сосудов приводится в трудах Г. Робинсона и Дж. Хейса. По Г. Робинсону, ранние миски, близкие к типу 6 (М) Т. Н. Книпович, относятся к группе G типам 13, 14, 72, 74 [64, табл. 4, 5]. Миски этих типов являются излюбленными формами во времена Тиберия — Клавдия [64, с. 29]. На Афинской Агоре они найдены в слое II объекта D 1 : 4 [64, с. 22, 23]. Слой в целом датируется первой половиной I в. н. э., однако он подразделяется на два горизонта. Г. Робинсон указывает, что вещи периода Тиберия (в том числе и динарий 26—37 гг. н. э.) происходят из верхнего горизонта, который он датирует второй четвертью I в. н. э. [64, с. 23].

По классификации Дж. Хейса, типы 6 и 7 (М) сопоставимы с «аретинской формой 23». На востоке Средиземноморья, по его данным, миски подобного профиля появляются около 30 г. н. э., но основное распространение получают в 50—70-е годы н. э. [65, с. 444, 445, табл. I], т. е. в третьей четверти I в. н. э.

Датировки Г. Робинсона — Дж. Хейса находятся в некотором противоречии с абсолютными датами появления краснолаковых мисок форм типа 6 и 7 (М), предложенными недавно для Фракии и Истрии. Во Фра-

кии Г. Кабакчиева датирует это событие рубежом I и II вв. н. э. [66, с. 5]. В Истрии наиболее ранние формы, близкие к типам 6 и 7 (М), относятся к фазе I существования терм II [67, табл. 5, *1, 3, 4, 6, 8, 9, 13, 14*], которая датируется приблизительно тем же временем [67, с. 30]. Представляется, что для Северного Причерноморья эта дата выглядит несколько завышенной. В работе Т. Н. Книпович и в последующих публикациях приводятся данные о наличии на некоторых мисках типов 6 и 7 (М) клейм в форме человеческой ступни [19, с. 298, рис. 2, 4*а*]. Дж. Хейс датирует основной период их использования в Средиземноморье примерно второй четвертью — серединой I в. н. э. [65, с. 442]. Характерно, что на Афинской Агоре фрагменты мисок с этими клеймами не обнаружены в более поздних комплексах, чем уже упоминавшийся второй слой объекта D 1:4 [64, табл. 57, *29, 37, 55, 56, 61.*]. Следовательно, учитывая дату употребления клейм в виде ступни, можно сделать вывод, что период начала массового распространения мисок типов 6 и 7 (М) наступает в Северном Причерноморье примерно в середине I в. н. э.

Соответственно и лепные подражания этим мискам не могли появиться на зарубинецких памятниках раньше середины, а вероятнее всего, третьей четверти I в. н. э., так как необходим какой-то период времени, чтобы идея изготовления подражаний распространилась и завоевала популярность. Следовательно, и кризис зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья, который падает на время, несколько более позднее, чем начало употребления этих подражаний, вряд ли произошел раньше третьей четверти I в. н. э.

В таблице приведена шкала относительной хронологии основных категорий датирующих вещей, разработанная на материале сводов находок с классических зарубинецких и позднезарубинецких памятников. Учитывая дату кризиса зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья, фибулы III фазы позднего латена на территории лесостепи и в Подесенье следует датировать концом I в. до н. э.— третьей четвертью I в. н. э., хотя некоторые из них, вероятно, употреблялись и позже. Примерно так же датируются и раннеримские амфоры с двуствольными ручками, которые найдены в основном на классических памятниках. В то же время распространение на памятниках зарубинецкого круга светлоглиняных узкогорлых амфор с профилированными ручками вряд ли происходит многим раньше третьей четверти I в. н. э., так как на классических поселениях и могильниках они не встречаются. Основная масса вещей среднеевропейской фазы B1, вероятно, начинает поступать на территорию распространения позднезарубинецких памятников где-то в конце периода их бытования у населения пшеворской культуры, который наступает около 70-х годов н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Щукин М. Б.* К предыстории черняховской культуры (тринадцать секвенций) // АСГЭ. 1979. Вып. 20.
2. *Козак Д. Н.* Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї Західному Побужжі. Київ: Наук. думка, 1984.
3. *Кравченко Н. М., Гороховский Е. Л.* О некоторых вопросах развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. // СА. 1979. № 2.
4. *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев: Наук. думка, 1982.
5. *Щукин М. Б.* Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. 1972. Вып. 14.
6. *Обломский А. М.* О хронологии некоторых типов фибул зарубинецкой культуры // СА. 1983. № 1.
7. *Максимов Е. В.* Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я // Археологія. 1978. № 28.
8. *Симоненко А. В.* Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наук. думка, 1981.
9. *Мачинский Д. А.* О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур // КСИА. 1963. Вып. 94.

10. *Максимов Е. В.* Памятники зарубинецкого типа в Субботове // КСИА АН УССР. 1959. Вып. 9.
11. *Самойловский И. М.* Субботовский могильник // КСИА АН УССР. 1959. Вып. 9.
12. *Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И.* Памятник первых вв. н. э. в долине р. Бодрак в Крыму // СА. 1976. № 4.
13. Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984.
14. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. 3 // САИ. 1982. Вып. Г1-12.
15. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. 1. // САИ. 1975. Вып. Г1-12.
16. *Гудкова А. В.* Классификация сероглиняной столовой керамики Тиры II–IVвв. н. э. // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев: Наук. думка, 1979.
17. *Бураков А. В.* Козырское городище рубежа и первых столетий н. э. Киев: Наук. думка, 1976.
18. *Каменецкий И. С.* Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // МИА. 1969. № 154.
19. *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых вв. н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25.
20. *Довженок В. И., Линка Н. В.* Раскопки раннеславянских поселений в нижнем течении р. Рось // МИА. 1959. № 70.
21. *Максимов Е. В.* Среднее Поднепровье на рубеже н. э. Киев: Наук. думка, 1972.
22. *Максимов Е. В.* Зарубинецьке городище Пилипенкова гора // Археологія. 1971. № 3.
23. *Максимов Е. В., Терпиловский Р. В., Цындровская Л. А.* Отчет о работе Среднеднепровской раннеславянской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА АН УССР, р-1 № 1976/21.
24. *Максимов Е. В., Петровская Е. А., Погорелый В. Н., Терпиловский Р. В., Цындровская Л. А.* Отчет о раскопках городища Монастырёк в 1974 г. // Архив ИА АН УССР, р-1 № 1974/18.
25. *Циндровська Л. О.* Могильник в урочищі Дівич-гора // Археологія. 1984. № 47.
26. *Сорокина Н. П.* Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1959 гг. // МИА. 1962. № 103.
27. *Кунина Н. З., Сорокина Н. П.* Стеклянные бальзамарии Боспора // Тр. ГЭ. 1972. Т. 13.
28. *Сорокина Н. П., Гущина И. И.* Стеклянные изделия из могильников первых вв. н. э. юго-западного Крыма // Тр. ГИМ. 1980. Вып. 51.
29. *Кубишев А. І.* Деякі підсумки дослідження Пирогівського могильника (розкопки 1966–1967 рр.) // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ: Наук. думка, 1976.
30. *Кубышев А. И., Максимов Е. В.* Пироговский могильник // МИА. 1969. № 160.
31. *Обломский А. М.* Опыт классификации и хронологии фибул с треугольным щитком на ножке // КСИА. 1986. Вып. 186.
32. *Самойловский И. М.* Корчеватовский могильник // МИА. 1959. № 70.
33. *Каспарова К. В.* О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Полесья // СА. 1976. № 3.
34. *Заверняев Ф. М.* Почепское селище // МИА. 1969. № 160.
35. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
36. *Madyda R.* Sprzączki i ocucia pasa na ziemach Polskich w okresie rzymskim // MSW. 1977. T. IV.
37. *Амброз А. К.* Отчет о работе Верхнеднепровской экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. // Архив ИА АН СССР, р-1 № 1658.
38. *Jamka R.* Fibuły typu oczcowatego w Europie śrokowej ze szcególnym uwzględnieniem ziem Polskich // MS. 1964. T. X.
39. *Амброз А. К.* К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э. // СА. 1964. № 1.
40. *Фролов И. К.* О домостроительстве первой половины I тыс. н. э. на территории Подесенья и Поочья // СА. 1979. № 1.
41. *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1981.
42. *Гороховский Е. Л.* О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев: Наук. думка, 1982.
43. *Телегін Д. Я., Беляева С. О.* Пам"ятки ранньослов"янського часу на Орелі // Археологія. 1975. № 18.
44. *Деопик Д. В., Карапетьянц А. М.* Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
45. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Ч. 2. // САИ. 1978. Вып. Г1-12.
46. *Горюнов Е. А.* Исследования в Курской обл. // АО – 1980. М., 1981.
47. *Фролов И. К.* Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига. Зинатне, 1980.
48. *Бидзиля В. И., Пачкова С. П.* Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА. 1969. № 160.
49. *Третьяков П. Н.* Древности 2-й и 3-й четвертей I тыс. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974.
50. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1973.

51. *Цындровская Л. А.* Новые позднезарубинецкие памятники в бассейне р. Стугны // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1981.
52. *Шовкопляс А. М.* Дослідження на березі р. Почайни в Києві // АДУ – 1969. Вип. IV. Київ, 1972.
53. *Максимов Е. В.* Новые зарубинецкие памятники в Среднем Поднепровье // МИА. 1969. № 160.
54. *Хавлюк П. І.* Зарубинецька культура Південного Побужжя та Лівобережжя Середнього Дністра // Археологія. 1975. № 18.
55. *Liana T.* Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim // WA. 1970. T. XXXV, z. 4.
56. *Хавлюк П. І.* Пам"ятки зарубинецької культури на Побужжі // Археологія. 1971. № 4.
57. *Шелов Д. Б.* Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых вв. н. э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156.
58. *Гороховский Е. Л.* Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
59. *Цигилик В. М.* Населення Верхнього Подністров"я перших століть н. е. Київ: Наук. думка, 1975.
60. *Петров В. П.* До питання про ліпну керамику з городищ Нижнього Подніпров"я II ст. до н. е.– II ст. н. е. // АП. 1961. Т. X.
61. *Пронин Г. Н.* Некоторые вопросы изучения памятников почепского типа // СА. 1979. № 1.
62. *Богусевич В. А.* Канівська археологічна експедиція // АП. 1952. Т. III.
63. *Гущина И. И.* Население сарматского времени в долине р. Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
64. *Robinson H. S.* Pottery of the Roman Period // Athenian Agora. 1959. V. V.
65. *Hayes J. W.* Roman Pottery from the South Stoa at Corinth // Hesperia. 1973. V. 42. № 4.
66. *Кабакчиева Г.* Типология и хронология на глинените червенолакови паници от Тракия (I–IVвв) // Археология. 1983. № 4.
67. Histria. Les thermes Romains. V. VI. Bucurest, 1982.

A. M. Oblomsky

ON THE FINAL DATE OF THE MIDDLE DNIEPER VARIANT OF THE ZARUBINTSY CULTURE

Summary

The author looks for a chronological boundary separating the classical Zarubintsy sites along the middle reaches of the Dnieper and the late Zarubintsy sites found in the forest-steppe zone and along the Desna River. He compared precisely dated artifacts from the settlements and cemeteries of both periods. The absolute chronology of fibulae, buckles, spurs, glass objects, and imported antique earthenware, as it is seen today, points to the 1st century A. D. as such boundary. This date is made more precise through establishing a chronology of sharp-ribbed basins with cylindrical necks which were the main type of burnished vessels on the late Zarubintsy sites. They reproduced red-lacquer antique basins of Types 6 and 7(M) (according to T. N. Knipovich). The latter were used in the Northern Pontic area in the middle of the 1st century A. D. Since the final stage of the classical sites coincided with the appearance of such reproductions it most probably emerged in the third quarter of the 1st century A. D. The author offers his opinion on the relative chronology of the fibulae and the early Roman amphorae of both Zarubintsy periods.

А. А. ЮШКО

О МЕЖДУКНЯЖЕСКИХ ГРАНИЦАХ В БАССЕЙНЕ р. МОСКВЫ В СЕРЕДИНЕ XII—НАЧАЛЕ XIII в.

В домонгольское время Москворечье, как известно, составляло часть земли вятичей. Исследователи уже отмечали, что отличительная особенность этого района заключалась в его промежуточном, «нейтральном» положении между могущественными княжествами — Черниговским, Владимиро-Суздальским, Смоленским, Муромо-Рязанским [1, с. 45]. Особенность эта решающим образом сказалась на социально-экономическом и политическом развитии данного региона, вследствие чего становится очевидной необходимость реконструкции междукняжеских границ в бассейне р. Москвы в XII—XIII вв.— территории, явившейся позже ядром Русского централизованного государства.

Сведения письменных источников по этому вопросу крайне скудны и отрывочны. Почти все они использованы в работах М. К. Любавского, А. Н. Насонова, В. А. Кучкина и других исследователей. Однако спорность локализации отдельных пунктов, на основе которых проводятся границы, а также привлечение других данных позволяет по-новому взглянуть на интересующую нас проблему.

Сложение чернигово-суздальского рубежа прослежено А. Н. Насоновым [2, с. 183—185], а вслед за ним В. А. Кучкиным [3, с. 77—79] и А. К. Зайцевым [4, с. 102] (рис. 1). Из приведенной карты следует, что эту границу исследователи проводят по-разному, хотя их реконструкции базируются на сумме летописных свидетельств о черниговских волостях и пунктах, расположенных по течению Оки: Колтеска на месте современного правобережного по Оке села Колтово (1146 г.) [5, с. 28], волости Лопасна — нижнее течение р. Лопасни и правобережье р. Оки с центром на месте городища у д. Макаровки (1176 г.) [1] [5, с. 118, 7, с. 282—284], волости Сверилеск [2] [5, с. 118].

А. Н. Насонов провел северную границу черниговских владений по левобережью р. Оки с учетом расположения волости Лопасни — пересекая среднее течение одноименной реки, в 25—30 км к северу от р. Оки.

---

[1] В. А. Кучкин не согласен с локализацией волостного центра Лопасни на правом берегу Оки и вслед за рядом исследователей помещают его по течению р. Лопасни, при этом совершенно произвольно трактуя словосочетание договорной грамоты 1381 г. «почен Лопастна» как «начиная с Лопастна (Лопастни)», т. е. от р. Лопасни [6, с. 77].

[2] Центр волости многими исследователями отождествлялся с современным селом Северским, расположенным близ устья р. Северки [2, с. 66, 230; 3, с. 78, 4, с. 80, карта-вклейка]. Этому как будто бы соответствуют и археологические данные: на месте современного села выявлено обширное селище XIV—XVII вв. [8]. Однако материалы лингвистики не позволяют согласиться с такой локализацией (пользуюсь случаем выразить благодарность Л. П. Жуковской за любезные консультации). Имеется больше оснований связывать слой XIV в. в современном с. Северском с великокняжеским селом «на Северьце в Похрянском уезде» духовной грамоты Ивана Калиты (ок. 1339 г.) [9, с. 7, 9].

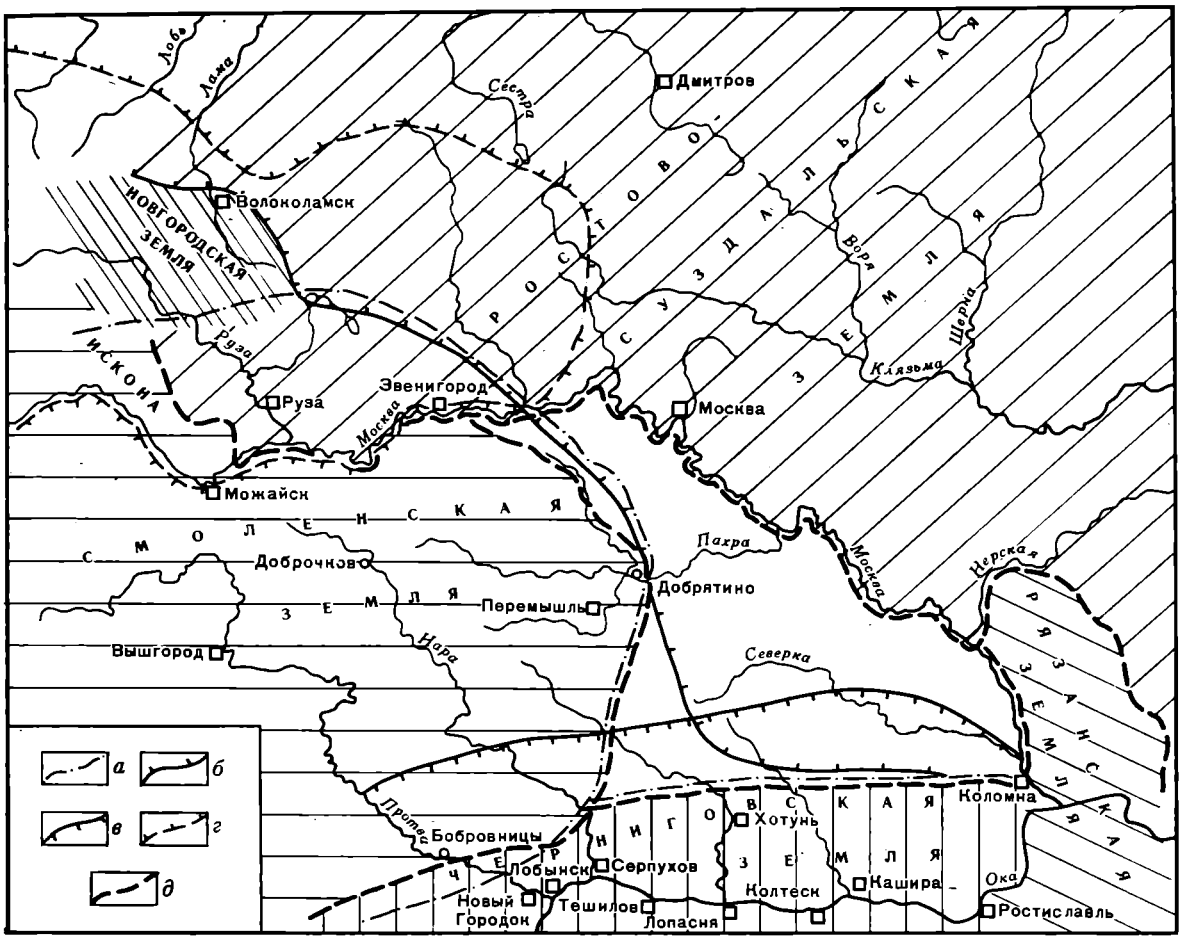


Рис. 1. Приблизительные границы княжеств середины XII — начала XIII в. в бассейне р. Москвы. *а* — по А. Н. Насонову; *б* — по В. А. Кучкину; *в* — по А. К. Зайцеву; *г* — по В. В. Седову; *д* — дополнение автора

Граница, предложенная В. А. Кучкиным, близка той, которую указал А. Н. Насонов. Граница черниговских владений, по А. К. Зайцеву, представляется необоснованно удаленной от р. Оки — до 50 км.

Вместе с тем северный рубеж Черниговского княжества, очевидно, не обязательно должен совпадать с границей Ростово-Суздальской земли, как полагали исследователи, начиная с А. Н. Насонова. Этому в значительной мере способствовала ошибочная локализация А. Н. Насоновым летописного пункта Голубино (территория Владимиро-Суздальского княжества), упоминаемого многими летописными сводами под 1209 г., в современном Михневском (ныне Ступинском) р-не Московской обл. [2, с. 184] близ северной черниговской границы, о чем подробно будет сказано ниже. Имеется достаточно данных, позволяющих отнести южный рубеж владимиро-суздальских владений гораздо севернее крайних черниговских волостей.

Как известно, первые летописные упоминания о Москве Ипатьевской и Тверской летописями под 1147 г. [6, с. 29] и 1156 г. [10, с. 225] характеризуют этот удаленный от основных ростово-суздальских земель пункт как город, связанный со строительной деятельностью Юрия Долгорукого [11, с. 143—148]. О том, что Москва в начале XIII в. была крайним юго-западным пунктом Владимиро-Суздальского княжества, зе́мли которого могли «воевать» соседние князья, прямо указывает краткое летописное свидетельство Симеоновской летописи о событиях 1209 г.: «Тое же зимы Рюрик, Михаил с Изяславом пришедше начаша воевати

волость Всеволожю великого князя близ Москвы» [12, с. 46]. Крайним юго-западным форпостом Ростово-Суздальской земли считали Москву С. Ф. Платонов [13, с. 103] и М. Н. Тихомиров [14, с. 5]. Таким образом, среднее левобережье р. Москвы в середине XII — начале XIII в. было ростово-суздальским, а границей княжества, видимо, являлась р. Москва, вопреки мнению А. Н. Насонова, отодвигавшего эту границу значительно южнее.

Немаловажное значение для определения границ между Владимиро-Суздальским и Рязанским княжествами имеет летописный сюжет о событиях 1209 г., который с разной степенью полноты освещен различными летописными сводами. Наиболее полный рассказ содержит Воскресенская летопись. Этот поздний летописный свод, относящийся к 40-м годам XVI в., [15, с. 376, 379], восходит, согласно А. А. Шахматову, к Московскому своду конца XV в. [16, с. 133]. Действительно, летописный рассказ 1209 г. Воскресенской летописи полностью повторяет текст Московского летописного свода [17, с. 107, 108]. Источником же последнего, по А. А. Шахматову, является Софийская 1-я летопись [16, с. 133], восходящая, в свою очередь, к Новгородско-Софийскому своду 1430-х годов [18, с. 107, 108]. Некоторые подтверждения новгородских истоков Московского летописного свода находим и в описании событий 1209 г.[3]

Во всяком случае, летописный текст о событиях 1209 г. Воскресенской летописи, как наиболее полный и восходящий к довольно ранним источникам, может быть использован с достаточной степенью надежности. Приведем его полностью. «Приходиша к Москве Рязаньские два князя Изяслав Володимерич и Кюр Михаил Всеволодич, слыша бо, яко сынове Всеволожи отошли суть на Тверь противу новгородцем, а сего на ведаху, яко урядившеся с новгородци приидоша со Твери в Володимер ко отцу своему, начаша же воевати села около Москвы. Слышав же князь великий Всеволод, посла противу им вборзе сына своего Георгия, пришедшу на Голубино вечер, и посла сторожи пытати рати, и бысть ему весть, оже Изяслав стоит на Мерске, а Кюр Михаил на Литове, а люди своя распустиша воевати. Георгий же поиде через ночь на Мерску, той бо ему напереди, и быв на Волочке и оттоле уряди сторожевой полк за реку Клязьму, а сам поиде за ними же, и в ранюю зарю сретошася сторожеве их, и погнаша Юрьевы сторожи Изяславлих и гнаша их лесом секуще я. Георгий же поиде за ним вборзе с полком своим и прииде к реке Дроздне и ту удари на Изяслава, он же побеже, а дружину его избиша, а другие изымаша, а сам утече через реку, и многа дружина истопоша около его. Слышав же Кюр Михаил, оже Изяслав побежен, и беже и сам с полком своим, бяше бо тогда великий четверток и собор Архангела Гавриила, князь же Георгий возвратился с победою ко отцю своему, в Володимер, с великою честию» [19, с. 116].

Очевидно, что содержащаяся в этом отрывке географическая номенклатура определяет ту порубежную с рязанскими землями территорию Владимиро-Суздальского княжества, на которой развернули свои действия рязанские князья.

Судя по упоминанию р. Дроздны (ныне р. Дрезна), впадающей в р. Клязьму близ г. Орехово-Зуево, понятие «к Москве», «села около Москвы» было довольно широким. А. Н. Насонов ошибочно связывал с локализацией с. Голубино образование чернигово-суздальского рубежа, что, видимо, проистекало из неверной локализации им этого пункта в Михневском (ныне Ступинском) р-не Московской обл. [2, с. 184]. М. П. Погодин локализовал с. Голубино в 15 км к югу от Москвы [20, с. 285], что также оказывается в отрыве от всего комплекса упоминаемых

---

[3] Так, известный по материалам XVII в. населенный пункт Волочек на левобережье р. Клязьмы в Московском своде назван, согласно новгородской орфографии, «Волочцем» [17, с. 107].

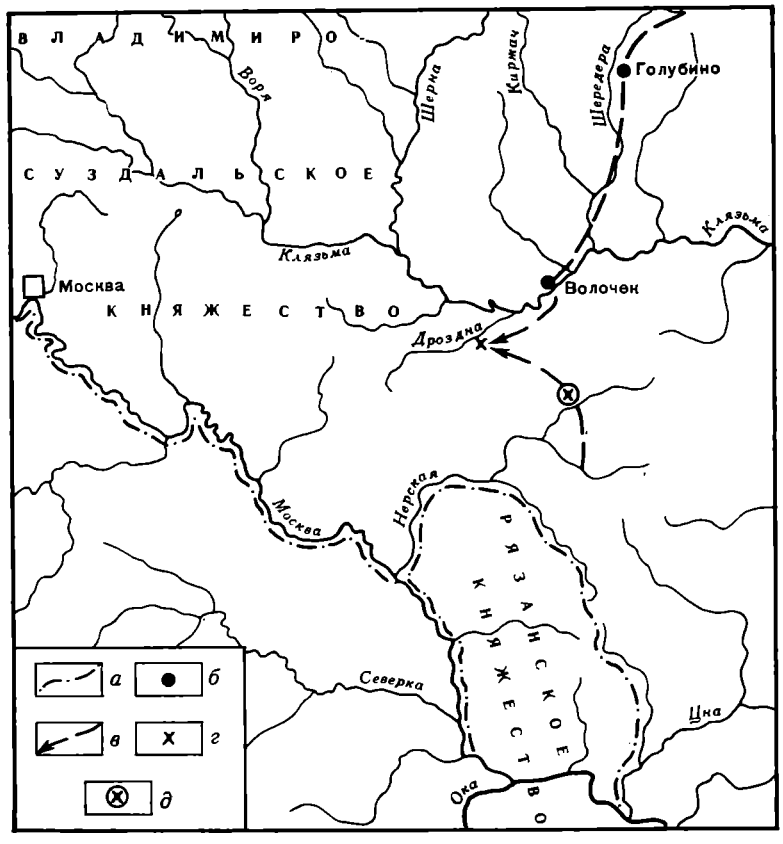


Рис. 2. Военные действия между рязанскими и владимиро-суздальскими князьями в 1209 г. *а* — границы княжеств; *б* — пункты, упоминаемые в летописи; *в* — направление движения княжеских войск; *г* — место битвы; *д* — стан Изяслава

в этом отрывке пунктов. Н. И. Надеждин и К. А. Неволин, анализируя этот летописный сюжет, исходили из неверной посылки, что рязанские князья двигались через Москву, о чем в летописи прямых указаний нет [20, с. 286, прим.]. И далее, следуя логике упоминаемых в отрывке событий, они полагали, что Литову надо искать западнее р. Нерской, т. е. на правой стороне р. Москвы, ибо «Изяслав относительно Георгия, шедшего из Владимира, был перед Кир Михаилом, стоявшем на Литове» [20, с. 286, прим.]. Волочек же и Голубино, по их мнению, были на левом, северном берегу р. Клязьмы, причем Голубино ближе к Владимиру, что действительно соответствует истине.

Для того чтобы внести ясность в этот вопрос, очевидно, необходимо локализовать указанные пункты, используя различные виды источников.

Поскольку Голубино является первым пунктом остановки Георгия на пути поиска рязанских князей, то искать его, видимо, следует ближе к Владимиру. Писцовая книга земель Троице-Сергиева монастыря 1592—1593 гг. по Переяславль-Залесскому уезду упоминает на территории Маринпнской волости Борисоглебского стана «пустошь, что была дер. Голубино, на рек. Шередере» [21, с. 848]. Река Шередера — левый приток Киржача [22, с. 206]. Пустошь эта, как и целый ряд других, тянулась к сельцу Халино [21, с. 848], которое еще до недавнего времени располагалось в самом верховье р. Шередеры. Видимо, поблизости от этого села и следует локализовать Голубино (рис. 2). Нашими обследованиями 1981 г. пустошь была выявлена археологически. Это селище, расположенное рядом с сохранившимся до наших дней микротопонимом «Голубинский лес». Здесь, близ Большой Покровской дороги на Владимир, согласс-

но сведениям летописи, Георгий узнал, что Изяслав стоит «на Мерске». а Михаил «на Литове». Изяслав, надо думать, стоял в верховьях р. Нерской, ибо только верхнее течение этой реки расположено близко к р. Дроздне и к Голубино. Кроме того, старая дорога из Коломны на Владимир в XVIII в., как следует из картографических источников, поворачивала от р. Москвы южнее р. Мезенки к северо-востоку и шла, очевидно, через верховья р. Нерской [23]. Что же касается «Литовы», то достаточно надежных данных для локализации этого пункта найти не удается.

Если наши рассуждения верны, то рязанские князья стояли в 30 км один от другого, блокировав дороги на Владимир из Москвы и Коломны. Георгий, узнав об этом, стал двигаться к р. Нерской через Волочек. Место этого пункта легко определяется по данным Писцовых книг XVII в. (Волочек Зуев) на левом берегу р. Клязьмы, между р. Выркой и Дубной [24] (рис. 2). Затем, переправившись близ Волочка на противоположный берег р. Клязьмы, Георгий преследовал «сторожи Изяславлих» вплоть до р. Дроздны, где и произошло окончательное сражение, принесшее ему победу.

Таким образом, вся географическая номенклатура летописного известия 1209 г. размещается близ течения р. Клязьмы и ее притоков, в 60—90 км к востоку от Москвы, и с подмосковным, как и со ступинским Голубино не связана. Очевидно также, что военные столкновения происходили на территории Владимиро-Суздальского княжества, близ границ с Рязанским, и к выяснению чернигово-суздальского рубежа, как полагал А. Н. Насонов, они отношения не имеют [4].

Территория Рязанского княжества, как показал В. А. Кучкин на основе анализа летописных известий 1186 и 1207 гг. Лаврентьевской летописи, простиралась и на левобережье р. Оки [3, с. 91, 92]. Согласно А. Н. Насонову, Рязань утвердилась в низовьях р. Москвы не позднее первых десятилетий XII в. [2, с. 205]. Есть основания полагать, что рязанские владения по левобережью р. Оки простирались вплоть до р. Нерской. Летописные источники содержат иногда сведения о том, что р. Нерская была тем рубежом, куда выходили встречать и провожать высокопоставленных гостей послы рязанских князей и епископов. Так, Лаврентьевская летопись под 1207 г. сообщает, что великого князя Всеволода, идущего от Коломны и пришедшего на «усть Мерьскы», «постиже ... епископ ... с молбою и с поклоном от всех людей, князь же великий оттоле поиде в Володимер» [25, с. 183]. Когда в 1176 г. Михалко «поиде ... на Глеба к Рязаню», послы Глеба встретили его на «Мерьской» [17, с. 86]. Там же, только в верховьях реки, стоял и Изяслав во время вышеописанных событий 1209 г. На этом основании можно предположить, что р. Нерская в значительной части своего течения составляла рубеж рязанских владений.

Местоположение смоленского рубежа определяют ряд восточных пунктов Уставной грамоты 1136 г. Ростислава Смоленского: Добрятино на р. Пахре (застроенная окраина современного г. Подольска), Доброчков (верховье р. Нары), Бобровницы (в нижнем течении р. Протвы) [2. с. 160, карта-вклейка; 26, с. 96, карта-вклейка] [5]. На севере этого региона Смоленску принадлежала волость Искона, располагавшаяся в бассейне одноименной реки (рис. 1). Исконская слободка фигурирует во вто-

---

[4] В. А. Кучкин связывает летописный сюжет 1209 г. с установлением владимиро-рязанского рубежа, причем к рассмотрению вопроса им привлекались сведения Летописца Переяславля Суздальского, согласно которым князь Юрий встретил рязанцев у «Осового». Пункт этот локализуется В. А. Кучкиным близ р. Осенки — правого притока Северки, вследствие чего владимирские владения простирались, согласно В. А. Кучкину, до р. Северки [6, с. 98]. Однако проверка этих сведений Летописца Переяславля Суздальского не подтвердилась.

[5] Данные локализации, а также локализация Бенц, предложенные в свое время П. В. Голубовским и принятые позже А. Н. Насоновым и Л. В. Алексеевым, оспариваются В. А. Кучкиным. Исследователь полагает, что с. Добрятино возникло не

рой духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича [9, с. 35]. В. Н. Дебольский локализует волость Искону конца XIV в. по правому берегу верхнего течения одноименной реки [29, с. 171, карта-вклейка].

Однако А. Н. Насонов вслед за П. В. Голубовским ошибочно включил в состав смоленской территории XII в. часть волостей, фигурирующих впервые лишь в духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича (ок. 1389 г.). Это Загорье, Числов, Берестов, расположенные в бассейне р. Москвы близ впадения в нее р. Рузы [9, с. 34, 35]. Нет оснований относить эти волости к смоленской территории XII в. Следуя сведениям источников, мы имеем гораздо больше оснований провести границу Смоленского княжества XII в. по левому берегу г. Исконы а затем, очевидно, вниз по течению р. Москвы.

Южный рубеж Смоленского княжества, образующий границу с Черниговским, определялся местоположением погоста Беницы на р. Протве и Бобровниц в нижнем ее течении [26, с. 96, карта-вклейка].

Проведенные таким образом границы крупнейших княжеств XII в.— Владимиро-Суздальского, Смоленского, Черниговского и Рязанского — окружают со всех сторон территорию, расположенную по правому берегу р. Москвы от Звенигорода до устья р. Северки и до Нары на юго-западе, свободную от каких-либо княжеских владений вплоть до начала XIII в. Напомним, что подобные «зоны пустоты» в процессе формирования государственности выявлены и другими исследователями Древней Руси, правда, для более раннего времени [30]. Естественно, возникает вопрос: что же собой представляла эта территория с точки зрения социально-экономического и политического развития земли вятичей? Ввиду отсутствия конкретных сведений письменных источников по этому вопросу постараемся, насколько это возможно, использовать данные археологии, преимущественно материалы об укрепленных поселениях — городищах.

Согласно археологическим свидетельствам, освоение древнерусским населением Москворечья началось в XI в. От этой поры сохранилось относительно небольшое количество городищ, селищ и курганных групп с трупосожжениями (рис. 3). Показательно, что больше всего памятников в западной половине изучаемого региона. Видимо, заселение территории шло с запада на восток по основной транспортной артерии района — р. Москве. Первоначально процесс носил характер стихийных миграционных потоков свободного общинного населения, оставившего нам немногочисленные и некрупные поселения (преобладают городища и селища площадью до 10 тыс. м^2).

Эти незначительные поселения, иногда в сочетании с близкорасположенными городищами и открытыми сельскими поселками, а также курганными могильниками, представляли собой территории, занимаемые свободной сельской общиной, осуществлявшей коллективную собственность на землю и ряд других функций, в том числе управление внутри коллектива и защиту от внешней опасности [31].

В конце XI в. в Москворечье появляются первые города (Москва и, очевидно, Коломна). К сожалению, мы не имеем надежных сведений о топографии древней Коломны. Что касается Москвы, то, согласно данным

в XII, а в XIV в., поскольку в 1348 г. вместо с. Добрятино упомянута Добрятинская борть. «Очевидно,— пишет В. А. Кучкин,— поросшие густыми лесами берега р. Пахры начали осваиваться не в XII, а в XIV в.» [5, с. 83]. Данные археологии опровергают этот тезис. Течение р. Пахры принадлежит к одному из самых густонаселенных районов Подмосковья домонгольского времени. Известна и курганная группа у с. Добрятино [27]. Отсутствие же упоминаний о с. Добрятино в других источниках XII в. вовсе не означает, что села не было в действительности. То же можно сказать и в отношении Бениц. Упоминание пункта в XV в. вовсе не является основанием для датировки времени его возникновения. Данные археологии датируют время его возникновения X в. [5, с. 83, 28, с. 216—232].

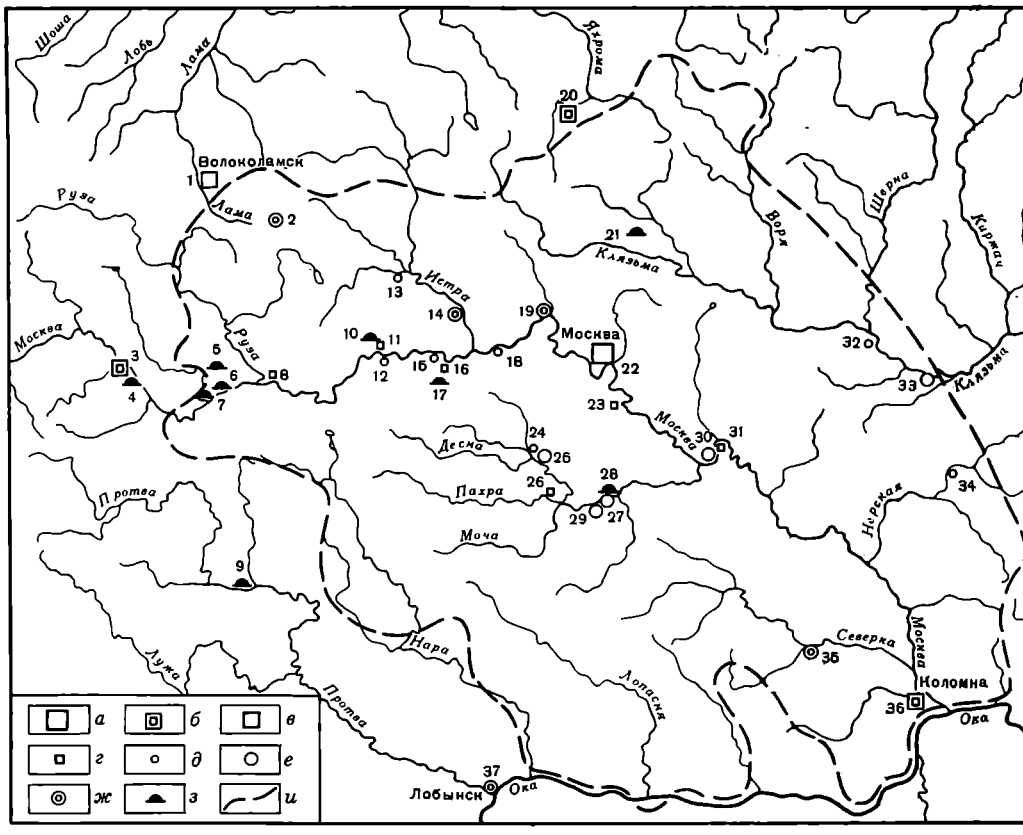


Рис. 3. Древнейшие славянские памятники на территории Подмосковья (конец XI — начало XII в.). *а* — городища площадью 31—50 тыс. м²; *б* — городища, площадь которых неизвестна; *в* — городища площадью 11—20 тыс. м²; *г* — городища площадью до 10 тыс. м²; *д* — селища, площадью до 10 тыс. м²; *е* — селища площадью 11—20 тыс. м²; *ж* — селища площадь которых неизвестна; *з* — курганные группы, в которых встречены трупосожжения; *и* — приблизительная граница Московского княжества времени Ивана Калиты; *1* — Волоколамск; *2* — Сычево; *3* — Тушков городок, городище; *4* — Тушков городок, курганы; *5* — Новинки; *6* — Шишимрово 1; *7* — Воронцово; *8* — Старая Руза; *9* — Беницы; *10* — Кораллово 1; *11* — д/о «Связист»; *12* — Колтырево; *13* — селище в устье Малой Истры; *14* — Павловская Слобода; *15* — Ильинское; *16* — Успенское; *17* — Горышкино 2; *18* — Жуково; *19* — Митино; *20* — Парамоново; *21* — Кузнецовка 1; *22* — Москва; *23* — Дьяково; *24* — Пенино; *25* — Десна; *26* — Луковня; *27* — селище Стрелково; *28* — курганы Стрелково; *29* — Покров 4; *30* — Заозерье; *31* — Боровский курган; *32* — Богослово 1; *33* — Саурово; *34* — Куровское; *35* — Федоровское; *36* — Коломна; *37* — Дракино (Лобынск)

Н. С. Шеляпиной, древнейшее ее ядро, состоящее из мысового городища и укрепленной средней части, имело площадь 41,7 тыс. м² [32]. Все это наталкивает на мысль, что строительство подобных цитаделей было под силу только сильной княжеской власти.

Начало градостроительства, а также намечающиеся по летописным данным попытки установления государственных границ отдельных княжений в 30—40-е годы XII в. знаменуют, очевидно, начало следующего этапа освоения этой территории, связанного с деятельностью отдельных соседствующих князей и распространением государственности на изучаемой территории. Резко возрастает численность населения в изучаемом регионе. Возникают новые города: Дмитров, Звенигород, Перемышль, Можайск, Лобынск, Хотунь. В XII—XIII вв. население здесь было настолько плотным, что по техническим причинам публикация археологической карты невозможна. Эквивалентом ей служит карта плотности домонгольских археологических памятников, составленная по результатам подсчетов их на каждые 100 км² (рис. 4). Она свидетельствует, что население на этой территории распределялось далеко не равномерно; наибольшая плотность его была как раз на том пространстве, которое вплоть до начала XIII в. находилось вне княжеских владений. Видимо, это об-

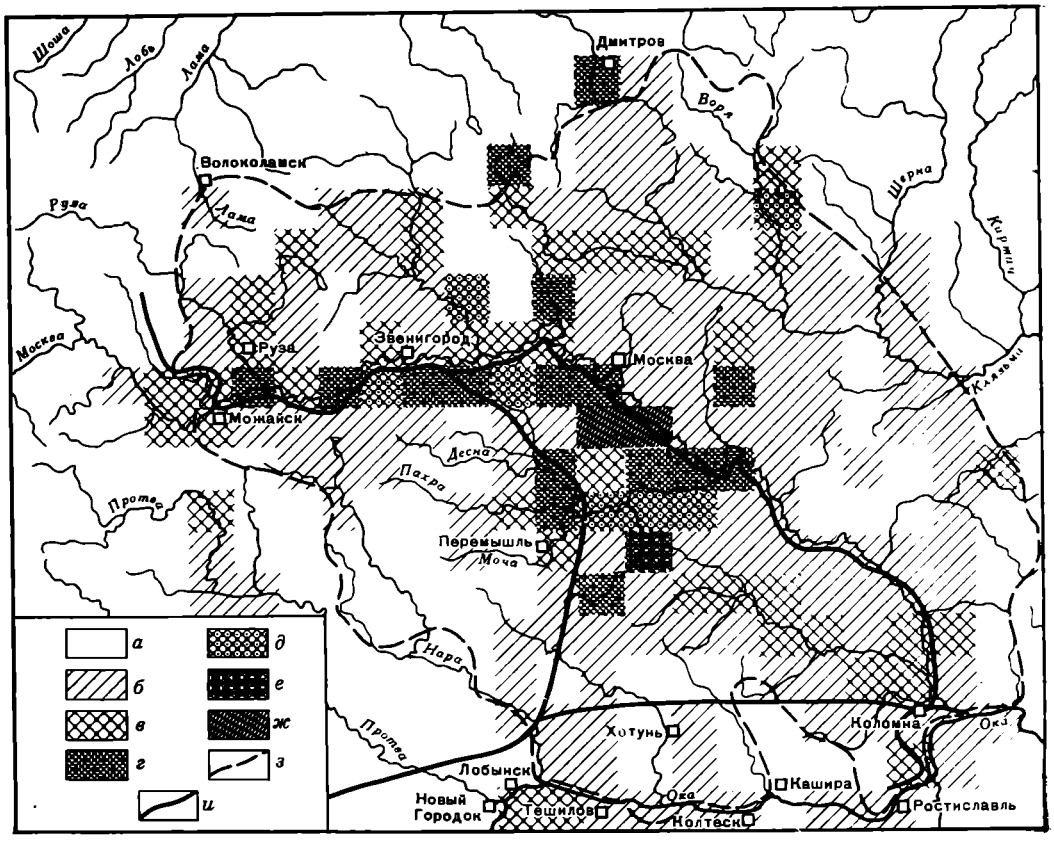


Рис. 4. Карта плотности домонгольских археологических памятников. *а* — отсутствие памятников; *б* — 1—5 памятников на 100 км²; *в* — 6—10 памятников на 100 км²; *г* — 11—15 памятников на 100 км²; *д* — 16—20 памятников на 100 км²; *е* — 21—25 памятников на 100 км²; *ж* — 26—30 памятников на 100 км²; *з* — граница Московского княжества около 1339 г.; *и* — междукняжеские границы домонгольского периода

стоятельство сыграло не последнюю роль в том, что власть князей распространилась на эту удаленную, густо населенную свободным общинным населением территорию позже, чем на другие районы Москворечья.

Важным атрибутом государственности в древнерусское время являются города. Однако на этой значительной по размерам территории мы не найдем ни одного засвидетельствованного летописными источниками города, а лишь небольшое число незначительных по размерам укрепленных поселений (рис. 3). И наоборот, все крупнейшие города Московской земли XII в., размещающиеся вне районов с наиболее высокой концентрацией населения, оказываются принадлежащими крупным соседним княжествам: Звенигород и Москва — Владимиро-Суздальскому; Можайск, Перемышль — Смоленскому; Лопасня, Лобынск и Хотунь — Черниговскому; Коломна — Рязанскому; Волоколамск — Новгородской земле (рис. 3). Показательно размещение этих городов, подавляющая часть которых возникает, согласно археологическим и письменным данным, в XII в., близ границ государств-княжеств. Подобные историко-географические наблюдения заставляют предположить, что строителями этих городов, очевидно, выступали князья соседних крупнейших противоборствующих княжеств, которые ставили их в интересах безопасности своих окраин, о чем можно иногда получить прямые сведения в письменных источниках [6].

[6] Дмитров был основан в 1154 г. владимиро-суздальским князем Юрием Долгоруким по случаю рождения у него сына [17, с. 58]. Им же, очевидно, были сооружены новые укрепления Московского Кремля в 1156 г. [10, с. 225]. Волоколамск, согласно сведениям патерика Досифея Топоркова, был заложен Ярославом Мудрым [33, с. 99].

Корреляционная таблица типов укрепленных поселений XII в. и их археологических признаков (по исследованным памятникам)

Тип поселения	Характер застройки	Ремесленные мастерские		Предметы феодального быта					«Племенные» пережитки в использовании украшений				Оружие	Стеклянные браслеты	Памятник
									вятичи		кривичи	угро-финны			
		гончарные	совмещенные постройки (жилые и производственные)	стеклянные сосуды	височные бусинные кольца	серебро	янтарь	эмаль	семилопастные кольца	решетчатые перстни	браслетообразные кольца	шумящие привески			
Ремесленные центры	Отдельные срубы		2 (кузнечные) 1 (литейно-ювелирная)			1							9	44	Тушков городок
Феодальные усадьбы	Усадебная			4 (б, в)	3 (б, в)	3 (а, в)	4 (б)	3 (а, б)	5 (а)	6 (а)	–	1 (а)	4 (а, б)	Более 50 (а, б, в)	Луковня (а), Городищи (б), Неждино (в)
Укрепленные центры сельских общинников	Отдельные срубы	1	1 (ювелирная) (а)						8 (а, б)	2 (б)	1 (а)	8 (а, б, в)	14 (а, б, в, г)		Успенское (а), Боровский курган (б), Боршево (в), Кунцево (г)

Итак, мы видим, что на той территории, которая оставалась не охваченной междукняжескими границами вплоть до начала XIII в., ни одного древнерусского города не было. Каков социальный статус имевшихся здесь укрепленных поселений? Очевидно, что ответить на этот вопрос можно лишь в отношении тех городищ, на которых проводились стационарные раскопки. Их четыре: Успенское городище, раскопки которого велись А. В. Успенской в 1954 г. [34, с. 117—122; 35] и Ю. А. Красновым в 1961 и 1962 гг. [36, с. 98—103; 37] (вскрыто 121 м² площади городища); городище Боровский курган, исследовавшееся А. Г. Векслером в 1960 и 1961 гг. [38, 39] (вскрыто 164 м²); Кунцевское городище, раскапывавшееся А. Г. Векслером в 1960—1965, 1968 и 1970—1973 гг. [40, с. 55, 56; 41, 42; 43, с. 53; 44, с. 46; 45—54]; Боршевское городище, исследовавшееся Х. И. Крис в 1973—1979 гг. [55, с. 65; 56, с. 70; 57, с. 68; 58, с. 69, 70; 59, с. 59] (вскрыто 596 м²).

Попытаемся проанализировать материал раскопок этих памятников. Как следует из таблицы, все четыре городища роднит целый ряд общих признаков, отсутствующих на других категориях подобных памятников: слабый уровень развития ремесла (отсутствие мастерских), застройка территории отдельными срубами, отсутствие находок стеклянных браслетов, наличие большого числа оружия, а также «племенных» украшений (семилопастные кольца вятичей, браслетообразные кривичей, шумящие привески угро-финнов), что свидетельствует о тесной связи населения, их оставившего, с окружающей сельской округой. Все это позволяет рассматривать данные городища как укрепленные центры сельских общинников, не имеющие никакого отношения к протогородским поселениям. И, действительно, все они на протяжении последующих столетий прекратили свое существование. В XIV—XV вв. их площадки использовались под христианские грунтовые кладбища; лишь на Боршевском городище, которое с прилегающим селищем в великокняжескую пору было волостным центром, возрождается на два столетия.

Весьма показательна география размещения этой категории археологических памятников — только на той территории, которая оставалась свободной от междукняжеских границ. Очевидно, наличие подобных, сильно укрепленных общинных центров, характеризующихся находками большого количества оружия и густонаселенной сельской округой, сильно замедляло проникновение княжеской власти в общинную среду.

Истоки постепенности этого процесса кроются в тех особенностях политической истории бассейна Москворечья, о которых речь шла выше. Ибо в тех случаях, когда государственная территория складывалась на основе местных «земель» (Владимиро-Суздальское, Черниговское и другие княжества), княжеская власть более интенсивно внедрялась в гущу общинного населения, основываясь либо прямо на месте старых племенных поселков (Муром, Суздаль), либо по соседству с ними (Ростов рядом с Сарским городищем, Переяславль рядом с Клещиным, Ярополч Залесский рядом с неукрепленным общинным поселком). Участие княжеской власти безусловно проявлялось в качестве одного из «городообразующих» факторов, стимулирующих нередко превращение протогородских центров в полноценные феодальные города, о чем писал М. К. Любавский еще в конце 20-х годов [60, с. 13]. На выделяемой нами части территории Московской земли этот фактор не смог сработать именно в силу того, что княжеская власть проникла сюда позже, чем на остальную территорию бассейна Москворечья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карлов В. В.* О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья // Русский город. М.: Изд-во МГУ, 1976.
2. *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
3. *Кучкин В. А.* Ростово-Суздальская земля в XII — первой трети XIII в. (центры и границы) // История СССР. 1969. № 2.
4. *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975.

5. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. 1843. Т. II.
6. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984.
7. *Юшко А. А.* О некоторых волостях и волостных центрах Московской земли XIV в. // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
8. *Юшко А. А.* Отчет о работе в Смоленской и Московской областях в 1972 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 5077.
9. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л.: Наука, 1950.
10. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью // ПСРЛ. 1863. Т. XV.
11. *Тихомиров М. Н.* Основание Москвы и Юрий Долгорукий // Изв. АН СССР. Сер. истории и философии. 1948. Т. V. № 2.
12. Симеоновская летопись // ПСРЛ. 1913. Т. XVIII.
13. *Платонов С. Ф.* О начале Москвы. Статьи по русской истории. СПБ., 1903.
14. *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва. М.: Изд-во АН СССР, 1947.
15. *Левина С. А.* О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века // ТОДРЛ. 1955. Т. XI.
16. *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.– Л.: Изд-во АН СССР. 1938.
17. Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. 1949. Т. XXV.
18. *Шахматов А. А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900, сентябрь.
19. Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. 1856. Т. VII.
20. *Погодин М.* Исследования, замечания и лекции. Т. IV. М., 1850.
21. Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Отд. 1. СПб., 1872.
22. *Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М.: Наука, 1976.
23. ЦГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 220/2511.
24. Московский и Серпуховской уезды XVI–XVII вв. по писцовым книгам. Карта // Архив АН СССР. Ф. 620 (С. Б. Веселовского).
25. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1846. Т. I. Вып. 1.
26. *Алексеев Л. В.* Устав Ростислава Смоленского 1136 года и процесс феодализации Смоленской земли // Slowianie w dzejach Europy. Poznan, 1974.
27. *Богоявленский С. К.* Материалы к археологической карте Московского края // МИА. 1947. № 7.
28. *Успенская А. В.* Древнерусское поселение Беницы // Ежегодник ГИМ – 1962. М., 1964.
29. *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник // ЗРАО. 1901. Т. XII. Вып. I, III. Кн. 5.
30. *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л.: Наука, 1978.
31. *Щапов Я. Н.* О функциях общины в Древней Руси // Общество и государство феодальной России. М.: Наука, 1975.
32. *Шеляпина Н. С.* Археологическое изучение Московского Кремля (древняя топография и стратиграфия): Дис. канд. ист. наук. 07 00 06. М., 1974 // Архив ИА АН СССР. Р. 2. № 2140.
33. *Зимин А. А.* Новгород и Волоколамск в XI–XV веках // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород, 1961.
34. *Успенская А. В.* Успенское городище // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
35. *Успенская А. В.* Отчет о работах в Звенигородском районе в 1954 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 991.
36. *Краснов Ю. А.* Раскопки на Успенском городище в 1961–1962 гг. // КСИА. 1964. Вып. 102.
37. *Краснов Ю. А.* Отчеты о раскопках Успенского городища в 1961 и в 1962 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 2256, 2578.
38. *Векслер А. Г.* Отчет об археологических работах в Раменском районе в 1960 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 2182.
39. *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках в Ульяновском районе // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 2342. 1961.
40. *Векслер А. Г.* Исследование городищ в Москве и Подмосковье // АО – 1968. М., 1969.
41. *Векслер А. Г.* Раскопки городищ в Москве и Подмосковье // АО – 1970. М., 1971.
42. *Векслер А. Г., Машек Н. Н., Фотеев Г. В.* Раскопки Кунцевского городища в г. Москве // АО – 1971. М., 1972.
43. *Векслер А. Г.* Археологические работы в Москве // АО – 1972. М., 1973.
44. *Векслер А. Г.* Исследование городищ в Москве и Подмосковье // АО – 1973. М., 1974.
45. *Векслер А. Г.* Отчет об археологических работах в Раменском районе в 1960 году // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 2182.
46. *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках курганов у г. Одинцово Московской области и Кунцевского городища в г. Москве // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 2562. 1962 г.
47. *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в 1963 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 2701.
48. *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в г. Москве в 1964 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 2982.

49. *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках в Москве и Подмосковье в 1965 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 3088.
50. *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках городищ в Москве и Московской области в 1968 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 3794.
51. *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в г. Москве и Луковнинского городища в Московской области в 1970 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 4196.
52. *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища и Одинцовского могильника в 1971 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 4516.
53. *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в г. Москве в 1972 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 4810.
54. *Векслер А. Г.* Отчет об археологических раскопках Кунцевского городища в г. Москве и Луковнинского городища в Московской области в 1973 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. 5089.
55. *Крис Х. И., Чернай И. Л.* Раскопки городища Боршева-Московская // АО – 1974. М., 1975.
56. *Крис Х. И., Фоломеев Б. А., Чернай И. Л.* Работы 2-го отряда Московской экспедиции // АО – 1975. М., 1976.
57. *Крис Х. И., Чернай И. Л., Фоломеев Б. А., Глазко М. П.* Работы второго отряда Московской экспедиции // АО – 1977. М., 1978.
58. *Крис Х. И., Чернай И. Л.* Раскопки Боршевского отряда Московской экспедиции // АО – 1978. М., 1979.
59. *Крис Х. И.* Работы на Боршеве Московской // АО – 1979. М., 1980.
60. *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929.

A. A. Yushko

ON THE FRONTIERS BETWEEN THE PRINCIPALITIES IN THE MOSKVA BASIN IN THE MID-12th-EARLY 13th CENTURIES

Summary

In the 12th and the early 13th centuries the Moskva River basin was divided between the mighty Chernigov, Suzdal, Smolensk, and Ryazan principalities. Scant written sources make it possible to establish that part of the basin – along the right bank of the Moskva between Zvenigorod and the mouth of the Severka River and up to the Nara River in the south-western corner – did not belong to any these principalities. Archaeological studies of the region have demonstrated absence of Old Russian towns of the pre-Mongol period. Fortified settlements and the densely populated rural areas kept off the princes for a long time.

С. Б. ЛУНИНА

РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА X—XII ВВ. И ЕЕ НАЗНАЧЕНИЕ
(по материалам Кашкадарьинского оазиса)

Средневековая неполивная керамика с расписным орнаментом из Средней Азии давно вызывает особый интерес исследователей. Ю. А. Заднепровский указал на территорию ее распространения [1, с. 44]. Это Южный и Северный Таджикистан, долина Зеравшана, Ташкентский оазис, Северная Киргизия, Фергана. Выявлены комплексы расписной керамики и в Южном Казахстане. Описана техника изготовления красок и нанесения росписей [2, с. 127, 128], которые наносились как на лепные, так и на гончарные изделия.

Большое внимание привлекает «псевдотрипольская» лепная посуда, низкое качество которой и наличие несложных росписей резко контрастируют с высокими достижениями гончарства периода развитого средневековья. Зачастую качество этой посуды настолько низко, что в случаях, когда она встречается не в слое, датировка ее затруднена и может колебаться в пределах тысячелетий. Так, о лепной посуде с росписями, встреченной в последние годы в Северном Афганистане на городищах развитого средневековья, исследователи пишут: «Это может быть керамика средневекового времени ... однако не исключено, что ... она может быть сопоставлена с керамикой из Средней Азии, относящейся к середине I тысячелетия до н. э.». Эта керамика отнесена к «загадочному археологическому комплексу» [3, с. 20].

Существуют разные точки зрения на появление и распространение расписной керамики в средневековый период. Б А. Литвинский первым высказал мысль о связи изготовления расписной керамики с сельским населением, которое переселялось в X—XII вв. в города и приносило с собой излюбленные приемы гончарной техники [4, с. 62]. Данное предположение было поддержано Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпелем [5, с. 209]. К сельским традициям возводит изготовление расписной керамики и В. И. Распопова, считая, что появление в городах такого рода лепной посуды связано с включением домашних промыслов сельских местностей в сферу влияния городских рынков, вследствие чего керамика, изготовленная в сельской местности, привозилась в города [6, с. 156, 157].

Ю. А. Заднепровский полагает, что вопрос о причинах возрождения изготовления лепной расписной посуды сложный. Им высказано предположение о связи этой керамики с влиянием тюркского кочевого населения и указано на необходимость дополнительного изучения проблемы [1, с. 45].

Цель настоящей статьи — публикация новых групп расписной керамики X—XII вв., полученных из раскопов на памятниках в основном средней части Кашкадарьинского оазиса, а также попытка дать новую интерпретацию ее назначения.

Наиболее обильными были сборы расписной керамики на средневековом городище Алтынтепе (Камашинский р-н), где автор проводил работы в течение 10 лет. Уже в первый год посещения городища, когда экспедиция застала распашку его оконечности, на пашне удалось собрать разнообразный керамический материал, в том числе фрагменты расписной посуды. Наиболее интересным было донце крупного сосуда, в нижней части которого размещены стилизованные изображения деревьев в

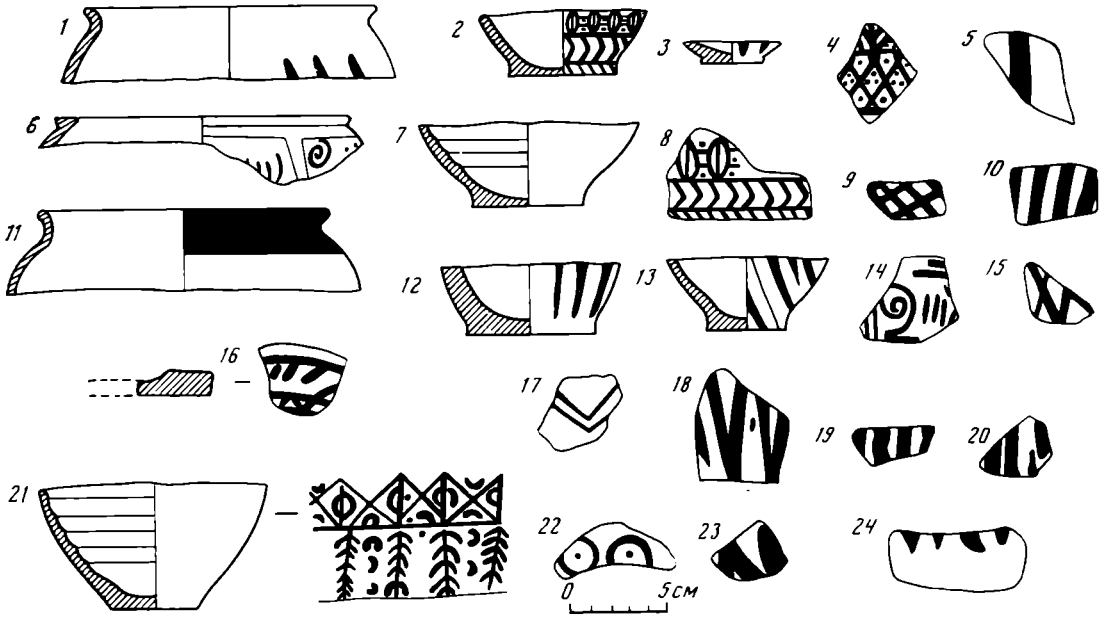


Рис. 1. Расписная керамика из Алтынтепе

Рис. 2. Расписная керамика X—XI вв. из раскопа 8 Алтынтепе

виде вертикальной полосы, от которой по обе стороны отходили вниз прямые или округло-изогнутые черточки-ветки. В промежутках между деревьями размещены либо точки, либо по две-три фигуры в виде полумесяца. Такие же фигуры входили в композицию размещенного выше пояса орнамента в виде неправильных ромбовидных фигур с черточками и примыкающими к ним дугами в середине (рис. 1, *21*). На других фрагментах представлен орнамент в виде полос сетчатого рисунка (иногда с точечным заполнением внутри), спиралей, овалов с полосой в середине, кругов с точкой внутри и т. д. (рис. 1, *1—20, 22—24*).

В последующие годы расписная керамика была получена в раскопах и шурфах на городище. Так, в шурфе 1 в VI—VIII ярусах, которые по материалу датировались X—XI вв., выявлен ряд фрагментов с росписью красной краской по кремовому ангобу в виде полос, крупных капель. В стратиграфическом шурфе-раскопе 3 в IX—XI ярусах с поливной ке-

рамикой X—XI вв. встречены фрагменты расписной керамики. Часть из них имела роспись черной краской, например фрагмент кувшина, где на тулово небрежно нанесены довольно крупные круги с точкой посредине, а на ручку — поперечные полосы. Роспись красной краской — в виде полос, на одном фрагменте в виде сплошного чешуйчатого узора. В мусорной яме IX—X ярусов наряду с поливной керамикой X—XI вв. встречен ряд фрагментов расписной керамики с несложными орнаментами красной краской по светлому ангобу. Венчик расписного сосуда с полосками найден в XIII ярусе разреза 4 в слое с глазурованной керамикой X—XI вв.

Интересную группу расписной керамики дал дом богатого горожанина на Алтынтепе, состоявший из центрального коридора и 10 примыкавших к нему помещений (раскоп 8). Здание X — начала XI в. [7] было украшено фигурными вымостками полов и панелей стен. резьбой по глине и ганчу. Чрезвычайно разнообразна и обильна керамика глазурованная — в основном чаши и пиалы с различными композициями геометрического, растительного, эпиграфического орнамента и разнообразием цветового решения. Тем интереснее обнаружение в сочетании с такой посудой расписной керамики. Последняя найдена в ряде помещений на уровне полов, т. е. связана с основным периодом обживания здания; тем самым она получила здесь уточненную датировку. Несколько фрагментов (в том числе тонкостенных горшочков, черепок в изломе розового или красноватого цвета, ангоб кремовый) обнаружено в изолированном помещении 4. Роспись в виде полос, крапин, скобок, косой сетки нанесена красной краской (рис. 2, *1—3*, *8—13*). Здесь же найдено толстостенное изделие, условно названное нами «домиком» (рис. 2, *17*). На плоском основании сохранились остатки передней и задней стенок. При этом на передней стенке вырезано подпрямоугольной формы отверстие в виде окошка. На задней стенке роспись в виде вписанных друг в друга треугольников, на передней она размещена горизонтальными и вертикальными полосами, внутри которых перекрещивающиеся линии, фигуры полумесяцев, точки. В помещении 3 выявлены фрагменты изготовленных на гончарном круге столовых горшочков без ручек с кремовым ангобом и несложной росписью красной краской, а также фрагменты стенок таких сосудов с росписью в виде ромбовидных фигур (в центре части ромбов поставлены точки), в виде полос, кругов с точкой посредине, рядов из скобок. Над некоторыми скобками помещены точки (рис. 2, *6*, *7*, *14*, *16*).

В коридоре найден фрагмент крышки с глубоким прорезным орнаментом в виде треугольников по краю (рис. 2, *20*). Линии, ограничивающие этот узор и проходящие между треугольниками, окрашены красной краской, рисунок в виде скобок, галочек, полосок, нанесенный красной краской, разбросан по полю крышки внутри. На фрагменте крупной крышки, обнаруженном в одном из помещений, резной орнамент сочетался с небрежной росписью красной краской (рис. 2, *21*). О том, что такая традиция сочетания резного орнамента с росписью существовала и позднее, свидетельствует, например, находка крышки в V ярусе раскопа 3 (XI в.).

Наибольшее количество фрагментов расписной керамики зафиксировано на полу помещения 9, находившегося рядом со входом в здание. Только на одном фрагменте роспись полосами была нанесена черной краской, на всех других применена красная ангобная краска. Есть несколько донец крупных сосудов с вертикальными полосами красной краски (рис. 3, *9*, *13*, 15), но в основном росписью украшены столовые горшковидные сосуды. Диаметр венчика горшков 15—20 см, но, судя по фрагментам стенок, возможно, были и более крупные экземпляры. Венчик таких горшков, как правило, чуть отогнут наружу. Черепок в изломе кремовый или светло-красный. По светлому ангобу роспись красной краской в виде полос, скобок, крупных крапин, сетчатый орнамент со скобками или точками внутри (рис. 3, *3—8*, *10—12*, *14*). Особенно интересен крупный фрагмент сосуда, где широкие вертикальные полосы орнаментации разделяют сдвоенные линии (рис. 3, *1*). В одной из таких полос от

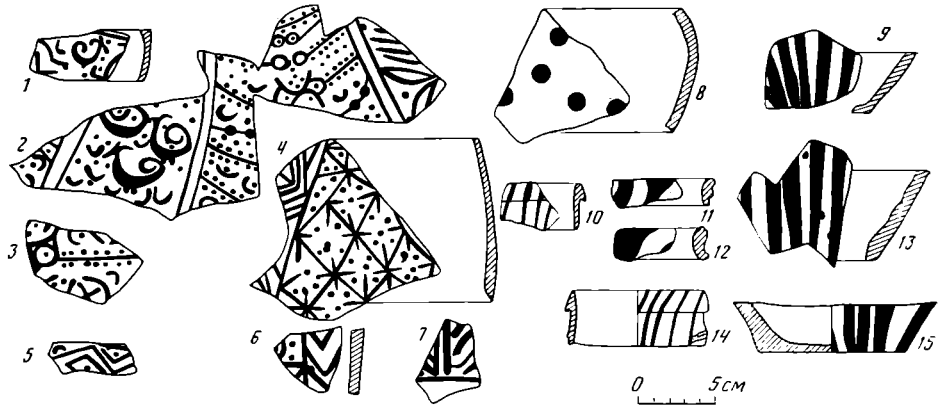


Рис. 3. Расписная керамика X—XI вв. из раскопа 8 Алтынтепе

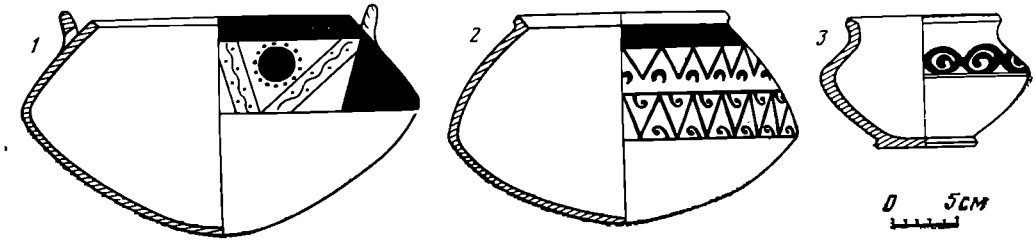


Рис. 4. Котлы с росписью из Ялпактепе (XI—XII вв.)

сдвоенных кругов или более сложных фигур отходят в стороны полосы с рядами точек по сторонам от них и в одном случае полосы с насаженными крапинами (очевидно, стилизованное изображение древа или ветвей). В другой полосе размещены крупные четырехлепестковые цветы. Наконец, одна полоса дала на фоне из точек и скобок изображения трех птиц. Одна из птиц размещена внизу, у нее крупное изогнутое тулово, загнутый вперед и загибающийся в спираль хвост, удлиненный клюв и хохолок. Лапы показаны двумя точками. Две другие птицы размещены над ней и обращены головами друг к другу, почти упираясь клювами. Аналогичное изображение птицы встречено еще на одном фрагменте из того же помещения (рис. 3, *2*).

При работах на раскопе 8 проводился статистический подсчет керамики. Столовые горшки составили 16% от общего количества неполивной посуды, 5% горшков несли расписную орнаментацию.

В XII – начале XIII в. росписью на Алтынтепе украшались только котлы, во всяком случае до сих пор в культурных слоях этого времени никаких других видов расписной посуды на этом и других изучавшихся нами памятниках по среднему течению Кашкадарьи встречено не было. Отметим сразу, что датировка этого слоя и соответственно комплексов керамики из него хорошо подтверждена нумизматическим материалом (находка клада монет 1178—1180 гг. у гончарных печей, монет Мухаммада б. Текеша на ряде раскопов и др.). Роспись, нанесенная красной краской, встречена, например, на тонкостенных котлах из III—IV ярусов раскопа 3. Ручки котлов большие, выступающие, с круглыми отверстиями в середине. Нижняя половина котлов часто целиком окрашивалась красной краской, в верхней же части наносилась роспись в виде полос, кругов с крапинами вокруг них и одиночных или сдвоенных спиралей. Красной краской окрашивались иногда венчик, ручки, пространство вокруг них.

На расстоянии около 1 км от Алтынтепе изучается сельское поселение Ялпактепе. При раскопках жилого дома здесь также была найдена расписная керамика. Красивый расписной котел был встречен в верхнем культурном слое раскопа с материалом XII в. Нижняя половина котла, дугообразные ручки, полосы вокруг них и венчик были полностью окрашены красной краской. В средней части стенки имеют резкий перегиб,

в верхней половине сосуда нанесена орнаментальная роспись красной краской: от венчика к перегибу через определенные промежутки идут наклонные полосы, внутри которых размещены волнистые линии с точками по сторонам от них, а в промежутках между ними находятся крупные (диаметром 3 см) круги с кольцом мелких точек вокруг, несомненно, солярные знаки (рис. 4, *1*). На другом котле с Ялпактепе ниже венчика идет неширокая полоса, к которой примыкают треугольники вершинами вниз, а между ними размещены фигуры полумесяцев. В поясе рисунка, идущем ниже, в треугольники вписаны мелкие завитки (рис. 4, *2*). На единственном горшковидном сосуде из основного культурного слоя XI — начала XII в. роспись на плечиках в виде волны из крупных спиральных завитков (рис. 4, *3*),

На городище Чандарактепе (правобережье Кашкадарьи), явно являющемся остатками средневекового города, в верхнем культурном слое найдены фрагменты котлов с росписями. Здесь на площади шахристана был заложен шурф, в котором встречены остатки постройки из кирпича 32×16×5 см, керамика XII — начала XIII в. с голубой, а также с розоватой и желтоватой поливой, зеленой полосой по венчику и подглазурным процарапанным орнаментом. Здесь же обнаружены фрагменты нескольких котлов, часть из них с росписью. Таков венчик тонкостенного котла (диаметр венчика 22 см) с примесью мелкой дресвы. Для крышки у венчика имеется уступ, роспись красной краской нанесена полосой по венчику, а ниже — в виде тонких чуть волнистых перекрещивающихся полос и крупных точек между ними. На другом небольшом фрагменте (диаметр венчика 18 см) венчик несколько уплощен и имеет выступ снаружи. По венчику и ниже него идут две полосы красной краски, от которых спускались вертикальные полосы. В образующемся пространстве помещены закрашенные круги с расположенными вокруг кольцом мелкими точками. Такой же знак был и на другом крупном фрагменте котла с дугообразной выступающей длинной ручкой с овальным отверстием посредине. Там роспись красной краской шла полосой по венчику, охватывала ручку и пространство вокруг нее, оставляя, очевидно, подпрямоугольной формы поля, где на сероватом фоне выделялись солярные знаки.

На сельском поселении Киндыктепе (площадь 1,6 га) в Яккобагском р-не фрагменты расписной керамики были выявлены сначала в слое распашки, например черепок сделанного на гончарном круге толстостенного красноглиняного сосуда со светлым ангобом по поверхности и росписью красной краской. Роспись выполнена в виде тонкой полосы с примыкающими к ней с одной стороны треугольниками, в которые вписаны еще по два, по сторонам другой полосы размещены по три крапины. Кольца, скобки и крапины разбросаны по черепку без системы. Перекрещивающиеся линии и «галочки» между ними размещены на другом небольшом черепке розоватой глины с кремовым ангобом. О характере росписи на мелких фрагментах сказать что-либо определенное трудно.

Позднее расписная керамика была встречена в раскопах. Так, крупные фрагменты толстостенных сосудов (очевидно, кувшинов) с расписным орнаментом красной краской найдены на раскопе 2 в доме из четырех комнат; дата постройки X—XI вв. Таков фрагмент, где орнаментация размещена у донца поясами, в которых в одном случае идет ряд как бы перспективно уменьшающихся треугольников, в другом — такие же ромбы. В поле разбросаны подковообразные фигуры и точки.

На раскопе 4 в верхнем слое, датирующемся по материалу XII в., встречено пять некрупных фрагментов котлов с росписью красной краской в верхней части; судить по ним полностью о композиции невозможно Роспись в виде полос у венчика, перекрещивающихся линий, сложных переплетений. Большинство котлов из раскопа росписи не имело.

Расписную керамику в средней части долины Кашкадарьи находили при работах и других исследователей. Впервые она была обнаружена В. Д. Жуковым в верхнем слое Сарытепе, где были зафиксированы остатки построек из кирпича-сырца размером 38×17—18 см и 43×22×8,5 см

и из жженого кирпича 21×21×4 см. В. Д. Жуков датировал горизонт XI—XIII вв., однако размеры кирпичей и наличие глазурованной керамики разных типов позволяют датировать горизонт в несколько более широких пределах — X—XII вв. Роспись в виде полос, треугольников, ромбов, сеток выполнена красной краской по светлому ангобу на стенках горшкообразных сосудов [8, с. 104, 105].

Расписная керамика была собрана на поверхности поселений Кызтепе, Сарытепе 1 и 2. Несколько фрагментов найдено на Сарытепе 2 вместе с монетой второй половины VIII в. при расчистке «микрохрама» между полами, что позволило Г. Я. Дресвянской и З. И. Усмановой утверждать, что в это время расписная керамика была хорошо известна в Кашкадарье [9, с. 27]. Не говоря о возможности попадания в слой более ранней монеты, следует указать, что в тексте этой же статьи выше авторы говорят о наличии между полами керамики VIII—IX вв., что уже расширяет пределы датировки. Как указано выше, наиболее интересные образцы керамики были найдены на поверхности поселений. В орнаментах выделяются геометрические рисунки в виде прямых, волнистых, пересекающихся линий, часто с включением горошин и несомкнутых полуколец. Среди зооморфных изображений птицы с двумя когтистыми лапками, иногда с хохолком, фантастические животные с треугольным телом, хохлатой головой, загнутым хвостом и четырьмя ножками. Имеются стилизованные антропоморфные изображения [9, с. 26, 27]. Отметим близость ряда мотивов к описанным выше нами и найденным на Алтынтепе. По форме расписная посуда с Сарытепе представляет собой горшки с выпуклым туловом на плоском дне и с разным диаметром венчика и кувшины.

На Большом Кызтепе расписная керамика найдена в раскопе. Роспись нанесена красной и темно-коричневой краской по светло-желтому ангобу в виде полос, ломаных линий, треугольников, встречено одно изображение птицы. Вместе с этой керамикой в слое находилась глазурованная керамика с растительным и геометрическим орнаментом на белом и красном фоне и с зеленой расплывчатой глазурью. Описывая комплекс в целом, З. И. Усманова и С. К. Кабанов считают, что материал тяготеет к VIII—IX вв., а некоторый «возможно, привнесен из более поздних разрушенных верхних наслоений» [8, с. 107, 111, рис. 2]. Но в таком случае не получает точной даты и расписная керамика. Между тем фиксация ее в сочетании с глазурованной белофонной и краснофонной керамикой перекликается с такими же комплексами из шурфов и раскопов Алтынтепе. Этим мы не хотим ограничить датировку расписной керамики в долине Кашкадарьи только лишь X—XII вв. Напротив, было бы интересно доказать ее появление в более ранний период, причем именно тех ее групп, которые несут сложную орнаментику, в том числе с зооморфными и антропоморфными элементами. Однако в стратиграфически четких слоях, а также в раскопах, где она соотносится со всем комплексом материалов, керамика со сложными росписями определенно датируется X—XI вв. Как указано выше, позднее роспись сохраняется на кухонных котлах.

Таким образом, долина Кашкадарьи дает разнообразную расписную керамику, датируемую нами в пределах X—XII вв. При этом расписная керамика встречена как на городских, так и на сельских поселениях. Она найдена в домах богатых горожан и рядовых сельских жителей. Говорить о соотношении находок ее в городах и на поселениях считаем пока преждевременным.

Находки такой керамики известны и в других районах Согда. Так, для Самарканда керамику «псевдотрипольского» типа отмечал еще В. Л. Вяткин [10, с. 37—40]. Известны ее находки и по раскопкам последних лет, например в раскопе 6 на площади Регистан в Самарканде был найден лепной кувшин XI—XIII вв. с красно-коричневой росписью в виде полос, заштрихованных кружков и овальных фигур [11, с. 199].

Для предшествующего времени единственно близкими по манере росписи на территории Согда оказываются немногочисленные фрагменты по-

суды VII—VIII вв. из Пенджикента. Роспись на них нанесена красной краской, причем по всей поверхности сосуда. В описаниях выделяются ветки и плоды граната [12, с. 296]. На опубликованных рисунках видны также явные изображения дерева и круги с точками вокруг или в середине, очевидно, солярные знаки. А. М. Беленицкий считает, что такой способ украшения сосудов являлся локальной особенностью Пенджикента [13, с. 131]. Надо думать, что он имел в виду период VII—VIII вв.

Следует признать, что уже в VII—VIII вв. в Согде выделяется группа керамики с росписями, в числе мотивов которых имеются изображения древа, солярного знака и плодов граната. Несомненно, эти изображения несли определенную смысловую нагрузку. Так, плод граната издревле на Востоке считался символом плодородия. Он являлся одним из атрибутов богини Анахиты. Символика, связанная с плодом граната, сохранялась в Средней Азии очень долго. Этнографами отмечалось, что плоды граната в числе других символов древнеземледельческих религиозных ритуалов домусульманской Средней Азии играли большую роль в обрядовых действиях, связанных со свадебным ритуалом у таджиков и узбеков [14, с. 324]. У этих же народов с той же идеей плодородия было связано ношение ожерелий, браслетов из косточек граната, джиды, фисташки, которые считались обеспечивающими многодетность, будучи одновременно оберегом от дурного глаза [15, с. 286, 287]. С магическими целями изображение плода граната включалось в вышивки, которые готовились в качестве приданого [16, с. 198].

Обратимся к мотивам росписей на керамике, представленной сборами из Кашкадарьинского оазиса и описанной выше. Это прежде всего изображения дерева и его ветвей. Культовые представления, связанные с деревом, относятся к числу древнейших. Не будем пытаться усматривать в наших довольно примитивных рисунках изображение «мирового древа», хотя они и сочетаются на описываемой керамике с фигурой полумесяца. Отметим лишь, что и изображения «мирового древа» сохраняются в период развитого средневековья, например в орнаментации таких изделий, как очажки [17, с. 108]. Культ деревьев был в той или иной форме даже включен в ислам. В народной же среде явно сохранялись древние представления, связанные с деревом. О живучести таких представлений в Средней Азии неперекаемо свидетельствуют данные этнографов, отмечающих, что культ деревьев являлся «одной из самых характерных черт местных верований, одним из существенных компонентов культа плодородия в целом». Культ этот сохранялся до недавнего времени [16, с. 197—205].

Изображения птиц на расписной керамике Кашкадарьи достаточно условны, в них трудно распознать конкретный вид птицы. На посуде из Алтынтепе птицы размещены на фоне полумесяцев и точек и рядом с орнаментом в виде полос с точками по сторонам, явно передающим ветви дерева или растительные побеги. Пышный хвост птицы может указывать на ее связь с павлином, фазаном. Однако утверждать это определенно для данных изображений трудно. Сходная символика встречается в Кашкадарье на очажках и подставках-противнях, ставившихся перед ними. Так, на одной круглой подставке из Алтынтепе была изображена птица у древа.

Как известно, птица также являлась символом Анахиты и наряду с плодом граната, фигурой полумесяца могла заменять ее изображение [18, с. 58, 59]. На средневековой керамике изображение птицы воспринимается в контексте с другими изображениями как один из символов культа плодородия. Следы почитания птиц сохраняются у потомков оседлого населения Средней Азии. Так, магическими свойствами наделяются амулеты-украшения в виде фигурок птиц (такими же свойствами наделялись перья и когти птиц, используемые в качестве амулетов). Изображения птиц издревле связывались с идеей плодородия [15, с. 282—284].

Одним из наиболее часто встречающихся мотивов является сплошь закрашенный краской круг с точками или крапинами вокруг него — изображение, повсеместно признающееся солярным знаком. Интересно

применение такого знака в долине Кашкадарьи в более ранний период: изображение красного круга с точками вокруг него было нанесено на щеку персонажа, фрагмент скульптуры которого был найден при раскопках храма III—IV вв. на Еркургане [19, с. 536][1]. Если его и здесь рассматривать как солнечный знак, а это вероятнее всего, то в скульптуре можно видеть изображение солнечного божества. В таком случае в дальнейшем круг с точками вокруг мог служить не только символом солнца, но и символом солнечного божества.

Солярный знак на средневековых кашкадарьинских котлах сочетается либо со спиралями (на котлах с Алтынтепе), либо с полосами, внутри которых заключена волнистая линия с точками по сторонам (Ялпактепе). И спирали, и волнистые линии могли передавать один символ — символ воды, водного потока. Спираль считается символом воды и богини водной стихии Ардвисуры Анахиты [20, с. 51]. Сочетание спирали с солнечными символами мы видим, например, на раннекангюйской керамике Хорезма, что свидетельствует, как полагает Ю. А. Рапопорт, о равном почитании солнца и водной стихии [20, с. 51, рис. 13], а, по мнению Ш. М. Шукурова, расположение рядом спирали и солярного знака отражало культ Анахиты и Митры и символизировало мужское и женское начала [17, с. 107]. Сочетание крупных спиралей с лентами, внутри которых заключены волнистые линии, имеется в расписанной красным ангобом маслобойке X—XI вв. из Магиана, представленной в экспозиции музея в г. Пенджикенте.

Установлено, что «культ солнца в доарабское время пользовался широким распространением в Средней Азии» [21, с. 43]. Отсюда распространенность солнечной символики, которая не исчезает и в пору развитого средневековья. Пережиточно сохранявшиеся в новое время представления, связанные с небесными светилами и прежде всего с солнцем, выделяли их роль как оплодотворяющего начала [15, с. 289, 290]. Иногда изображения солярных символов (например, в Хорезме) связывались со стремлением предохранить себя от действия враждебных сверхъестественных сил [16, с. 230].

Фигуры в виде полумесяца, дуги, скобки могли передавать знак луны, причем эти знаки встречаются как самостоятельно, так и в сочетании с изображением дерева.

Узор в виде ромба или полуромба считается широко распространенным с палеолита до наших дней символом женского начала в природе [22, с. 18] и принадлежит к символике плодородия [16, с. 227]. То же, очевидно, можно сказать относительно овалов с черточкой посредине[2].

Таким образом, в росписях кашкадарьинской керамики X—XII вв. отражены символы, несомненно восходящие к домусульманским представлениям местного населения и связанные в целом с идеей плодородия, его культом, возможно, с символикой солнечных и лунных божеств. Мы не ставили перед собой задачи выяснения генезиса семантики изображений, но старались показать сохранение ряда символов или магического значения изображений вплоть до нового времени.

Нельзя не заметить, что средневековая керамика с красными ангобными росписями составляет особую группу. Это обстоятельство отмечалось и ранее. Однако исследователи больше обращали внимание на архаичный вид такой посуды, пытаясь, как указывалось выше, связать ее производство с домашним ремеслом, с традициями сельского населения и т. д. Меньше обращалось внимание на характер орнаментации, ее символику. Между тем именно в этом, возможно, кроется ключ к разгадке назначения этой керамики. Здесь имеют место элементы орнамента.

---

[1] В тексте сказано, что на лбу и щеке нанесена красная семилепестковая розетка. На рисунке [19, с. 527] розетка ясно видна на лбу, но на щеке не просматривается, хотя, возможно, изображение недостаточно четкое и она была вписана в круг. При этом розетка также является солярным знаком.

[2] К символике женского начала относят этнографы изготовлявшиеся в Таджикистане ритуальные печенья-богурсаки в виде лепешки с желобком.

не встречающиеся или почти не встречающиеся в глазурованной или штампованной керамике X—XII вв. Возникает предположение, что такая посуда изготовлялась со специальными целями, а символика мотивов ее росписи подсказывает, что она могла применяться при совершении каких-то обрядов.

Труднее, конечно, представить, для каких именно обрядов предназначался такой специальный набор посуды. Думается, что некоторые предположения можно высказать. Очевидно, надо начать с котлов, ибо в отличие от горшочков назначение их более ограниченно — они предназначены для приготовления пищи. В таком случае либо следует полагать, что роспись, в том числе солярные знаки, наносились на котлы в качестве оберегов для любой изготовлявшейся в них пищи, либо предположить изготовление в них пищи специальной (напомним, что большинство котлов такой росписи не имели). Такой пищей мог быть, например, сумаляк, варившийся из проросшей пшеницы, или жидкая каша гуджа, приготовлявшаяся из семи разновидностей злаков. Традиция приготовления такой пищи в день науруза сохранилась в Средней Азии до нового времени. Г. П. Снесарев, приводя данные об этом обряде, не сомневается, что обычай этот имеет древние местные корни, находит параллели в культах умирающих и воскресающих божеств древности и является магическим обрядом, имевшим целью обеспечить богатый урожай текущего года [16, с. 211—215]. Приготовление сумаляка было связано с различными обрядами, в том числе, например, с обычаем класть на ушки казана щепотки соли как защиту от «дурного глаза». Такую же роль оберега могли выполнять в нашем случае солярные знаки. Нет сомнения, что обычай, который зарегистрирован этнографически, связывается с домусульманскими обрядами, должен был существовать и в среднеазиатском средневековье.

Бируни сообщает о празднике м-н-и-д-хвара, когда согдийцы едят кушанье, приготовляемое из просяной муки, масла и сахара [23, с. 254]. Это косвенно подтверждает возможность изготовления специальных кушаний и в другие праздники.

Вполне возможно предположить назначение котлов с росписями для приготовления сумаляка или другой подобной ему по магическому значению пищи. Если это так, то описанные горшочки с росписями могли ранее предназначаться для раздачи такой пищи. Но можно предположить и другое. У народов Востока существовал обычай проращивания зерна к празднику науруза. Отмечая его у древних персов, Бируни писал, что они сажали ячмень в корыте или иной посуде, считая, что это принесет благо, но вместе с тем он же отмечал, что до его времени сохранился обычай сажать вокруг блюда семь разновидностей злаков [23, с. 228]. Не исключено, что горшочки со столь специфическими символами могли предназначаться и для этого. Описывает Бируни и обычай обливаться в день науруза водой из сосудов, зачерпывая ее из каналов и водоемов «на счастье и для защиты от бедствий» [23, с. 228]. И для этих целей могла предназначаться специальная посуда.

Не исключаем, что сосуды могли быть связаны и с обрядом «кормления» духов предков. В Хорезме еще недавно отмечался обычай особых приготовлений для встречи духов умерших, которые могли «посещать» свой дом в особые дни, в том числе в канун больших мусульманских праздников. Для этого готовилась особая пища, ибо считалось, что если духов не накормить, они могут принести вред [16, с. 117, 118]. Известен и обычай оставления части пищи на могиле. Не исключено, что для таких целей могла изготовляться специальная посуда. Символика, связанная с воскресающей природой, идеей плодородия, как известно, не противоречит обрядам поклонения предкам. Жертвоприношения предкам во время празднеств встречи весны должны были содействовать оживлению природы, обеспечить плодородие в течение всего года [20, с. 115]. Об обычае приносить пищу для духов умерших, распространенном у персов, согдийцев, хорезмийцев, сообщает Бируни [23, с. 236, 254, 258]. Как уже указано, сохранение древних обычаев часто сочеталось с ис-

ламской обрядностью, в том числе с погребальной, а также с мусульманскими праздниками.

Какой бы вариант употребления расписной посуды ни принять, использование ее скорее всего было связано с празднованием науруза. По этнографическим данным, именно науруз является самым большим праздником, с которым связано много народных обычаев. Так, при подготовке к нему покупается новая одежда, заменяется в доме старая глиняная посуда, проращиваются зерна ячменя или пшеницы. На тринадцатый день науруза устраиваются народные гуляния за городом. Празднуется науруз 21 марта, в день весеннего равноденствия [24, с. 105]. Р. Фрай отмечал, что современные обряды, связанные с празднованием науруза в Иране (почитание огня и другие народные обычаи и поверья), восходят к доисламскому периоду [25, с. 323]. Перед наурузом современные зороастрийцы Ирана наполняют различные сосуды зернами пшеницы, ячменя, заливают их водой, смешанной с золой, а когда семена прорастают, приносят их в дом и ставят в нишу. В ночь перед Новым годом на крыше ставят огонь, а также керамические сосуды с водой, веточками тамариска и других растений, здесь же ставилась ритуальная еда и питье [26, с. 70, 71].

Ряд обрядов сопровождал празднование науруза и в Средней Азии. Ю. А. Рапопорт подчеркивает связь среднеазиатских новогодних празднеств с культом умирающей и воскресающей природы и солярным культом [20, с. 117]. Сохранились сведения о том, что еще недавно таджикское население верховий Кашкадарьи с наступлением весны, в дни Нового года, устраивало гуляние и угощение, выходя за кишлак в сады [27, с. 90]. Подобный обряд прямо перекликается со сведениями Бируни о том, что люди поклонялись в этот день солнцу и выходили в степи, и наслаждались, взирая на ее зеленый покров [23, с. 237]. Для нашего изложения важно упоминание о сохранении таких обрядов именно в Кашкадарье.

По материалам Е. М. Пещеревой, в горных районах Таджикистана ко дню весеннего равноденствия обязательно возобновлялись настенные росписи, и, следовательно, делались они не только для украшения жилища, но имели определенный смысл. Так, точечный орнамент в этих росписях наносился с магической целью — увеличить количество скота в хозяйстве и вызвать изобилие в доме [28, с. 110]. С той же целью мелкими белыми пятнами покрывался главный столб в доме [28, с. 79]. Тот же смысл мог вкладываться, кстати, в нанесение на расписные сосуды многочисленных точек. Красной глиной в Каратегине и Дарвазе наносились магические знаки на стены дома при новогодней уборке. Такие знаки назывались «баран-производитель» или «рога барана» и должны были обеспечить обилие скота [29, с. 159; 30, с. 185]. Очевидно, здесь, как и на керамике, сам красный цвет имел определенную символику. Отмечалось также, что перед наурузом на стены домов и террас наносились изображения растений, животных, геометрических фигур, знаки пятерни [31, с. 11]. Таким образом, нанесение красной краской росписи на стены непосредственно было связано с празднованием науруза.

На наш взгляд, А. М. Беленицкий ближе всех подошел к вопросу о возможной связи расписных сосудов с культовыми церемониями. Описывая изображение в настенной живописи Пенджикента вазы, очевидно, из драгоценного металла, с ветками гранатового дерева с плодами, он подчеркивал, что плодам граната издревле придавалось магически-символическое значение. При этом исследователь указывал на связь с изображением женского божества и предположил существование какой-то культовой церемонии, в которой ваза с ветками граната занимала центральное место. Возможно, это был праздник, совпадавший со временем созревания граната. Далее А. М. Беленицкий описывал находку уникальной глиняной вазы с резным орнаментом, поразительно сходной с изображенной в живописи, но, вероятно, высоко ценившейся и не всякому доступной. В связи с последним обстоятельством он и высказал предположение, что найденные в Пенджикенте сосуды, на которых красной краской на-

несены изображения веток гранатового дерева с плодами, могли такие вазы заменять [32, с. 43—45]. Тем самым предполагалось участие таких сосудов в культовых церемониях.

Как следует из сказанного выше, в расписной керамике Кашкадарьинского оазиса X—XII вв. превалируют такие мотивы, как солярные знаки, изображения луны, древа, птиц, цветов, символика, связанная с женским началом. Но подобная символика имеет место и в расписной керамике других районов. Так, в Отраре расписная керамика появляется в слоях X—XI вв. [33, с. 190], основные мотивы росписей в XII — начале XIII в.— заштрихованные треугольники, спиралевидные завитки, солярные знаки [33, с. 105, рис. 66]. Спиралевидные завитки, зигзаги, полосы — наиболее характерные элементы расписной гончарной керамики Южного Казахстана X—XII вв. Для этой территории отмечается ее доживание до позднего средневековья [34, с. 30]. В керамике XI — начала XIII в. городища Актобе I основные мотивы росписей — полосы, крупные точки, завитки, спирали, «восьмерки», S-образные знаки [35, с. 167].

В керамике X—XII вв. городища Шахр-и-Минг в Таджикистане представлены такие мотивы, как цепочка из овалов, концентрические круги, завитки в виде буквы S [36, с. 130, 131]. Выше упомянута маслобойка из Магиана, на которой помещены спирали и волнистые линии.

Основные мотивы росписей керамики XI—XII вв. в Фергане — волнистые и зигзагообразные линии, растительные побеги с завитками, спирали, меандры, звездочки. На своеобразном сосуде из Кзыл-Октябрьского городища коричнево-красной краской нанесен на горловине и тулове узор в виде рядов «елочек» с округло изгибающимися и поднятыми вверх ветвями. Попутно отметим, что эти деревца очень напоминают таковые же на кашкадарьинской керамике. Деревья местами разделяются вертикальными рядами кружков [1, с. 39, 40]. Полосы, пятна, завитки, побеги нанесены краской на водолеи-мургоби XI—XII вв. из Карабулака [37, с. 49, 70]. На крышках из Карабулака расписной орнамент в виде полос, волнистых линий, точек, вихревых розеток, очевидно тоже связанных с символикой солнца [37, с. 50, 51, рис. 32].

Большая группа расписных сосудов, опубликованная В. Л. Вяткиным [10, с. 37—40], несла роспись в виде полос, треугольников, точек, кругов, наиболее часто — в виде завитков и спиралей. Такие же мотивы дает и керамика Афрасиаба из более поздних раскопок (см. например [11, с. 199]).

В горных районах Таджикистана на керамике еще недавно применялся расписной орнамент в виде полос, волнистых линий, особенно часто в виде завитков и изогнутых веточек, с внешней стороны которых размещены крупные точки (вспомним полосы с точками по сторонам от них в росписях керамики Алтынтепе). Е. М. Пещерева отмечала архаичность орнамента, аналогии которому можно найти на древнейшей керамике [28, с. 78—84].

Таким образом, расписной орнамент на керамике сохранялся до позднего средневековья (Казахстан) и нового времени (Таджикистан). В керамике X—XII вв. присутствуют локальные элементы, особенно в формах посуды, технике изготовления, но основные мотивы росписей имели широкое распространение. По существу, для всех районов, где встречается расписная керамика, характерны такие элементы, как изображение деревьев, ветвей, растительных завитков, волнистых линий, спиралей, солярных знаков. Реже встречаются зооморфные мотивы.

На наш взгляд, есть все основания считать, что средневековая расписная посуда была посудой особой, связанной с древними культовыми обрядами, пережиточно сохранившимися на территории распространения ислама. Возможно следующее объяснение распространения расписной керамики с характерным набором мотивов именно в период после принятия ислама. До ислама, когда отправление культа, обрядовых празднеств совершалось в храмах, городских и домашних святилищах и сопровождалось многочисленными и разнообразными атрибутами культа (алтари,

статуи, терракотовые иконки, курильницы и пр.), керамика специального назначения могла изготовляться редко или в небольшом количестве (Пенджикент). В пору распространения ислама, когда многие атрибуты культа вынужденно исчезают, а сами культы и магия, связанная с идеей плодородия, продолжают сохраняться, начинают более широко использоваться и соответственно изготовляться особые сосуды с соответствующей символикой. Во всяком случае, нам представляется, что именно специальное назначение расписных глиняных сосудов наиболее убедительно объясняет связь с ними устойчивой символики изображений, а также самое существование таких сосудов в сочетании с высококачественной глазурованной керамикой. Связь тут надо искать не с тюрками (символика восходит к таковой же у древнеземледельческих народов Средней Азии), не с архаичным производством, домашним ремеслом, а с архаичными воззрениями и традициями. Сохранение определенной символики, очевидно, находилось в общем русле развития средневекового сознания.

В новое время после распространения фарфоровой посуды такие функции особой посуды перешли к посуде глиняной вообще. Есть из нее считалось богоугодным делом, особенно в праздники, в дни массовых обрядовых празднеств, трапез (свадьба, поминки и др.). Обязательной глиняная посуда считалась при совершении обрядов, связанных с культом Биби Сешанбе и Биби Мушкилкушо, при обряде символического кормления духов предков [38, с. 51]. По другим данным, в месяце рамазане в городах пищу ели только из глиняной посуды, причем ежегодно перед постом покупали новую [28, с. 6]. Очистительные обряды очень древнего происхождения, совершавшиеся в месяце сафар, сопровождались прыганием через костер и битьем глиняной посуды [28, с. 8].

Предметы, связанные с каким-либо праздником, обрядом, могли изготовляться специально к нему, но могли употребляться неоднократно. Так, в Самарканде, Каратаге, Риштане вплоть до революции к празднику весеннего равноденствия специально изготовлялись свистульки в форме различных зверей и птиц. Через несколько дней после праздников игрушки выбрасывались [28, с. 235, 241, 270].

Внедрение ислама в Средней Азии сопровождалось борьбой со старыми религиозными воззрениями и обрядами, однако сохранение многих домусульманских представлений вплоть до нового времени показало их живучесть и глубокие корни в идеологии населения. Как справедливо указывала О. А. Сухарева, «в народной среде долго сохранялись и втайне совершались старые обряды» [39, с. 14]. При этом старые духовно-религиозные представления не только продолжали существовать, но и эволюционировали [40, с. 116]. Разумеется, этот процесс в той или иной форме должен быть отражен в археологическом материале. Одну из таких редких возможностей и предоставляет, на наш взгляд, расписная керамика средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заднепровский Ю. А.* Средневековая расписная керамика Ферганы // КСИА. 1969. Вып. 120.
2. *Сайко Э. В.* История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII–XII вв. Душанбе, 1966.
3. *Кругликова И. Т., Сарианиди В. И.* Пять лет работы советско-афганской археологической экспедиции // Древняя Бактрия. М.: Наука, 1976.
4. *Литвинский Б. А.* Археологическое изучение Таджикистана советской наукой // Тр. ИИАЭ АН ТаджССР. Т. XXVI. Сталинабад, 1954.
5. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана. М.: Искусство, 1965.
6. *Распопова В. И.* Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда // СА. 1972. № 4.
7. *Лунина С. Б.* Здание X–XI вв. на Алтынтепе // Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина. Вып. 517. Материалы по истории, историографии и археологии. Ташкент, 1976.
8. *Усманова З. И., Кабанов С. К.* К стратиграфии верхних (VIII–XIII вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища // ИМКУЗ. Ташкент. 1975. Вып. 12.
9. *Усманова З. И., Дресвянская Г. Я.* Новые данные к изучению памятников сре-

него течения Кашкадарьи // Научные тр. ТашГУ им. В. И. Ленина. Вып. 473. Материалы по истории и археологии Средней Азии. Ташкент, 1974.
10. *Вяткин В. Л.* Афрасиаб – городище былого Самарканда. Ташкент, 1974.
11. *Бурякова Э. Ю., Буряков Ю. Ф.* Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам площади Регистан в 1969–1971 гг.) // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент: Фан, 1973.
12. *Бентович И. Б.* Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII–VIII вв.) // МИА. 1964. № 124.
13. *Беленицкий А. М.* Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951–1953 гг.) // МИА. 1958. № 66.
14. *Лобачева Н. П.* Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975.
15. *Борозна Н. Г.* Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975.
16. *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969.
17. *Шукуров Ш. М.* К анализу принципов иконографии в изобразительном искусстве Средней Азии // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука, 1977.
18. *Рапопорт Ю. А.* Об изображении на Бартымском блюде, найденном в 1951 г. // СА. 1962. № 2.
19. *Сулейманов Р., Исхаков М., Туребеков М., Нефедов Н.* Раскопки на городище Еркурган // АО – 1975. М., 1976.
20. *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма // ТХАЭЭ. 1971. Т. VI.
21. *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968.
22. *Амброз А. К.* Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // СА. 1965. № 3.
23. *Бируни Абурейхан* Памятники минувших поколений // Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957.
24. *Кисляков Н. А.* Персы (этнографический очерк) // СЭ. 1953. № 3.
25. *Фрай Р.* Наследие Ирана. М.: Наука, 1972.
26. *Дорошенко Е. А.* Зороастрийцы в Иране (историко-этнографический очерк). М.: Наука, 1982.
27. *Кисляков Н. А.* Некоторые материалы по этнографии таджиков верховий Кашкадарьи // Тр. ИИАЭ АН ТаджССР. 1960. Т. СХХ.
28. *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии // Тр. ИЭ. Нов. сер. 1959. Т. XLII.
29. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1. Душанбе: Дониш, 1966.
30. *Рахимов М.* Некоторые обычаи и обряды, связанные со скотоводством у таджиков Каратегина и Дарваза // Тр. ИИАЭ АН ТаджССР. 1960. Т. СХХ.
31. *Кисляков Н. А.* Вотивные предметы горных таджиков // Сб. МАЭ. 1970. Т. XXVI.
32. *Беленицкий А. М.* Новые изображения ритуальных предметов на стенных росписях древнего Пенджикента // Тр. ИИАЭ АН ТаджССР. 1960. Т. СХХ.
33. *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Древний Отрар. Алма-Ата: Наука, 1972.
34. *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Новое в средневековой археологии Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969.
35. *Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары. Алма-Ата: Наука, 1968.
36. *Беленицкий А. М.* Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г. // МИА. 1950. № 15.
37. *Брыкина Г. А.* Карабулак. М.: Наука, 1974.
38. *Писарчик А. К.* Некоторые сведения о народной керамике Самарканда // История и этнография народов Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1981.
39. *Сухарева О. А.* Ислам в Узбекистане. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1960.
40. *Литвинский Б. А.* Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.

S. B. Lunina

PAINTED POTTERY OF THE 10th-12th CENTURIES AND ITS USES (ON THE MATERIALS OF THE KASHKADARYA OASIS)

Summary

Mediaeval unglazed pottery from Central Asia decorated with red, brown or black patterns has long attracted researchers, especially its earliest type associated with the migration of the rural population to towns, with handicrafts and the Turkic ethnos. The study of the ornamental patterns and their symbolics is the key to the evolution of the pottery and its uses. The material recently obtained in the Kashkadarya oasis and its comparison with similar pottery from other regions identifies the patterns of trees, branches, flowers, birds, solar signs, crescents, spirals connected, on the whole, with the idea of fertility and its cult. Ethnographic parallels point to a special use of such pottery on Nauruz, or other holidays rooted in the pre-Islamic times.

Публикации

Ф. М. ЗАВЕРНЯЕВ

ТЕХНИКА ОБРАБОТКИ КОСТИ ИЗ ХОТЫЛЕВСКОЙ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

Во время десятилетних раскопок Хотылевской стоянки было собрано большое количество (1416 экз.) костей со следами обработки, употребления и различных изделий из кости [1, 2]. Внимательное изучение этого материала дает возможность проследить различные технические приемы, использовавшиеся при расчленении костного сырья и изготовлении костяных предметов.

Для получения костяных поделок широко использовались бивни мамонтов, трубчатые кости, ребра, зубы и другие части скелетов животных.

К первой группе остеологического материала мы относим бивни, обломки бивней и подготовленные болванки из бивней (рис. 1, 2), ко второй — заготовки, пластины, отщепы и вообще отходы от обработки расчлененных бивней, к третьей — заготовки и отходы от обработки трубчатых костей, ребер и позвонков (рис. 3, 4) и к четвертой группе — законченные орудия или их фрагменты. В особую группу нами выделяются пластинчатые заготовки от расчлененных тем или иным способом по слоям бивней, а также заготовки и отходы от обработки заготовок и орудий из бивней, которые использовались при изготовлении веретенообразных изделий.

Морфологическое изучение такого всестороннего материала показывает, что при обработке остеологического сырья и при изготовлении предметов применялись следующие технические приемы.

Наиболее простой и, видимо, самый древний из них — это поперечное расчленение бивней на несколько частей в результате удара их о ребристый валун, перебивание или переламывание с помощью сильных ударов большим валуном, возможно, тяжелой дубиной из крупной кости на грунте или на перевесе между двумя опорными подставками. Такие древние приемы расчленения бивней известны по материалам других палеолитических стоянок и неоднократно отмечались авторами работ по изучению первобытной техники [3, 4, с. 94].

В хотылевской коллекции имеется много бивней и болванок из бивней, полученных путем их поперечного членения ударным способом. Среди такого материала есть болванки с занозистыми (зубчатыми) поперечными изломами и относительно гладкими. Мы полагаем, что болванки с занозисто-зубчатыми торцами получали при расчленении сырых или еще не успевших высохнуть, преимущественно молодых бивней, а с более гладкими торцовыми площадками — из лежалых или высохших бивней. Следует также отметить, что на хотылевских расчлененных бивнях нет характерных вмятин, которые получались от сильного удара, наносившимся при поперечном перебивании бивня. Только в одном случае на месте поперечного излома прослеживается узкая, щелеобразная вмятина, указывающая на то, что удар наносился тяжелым остроребер-ным предметом или бивень ударялся об остроребер-ный валун.

Некоторые исследователи считают, что для разрубания бивней сильными ударами могли служить и крупные кремневые топоры новгород-северского типа [3, с. 180].

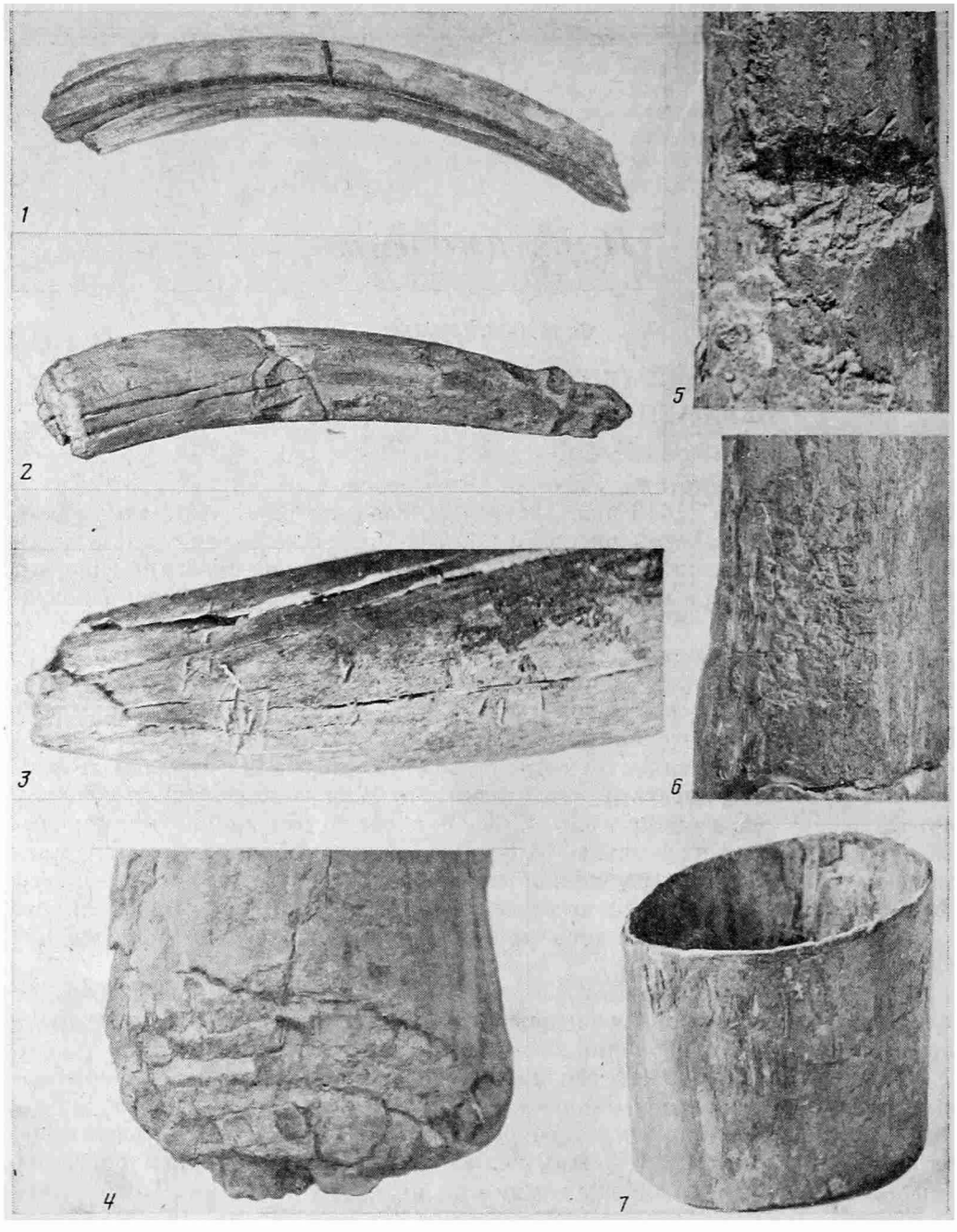


Рис. 1. *1* — бивень мамонта со следами продольного У-образного выреза; *2* — бивень со следами вырубленного поперечного желобка в основании излома и овальной лункой на вогнутой поверхности; 3 — бивень со следами вмятин в виде «птичьих следков» на конце; *4* — следы вырубания зубилообразным орудием на стенке желобка в основании бивня; *5* — следы овальной лунки с У-образным сечением поперечной лунки, вырубленной на конце бивня, найденного в раскопе 10 на кв. 2—3; *6* — овальная лунка со следами использования в качестве наковаленки продольно расколотой пополам болванки из бивня; *7* — браслетообразная заготовка из расчлененного по слоям бивня

Подобная техника расчленения бивней была уже известна мустьерскому человеку. Сходные заготовки с отчлененными от них пластинами неоднократно встречались на соседнем палеолитическом местонахождении (рис. 5).

При более усложненном поперечном расчленении бивень частично надрезали, а потом с помощью удара разламывали. Имеются случаи частичного или кольцевого врубания каким-то ударным рубящим орудием с узким лезвием, скорее всего кремневым, с последующим разламыванием.

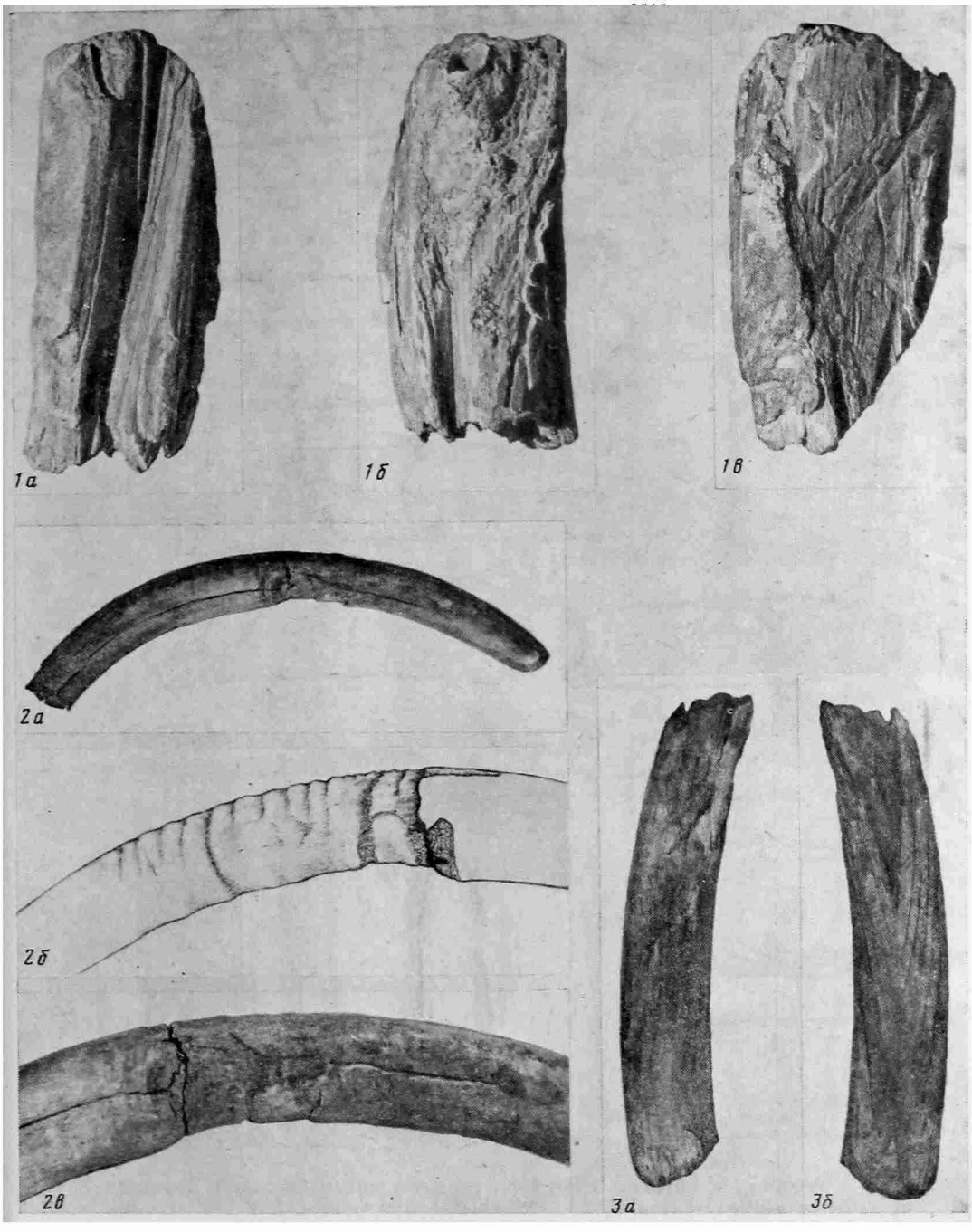


Рис. 2. *1, а—в* — болванка из бивня мамонта со следами снятия пластин, продольных У-образных вырезов и употребления в качестве ударного инструмента; *2* — бивень со следами использования в качестве разбильника; *3* — заготовка из бивня мамонта с половинчатым продольным расчленением и следами употребления в качестве копательного инструмента

Следовательно, при таких технических приемах расчленения использовалось кремневое топоровидное или зубиловидное орудие.

Следы разрубания бивней таким же способом прослеживаются, в частности, на Супоневской и Авдеевской стоянках [5, с. 194]. С. А. Семенов отмечает следы подобной рубки на старых и молодых бивнях не только в материалах этих стоянок, но и на многих других верхнепалеолитических памятниках [6, с. 130]. М. Д. Гвоздовер и С. А. Семенов считают, что в некоторых случаях таким орудием работали как зубилом [5, с. 194].

Иногда поперечное расчленение осуществляли, вероятно, термическим способом. Край бивня или болванки вставляли в раскаленный очажный

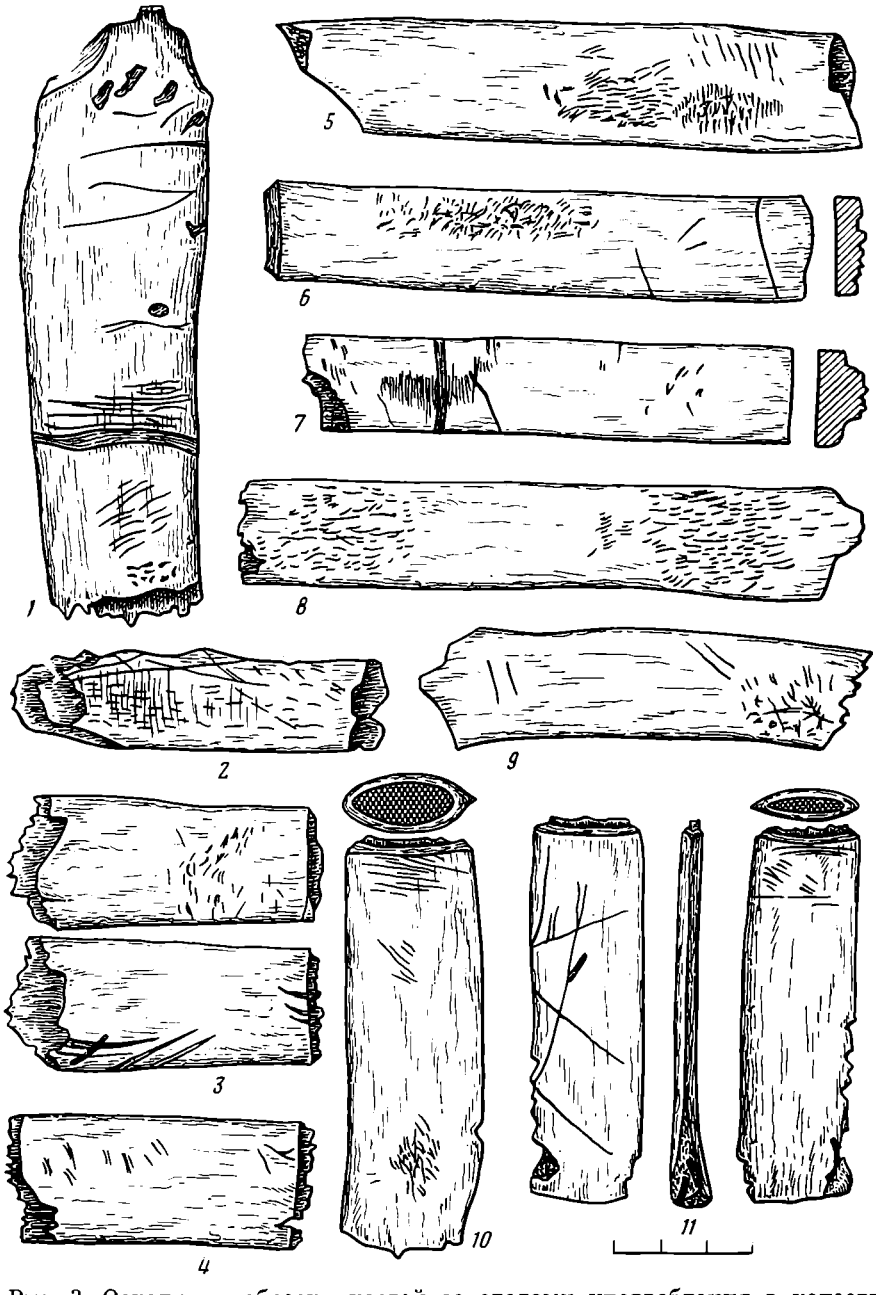


Рис. 3. Осколки и обрезки костей со следами употребления в качестве подсобных инструментов. *1*, *3—5*, *8*, *9* — обломки ребер; *2*, *6*, *7* — обломки бивней; *10*, *11* — обрезки остистых отростков от позвонков

уголь, в результате чего костная ткань распадалась и по остывании рассыпалась. Среди хотылевских материалов имелась крупная болванка из бивня диаметром 0,2 м, у которой один конец со следами разлома, а другой — со следами пребывания на огне, вследствие чего он имеет форму уплощенного конуса.

Полученные таким образом болванки использовали как нуклеусы для снятия отщепов и пластин, как заготовок для изготовления скульптурных изваяний и для получения из них тяжелых и массивных орудий различного назначения, для чего зачастую куски бивней дополнительно расчленялись на две почти равные половинки.

Для продольного расчленения бивней и болванок из них использовались, видимо, костяные долота и клинья. Так как продольное расчленение кости в истории первобытной техники занимает одно из важных мест и после простого дробления кости является более высокой ступенью в ее обработке, в наше время опытным путем изучались возможные техниче-

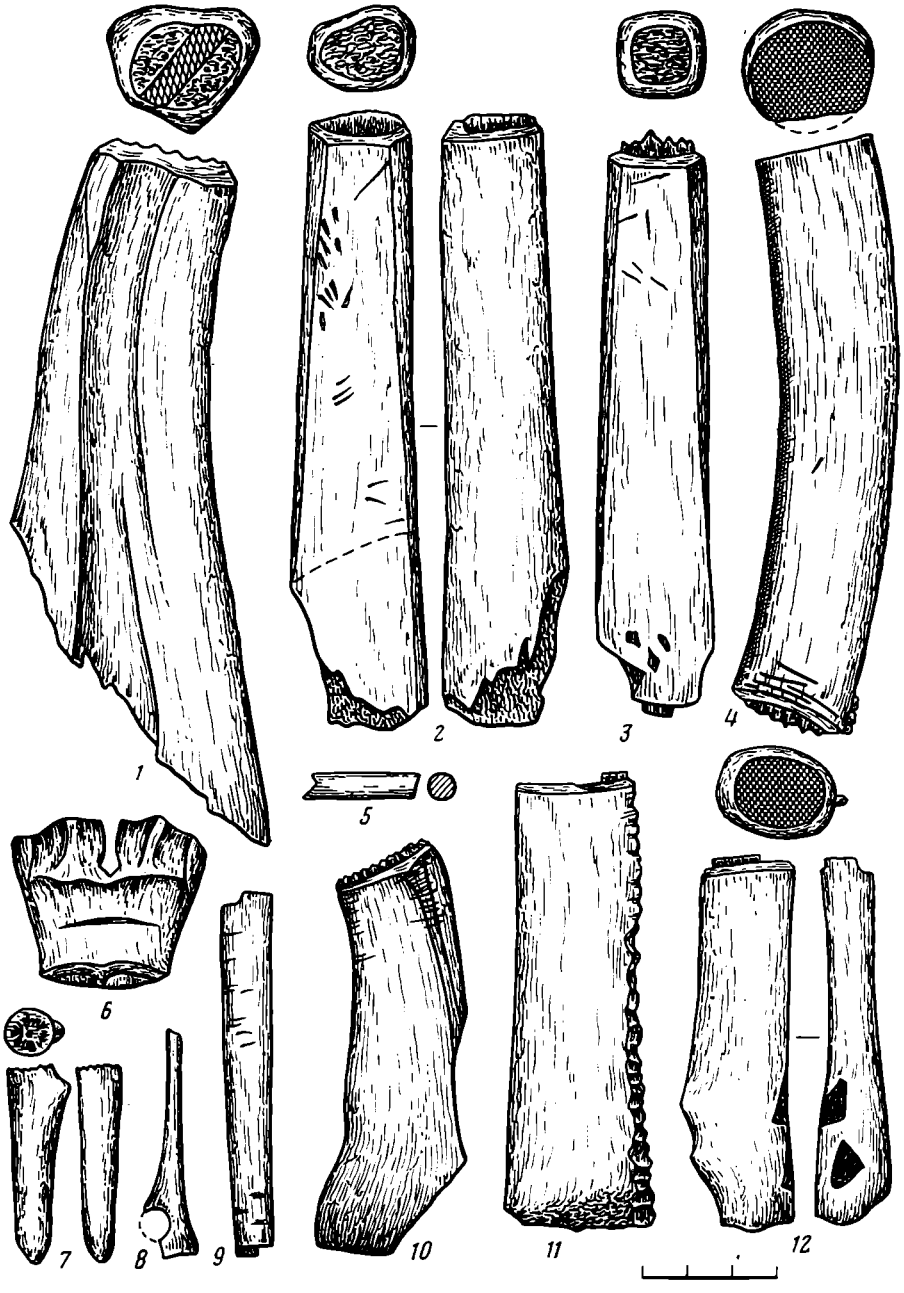


Рис. 4. Заготовки из ребер мамонта и отходы от обработки костей. *1—4, 9, 10* — ребра; *5* — трубчатая кость птицы; *6* — метоподий оленя; *7* — осколок трубчатой кости со следами строгания; *8* — птичья кость со следами сверления; *11, 12* — обрезки остистых отростков от позвонков мамонта

ские приемы, которые могли применяться в древности. А. К. Филиппов в своих работах отмечает, что при расчленении массивных кусков вдоль слоистости, т. е. в продольном направлении, им удавалось снимать большие отщепы только с заготовок с хорошо подправленными площадками, по которым затем наносились сильные удары предельно тяжелым отбойником. В результате образовывались трещины, проходящие вдоль плоскости скалывания. В эту трещину вставляли клинья, с помощью которых производилось отслаивание пластин-заготовок. Иногда пластины снимали сильным ударом отбойника вдоль образовавшихся трещин. Он же отмечает, что срубание отщепов-заготовок с округлой части свежего бивня при помощи долота, рубила или другого заостренного орудия невозможно было без предварительного поперечного или продольного расчленения и что такое скалывание, возможно, было либо при минусовых

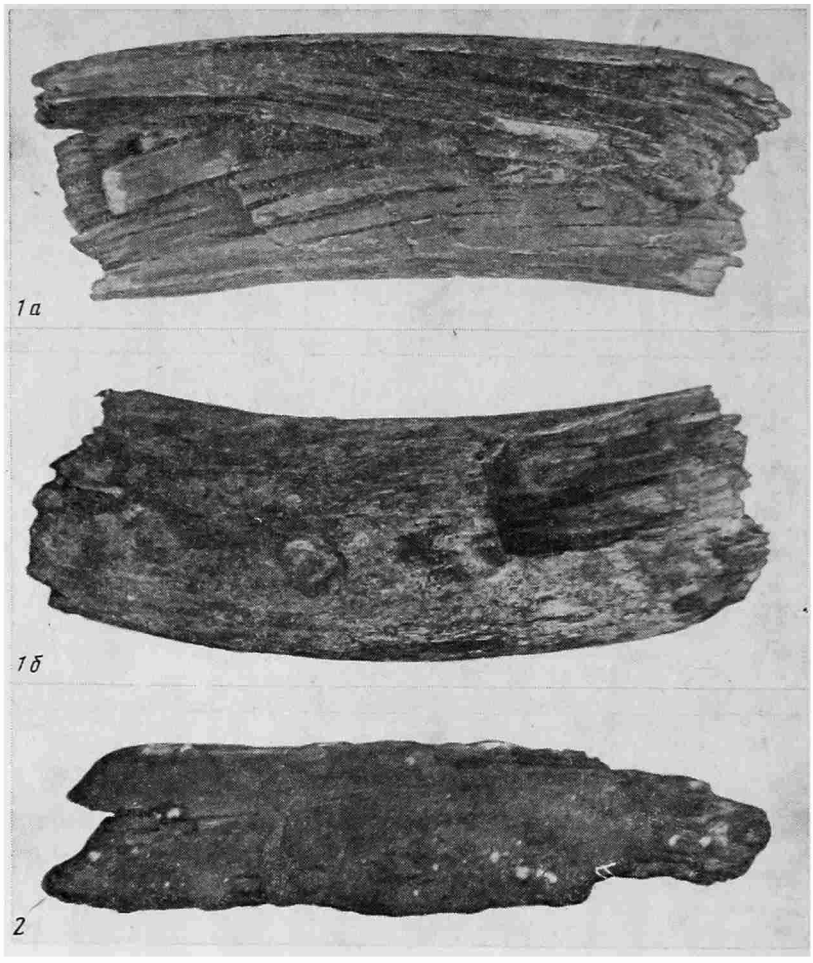


Рис. 5. *1*, *а*, *б* — болванка из бивня мамонта со следами поперечного и продольного расчленения. Хотылевское мустье; *2* — пластина, отчлененная от бивня мамонта. Хотылевское мустье (кость ввиду сильного ожелезнения и замарганцованности имеет черный цвет)

температурах, либо, наоборот, при очень сильном нагревании костного материала [7, с. 14].

Данные, полученные опытным путем во время Кавказской экспедиции 1971 г., в известной мере проливают свет на некоторые технические стороны расчленения бивней и другого остеологического сырья на верхнепалеолитических памятниках и особенно на стоянке — Хотылево II. Здесь мы имеем достаточно ясные следы подобных технических приемов и инструменты, необходимые для поперечного и продольного расчленения бивней.

Долота и клинья, применявшиеся хотылевским человеком для продольного расчленения бивней и вообще кости, на обушковых частях имеют следы ударов по ним тяжелыми ударниками в виде забитостей и выщербин, а на заостренных плоскостях — следы углубленных шрамов. На лезвиях сохраняются следы заломов и притупленности. Аналогичные орудия известны и на соседних стоянках — Тимоновке, Елисеевичах и на других [3, с. 188, 189].

В этом отношении особый интерес вызывают в хотылевской коллекции болванки из бивней со следами раскалывания пополам. О том, что в данном случае применялась именно техника раскалывания, свидетельствует занозистая поверхность, очень напоминающая поверхность расчлененной древесины. Есть в коллекции и такие расчлененные на две части заготовки, у которых поверхность расчленения уже обработана резцом и скребком.

В хотылевской коллекции имеется один небольшой бивень и несколько болванок из расчлененных бивней, у которых вырезаны продольные

У-образные углубления-канавки (рис. 1, *1*; рис. 2, *1*). Такие углубления в первую очередь свидетельствуют о работе резцом, так как проделать их другим инструментом не представляется возможным. Об этом же свидетельствуют и сами следы, оставленные резцом на стенках углублений-канавок. Аналогичные углубления-канавки примерно таких же размеров мы имели возможность видеть в материалах Юдиновской и Елисеевичской стоянок во время их раскопок К. М. Поликарповичем в 1947—1948 гг. Однако остается загадкой, для каких целей такие углубления-канавки проделывали (вырезали). Из работ С. А. Семенова и А. К. Филиппова известно, что продольные надрезы резцовыми инструментами делали на костном материале с целью его продольного расчленения [3, с. 189, 190; 6, с. 134—138; 7, с. 18—25]. Но надрезы, отмеченные авторами, хотя в длину иногда достигают значительных размеров, не такие широкие и глубокие, как на бивнях из названных нами стоянок. Кроме того, в данных коллекциях нет ни одной заготовки, которая бы имела следы подобного вычленения.

Нам представляется, что такие углубленные канавки, сделанные резцовыми инструментами на бивнях, скорее всего связаны с изготовлением (вырезанием) трехгранных заготовок для острий. На это как будто указывают некоторые стержневидные заготовки. Особенно в этом отношении характерна одна из заготовок, найденная в раскопе 6. В длину она достигает около 30 см, наибольшая толщина 1,6 см. По форме и размерам она совпадает с У-образным пазом, встречающимся на бивнях. Хотя у этой заготовки уже в значительной мере срезаны углы и округлена поверхность, все же на концах еще довольно четко сохраняется ее первоначальная трехгранная форма.

Определенный интерес из расчлененного бивневого материала представляют пластины, снятые под слоем. Некоторая часть из них, вероятнее всего, результат чисто естественного распада бивней в результате быстрого высыхания на открытом воздухе и на солнце, когда образуются трещины по возрастным кольцам и тонкие длинные пластины снимаются подобно коре с дерева [7, с. 18]. Однако некоторые из таких пластин, судя по физическому и структурному состоянию, указывают на умение хотылевского человека расчленять бивень по слоям искусственным путем.

Уже давно доказан опытным путем способ искусственного мягчения кости и бивня путем разогревания и распаривания сырого материала или подвергнутого вымачиванию в течение длительного времени. Такой бивень хорошо строгается и режется перочинным ножом и кремневыми орудиями. Более того, он даже выпрямляется [3, с. 112, 194]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что хотылевские мастера по кости при расчленении и обработке кости могли пользоваться термическим способом. С. А. Семенов на основании изучения находок из гротов Плакар, Спи, Брассемпуи, а также из наших стоянок — Мезин, Костенок-I, Мальта пришел к выводу, что палеолитические мастера, безусловно, умели разделять бивень по слоям [6, с. 139, 140].

В хотылевской коллекции помимо расчлененных искусственно по слоям пластин есть снятая таким способом крупная цилиндрическая заготовка (рис. 1, 7). Процесс расчленения бивня по слоям без специальных исследований опытным путем реконструировать трудно. Возможно, бивень долго держали в болотной воде, содержащей дубильные вещества, а потом нагревали до определенной степени, в результате чего при расширении неоднородных плотностей структур он распадался на кольцевых спайках. Может быть, для этой цели использовали бивни только что убитых мамонтов. После нагревания до определенных температур бивни опускали затем в холодную воду, вследствие чего разрушалась связь между слоями. Возможно, распадение по слою происходило при распаривании в горячем костном угле. На такой технический способ расчленения, вероятно, указывает большое количество бивней или их частей со следами пребывания на огне. Если же это действительно так, то на основе выработанного в течение длительного времени опыта хотылевский человек вполне мог применять термический способ расчленения бивневого сырья.

Помимо разлома, разрубания, раскалывания и расчленения бивней по слоям для дальнейшей обработки заготовок использовались такие технические приемы, как обстругивание, срезание, обрезание, прорезание, пропиливание, долбление, шлифовка, полировка, гравировка и т. д. Такие технические способы обработки костного сырья уже широко применялись верхнепалеолитическим человеком, в том числе и хотылевским [3, 6, 7].

Для применения таких разнообразных, иногда даже очень сложных и кропотливых технических приемов в производственных процессах человек должен был обладать определенными навыками, опытом, сноровкой, зоркостью, выдержкой и вполне пригодными каменными инструментами. Именно такие инструменты и были здесь обнаружены.

Остановимся на описании некоторых бивней и болванок с наиболее выраженными следами использования различных технических приемов при их расчленении и дальнейшей обработке.

1. Фрагмент бивня, найденный в раскопе 10 на кв. 4—5 (рис. 1, *2*). Длина фрагмента 51, диаметр в основании 9 см. На участке разлома сначала был вырублен желобок, длиной около 8 см, на глубину 2,5 см, после чего произведен разлом. На расстоянии 18 см от верхней кромки разлома имеется овальная лунка, размером 6×4,5, глубиной 1 см. Лунка вырублена углом какого-то зубилообразного инструмента. Противоположная сторона и заостренный конец обожжены, вследствие чего деформированы и частично осыпаются. На остальной части сохранившаяся поверхность покрыта мелкими лунками, насечками, рабочими царапинами и линиями геометрического характера. Особенный интерес для изучения техники обработки кости здесь представляет вырубленный кольцевой желоб. На нем хорошо сохранились лунки от инструмента, которым он вырубался (рис. 1, *4*). Судя по ним, инструмент имел хорошо наостренное прямое лезвие шириной 0,5—0,6 см. На это указывают отсутствие на негативах зримых продольных полосок от зазубринок на нити лезвия, глубина вхождения инструмента в такой твердый материал, как бивень мамонта, на 0,5—0,6 см, а также заполированность стенок входных лунок. Инструмент по отношению к разрубавшемуся материалу ставился под углом 50—60°, благодаря чему достигалась наибольшая глубина проникновения ударного инструмента в материал.

2. Следы аналогичной нарубки для отделения концевой части сохранились на другом бивне, тоже найденном в раскопе 10 на кв. 2—4, вблизи вышеописанного. Длина бивня 119, диаметр в основании 7 см. Одна из сторон сохраняет следы пребывания на слабом огне, вследствие чего поверхность разрушается. По развороту бивня, с внутренней стороны, на расстоянии 23,7 см от конца — угловатый У-образный желобок, вырубленный поперек бивня (рис. 1, *5*). Длина его в поперечном направлении 5 см, ширина 2,8, глубина 1 см. Стенки ступенчато-бугристые, указывающие на то, что желобок вырублен острым рубящим инструментом с узким лезвием. С альвиольного конца на расстоянии 1,4—4 см от обреза края сделана еще одна нарубка, но небольшая и неглубокая. Возможно, это следы разметки или начальной стадии врубания.

Подобный желобок, но с одной более пологой стенкой, имеется на одном из авдеевских бивней [5, рис. 2, *б*].

3. Отчетливые следы использования заготовки из бивня хорошо сохранились на одной из половинок расколотой болванки, найденной в раскопе 7 на кв. 9—10. Наибольшая длина болванки 28,5 см, ширина поперечного сечения со стороны основания 6,5, с противоположного конца — 5,5 см. Толщина со стороны основания 2,2 см. На выпуклой естественной поверхности заготовки на расстоянии 7 см от утонченного конца прослеживается овальная лунка (рис. 1, *6*) размером 3,5×2,6, глубиной 0,3 см. Лунка имеет иссеченную поверхность. Видимо, еще сама болванка до расчленения использовалась в качестве наковальни или подставки при изготовлении кремневых орудий. Следы аналогичных лунок на поверхности бивней имеются на Елисеевичской стоянке [4, рис. 23].

4. Фрагмент бивня мамонта, найденный в раскопе 4 на кв. 46. Длина фрагмента 46, диаметр в основании 6 см. Сторона, которой бивень был

обращен к дневной поверхности, сильно разрушена, противоположная сохранилась относительно хорошо. На этой же стороне во всю длину бивня вырезан У-образный желобок (рис. 1, *1*), длина его 32 см, наибольшая ширина в основании 2,3, глубина 1,5 см. К кончику бивня желобок постепенно выклинивается. На расстоянии 16 см от основания на бортах У-образного углубления две округлые лунки, насеченные тупым концом какого-то ударного орудия. Между кончиком желобка и кончиком бивня с вогнутой стороны поперечное канавкообразное углубление. Стенки этого углубления бугристые, что, видимо, свидетельствует о работе рубящим орудием. На естественной поверхности бивня заметны следы нарезок, особенно хорошо выраженные у основания желобка. Иногда они пересекаются и образуют геометрические фигуры в виде крупных ромбов. Судя по всему, нарезки на поверхности бивня были нанесены еще до вырезания У-образного углубления.

5. Фрагмент бивня, найденный в раскопе 6 на кв. 13 (рис. 2, *1*). Длина обломка 13,3, диаметр 6,5 см. Судя по зубчатости на концах, бивень был разломан ударным способом. С одной стороны болванки — следы снятия пластинчатой заготовки (рис. 2, *1в*), с другой — следы снятия двух пластинчатых заготовок с противоположных концов. В результате болванка приобрела брусковидную форму. На одной из ее выпуклых сторон вырезан У-образный желобок (рис. 2, *1а*). Ширина желобка 3, глубина 1,5 см. Со стороны снятия двух боковых пластин по ребру выпуклости — другой У-образный желобок, сохранившийся почти на половину болванки (рис. 2, *1б*). Ширина желобка 1,5, глубина 1 см. Верхняя часть желобка снята при скалывании пластинчатой заготовки. Поэтому, надо полагать, желобок был более широкий и глубокий. Ребро поперечного излома между одним боковым пластинчатым снятием и выпуклой стороной с удлиненным У-образным желобком подправлено мелкими сколами и притуплено. Видимо, болванка использовалась в качестве ударного инструмента. Болванка также имеет следы пребывания в огне и местами осыпается. Предмет интересен тем, что здесь отчетливо прослеживаются три технических приема расчленения бивней: поперечное разбивание, скалывание пластин и, вероятно, вырезание трехгранных стержней-заготовок.

6. Бивень, найденный в раскопе 6 в предочажной яме (рис. 1, *3*). Длина сохранившейся части 66, диаметр в основании 9 см. Наибольшая часть поверхности бивня несет следы пребывания на огне, вследствие чего осыпалась и даже превратилась в костную труху. Со стороны основания, на расстоянии 9 см от конца, следы кольцевого углубления шириной 1—2 см. В профиль это браслетообразное углубление имеет желобообразную форму глубиной 0,2 см. Днище углубления покрыто продольными бороздками шириной 0,2 см, что указывает, вероятно, на работу резцом с широким мысиком. Почти рядом следы другого такого же углубления, но только частично захватывающего поверхность бивня. С той же стороны, начиная от кромки обожженной поверхности, идет ряд крупных парных насечек. Сохранилось только шесть пар. На конце бивня, на уцелевшей поверхности, имеется целый ряд вмятин, образовавшихся в результате сильных ударов каким-то заостренным орудием, в виде «птичьих следков».

7. Заготовка из основания бивня, найденная в раскопе 7 на кв. 12 (рис. 2, *3*). Длина заготовки 32, диаметр 6,3 см. Поперечный разлом произведен ударным путем, о чем свидетельствует раковисто-бугристый излом торцевой поверхности. Затем болванка была расчленена в продольном направлении на две равные половинки. Толщина данной заготовки составляет 3,2 см, почти полдиаметра основания. Расчлененная поверхность занозистая, несет следы искусственной обработки, произведенной в углублениях скребком с округлым лезвием, а на выпуклой — резцом и ножевидным инструментом. Кромки конического пустотелого основания (альвиольного конца) с внешней стороны приострены мелкими крутыми сколами и образуют довольно правильное дугообразное приостренное лезвие. Не исключено, что заготовка после подправки ис-

пользовалась в качестве копательного инструмента. На это указывает и некоторая заполированность обработанного края, и легкая зазубренность нити лезвия.

8. Из предметов, полученных путем расчленения бивня по слоям, наибольший интерес представляет браслетообразная заготовка, найденная в раскопе 5 на кв. 35 в раздавленном и несколько смещенном по слоям состоянии (рис. 1, 7). Судя по реконструкции, заготовка имела цилиндрическую форму. Ее высота неодинакова: с одной стороны 9, с другой — 10,5 см. Диаметр бивня 11 см. Со стороны одного конца толщина стенок 0,8—1 см, со стороны другого — 0,2—0,3 см, что также подтверждает ее расчленение по слоям. Прежде чем получить заготовку, на бивне, скорее всего ближе к основанию, с двух сторон были пропилены две кольцевые канавки. О том, что канавки пропилены, а не прорезаны резцом, свидетельствуют относительная крутизна нарезок, прямолинейность днищ надпилов, особенно хорошо заметных там, где при пилении концы пропилов не сходились и один из таких пропилов остался не в пределах излома. К сожалению, исследовать стенки и днище надпилов не представляется возможным, так как после снятия заготовки с сердцевины бивня тонкие занозистые края были срезаны кремневым ножом.

Следы распиливания бивней резцом или ножевидной пластинкой, как отмечает М. Д. Гвоздовер, характерны для таких стоянок, как Авдеево, Костенки IV (круглые жилища), Тимоновка, Чулатово I, Гонцы, Афонтова Гора [5, с. 194].

9. Из найденных бивней со следами обработки и использования также определенный интерес представляет бивень, найденный в раскопе 7 на кв. 51—52 (рис. 2, *2*). Бивень этот отличается лучшей сохранностью и своей формой. Он почти одинаковой толщины от обреза основания до тупого конца. Длина бивня по выпуклой кривизне 91 см. Длина окружности бивня в основании 23,5 см, в средней части 25,3, у затупленного конца 19,5 см. В центральной части, на расстоянии 35,5 см от основания, сначала был вырублен желобок шириной в устье 7,5, а на днище 5 см. Наибольшая глубина желобка с выпуклой стороны достигала 1,3, с вогнутой 0,5 см. Судя по типичным ступенькообразным следам обработки, желобок врубался послойно. Глубина каждого слоя врубания достигала 0,2—0,3 см. На расстоянии 11 см от первого желобка прослеживается другой, кольцевой, шириной 1,4—2,5 см при глубине 0,2—0,4 см. Вся поверхность между этими желобками также срублена более мелкими углублениями, отчего и в настоящее время она имеет валикообразную и бугристую поверхность. С вогнутой стороны поверхность между основными желобками более гладкая. С одной боковой стороны от основного желобка в направлении тупого конца бивень срезами или сострогиванием несколько уплощен. Длина уплощенной части достигает почти 22 см, наибольшая ширина 2,5—3 см. Поверхность среза слабоволнистая от поперечной сработанности и выходит за пределы более узкого желобка на 8 см. Вся искусственно обработанная поверхность центральной части бивня, видимо, тоже обработана рубящим инструментом. На это указывают следы ступенчатых срубов, сохранившиеся на альвиольной стороне большого желоба, и следы зубчатости на других участках. Вся срубленная и срезанная поверхность несет следы глубокой сглаженности и даже сильной заполированности, в результате чего вся зубчатость врубания стерта и образовалась гладкая бугристая поверхность. Такое впечатление, что серединная часть поверхности бивня подвергалась длительному и тщательному вращательному трению более мягким материалом. Возможно, данный бивень использовался для размягчения высушенных кожаных ремней и сухожилий.

Особый интерес, конечно, представляют орудия труда и предметы быта. Их найдено более полусотни. Из них можно выделить довольно однородные группы орудий.

Остановимся более детально на характеристике каждой группы таких орудий.

1. Подсобные инструменты. К этой группе орудий относятся предметы, которые использовались для производства самых различных орудий труда и предметов быта. Это всевозможные костяные наковаленки, прокладки, подставки, ретушеры, отжимники (рис. 3). Такие подсобные инструменты не имели специально подготовленных заготовок. Использовались необработанные или слегка подправленные костяные обломки, фрагменты сломанных орудий и даже сами орудия, предназначавшиеся для других целей. Единственно, что характерно для таких инструментов, это то, что в большинстве случаев для них подбирались кости от более старых животных или сломанные предметы с уплощенной и зашлифованной в результате работы поверхностью. Такие подсобные инструменты обычно имеют следы длительного употребления в виде всевозможных «следков», «птичьих стай», звездчатой ретуши, затертых, насеченных, нарезанных, нацарапанных и заштрихованных участков. Иногда такие следы от работы на изделиях образуют замысловатые «рисунки». Вероятно, значительная часть таких инструментов использовалась при обработке кремневых орудий.

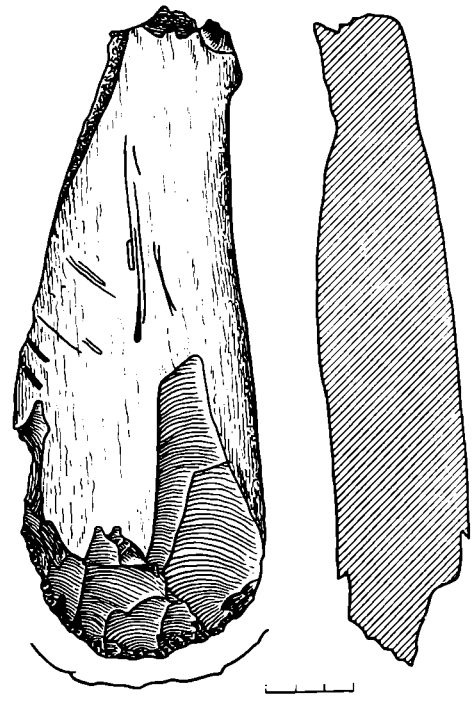


Рис. 6. Ударное или мотыгообразное орудие из обломка бивня, расколотого пополам

2. В коллекции из Хотылево II имеется немало расчлененных бивней со следами использования их в качестве различных инструментов, в виде ударных орудий и мотыг. Они обычно имеют следы грубой подправки рабочих частей.

Одно из таких ударных орудий представлено относительно крупным осколком расчлененной пополам и в поперечном, и в продольном направлениях болванки из бивня (рис. 6). Длина орудия 22 см. Наибольшая ширина 8, толщина 4,5 см. Обушковая половина в результате бокового снятия — асимметричной сеченой формы. Рабочая часть имеет следы двустороннего обкалывания мелкими широкими сколами, вследствие чего сформировалось грубое приостренное лезвие дугообразной формы. Линия заострения или нить лезвия в настоящем виде сильно притуплена. Обушок следов ударов по тыльной стороне не имеет. Вероятно, орудие захватывалось рукой или вставлялось в какую-то рукоятку.

Другое, более миниатюрное орудие — в виде мотыжки из осколка бивня — обработано довольно тщательно (рис. 7, 5). Длина его 13 см, наибольшая ширина 2, толщина в обушковой части 1,5, на остальных участках 1 см. Внешняя, естественная поверхность слегка выпуклая, противоположная — гладкая, хорошо выровненная. По центру в продольном направлении вырезан трехгранный желобок почти во всю длину. Наибольшая ширина желобка 0,9, глубина 0,4 см. Боковые стороны орудия срезаны, округлены и заполированы. Рабочий конец с внутренней стороны клинообразно заострен, в профиле асимметричен. Лезвие округло-удлиненной формы. Обушок притуплен. Возможно, орудие привязывали к рукоятке и употребляли для копания.

3. Долотовидные и клиновидные орудия (12 экз.). Это преимущественно простые и примитивные орудия, причем самых различных размеров. Изготовлены они из обломков и осколков трубчатых костей. Наиболее крупные из них достигают в длину до 30 см, наиболее мелкие — 8 см. По своему рабочему краю они могут быть разделены на несколько

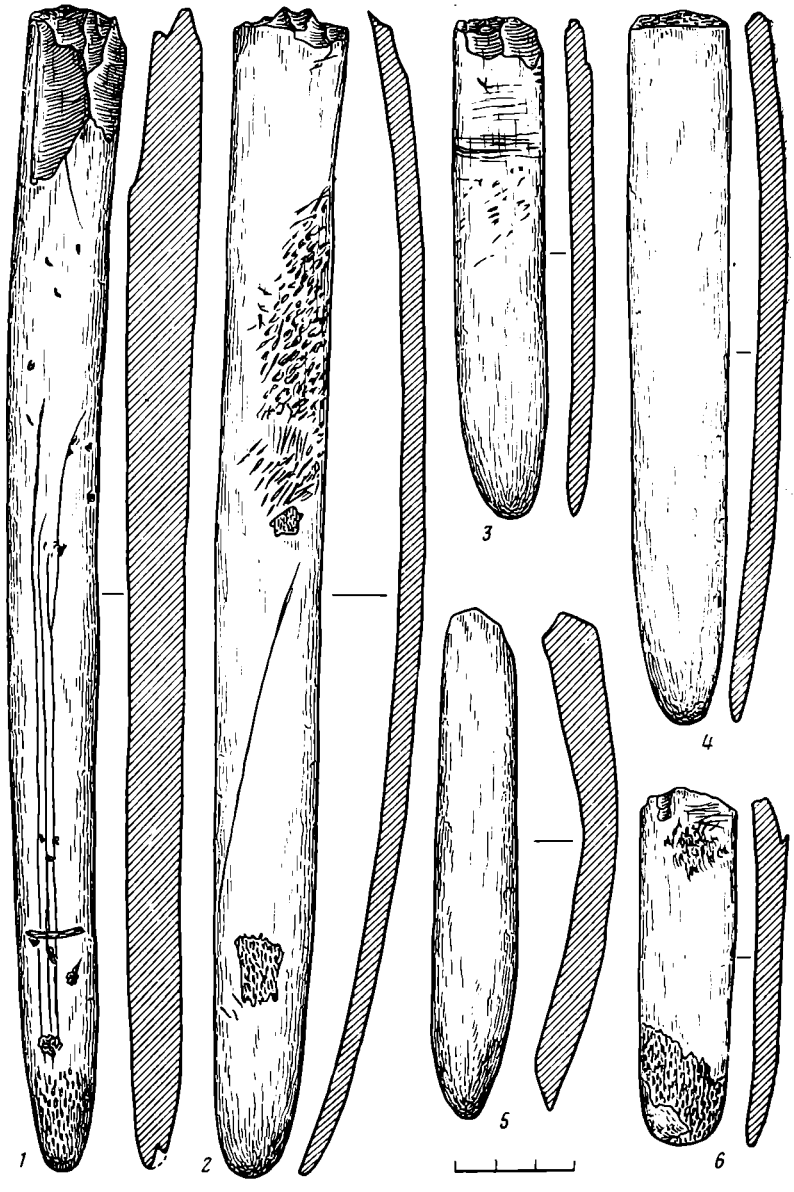


Рис. 7. *1* — долотовидное орудие с округло-коническим рабочим концом, трубчатая кость; *2—4, 6* — лощила с заостренными концами, расколотые ребра; *5* — мотыжка из бивня мамонта

подгрупп: орудия с широким лопаточкообразным лезвием, узким лезвием, с лезвием, смещенным вбок, и округлым пробоеобразным рабочим концом (рис. 7, *1*). Почти у всех таких орудий рабочая часть имеет следы подправки, рабочей заполированности, рабочих царапин, шрамов и вмятин. У некоторых экземпляров обушковая часть сильно обколота и даже притуплена вследствие нанесения по ней сильных ударов (рис. 7, *1*).

Мы полагаем, что такие орудия имели самое различное назначение. Орудия с обколотыми и притупленными обушками могли использоваться для раскалывания костей, дерева и других пластичных материалов. Инструменты с подтреугольными и округлыми пробоеобразными концами использовались для проделывания отверстий. В коллекции есть кости, на которых сохранились следы округлых, трехгранных и прямоугольных ямок-вмятин (рис. 4, *11*). Инструменты с хорошо заполированными и широкими рабочими концами могли использоваться в качестве копалок.

4. Лощилообразные орудия. В коллекции имеется около десятка изделий, которые по своей форме и технике обработки могут быть отнесены к орудиям подобного типа (рис. 7, *2—4, 6*). Они делятся на две подгруппы: орудия с заостренными концами и орудия с обломанными концами. В одном случае есть фрагмент лощила с прямым, слегка скошенным лез-

вием. Почти все такие орудия изготовлены из продольно расчлененных ребер и сохраняют свою естественную кривизну. Поверхность везде одинаково хорошо срезана, выровнена и до блеска заполирована. Орудия первой подгруппы имеют округлые, хорошо заостренные лезвия на одном своем конце. У наиболее выпрямленных или совсем прямых — на обушковом конце следы мелких сколов и рабочей притупленности, видимо, от нанесения по ним сильных ударов (рис. 7, *3*). Такие орудия, возможно, использовались не только для снимания и обработки шкур животных, но и для расщепления пластичных материалов, в частности костей. На это указывает и то, что у некоторых подобных орудий на заостренных концах сохраняются следы длинных и глубоких продольных шрамов, царапин. На это же указывают выщербинки на лезвиях заостренных концов. Некоторые орудия явно сломаны при работе таким способом (рис. 7, *6*). У отдельных лощилообразных орудий на плоскостях имеются участки лункообразной формы с сильно иссеченной поверхностью или со следами работы, указывающими на то, что они использовались в качестве отжимников, ретушеров и подкладок при изготовлении кремневых орудий (рис. 7, *2, 6*). Более типично это для лощил второй подгруппы (рис. 3, *8*). Отдельные экземпляры несут следы поперечных нарезок и геометрической гравировки (рис. 7, *3*).

Несмотря на близкую форму и одинаковую технику обработки, как нам представляется, лощилообразные орудия выполняли разнообразные функции, являясь универсальными инструментами. Аналогичные орудия характерны и широко распространены в памятниках костенковско-авдеевской культуры [8, рис. 119, *1*, *120—122*]. Как отмечает М. Д. Гвоздовер, большинство лощил использовалось для работы по твердому материалу, Она же указывает и на то обстоятельство, что кроме своего основного назначения они использовались и в качестве наковаленок-ретушеров [5, с. 204].

5. Проколки и шилообразные острия (14 экз.). Они могут быть разделены на несколько подгрупп. К первой из них относятся проколки и шиловидные острия, изготовленные из мелких осколков различных костей (рис. 8, *2*, *5*, *8*, *9*), ко второй — проколки и шиловидные острия, изготовленные из острогальных и шиловидных костей (рис. 8, *1—3*), и к третьей — проколки и шиловидные острия со шляпкой или головкой (рис. 8, *7*, *10—13*). В одном случае имеется проколка с фигурной головкой.

Наиболее примитивными из них являются проколки и шиловидные острия, изготовленные из мелких осколков расщепленных костей (первая подгруппа). За исключением грубообработанного жальца, они не имеют никакой подправки. Мало чем от них отличаются проколки и шилообразные острия, изготовленные из острогальных и шиловидных костей (вторая подгруппа). Но у них значительно лучше и тоньше подправлен рабочий край (жальце). Они длиннее и острее. Для удобства пользования у них оставлена сочленительная головка.

Однако в коллекции имеются проколки и шиловидные острия, изготовленные из осколков костей более тонко и изящно (рис. 8, *6*, *8*, *9*, *14*). В основании они имеют изломы. Получались такие изломы иногда во время работы, хотя не исключено, что некоторые из них тыльными концами вставлялись в деревянные или костяные рукоятки. В коллекции есть заготовки, которые могли употребляться в качестве рукояток к подобным инструментам (рис. 4, *1—4*).

Особенный интерес представляли две такие проколки (раскоп 7). Одна из них (рис. 8, *6*) изготовлена из осколка трубчатой кости, имеет спицеобразную, слегка изогнутую форму (скорее всего следы деформации), длину 9 см, сечение округлое, диаметр 0,5 см. Основание обломано, поверхность хорошо обстругана или срезана и заглажена. Жальце тонкое, плавно заостренное и заполированное в результате работы. Другое шилообразное острие (рис. 8, *8*) имеет длинное жальце и уплощенную пятку, на которой сохранились следы поперечных канавок от надпила, произведенного при отделении от заготовки путем излома. Длина орудия 7,5 см, жальце округлое, удлиненное, в профиле несколько искривленное. Уплo-

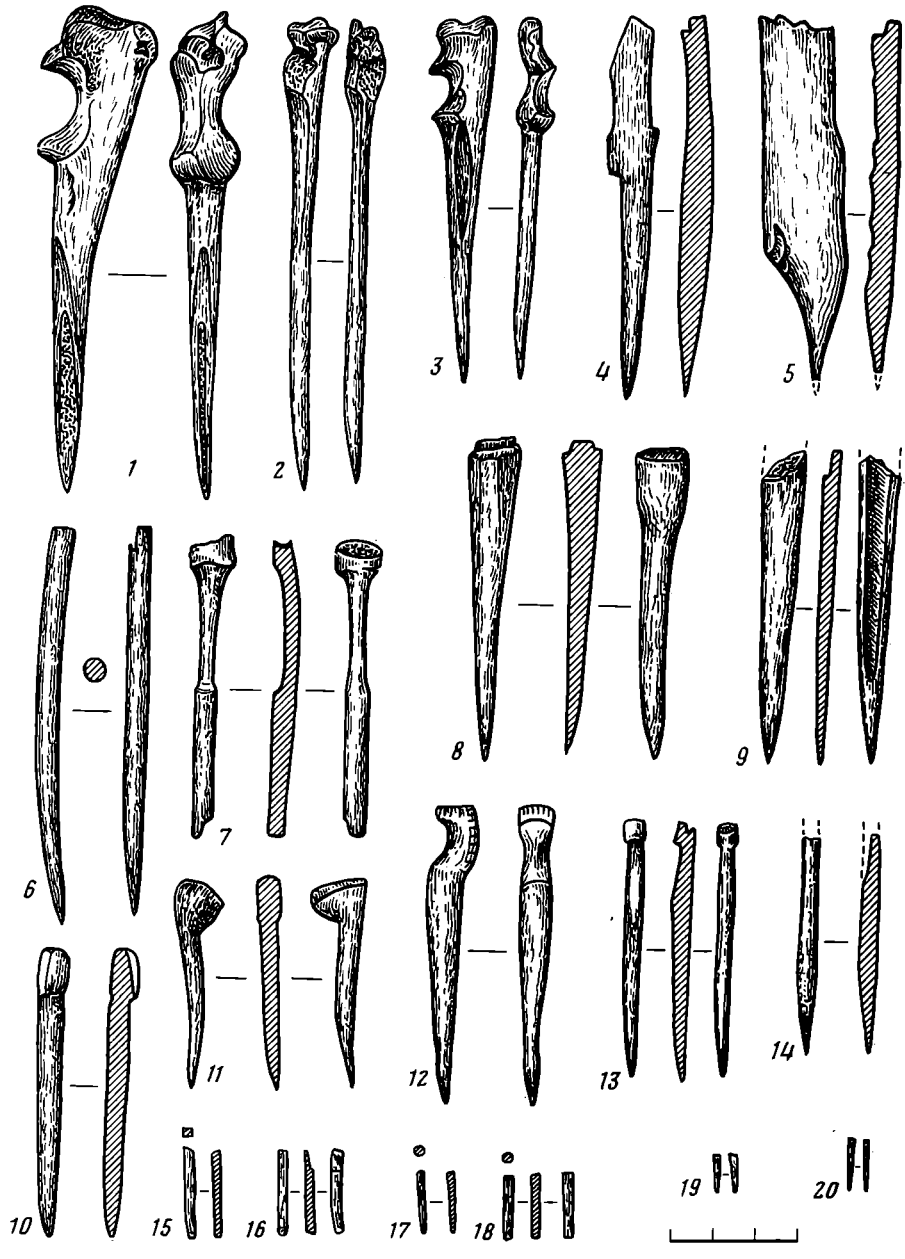


Рис. 8. *1—3* — проколки и шилья из острогальных и шиловидных костей; *4, 5* — шилья на необработанных осколках костей; *6, 8, 9, 14* — проколки и шилья из обработанных заготовок; *7, 10—13* — шиловидные острия с головками; *15—20* — фрагменты игловидных инструментов

щенная пятка с одной стороны округлая, с другой — уплощенная. Размеры сечения в основании 1,1×0,8 см. Аналогичное шилообразное острие, или проколка, известно по материалам Сунгирской стоянки, где оно было найдено при верхнем погребении могилы 2 (9, рис. 4, *10*).

Наибольший интерес из орудий этого комплекса представляют, несомненно, шиловидные острия с головкой авдеевского типа. Но мы не будем останавливаться на их индивидуальной характеристике, ибо она уже была дана в предыдущих наших работах [1, с. 158, 159]. Следует только отметить, что шиловидные острия с головкой в основном характерны для костенковско-авдеевской культуры. В других верхнепалеолитических культурах они встречаются редко и от последних несколько отличаются.

Иглообразные острия (рис. 8, *15—20*). В коллекции имеется около десятка фрагментов от мелких изделий, которые могут быть истолкованы как игловидные острия, хотя ни одного обломка с отверстием в основании не найдено. Но судя по заостренным кончикам (рис. 8, *17, 20*),

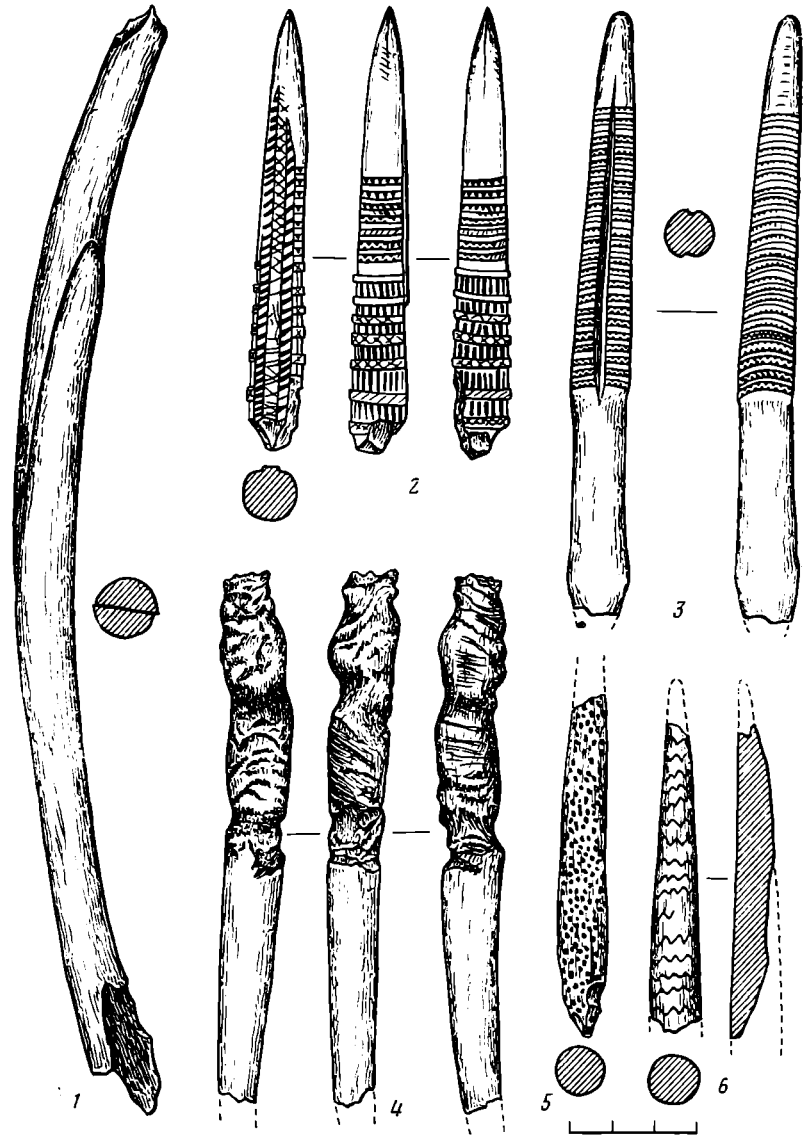


Рис. 9. Веретенообразные острия и заготовка (*1*) для веретенообразных острий из бивня мамонта со следами распада и смещения по слою

форме и размерам, по их округлому сечению, есть основание полагать, что это действительно игловидные орудия. Как показывают найденные фрагменты, иглы изготовлялись из бивня мамонта и имели небольшие размеры. Вероятно, они мало чем отличались от игловидных орудий других верхнепалеолитических стоянок.

7. Острия. Это один из хорошо выраженных типов костяных изделий стоянки Хотылево II. Большинство из них сохранилось в фрагментарном состоянии, но восемь изделий почти полные. По материалу, из которого они изготовлены (бивни мамонтов), и по форме они могут быть разделены на две группы. К первой из них мы относим веретенообразные острия с довольно правильным округлым сечением (рис. 9). Помимо готовых изделий в коллекции есть заготовки и отходы производства таких острий, дающие представление о технике их изготовления.

Наибольший интерес представляют два изделия со следами тонкого и сложного геометрического орнамента.

Одно из них, найденное в раскопе 7 на кв. 12, представляет собой округлый стержень с симметрично расположенными боковыми сторонами и хорошо заостренным кончиком (рис. 9, *2*). Длина острия 11,5, диаметр сечения в основании 1,4 см. Поверхность изделия темно-коричневого цвета, покрыта рельефным и нарезным геометрическим орнаментом. На од-

ной из боковых сторон двумя желобками выделен выступ шириной 0,5 см, высотой над плоскостями плечей 0,3 см. Поверхность выступа покрыта косой нарезкой, на большей части своей образующей крестики. На плечах выступа нанесен орнамент из косопоставленных нарезок, в виде удлиненных треугольничков, обращенных основанием к бокам выступа. С одной стороны они обращены вершинами кверху, а с другой — вершинами книзу, чем достигается эффект косой заштрихованности фона, на котором особенно четко выделяется рельефность выступа с крестообразным орнаментом. Остальная поверхность острия на высоту 7 см от основания покрыта орнаментом в виде незамкнутых концентрических поясков. Из них семь в основании рельефных и восемь неорнаментированных. Поверхность рельефных поясков в основании покрыта тонким нарезным орнаментом: в одном случае зигзагом, в другом — косой насечкой и дважды без орнамента. Утопленные пояски покрыты врезными канелюрами. Верхние орнаментальные пояски в нижней своей половине покрыты зигзагом, образованным врезными треугольничками, в одном случае косой насечкой с узкими неорнаментированными поясками между ними. Верхние три ряда образуют зубчатый орнамент из врезных микротреугольничков, опущенных вершинами вниз. Между ними узкие неорнаментированные ограничительные пояски.

Другое острие найдено в раскопе 4 на кв. 38 (рис. 9, *3*). Кончик основания острия обломан. Стержень слабо изогнут. Длина изделия 15,5 см, наибольший диаметр сечения 1,5, высота черешка 5,2 см. Кончик острия тупой. На асимметричных боках лезвия два желобка. Один из них вырезан довольно четко, другой только в своей верхней половине. Желобки делят всю поверхность лезвия на две части. Поверхность этих частей покрыта гравировкой из различных орнаментальных поясков, в общем образующих концентрический орнамент. На более широкой поверхности насчитывается 43 орнаментальных пояска, на более узкой — 51. На широкой поверхности девять рядов нижних поясков имеют орнамент в виде рельефного зигзага, образованного выбранными микротреугольничками, обращенными вершинами к центру, причем так, что вершины треугольничков одного ряда заходят за вершины другого. Основанием для треугольничков являются полуконцентрические нарезки, вероятно сделанные путем пропиливания. Эти нарезки ограничивают орнаментальные пояски, чередующиеся с неорнаментированными. Последние шесть рядов орнаментированных поясов в чередовании с неорнаментированными покрыты врезными или утопленными треугольничками только вдоль верхней ограничительной нарезки. Что касается серединных поясков, то они имеют различные комбинации.

На другой орнаментальной полосе ряды поясков хотя и прослеживаются сравнительно четко, но количественное соотношение орнаментальных элементов из-за плохой сохранности поверхности неясно. Судя по тем или иным частям, его орнамент сохранился лучше, это тот же рельефный зигзаг и зубчатый карнизик, образованные врезными треугольничками, примерно с таким же количественным соотношением элементов.

Из незавершенных острий особый интерес представляют два изделия. Одно из них найдено в раскопе 7, в яме среди костей (рис. 9, *4*). Оно имеет фигурное навершие или рукоятку, которая, как нам представляется, осталась незавершенной. Длина сохранившейся части острия составляет 13,8, высота навершия 7,7 см. Наибольший диаметр сечения в основании 2,7 см. Наибольший диаметр сечения головки и тулова 1,7 см. Судя по всему, навершию должна была быть придана антропоморфная форма. Так как оно не имеет следов окончательной отделки, а оформлен лишь контур фигуры, можно видеть, какие технические приемы использовались при изготовлении задуманного изделия. Здесь хорошо прослеживаются и следы долбления, и резания, и пиления, и скобления. К сожалению, кончик острия утрачен и сейчас трудно решить, был ли он заостренный или тупой.

Интересно острие, найденное в раскопе 5 на кв. 42. Его поверхность покрыта неглубокими точечными вмятинами и трещинками (рис. 9, *5*).

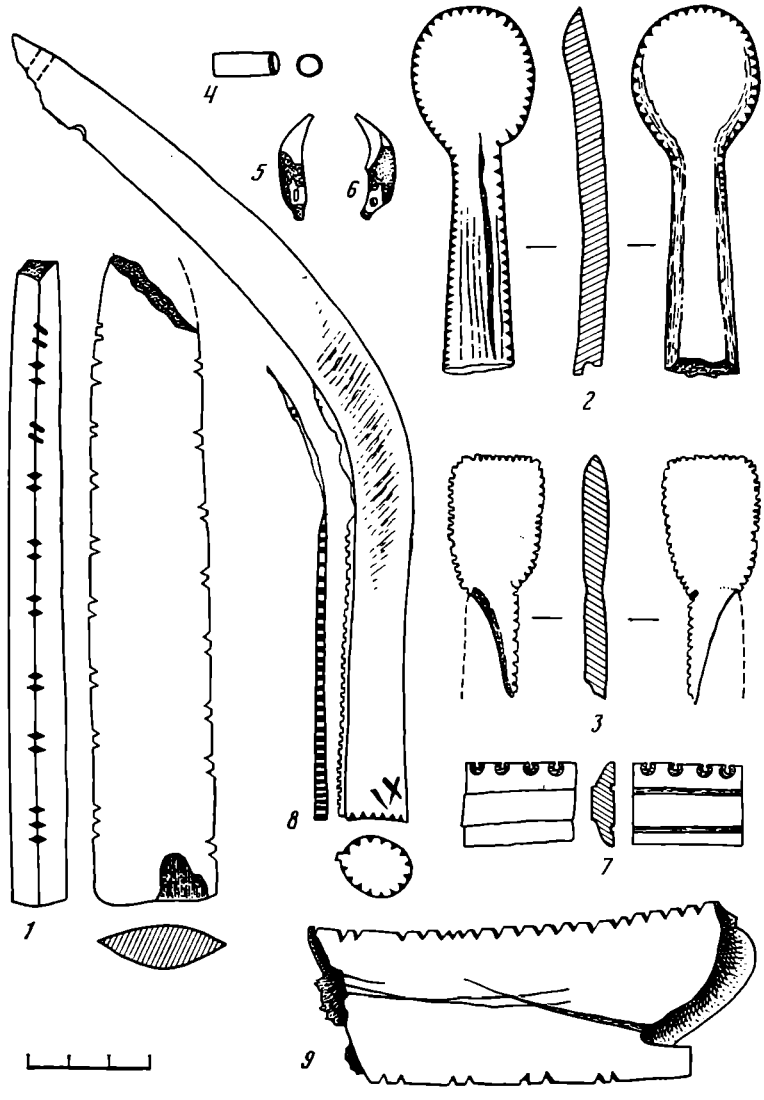


Рис. 10. Костяные изделия и украшения. *1* — острие второй группы со следами зубчато-ритмического орнамента на ребрах; *2*, *3* — лопаточки с зубчатым орнаментом на ребрах; *4* — цилиндрическая бусинка из птичьей косточки; *5*, *6* — бусы из клыков песца; *7* — художественно обработанная пластинка, бивень мамонта; *8* — рог северного оленя со следами обработки и зубчатого орнамента; *9* — обломок обработанного ребра со следами ритмично-зубчатого орнамента на ребрах

По-видимому, это следы первичной обработки поверхности путем мелкого частого долбления. Таким долблением можно было придать предмету округлую форму, а с другой стороны уплотнить костную массу.

Следы долбления прослеживаются не только в материалах из Хотылево, но также и из соседних памятников [3, с. 182]. О придании кости определенной формы путем легких ударов по заготовке говорит в своих работах С. А. Семенов [6, с. 130]. Несколько отличается от вышеописанных фрагмент острия, найденный в раскопе 4 на кв. 12, покрытый нарезным, зигзагообразным орнаментом (рис. 9, *6*).

Веретенообразные острия в восточноевропейских памятниках встречаются довольно часто, хотя, например, на Авдеевской стоянке их нет совсем. Хотылевские острия в основном отличаются от подобных находок на других стоянках своим богатым и сложным комбинированным геометрическим орнаментом. Прямых аналогий им среди памятников костенковско-авдеевской культуры нет, хотя отдельные элементы орнаментации, в виде крестиков и врезных микротреугольничков, мы встречаем только на памятниках данной культуры [5, рис. 15, *ж*; 8, рис. 108, 116, 117, 124]. Самыми близкими аналогами по орнаментальному оформлению являются веретенообразные острия Юдиновской верхнепалеолитической

стоянки, хотя содержание рисунков совсем иного характера [10, рис. 49].

Обычно такие изделия принимаются за охотничье и даже военное оружие (клинки, ножи, сулицы). Но изучение хотылевских острий показало, что вряд ли все они использовались с этой целью, у некоторых из них довольно тупые концы.

Ко второй группе острий относятся всего четыре изделия. Они не имеют стандартной формы и различаются размерами. Наиболее крупные экземпляры достигают в длину 18, в ширину 3, при толщине 1,3 см. В сечении имеют треугольную или удлиненно-треугольную, или подтреугольную форму, линзообразное сечение, и все изготовлены из осколков трубчатых костей. У двух из них обломаны концы. Два несут следы нарезок и насечек. У полностью сохранившихся острий этого типа тупые концы. Основания седловидной формы, до блеска заполированы.

Наибольший интерес представляет изделие, найденное в раскопе 5 на кв. 6 (рис. 10, *1*). На заостренных боковых ребрах у него следы ритмичного расположения нарезок, сделанных, вероятно, путем пропиливания. С одной стороны их насчитывается восемь рядов, с другой — девять.

На восточноевропейских стоянках подобные предметы пока неизвестны. Однако достаточно близкий костяной предмет найден на стоянке Дольни Вестонице. Там интерпретируется он как амулет [11, с. 228].

8. Лопаточки. В хотылевской коллекции имеется четыре таких предмета. Один из них сохранился полностью. Остальные фрагментарно. Два изделия на ребрах имеют зубчатый орнамент. Близкие аналогии таким предметам имеются только на Костенках I [8, рис. 112—116] и на Авдеевской стоянке [5, рис. 8, *9*].

Исследователи Костенок I и Авдеева единодушно отмечают своеобразие этих изделий и указывают, что они не могли употребляться в качестве орудий труда. П. П. Ефименко допускал, что эти изделия могли привязываться на тонком ремешке и входили в состав повседневного женского убора [8, с. 202, 203]. М. Д. Гвоздовер оставляет открытым вопрос о назначении лопаточек [5].

Как костенковские, так и авдеевские лопаточки зачастую орнаментированы крестиком и косой насечкой. Во многих случаях имеют на головке по две пары небольших сквозных отверстий и даже иногда ушки, очень напоминающие ушки хотылевской стилизованной скульптуры на навершии одного из острий [1, рис. 5, *2*], чем тоже приближаются к личине человеко-зверя.

Следует отметить, что три лопаточки из Хотылева найдены в особых условиях залегания. Так, например, две из них (рис. 10, *2*) — в ямах с красной и коричневой краской под костями и одна — в зольных скоплениях вблизи небольшой ямы с краской и женскими статуэтками (рис. 10, *3*).

П. П. Ефименко также отмечает, что подобные предметы встречались в условиях особого хранения [8, с. 303]. М. Д. Гвоздовер в своей последней работе тоже отмечает, что лопаточка найдена на Авдеевской стоянке в яме со статуэтками и скоплением черепов росомахи и пещерного льва [12, с. 44, рис. 6]. Интересно и то, что на Авдеевской стоянке это единственная находка лопаточки, целиком сохранившейся.

Перечисленные нами факты как будто действительно подтверждают особое назначение этих изделий. Сравнение форм и орнаментации лопаточек с другими скульптурными изваяниями Хотылевской стоянки дает нам основание видеть в лопаточках условные антропоморфные изображения. Правда, на хотылевских лопаточках нет прорезанных отверстий в головках и скульптурных ушек, но все же на месте этих деталей сделано по две более крупных насечки. Видимо, это указывает лишь на различные художественные приемы оформления изделий, имеющих одинаковое смысловое значение.

Кстати, зарубки по ребру некоторых лопаточек, да и других изделий из стоянки Хотылево II (рис. 10, *1—3, 8, 9*) похожи на орнамент изделий из памятников павловской культуры [12, с. 62].

9. Костяные украшения. Для Хотылева II, как и для других позднепалеолитических памятников, характерны разнообразные украшения, сделанные из кости. Среди них имеются бусы, фрагменты браслетов, художественно обработанные пластинки.

Бусы представлены двумя подгруппами. К первой относятся полые цилиндрические трубочки из распиленных трубчатых косточек (рис. 4). Иногда такие трубочки на поверхности имеют ритмически расположенные нарезки. Однако таких трубочек-бусинок здесь найдено всего несколько экземпляров. Видимо, для Хотылева II они не типичны, в отличие, например, от Елисеевичской стоянки [4, с. 131, 132].

Для Хотылевской стоянки характерны бусы второй подгруппы, изготовленные из клыков и резцов мелких хищников с отверстиями для нанизывания (рис. 10, *5*, *6*), проделанными в корнях. Имеется также один резец северного оленя с отверстием в корневой части.

Наблюдения показали, что при изготовлении таких привесок применялся следующий способ. Сначала с одной уплощенной корневой стороны, а затем с другой срезали костную ткань, иногда почти до самой внутренней полости, в результате чего образовывались продолговатые или подтреугольные удлиненные отверстия. Если же костная ткань срезалась неполностью, отверстия продавливали или прорезали резцом, а затем подравнивали. Исследователи считают, что такой способ проделывания отверстий в привесках из зубов мелких животных существовал только в домадленское время.

Художественно обработанных пластинок в коллекции немного, всего две или одна гладкая, без следов орнамента. Все они изготовлены из бивня мамонта и, как правило, выполнены в сложной технике. Судя по таким изделиям, хотылевский человек умел проделывать отверстия не только путем прорезания, но и сверления кремневым инструментом. На публикуемой пластинке (рис. 10, 7) хорошо заметны четыре просверленных отверстия. Со стороны кромки они пропилены, вследствие чего создается впечатление лунарного изображения.

Как отмечает М. Д. Гвоздовер, следы сверления отверстий наряду с их прорезанием существовали еще в домадленское время [5, с. 197, 198]. Это хорошо заметно по материалам Хотылевской стоянки. На такой довольно ранней стоянке, как Сунгирская, где было найдено особенно много клыков мелких хищников, отверстия все сверленые [13, с. 167, рис. 113, *36—45*].

Для каких целей использовались хотылевские костяные пластинки, пока сказать трудно.

Рассмотренные нами данные по технике обработки костного материала, некоторым типам костяных изделий и их назначению, свидетельствуют о том, что в жизни хотылевского верхнепалеолитического человека костяные изделия играли большую роль как в трудовых процессах, в охотничьем промысле, так и в отправлении культовых обрядов. Сама обработка кости и костяных изделий стояла на довольно высоком уровне, использовались самые разнообразные технические приемы, вплоть до расчленения бивня по слоям. Широко применялись и художественные способы обработки кости с учетом ее структурных и эстетических свойств.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заверняев Ф. М.* Антропоморфная скульптура Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА. 1978. № 4.
2. *Заверняев Ф. М.* Гравировка на кости и камне Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // СА. 1981. № 4.
3. *Семенов С. А.* Первобытная техника (Опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) // МИА. 1957. № 54.
4. *Поликарпович К. М.* Палеолит верхнего Поднепровья. Минск: Наука и техника, 1968.
5. *Гвоздовер М. Д.* Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // МИА. 1953. № 39.
6. *Семенов С. А.* Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.

7. *Филиппов А. К.* Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983.
8. *Ефименко П. П.* Костенки 1. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
9. *Бадер О. Н.* Вторая палеолитическая могила на Сунгире. Верхнее погребение // СА. 1973. № 3.
10. *Будько В. Д., Сорокина Р. А.* Поздний палеолит северо-запада Русской равнины // Природа и развитие первобытного общества. М.: Наука, 1969.
11. *Фролов П. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974.
12. *Гвоздовер М. Д.* Новые находки из Авдеева // Вопр. антропологии. 1983. Вып. 71.
13. *Бадер О. Н.* Сунгирь верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука, 1978.

F. M. Zavernyaev

BONE PROCESSING TECHNIQUES IN THE KHOTYLEVO PALAEOLITHIC CAMP

Summary

Discusses the processing techniques and some types of bone objects and their uses. The Khotylevo population used mammoth tusks, tubular bones, ribs, vertebrae and teeth of small and large animals which were sawn, cut, or split into fragments. Zavernyaev describes hoe-shaped and chisel-shaped implements, polishing tools, awls, needles, and ornaments. He has to take a fresh approach to identify the used of some objects (spindle-shaped points and shovel-shaped artifacts). He points out that the techniques involved were rather complicated and intricate.

Л. В. КОЛЬЦОВ, М. Г. ЖИЛИН

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА УГОЛЬНОВО 1

Несмотря на то что мезолитические памятники в бассейне Оки известны еще с прошлого века [1, 2], мезолит Оки в настоящее время изучен довольно слабо и неравномерно. Так, если в верхнем и среднем течении Оки исследованы как ранние, так и позднемезолитические памятники [3—6], то в нижнем ее течении, за исключением стоянок Елин Бор [7, 8], Старая Пустынь и Новошино [9, 10], эпоха мезолита до настоящего времени вообще не была представлена. Поэтому каждый новый мезолитический памятник этого региона представляет большой интерес.

Стоянка Угольново 1 находится в Навашинском р-не Горьковской обл., в 0,8 км к северо-западу от д. Угольново. Располагается на краю первой надпойменной террасы правого берега Оки, примерно в 1 км от современного русла реки. Стоянка занимает наиболее высокий участок края террасы (около 10 м над поймой) в этом микрорайоне; западная часть памятника разрушена большой котловиной выдува, уничтожившей примерно половину площади стоянки, остальная часть задернована. Памятник открыт авторами в 1978 г. [10], в 1979 и 1981 гг. раскапывался М. Г. Жилиным [11, 12]. Раскоп общей площадью 136 м^2 заложен в центральной части стоянки, западная его стенка совпала с краем котловины выдува. Стратиграфия раскопа такова; 1) современный дерн — 0,08 — 0,10 м; 2) навеянный песок — 0,30 — 1,80 м; 3) погребенная почва — 0,10—0,20 м; 4) серовато-желтый песок — 0,30—0,40 м; 5) запленный песок с ортзандами (материк). Прослежено падение погребенной почвы и нижележащих слоев от центра раскопа на восток, север (к реке), юг, а на северной стенке еще и на запад. Таким образом, стоянка располагалась на небольшом древнем возвышении на краю террасы.

В верхней части погребенной почвы встречались отдельные фрагменты белоглиняной гончарной керамики XVIII—XIX вв., что хорошо согласуется с данными А. С. Уварова: «лет 50 назад (т. е. в начале XIX в.— авторы) мужики вырубили лес, и дюны пришли в движение» [2, т. I, с. 295—296]. Таким образом, в данном случае погребенная почва очень молодая и может рассматриваться как современная. Находки кремневых изделий начались от низа погребенной почвы, основная их часть залегала в верхней части серовато-желтого песка, отдельные кремни встречались и ниже, вплоть до материка. Находки по площади раскопа распределялись довольно равномерно, не образуя заметных скоплений.

В раскопе встречено две хозяйственные ямы округлой в плане формы, диаметром 0,5, глубиной 0,3 м; дно первой котлообразное, второй — воронковидное. Обе ямы вырыты в материке, заполнены сероватым золистым песком с угольками, в первой найден обломок пластины, во второй — резец, пластина и два отщепа. Таким образом, на основании стратиграфических и планиграфических наблюдений стоянку Угольново 1 можно считать однослойным памятником, что подтверждается и анализом каменного инвентаря.

Всего найдено 1263 каменных изделия (рис. 1—6) из желтовато-серого, реже коричневого мелового кремня, который встречается в обнажениях известняков в среднем и верхнем течении р. Теши. В районе расположения стоянки кремня, даже валунного, нет. Очень небольшое количество первичных отщепов и пластин с меловой коркой говорит о том, что кремень был принесен на стоянку в виде готовых изделий, подготовленных нуклеусов или кусков, прошедших самую первую стадию об-

работки непосредственно в местах выхода и добычи этого сырья. Целый нуклеус в коллекции всего один — амфорный, небольшой, многоплощадочный от неправильных пластин и отщепов (рис. 5, *13*). Имеется двуплощадочный подпризматический нуклеус от неправильных пластин и отщепов, расколотый вдоль (рис. 5, *12*). Для получения правильных пластин использовались конические и карандашевидные нуклеусы, на что указывает обломок расколотого вдоль конического нуклеуса и поперечные сколы с подправленных площадок нуклеусов кругового скалывания диаметром от 1 до 2,5 см. Это же подтверждается и анализом целых правильных пластин, концы которых изогнуты в профиле (рис. 6, *22*), и концевых обломков правильных пластин, также изогнутых (рис. 3, *1, 4*; 4, *1, 4*). О раскалывании более крупных нуклеусов говорят обломки правильных пластин шириной более 2,5 см (рис. 3, *11, 12*). Разница в сырье поперечных сколов и обломка расколотого нуклеуса позволяет предположить, что на стоянке было расщеплено не менее трех конических нуклеусов, причем один из них уменьшился в диаметре от 2,5 до 1 см. Таким образом, на стоянке расколото всего не менее пяти нуклеусов.

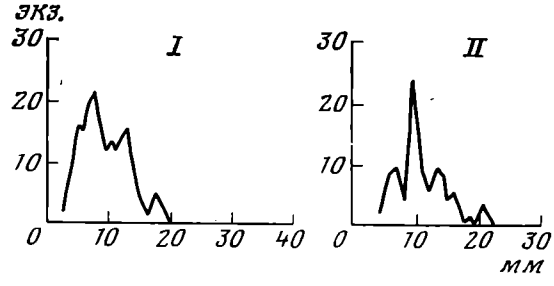


Рис. 1. График распределения пластин. *I* — правильные; *II* — неправильные пластины

Пластин без вторичной обработки 261, а всего 321, правильных 192 (59,8% всех пластин), среди них преобладают экземпляры шириной от 5 до 13 мм, причем пик приходится на 8 мм (рис. 1, *I*), ребристых пластин 3, неправильных пластин 126, преобладающая ширина их от 7 до 15 мм, пик приходится на 10 мм (рис. 1, *II*); таким образом, преобладающие размеры как правильных, так и неправильных пластин близки (расхождение в 2 мм несущественно), что говорит о единой технологии получения ножевидных пластин.

На основе типологического анализа каменного инвентаря выделено 61 изделие со вторичной обработкой, из которых 47 изготовлены на пластинах, 13 — на отщепах. Скребков пять, из них четыре концевых (рис. 3, *2, 4, 5*) и один скошенный (рис. 6, *9*), все на пластинах, обработаны мелкой крутой или полукрутой ретушью. Имеется один скошенный микроскребок на правильной пластине (рис. 4, *1*). Резцов 26, из них 21 сделан на сломе пластины: 15 одинарных (рис. 4, *2*; 5, *1, 2, 6, 8*; 6, *10*), три двойных на одном конце (рис. 4, *11*; 5, *3, 4*), один двойной на разных концах заготовки (рис. 4, *3*) и один тройной (рис. 5, *10*). Три одинарных резца (рис. 5, *7*) и один двойной на разных концах заготовки (рис. 4, *5*) сделаны на сломе отщепа. Найдено два краевых отщепа резцов. Сколы у резцов узкие, всего у трех-шире 2 мм; наряду с длинными сколами, снимающими полностью край заготовки или значительную его часть, часто встречаются очень короткие сколы, затрагивающие только угол изделия.

На пластинах изготовлены три острия со скошенным крутой ретушью на спинке концом (угол скоса от 50 до 80°; рис. 2, *17*; 3, *3*) и массивное острие с двумя сходящимися краями, обработанными крутой ретушью на спинке (рис. 5, *5*). У одной пластины мелкой пологой ретушью на спинке приострен один край (рис. 4, *13*), у другой — оба края. Края трех пластин обработаны мельчайшей пологой ретушью на спинке (рис. 2, *22*; 3, *9*), одной на брюшке (рис. 3, *7*), одна пластина обработана такой же противолежащей ретушью (рис. 3, *6*) и еще две пластины оформлены по одному краю такой же ретушью на спинке, а по другому — нерегуляр-

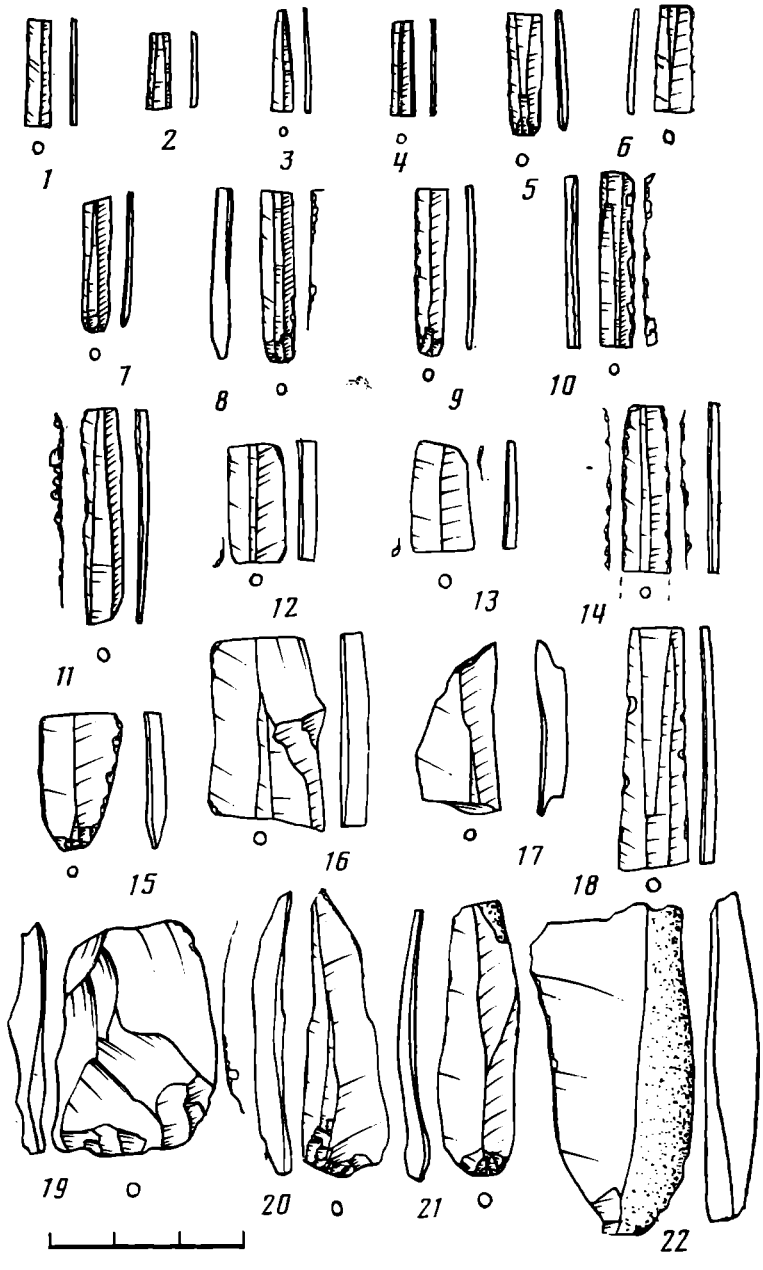


Рис. 2. Орудия охоты и разделки добычи

ной мелкой ретушью (рис. 2, *15*; 3, *8*). На отщепе изготовлен массивный скобель с мелкой широкой выемкой, ретушь некрупная, крутая (рис. 5, *9*); другой скобель, с мелкой узкой выемкой, изготовлен на пластине (рис. 6, *7*). Отщепов с нерегулярной ретушью шесть (рис. 4, *10*, *12*). Комбинированных орудий пять. Это четыре резца на сломанных пластинах с нерегулярной ретушью — двойные на одном конце (рис. 6, *20*) и разных концах заготовки (рис. 6, *17*), тройной (рис. 6, *21*) и четверной (рис. 4, *6*) — и резец на сломанном отщепе с ретушью (рис. 6, *19*).

Особый интерес представляет небольшой обломок лезвия шлифованного рубящего орудия из желтоватого кремнистого известняка (рис. 7, *7*), обнаруженный в самом низу культурного слоя и, несомненно, связанный с кремневым инвентарем стоянки. Помимо него найден еще скол со шлифованного рубящего орудия, вероятно, подправочный, также из кремнистого известняка, но белого и более плотного и твердого, чем описанный выше обломок лезвия. Таким образом, на стоянке было использовано не менее двух шлифованных рубящих орудий.

Остальные находки — это обломок отбойника из небольшой кварцитовой гальки и отщепы без вторичной обработки.

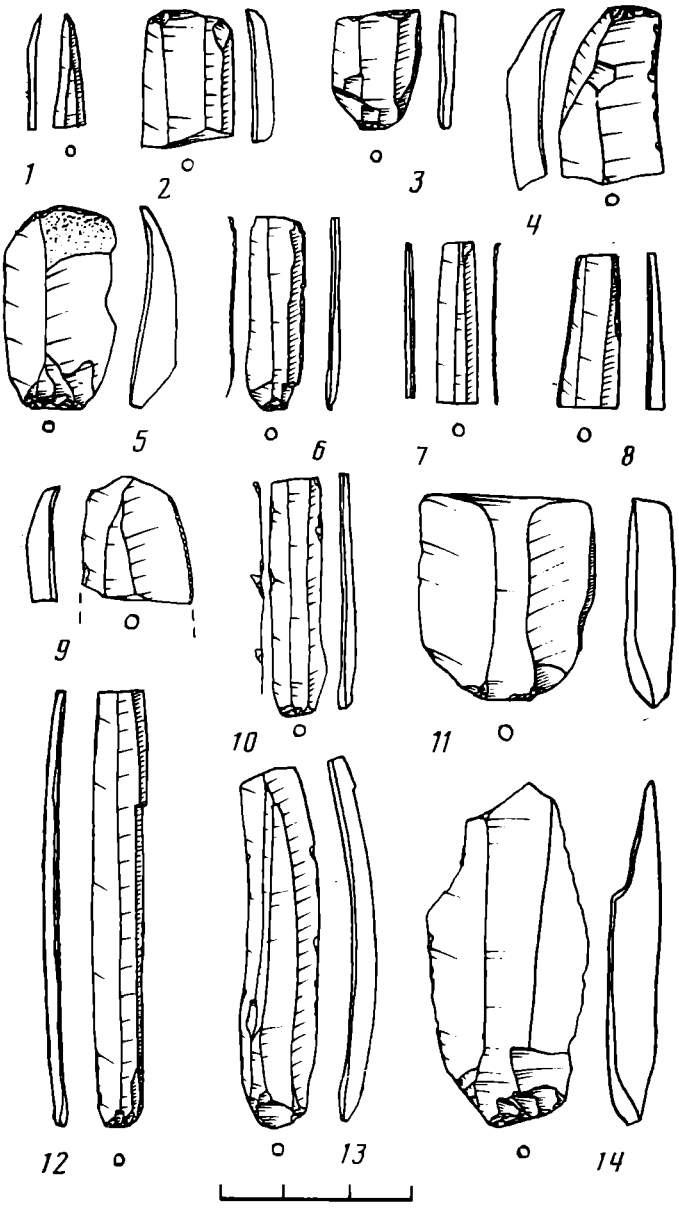


Рис. 3. Орудия для обработки шкур

Анализ технологии расщепления, вторичной обработки и типов каменных изделий позволяет отнести стоянку к бутовской культуре, к ее поздним этапам. Обломки шлифованных рубящих орудий говорят о ее финально-мезолитическом возрасте. Помимо данной стоянки шлифованные рубящие орудия из мягкого камня и их обломки встречены и в других финально-мезолитических бутовских памятниках Волго-Окского бассейна: Велетьминская 9 неподалеку от нашей стоянки [12, 13], Новошино на р. Тёше [9, 10], Елин Бор под Муромом на Оке[1] [8], Соболево 5 [14] и Заборовье 2 [15] на Верхней Волге, причем в Новошине и Соболеве 5 представлены те же две разновидности кремнистого известняка, что и в стоянке Угольново 1. Среди синхронных стоянок иеневской культуры обломки шлифованных орудий есть в Сельце 3 [16] и Титове 1 [17] на Верхней Волге. Шлифованные рубящие орудия из мягкого камня вполне характерны для финального мезолита Волго-Окского бассейна, и начало освоения техники шлифовки камня следует относить не к неолиту, а к концу мезолита. Однако число этих орудий еще невелико (одно-

[1] Шлифованное орудие, вероятно топор, встречено в подъемном материале, однако техника его вторичной обработки точно такая же, как и у других орудий с финально-мезолитических памятников и более грубая, чем на аналогичных неолитических орудиях.

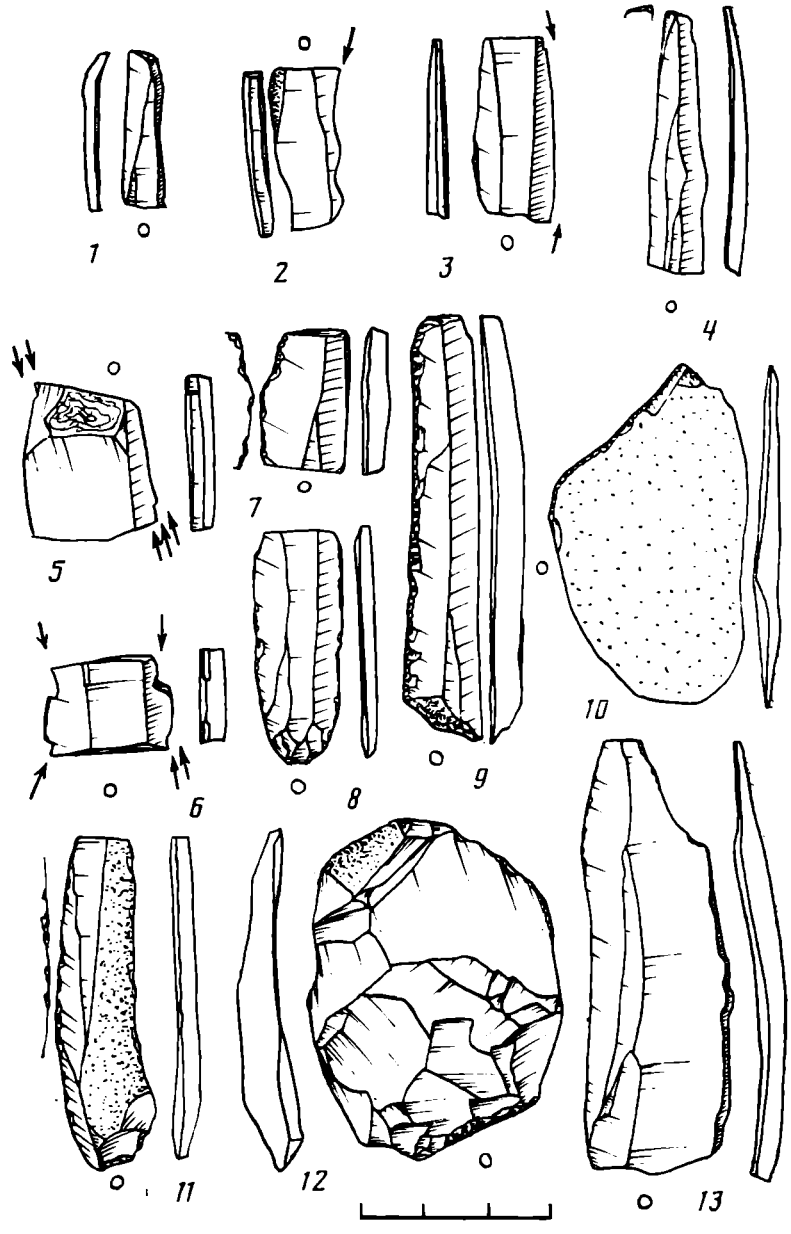


Рис. 4. Орудия для обработки дерева

два орудия на памятник), значительное увеличение их количества, связанное с возрастанием роли этих орудий, с одной стороны, и полным освоением технологии шлифовки камня — с другой, относится уже к эпохе неолита.

Наибольшее сходство с описанным памятником как по технике обработки камня, так и по типам и составу инвентаря имеют стоянки Угольново 3 [12], Велетьминская 9 [12, 13], на Нижней Оке, Култино 1 [18, 19], Красново [20], Федюково [21] на Верхней Волге. Однако в силу расположения перечисленных стоянок в разных частях Волго-Окского бассейна это сходство нельзя объяснить отнесением их к одному локальному варианту бутовской культуры. Это сходство не является также и чисто хронологическим моментом, поскольку расположенные в тех же районах синхронные финально-бутовские стоянки (Новошино, Соболево 5 и др.) отличаются от перечисленных, но близки между собой. Вероятно, сходство одних финально-бутовских памятников и отличие их от других сходных между собой стоянок финала бутовской культуры объясняется их различной функциональной направленностью и хозяйственной специализацией.

Для выяснения этого был проведен полный трасологический анализ

Таблица 1

Функциональная классификация каменных орудий стоянки Угольново 1

Класс	Группа	Тип	Орудия	Количество и процентко всем орудиям	С учетом комбинированных	С учетом многолезвийных
А			Орудия охоты и разделки добычи	62/30,8		136/38,2
	II		Вкладыши охотничьего оружия			39/11,0
		1	с одним лезвием (рис. 2, *2*, *7*, *8*, *10*, *11*)	16/8,0	19/7,4	
		2	с двумя лезвиями (рис. 2, *1*, *3–6*)	10/5,0	10/4,0	
	III		Разделочные ножи			
		1	с одним лезвием (рис. 2, *19*, *20*)	13/6,5	23/9,0	
		2	с двумя лезвиями (рис. 2, *15*, *16*, *18*, *21*, *22*)	18/8,6	32/12,5	
	IV		Вкладыши разделочных ножей			10/2,8
		2	с двумя лезвиями (рис. 2, *12–14*)	5/2,5	5/2,0	
Б			Орудия для обработки шкур	27/13,4		71/19,9
	I		Скребки			69/19,4
		1	с одним лезвием, концевые (рис. 3, *3*)	1/0,5	2/0,8	
		2	то же, боковые (рис. 3, *14*; 7, *2*)	4/2,0	14/5,5	
		3	то же, микроскребки	1/0,5	1/0,5	
		5	с двумя лезвиями, боковые (рис. 3, *6–8*, *10–13*)	14/7,0	19/7,4	
		7	с тремя лезвиями, концевые боковые (рис. 3, *2*, *4*, *9*)	4/2,0	4/1,6	
	III		Проколки			2/0,6
		1	с одним лезвием (рис. 3, *1*; 7, *1*)	2/1,0	2/0,8	
В			Орудия для обработки дерева	43/21,4		133/37,4
	I		Скобели			39/11,0
		1	с одним лезвием (рис. 4, *10*, *11*)	15/7,5	30/12,1	
		2	то же микроскобели (рис. 3, *1*)	1/0,5	1/0,4	
		3	с двумя лезвиями (рис. 4, *7*)	3/1,5	8/3,1	
	II		Резцы и резчики *			76/21,3
		1	с одним лезвием, резцы (рис. 4, *2*)	1/0,5	2/0,8	
		2	то же, резчики (рис. 7, *3*)	5/2,5	41/16,0	
		3	с двумя лезвиями, резцы (рис. 4, *3*, *5*)	2/1,0	2/0,8	
		4	то же, резчики (рис. 7, *5*)	1/0,5	11/4,3	
		6	с тремя лезвиями, резчики	–	2/0,8	
		8	с четырьмя лезвиями, резчики (рис. 4, *6*)	1/0,5	1/0,5	
	III		Строгальные ножи			9/2,5
		2	с одним лезвием (рис. 4, *12*, *13*; 7, *4*, *6*)	9/4,5	9/3,5	
	IV		Пилки			4/1,1
		2	с двумя лезвиями (рис. 4, *8*, *9*)	2/0,8	2/0,8	
	V		Сверла			1/0,3
		1	с одним лезвием (рис. 4, *4*)	1/0,5	1/0,4	
	VI		Развертки			3/0,8
		1	с одним лезвием	1/0,5	3/1,2	
	VII		Топоры			1/0,3
		1	с одним лезвием (рис. 4, *12*, *13*; 7, *4*, *6*)	1/0,5	1/0,4	
Г			Орудия для обработки кости и рога	10/5,0		15/4.2
	I	1	Скобели			2/0,6
		1	с одним лезвием (рис. 5, *9*)	1/0,5	2/0,8	
	II		Резцы и резчики			12/3,4
		1	с одним лезвием, резцы (рис. 5, *6*, *8*)	4/2,0	4/1,6	
		2	то же, резчики (рис. 5, *1*)	1/0,5	1/0,4	
		3	с двумя лезвиями, резцы (рис. 5, *4*)	1/0,5	1/0,4	
		4	то же, резчики (рис. 5, *2*, *3*)	2/1,0	2/0,8	
	V		Сверла			1/0,3
		1	с одним рабочим концом (рис. 5, *5*)	1/0.5	1/0,4	
Д			Орудия для обработки камня	1/0,5		1/0.3
	I		Отбойники			1/0,3
		1	одноконцевые	1/0,5	1/0,4	
Ж			Комбинированные орудия	58/28,7		
			Всего	201/100	257/100	356/100

* Резцами в функциональном значении термина мы называем орудия, имеющие сравнительно широкую режущую кромку (более 1 мм шириной), применявшиеся для различных видов резания дерева и кости (продольное и поперечное членение, прорезание широких пазов, гравировка, объемное резание и т. д.), а резчиками — орудия с очень узкой, вплоть до точечной, кромкой, предназначенные для прорезания узких, сравнительно неглубоких пазов.

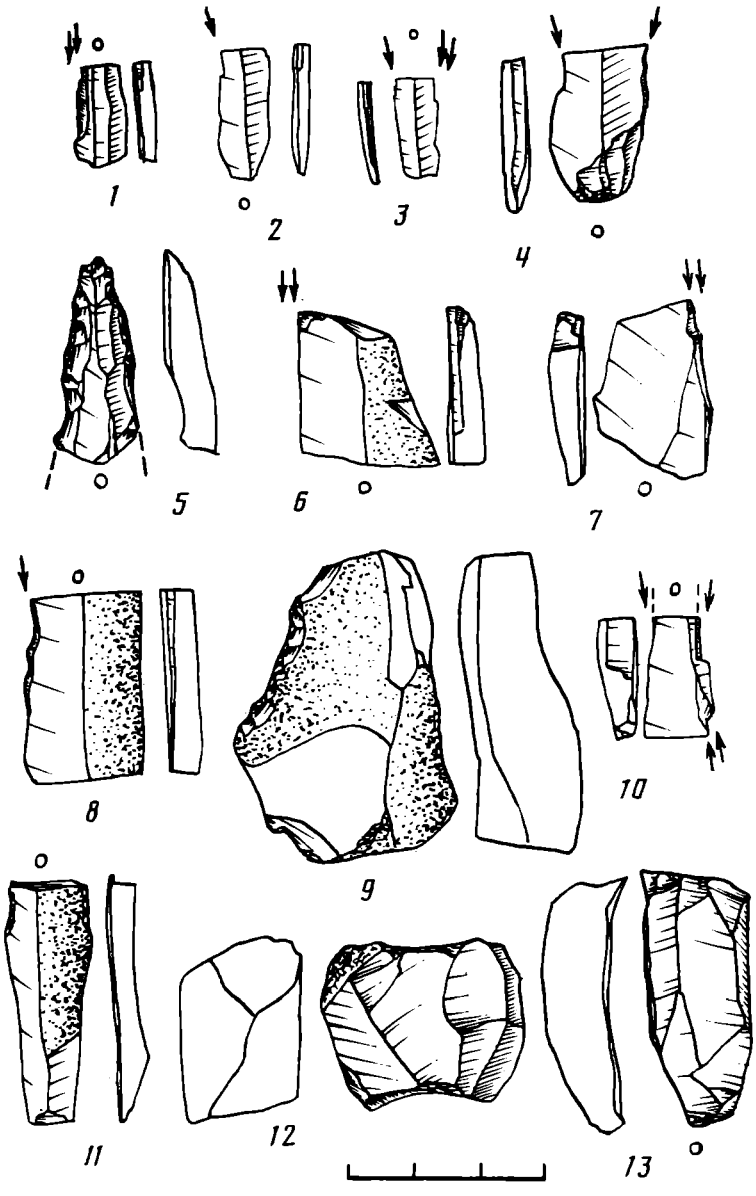


Рис. 5. *1—9* — орудия для обработки кости и рога; *10, 11* — изделия без вторичной обработки; *12, 13* — нуклеусы

каменного инвентаря стоянки Угольново 1 по методике, разработанной С. А. Семеновым [22] [2]. Выделено 201 орудие со следами работы по различным материалам. Полученные данные сведены в табл. 1, 2, в соответствии с функциональной классификацией мезолитических каменных орудий Волго-Окского бассейна [23]; при этом авторами использована с небольшими изменениями удобная форма таблицы, предложенная Г. Ф. Коробковой, С. П. Смольяниновой, Г. В. Кизь [24, с. 5].

Следов работы не обнаружено на некоторых изделиях со вторичной обработкой: на двух правильных пластинах со скошенным концом (рис. 2, *17*) и обломке тройного резца на неправильной пластине (рис. 5, *10*). Отсутствуют следы работы на пластине с мелкой узкой выемкой (рис. 5, *11*), на пластине с нерегулярной ретушью и двух отщепах с нерегулярной ретушью; возможно, ретушь на этих изделиях носит случайный характер. Подобная «ретушь» часто появляется на краях тонких сколов при расщеплении нуклеуса, что нами проверено экспериментально; она также может возникать от повреждения изделий ногами людей [25, с. 88] и животных.

---

[2] Авторы выражают благодарность Г. Ф. Коробковой за помощь при проведении трасологического анализа.

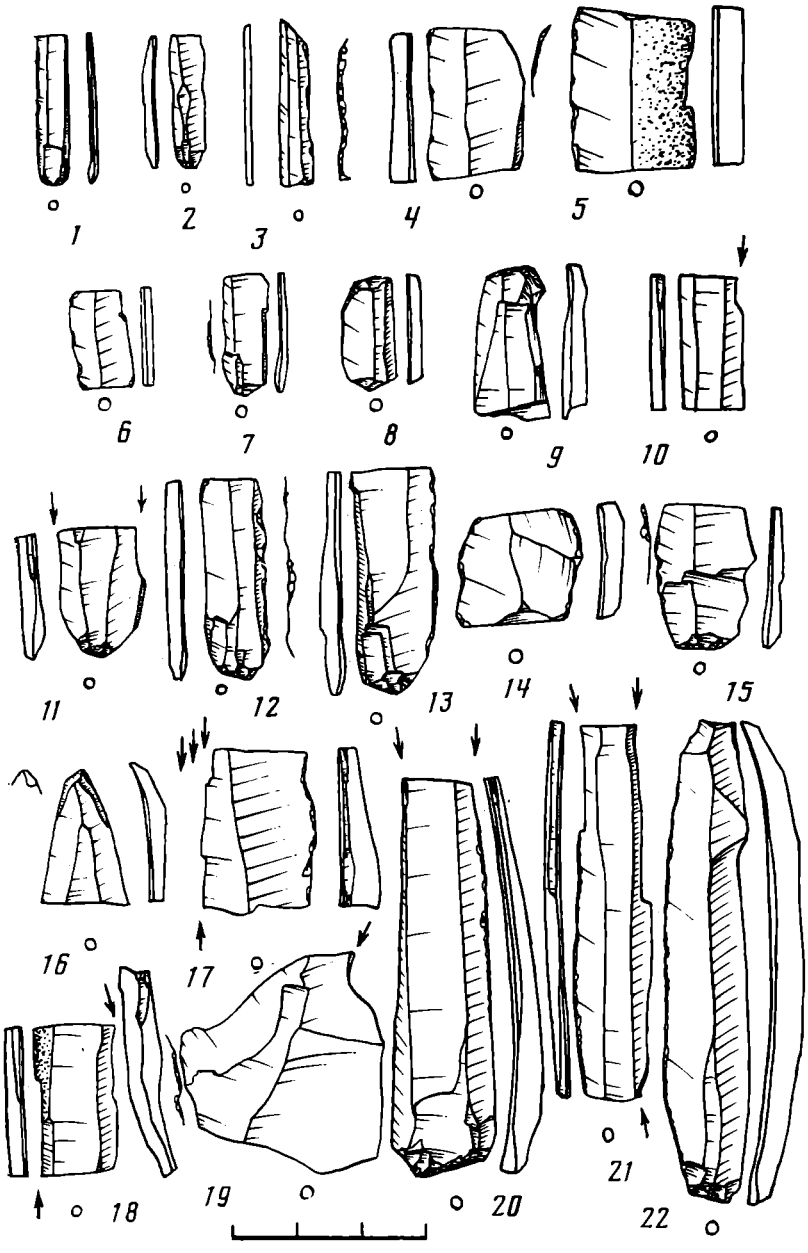


Рис. 6. Комбинированные орудия

Среди орудий стоянки Угольново 1, выделенных трасологически, преобладают орудия, связанные с охотой и обработкой добычи (рис. 8), составляющие 62,3% всех использованных в работе лезвий. Это, несомненно, свидетельствует об охотничьей направленности данной стоянки. Для уточнения характера памятника остановимся подробнее на анализе важнейших классов и групп орудий.

Орудия охоты и разделки добычи (вкладыши охотничьего оружия, разделочные ножи и их вкладыши) составляют 30,8% всех орудий и 38,2% всех использованных лезвий. Из 62 изделий со вторичной обработкой только одно. Износ слабый и крайне слабый, указывающий на непродолжительную работу. Орудия для обработки шкуры составляют 13,4% всех орудий и 19,9% всех использованных лезвий. Из 27 изделий только 10 со вторичной обработкой. Износ очень слабый, характеризуется легкой сглаженностью кромки и заполировкой только на самой кромке, линейные следы редки. По данным проведенных нами экспериментов, такой износ возникает на тонких кромках каменных орудий при удалении со свежеснятой шкуры остатков жира и мяса. При мездрении и пушении бахтармы, т. е. собственно выделке шкуры, подобные лезвия приоб-

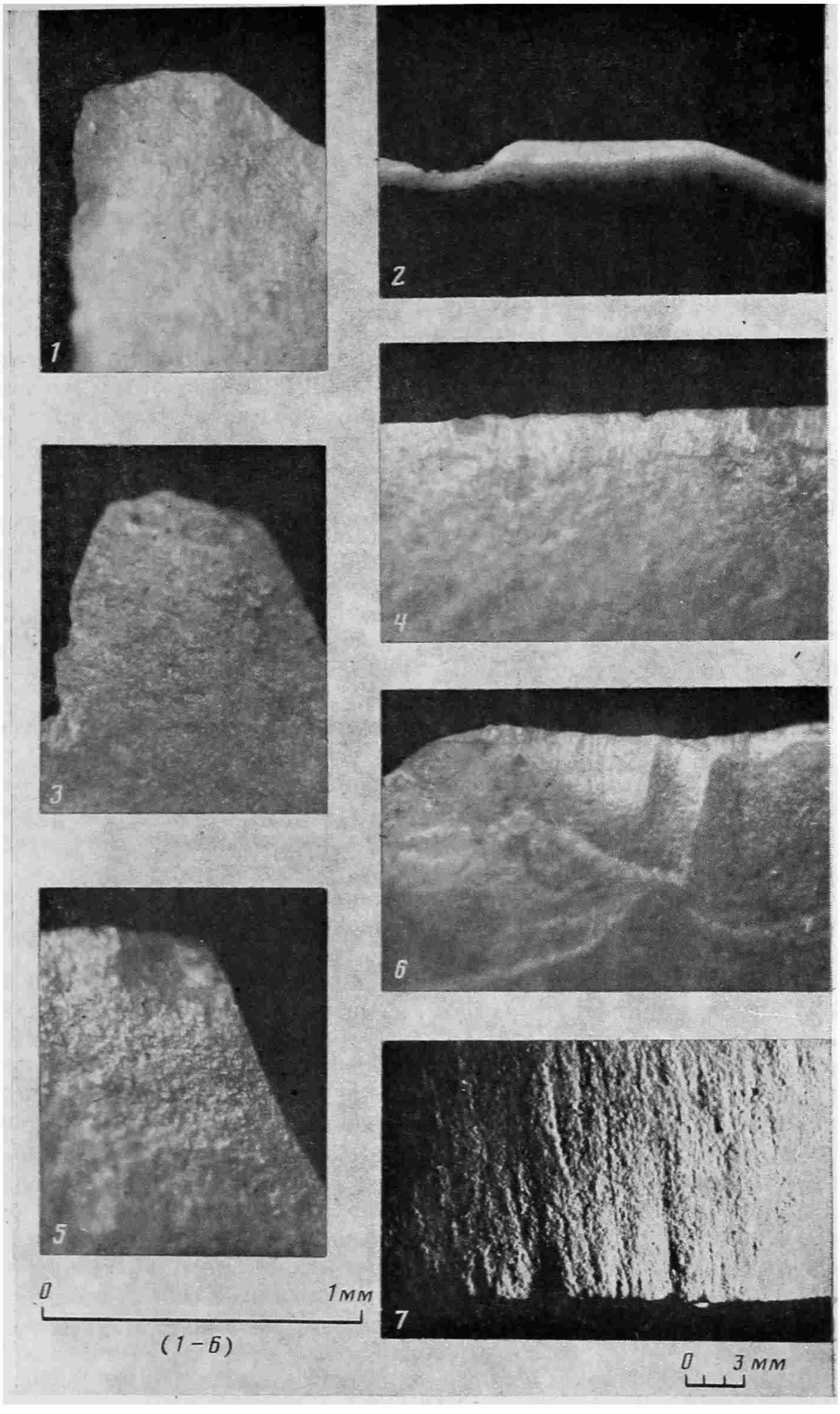


Рис. 7. Микрофотографии следов работы на каменных орудиях. *1* — проколка; *2* — боковой скребок; *3*, *5* — резчики для дерева; *4*, *6* — строгальные ножи для дерева; *7* — топор

ретают характерный износ в виде выкрошенности и стертости кромки и многочисленных линейных следов уже через 15—20 мин, а по сильно загрязненной сухой шкуре — значительно быстрее. Сходные данные получены и в ходе серийных экспериментов, проведенных С. А. Семеновым и Г. Ф. Коробковой [26, с. 151—190]. Таким образом, на стоянке Угольново 1 происходила не полная, а только самая начальная обработка шкур, что подтверждается и крайне малым количеством морфологи-

чески выраженных скребков в инвентаре стоянки, столь характерных для позднемезолитических памятников Волго-Окского бассейна.

Орудия для обработки дерева составляют 21,4% всех орудий и 37,4% всех использованных лезвий. Из 43 изделий вторичную обработку имеют 15, при этом данную цифру следует считать завышенной, поскольку «вторичная обработка» на ряде изделий может быть в действительности ретушью утилизации. Следы работы в основном слабые. Преобладают резцы и резчики, скобели и строгальные ножи, остальные орудия единичны.

Среди резцов и резчиков наиболее преобладают резчики для прорезания узких пазов, по ширине и глубине (судя по следам сработанности на этих орудиях) соответствующих размерам вкладышей охотничьего оружия и разделочных ножей. Вероятно, бо́льшая часть орудий для обработки дерева использовались при изготовлении и починке охотничьего оружия.

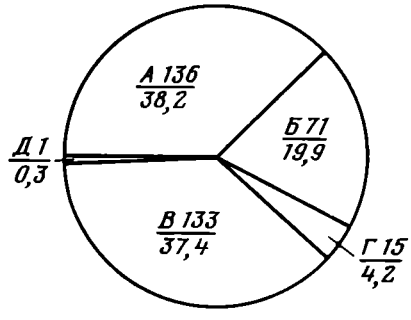


Рис. 8. Распределение орудий по обрабатываемым материалам

То же можно сказать и об орудиях для обработки кости, которые составляют 5,0% всех орудий и 4,2% всех использованных лезвий. Из 10 орудий 7 со вторичной обработкой. Кроме резцов и резчиков есть один скобель и одно сверло. Орудия для обработки камня представлены единственным отбойником (0,5% всех орудий). Это говорит о незначительной роли первичной обработки камня на стоянке, что подтверждается и малым количеством нуклеусов. Для вторичной же обработки, несомненно, использовались костяные и роговые ретушеры, которые не сохранились.

На основе исследования каменного инвентаря, стратиграфии, планировки и топографии стоянки Угольново 1 можно сделать следующие основные выводы.

1. Стоянка датируется финальным мезолитом и относится к бутовской культуре. Спецификой данного памятника является отсутствие многих обычных для позднего этапа бутовской культуры типов орудий и незначительное количество изделий со вторичной обработкой.

2. Среди орудий, выделенных трасологически, преобладает охотничье вооружение, разделочные ножи, инструменты, необходимые для изготовления и починки оружия, скребки для начальной обработки шкур. Прочие орудия единичны или не представлены вообще. Такая функциональная структура характерна для кратковременного охотничьего лагеря, что подтверждается отсутствием жилых и хозяйственных сооружений (кроме двух мелких ям), слабой насыщенностью находками культурного слоя и морфологической бедностью каменного инвентаря. Ближайшим поселением, с которым мог быть связан данный памятник, можно считать стоянку Новошино.

3. Стоянка Угольново 1 могла существовать только в теплое время года, на что указывает отсутствие не только жилищ, но и очагов, а также экспозиция стоянки на север и расположение на наиболее высокой топографически, открытой точке края террасы.

4. Памятники типа Угольново 1 исследованы в разных районах Волго-Окского бассейна, что позволяет считать их характерными для финала бутовской культуры в целом. Самый факт их появления свидетельствует о дальнейшем развитии охоты у бутовского населения в конце мезолита в сторону ее дифференциации.

При раскопках мезолитической стоянки Угольново 1 помимо описанного материала были исследованы остатки небольшого могильника эпохи бронзы, состоящего из двух погребений и нескольких ритуальных ям, с ними связанных. Никаких следов культурного слоя этого времени в раскопе не зафиксировано.

Таблица 2

Комбинированные орудия стоянки Угольново 1

Орудия	Количество и процент ко всем орудиям
Резчики для дерева с одним лезвием, на разделочных ножах с одним лезвием	8/4
То же, на двулезвийных разделочных ножах (рис. 6, *10*, *16*)	11/5,5
То же, на однолезвийных боковых скребках	3/1,5
То же, на двулезвийных боковых скребках	2/1,0
Резец с одним лезвием на однолезвийном скобеле для дерева (рис. 6, *19*)	1/0,5
Резчик на скобеле для дерева с одним лезвием (рис. 6, *13*)	4/2,0
То же, на двулезвийных скобелях для дерева (рис. 6, *14*, *15*)	4/2,0
То же, на однолезвийном разделочном ноже – однолезвийном скобеле для дерева	1/0,5
То же, на однолезвийном боковом скребке – однолезвийном скобеле для дерева (рис. 6, *7*)	1/0,5
То же, на однолезвийном скобеле по кости (рогу)	1/0,5
Резчики для дерева, двулезвийные, на двулезвийных разделочных ножах (рис. 6, *18*, *20*)	2/1
То же, на двулезвийных боковых скребках	3/1,5
То же, на однолезвийных скребках для дерева (рис. 6, *4*, *6*, *12*)	4/2
То же, на развертке для дерева (рис. 6, *11*)	1/0,5
Резчик для дерева, трехлезвийный, на однолезвийном скобеле для дерева (рис. 6, *17*)	1/0,5
То же, на двулезвийном скобеле для дерева (рис. 6, *21*)	1/0,5
Скребки однолезвийные, боковые, на однолезвийных разделочных ножах (рис. 6, *22*)	4/2,0
То же, на однолезвийном вкладыше охотничьего вооружения (рис. 6, *8*)	1/0,5
То же, однолезвийный скобель по дереву	1/0,5
Скребок однолезвийный, концевой, на двулезвийном разделочном ноже (рис. 6, *9*)	1/0,5
Скобель для дерева, однолезвийный, на однолезвийном вкладыше охотничьего вооружения (рис. 6, *3*)	1/0,5
То же, на однолезвийном разделочном ноже	1/0,5
Развертка для дерева однолезвийная, на однолезвийном вкладыше охотничьего вооружения (рис. 6, *1*)	1/0,5

Погребение 1 появилось в северной части раскопа под слоем перевеянного песка на кромке котловины выдува (слои 3 и 4 здесь развеяны) в виде яркого охристого пятна овальной формы на фоне светлого материкового песка. Ориентировка запад — восток, восточный конец могилы разрушен поздним перекопом, содержащим фрагменты керамики XVIII—XIX вв. н. э. Западная часть могилы смещена вниз на 0,15 м в результате оползания стенки котловины выдува, уступ оползня четко улавливался при расчистке погребения. Центральная часть могилы не нарушена. Северная и южная стенки могилы крутые, западная и восточная — пологие, длина сохранившейся части 1,40, ширина 0,55, глубина 0,24 м (рис. 9, *1*). Вся яма заполнена песком, интенсивно окрашенным красной «охрой», наиболее яркие пятна прослежены в центральной и западной частях могилы, в этих пятнах найдены компактные скопления обломков наконечников стрел, мелкие фрагменты кальцинированных костей. В могильной яме обнаружен кремневый инвентарь, насчитывающий 29 изделий (рис. 9 *1*, *1—29*): *1* — в западной части могилы найден мелкий отщеп кремня; 2 — в центральной части скребок на отщепе кремня; 3 — там же мелкий отщеп кремня; *4—6* — ближе к западному концу могилы рядом лежали на ребре три обломка наконечников стрел: два кончика пера и обломок черешка; *7* — в центральной части отщеп кремня; *8* — несколько западнее еще один отщеп; *9* — в центральной части могильной ямы аморфный нуклеус от отщепов; *10* — там же сломанный нож не отщепе; *11* — в западной части могилы обломок черешкового наконечника стрелы; *12* — ближе к центру могилы лежал отщеп; *13* — там

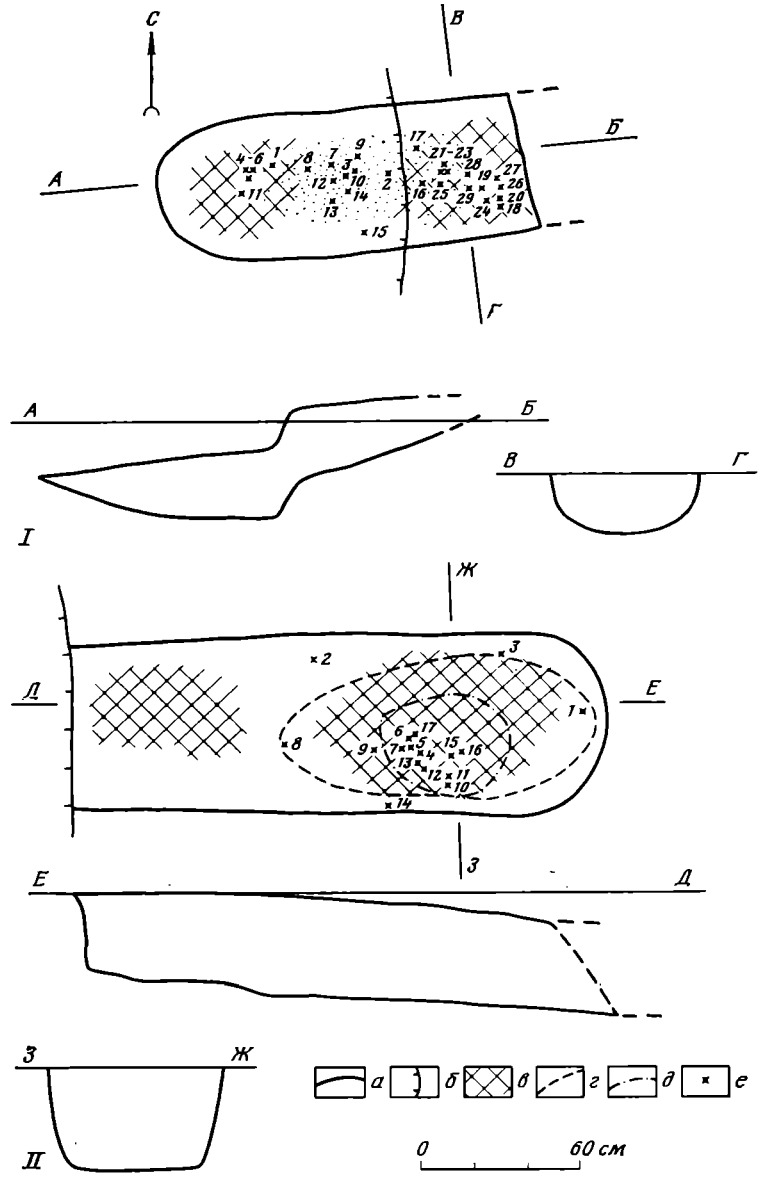


Рис. 9. Могильник Угольново 1. Планы погребений 1 (*I*) и 2 (*II*). *а* — граница могильной ямы: *б* — граница оползня; *в* — интенсивные охристые пятна; *г* — границы линзы песка; *д* — граница гумусированного пятна; *е* — каменное изделие

же скол со шлифованного тесла; *14* — там же лежал мелкий отщеп; *15* — несколько южнее обнаружен микроскребок на отщепе; *16* — несколько восточнее — отщеп; *17* — там же — маленький обломок черешка наконечника стрелы; *18* — юго-восточнее лежал еще один такой же обломок; *19* — там же грубый резец на отщепе; *20* — там же мелкий обломок черешка наконечника стрелы; *21—23* — в той же части могилы рядом лежали три обломка неконечников стрел: черешок и два обломка кончика пера; *24* — немного юго-восточнее — обломок черешка наконечника стрелы; *25* — несколько западнее — еще один такой же обломок; *26*, *27* — восточнее предыдущего — еще два обломка черешков наконечников стрел; *28* — там же найдена расколотая мелкая галька; *29* — там же обнаружен обломок черешка наконечника стрелы. Все наконечники стрел преднамеренно разбиты, среди обломков подбираются части целых наконечников (рис. 10, *1*, *2*).

Погребение 2 появилось в южной части раскопа под слоем погребенной почвы, которая в этой части несколько мощнее. Могильная яма выявилась в виде охристого пятна овальной формы на фоне серо-желтого

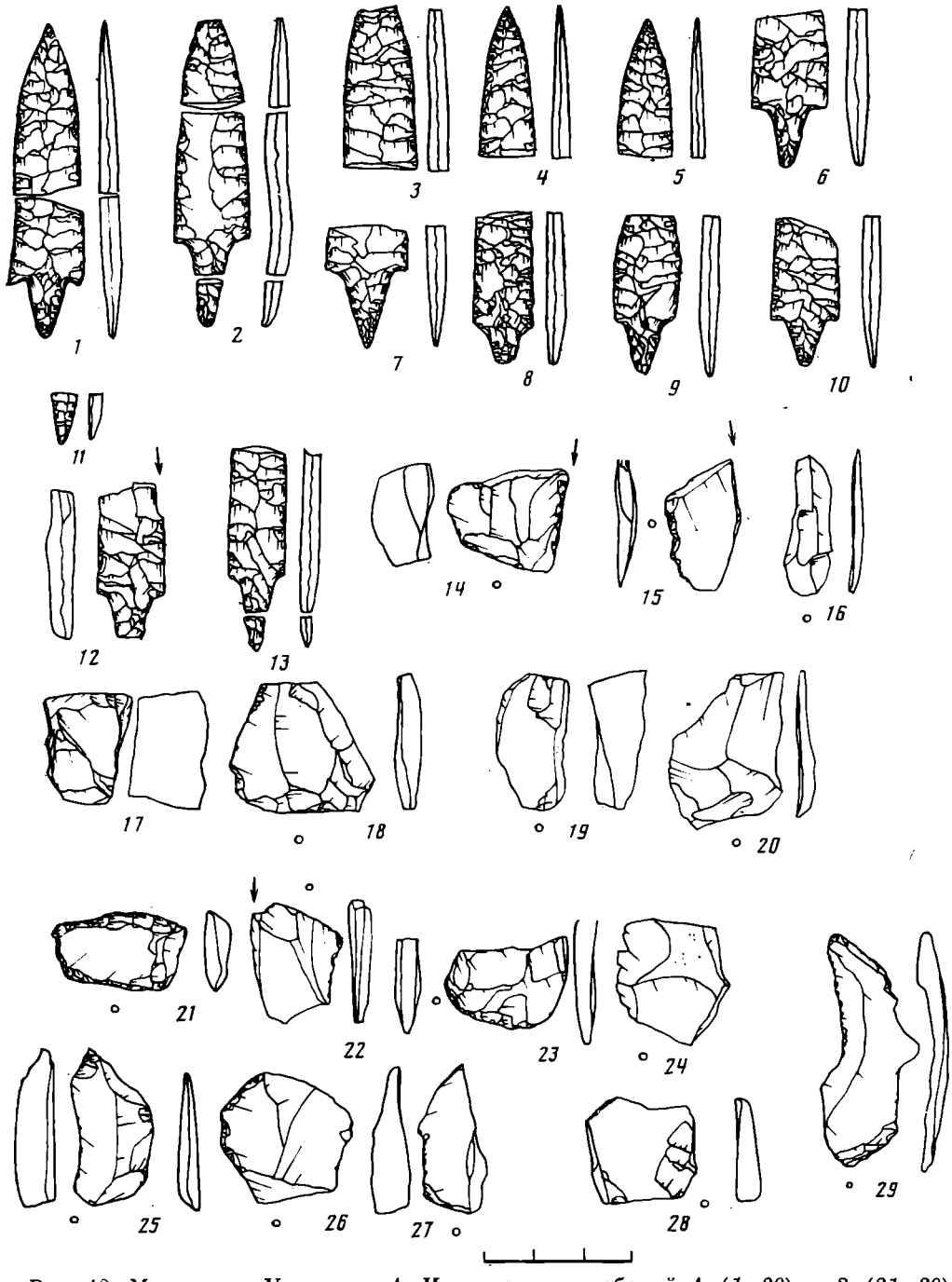


Рис. 10. Могильник Угольново 1. Инвертарь погребений 1 (*1–20*) и 2 (*21–29*)

песка основного горизонта залегания мезолитических находок. Яма ориентирована по линии запад — восток, западный конец ее разрушен котловиной выдува, длина сохранившейся части 1,8, ширина 0,63, глубина 0,36 м, стенки крутые, дно плоское (рис. 9, *II*). Могила заполнена песком с большим количеством красной «охры», наибольшая концентрация «охры» отмечена в ее центральной части, ближе к северо-восточному концу. Здесь «охра» наиболее интенсивно встречена в верхней части могилы, затем на глубине 0,14 м от верха ямы прослежена линза серо-желтого песка мощностью 0,08 м, овальной формы, размером 1,0×0,45 м, а ниже опять идет слой интенсивной «охры» на две могилы. С этой линзой песка совпадает граница очень слабого пятна гумуса. В границах этой линзы песка и непосредственно над ней найден невыразительный кремневый инвентарь: (рис. 9, *II*, *1–17*): *1* — отщеп кремня с ретушью; *2–6* — отщепы кремня; *7* — отщеп кремня с ретушью; *8* — отщеп кремня с ретушью; *9* —

отщеп кремня; *10* — отщеп кремня с ретушью; *11* — отщеп кремня; *12* — резец на отщепе кремня, грубый; *13* — отщеп кремня с ретушью; *14* — отщеп кремня; *15* — скребок на отщепе кремня; *16*, *17* — грубые резцы на отщепах кремня.

Помимо этих двух погребений встречено несколько ритуальных ям, также относящихся к могильнику. Пять небольших ям котлообразной формы, диаметром 0,35—0,60, глубиной до 0,30 м, встречено в центральной части раскопа между погребениями 1 и 2. Все эти ямы опущены из контакта погребенной почвы и серо-желтого песка, прорезают мезолитический культурный слой. В заполнении этих ям встречена красная «охра» и мелкие кальцинированные кости, других находок нет. Еще одна яма встречена в северной части раскопа, северо-восточнее погребения 1. Яма выявилась в виде овального пятна слабоохристого песка (размер пятна 1,12×0,84 м) на фоне серо-желтого песка, ориентировка запад — восток. Дно ямы котлообразное, стенки средней крутизны, глубина 0,26 м. Яма заполнена светлым материковым песком, смешанным с серо-желтым с вкраплениями охры. В юго-восточном секторе ямы компактно лежали девять отщепов, сколотых с одного желвака. Как и предыдущие, эта яма опущена из контакта погребенной почвы и серо-желтого песка. На южном краю этой ямы найден кончик пера наконечника стрелы, обломок черешка которого встречен в погребении 1, а средняя часть обнаружена между этой ямой и погребением (рис. 10, *2*). Это позволяет относить погребение 1 и описанную яму к одному комплексу.

В районе погребений и между ними встречались в самом верху серо-желтого песка небольшие аморфные охристые пятна мощностью 1—2 см.

По характеру погребального обряда, и прежде всего наличию красной «охры», составу каменного инвентаря, включающего как полностью завершенные орудия, в том числе и оружие, так и различные обломки и отходы производства, данный могильник близок к погребениям волосовской культуры [27]. Наибольшая близость прослеживается с Малоокуловским грунтовым могильником [28], находящимся в 2,5 км от Угольновского. В обоих могильниках представлена «охра» в могильных ямах, среди инвентаря есть оружие, каменные орудия труда и отходы производства, встречаются преднамеренно уничтоженные при погребении изделия. Вместе с тем Угольновский могильник содержит более поздние вещи, чем Малоокуловский. В первую очередь это относится к наконечникам стрел с шипами у черешка, близким к сейминским [29], которые в других погребениях волосовской культуры не встречаются. Наличие таких наконечников позволяет датировать памятник первой половиной II тыс. до н. э., возможно, его серединой.

Целенаправленные поиски грунтовых поздневолосовских могильников на Нижней Оке могут привести к открытию серии подобных памятников, удаленных от мест поселений. Если Малоокуловский могильник может быть связан с Волосовской стоянкой, то Угольновский можно относить либо к верхним слоям Волосовской стоянки, либо к стоянке Волосово 5 [10], содержащей поздневолосовскую керамику и удаленной от нашего могильника на 0,8 км. Возможно открытие грунтовых могильников и в других частях территории распространения волосовской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Булычев Н. И.* Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.
2. *Уваров А. С.* Археология России. Т. I, II. М., 1881.
3. *Воеводский М. В.* Стоянка Гремячее // МИА, 1941. № 2.
4. *Городцов В. А.* Археология. Т. I. Каменный период. М., 1923.
5. *Кольцов Л. В.* Локальные группы Волго-Окского мезолита // КСИА. 1973. Вып. 137.
6. *Грехова Л. В.* Памятники эпохи палеолита и мезолита // Тр. ГИМ. 1970. Вып. 44.
7. *Воеводский М. В., Борисковский П. И.* Стоянка Елин Бор // СА. 1937. № 3.
8. *Кольцов Л. В.* Новые раскопки стоянки Елин Бор // МИА. 1966. № 126.
9. *Черников В. Ф.* Отчет о разведке в бассейне р. Теши в 1961 г. // Архив ИА АН СССР, р-1. № 2233.
10. *Кольцов Л. В., Черников В. Ф., Жилин М. Г.* Разведочные работы в Горьковской области // АО – 1978. М., 1979.

11. *Жилин М. Г.* О работе Окуловского отряда Верхневолжской экспедиции // АО – 1979. М., 1980.
12. *Жилин М. Г.* О работе Нижнеокского отряда // АО – 1981. М., 1982.
13. *Жилин М. Г., Миронос А. А.* О работе Горьковской экспедиции // АО – 1982. М., 1983.
14. *Кольцов Л. В.* Раскопки у дер. Соболево // АО – 1972. М., 1973.
15. *Кольцов Л. В.* Древнейшее прошлое Калининского Поволжья // Из прошлого Калининской области. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та. 1974.
16. *Кольцов Л. В.* Исследование стоянок каменного века в Калининской и Костромской областях // АО – 1982. М., 1984.
17. *Кольцов Л. В.* Раскопки памятников мезолита в Ярославской и Калининской областях // АО – 1979. М., 1980.
18. *Кольцов Л. В., Бодунов Е. В., Воробьев В. М., Жилин М. Г., Максимов А. Д., Мирецкий А. В.* Работы в Калининской области // АО – 1977. М., 1978.
19. *Кольцов Л. В., Воробьев В. М., Жилин М. Г.* О работах в Калининской области // АО – 1978. М., 1979.
20. *Бодунов Е. В., Жилин М. Г., Воробьев В. М.* Мезолитическая стоянка Красново // Из древней истории Верхневолжья. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1983.
21. *Крайнов Д. А.* О работе Верхневолжской экспедиции // АО – 1978. М., 1979.
22. *Семенов С. А.* Первобытная техника // МИА. 1957. № 54.
23. *Жилин М. Г.* Результаты трасологического анализа каменного инвентаря стоянки Староконстантиновская IV // Из древней истории Верхневолжья. Калинин. Изд-во Калинин. ун-та, 1983.
24. *Коробкова Г. Ф., Смольянинова С. П., Кизь Г. В.* Позднепалеолитическая стоянка Срединный Горб // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
25. *Щелинский В. Е.* К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983.
26. *Семенов С. А., Коробкова Г. Ф.* Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983.
27. *Цветкова И. К.* Ритуальные клады стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
28. *Кольцов Л. В., Жилин М. Г.* Малоокуловский грунтовой могильник волосовской культуры // СА. 1980. № 4.
29. *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970.

L. V. Koltsov, M. G. Zhilin

UGOLNOVO 1, A MESOLITHIC CAMP

Summary

The present authors discovered Ugolnovo 1, a Mesolithic camp in the lower reaches of the Oka, Navashino District, Gorky Region, in 1978. M. Zhilin worked there in 1979 and 1981 and stripped 136 sq. m. A small, but representative collection of stone industry came to light. The techniques of stone working and the types of objects exhibiting secondary processing relate the camp to the latest period of the Butovo culture in the Volga – Oka basin. At the same time they have a number of specific features. The share of objects exhibiting secondary processing is very low, and they are mainly scrapers. Racloirs are few, while arrowheads and blades with blunted edges typical of the late Butovo culture are absent. A tracewear analysis of the entire stone industry identifed a great number of implements used in hunting and processing killed animals. Other functional groups of implements are either absent or not numerous. This is typical of hunting camps used for a short time. Ugolnovo 1 is one of the similar sites in the Oka basin and the upper Volga. They testify to a greater role hunting played in the late Butovo culture and its separation from other types of activity. Archaeologists have also come across two burials and several ritual pits associated with the burial ground tentatively dated to the Bronze Age. The burial rite is typical of the Volosovo culture; the arrowheads relate the burial ground to the latest period of this culture, most probably, to the first half of the second millennium B. C.

А. Ф. ГОРЕЛИК

НОВЫЕ МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ С ЯНИСЛАВИЦКИМИ ВКЛАДЫШЕВЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

Впервые вопрос о наличии янославицких вкладышевых элементов в инвентаре некоторых позднемезолитических памятников Северского Донца был поставлен С. К. Козловским [1, с. 158]. Он отмечал в материалах стоянок Северского Донца присутствие янославицких острий. Впоследствии на этот факт указывали Х. Венцковская [2, с. 380], Б. Гинтер [3, с. 183], Л. В. Кольцов [4, с. 65], Л. Л. Зализняк [5, с. 119]. Присутствие янославицких острий в мезолитических комплексах Северского Донца объяснялось различными причинами: автохтонным развитием этих форм (С. К. Козловский, отчасти Б. Гинтер) или влияниями культур янославицкой культурной области (Л. В. Кольцов, Л. Л. Зализняк, Д. Я. Телегин) [6, с. 185]. Исследования мезолитических стоянок у хутора Шевченко и Пелагеевка 3, проведенные экспедицией Ворошиловградского областного краеведческого музея под руководством автора в 1981—1983 гг., в значительной мере проливают свет на эту дискуссионную проблему.

Оба памятника расположены в едином геоморфологическом регионе — на Придонецком плато [7, с. 105], которое представляет собой южные отроги Среднерусской возвышенности. Поверхность плато — равнинная с преобладающим наклоном с севера на юг. Основные реки: Оскол, Красная, Айдар, Боровая — левые притоки Северского Донца — разрезают плато на ряд водораздельных полос, вытянутых почти в меридиональном направлении.

Стоянка у хутора Шевченко. Расположена в 150 м на юго-запад от хутора Шевченко Кременского района Ворошиловградской области. Стоянка была обнаружена в 1972 г. [8], а в 1981—1983 гг. раскопками было вскрыто 160 м^2 ее площади.

Памятник приурочен к мысовидному выступу высокой поймы левобережья р. Боровая, который по гипсометрическим отметкам на 3 м возвышается над меженным уровнем воды в реке. В районе стоянки пойма реки имеет ширину до 1 км, с двух сторон ее расчленяют маловодные притоки Боровой: Гнилая Плотва и Плотва. Как показывают данные бурения, проводившегося Ворошиловградской геологоразведочной экспедицией в окрестностях хутора Шевченко на близком стоянке гипсометрическом уровне, современная высокая пойма Боровой лежит на погруженных в результате тектонических процессов третьей-четвертой надпойменных террасах среднеплейстоценового возраста [1].

Стратиграфия стоянки по юго-восточной стенке раскопа представлена следующими наслоениями (сверху вниз): чернозем комковато-зернистый черного цвета, в верхней части пахотный — 0,3—0,55 м, чернозем солончаковый — 0,2—0,35 м; суглинок гумусированный (подпочва В) — 0,2—0,4 м; суглинок темно-желтый плотный, комковатый — 0,3 м; суглинок лессовидный тонко-пылеватый палевый с карбонатными включениями до 1,5 см в поперечнике прослежен до глубины 1,7 м — 0,4 м.

Для всех слоев стоянки характерна сильная изрезанность «кротовинами», что обусловило распространение разновременных культурных остатков по всему разрезу. Тем не менее наблюдения за изменением на-

[1] Благодарим кандидата геолого-минералогических наук М. Я. Бланка за любезно предоставленную информацию.

сыщенности находками по вертикали, их планиграфия позволили установить местоположение культурного слоя, очевидно, ямной культуры в средней — нижней части голоценовой подпочвы, а культурного слоя эпохи мезолита — в горизонте темно-желтого суглинка мощностью 0,3 м. Культурные остатки эпохи поздней бронзы (многоваликовая, срубная культуры) располагались, очевидно, в черноземе.

Насыщенность мезолитического слоя по вертикали неравномерна; особенно она значительна в средней и нижней частях темно-желтого суглинка в пределах 0,2 м. Однако и в верхней части суглинка накопление культурного слоя продолжалось, о чем красноречиво говорит расположение на стыке подпочвы и суглинка «клада» кремневых орудий. Очевидно, накопление культурного слоя стоянки у хутора Шевченко происходило непрерывно в течение длительного времени, причем скорость этого процесса не была неизменной. По мнению Н. А. Сиренко, процесс формирования горизонта делювиального темно-желтого суглинка стоянки происходил на рубеже плейстоцена — голоцена [2].

Находки, встреченные в культурном слое: каменные изделия, многочисленные обломки раковин моллюска Unio, редкие комочки охры, кости животных [3],— неравномерно располагались на площади раскопа, образуя в центральной его части маловыраженное скопление нечеткой конфигурации, вытянутое на 11 м по оси С — Ю при ширине в южной части до 6, в северной до 3 м. Максимальная насыщенность культурного слоя в скоплении кремневыми изделиями на 1 м^2 — 96 единиц, минимальная — 15. Прямо пропорционально общему количеству находок в слое встречались изделия со вторичной обработкой в целом, и различные их категории в частности, прежде всего такие специфические типы, как острия янисла вицкие, микрорезцы, микропластинки с притупленным краем, рубящие орудия. Особо следует остановиться на положении и составе находок в «кладе». Они были положены рядом, параллельно друг другу, горизонтально поверхности, ориентированы рабочим лезвием в юго-восточном направлении. Определены следующие изделия: тесло, скребок на крупном отщепе, под которым лежал брюшком вверх концевой скребок на пластине, и топор. Размещение орудий не свидетельствует о стремлении их спрятать или укрыть, скорее всего они были забыты на этом месте и находились, возможно, в какой-либо емкости, например кожаной или травяной сумке.

Изделия из кремня из мезолитического слоя, а также найденные в ходах землеройных животных в смежных ему горизонтах и на поверхности не обнаруживают видимых петрографических и технико-типологических различий. Этот факт, а также резкое возрастание количества находок из кремня на уровне культурного слоя позволяют рассматривать коллекцию обработанных кремней как единый комплекс.

В его составе 8467 поделок из кремня, а также 4 из кварцита (таблица). Использовались главным образом меловой туронский кремень темно-коричневого цвета, покрытый легкой голубоватой патиной, а также кампанский кремень светло-серого цвета с белесыми включениями. Значительно меньше изделий из галечного кремня желтого цвета. Ближайшие к стоянке выходы кремня туронского яруса мела находятся в обнажениях правого берега Северского Донца и правого берега р. Красная соответственно в 28 и 32 км. Выходы кремня кампанского яруса мела и палеогенового галечника расположены на противоположном стоянке берегу р. Боровая, где было обнаружено несколько местонахождений — мастерские по первичной обработке кремня, часть из которых, видимо, совпадает по времени существования со стоянкой [8].

Анализ техники раскалывания кремня начнем с характеристики нуклеусов. Они довольно малочисленны (0,3%) и значительно сработаны. За исключением одного малосработанного нуклеуса размерами 11×7×

---

[2] Пользуясь случаем, приносим благодарность доктору геолого-минералогических наук Н. А. Сиренко за оказанную помощь.

[3] По определению Н. Г. Белан и В. И. Бибиковой, среди сохранившихся костей животных присутствуют два зуба лошади вида Equus gmelini Ant.

Наименование категорий	Хутор Шевченко		Пелагеевка 3	
	количество	%	количество	%
Неиспользованное сырье	2	0,02	11	0,2
Нуклеусы	24	0.3	–	–
Нуклевидные обломки	13	0.1	19	0,3
Поперечные сколы с нуклеусов	30	0.3	9	0.1
«Продольные» сколы с нуклеусов	21	0.2	7	0.1
Ребристые сколы	143	2	63	1
Отщепы	5268	62	3703	61
Осколки, обломки	1361	16	1519	25
Пластинчатые заготовки	1072	13	104	8
Изделия со вторичной обработкой	537	6/100 *	155	3/100
Резцы	160	30	22	14
Скребки	47	9	11	7
Отщепы с ретушью	60	11	32	21
Отщепы с усеченным ретушью концом	10	2	–	–
Скобелевидные орудия	47	9	18	12
Пластинки с краевой ретушью	95	18	23	15
Рубящие орудия	7	1	1	0,6
Обломки, подправочные сколы с топориков	10	2	1	0.6
Острия янисла вицкого типа	9	2	3	2
Микрорезцы	18	4	15	9
Микропластинки с притупленным краем	52	10	5	3
Трапеции	2	0.4	14	9
Проколки, сверла	7	1	1	0.6
Пластинки со скошенным ретушью концом	5	1	1	0.6
Индивидуальные формы	8	1	8	5
Всего	8471	100	5877	100

* В числителе процент к общему количеству находок, в знаменателе — к количеству изделий со вторичной обработкой.

×5 см, все остальные имеют размеры 3,8×2,5×2–5×2,5×3 см. Большинство нуклеусов предназначалось для скалывания пластинок правильной формы шириной до 3–4 мм (20 экз.). Среди них выделяются 6 одноплощадочных нуклеусов с негативами микропластинок абсолютно правильной формы по окружности. 1 нуклеус — карандашевидный (рис. 1, *9*), 5 — конические. Нуклеусы второй группы (9 экз.) раскалывались с применением иной технологии, о чем свидетельствует менее правильная форма негативов сколотых пластинок. При этом использовалась преимущественно не одна, а две противоположно лежащие площадки. 3 нуклеуса раскалывались с одной стороны, 6 — по всему периметру. 5 нуклеусов — призматические, 3 — конические (рис. 1, *5*), 1 — клиновидный. Нуклеусы третьей группы (5 экз.) объединяют ядрища на отщепах, как правило, массивных, сколотых с нуклеусов первой и второй групп. С целью максимальной утилизации сырья раскалывание велось по двум боковым плоскостям с одной или двух противоположно лежащих ударных площадок, оформленных в виде выемчатой подретушированной перемычки (рис. 1, *12*). Заготовки, полученные с такого рода нуклеусов (выделены 4 экз.), имеют высокую спинку и изогнутый профиль. Часть подобных предельно сработанных нуклеусов переоформлялась в резцы-струги, описание которых будет дано ниже.

В группе нуклеусов с негативами отщепов по всему периметру (5 экз.) выделены 2 одноплощадочных конических, 2 двуплощадочных призматических, 1 одноплощадочный клиновидный.

Площадки всех нуклеусов несут на себе следы тщательной подправки. Угол площадки по отношению к плоскости скалывания в 10 случаях острый, в 14 — прямой. Присутствие сколов площадки нуклеусов (0,3%), ребристых сколов (2%) — свидетельство подготовительных технологических приемов, предваряющих регулярное расщепление ядрищ.

Среди сколов без вторичной обработки 80% составляют отщепы, осколки и обломки. В качестве орудий или заготовок для их изготовления могли служить отщепы диаметром от 1 до 3 (78%) и свыше 3 см (7%). Мелкие отщепы (15%), осколки, обломки (16%) представляют в

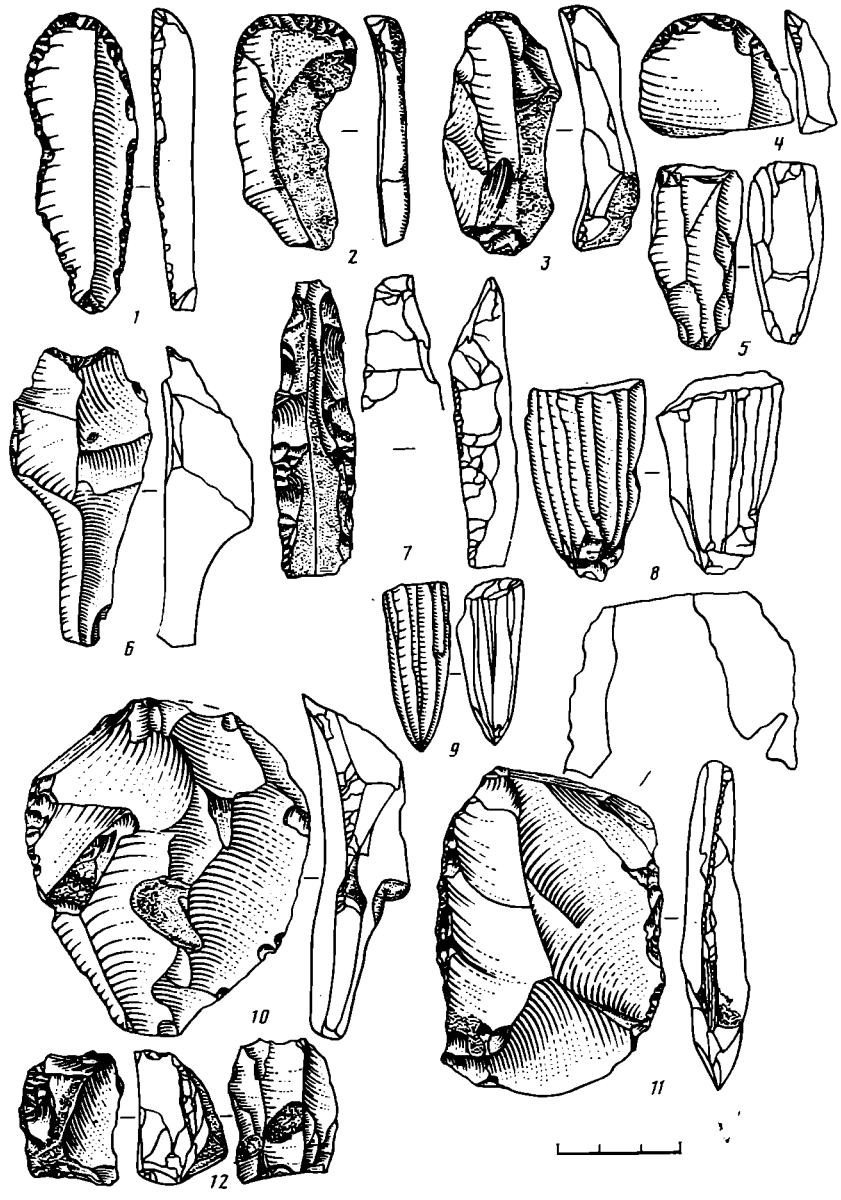


Рис. 1. Кремневые изделия стоянки у хутора Шевченко

своей массе отходы производства. Характерно, что индекс первичных сколов невысок (10%).

Получение отщепов-заготовок происходило главным образом при хаотической оббивке кусков кремня, неудавшихся нуклеусов, о которой свидетельствуют нуклевидные обломки (13 экз.).

Группа пластинчатых заготовок количественно невелика (13%). В зависимости от ширины заготовки она подразделяется на пластины (ширина 1,5 см) — 14%, пластинки (ширина 1,5—0,7 см) — 69%, микропластинки (ширина 0,7 см) — 17%. Среди целых пластинчатых заготовок (11%) изделий правильной формы мало, большинство сильно изогнуто в профиле, имеет высокую спинку. Длина целых экземпляров 3,5—5,5, в отдельных случаях до 7,5 см. Правильно ограненные пластинки встречаются чаще всего среди проксимальных концов (39%) и сечений (34%). Показательно, что первые преобладают над вторыми. Анализ вариаций длины проксимальных концов объясняет этот факт. Лишь 7% из них — длиной до 1 см, т. е. является отходами производства: подавляющее большинство (82%) имеет длину от 1 до 3 см, 11% — более 3 см и, таким образом, могли использоваться самостоятельно или в качестве заготовок для орудий. Анализ пропорций сечений пластинчатых заготовок также показывает избирательное отношение при их производстве. Преоб-

ладают сечения подквадратных пропорций (1 : 1 : 1,5 — 46%). Количество сечений удлиненных пропорций — меньше (1 : 2 — 30%; 1 : 3 — 9%). Группа дистальных концов относительно малочисленна (16%), но показательна в том плане, что здесь количественно преобладают экземпляры длиной от 1 до 3 см (80%) и довольно много изделий длиной более 3 см (15%).

Коллекция изделий со вторичной обработкой стоянки у хутора Шевченко является одной из наиболее многочисленных среди мезолитических памятников Юго-Восточной Украины. Орудия стоянки (6%) отличают серийность, наличие специфических типов. Большая часть из них изготовлена на пластинках (55%), значительное количество — на отщепах (43%), а также из кусков кремня (2%).

Характерной чертой памятника является обилие резцов (30%). Наиболее показательны среди них резцы-струги на отщепах (46 экз.). Резцы этого типа изготовлены, как правило, на массивных нуклевидных отщепах с ретушированной площадкой-перемычкой, со стороны, которой нанесены резцовые сколы. Перемычка между резцовыми сколами образована широким фасом, по которому нанесена мелкофасеточная ступенчатая ретушь. Резцы-струги можно подразделить на однолезвийные, т. е. с одной ретушированной выемкой-перемычкой (рис. 2, *29—31*), и двухлезвийные, т. е. с двумя противоположными выемками (рис. 2, *32*). В 11 случаях грани, формируемые резцовыми сколами по краям отщепа, сходятся, образуя треугольное окончание, противостоящее рабочей части орудия (рис. 2, *29*, *31*). Два резца-струга оформлены резцовыми сколами, направленными не с выемчатой площадки-перемычки, а, наоборот, от противоположного, сломанного конца к перемычке.

Боковые резцы (31 экз.), изготовленные на отщепах (23 экз.) и на пластинках (8 экз.), выражены главным образом одним типом — боковыми выемчаторетушными и поперечно-ретушными резцами (30 экз., рис. 2, *28*, *36*), среди которых следует отметить двойные диагональные резцы на отщепах (6 экз., рис. 2, *36*) и тройной поперчно-ретушный резец (рис. 2, *32*). Одинарные боковые резцы на отщепах примечательны тем, что ретушированная выемка расположена у них зачастую по краю отщепа и резцовый скол, уплощенный на брюшке, ориентирован в большинстве случаев перпендикулярно направлению длинной оси отщепа. Одним экземпляром представлен боковой косоретушный резец на пластинке.

Наиболее многочисленной группой среди резцов являются резцы на углу сломанной заготовки (79 экз.). 42 резца этой серии изготовлено на углу сломанной пластинки, 37 — на углу отщепа. Резцы на углу сломанной пластинки очень часто обработаны по краю фрагментарной ретушью (рис. 2, *25*). В трех случаях сколы размещены на одном краю пластинки, но нанесены с противоположных концов (рис. 2, *26*), одним экземпляром представлены резцы двойные на одном конце пластинки, диагональные и трехлезвийные. Резцы на углу слома отщепа оформлены резцовым сколом, направленным вдоль длинной оси отщепа. Среди них 4 резца обработаны двумя резцовыми сколами, нанесенными с одного конца заготовки, и один изготовлен с помощью двух резцовых сколов, размещенных на противоположных концах заготовки по диагонали.

Двугранные резцы малочисленны: 3 из них относятся к типу срединных, 1 — к угловым. Изготовлены на отщепах.

Скребки стоянки представлены относительно немногочисленной (9%), но морфологически однородной группой. Доминируют скребки концевого типа (40 экз.), среди них 22 изготовлены на пластинах и 18 — на отщепах. 8 скребков на пластинах и 7 на отщепах оформлены на укороченных заготовках. Скребки концевого типа обработаны, как правило, крутой ретушью, формирующей дугообразный рабочий край (рис. 1, *1*, *2*, *4*; 2, *34*). 3 скребка обработаны такой ретушью по противоположным концам пластины (рис. 1, *3*; 2, *39*). В четырех случаях концевой скребок комбинируется со скобелем, оформленным крутой ретушью, образующей выемку на противоположном скребку конце заготовки. 12 концевых скребков обработаны полукрутой ретушью со спинки или с брюшка, иног-

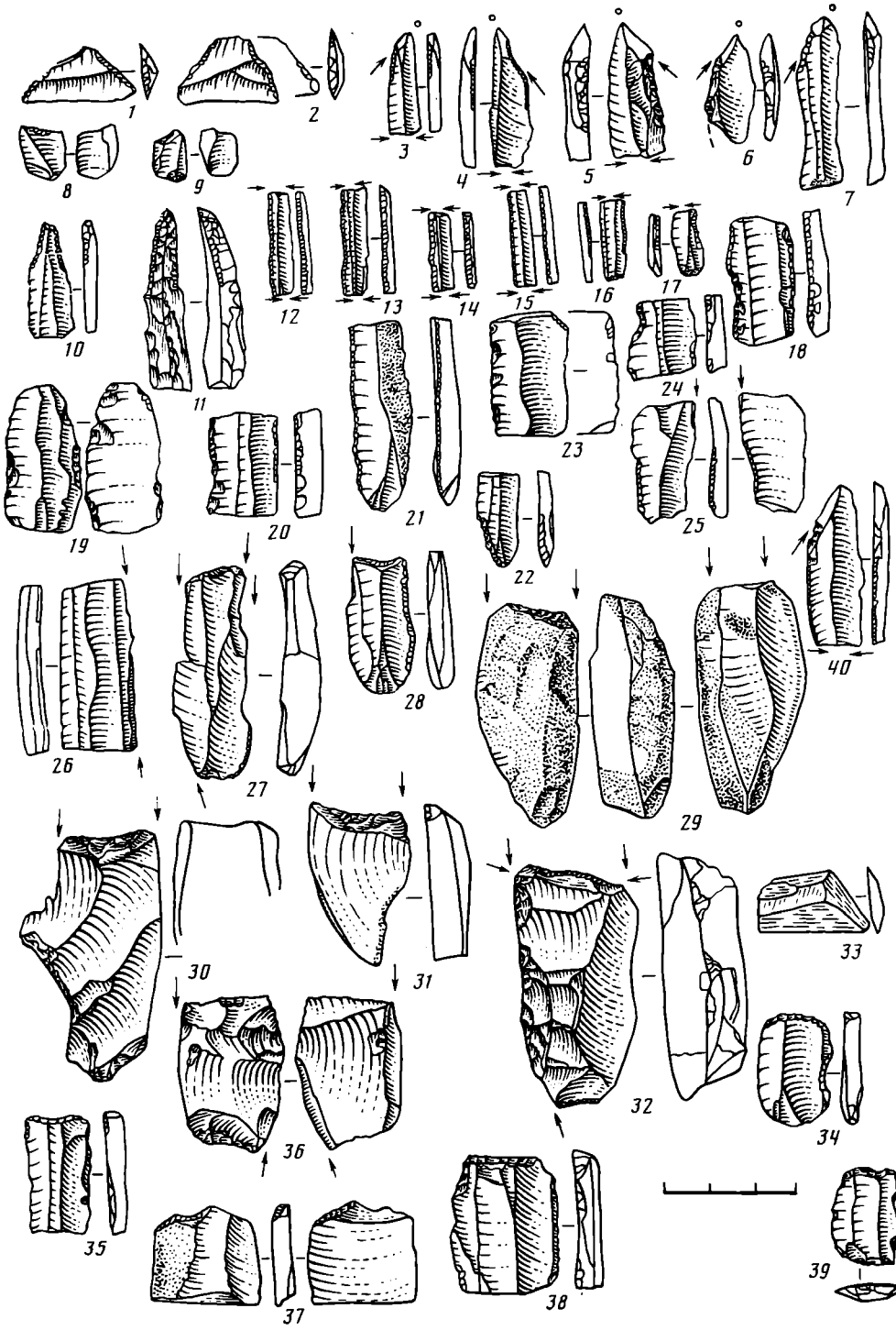


Рис. 2. Кремневые изделия стоянки у хутора Шевченко

да противолежащей, по краю или двум краям заготовки. 1 концевой скребок с краевой ретушью подтесан с брюшка плоскими сколами по одному краю. Интерес представляют 3 скребка с узким рабочим лезвием и, возможно связанные с ними узкие фрагменты продольно расколотых скребков (5 экз.), имеющие, очевидно, специфическую функцию.

Скребки с частично ретушированным краем отщепа представлены маловыраженной серией (7 экз.). 1 из них обработан полукрутой ретушью по $^1/_2$ части дуги отщепа и подправлен плоским резцовым сколом с брюшка, остальные имеют такую же ретушь по $^1/_3$ дуги отщепа в боковой его части (рис. 1, *10*).

Характерной для мезолитических памятников группой являются отщепы с ретушью (11%), среди которых выделены сколы рабочих лез-

вий скребков (7 экз.), отщепы, обработанные фрагментарной скребковой ретушью (16 экз.), отщепы, оформленные фрагментарной пологой приостряющей ретушью (10 экз.), и отщепы со следами ретуши, носящей случайный характер либо образовавшейся в результате использования (27 экз.).

В коллекции стоянки присутствует многочисленная группа пластинок с краевой ретушью (18%). Преобладают пластинки, обработанные мелкой полукрутой или пологой ретушью по одному краю (41 экз.; рис. 2, *21*). Она наносилась главным образом на сечения пластинок, которые, очевидно, использовались как вкладыши ножей. Большинство пластинок оформлено ретушью со спинки, но встречаются экземпляры, обработанные с брюшка. Разновидностью указанного типа являются пластинки с ретушью по двум краям (14 экз.), обработанные в той же технической манере (рис. 2, *18*, *20*). Интерес представляют пластинки с краевой ретушью и плоской подтеской с брюшка (15 экз.). Подтеска очень незначительна, в сочетании с ретушью она создает извилистость края пластинки в профиле (рис. 2, *19*).

Показательны три проксимальных конца пластинок со скошенным у основания крутой ретушью краем, представляющие, возможно, обломки наконечников стрел, их черешковую часть (рис. 2, *22*). Среди пластинок с краевой ретушью особо выделены пластинки с краевой нерегулярной ретушью, представляющей, возможно, следы от использования (16 экз.; рис. 2, *23*), а также сколы подживления этой группы изделий (6 экз.).

Группа скобелей (10%) морфологически неоднородна. Среди них количественно доминируют пластинки с краевой скобелевидной выемкой (23 экз.). У 11 экземпляров одна крупная выемка расположена посредине края пластинки; в одном случае отмечено изделие с двумя встречными выемками по краям в основании пластинки, обработанными противолежащей ретушью; у остальных экземпляров подобных орудий выемка расположена у слома пластинки (рис. 2, *24*); в четырех случаях — две встречные, что, возможно, указывает на один из технических приемов, применявшихся при расчленении пластинчатых сколов.

Показательно присутствие концевых скобелей (14 экз.), изготовленных на пластинках (12 экз.; рис. 2, *35*) и отщепах (2 экз.). Выемка, как правило, неглубокая, широкая, обработана крутой ретушью со спинки, иногда с брюшка. В шести случаях заготовка, на которой изготовлен концевой скобель, обработана по краю нерегулярной, часто выемчатой, противолежащей ретушью. Любопытны 2 скобеля с утоньшенным широким фасом с брюшка рабочим концом, который у одного из них обработан противолежащей крутой ретушью (рис. 2, *37*; 1, *6*). Характеристику группы скобелей дополняет серия отщепов с ретушированными, как правило, широкими выемками. Не исключено, что некоторые изделия из концевых скобелей и отщепов боковыми выемками следует рассматривать как заготовки боковых выемчато-ретушных резцов.

Характерны для инвентаря стоянки у хутора Шевченко отщепы с усеченным ретушью концом (2%). Крутой или полукрутой ретушью со спинки или брюшка усечен конец пластинчатого отщепа, противолежащий пятке (рис. 2, *38*). Возможно, данный тип функционально сопряжен со скобелями концевыми.

Проколки и сверла в коллекции стоянки изготовлены на пластинках. Проколки (2 экз.) имеют симметричное острие, сформированное полукрутой ретушью. Сверла (5 экз.) отличаются от проколок более толстым «жалом», выделенным краевой крутой, в двух случаях противолежащей ретушью (рис. 2, *10*, *11*).

Принципиальное значение для понимания культурно-исторического места индустрии стоянки у хутора Шевченко имеют найденные здесь рубящие орудия, микропластинки с притупленным краем, ямиславицкие острия, микрорезцы, трапеции. Рубящие орудия типологически неоднородны (1%). Наиболее выразителен крупный двусторонне оббитый топор вытянутых пропорций, вислообушный, с рубящим лезвием, сформированным боковым сколом. Насад топора обработан крупными продоль-

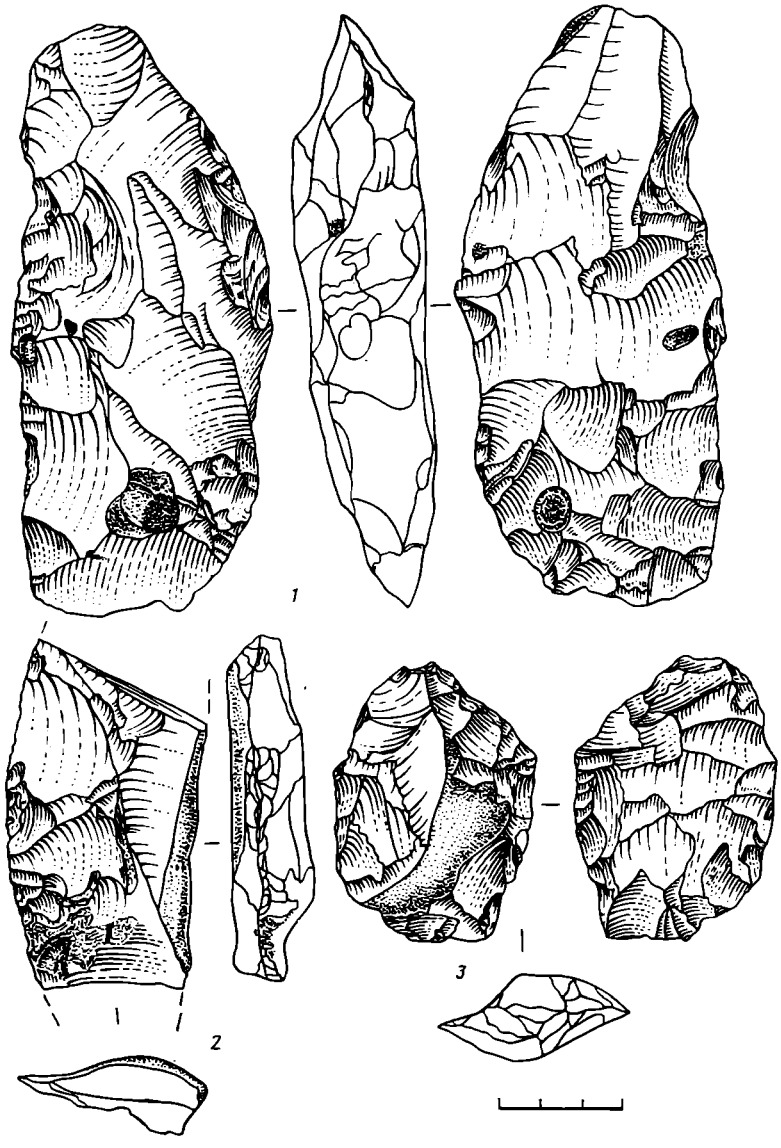


Рис. 3. Кремневые изделия стоянки у хутора Шевченко

ными сколами (рис. 3, *1*). 2 топорика представлены крупными обломками: один — секирообразный, треугольный в поперечнике, двусторонне оббитый, с естественным обушком (рис. 3, *2*), второй — топорик типа «пик». 2 топорика находятся, очевидно, в незавершенной стадии обработки, один из них напоминает овальные, двусторонне оббитые топорики и тесла изюмских стоянок, открытых Н. В. Сибилевым на Северском Донце [9] (рис. 3, *3*). 2 орудия являются, видимо, теслами. Одно из них изготовлено на прямоугольном отщепе, тонком в сечении. Лезвие тесла, сформированное двусторонним боковым сколом, повреждено частично при работе, боковые края притуплены круто-полукрутой ступенчатой ретушью. По брюшку отщепа с его пятки отпущены по краям два плоских резцовых скола, формирующих, очевидно, насад (рис. 1, *11*). Второе тесло изготовлено на овальном отщепе, обработанном по одному продольному краю плоскими сколами с двух сторон. Лезвие сформировано боковым сколом. Помимо более или менее целых рубящих орудий на стоянке встречено четыре их обломка и шесть боковых сколов с рабочих лезвий топориков.

Микропластинки с притупленным краем (10%) оформлены крутой, часто вертикальной ретушью, «съедающей» край заготовки (рис. 2, *12—17*). 2 экземпляра обработаны такой же ретушью по скошенному концу микропластинки (рис. 2, *16*). В настоящее время факт использования

микропластинок с притупленным краем для оснащения составных охотничьих орудий не вызывает сомнений [10, с. *41*].

Янославицкие острия (2%) представлены единственной своей разновидностью — остриями со сломанным или естественным основанием (рис. 2, *3—7*, *40*). 3 острия обработаны притупливающей ретушью более чем по $^1/_2$ части края (рис. 2, *4—6*, *40*). 3 острия выявлены в обломках. Янославицкие острия изготавливались в микрорезцовой технике, свидетельством чему являются микрорезцы на проксимальных концах пластинок (рис. 2, *8*, *9*).

Материалы стоянки включают всего 2 трапеции (0.4%), причем одна из них найдена при сборах на поверхности и одна — в культурном слое памятника. Первая трапеция (рис. 2, *2*) — средневысокая, симметричная, с уступчатыми боковыми сторонами, оформленными крутой противолежащей ретушью; вторая — низкая, симметричная с круторетушированными боковыми сторонами и обломленным верхним основанием (рис. 2, *1*).

По технике изготовления к трапециям близки фрагменты пластинок с тупоскошенным ретушью концом (5 экз.). Две из них обработаны ретушью по краям заготовки: одна — пологой со спинки, вторая — плоской с брюшка.

К числу индивидуальных форм в инвентаре стоянки отнесены ретушеры на трехгранных обломках (3 экз.), скребла-ножи прямолезвийные, продольные на отщепах (2 экз.), высокое сечение пластины с обработанной полукрутой ретушью боковой стороной, треугольный в сечении отщеп, напоминающий рабочую часть рубанка, оформленный по выпуклой узкой стороне удлиненными фасетками пологой ретуши, и ретушер на толстой пластине, обработанной по краям крупнофасеточной крутой ретушью со спинки и плоской в рабочей части — с брюшка (рис. 1, *7*).

Помимо изделий из кремня и кварцита в культурном слое встречены поделка из кремнистого сланца трапециевидной формы, с трехгранной спинкой (рис. 2, *33*) и кусочек каменного угля — антрацита.

Стоянка Пелагеевка 3. Расположена на поверхности боровой (второй песчаной) террасы левого берега р. Айдар, в 2 км к северо-западу от с. Пелагеевка Новопсковского района Ворошиловградской области и в 2,5 км к югу от с. Нижне-Серебрянка Ровеньковского района Белгородской области. Терраса высотой 8—10 м имеет мягкобугристый эолово-аллювиальный рельеф, сглаженный продольной распашкой. Местами она прерывается заболоченностями, одна из которых, заходя в глубь террасы, формирует ее мысовидный выступ. В средней его части и у восточного края в нарушениях дернового покрова на площади ок. 800 м² был собран подъемный материал, состоящий из 1034 кремней и десятка фрагментов керамики эпохи поздней бронзы.

У восточного края мыса был заложен раскоп площадью 103 м². Стратиграфия раскопа следующая (сверху вниз): супесь гумусированная, элювиированная, светло-серая, пахотная, рыхлая, бесструктурная — до 0,2 м; песок светло-желтый с белесыми пятнами, элювиированный, бесструктурный; переход резкий по линии псевдофибр — 0,1 м; песок иллювиированный, белый с красно-бурыми разорванными псевдофибрами толщиной 0,5—2 см, прослежен слой до 1,4 м.

Гумусизация верхнего слоя разреза во многом обусловлена глубокой распашкой, о чем говорят гумусовые затеки по пахотным бороздам, прослеживаемые в стенках раскопа.

Мезолитический горизонт находок располагался в слое гумусированной супеси. В нижележащих слоях культурных остатков встречено не было. В раскопе кремни размещались относительно равномерно, что во многом могло быть связано с распашкой слоя или перевеванием, естественным в условиях песчаных почв. Замечено, что в центральной части раскопа сосредоточена основная масса кремневых изделий со вторичной обработкой.

Комплекс, полученный в раскопе и при сборах на поверхности, насчитывает 5880 предметов, изготовленных преимущественно из кремня, а также сланца (6 отщепов) и кварцита (1 сечение пластины). Кремень

желвачный, серого цвета, с точечными включениями слабоокремненного мергеля, пористой коркой. Многие кремни покрыты легкой голубоватой патиной, обожжены огнем.

Хотя нуклеусы в коллекции стоянки отсутствуют (таблица), наличие нуклевидных обломков, поперечных, «продольных» сколов с нуклеусов помогает восстановить характер раскалывания кремневых ядрищ. Выделяются две традиции в раскалывании нуклеусов: одна, нацеленная на производство отщеповых заготовок, и вторая, связанная с получением пластинки правильной формы.

Техника скалывания отщепов играла в индустрии стоянки ведущую роль, что обусловлено целым рядом обстоятельств: 1) оббивкой кремневого сырья на месте стоянки (в связи с этим индекс первичных отщепов в целом — 22%, а среди отщепов диаметром более 3 см — 40%); 2) чрезвычайной бугристостью и пористостью желваков кремня, что требовало удаления значительной части ядрища перед началом регулярного раскалывания; 3) использованием отщепов как орудий и как заготовок для их изготовления.

Скалывание отщепов проводилось преимущественно бессистемно, о чем свидетельствует обилие нуклевидных обломков. Эта особенность индустрии памятника, очевидно, обусловлена избытком кремневого сырья, месторождения которого находились в меловых отложениях правого берега р. Айдар. Среди отщепов преобладают сколы средней величины (63%), значительно меньше мелких (32%) и крупных отщепов (5%).

Скалывание пластинок проводилось, очевидно, с одноплощадочных клиновидных и карандашевидных нуклеусов с одной стороны либо по кругу. Пластинчатые заготовки (8%) отличаются правильной формой и огранением. Преобладают пластинки (74%), показателен высокий индекс микропластинок (22%) и малый — пластин (4%). Среди пластинчатых заготовок можно различить целые пластинки (20%), проксимальные концы (32%), сечения (32%), дистальные концы (16%). Целые пластинки имеют длину преимущественно 2,4—4,5 см, многие из них — со следами макроизношенности на краях. Среди проксимальных и дистальных концов значительное число экземпляров длиной от 1,5 до 3 см, очевидно, также использовалось. Анализ пропорций сечений в комплексе стоянки показывает наибольшее распространение сечений квадратных (35%) и подквадратных (13%) пропорций. Высокие сечения (отношение ширин к длине 1 : 0,5) составляют 18%, низкие удлиненные (1 : 2) — 30%, а с соотношением 1 : 3—4 — всего 4%. Некоторые сечения имеют трапециевидные очертания. Думается, пластинчатой индустрии Пелагеевки 3 свойственно преимущественно трехчленное рассечение пластинки, хотя присутствует и двучленное.

Изделия со вторичной обработкой (3%) изготовлены на пластинчатых заготовках (56%) и отщепах (44%).

Скребки (7%) в своем большинстве изготовлены на отщепах, лишь 2 — на пластинках. Скребки концевые включают 2 скошеннолезвийных скребка на пластинках с краевой ретушью, причем один из них продольно расколот (рис. 4, *37*, *46*), и 2 скребка на отщепах, один из которых выпуклолезвийный (рис. 4, *38*), а второй — скошеннолезвийный. Концевые скребки обработаны крутой и полукрутой ретушью. 6 скребков обработаны по части дуги отщепа, по его боковому краю, 4 из них оформлены пологой ретушью и 2 — полукрутой (рис. 4, *36*, *39*). 1 скребок обработан полукрутой ретушью по всей дуге округлого отщепа, причем скошенная концевая часть скребкового лезвия создает с боковыми его краями выступающие углы (рис. 4, *40*). Характерно, что 3 скребка изготовлены на первичных отщепах.

Резцов вдвое больше, чем скребков. Выделяются резцы боковые (2 экз.), резцы-струги (2 экз.), на углу сломанной заготовки (17 экз.), двугранные (1 экз.). Резцы на углу сломанной заготовки изготовлены на отщепах (6 экз.) (рис. 4, *45*) и пластинках (11 экз.) (рис. 4, *43*, *44*, *48*). В числе последних отмечены 2 двойных резца. Помимо очевидных резцов встречены осколки и отщепы с резцовыми сколами (6 экз.), ис-

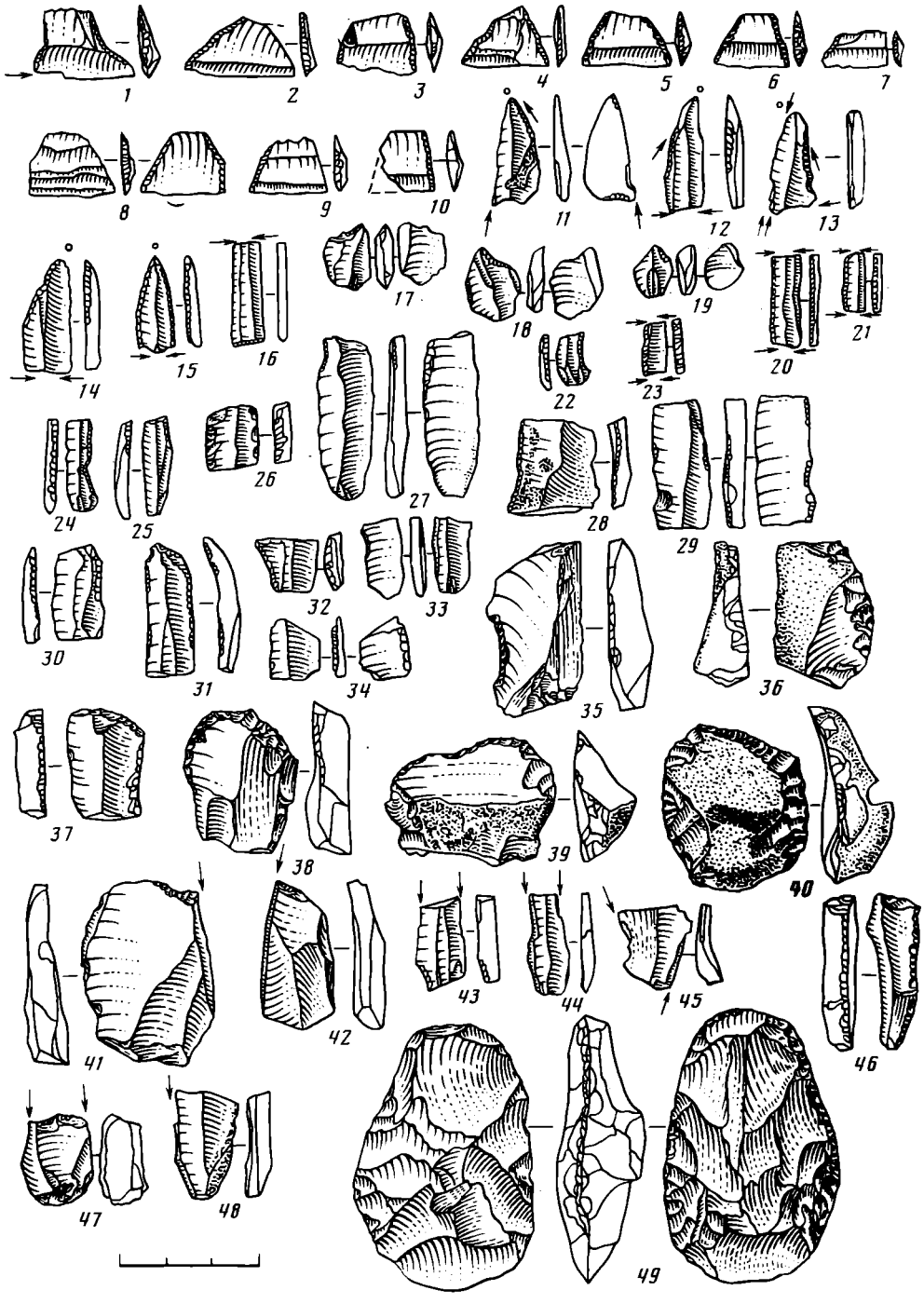


Рис. 4. Кремневые изделия стоянки Пелагеевка 3

пользование которых в качестве орудий вызывает сомнение. Резцы боковые изготовлены на отщепах, один из них косоретушный (рис. 4, *42*), второй выемчато-ретушный (рис. 4, *41*). Резцы-струги — однолезвийные, изготовлены на массивных отщепах (рис. 4, *47*). Двугранные резцы представлены единственным срединным резцом на пластинке.

В многочисленной группе пластинок с краевой ретушью (15%) показательны пластинки, обработанные противолежащей краевой ретушью, создающей извилистость края (4 экз.) (рис. 4, *29*). Значительное количество пластинок обработано фрагментарной, часто невыразительной ретушью со спинки или брюшка (11 экз., рис. 4, *31*). Лишь у 5 пластинок и их сечений отмечена регулярная полукрутая или пологая ретушь по краям, причем в одном случае она нанесена с брюшка (рис. 4, *34*), а в остальных — со спинки (рис. 4, *25*, *26*, *28*, *30*, *32*). Своеобразны 2 прокси-

мальных конца пластинок с плоской подтеской с брюшка. По характеру обработки им близко стамесковидное орудие на отщепе, обработанное плоскими сколами по брюшку.

Группа скобелей также почти не содержит характерных типологически серий орудий (12%). Все скобели — боковые: 6 — на отщепах, 12 — на пластинках. В восьми случаях выемки относительно крупные — 0,5—1 см (рис. 4, *35*), в десяти — на краю заготовки встречается одна или несколько расположенных рядом микровыемок (рис. 4, *33*). Наибольший интерес представляют микропластинка с несколькими глубокими, рядом лежащими выемками, типичная для крымского мезолита [6, с. 88], и два фрагмента подобных изделий (рис. 4, *22*, *24*).

Микропластинки с притупленным краем (5 экз.) обработаны крутой, зачастую вертикальной ретушью. В трех случаях в качестве заготовки использованы сечения микропластинок, в одном — дистальный и проксимальный концы (рис. 4, *20—23*).

Трапеции (9%) почти все симметричные, лишь 1 экз. имеет едва заметную асимметрию. 8 трапеций — средневысокие ($l>h>1{,}2\ l$) (рис. 4, *1—6*, *8—10*), 3 — высокие ($h\geqslant l$) и 2 — низкие ($h\leqslant{}^1/_2\ l$) (рис. 4, *7*). 1 трапеция представлена мелким обломком. Показательна трапеция с выраженными выемками в боковых сторонах (рис. 4, *1*). Трапеции обработаны крутой ретушью, как правило, со спинки по боковым сторонам. В то же время имеются 1 трапеция, обработанная ретушью с брюшка (рис. 4, *8*), 2 трапеции с одной боковой стороной без ретуши (рис. 4, *9*) и 4 трапеции с обломленной боковой стороной (рис. 4, *2*, *7*, *10*). В трех случаях прослежена вторичная обработка на верхнем и нижнем основаниях трапеций (рис. 4, *1*).

Культурную принадлежность памятника во многом определяют выявленные здесь острия со скошенным концом (3%). 3 острия относятся к яниславицкому типу, причем 2 имеют сломанное основание (рис. 4, *12*, *13*), а 1 обработано по основанию ретушью, создающей выемку (рис. 4, *11*). Характерно, что 2 яниславицких острия имеют в основании по краю тонкий резцовый скол (рис. 4, *11*, *13*). Помимо острий яниславицкого типа отмечено острие с остроскошенным концом ретушью без микрорезцового скола (рис. 4, *14*). Остриям яниславицкого типа сопутствует значительная серия (15 экз.) микрорезцов на проксимальных концах пластинок (рис. 4, *17—19*).

Интерес представляют пластинка с косоусеченным ретушью основанием (рис. 4, *16*) и обломок проколки на пластинке (рис. 4, *15*). В 200 м к западу от раскопа было обнаружено двусторонне оббитое овальное тесло со слегка суженной обушковой частью, расширяющейся к рабочему краю (рис. 4, *49*). Эту находку связывает с комплексом раскопа найденный здесь скол рабочей части аналогичного изделия.

Следует упомянуть многочисленную группу отщепов и осколков с ретушью (32 экз.), среди которых выделено 8 отщепов, обработанных ретушью, близкой к скребковой.

Сопоставление кремневого инвентаря стоянок у хутора Шевченко и Пелагеевка 3 прежде всего обнаруживает их функциональные различия. Комплекс Пелагеевки 3 формировался при ведущей роли этапа первичной обработки сырья на стоянке, тогда как материалы хутора Шевченко больше соответствуют понятию «базовый лагерь мезолитических поселенцев», в котором процесс изготовления средств производства занимал столь же значительное место, что и их использование в различных сферах трудовой деятельности. Тем не менее имеющиеся данные позволяют констатировать значительное подобие двух комплексов в технике раскалывания кремня, общем наборе групп и типов орудий, в том числе (что особенно важно) типов охотничьего вооружения.

В технике раскалывания кремня материалы стоянок объединяются характерным соотношением типов заготовок, когда отщепы количественно доминируют, а пластинки имеют меньший удельный вес, но отличаются высоким качеством изготовления, получены преимущественно с одноплощадочного, реже двухплощадочного конического, клиновидного и даже

карандашевидного нуклеуса, тщательно подготавливаемого к работе и раскалываемого по кругу. Показательны высокий индекс микропластинок в комплексах стоянок, стремление расчленить пластинку на две-три части с целью последующего использования прежде всего проксимальных концов и сечений подквадратных и удлиненных пропорций.

Орудия стоянки Пелагеевка 3 и у хутора Шевченко сближают использование в качестве заготовки пластинки в большей степени, чем отщепа, присутствие таких специфических типов, как микропластинки с притупленным краем, острия яниславицкого типа, микрорезцы, двусторонне оббитые топорики и тесла с рабочим лезвием, сформированным боковым сколом, и сколы с топориков. Общие черты в индустрии обоих памятников, а также наличие в материалах стоянки у хутора Шевченко обломков яниславицких треугольников при исключительной бедности геометрических форм, а в коллекции Пелагеевки 3 серии скребков на неправильных отщепах, средневысоких симметричных трапеций при невыраженности остальных типов геометрических микролитов выделяют стоянки у хутора Шевченко и Пелагеевка 3 среди остальных памятников бассейна Северского Донца и сближают их с индустриями яниславицкой культурной области, простиравшейся по территории Центральной и Восточной Польши, Литвы, Украинского, Белорусского Полесья [4, с. 66; 5, с. 120], а на юго-востоке, как показывают наши исследования, в бассейне Северского Донца — вплоть до границы степной и лесостепной зон.

Довольно значимы различия, которые имеются между комплексами стоянок у хутора Шевченко и Пелагеевка 3. В технике раскалывания кремня они заключаются в значительно большем удельном весе пластин по отношению к пластинкам и микропластинкам в инвентаре первого памятника в сравнении со вторым. Внутри класса орудий существенно отсутствие в инвентаре Пелагеевки 3 характерных для стоянки у хутора Шевченко типов — скобелей концевых на пластинках и отщепах, отщепов с усеченным ретушью концом, более широкий набор в комплексе последнего памятника типов рубящих орудий, значительное преобладание здесь архаичных концевых скребков на пластинах и отщепах над скребками на неправильных отщепах с частичной ретушью, чрезвычайно высокий индекс микропластинок с притупленным краем, резцов, обилие резцов-стругов. Показательно присутствие лишь одной трапеции архаичного облика в культурном слое стоянки у хутора Шевченко.

Большинство перечисленных различий между материалами стоянок следует расценивать как проявление их хронологического несоответствия. Представляется, что комплекс стоянки у хутора Шевченко имеет более ранний возраст по сравнению с индустрией стоянки Пелагеевка 3. Материалы первой имеют довольно близкие аналогии в индустрии стоянок культуры Максимоние, особенно стоянки Максимоние IV, культурный комплекс которой сформировался в VII тыс. до н. э. под влиянием культуры маглемозе [11, с. 118]. Их сближают разнообразие форм рубящих орудий, почти полное отсутствие геометрических форм, характерность яниславицких острий со сломанным основанием, микрорезцов, резцов-стругов, концевых скребков на пластинах и отщепах, пластинок с затупленным или вогнутым ретушью концом, что позволяет в какой-то мере синхронизировать эти два культурных явления (это отчасти подкрепляется указанной выше геологической датировкой культурного слоя стоянки у хутора Шевченко).

Материалы стоянки Пелагеевка 3 могут быть датированы хронологическим интервалом, верхняя граница которого определяется соседством стоянки с лежащим топографически ниже неолитическим поселением Пелагеевка 2 [12, с. 11], датируемым в пределах второй половины V — начала IV тыс. до н. э., а нижняя граница — на основе серии симметричных средневековых трапеций, распространившихся в мезолитических культурах лесной и лесостепной зон, возможно, и более южных районов, на рубеже бореального и атлантического периодов [13, с. 56; 14, с. 253]. Таким образом, комплекс стоянки у хутора Шевченко датируется, вероят-

но, бореальным временем, а материалы Пелагеевки 3 — первой половиной атлантикума.

Поиск местной генетической основы для возникновения индустрии стоянки у хутора Шевченко на современном этапе изучения вопроса не является плодотворным. Более аргументирована миграционная гипотеза, которая развивает точку зрения С. К. Козловского и Л. В. Кольцова о продвижении во второй половине VII — начале VI тыс. до н. э. в юго-восточном направлении носителей маглемозской культуры [1, с. 224; 15, с. 190], которые в сильно трансформированном виде достигли бассейна Северского Донца. В этом регионе потомки культур маглемозского круга, прежде всего культуры Максимонис, развиваются в особый вариант индустрии яниславицкой культурной области, представленный комплексом стоянки у хутора Шевченко, а возможно, и материалами менее представительных памятников: Миньевский Яр, Райгородок, Петропавловка, Рубцы [16, с. 8—9; 17, с. 6—19, 22].

Данные, подтверждающие возможность такой миграции, пока незначительны. Среди них стоянка Игрень 8 в Надпорожье, датируемая бореальным временем [18, с. 79], местонахождение Терлянская Круча в этом же районе [19, с. 82], где обнаружены яниславицкие острия, материалы днепровских могильников, в которых прослежена смена древнесредиземноморского антропологического типа протоевропейским [20, с. 181], а найденные в костях кремневые микролиты напоминают яниславицкие формы.

В атлантическом периоде (возможно, несколько ранее) на территории Центральной и Восточной Польши, Понеманья, Киево-Житомирского Полесья, Гомельского Поднепровья на основе синтеза маглемозского, юго-западного (Кастельновен?) [21, с. 75] и, очевидно, постсвидерского культурных компонентов, а также миграционных процессов [5, с. 120] происходит формирование ряда локальных культур: собственно яниславицкой (группа Вистка по С. К. Козловскому), мезолита Полесья (восточная группа, по С. К. Козловскому), Максимонис [4, с. 66], рудоостровской [5, с. 120]. В это же время в бассейне Северского Донца в результате взаимодействия пришлой индустрии памятников типа стоянки у хутора Шевченко и индустрии памятников типа Теплое, имеющей местную генетическую основу, образуется культурный комплекс донецкой позднемезолитической — ранненеолитической культуры [16, с. 8, 12]. К наиболее ранним памятникам донецкой культуры следует отнести Пелагеевку 3 и, очевидно, стоянку на р. Оскол—Пришиб, которые отличаются от более поздних комплексов этой культуры использованием «микрорезцовой техники» для изготовления яниславицких острий [22, с. 41], а также отсутствием трапеций со струганой спинкой, появляющихся позднее.

Обращает на себя внимание тот факт, что ареалы индустрий яниславицкого типа и определенного единства культуры в неолитическое время [23, с. 183] в основном совпадают, что является еще одним доводом в пользу известной общности историко-культурного развития таких удаленных друг от друга территорий, как Северский Донец и Литва.

В свете представленных выше материалов картина взаимодействия лесных и лесостепных мезолитических культур со степным миром усложняется. Думается помимо отмеченного рядом исследователей проникновения мезолитического населения с юга на север [24, с. 145; 52, с. 78] существовало движение культуры северного склада в обратном направлении, что хорошо прослеживается по мезолитическим материалам Северо-Восточного Приазовья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kozlowski S. K.* Pridzieje ziem polskich od IX do V tysiaclecia p. n. e. Warsawa, 1972.
2. *Wieckowska H.* Spolecznosci lowiecko-rybackie wczesnego holocenu // Prahistoria ziem polskich. T. 1. Paleolit i mezolit. Warsawa, 1975.
3. *Ginter B.* Remarks on the Origin of Some Mesolithic Cultures in Poland // The Mezolithic in Europe. Warsawa. 1973.

4. *Кольцов Л. В.* Памятники с янославицкими элементами на территории СССР // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975.
5. *Зализняк Л. Л.* Мезолитические культуры Украинского Полесья и их место в европейском мезолите // Первобытная археология – поиски и находки. Киев: Наук. думка, 1980.
6. *Телегін Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки України. Київ: Наук. думка, 1982.
7. *Дмітріев М. І.* Рельеф УРСР. Геоморфологічний нарис. Харків: Радянська школа, 1936.
8. *Братченко С. Н., Писларий И. А.* Отчет о работе Северско-Донецкой экспедиции в 1972 г. на раскопках курганов у сел Новоалександровка, Новоникольское, Ново-Астрахань, хутор Шевченко, Булгаковка Луганской области // Архив ИА АН УССР. № 1972/33а.
9. *Сібільов М. В.* Старовинності ізюмщини. Вип. 1. Изюм. 1926. Вип. IV. Изюм. 1930.
10. *Станко В. Н.* Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
11. *Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс: Минтис, 1971.
12. *Горелик А. Ф., Клочко Т. Н.* Отчет об археологических исследованиях Ворошиловградского областного краеведческого музея в 1981 г. // Архив ИА АН УССР. 1981/106.
13. *Kozlowski S. K.* O podziale chronologicznym // Materialy do prahistorii plejstocenu i wczesnego holocenu Polski. Wroclaw; Warszawa; Krakow. 1967.
14. *Allesio M., Allegri L., etc* ^{14}C Datings of Three Mesolithic Series of Trento Basin in the Adige Valley (Vatte di Zambana, Pradestel, Romagnano) and Comparisons with Mesolithic Series of Other Regions // Il popolamento delle Alpi in eta mesolitica VIII–V mil. A. C. Trento, 1983.
15. *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука, 1977.
16. *Горелик А. Ф.* Мезолит бассейна Северного Донца и Северо-Восточного Приазовья: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР 1986.
17. *Горелик А. Ф.* Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (вопросы культурно-хронологического членения) // Материалы каменного века на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1984.
18. *Телегин Д. Я., Соботович Э. В., Ковалюх Н. Н.* Об абсолютном возрасте памятников археологии Украины и некоторых смежных территорий по данным радиокарбонных анализов // Использование методов естественных наук в археологии. Киев: Наук. думка, 1981.
19. *Телегин Д. Я.* Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР (Карта местонахождений). Киев: Наук. думка, 1985.
20. *Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М.: Наука, 1966.
21. *Kozlowski S. K.* Cultural differentiation of Europe from 10th to 5 mil. B. C. Warsawa Univer. Press, 1975.
22. *Нужний Д. Ю.* Деякі питання «мікроорізцевої техніки» // Археологія. 1979. № 32.
23. *Телегин Д. Я.* Неолитические памятники Северной Украины и Южной Белоруссии // МИА. 1973. № 172.
24. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наук. думка, 1974.
25. *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1977.

A. F. Gorelik

NEW MESOLITHIC SITES WITH YANISLAVITSA HAFTED ELEMENTS IN THE SEVERSKY DONETS AREA

Summary

Looks at the materials obtained from two Mesolithic camps in the Seversky Donets basin at the village of Shevchenko and Pelageyevka 3. Gorelik comes to the conclusion that the materials show closeness to the flint industry of the Yanislavitsa cultural area, though they have specific features of their own. The complex of the earlier site at the village of Shevchenko is dated, most probably, to the Boreal. Its materials have no genetic connections in the industries of the Seversky Donets basin and mostly resemble the materials of the Maximonis culture. The latest research presents the process of shaping the Donets late Mesolithic-early Neolithic culture as a result of mutual influences of the industries of the village of Shevchenko type (which refers to the forest Mesolithic cultures of Europe) and of the Teploe type (the south-Russian steppe region of the Mesolithic). The materials of Pelageyevka 3, one of the earliest camps of the Donets culture, reveal typological elements of both entities. The author surmises that the Mesolithic population of the forest zone migrated southward towards the north-eastern Azov coast.

А. А. ОЗЕРОВ, Е. И. БЕСПАЛЫЙ

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ БЛИЗ г. САЛЬСКА
(Ростовская обл.)

В 1982 г. Приморским отрядом археологической экспедиции Азовского краеведческого музея проводились исследования курганной группы Маяк-II в зоне строительства орошаемого участка зерносовхоза «Гигант» Ростовской обл.[1] Могильник располагался на левом берегу р. Средний Егорлык, в 15 км к юго-западу от г. Сальска и состоял из четырех насыпей.

Стратиграфия наиболее хорошо выявлена в кургане 3 (высота 1,5, диаметр 24 м). Удалось установить, что насыпь его возведена в два приема.

1. Первоначальная насыпь была сооружена над погр. 4. Выкид из погребения расположен дугой к северо-востоку от могильной ямы на погребенной почве и прорезан погребениями 1 (позднекочевническим) и 2 (позднеямным). В первую насыпь, вероятно, впущено погр. 5 (ямное).

2. Повторное увеличение кургана произошло сразу, над погр. 2 раннебронзового времени (яма с заплечиками) [2].

Среди шести погребений данного кургана по инвентарю выделяется погр. 4 (рис. 1, *1*), основное в кургане. На дне прямоугольной ямы (2×1,45×2,43 м) обнаружено три детских костяка (рис. 1, *1*, *а*—*в*). Костяки посыпаны охрой, особо интенсивно костяк *в*. На дне могилы сохранились остатки подстилки в виде коричневого тлена, камыша, следы мела и охры. Под южной стенкой за черепом костяка *в* находились кости ног барана. Интересен и разнообразен погребальный инвентарь. В северо-западном углу ямы лежал лепной плоскодонный сосуд (рис. 1, *3*) с коротким, слегка отогнутым наружу венчиком (высота сосуда 14, диаметр по тулову 17,5 см). На сосуде имелись симметрично расположенные ушки с горизонтальными отверстиями (вероятно, сломанными в древности). Под венчиком расположен круговой орнамент, выполненный косым вдавлением зубчатого штампа. Наружная сторона грубо заглажена гребенкой.

Возле западной стенки у черепа костяка *б* лежал второй сосуд яйцевидной формы с округло-коническим дном, черного цвета (высота 13,5, диаметр по венчику 10 см). Наружная и внутренняя поверхности горшка аккуратно заглажены. Венчик и тулово орнаментированы оттиском шнура, образующим по тулову ряд треугольников вершинами вниз, основанием которых служит тройная круговая линия этого же шнура. В верхней части сосуда располагается горизонтальный ряд глубоких цилиндрических ямок (рис. 1, *2*).

В грудной клетке костяка *б* были найдены четыре бронзовых петельчатых подвески каплевидной формы (рис. 1, *8*). У локтевых суставов костяков *а* и *б* находилось скопление костяных молоточковидных булавок (некоторые частично разрушены при исследовании погребения из-за плохой сохранности кости), а также одна булавка с плоской головкой

[1] Раскопки Приморского отряда осуществлялись под руководством Е. И. Беспалого.

[2] Первая и вторая насыпи по структуре и цвету грунта не отличались, только в северной части кургана вторая насыпь отделена от первой наклонно лежащим гумусным выкидом.

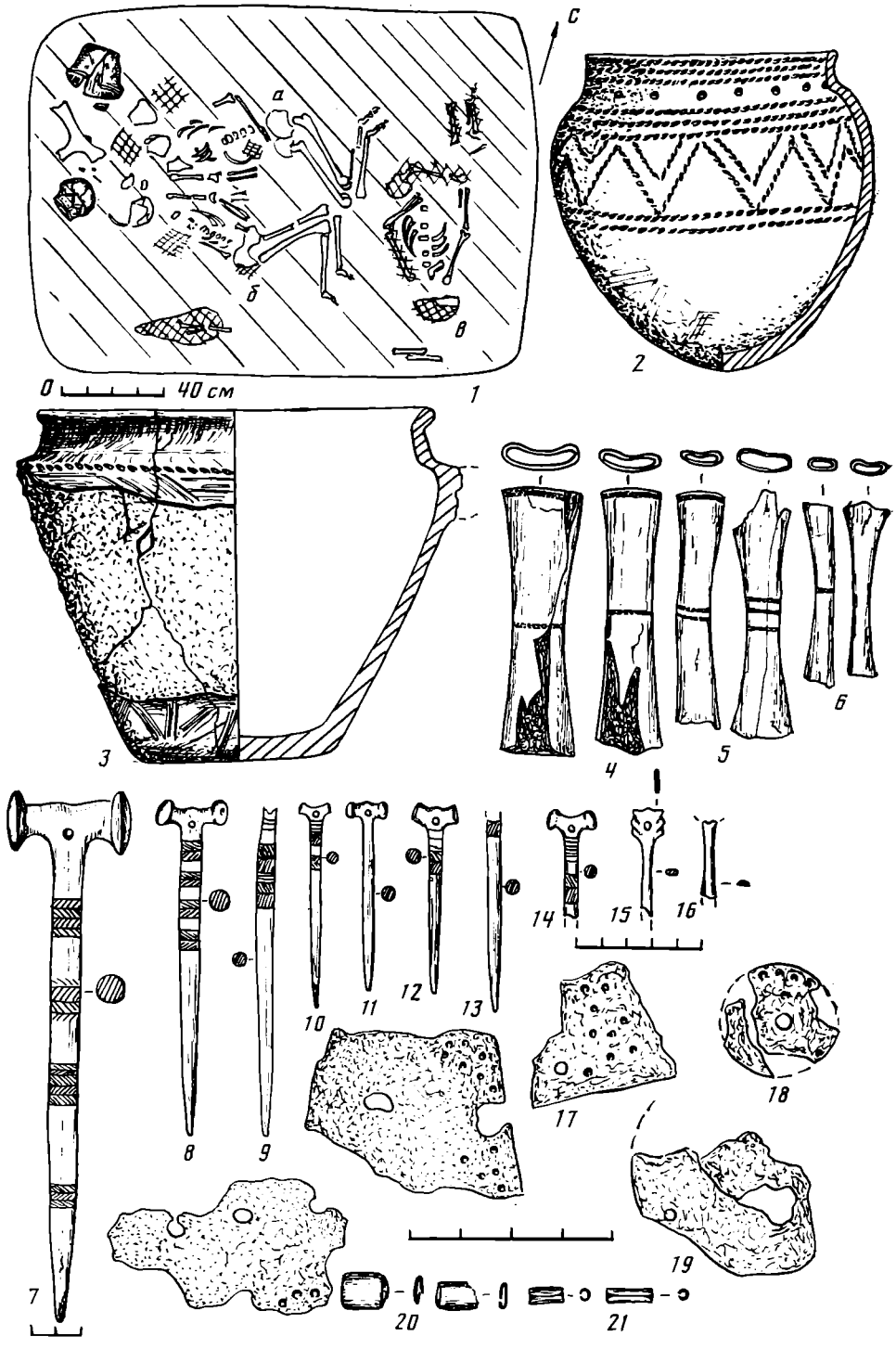


Рис. 1. Курган 3 близ г. Сальска, погр. 4. *1* — план; *2—21* — инвентарь

(аналогичная была обнаружена под левой рукой костяка *б*) (рис. 1, *7—10*, *13—16*).

На верхней части большой булавки (рис. 1, *17*) лежала бронзовая пластина плохой сохранности (4,5×6 см), украшенная пунсонным орнаментом; три бронзовых обоймочки (одна фрагментирована), две бронзовые трубочки (рис. 1, *20*, *21*). Две аналогичные бляхи-пластины меньших размеров (2,4; 4,5 см) сопровождали еще одну булавку (рис. 1, *18*, *19*).

Еще две миниатюрных булавки обнаружены на тазе костяка *б* (7,5; 7,8 см), причем одна без орнамента (рис. 1, *11*, *12*). Семь булавок из 10 орнаментированы горизонтальными линиями, заштрихованными косыми нарезками.

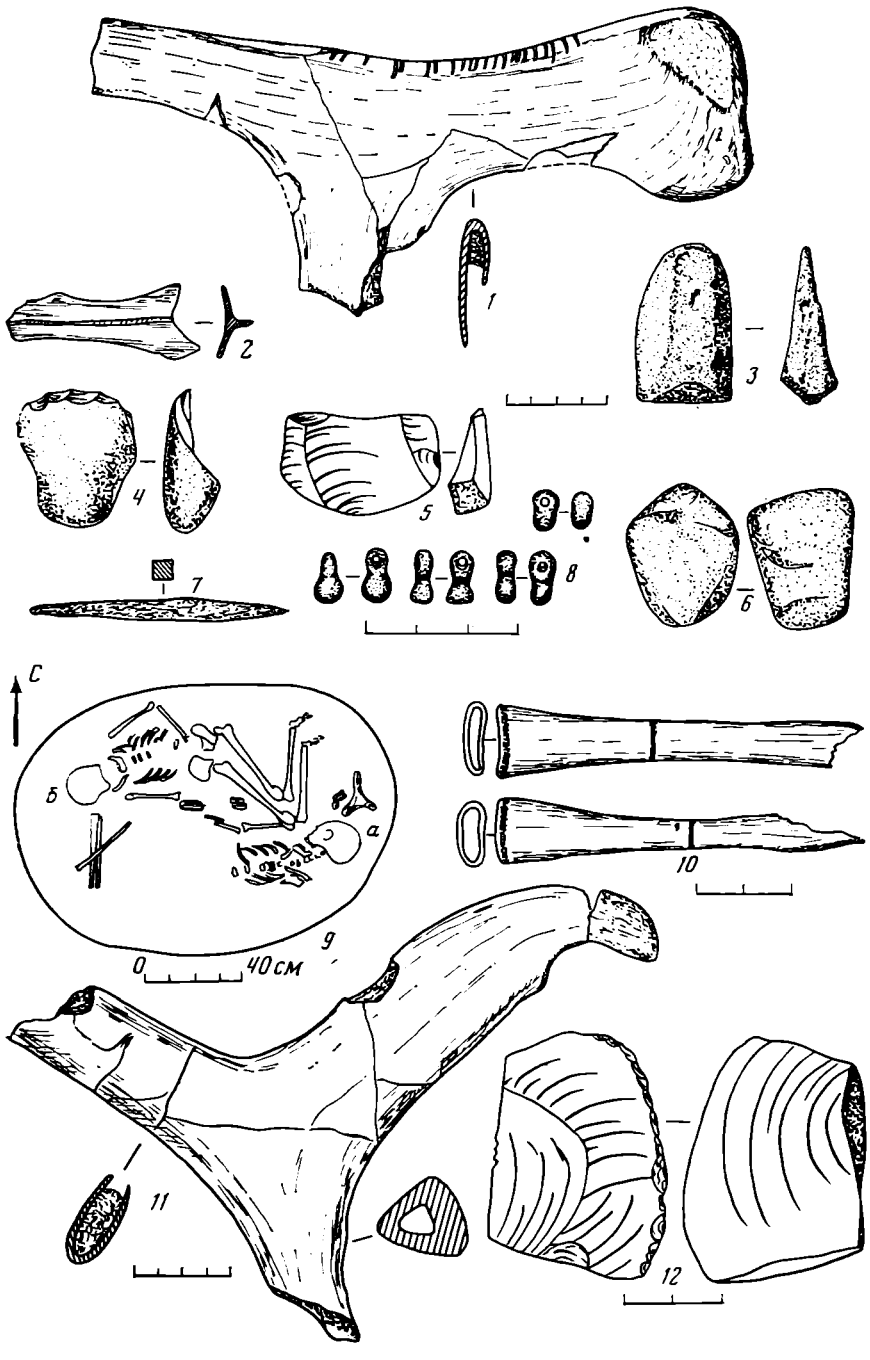


Рис. 2. *1—8* — курган 3 близ г. Сальска, погр. 4; *9—12* — курган 1 у ст. Хапры, погр. 6

У южной стенки под слоем охры лежали четыре обработанные птичьи кости, орнаментированные красными полосами (длина от 10,8 до 9,5 см; рис. 1, *4*). По характеру подбора, размерам и обработке (сломана нижняя часть и спилена верхняя) кости птиц аналогичны находкам из погребения у с. Скатовки в Поволжье, определенным И. В. Синицыным как «флейта пана» [1, с. 78, 79; 2, с. 162, 184].

Между сосудами лежало костяное орудие со следами обработки, изготовленное из таза крупного животного, одна из сторон которого орнаментирована нарезками (рис. 2, *1*). Рядом с ним были положены сферосидерит и кусок песчаника, четырехгранное бронзовое шило длиной 5,5 см и шириной в средней части 0,4 см, здесь же костяная трубочка (рис. 2, *3, 5—7*); под ним находилась лопатка животного со следами обработки, кремневый скребок, отщеп и костяная птичья трубочка (рис. 2, *2, 4—6*).

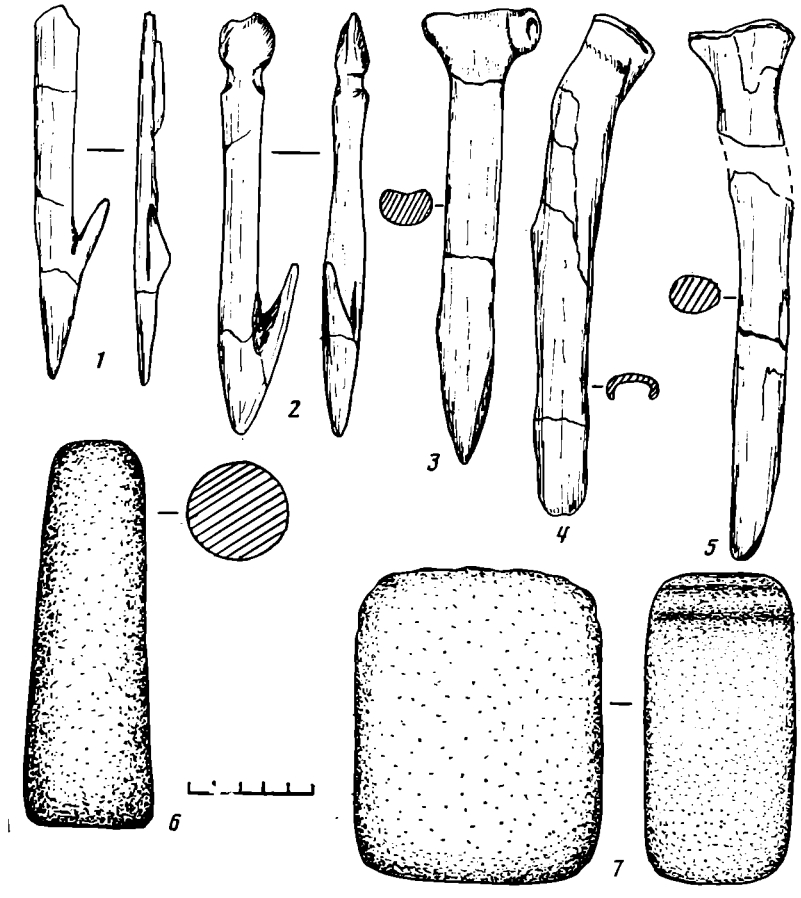


Рис. 3. Инвентарь из погр. 6 кург. 1 у ст. Хапры

Аналогичное костяное орудие происходит из раскопок у станции Хапры Ростовской обл., из кург. 1, парного погр. 6 (рис. 2, *9*, *11*) [3] [3, с. 115].

В названном погребении обнаружены два костяных гарпуна длиной 15,2 и 17 см; рядом лежал овальный в сечении, с уплощенной одной стороной пест из буро-коричневой гальки; две плитки светлого песчаника и коричневый бесформенный камень (рис. 3, *1*, *2*); здесь же находились два костяных «острия», выполненные из трубчатой кости крупного животного, со следами обработки (длина 18,8 и 22—25 см; рис. 3, *3*, *5*). Еще одно костяное острие со следами обработки обнаружено в юго-восточном углу ямы (длина 20 см; рис. *3*, *4*), севернее которого лежал кремневый скребок серого цвета (рис. 2, *12*).

Между грудной клеткой и плечевой костью правой руки костяка *а* находились две костяные трубочки длиной 7,3 см; северо-западнее расположен прямоугольный терочник из серо-зеленой гальки с неглубокими проточками на одной из узких плоскостей (13,3×10×6,2 см), а возле костей кисти правой руки — цилиндрический пест из буро-коричневой гальки (длина 16 см; рис. 2, *10*; рис. 3, *6*, *7*) [4].

Рассмотренный нами комплекс, происходящий из г. Сальска, по устройству могилы, основным чертам ритуала и погребальному инвентарю имеет много общего с аналогичными памятниками как смежных, так и территориально отдаленных районов древнеямной культурной области и является характерным для четвертой группы памятников донского варианта ямной культуры [4, с. 25], которая сосуществует с катакомбной культурой на Нижнем Дону [5, с. 31].

Находка 10 костяных булавок, по имеющимся данным, сделана впервые. Интересно отметить, что на одной из булавок (рис. 1, *9*) средняя

[3] Авторы выражают благодарность П. А. Ларенку за предоставление возможности публикации материалов из этого комплекса.

[4] Материалы хранятся в Азовском музее краеведения.

часть немного утолщается, что сближает ее с третьим типом костяных молоточковидных булавок с линзообразным стержнем из памятников Предкавказья [6, с. 15].

Весьма интересно сочетание в одном комплексе бронзовых блях и костяных булавок. Подобные сочетания нам известны из памятников в Калмыкии [7, с. 105; 115; 8; 9]. Бляхи с пунсонным орнаментом встречены в северокавказских комплексах с медальонами в ввиде кольца с ушком, узелковыми подвесками, посошковидными, молоточковидными и гвоздевидными булавками [10, 11]. Подобная бляха известна из погребения воина в Триалети [12, табл. CXV] и датируется Э. М. Гогадзе рубежом III—II тыс. до н. э. [13, с. 239—241].

Для выяснения датировки важное значение имеет керамика. Аналогии первому сосуду из погр. 4 кург. 3 у г. Сальска найти очень трудно, хотя близкие формы встречаются в северокавказских памятниках второго этапа [10, рис. 20, *26*, рис. 50, *82*] и в памятниках донецкого типа на Нижнем Дону. Это так называемые «фляги», датируемые С. Н. Братченко 2000—1700 гг. до н. э. [5, с. 41, 153]. Второй сосуд весьма характерен для данной группы памятников ямной культуры и имеет сходство с керамикой из других погребений ямного времени на всей территории ее распространения. Некоторая близость как по форме, так и по орнаменту обнаруживается с сосудами из курганов под г. Новочеркасском [14, с. 94 95, рис. 40, 41], у хут. Попова [15, с. 490, рис. 47, *1*].

Таким образом, учитывая стратиграфические данные, погребальный обряд, относительную хронологию погребального инвентаря, погребение у г. Сальска можно датировать, вероятно, началом II тыс. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Синицын И. В.* Работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции // КСИИМК. 1956. Вып. 63.
2. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953) // МИА. 1959. № 60.
3. *Ларенок П. А.* Охранные раскопки курганов на станции Хапры // АО — 1979. М., 1980.
4. *Мерперт Н. Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III — начало II тысячелетия до н. э.): Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1968.
5. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
6. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение костяных молоточковидных булавок // КСИА. 1975. Вып. 142.
7. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. // Тр. Калмыцкого республиканского краеведческого музея. 1963. Вып. 1.
8. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.) // Тр. Калмыцкого республиканского музея. 1966. Вып. 2.
9. *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча (раскопки 1965 г.). Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978.
10. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // МИА. 1960. № 93.
11. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наук. думка. 1979.
12. *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1941.
13. *Гогадзе Э. М.* К вопросу о генезисе и периодизации курганной культуры Триалети // Кавказско-ближневосточный сборник. Вып. III. Вопросы древней истории. Тбилиси: Мецниереба, 1970.
14. *Мелентьев А. Н.* Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г. // КСИА. 1966. Вып. 106.
15. *Столяр А. Д.* Раскопки курганов у х. Попова в 1950—1951 гг. // МИА. 1958. № 62.

A. A. Ozerov, E. I. Bespaly

AN EARLY BRONZE AGE BURIAL NEAR SALSK (ROSTOV REGION)

Summary

In 1982 archaeologists obtained interesting Bronze Age material from a site in the Gigant state farm. Burial 4 from mound 3 contained ten bone pins and a bone implement among other objects (Figs. 1 and 2). A similar implement was found at the Khapry railway station (Fig. 2, *11*). According to stratigraphy, the burial rite and the relative chronology of the grave goods the Salsk burial is dated to the early 2nd millennium B. C.

С. А. ЯЦЕНКО

К РЕКОНСТРУКЦИИ ЖЕНСКОЙ ПЛЕЧЕВОЙ ОДЕЖДЫ САРМАТИИ

Предлагаемая статья посвящена реконструкции силуэта и системы декора женской плечевой одежды сарматского времени в пределах I в. до н. э.— III в. н. э.[1] Античные авторы ничего не сообщают о женской одежде Сарматии. Изображения женщин в негреческих одеяниях крайне редки и, по-видимому, почти всегда представляют не простых смертных. Основными источниками информации являются погребальные комплексы, содержащие бисерно-бляшечные обшивки, и некоторые памятники изобразительного искусства.

Ни одного предмета женской плечевой одежды удовлетворительной сохранности до настоящего времени не обнаружено. Это не позволяет восстановить ее крой; возможна лишь реконструкция силуэта. Полностью это удалось проследить лишь в погребении I в. н. э. у слободы Сватова-Лучка [1, с. 137]. Во многих могильниках такие обычные элементы женского костюма, как бисерные и бляшечные обшивки и даже фибулы, зафиксированы у меньшинства погребенных, поэтому трудно судить, насколько были распространены среди населения реконструированные на их основе предметы плечевой одежды.

В середине 20-х годов П. С. Рыков выделил два типа женского сарматского платья, различавшихся, по его мнению, шириной и способом застегивания ворота [2, с. 20]. В работе 1936 г. Рыков упоминает лишь «длинные одежды женщин» и плащи [3, с. 95]. На материале отдельного сарматского могильника им дана детальная характеристика бисерно-бусинных обшивок рукавов, пояса, обуви, ожерелий, ножен мечей [2, с. 11—12]. В диссертации К. Ф. Смирнова (1946 г.) говорится о широких и свободных одеждах сарматок, отмечается близость ряда элементов мужского и женского костюма и дается перечень зон бисерно-бляшечной обшивки [4, с. 279—281]. По мнению М. А. Миллера, основная одежда женщин-сарматок состояла из длинной рубахи с прямым разрезом ворота, который скалывался фибулой. Рукава у запястья обшивались бисером [5, с. 32]. Весьма убедительна реконструкция костюмного комплекса в погр. 3 кург. Соколова Могила, предложенная Г. Т. Ковпаненко и А. К. Елкиной [6, с. 169—174]. Представляют большой интерес наблюдения Е. М. Алексеевой о порядке расположения бус разных цветов в низках из грунтового некрополя Танаиса [7, с. 11]. По мнению М. Г. Мошковой, в прохоровское время бусы нашивались в основном на рукава и низ штанов [8, с. 44]. Высказывалось предположение, что бисерные украшения костюма сарматов могли подчеркивать особый статус погребенных [9, с. 79].

В существующей литературе упоминаются лишь два вида женской плечевой одежды сарматов — платья («длинные рубахи») и плащи. Между тем этнография кочевых народов дает нам гораздо более богатый перечень: кофты, куртки, шубы, жилеты, рубахи и др. [см., например, 10, табл. 57, 60—62, 90, 93, 98; 11, табл. 26—44; 12].

---

[1] Считаю приятным долгом выразить глубокую признательность исследователям, предоставившим неопубликованный материал: Е. И. Беспалому, Н. А. Богдановой, Л. Н. Гречановой, И. И. Гущиной, А. М. Ждановскому, И. С. Каменецкому, А. М. Лескову, И. И. Лободе, В. В. Чалому, В. П. Шилову, а также за большую помощь — М. В. Горелику, Б. А. Раеву, К. Ф. Смирнову.

Рис. 1. Изображения женской плечевой одежды IV в. до н. э.— III в. н. э. *а* — стела из с. Поповка (по Е. А. Поповой); *б* — надгробие из с. Марьино (по П. Н. Шульцу); *в* — стела с городища «Чайка» (по Е. А. Поповой); *г* — Неаполь Скифский, склеп № 8 (по Т. Н. Высотской); *д* — нашивная бляшка из кургана Чертомлык; *е* — подвеска из Толстой Могилы (по Б. Н. Мозолевскому)

Отдельные элементы декора интерпретируются исследователями с большой осторожностью. Так, кольцевые низки бисера вокруг запястий обычно описываются как «браслеты или обшивки края рукавов», аналогичные низки вокруг щиколоток — как «браслеты или обшивки шаровар или обуви». Реконструкции отдельных видов одежды, за исключением упомянутых работ К. Ф. Смирнова и Г. Т. Ковпаненко, в литературе не аргументируются.

Остановимся на сравнительной характеристике плечевой женской одежды скифов, синдов и меотов. Скифские материалы описывались в работах М. И. Ростовцева [13, с. 72] и П. К. Степанова [14, с. 25—27], рассмотревших изображения V—III вв. до н. э.

Нижняя плечевая одежда у сарматов выявлена лишь на одном мужском изображении II—I вв. до н. э. [15, с. 102, рис. 3, *1*]. Известна она и у синдов. Это выглядывающая из-под платья нательная рубаха с узким горизонтальным воротом [16, табл. 26(3); 17, с. 197, рис. 14].

Наиболее распространенным типом плечевой одежды в Скифии являлось платье. Оно всегда подпоясано, длина его одинакова — до пят, ворот горизонтальный и, как правило, широкий, рукава доходят до запястий и сужаются книзу. Края платья украшены крайне редко. На ритоне из Мерджан [18, табл. 331] кайма обшивки в виде точечных наколов проходит вдоль края рукавов и подола.

Не ранее рубежа н. э. появляются изображения более коротких платьев, подол которых доходит до колен или середины голени (рис. 1, *а—г*). Изображения платьев этого типа выявлены в Крыму и на поселениях в округе Ольвии. Время их бытования— I в. до н. э.— первая половина III в. н. э. Хотя все они расширяются книзу от уровня груди или бедер, пояс специально не выявлен. Часть персонажей в описанных платьях, возможно, представляет скифские божества [19, с. 229; 20, с. 82—83, рис. 76], но на некоторых надгробиях, как, например, на надгробии из с. Марьино, могли изображаться реально жившие женщины [21, с. 6].

Плащ изображен на меотском изваянии IV—III вв. до н. э. из ст. Преградной [22, с. 198, 200]. Широкая распашная одежда с очень длинными рукавами, по-видимому, без воротника, представлена на бляш-

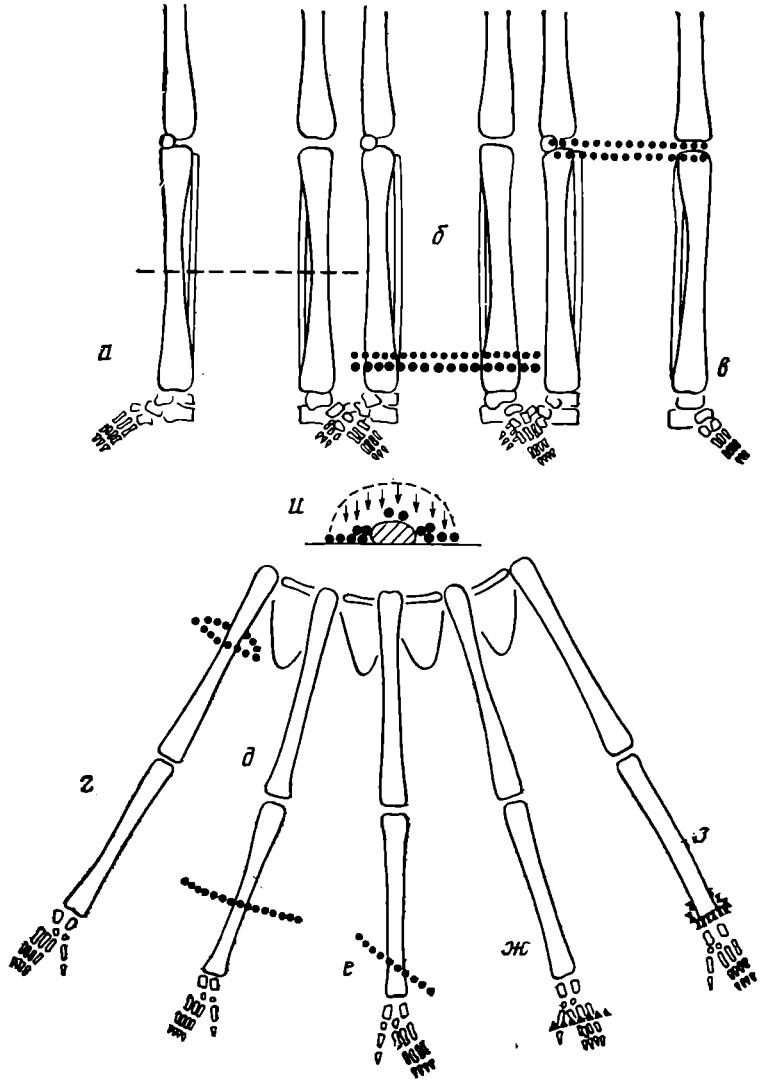


Рис. 2. Схемы обшивок подола и рукавов. *а* — Заветное, мог. 232; *б* — Заветное, мог. 216; *в* — Бельбек IV, погр. 96; *г* — Сватова-Лучка, кург. 3; *д* — Золотая Балка, мог. 94, костяк 1; *е* — II Бережновский могильник, кург. 57, погр. 1; *ж* — Еруслан, 2-я группа, кург. 1; *з* — Заветное, мог. 65; *и* — схема распада обшивки рукава

ках из курганов Чертомлык, Солоха, Мордвиновский (рис. 1, *д*) [23, с. 174, рис. 9]. Она носилась внакидку и, видимо, представляла собой род шубы, украшенной по бокам опушкой [14, с. 28].

По мнению Б. Н. Гракова, на богине с одного из наверший из Александропольского кургана изображена юбка [24, с. 28]. Считать ее одетой в кафтан [14, с. 26] не позволяют изображения обнаженных грудей [24, табл. XII, *а*]. Одежда богини на подвесках из Толстой Могилы первоначально была определена Б. Н. Мозолевским как распашная кофта [25, с. 307]. Позже С. С. Бессонова интерпретировала ее как юбку в сочетании с двумя перекрещивающимися на голом теле лентами [26, с. 23]. Однако у персонажа, изображенного на подвесках, прекрасно видна короткая, до середины грудной клетки, кофта с длинными рукавами. Ее борта, ворот и подол украшены полосами отделки (рис. 1, *е*).

У саков зафиксирована облегающая кофта-безрукавка в сочетании с юбкой до пят [27, с. 582]. Рассмотрим материалы погребальных комплексов.

Длина подола. Выявление достоверных обшивок края подола затрудняется частичным смещением украшений после распада скреплявшей их органической основы и недостаточно подробными характеристиками на-

ходок в полевой документации. Специально длина подола, обшитого по краю тонкой золотой «пластинкой», замерялась Е. П. Трифильевым. Она составляла 20 см ниже колен [1, с. 137].

К достоверным обшивкам подола можно относить лишь находки единого, сплошного ряда украшений, пересекающего обе берцовые кости. Все они относятся к костякам взрослых[2]. В степной зоне Восточной Европы известно 11 таких комплексов, датируемых I в. до н. э.— III в. н. э. (табл. 1).

В большинстве погребений обшивка края подола достигает середины берцовых костей (рис. 2, *а*), в двух случаях линия подола проходит ниже (рис. 2, *б*). Известен и более короткий подол — до колен (рис. 2, *в*). Платья такой же длины изображены на «женщинах, исполняющих ритуальный танец», из склепа № 8 Неаполя Скифского. Они заканчиваются каймой длинной бахромы [28, с. 173, рис. 83]. Обычно подол обшивался в один ряд, лишь в погребениях из могильников Юго-Западного Крыма известна обшивка в два и три ряда [29, с. 2, 6; 30, с. 6; 31. с. 17, рис. 77]. Судя по этнографическим данным, кайма обшивки вряд ли отстояла от края подола более чем на 2—3 см.

Важно отметить, что хронологические рамки погребений с обшивкой подола от середины голеней и выше совпадают со временем бытования изображений таких платьев. В основном совпадают и ареалы известных находок.

Ширина подола. Численно преобладают обшивки, незначительно выходящие за пределы берцовых костей и равные, видимо, половине окружности подола. Особенно четко видна граница подола в погр. 232 в Заветном, где его ширина составляет 30 см [32, табл. 39]. В погребении 244 того же могильника линия подола выходит наружу только с правой стороны и слегка загибается под костями в обратном направлении [33, табл. 36, *1*]. Не выходит за пределы берцовых костей линия обшивки в двух комплексах: в погребениях 52 в Золотой Балке и 96 в могильнике Бельбек IV [29, с. 6; 34, табл. 25, *1*, с. 55—56]. Выявленные обшивки свидетельствуют о том, что подол был довольно узким. Это противоречит общепринятой точке зрения о широких одеждах [4, с. 280], основанной на высказывании Тацита, характеризующем одежду сарматов как свободную и развевающуюся (Germ., 17).

Во всех случаях подол, видимо, обшивался полукольцом спереди. Как правило, низка была многоцветной, состояла из бус и бисера 2—8 видов (табл. 1). В тех погребениях, где подол обшивался золотыми бляшками, пластинами и пронизками, они представлены одним типом [1, с. 138; 32, с. 27, табл. 39; 33, с. 3, табл. 36, *1*].

Боковые разрезы подола. В погребении III в. н. э. кург. 10 могильника Высочино I хорошо сохранилась in situ сплошная обшивка очень низкого подола и двух разрезов по бокам платья, доходящих до бедер [35, с. 26, рис. 77] (рис. 3, *г*). В Соколовой Могиле короткие разрезы верхнего одеяния обшивались орнаментальным поясом из разнотипных бляшек, при этом левый разрез украшался гораздо богаче [6, с. 169, 172, 173]. Разрез слева от тазовых костей до края низкого подола в погр. 8 кург. 55 Калиновского могильника, видимо, обшивали более 2000 бисерин глубокого и белого цвета [36, с. 403]. Разрезы такого типа известны не только у сармато-аланок. В погребении 10 Беглицкого некрополя, так же как и в Калиновке, разрез проходил только с левой стороны [37, с. 23, табл. 8].

Рукава. Следует исключить все случаи, когда обшивку их края нельзя уверенно отличить от бусинных браслетов. Достоверными являются лишь обшивки в линию четким полукольцом, а также в несколько плотно расположенных рядов бисером, все обшивки из бляшек и кольцевые, которые шире запястья.

---

[2] Антропологическое определение проведено в четырех случаях, костяки оказались женскими.

Могильник	Курган	Погребение	Костяк	Пол	Возраст	Длина подола	Ширина подола	Количество				Дата
								рядов обшивки	типов бисера и бус	типов		
										бляшек	пронизок	
Сватова-Лучка	3	1		?	Взросл.	На 20 см ниже колен	?	1		1		I в. н. э.
Высочино I	10	1		Жен.	Пожил.	Ниже середины берцовых костей	Выходит снаружи костей с обеих сторон	1?	8			III в. н. э.
Золотая Балка		52	2	Жен.	30–35 лет	До середины берцовых костей	То же	1	Несколько			I в. н. э.
Бельбек III		12		?	Взросл.	То же	»	3	2			2-я пол. II – нач. III в. н. э.
Бельбек IV		79		?	»	»	»	2	1			I–II вв. н. э.
Там же		96		?	»	До уровня колен	Между берцовыми костями	2	?			То же
Усть-Альминский		92	34	?	»	Ниже середины берцовых костей	Выходит снаружи	Несколько	1			Рубеж н. э.
Заветное		216		Жен.	»	То же		2	Несколько			II в. н. э.
Там же		232		Жен.	»	До середины	30 см (выходит снаружи)	1			1	I – нач. II в. н. э.
Там же		242		?	»	»	Выходит снаружи	1	2			II–III вв. н. э.
Там же		244		?	»	»	»	1			1	То же

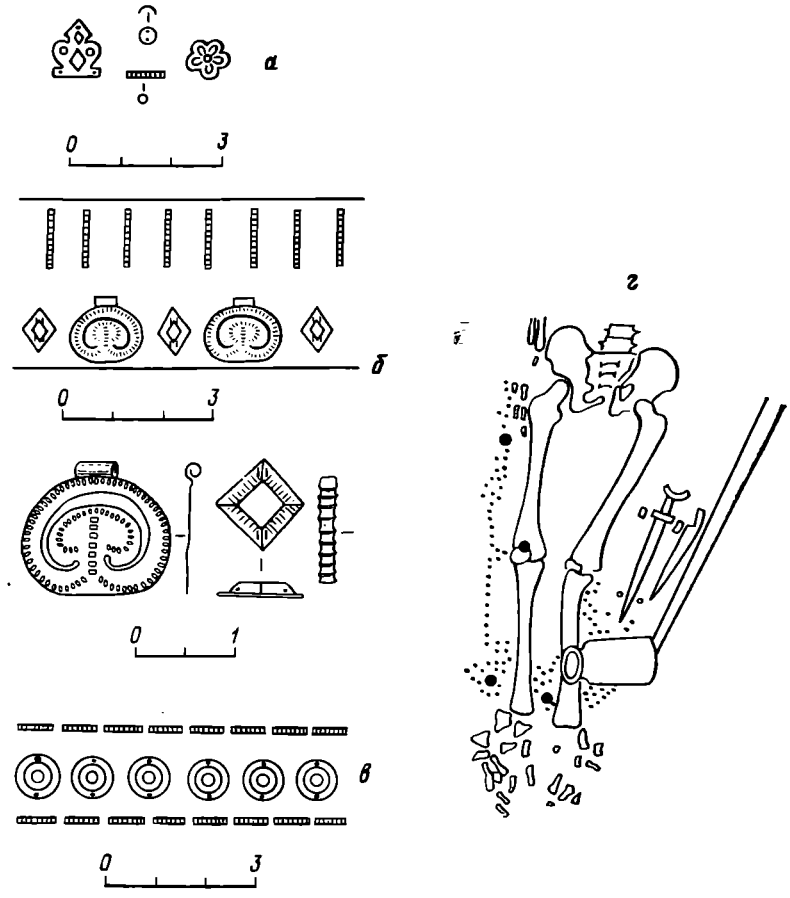


Рис. 3. Элементы костюмного декора. *а* – набор украшений ворота (II Бережновский могильник, кург. 57); *б* – схема обшивки ворота (Танаис, погр. 295); *в* – схема обшивки поперек позвоночника (Заветное, мог. 8); *г* – обшивка разрезов платья (Высочино I, кург. 10)

Длина рукавов. В большинстве случаев они доходили до запястья, хотя известны и другие варианты. Так, самые короткие рукава выявлены в Сватовой-Лучке: судя по тлену, они опускались всего на 10 см ниже плеч, край их был обшит рядом однотипных бляшек [1, с. 137, 138]. Короткими были рукава одежды из погр. 1 могилы 94 в Золотой Балке: обшивка полукольцом проходила с наружней стороны по середине лучевых костей [34, с. 86, рис. 39, *3*]. Кольцевая обшивка той же длины известна в кург. 10 могильника Тузлукп [38]. Рукава одежды из погр. 1 кург. 57 II Бережновского могильника почти достигают запястий, при этом их край идет под углом к линии руки [39, с. 57, рис. 20, *2*]. Известны два случая, когда рукава были гораздо длиннее и частично закрывали пальцы рук [40, с. 113; 41, с. 10, фото 28].

Ширина рукавов сильно колеблется[3]. Ширина обшитого бляшками рукава в погр. 65 в Заветном составляла около 6 см, т. е. он очень плотно охватывал кисть [42, с. 18, рис. 10]. Близки по ширине рукава одежды из погр. 20 кург. 3 у хут. Алитуб («Крестовый») [43, с. 62, фото 8, *б*]. Наиболее удобной была ширина рукава около 10 см [6; 39, с. 19, рис. 10; 40, с. 113]. В среднесарматское время известны одеяния и с более широкими рукавами – 13–17 см и более [34, с. 87, рис. 39, *3*; 44, рис. 47; 45, с. 20 рис. 36].

В ряде случаев удается проследить обшивки разрезов рукавов с тыльной стороны. В Соколовой Могиле и в одном из погребений могильника Бельбек I они украшались бусами [6, с. 169; 46, с. 36].

[3] Следует иметь в виду, что низка украшений, обшивавших рукав обычно полукольцом снаружи, при разрушении нитей становится равной по размеру его прежнему диаметру (рис. 2, *и*).

Плотность нашивки украшений на рукав была очень различной. Известны случаи, когда бляшки нашивались практически без промежутков, создавая иллюзию сплошной металлической полосы. В погр. В-10 у с. Кано в Поволжье бронзовые треугольные бляшки располагались по 38 штук на каждом рукаве, налегая друг на друга краями [4, с. 42, 46]. Обычно бляшки крепились много реже. Так, например, в могиле 232 в Заветном на каждом рукаве располагались полукольцом всего по четыре бляшки в виде кружочков, соединенных перемычкой [32, с. 27]. Часто встречаются случаи обшивки рукава 4—6 бляшками [47, с. 28, 38; 48, с. 103; 49]. Иногда в жреческих погребениях среднесарматского времени количество бляшек на рукаве доходит до 200—210 штук [6; 41, с. 10].

В ряде погребений средне- и позднесарматского времени прослеживается следующая закономерность: количество украшений и их ценность на одном рукаве, обычно левом, гораздо выше, чем на другом [6, с. 169; 29, с. 4; 48, с. 102; 50, с. 20]. Возможно, это связано с большей функциональной нагрузкой правой руки.

Известна обшивка нижней части рукавов в несколько рядов. Многоярусные обшивки обычно состоят из бус [29, с. 5; 44, с. 66; 48, с. 102; 49, с. 20; 51, с. 145; 52, с. 35]. В Соколовой Могиле и в кургане у хут. Песчаный рукава обшивались золотыми бляшками [6, с. 169; 41, с. 10]. Интересно сочетание ряда металлических бляшек с бусинными низками [4, с. 69; 43, с. 62], где последние могли, судя по размерам, относиться и к браслетам.

Хотя орнаментальная зона по краю рукавов бывает довольно широкой, до 8—10 см, как в погр. у хут. Песчаный [41, фото 28], наличие обшлагов доказать пока невозможно; не исключено, что многоярусные обшивки делались просто на отворотах рукавов.

Рукава обшивались как сплошным кольцом, так и полукольцом с наружной стороны, и пока трудно выяснить, какой способ преобладал.

Ворот платья. К нему довольно уверенно можно отнести кольцевые обшивки длиной около 50—60 см из бисера и обшивки из бляшек, которые не могли принадлежать ожерелью. В случаях, когда ворот обшивался бляшками, его кольцо фиксируется в отчетах схематично, неясен его диаметр и расстояние между бляшками. Судя по имеющимся чертежам, ворот обычно был довольно узким. Например, в кург. 57 II Бережновского могильника кольцо горизонтального ворота было настолько узким, что в него голова должна была проходить с трудом [39, рис. 20, *2*].

Форма ворота. Уже говорилось, что в большинстве случаев он горизонтальный и довольно узкий. По данным М. И. Вязьмитиной, бусинная обшивка ворота одежды из могилы 94 в Золотой Балке имела вид прямоугольной оторочки; ширина ее составляла около 20 см [34, с. 86, рис. 39, *3*]. В кургане 1 у р. Еруслан разрез ворота одежды, обшитый треугольными серебряными бляшками, проходил по левой стороне груди до низа грудной клетки; он скалывался серебряной фибулой. Бляшки были нашиты на сохранившуюся по краю ворота кожу [40, с. 113].

Ворот одежды из Бережновского могильника был обшит в несколько рядов голубым бисером, темно-синими бусами, 25 золотыми бляшками трех типов и 9 золотыми пронизками [39, рис. 20, *2*]. Большой интерес представляет уникальный по сохранности комплекс погр. 295 в Танаисе, относящийся уже к гуннскому времени. В этот период большинство населения города, видимо, составляли сармато-аланы, сохранившие основные элементы более раннего погребального обряда [53, с. 87]. Удалось проследить два ряда золотых украшений ворота, диаметр которого, по наблюдениям Л. Н. Гречановой, составлял около 30 см [54, с. 24] (рис. 3, *б*). Идентичный набор бляшек у шеи выявлен в одном из аланских погребений в Западной Европе (55, с. 189, рис. 69]. Важно отметить, что, когда ворот обшивался у шеи, фибулы и другие застежки на груди отсутствовали. Нет и обшивок вертикального разреза. Это может свидетельствовать о том, что такой ворот был глухим.

Интересно расположение золотых бляшек на шее костяка в погр. у хут. Алитуб. Большинство из 26 бляшек располагалось дугой вокруг

затылка и украшало ворот с широким разрезом или нижний край головного убора [43, фото 8, *б*].

Вертикальная линия обшивки одежды вдоль позвоночника. В сарматское время фиксируется редко. Обычно она прослеживается от верхней части грудной клетки почти до тазовых костей. В Соколовой Могиле она была частично нарушена упавшим перекрытием и, по-видимому, состояла из чередующихся золотых бляшек трех типов [6, с. 171, рис. 2]; такая обшивка отмечена в двух погребениях Мавзолея Неаполя Скифского [52, с. 39, табл. XXVII, XXIX]. Известна она и в скифских погребениях V—IV вв. до н. э. [25, с. 204. рис. 135; 50, рис. 54] [4].

Описанные обшивки украшали реальный разрез нераспашной одежды или, что вполне вероятно, имитировали его.

Линии обшивки одежды поперек позвоночника в центре грудной клетки. Один из наиболее ранних примеров — это погребение VI—V вв. до н. э. в кург. 3 могильника Бес-Оба. В верхней части груди погребенной располагалось 95 полусферических бляшек из электра. Точно определить систему нашивки не удалось [57, с. 67]. В погребении прохоровской культуры в кург. XIII в Старых Киишках бусы с внутренней позолотой образовывали на груди серповидный узор [58, с. 134]. С рубежа нашей эры в ряде погребений хорошо документирован один ряд обшивки [1, с. 138; 32, рис. 39, 40, *1*; 59, с. 5, табл. VIII, *1*; 60, с. 8]. Так, в могиле 232 в Заветном прямоугольнике ажурные золотые бляшки образовывали строгую линию с промежутками в 2 см [32, рис. 39, 40, *1*]. В погребении 176 могильника Бельбек IV ряд состоял из бус трех пород камня [60, с. 8], в остальных случаях использовались бляшки. Два ряда украшений поперек груди зафиксированы лишь в могиле 230 в Заветном [32, с. 24]. Наиболее эффектны были трехрядные обшивки, известные в I — начале II в. н. э. В могиле 8 в Заветном средний ряд образовали умбоновидные бляшки, по краям — два ряда пронизок; всего — 145 золотых украшений [42, с. 5, рис. 9] (рис. 3, *в*). В Соколовой Могиле два ряда таких же пронизок окаймляли ряд крестовидных бляшек с разноцветной эмалью, имеющих аналогии в Сватовой-Лучке [6, с. 171, 172, рис. 2, 3].

Не исключено, что в ряде случаев обшивки поперек груди в одну — три линии украшали кольцом поясок, стягивающий платье под грудью, как на многих скифских изображениях [14, с. 26—31].

Лишь у сарматов встречены украшения плечевой одежды женщин-воительниц. Известно свидетельство Геродота о том, что савроматки, ездившие, как и мужчины, на охоту и в военные походы, носили одинаковую с мужчинами одежду [61, с. 147]. По данным Геродота, скифы поняли, что амазонки — женщины, лишь после того, как рассмотрели их трупы [61, с. 143]. Правительница саков Заринея была опознана как женщина только тогда, когда ее удалось сбить с лошади [62, с. 77]. Флавий Вописк Сиракузский сообщает, что в конце III в. н. э. против римлян на стороне готов сражались женщины, одетые в мужскую одежду. А. М. Хазанов, по-видимому, справедливо считал их сарматками [63, с. 85]. Женщины, участвовавшие в битве в мужской одежде, упоминаются в одном из текстов осетинских нартовских сказаний [64, с. 46]. По мнению В. И. Абаева, общие для мужского и женского костюма осетинские названия бешмета и шубы имеют скифо-сарматское происхождение [65, с. 53].

В большинстве погребений воительниц никаких следов украшений костюма не обнаружено. В кургане «Крестовый» выявлены золотые бляшки, которыми были обшиты ворот и рукава [43, с. 62]. В погребениях воительниц известны и описанные выше боковые разрезы подола, обшитые бусами. К ним можно уверенно отнести комплекс III в. н. э. в кург. 10 могильника Высочино I, где рядом с покойной найдены меч

[4] В кургане 5 у аула Уляп скопление украшений при одном из детских костяков, по мнению авторов раскопок, не является деталью одежды, хотя на приложенной к отчету фотографии отчетливо видны вертикальные линии обшивки, расположенные ниже височных колец и ожерелья [56, рис. 54].

и кинжал [35, с. 26, рис. 77]. Такие разрезы были удобны для верховой езды. Этим же целям служили и одежды с разрезами из Калиновки и Соколовой Могилы. Исследованные материалы свидетельствуют о том, что костюм воительниц-сарматок отнюдь не был единообразным у всех племенных групп и в течение всего рассматриваемого времени.

Большинство описанных нами деталей костюма скорее всего принадлежало к нераспашной одежде типа платья. Его силуэт и система отделки обладают общими чертами на всей территории восточно-европейских степей. Чаще всего оно имело узкий подол, не доходивший до пят примерно на 30 см, рукава до запястий диаметром около 10 см и подпоясывалось на талии или под грудью.

Несомненно, существовали и другие типы плечевой одежды. Так, весьма убедительной представляется реконструкция верхней широкой распашной одежды в Соколовой Могиле, которая, вероятно, скалывалась на груди серебряной пряжкой; она имела рукава шириной около 19 см, обшитые бляшками трех типов, и очень низкий подол с двумя богато декорированными разрезами по бокам [6, с. 169, 172, 173]. По облику она близка к одеянию скифской богини на бляшках из курганов Мордвиновского, Чертомлыка, Куль-Обы.

Если фибулы использовались для крепления предметов одежды еще в возрасте до одного года [66, с. 28; 67, с. 265, 266], то достоверные бисерно-бляшечные обшивки пока известны начиная с подросткового возраста.

Никаких признаков того, что бисерно-бляшечные обшивки отражают особый статус погребенных, обнаружить не удалось: одни и те же элементы обшивок зафиксированы и в богатых и в очень бедных инвентарем погребениях. Их редкость объясняется, по-видимому, тем, что у большинства женщин украшения плечевой одежды делались из органических материалов (вышивка, аппликация, тиснение по коже), которые не сохранились. Отсюда вытекает и другой важный вывод: сословные и имущественные различия заключались не в форме предметов одежды, системе декора, а в материале украшений и, возможно, в цветовой гамме.

На огромной территории Сарматии на протяжении всего рассматриваемого периода не удается выявить двух предметов плечевой одежды, декорированных абсолютно одинаково. Это объясняется как индивидуальными вкусами той или иной мастерицы, так и, до известной степени, случайным составом украшений, имевшихся в момент пошива одежды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Трифильев Е. П.* Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губернии летом 1901 г. // Тр. XII АС. М., 1905.
2. *Рыков П. С.* Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925.
3. *Рыков П. С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим данным. Саратов, 1936.
4. *Смирнов К. Ф.* Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья I в. до н. э.– IV в. н. э.– Канд. дис.: МГУ, 1946. Гос. библиотека им. В. И. Ленина, ДК 46/1225, ф. 8-75/1120.
5. *Миллер М. А.* Остатки сарматского поселения у ст. Нижне-Гниловской // Памятники древности на Дону. Вып. 1. Ростов н/Д, 1940.
6. *Ковпаненко Г. Т.* Сарматское погребение в Соколовой Могиле (предварительная публикация) // Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
7. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. Вып. 1. // САИ. 1975. Вып. Г1-12.
8. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д1-10.
9. *Балонов Ф. Р.* Колесный транспорт сарматской эпохи // Археология Южной Сибири. 1980. Вып. II.
10. *Ядамсурэн У.* Народный костюм МНР. Улан-Батор, 1967.
11. Казахская национальная одежда. Алма-Ата: Жалын, 1976.
12. *Goldman B.* Origin of the Persian Robe // Iranica antiqua, 1964. V. IV, № 2.
13. *Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг.: Огни, 1918.
14. *Степанов П. К.* История русской одежды. Вып. 1. Пг., 1915.
15. *Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX Астраханской области // КСИА. 1981. Вып. 168.

16. *Иванова А. П.* Скульптура и живопись Боспора. Киев: Изд-во АН УССР, 1961.
17. *Сокольский Н. И.* Вопросы синдской скульптуры // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
18. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага – Ленинград: Артия – Сов. художник, 1966.
19. *Попова Е. А.* Рельеф с городища «Чайка» // СА. 1974. № 4.
20. *Гайдукевич В. Ф.* Илурат // МИА. 1958. № 85.
21. *Шульц П. Н.* Надгробный рельеф из с. Марьино // Сообщения Херсонесского музея. 1963. Вып. 3.
22. *Шульц П. Н., Навротский Н. И.* Прикубанские изваяния скифского времени //СА. 1973. № 4.
23. *Онайко Н. А.* Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
24. *Граков Б. Н.* Скифы. Научно-популярный очерк. М.: Изд-во МГУ, 1971.
25. *Мозолевский Б. Н.* Товста Могила. Киев: Наук. думка, 1979.
26. *Бессонова С. С.* «Серьги» с изображением Владычицы зверей из скифских погребений IV в. до н. э. // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев: Наук. думка, 1982.
27. *Винник Д. Ф., Лескиченко Н. С., Санаров А. В.* Новый жертвенный комплекс Иссык-Куля // АО – 1976. М., 1977.
28. *Высотская Т. Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979.
29. *Гущина И. И.* Отчет о работе Крымской экспедиции ГИМ в 1972 г. // Архив ИА АН УССР, 1972/63, № 6178–6180.
30. *Гущина И. И.* Отчет о работе Крымской экспедиции ГИМ, о раскопках могильника Бельбек III, расположенного у отделения совхоза Софьи Перовской – «Заря свободы», в 1967 г. // Архив ИА АН УССР, 1967/44. № 4788–4790.
31. *Лобода И. И., Высотская Т. Н.* Отчет Альминского отряда за 1974 г. // Архив ИА АН УССР, 1974/333, № 6879–6881.
32. *Богданова Н. А.* Отчет об археологических исследованиях 1962 г. могильника первых веков н. э., расположенного у с. Заветное Крымской области // Архив ИА АН УССР, 1962/45, № 3974–3976.
33. *Богданова Н. А.* Отчет об археологических раскопках могильника у с. Заветное в 1963 г. и охранных раскопках могильника IV в. н. э. у пос. Озерный, Бахчисарайского района Крымской области // Архив ИА АН УССР, 1963/48, № 4247.
34. *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев: Наук. думка, 1972.
35. *Лукьяшко С. И.* Отчет о работе Приморского отряда Азово-Донецкой экспедиции 1976 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 6108.
36. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60.
37. *Каменецкий И. С.* Отчет о работах археологической экспедиции Таганрогского музея в 1958 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 2494.
38. *Беспалый Е. И.* Отчет о работе Манычского отряда Азово-Донецкой экспедиции в 1980 г. Архив АКМ.
39. *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА. 1960. № 78.
40. *Рыков П. С.* Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (предварительный отчет) // Известия краеведческого Института изучения Нижневолжской области при СГУ. Т. I. Саратов, 1926.
41. *Ждановский А. М.* Исследования кургана и поселения «Батарея» в Тбилисском районе Краснодарского края в 1979 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 7909.
42. *Богданова Н. А.* Отчет о работах археологической экспедиции Бахчисарайского историко-археологического музея на могильнике I–III вв. н. э. в районе с. Заветное Бахчисарайского района // Архив ИА АН УССР. 1955/25. № 2432.
43. *Шилов В. П.* Отчет о работах Южно-Донской экспедиции в 1962 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 2727.
44. *Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки курганов в урочище Кривая Лука в 1973 г. // Древности Астраханского края. М.: Наука, 1977.
45. *Богданова Н. А.* Отчет об археологических исследованиях могильника I–III вв. н. э. в районе с. Заветное Бахчисарайского района // Архив ИА АН УССР, 1956/13, з, № 2694.
46. *Печенкин Н.* Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. 1905. Вып. 38.
47. *Каменецкий И. С.* Отчет Нижне-Донской археологической экспедиции за 1972 г. // Архив музея-заповедника «Танаис».
48. *Корпусова В. А.* Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). Киев: Наук. думка, 1983.
49. *Державин В. Л.* Отчет о работе Александровского отряда Ставропольской экспедиции в зоне строительства третьей очереди Ставропольского оросительного канала, Александровского р-на Ставропольского края. 1980 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 8713 *б*.
50. *Чалый В. В.* Отчет о раскопках курганного некрополя Танаиса в 1975 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 5751.
51. *Артеменко И. И., Левченко Б. М.* Сарматское погребение у с. Баштечки Черкасской области // СА. 1983. № 2.
52. *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя Скифского. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

53. *Шелов Д. Б.* Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
54. *Гречанова Л. Н.* Отчет о спасательных работах Танаисской новостроечной археологической экспедиции в 1981 г. // Архив музея-заповедника «Танаис».
55. *Sulimirsky T.* The Sarmatians. L., 1970.
56. *Лесков А. М.* Отчет о раскопках курганов в районе аула Уляп Красногвардейского р-на, грунтового могильника «Фарс» близ ст. Новосвободной Майкопского р-на Краснодарского края. 1982 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 8672.
57. *Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К.* Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // КСИА. 1978. Вып. 154.
58. *Садыкова М. Х.* Сарматы на территории Башкирии. Канд. дис.: ИА АН СССР, 1965 // Архив ИА АН СССР, р-2, № 2007.
59. *Богданова Н. А.* Отчет об археологических исследованиях 1958 г. могильника первых веков н. э. в районе с. Заветное Архив ИА АН УССР, 1958/13 и, № 3252.
60. *Гущина И. И.* Отчет о работе Крымского отряда археологической экспедиции ГИМ в 1975 г. // Архив ИА АН УССР, 1975/17, № 7810–7812.
61. *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М.: Наука, 1982.
62. *Пьянков И. В.* Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе: Дониш, 1975.
63. *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.
64. *Кузнецов В. А.* Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980.
65. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1949
66. *Шелов Д. Б.* Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.) // МИА. 1961. № 98.
67. *Кропоткин В. В.* Золотая подвеска из Рыжевки // СА. 1972. № 1.

S. A. Yatsenko

RECONSTRUCTION OF SARMATIAN WOMENSWEAR

Summary

Sewn-on bead and plate ornaments are sometimes found in situ in burials dated between the 1st century B. C. and the 3rd century A. D. Such finds make it possible to reconstruct the women shoulder dress and its decorative patterns worn by the Sarmato-Alans and late Scythians. The identified types of dress and decoration patterns can be traced to different social status. Women warriors among the Sarmatians wore shoulder dress of various kinds, that fact most probably explained by tribal distinctions. In some cases women dress looked much like that of men. Common women dress decorated with sewn-on plates were also found. In all probability, common womenswear was decorated with perishable organic material. Status distinctions were made evident in the materials used for decorations and, possibly, in their colour. There are no noticeable age distinctions.

В. Н. ПИЛИШКО

ТИПОЛОГИЯ ПОСЕЛЕНИЙ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ В ДОЛИНЕ СРЕДНЕЙ АМУДАРЬИ

В результате многолетних разведок в долине Средней Амударьи, на участке от Келифа до Нефтезаводска, в настоящее время выявлено 54 поселения, содержащих слои кушанского времени. Для большинства из них определены в общих чертах планировочная структура и площадь застройки, что позволяет провести типологическую классификацию.

Вопросы типологии кушанских поселений наиболее полно разработаны в отношении памятников Северной Бактрии.

Одним из первых к этой проблеме обратился Э. А. Юркевич, разделив кушанские поселения на городские (три типа) и сельские (два типа). Намеченная им классификация в целом была принята другими исследователями, но слабой ее стороной являлись схематизм и отсутствие развернутого обоснования [1, с. 166, 167].

Большую работу по выявлению и глазомерной фиксации кушанских поселений на юге Узбекистана провел Э. В. Ртвеладзе [2, 3]. Он предложил несколько вариантов их типологической классификации [2, 4, 5]. В наиболее полном из них [2, с. 83—85] он выделяет четыре категории поселений.

I. Городские поселения. По размерам и структуре они делятся на четыре типа: 1) очень крупные городища (города) — это Термез, площадь которого определяется в 500 га; 2) крупные городища со свободной рассредоточенной планировкой с цитаделью, но без оборонительных стен (Халчаян, Бай-тепе); 3) городища средних размеров (от 5 до 30 га); 4) небольшие с цитаделью городища площадью от 1 до 3 га.

II. Поселения полугородского-полусельского типа (неукрепленные поселения со свободной планировкой).

III. Сельские поселения, небольшие по площади, преимущественно неукрепленные.

IV. Горные поселения, расположенные на мысах, перегороженных поперечными стенами.

Следует отметить, что у Э. В. Ртвеладзе отсутствует четкость в характеристике прямоугольных укрепленных поселений с цитаделью и общей площадью от 1 до 3—4 га, в одних случаях они определяются как поселения городского типа — городки [2, с. 84; 6, с. 114—115], в других — как сельские [5, с. 113—114]. В последней по времени публикации работе он вновь возвращается к их определению как поселений городского типа — «городки-крепости» [7, с. 11].

Ш. Р. Пидаев, также занимавшийся классификацией кушанских поселений Северной Бактрии, ограничился разделением поселений по величине, выделив четыре группы: 1) площадью до 1 га; 2) площадью 1—6 га; 3) площадью 6—15 га; 4) свыше 15 га [8, с. 16, 17]. Первые две группы он отнес к сельским поселениям, вторые — к городским [8, с. 109].

Значительное внимание проблеме типологии кушанских поселений уделил В. М. Массон [9, 10]. Он пришел к выводу, что к числу городских следует относить поселения площадью свыше 5 га. Среди сельских поселений по характеру планировки выделены три типа: неправильных очертаний, подпрямоугольные с цитаделью и подпрямоугольные без цитадели [10, с. 8, 9].

Новый вариант классификации кушанских поселений Бактрии предложил Б. Я. Ставиский [11, с. 43, 44]: 1) крупный город (площадью более 100 га, с городскими стенами и укрепленной цитаделью); 2) город (площадью от 15 до 80 га, с городскими стенами и укрепленной цитаделью); 3) городок — небольшой город (площадью от 5 до 13 га); 4) крупное поселение (площадью от 1,5 до 4 га, с крепостной стеной и замком или небольшой цитаделью); 5) поселение (площадью менее 1 га); 6) усадьба (площадью менее 0,6 га); 7 оазисный тип расселения; 8) горные поселения.

Поскольку эта классификация в значительной степени синтезирует все другие варианты, остановимся на ней подробнее, преимущественно с критической точки зрения. В ее основу положено разделение поселений по размерам, но предлагаемые интервалы размеров поселений не составляют сплошного ряда, поэтому возникают затруднения при отнесении к тому или иному типу укрепленных городищ площадью от 80 до 100, от 13 до 15, от 4 до 5, от 1 до 1,5 га. Вне пределов классификации остались крупные и средние по размерам поселения без цитаделей. Недостаточно четкая характеристика дана для поселений, определяемых как «небольшой город». Оставлены без функциональной характеристики поселения площадью от 0,6 до 5 га. Для пятого типа, на наш взгляд, неудачно использован очень широкий термин «поселение». Нет развернутой характеристики оазисного типа расселения. Следует, однако, заметить, что многие слабые стороны классификации Б. Я. Ставиского являются отражением современного состояния знаний о структуре кушанских поселений.

В предлагаемой ниже классификации кушанских поселений Средней Амударьи делается попытка учесть как достижения, так и слабые стороны уже существующих типологических схем. Прежде всего следует отметить, что в основу классификации должны быть положены единый принцип и четкое определение основных признаков, на которых она строится. Типологическая классификация поселений должна содержать их функциональную характеристику. Принимая во внимание информационные возможности археологии, В. М. Массон выделил пять основных компонентов, характеризующих поселение: планировка, размеры, «публичные здания», производственные центры и укрепления [12, с. 128, 129]. Попытаемся рассмотреть возможности фиксации этих «компонентов» на основе рекогносцировочного археологического изучения (именно такая степень изученности характерна для подавляющего большинства археологических памятников Северной Бактрии и Средней Амударьи).

Планировка, или, точнее, планировочная структура, при разведывательном изучении поселения может быть выяснена в подавляющем большинстве случаев лишь в самых общих чертах. На основании изучения микрорельефа можно определить плотность застройки поселения, а также выделить основные структурные компоненты: нуклеарную часть — наиболее плотно застроенную и архитектурно организованную часть поселения, цитадель — топографически и фортификационно выделенную часть поселения; округу — примыкающую к нуклеарной части и функционально с ней связанную застройку.

Размеры (площадь). Это наиболее четко фиксируемый признак. Тем не менее разная степень точности измерений и разный подход к определению границ поселения приводят иногда к большим расхождениям в оценке его площади. Наглядным примером этого может быть хорошо известный памятник Дальверзин-тепе, площадь которого, по разным данным, определялась от 89 до 27 га [5, с. 108; 11, с. 44]. Существуют три разных метода определения внешних параметров поселения: по подошве, средней линии склона и гребню стен. Наиболее распространено определение площади памятника по его максимальным размерам, т. е. по подошве[1]. Подобная методика определения площади поселения исполь-

[1] При определении численности населения более правильным представляется учет площади внутри внешних стен (как это, например, сделал Э. В. Ртвеладзе для Дальверзин-тепе), но поскольку выявление гребня древних стен для многих посе-

зована автором данной работы. Необходимо также отметить, что подавляющее большинство планов северобактрийских и среднеамударьинских поселений сделано на основе глазомерных съемок, что допускает погрешность в измерениях до 10%. Для поселений городского типа в настоящей работе учтена только площадь нуклеарной части и цитадели, так как территории пригородов (округи) вследствие интенсивного сельскохозяйственного использования, как правило, полностью или частично разрушены. При сопоставлении размеров различных поселений следует сравнивать площади однотипных структурных компонентов. По этой причине неправомерно определение площади Дальверзин-тепе в 28 га, а Термеза в 500 га[2] [4, с. 24].

«Публичные здания». Монументальная архитектура на кушанских городищах Средней Амударьи, нередко несущих следы многовекового обживания, без проведения раскопочных работ не выявляется, поэтому этот важный, особенно для характеристики поселений городского типа, признак в классификациях подобного рода не может быть учтен.

Производственные центры. При визуальном обследовании памятников подобные центры могут быть выявлены в исключительно редких случаях, поэтому данный признак можно использовать лишь как дополнительный. Находки шлаков или даже отдельных печей для обжига керамики не меняют общей картины, так как по ним нельзя судить о масштабах производства.

Укрепления. Фортификационные сооружения обычно хорошо фиксируются даже в тех случаях, когда кушанское поселение несет следы более позднего обживания. Указанием на таковые в определенной степени является сама правильная геометрическая форма поселения или отдельных его частей (цитадели), подразумевающая наличие внешней ограждающей стены. Во многих случаях достаточно отчетливо прослеживаются остатки оборонительных стен (преимущественно в виде валов), башен и рвов.

Из приведенного выше обзора следует, что при разведывательном обследовании памятников могут быть зафиксированы лишь отдельные элементы, характеризующие поселение: площадь, планировочная структура, плотность застройки, наличие или отсутствие укреплений. Сведения о монументальной архитектуре и производственных центрах могут привлекаться лишь как дополнительные признаки.

Важнейшим из этих признаков, присутствующим во всех вариантах классификации кушанских поселений, является площадь поселения. Чтобы исключить элемент субъективизма при группировке поселений Средней Амударьи, мы использовали прием графического распределения их по занимаемой площади. Для уточнения пределов выделенных интервалов подобное распределение сделано и для памятников Южного Узбекистана. Данные о площади поселений Северной Бактрии взяты из публикаций Э. В. Ртвеладзе [2, 3] и Ш. Р. Пидаева [8], площадь некоторых поселений уточнена по опубликованным чертежам в соответствии с нашей методикой измерений. Например, площадь Дабил-тепе у Э. В. Ртвеладзе на основании промеров по гребню стен определена в 3 га, а при промерах по подошве она увеличивается до 4 га.

На приведенных гистограммах (рис. 1) и в табл. 1, 2 достаточно отчетливо видно разделение поселений той и другой области на пять (для Южного Узбекистана — на шесть) размерных групп, которые, вероятно, отражают реальную градацию древних населенных пунктов по величине. Наиболее отчетливые совпадения границ интервалов имеются для 1—3-й и 5-й групп. В каждой области группа 4 также выделяется достаточно отчетливо, но при этом обращают на себя внимание четкое

лений чрезвычайно затруднено при разведывательном характере обследования, то наиболее удобным следует признать способ замеров по подошве. При демографических расчетах эти «излишки» площади легко учесть путем корреляции средней цифры плотности заселения.

[2] Л. И. Альбаум определяет площадь Термеза кушанского времени в 10 га [13, с. 9].

Таблица 1

Поселения Средней Амударьи *

Группа	Площадь, га	Поселение	
		количество	номер
1	0,1–0,5	13	32, 1, 3, 9, 15, 33, 48, 50, 24, 35, 47, 53, 22
2	0,6–1,4	19	26, 46, 41, 49, 36, 42, 6, 28, 34, 38, 14, 25, 27, 45, 11, 13, 51, 40
3	1,6–2	3	52, 7, 4
4	2,7–4,6	7	12, 16, 31, 44, 23, 10, 20
5	5–9	4	21, 17, 2, 8

* Номера поселений в таблице соответствуют номерам на рис. 4 и в приложении.

Таблица 2

Поселения Южного Узбекистана *

Группа	Площадь, га	Поселение	
		количество	номер
1	0,1–0,5	20	18, 99, 105, 28, 29, 47, 48, 14, 20, 31, 32, 68, 39, 79, 86, 24, 50, 70, 71, 104
2	0,6–1,2	16	19, 53, 46, 51, 56, 78, 81, 16, 54, 17, 36, 60, 82, 112, 68, 9
3	1,5–2,5	14	6, 35, 44, 43, 37, 45, 61, 55, 116, 10, 15, 83, 30, 66
4	4	2	11, 25
5	6–10	6	67, 69, 33, 4а, 4б, 49
6	Больше 10	3	5, 3, 1

* Номера поселений в таблице соответствуют номерам в работах Э. В. Ртвеладзе [2, 3] и Ш. Р. Пидаева [8]. Под номерами 4а и 4б указаны поселения Карабаг-тепе и Ханака-тепе в Халчаянском оазисе. В таблицу не включены поселения, относительно площади которых нет точных данных или сохранившиеся частично.

разграничение больших и малых поселений для территории Северной Бактрии и сглаженность этих границ для Средней Амударьи. Одной из возможных причин этого явления может быть разный экономический потенциал областей. На Средней Амударье отсутствовали условия для существования крупных поселений, что привело к большему распространению поселений средних размеров. Обобщенные размерные интервалы поселений обеих областей можно представить в следующем виде:

Группа	Площадь, га
1	до 0,5
2	0,5–1,4
3	1,4–2,6
4	2,6–5
5	5–15
6	свыше 15

Другим признаком, определяющим типологию поселений, является планировочная структура (рис. 2, 3). По этому признаку поселения Средней Амударьи могут быть разделены на четыре группы.

1. Наиболее многочисленны поселения с особо выделенной цитаделью, четкими внешними контурами нуклеарной части[3] (подразумевающими наличие внешней оборонительной стены и плотную внутреннюю застройку). В ряде случаев достаточно отчетливо прослеживается окрестная разреженная застройка (округа). Выявлено четыре варианта расположения цитадели по отношению к нуклеарной части поселения: а) в одном из ее углов; б) с внутренней стороны одной из внешних стен; в) с на-

[3] Обычно квадрат или прямоугольник. Следует отметить, что форма поселения, часто фигурирующая в археологических классификациях, носит значение дополнительного признака, так как она не определяет тип поселения.

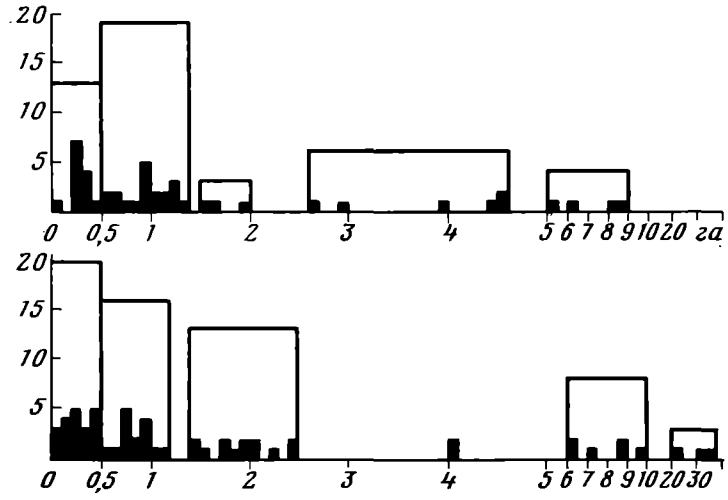


Рис. 1. Распределение поселений по занимаемой площади на Средней Амударье (вверху) и в Южном Узбекистане (внизу). По горизонтальной оси – площадь поселения (в га), по вертикальной – количество поселений; римскими цифрами обозначены размерные группы

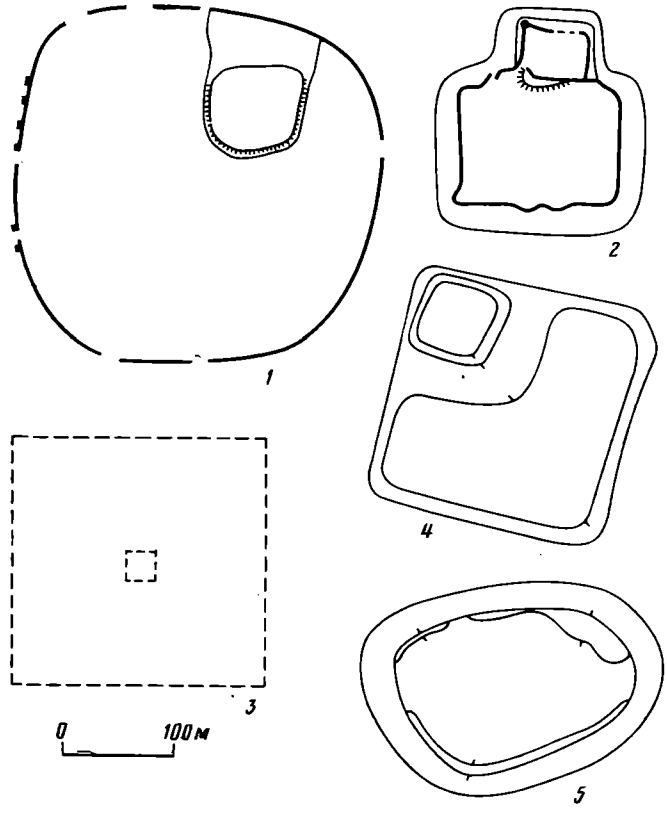


Рис. 2. Схематические планы поселений городского типа. *1* – Одей-депе; *2* – Кутнам-кала; *3* – Бешир-кала; *4* – Ходжа-Гундуз-кала; *5* – Эссен-Менгли-кала

ружной стороны одной из внешних стен; г) в центре нуклеарной части. Площадь поселений этой группы варьирует в больших пределах – от 0,8 до 9 га.

2. Крупные поселения, не имеющие цитаделей и правильных геометрических форм. Площадь 3,5–4,5 га.

3. Прямоугольные или квадратные в плане поселения без цитадели. Четкие границы свидетельствуют о плотной внутренней застройке.

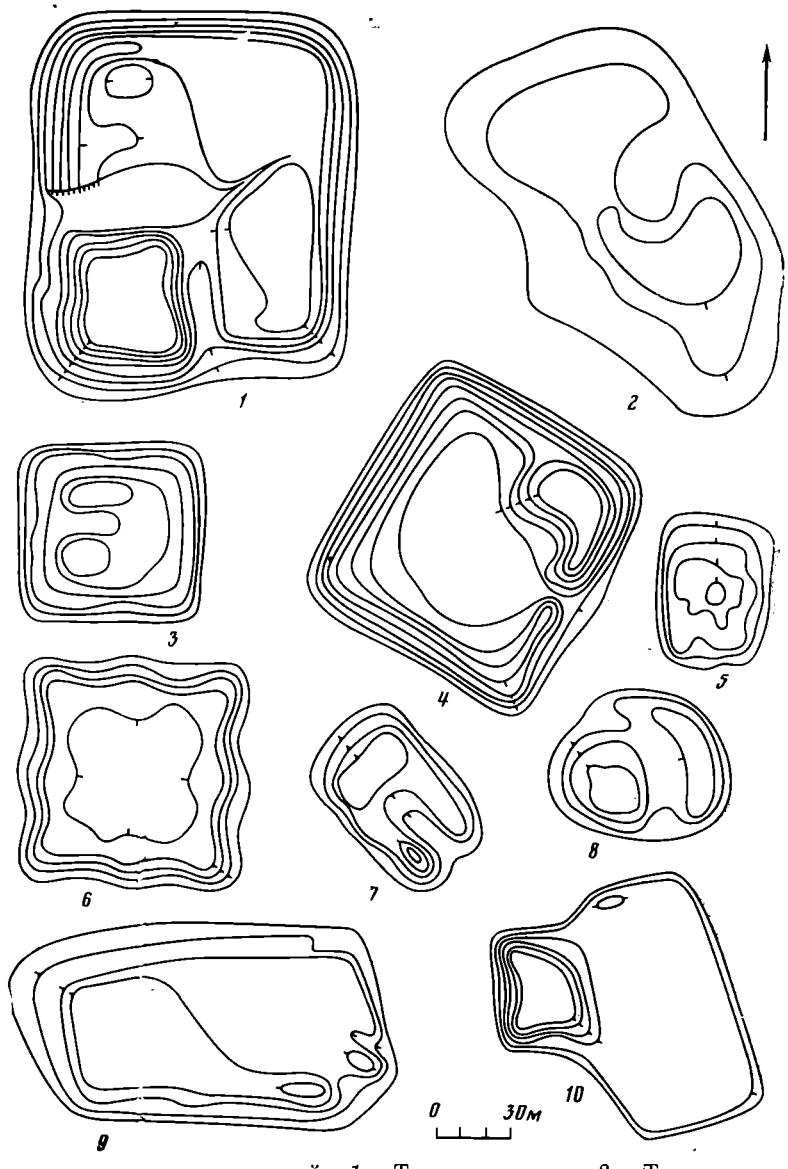


Рис. 3. Планы сельских поселений. *1* — Терезеган-депе; *2* — Тилля-депе; *3* — Шор-депе (Кизыл-Байдак); *4* — Шор-депе III (Ходжамбас); *5* — Шор-депе (Бургучи); *6* — Шор-депе II (Ходжамбас); *7* — Кум-депе; *8* — Пултапды-депе; *9* — Шор-депе (Мукры); *10* — Ак-депе (Ташраба). На плане Терезеган-депе горизонтали через 2 м, в остальных случаях — через 1 м

Иногда в микрорельефе хорошо прослеживаются башни, равномерно расположенные по периметру или фланкирующие вход. Площадь этих поселений — от 0,3 до 1,3 га.

4. Поселения в виде небольших, сильно оплывших холмов, не дающих четкого представления о планировке существовавших здесь строений. По площади они относятся к первой размерной группе (до 0,5 га).

Определенные возможности для понимания функций поселений дает анализ их географического распределения. Попытаемся раскрыть этот тезис на примере проблемы типологического выделения городов по археологическим данным. В специальной литературе этот вопрос решается преимущественно положительно [12, с. 141—144; ср. 14, с. 165]. Элементами археологической характеристики города являются относительно крупные размеры, наличие монументальной архитектуры, крупномасштабного ремесленного производства, мощной системы обороны, квартальной застройки. Но большинство перечисленных здесь признаков может быть выделено только при широких раскопках. Разведывательное обследование памятников позволяет фиксировать лишь наличие или отсутствие фортификации, неоднородность застройки, которую можно

интерпретировать как неоднородность социальной структуры населения, и размеры поселения. Последний элемент при подобном характере исследований приобретает наибольший вес. В теоретических исследованиях по проблеме города этот показатель обычно выражается через численность населения. В археологической литературе, посвященной этому вопросу, устойчиво держится определение Чайлда: нижний предел численности населения города — 5 тыс. человек.

Попытки применить этот показатель к бактрийским поселениям положительных результатов не имели. При его использовании в «стране тысячи городов» оказывалось лишь несколько десятков поселений, заслуживающих этого названия. Цифра в 5 тыс. человек, вероятно, приемлема в качестве критерия города для раннеклассовых обществ, где поселения городского типа относились к числу феноменов. Для кушанской цивилизации, носившей урбанический характер[4] [9], город являлся доминирующей формой расселения, что привело к значительному понижению ценза численности для этого типа поселений. В. М. Массон в специальной работе, посвященной городам кушанской Бактрии, снижает этот показатель до 2—3 тыс. [9, с. 9]. При этом он использовал предложенную Франкфортом наиболее высокую цифру плотности населения — 400 человек на гектар. Другие исследователи предлагают значительно меньшие цифры (Адамс — 200, Рассел — 150). В связи с этим интересна попытка Э. В. Ртвеладзе уточнить цифру плотности населения городских центров Бактрии на основе данных раскопок Дальверзин-тепе [5]. К сожалению, из-за чисто технических ошибок он получил неверные конечные результаты. Если принять его определение численности населения Дальверзин-тепе в 6 тыс. человек, то плотность населения на 1 га «селитебной» площади составит не 280, а 353 человека (6000:17). Однако предлагаемая им методика вычисления «селитебной» площади пригодна только для городищ с хорошо сохранившимся микрорельефом, поэтому в практической деятельности, на наш взгляд, удобнее оперировать отношением предполагаемой численности населения Дальверзин-тепе ко всей его площади, что составит около 185 человек на гектар[5]. При таком варианте подсчета численность населения Зар-тепе составит около 3 тыс. человек, Хаитабада (10 га) — 1850, Джандавлят-тепе — около 1300 человек.

Поскольку критерий Чайлда оказался неприемлемым для Бактрии кушанского времени, попытаемся использовать еще один элемент характеристики города — выполнение им функций центрального места в системе ирригационного района (оазиса) или области. В плане выявления минимальных размеров укрепленной части города на территории Северной Бактрии наиболее показательны Шерабадский и Нижнесурханский (Джаркурганский) ирригационные районы. В первом из них выявлено 22 поселения, имеющих размеры площади не более 2—3 га, и лишь одно, Джандавлят-тепе, занимает площадь в 7—8 га[6]. Таким образом, совершенно очевидно, что в этом довольно крупном ирригационном районе функции административного и экономического центра выполняло поселение Джандавлят-тепе — самое большое в оазисе, хорошо укрепленное и имеющее цитадель, т. е. мы имеем веские основания рассматривать его как город.

Аналогичная картина наблюдается в Нижнесурханском ирригационном районе. Единственное его крупное городище — Хаитабад — имеет площадь около 10 га [8, с. 26]. Таким образом, анализ размеров поселений этих ирригационных районов показывает, что в Северной Бакт-

---

[4] Выражение урбанического характера этой цивилизации следует видеть не в существовании суперцентров, а в превращении города в массовое явление, т. е. в функционировании значительного числа средних и мелких поселений этого типа.

[5] Общая площадь нуклеарной части Дальверзин-тепе составляет около 32,5 га (650×500 м). 6000 чел.: 32,5 га=185 чел/га. Расчеты Ш. Р. Пидаева для Ак-Кургана дают еще меньшую цифру плотности населения: 100 чел.: 0,6 га=166 чел/га.

[6] В определении площади этого поселения у Э. В. Ртвеладзе [2, с. 77—78; 5, с. 112] и Ш. Р. Пидаева [8, с. 22] имеются разногласия.

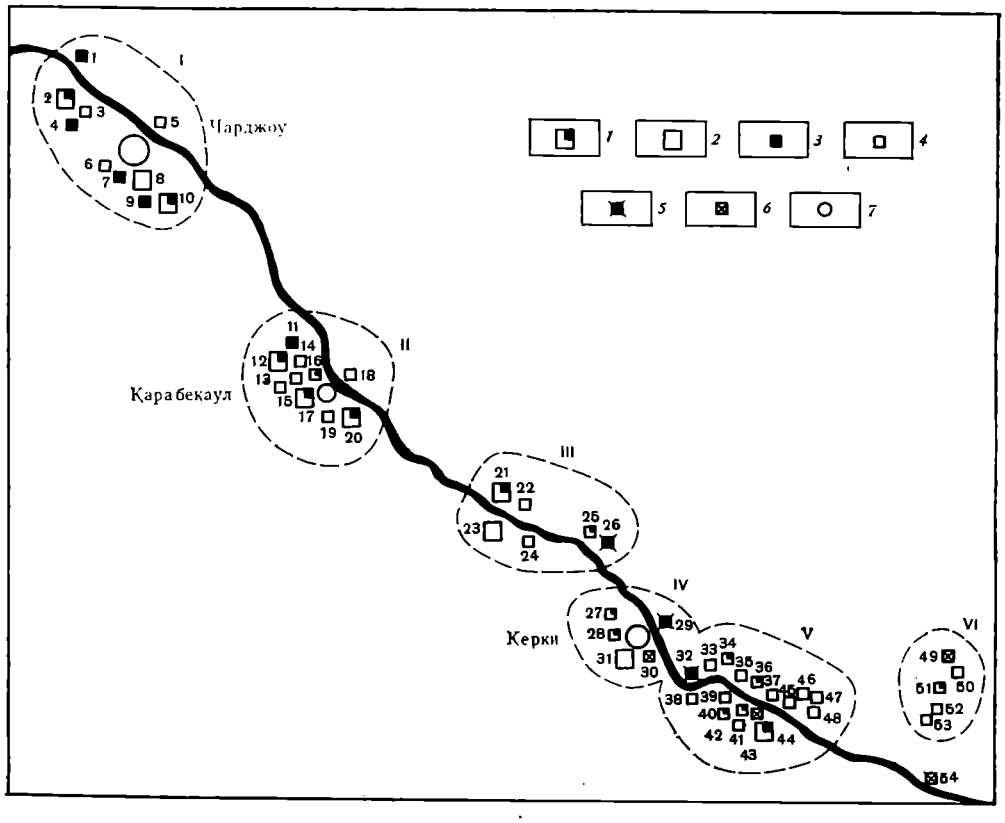


Рис. 4. Схема расположения поселений. *1* — поселения городского типа с цитаделью; *2* — поселения городского типа без цитадели; *3* — сельские поселения с цитаделью; *4* — сельские поселения без цитадели; *5* — укрепления; *6* — поселения без точного определения; *7* — современные населенные пункты. Оазисы: I — Чарджоуский; II — Карабекаульский; III — Беширский; IV — Керкинский; V — Мирзабекский; VI — Кугитанский

рии функции административных и экономических центров ряда ирригационных районов гыполняли поселения[7], имеющие площадь цитадели и нуклеарной части 8—10 га.

На побережье Средней Амударьи также отчетливо выявляется оазисный тип расселения. На основании картографирования памятников нами выделено пять таких оазисов (рис. 4).

Для Чарджоуского оазиса в настоящее время известно 10 поселений, относящихся к кушанскому времени. Крупнейшим из них является городище Старый Чарджоу, игравшее роль административного центра оазиса в течение длительного исторического периода [15, с. 136 и сл.] Площадь нуклеарной части поселения вместе с цитаделью определяется в 9 га[8]. К ней примыкала обширная территория пригородной застройки.

В Карабекаульском оазисе также зафиксировано 10 поселений со слоями кушанского времени и дающих определенное представление об их планировочной структуре. Крупнейшее городище оазиса — Ходжа-Идат-кала имеет площадь вместе с оплывами около 6 га.

В Беширском оазисе самым крупным по величине является городище Бешир-кала, занимающее площадь приблизительно в 5 га. В Керкинском оазисе наиболее крупные размеры имеет «Русская крепость», площадь которой ориентировочно определяется в 3,5 га.

В Мирзабекском оазисе наиболее крупным поселением является одноименное городище Мирзабек-кала. Нуклеарная часть поселения вместе с цитаделью первоначально имела площадь около 4 га (в настоящее

[7] Принимая во внимание отсутствие единого взгляда на величину плотности населения городских поселений Бактрии, мы предпочитаем оперировать размерами их площади.

[8] М. Е. Массон определяет размеры цитадели в 0,5 га, нуклеарной части — 7.5 га, но эти цифры, вероятно, получены при измерениях по гребню позднесредневековых стен.

время городище сильно разрушено). В первых веках нашей эры к ней был пристроен дополнительный участок площадью около 3 га. Для этого поселения следует также отметить существование обширного пригорода, занимавшего площадь не менее 1 км^2.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что в оазисах Средней Амударьи роль центральных мест нередко выполняли укрепленные поселения площадью 4—5 га[9]. Это дает основание рассматривать в качестве городских и остальные поселения, имеющие такую же или бóльшую площадь. К ним, вероятно, могут быть причислены и другие поселения четвертой размерной группы (от 2,6 до 5 га), удовлетворяющие критериям города по другим показателям. Приведенные выше аргументы позволяют установить нижний возможный предел размеров площади поселений городского типа и дают основания для разделения единой в структурном отношении группы укрепленных поселений с цитаделями на городские и сельские. Следует отметить, что цифра 2,6 га как минимальная возможная величина поселений городского типа может признаваться верной лишь для Средней Амударьи; в областях, имеющих другой экономический потенциал, она может быть иной.

Сведения о географическом положении поселений могут помочь в выделении еще одного типа поселений — мелких укреплений, или фортов, расположенных в местах переправ и на других стратегически важных участках. Наиболее важные переправы через Амударью в кушанский период, вероятно, контролировались специальными государственными укреплениями. Наличие кушанских поселений на обоих берегах реки устанавливается для Керкинской, Карабекаульской и Амульской переправ. При этом есть основание предполагать, что на левом берегу обычно располагались крупные поселения, а на правом — лишь небольшие форты. Примером может служить Куреген-кала, расположенная на конце небольшого горного хребта, замыкающего с запада Бургучинский микрооазис. Несмотря на плохую сохранность этого поселения, его функции определяются довольно легко. Укрепление занимало очень удобное стратегическое положение, контролируя узкий проход между руслом реки и горным кряжем. Само его расположение на вершине голой скалы, а не на прилегающей плодородной равнине указывает на специальное, сторожевое его назначение. Кроме охраны въезда в оазис укрепление, вероятно, еще и контролировало существовавшую в этом районе переправу [16, с. 22]. На ее функционирование в кушанский период указывает расположение напротив Куреген-калы еще одного поселения этого времени — Шор-депе (Кизыл-Аяк).

Аналогичную характеристику можно предложить и для кушанского поселения на вершине Керкичинской скалы, хотя оно в настоящее время почти полностью разрушено и нет возможности восстановить его былую планировочную структуру. Поселение расположено на краю подступающего к реке кряжа, в местности, непригодной для занятия земледелием, т. е. основным занятием его жителей, судя по всему, были охрана и обслуживание переправы.

Все вышеизложенное позволяет предложить следующий вариант типологической классификации кушанских поселений Средней Амударьи.

А. Сельские поселения. К их числу отнесены все мелкие поселения — площадью менее 2,6 га, за исключением укреплений, которые выделены в особую категорию. По размерам они делятся на три группы: 1) мелкие — площадью до 0,5 га; 2) средние — площадью от 0,5 до 1,4 га (*а* — с цитаделью, *б* — без цитадели); 3) крупные — площадью от 1,4 до 2,6 га (*а* — с цитаделью, *б* — без цитадели).

Более подробная характеристика сельских поселений может быть дана при привлечении результатов крупных раскопок. На Средней Амударье такие исследования не проводились, но некоторый сравнительный материал уже имеется в результате широких исследований на юге Узбеки-

[9] Размеры «Русской крепости» в Керках нуждаются в уточнении, поэтому сведения о ее площади здесь не учтены.

стана. Раскопки Шор-депе, Мирзакул-тепе и Ак-Кургана показали, что в квадратных и прямоугольных поселениях без цитаделей можно видеть общинные селения [8, с. 101—110; 10, с. 8]. Часть из них имеет достаточно четко выраженные внешние оборонительные стены [10].

Относительно назначения мелких поселений с четко выделенной цитаделью нет полной ясности. В. М. Массон высказал предположение, что это — места поселения искусственно организованных общин, создаваемых властями в административно-фискальных целях [10, с. 8, 9]. Но не исключено, что это — резиденции местной землевладельческой знати.

Б. Поселения городского типа. К этой категории отнесены крупные, хорошо укрепленные поселения, для которых характерны неоднородная внутренняя застройка, наличие в большинстве случаев цитадели и пригорода. По величине они разделены на две группы: 1) мелкие городки — площадью от 2,6 до 5 га (*а* — с цитаделью, *б* — без цитадели); 2) городки — площадью от 5 до 15 га.

В. Укрепления. К ним отнесены небольшие по площади поселения, расположенные на стратегически важных участках (переправах, перевалах), а также поселения с подчеркнуто мощной фортификацией при незначительной площади и плотности застройки внутреннего пространства. На Средней Амударье примером последних служит Усты-кала, основанная на специальном высоком цилиндрическом основании [17, с. 72—74], и Шор-депе II у Ходжамбаса. Второе поселение имеет в плане квадратные очертания. По периметру четко прослеживаются остатки восьми крупных башен, в центре холма — обширное понижение, вероятно следы незастроенного двора.

В заключение следует отметить, что распределение известных поселений Средней Амударьи в соответствии с предлагаемой типологической схемой ярко демонстрирует урбанизированный характер местного общества в кушанский период. По имеющимся в настоящее время данным, общая площадь известных сельских поселений составляет около 28, а городских — около 55 га.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ПОСЕЛЕНИЙ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕЙ АМУДАРЬИ [11]

1. Усты-кала (В). Древнее укрепление расположено на вершине холма, которому искусственно приданы очертания цилиндра диаметром 60—70, высотой около 18 м. Площадь около 0,3 га. Слои кушанского времени перекрыты мощными напластованиями последующих эпох.
2. Одей-депе (Б-2). Нуклеарная часть поселения имеет в плане форму неправильного круга диаметром 300—340 м (8,3 га). Внешняя стена укреплена башнями. Цитадель (площадь 1,2 га) примыкает к внутренней части северного участка. Поселение имело пригород, вероятно, огражденный специальной стеной. Площадь около 23 га.
3. Боклы-депе (А-1). Поселение сильно повреждено, планировка не устанавливается. Площадь сохранившейся части поселения около 0,3 га.
4. Терезеган-депе (А-3а). Прямоугольное в плане городище площадью около 2 га. Цитадель расположена в юго-западном углу. Кроющий слой раннесредневековый.
5. Битык-кала. Поселение сильно повреждено, площадь сохранившейся его части 0,5 га. Слои кушанского времени погребены поздними культурными отложениями.
6. Гёбеклы-депе (А-2а). Квадратное в плане городище площадью около 1 га. Цитадель (приблизительно 45×40 м) расположена в южном углу городища и слегка выступает за его контуры.
7. Заргар-депе (А-3а). Подквадратное в плане городище площадью 1,7 га. Цитадель (60×60 м) расположена в южном углу городища.

---

[10] По данным Ш. Р. Пидаева, поселение Ак-Курган не имело внешней обводной стены [8, с. 58, 59], но в таком случае трудно поддается объяснению четкая геометрическая форма поселения в плане. Вполне вероятно, что обводная стена существовала, но не отличалась значительной мощностью, и в небольшой траншее ее было трудно отличить от стен жилых строений. На Средней Амударье сопоставимое с Ак-Курганом по форме и размерам поселение Чопли-депе имеет внешнюю стену с башнями.

[11] В скобках после названия указан тип поселения в соответствии с предлагаемой выше классификацией. Номера списка соответствуют номерам на рис. 4.

8. Бековская крепость в Чарджоу (Б-2). Нуклеарная часть поселения площадью около 9 га имеет в плане очертания квадрата с цитаделью в северо-западном углу. Слои античного времени погребены средневековыми отложениями. По данным М. Е. Массона [15, с. 144–148], пригород кушанского времени занимал не менее 150 га.
9. Чарваг-депе (А-1). Поселение имеет в плане очертания, близкие к прямоугольным (70×50 м).
10. Хозарек-депе (Б-2а?). В настоящее время поселение состоит из двух рядом расположенных холмов – высокого подквадратного (площадь около 1,1 га) и более низкого прямоугольного (площадь 1,9 га). На основании стратиграфических наблюдений выдвинуто предположение о реконструкции плана поселения в виде прямоугольника размерами 230×200 м с цитаделью в северном углу.
11. Ак-депе (А-2а). Подквадратное в плане городище (110×115 м) с цитаделью в юго-восточном углу.
12. Чишлен-кала (Б-1а). Прямоугольное в плане городище (около 150×140 м) с цитаделью, примыкающей к нуклеарной части с юга. Общая площадь поселения около 2,7 га.
13. Кекрели-депе (А-2а). Высокий, прямоугольный в плане холм (120×100 м) с возвышением-цитаделью в северо-западном углу.
14. Сазаклы-депе (А-2б). Подквадратный в плане холм площадью около 1,1 га.
15. Ак-кала (А-1). Прямоугольный в плане холм (площадь около 0,3 га) с сильно изрытыми склонами.
16. Кутнам-кала (Б-1а). Нуклеарная часть поселения имеет форму прямоугольника (180×145 м). Прямоугольная в плане цитадель (75×50 м) расположена в середине северного фаса, значительно выступая за пределы нуклеарной части.
17. Ходжа-Йдат-кала (Б-2). Подквадратное в плане городище (площадь около 6 га) с цитаделью в южном углу. Под средневековыми сооружениями прослеживаются остатки внешней стены и башен кушанского времени. Цитадель отделена от остальной части городища глубоким рвом.
18. Кёшк-кала. Цитадель городища, где обнаружены слои позднекушанского времени, сохранилась частично. Площадь и конфигурация поселения античного времени не устанавливаются из-за мощных средневековых наслоений и сильной разрушенности.
19. Кизыл-депе. Точные сведения о планировке и размерах поселения отсутствуют. Предположительно небольшое сельское поселение.
20. Ходжа-Гундуз-кала (Б-1а). Подквадратное в плане городище (площадь около 4,6 га). Небольшая по размерам цитадель (40×40 м) расположена в северном углу нуклеарной части.
21. Бешир-кала (Б-2). Квадратное в плане городище с небольшой (30×40 м) цитаделью в центре. Края городища сильно повреждены, ориентировочно его площадь определяется в 5 га.
22. Шор-депе (Кизыл-Байдак) (А-2б). Подквадратный уплощенный сверху холм площадью около 0,5 га.
23. Эссен-Менгли-кала (Б-1б). Высокий, уплощенный сверху холм (площадь около 4,5 га) неправильных овальных очертаний в плане. Слои кушанского времени являются кроющими.
24. Ак-тери-кала (А-1). Предположительно прямоугольное в плане поселение площадью около 0,4 га. Остатки кушанского поселения заняты руинами позднесредневекового сооружения.
25. Шор-депе III (Ходжамбас) (А-2а). Квадратный в плане холм с четко выраженными валами внешних стен. Цитадель расположена в западном углу. Площадь 1,2 га.
26. Шор-депе II (Ходжамбас) (В). Квадратный в плане холм с хорошо прослеживаемыми в микрорельефе остатками внешних стен и восьми башен. В центре обширное понижение. Площадь 0,6 га.
27. Омар-кала (А-2а). Квадратный в плане холм (110×110 м) с цитаделью в северо-восточном углу.
28. Сакар-кала (А-2а). Квадратный в плане холм (100×100 м) с цитаделью в восточном углу.
29. Керкичи (В). Сильно разрушенное и частично застроенное многослойное поселение. Площадь кушанского поселения предположительно не более 1 га.
30. Бековская крепость в Керках. Планировка и площадь кушанского поселения не установлены, так как памятник обживался до XX в. Материалы кушанского времени обнаружены на цитадели (ориентировочно 70×50 м).
31. Русская крепость в Керках (площадь предположительно 3,5 га). В плане имеет форму неправильного пятиугольника. Кроющий слой средневековый.
32. Куреген-кала (В). Площадь поселения точно не устанавливается. Выделяется квадратное укрепление 25×25 м.
33. Шор-депе (Бургучи) (А-1). Прямоугольный в плане холм площадью 0,3 га.
34. Ак-депе (Хатаб) (А-2а). Подквадратный в плане холм (площадь около 1 га) с цитаделью в северо-восточном углу. По краю холма прослеживаются валы от былых стен.
35. Уч Агач-депе (А-1). По форме холм близок к прямоугольнику (70×60 м), верх уплощен.

36. Ак-депе (Таш-рабат) (А-2б). Нуклеарная часть поселения имеет прямоугольные очертания, квадратная цитадель пристроена к ней с запада. Общая площадь поселения около 0,8 га.
37. Мазарли-депе (А-2б). Сильно оплывший холм (площадь около 1 га), первоначально, вероятно, имевший прямоугольные очертания.
38. Шор-депе (Кизыл-Аяк) (А-2б). Высокий, уплощенный сверху холм с сильно изрытыми склонами. Современные размеры холма 110×85 м.
39. Безымянное поселение на 39-м км шоссе Керки – Головное. Памятник разрушен. По данным топографических карт, холм имел высоту около 4 м и площадь не более 0,5 га.
40. Дешикли-депе (А-2а). Прямоугольное в плане городище (130×100 м) с цитаделью в северо-западном углу.
41. Чопли-депе (А-2б). Памятник сильно поврежден. Кушанское поселение предположительно имело в плане очертания квадрата со стороной около 85 м. Вокруг центрального холма обнаружено несколько мелких.
42. Хатаб-кала (А-2а). Подквадратный в плане холм (площадь около 0,9 га) с цитаделью в юго-западном углу.
43. Мукры-кала. Поселение сильно разрушено Амударьей. Планировка неясна. Площадь поселения, по-видимому, не менее 1 га.
44. Мирзабек-кала (Б-2). Первоначальное ядро поселения составляло квадратное в плане городище со стороной около 200 м. Цитадель (80×90 м) расположена в северо-западном углу и отделена рвом. В кушанский период к востоку от этого первоначального ядра возник массив плотной застройки площадью около 3 га. Вокруг городища прослеживается разреженная застройка. Общая площадь поселения (с пригородом) не менее 1 км^2.
45. Шор-депе (Мукры) (А-2б). Прямоугольный в плане холм размерами 150×80 м.
46. Шор-депе (Уламское) (А-2б). Очертания холма (площадь около 0,6 га) близки к прямоугольным. Вблизи предполагаемого въезда прослеживаются остатки башни.
47. Кум-депе (А-1). Прямоугольный в плане холм 74×49 м.
48. Пултапды-депе (А-1). Сильно оплывший холм (площадь около 0,35 га) неправильно округлых очертаний в плане. Рядом с холмом имеются остатки керамических печей.
49. Мульзам-Ата-депе (А-2б). Прямоугольный в плане холм размерами 90×75 м.
50. Мунчак-депе (северный) (А-1). Поселение (площадь около 0,5 га) занимает вершину естественного возвышения, четких контуров не имеет.
51. Мунчак-депе (южный) (А-2). Подпрямоугольный в плане холм (120×110 м). В северо-восточной части холма имеется нечетко выраженное возвышение, возможно цитадель. Кроющий слой памятника раннесредневековый.
52. Тилля-депе (А-3б). Поселение (площадь около 1,6 га) расположено на естественной возвышенности и не имеет четких контуров.
53. Куль-депе (А-1). Очертания поселения (площадь около 0,4 га) близки к прямоугольным. С северо-востока к основному холму примыкает шлейф.
54. Келиф. Данные о планировке и размерах поселения античного времени отсутствуют.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Юркевич Э. А.* Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии // СА. 1965. № 4.
2. *Ртвеладзе Э. В.* Разведочные изучения бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Л.: Наука, 1974.
3. *Ртвеладзе Э. В.* Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
4. *Ртвеладзе Э. В.* К вопросу о типологии городских поселений кушанского времени на территории Сурхандарьинской области // Древний город Средней Азии. Краткие тез. докл. к конф., посвящ. полевым исследованиям в области археологии и этнографии в 1972 г. Л., 1973.
5. *Ртвеладзе Э. В.* О численности населения кушанских населенных пунктов Северной Бактрии // История и археология Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1978.
6. *Ртвеладзе Э. В.* О генезисе кушанских поселений Северной Бактрии // ВДИ. 1978. № 4.
7. *Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р.* Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент: Фан, 1981.
8. *Пидаев Ш. Р.* Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1978.
9. *Массон В. М.* Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии // Древняя Бактрия. Л.: Наука, 1974.
10. *Массон В. М.* Кушанские поселения и кушанская археология // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
11. *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977.
12. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука, 1976.
13. *Альбаум Л. И.* Фаяз-тепе как часть буддийского центра Термеза и его история // Конференция: Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Тез. докл. М.: Наука, 1981.

14. *Большаков О. Г.* Город в конце VIII – начале XIII в. // *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.
15. *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр // Тр. ЮТАКЭ. 1966. Т. 13.
16. *Быков А. Ф.* Очерк переправ через Амударью. Ташкент, 1879.
17. *Пилипко В. Н.* Некоторые археологические памятники правобережья Средней Амударьи // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1972. № 5.

V. N. Pilipko

TYPOLOGY OF KUSHANIC SETTLEMENTS IN THE MIDDLE AMU DARYA

Summary

The author offers a critical analysis of the previously evolved typologies of northern Bactrian settlements and investigates some methodological problems of settlement classification, substantiates an opinion that the smallest urban-type settlement in the middle reaches of Amu Darya occupied the territory of 2.6 hectares (the size of their fortified centres). The following classification is offered which takes into account the size of the settlement, its lay-out, the nature of fortifications and their geographical distribution: A—rural settlements (small centres occupying up to 0.5 hectares; middle-sized—from 0.5 to 1.4 hectares, large—from 1.4 to 2.6 hectares). B—settlements of the urban type (small towns—from 2.6 to 5 hectares, towns—from 5 to 15 hectares). C—fortifications. Among the settlements of the first two categories there are populated centres with or without a citadel. A list of Kushanic settlements along the middle reaches of Amu Darya and the Kuritang Valley is attached.

В. В. ЕНУКОВ

КУРГАНЫ В СЕЛЕ БЕСЕДЫ

Курганы в с. Беседы располагались на правом берегу Москвы-реки, в бывшем Царицынском (в настоящее время Ленинском) районе Московской области. Часть насыпей находилась на западной окраине села (с запада ее ограничивал овраг, протянувшийся в меридиональном направлении), часть — в нескольких сотнях метров, за оврагом. Впервые памятник был упомянут в 1879 г. М. А. Саблиным, который отметил 44 насыпи [1, с. 185]. Позднее та же цифра приводится О. Н. Бадером, который, однако, разделил курганы в Беседах на две самостоятельные группы [2, с. 153—154]. А. В. Арциховский, приступивший к раскопкам беседских курганов в 1945 г., обнаружил только 39 насыпей, из них часть была значительно попорчена. За три полевых сезона им было исследовано 29 курганов. Позднее три насыпи были раскопаны Д. А. Авдусиным и Г. А. Авдусиной. А. В. Арциховский опубликовал кург. 12, который отличался своими размерами и погребальным обрядом [3] [1], и дал краткую характеристику раскопкам в целом [4]. Раскопанные курганы исследователь отнес к памятникам, оставленным вятичами. В полном виде, однако, материал раскопок не издавался [2].

Насыпи беседских курганов имели форму шарового сегмента, высоту от 0,9 до 2,65 м при поперечнике 6—13,3 м. Курган 15 имел своеобразную конструкцию: он состоял из двух курганов, позднее перекрытых общей насыпью. К сожалению, соотношение первоначальных насыпей выяснить невозможно. У небольшой части курганов прослеживались ровики, причем, как правило, с северной стороны (кург. 4—6, 15, 17—20, 22). Только у кург. 22 ровики имелись как с северо-восточной, так и с юго-западной стороны. В насыпях часто встречались угли и зольные пятна, иногда отдельные вещи (обломки ВК7 [3], гладкая монетовидная привеска, гвозди и т. д.). Все курганы содержали погребения, совершенные по обряду трупоположения. В кург. 1, 11, 21 имелись впускные захоронения. Почти все основные погребения совершены на горизонте. Исключение составляют кург. 21 и 29. Первый содержал погребение в яме, второй — на подсыпке мощностью 0,4 м. Для вятичей погребения на подсыпке нехарактерны, хотя и известны (например, кург. 41 в Акатове) [5, с. 215]. В подавляющем большинстве случаев погребенный лежал вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на запад. В трех захоронениях руки находились на тазу или груди (кург. 4, 9 и погр. 2, кург. 6). Судя по неестественно скорченному положению погребенного в кург. 25 (лицом на север, согнутые колени — на юг, руки подняты к плечам), первоначально оно было сидячим. Большинство таких захоронений известно на территории Северной Руси в XII—XV вв. [6, с. 54—55]. Кроме одиночных встречены одновременные парные погребения (кург. 8, 16, 22, 23, 31, 32). Потревоженное погребение кург. 2, содержавшее как мужские, так и женские вещи, вероятно, также было парным. Погребенные лежали как параллельно друг другу, так

[1] Этот курган, относящийся к середине I тыс. н. э., в данной работе не рассматривается.

[2] Печатается с ведома и разрешения Д. А. Авдусина.

[3] В работе использованы следующие сокращения: ВК7 — семилопастное височное кольцо, ВК5 — пятилопастное височное кольцо, ВКП — перстнеобразное височное кольцо.

и на одной линии (кург. 23, 3ъ, 32). В кург. 6 было обнаружено тройное погребение, в котором скелеты лежали параллельно друг другу.

В обрядности сохранилось еще много языческих черт: угли в погребениях, расположение захоронений на горизонте, вытянутые вдоль тела руки [7, с. 49]. Судя по этим данным, христианство только начинает проникать в среду населения, оставившего курганы в Беседах, что выражается в стабильности западной ориентировки, а также в согнутом положении рук некоторых погребенных и наличии одного ямного погребения. У вятичей ямные захоронения появляются в середине XII в. и бытуют до середины XIII в., однако захоронение из Бесед из-за его небольшой глубины (всего 0,3 м) надо отнести к самым ранним [8, с. 188, 193]. Различий в погребальном обряде между восточной и западной частями могильника не наблюдается.

Еще одной чертой, характерной для языческой обрядности, является богатство погребального инвентаря, в основном женского. Мужские захоронения бедны вещами, а иногда вообще не содержат их. Обилие женских украшений позволило выделить по их сочетаниям последовательные хронологические группы.

Первая группа. В нее вошли три захоронения: погр. 1 и 2 кург. 8 и погр. 1 кург. 16. Почти во всех женских погребениях были найдены ВК7, которые являются племенным признаком вятичей. Типология этих украшений разработана Т. В. Равдиной. В данной группе погребений встречены ВК7 самого раннего первого типа: малого размера, со скругленными лопастями, без боковых колечек, с первым орнаментом (городки, заходящие в лопасти, не заштрихованы; рис. 1, *1*). Эти украшения появляются после 10-х годов XII в. [9, с. 80]. В погребениях этой группы обнаружены исключительно стеклянные бусы, причем характерно их разнообразие. В основном они представлены типами, широко известными на территории домонгольской Руси. Во всех трех погребениях найдены бочонковидные бусы древнерусского производства, золоченые или их имитирующие, для чего на темно-желтую основу накладывалось бесцветное стекло. Такие бусы были распространены с середины XI по середину XIII в. [10, с. 85, 87]. К ним примыкают цилиндрические желтые бусы. В основном к XII в. относятся зеленые и голубые зонные и желтые шарообразные бусы [11, с. 165, 167—169]. Зонные бусы печеночного цвета встречены в курганах с вещами XII в. [12, с. 104]. Находки фиолетовых зонных бус довольно редки. В Беседах они присутствовали только в одном погребении. Однако отметим, что в Серенске фиолетовые бусы составляли 58,5% [13, с. 237]. По новгородской стратиграфии они датируются XII в. [14, с. 104]. Бубенчики первой группы представлены только одним типом — шаровидные со щелевидной прорезью (рис. 1, *7*). Наибольшее распространение они получили в XII в. [15, с. 136—137]. Витые из простого жгута с круглопроволочными концами гривны были в моде у населения Владимиро-Суздальской и Новгородской земель до начала XII в. [16, с. 71—73, 84]. Пластинчатые загнутоконечные браслеты в основном характерны для ареала вятичей [17, с. 236]. Из других украшений в погребениях этой группы были встречены ВКП, два проволочных перстня, спиралеконечная нагрудная пряжка.

Вторая группа. К ней относятся два погребения. Для них характерны ВК7 второго типа, у которых, как и у первого типа, отсутствуют боковые колечки, а на щитке — первый орнамент, однако он становится более четким, а размеры височного кольца — большими (типа рис. 1, *2*). Изменяется набор бус: помимо разнообразных стеклянных появляются сердоликовые бипирамидальные восточного происхождения [18, с. 154—155]. В Новгороде большинство их приходится на XII в. [14, с. 105]. К погребению кург. 2 относится находка цилиндрической серебрёной бусины с желтым покрытием (под «золочение»). По определению Ю. Л. Щаповой, она византийского производства[4]. Такие бусы бытовали на Руси до на-

[4] Выражаем искреннюю благодарность Ю. Л. Щаповой за консультацию.

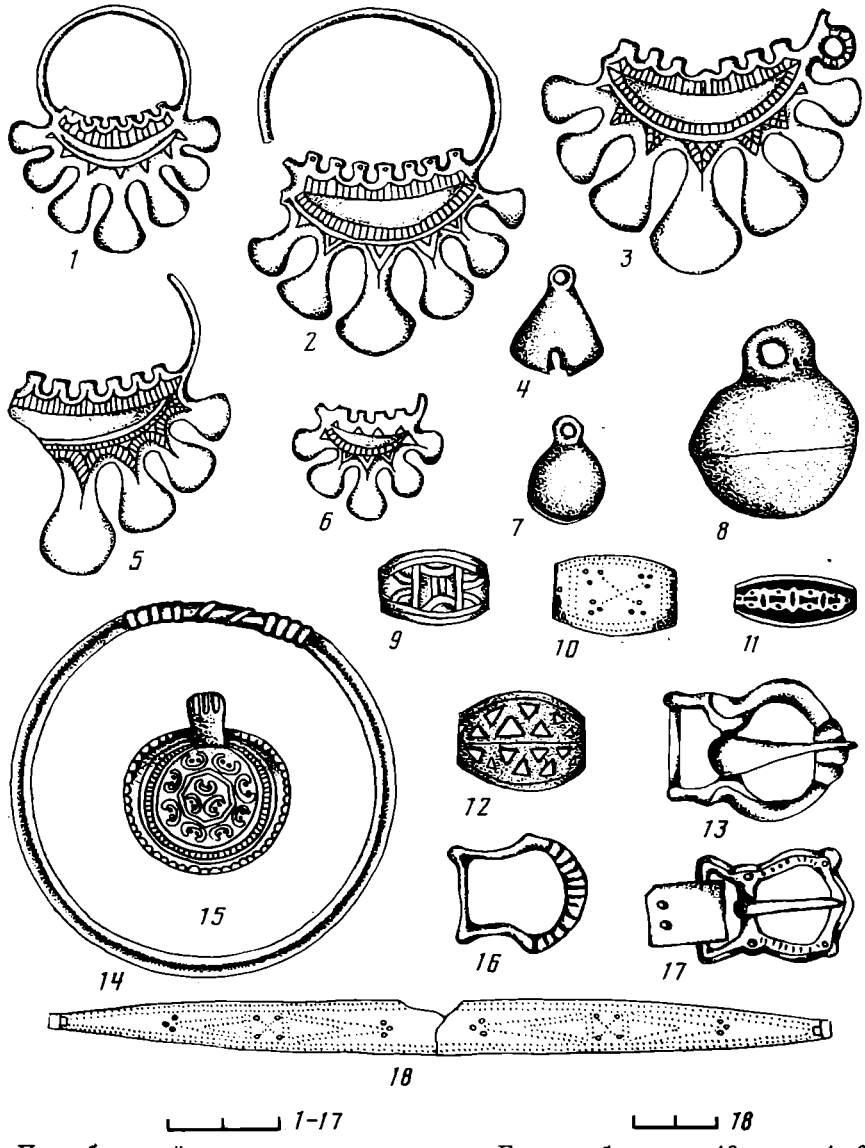


Рис. 1. Погребальный инвентарь курганов в с. Беседы. *1* — кург. 16, погр. 1; *2*, *4*, *10* — кург. 29; *3* — кург 11; погр. 1; *5*, *8*, *13* — кург. 21, погр. 2; *6* — кург. 23, погр. 2; *7* — кург. 8, погр. 2; *9*, *11* — кург. 15, погр. 1; *12*, *14* — кург. 22, погр. 2; *15* — кург. 14; *16* — кург. 21, погр. 1; *17* — кург. 13; *18* — кург. 23, погр. 2

чала XII в. [10, с. 85]. Ложновитые гривны с плоскими концами имитируют витые с узкими пластинчатыми наконечниками, которые были хорошо известны в конце XI—XII в. [16, с. 86—87]. В погр. 2 кург. 22 встречены новые типы перстней: валиковый, решетчатый и тонкий, пластинчатый широкосрединный (рис. 1, *12*, *14*). Решетчатые перстни наряду с ВК7 являются характерными вятичскими украшениями [19, с. 73]. Тонкопластинчатые широкосрединные перстни со своеобразным орнаментом, нанесенным колесиком — штампом, также характерны для вятичей [20, с. 261—262]. Большинство подвесок-коньков найдены на территории Смоленской области и датируются XI — первой половиной XII в. [21, с. 129—130].

Разделитель ремня в виде колесика со спицами, встреченный вместе с женскими украшениями в погребении кург. 2, также относится к вещам, редким на территории Москворечья. Такие разделители у вятичей известны в ранних погребениях [22, с. 109].

Несмотря на указанные различия, в первых двух группах есть много общего. Так, для обеих групп характерно разнообразие стеклянных бус. Браслеты редки. Перстни в основном представлены рубчатыми и проволочными.

Третья группа. Погребения этой группы содержат ВК7 третьего типа в сочетании с более ранними. ВК7 третьего типа отличаются от второго появлением на дужке боковых колечек. Т. В. Равдина считает, что ВК7 этих двух типов существовали с первой-второй четверти XII по середину XII в. [22, с. 77]. В данной хронологической группе они сосуществуют, однако третий тип постепенно сменяет второй и позднее, вероятно к середине XII в., становится господствующим.

Произошли изменения и в наборе бус. Как и в предыдущей группе, они представлены сердоликовыми бипирамидальными и стеклянными, однако среди последних господствующее положение теперь заняли золоченые и желтые бочонковидные и желтые шарообразные. Только в двух погребениях отмечены бусы других типов, причем в незначительном количестве (1—2 экз.). Желтые битрапецоидные бусы, аналогичные по цвету и качеству стекла шарообразным, у вятичей довольно редки. Такие бусы были найдены в Кожухове [19, с. 175]. Грушевидные крестопрорезные бубенчики (типа рис. 1, *6*), присутствовавшие в двух погребениях, были распространены до начала XII в. [15, с. 136], хотя отдельные находки встречаются до середины XII в. [23, с. 156]. Наряду с шаровидными бубенчиками со щелевидной прорезью появляется новый тип, отличающийся от первого большими размерами («массивные»; типа рис. 1, *8*). Гривна, найденная в погребении кург. 24, аналогична находке в предыдущей группе.

В третьей группе в отличие от ранних браслеты становятся популярным украшением (5 экз. в семи погребениях). Витые тройные петлеконечные браслеты были известны по всей Руси, однако наряду со сложными наиболее распространены они у вятичей (кург. 4) [17, с. 223]. Ложнозавязанные дротовые браслеты выходят из моды в основном в начале XII в. [17, с. 213]. В это же время исчезают плетеные завязанные браслеты, находки которых у вятичей сравнительно редки (кург. 5) [13, с. 113]. Дротовые несомкнутые, по определению Е. А. Шмидта, бытовали до конца XII — начала XIII в. [24, с. 221]. Для вятичских древностей Т. В. Равдина уточняет эту датировку, обозначив верхнюю хронологическую границу серединой XII в. [22, с. 83].

Значительно разнообразнее в третьей группе стали перстни, представленные помимо проволочных, рубчатых и ложновитых тройным витым, валиковым, одно- и двузигзаговыми и тонкопластинчатыми широкосерединными с различным орнаментом. К числу последних принадлежит перстень из погр. 1 кург. 15 (рис. 1, *11*). Аналогичные перстни были найдены в Шишимрово и Бочарово, причем в обоих погребениях с относительно ранними вещами (в первом случае — горшок XI в., во втором — вещи XI — первой половины XII в.) [25, с. 225; 26, с. 72, табл. VI, *10*]. Перстни с круглыми вставками (погр. 1 кург. 15) не характерны для сельского населения. В Новгороде они относятся к слоям середины XII—конца XIV в. [23, с. 140—141]. На Белоозере девять стеклянных вставок для перстней были найдены в горизонтах XII—XIII вв. [27, с. 142].

Только в погребениях третьей группы были встречены монетовидные привески. К ранним относятся привески с волютообразным орнаментом (рис. 1, *9*), которые были распространены повсеместно и датируются XI — первой половиной XII в. [28, с. 111]. Привеска, очень близкая беседским, была найдена в гочевских курганах [29, с. 94, рис. 17]. Монетовидные гладкие привески характерны для территории вятичей [21, с. 123].

Четвертая группа. ВК7 представлены здесь третьим типом. В эту группу включено погр. 2 в кург. 1. ВК7 из него по формальным признакам относится ко второму типу, однако, по определению Т. В. Равдиной, по форме и четкости орнамента должно относиться к третьему типу и иметь боковые колечки[5]. На более поздний характер погребения указывает и набор бус, который существенно изменяется в этой группе. Во-первых, стеклянные бусы, ранее отмечаемые во всех погребениях, исче-

[5] Выражаем глубокую признательность Т. В. Равдиной за консультацию.

зают. Во-вторых, в этой группе появляются хрустальные шарообразные бусы, которые в последующих группах наряду с сердоликовыми бипирамидальными занимают господствующее положение. Обе эти черты характерны для указанного выше погребения.

Другие украшения в основном уже встречались в предыдущих группах. Из ранних вещей необходимо отметить ложнозавязанный дротовый браслет. В погр. 2 кург. 21 впервые встречен литой перстень с углубленным орнаментом, заполненным эмалью (рис. 1, *13*). Такие перстни характерны только для вятичского ареала [20, с. 261].

Пятая группа. В погребениях этой группы наряду с более ранними типами (рис. 1, *2*) встречены ВК7 четвертого типа (рис. 1, *3*). Этот тип появляется во второй половине XII в. [22, с. 76] и характеризуется вторым орнаментом (заштрихованные городки), секировидной формой лопастей, увеличением размеров. Однако ВК7 этого типа в Беседах отличаются своеобразием. Размеры их, как правило, не превышают размеры третьего типа, почти все они имеют скругленные лопасти. ВК7 из кург. 29 даже не имеет такого непременного атрибута своего типа, как боковые колечки (рис. 1, *4*). Поэтому ВК7 пятой группы, учитывая их своеобразие, а также сочетание с более ранними, можно отнести к середине — началу второй половины XII в.

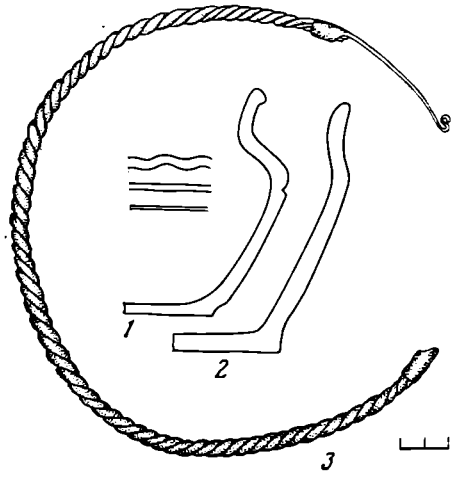


Рис. 2. Погребальный инвентарь курганов в с. Беседы. *1* — кург. 11, погр. 2; *2* — кург. 11, погр. 1; *3* — кург. 29

Набор бус становится стабильным. Теперь почти во всех погребениях наряду с сердоликовыми бипирамидальными встречены хрустальные шарообразные. Стеклянные бусы в погребении кург. 29 являются анахронизмом.

Наряду с шаровидными со щелевидной прорезью и массивными бубенчиками (рис. 1, *8*) встречен ранний грушевидный крестопрорезной (рис. 1, *6*).

Интересно, что если в более ранних группах в Беседах гривны были довольно редким украшением, то в этой группе три из пяти погребений содержали их находки. Они представлены новым типом: витые с припаянными пластинчатыми наконечниками из простого и сложного жгута (рис. 2, *3*).

Появлением нового типа отмечены также браслеты: витые петлеконечные из сложного жгута (2×3, 2×4). У вятичей эти украшения входят в моду в основном в конце XII в. [22, с. 83]. Однако в Беседах мы, вероятно, имеем дело со случаем их более раннего появления. В кург. 19 такой браслет был найден вместе с дротовым несомкнутым, что позволяет датировать это погребение серединой — началом второй половины XII в. В кург. 9 вместе с витым (2×4) браслетом встречен литой ячейковый перстень с эмалью. Перстни этого типа бытовали только у вятичей в начале третьей четверти XII в. [30, с. 138].

Кроме уже указанных, в погребениях пятой группы были найдены ложновитой (витье имитируется насечками), пластинчатый загнутоконечный (рис. 1, *18*) и ранний дротовый ложнозавязанный браслеты (рис. 1, *10*).

Продолжает сохраняться отмеченное выше разнообразие форм перстней, из них некоторые до этого не встречались. К ним относится находка витого (2×3) перстня с прокованными концами. Отметим, что украшения со сложным витьем появляются в Беседах только в этой группе. Вместе с ним были найдены указанный выше ячейковый перстень, а также литой с эмалью и растительным орнаментом. В Беседах находки перстней

с эмалью относятся к относительно поздним группам. В погребении кург. 29 встречен единственный экземпляр цепевидного перстня. Такие же были найдены в Поворовке [31, с. 88, табл. II, *5*] и в Юдино [19, с. 196].

По сочетанию вещей пятую группу следует датировать серединой — началом второй половины XII в.

Шестая группа представлена единственным погр. 2 в кург. 32. В нем найдены ВК7 четвертого типа. На основании сочетания их с дротовым несомкнутым браслетом погребение можно отнести к началу второй половины XII в. Набор бус остается прежним: сердоликовые бипирамидальные и хрустальные шарообразные.

В заключение обзора женского погребального инвентаря заметим, что ВК5 (рис. 1, *5*) не включены в таблицу из-за своей малочисленности, а также в силу того, что они не образуют компактной хронологической группы. Эти украшения характерны только для вятичей.

Мужской погребальный инвентарь значительно беднее. В основном он представлен поясными пряжками и кольцами, ножами. Большинство пряжек относится к лировидным, типологию которых предложила Т. В. Равдина [22, с. 104—106]. Лировидные пряжки с лилиевидным носиком (кург. 14; рис. 1, *15*) характерны для второй половины XI — первой-второй четверти XII в., пряжки с арочным приемником (кург. 21, погр. 2; рис. 1, *16*) — для рубежа XI—XII — середины XIII в. Интересна находка в Беседах трех лировидных узловатых пряжек, которые были отлиты в одной форме (кург. 13; кург. 15, погр. 2; кург. 25; рис. 1, *17*). Пряжки этого типа встречены в основном на вятичской территории и датируются второй четвертью XII — началом второй половины XII в.

Ножи в Беседах обнаружены как в мужских, так и в женских погребениях. В женских погребениях они находились у головы (кург. 2), у левого плеча (кург. 8, погр. 1) и в небольшом кострище рядом со скелетом (кург. 29). Такое положение ножа носило ритуальный характер [32, с. 58] и связано, вероятно, с языческой обрядностью. Судя по пропорциям, ножи из Бесед изготовлены по технологии, появившейся в начале XII в. [33, с. 48].

Железные булавки в виде острия с подвижным кольцом (кург. 15, погр. 2; кург. 20) по новгородской стратиграфии датируются началом XII — первой половиной XIII в. [23, с. 75].

Единственный костяной цельный гребень трапециевидной формы был найден в мужском погребении кург. 27. В Харлапове аналогичный гребень был обнаружен также в мужском погребении [24, с. 201]. Гребни этого типа исчезают в первой половине XII в. [14, с. 102].

К языческим чертам обряда относятся находки целых сосудов [7, с. 49]. В Беседах они были обнаружены в большинстве погребений. Это обычные для XII в. горшки (рис. 2, *1*), красновато-сероватого цвета в изломе [34, с. 59—60]. Исключение составляет горшок из погр. 1 кург. 11, который имеет архаическую форму (рис. 2, *2*).

Разницы в погребальном инвентаре между восточной и западной частями группы не наблюдается. Так, из раскопок А. В. Арциховского кург. 1—11 относится к восточной части группы и кург. 13—29 — к западной. В корреляционной таблице они располагаются «чересполосно», вперемежку. Обе части могильника действовали одновременно и составляли единое языческое кладбище вятичей с незначительными элементами христианской обрядности.

На основании анализа погребального инвентаря и обряда беседские курганы следует считать одними из самых ранних, содержащих типично вятичский набор украшений (ВК7, ВК5, литые с эмалью и решетчатые перстни и т. д.) и датировать временем после 10-х годов — началом второй половины XII в. За столь короткий промежуток времени набор женских украшений значительно изменяется, что особенно хорошо видно на примере наиболее массовых, популярных вещей (ВК7, бусы). Фактор моды играл активную роль. Украшения редко переживали моральное старение. Менее распространенные украшения консервативнее, их эволю-

Эволюция набора вятичских женских украшений (курганы в с. Беседы)

№ группы	№ кургана, погребения	ВК7				Бусы															
						стеклянные															
		первый тип	второй тип	третий тип	четвертый тип	цилиндрические золоченые и желтые	бочонковидные печеночные с инкрустацией	битрапецоидные		шарообразные		зонные				шарообразные желтые	бочонковидные золоченые и желтые	сердоликовые бипирамидальные
								желтые	голубые	зеленые	белые	фиолетовые	печеночные	голубые	зеленые			
1	16,1	+										+		+	+	+	+	
	8,1					+											+	
	8,2	+					+						+		+		+	
2	2		+			+				+								
	22,2		+											+	+	+	+	+
	30	+		+														+
	15,1		+	+				+										+
3	31,1			+											?	+	+	+
	31,2	+	+													+	+	
	24		+	+														
	4		+	+													+	+
	5		+	+												+		+
																+	+	+
	1,2		+ →	.														
	21,2			+														+
4	6,2			+														+
	28			+														+
																		+
	29		+		+				+		+				+		+	+
	23,2		+	+	+													+
5	11,1			+	+													+
	19			+	+													+
	9			+	+													+
6	32,2				+													+

№ группы	№ кургана, погребения	Бубенчики				Гривны			Браслеты				Перстни					
													решетчатые					
		хрустальные шарообразные	грушевидные крестопрорезные	шаровидные со щелевидной прорезью	массивные	витые с круглопроволочными концами	ложновитые	витые с припаянными наконечниками	пластинчатые загнуточконечные	дротовые ложнозавязанные	дротовые несомкнутые	витые петлеконечные, 2×3, 2×4	однозаговые	двузаговые	пластинчатые широкосрединные	витые тройные	литые с эмалью	витые, 2×3
1	16,1			+					+									
	8,1																	
	8,2			+		+												
2	2			+			+											
	22,2			+										+	+			
3	30		+							+					+			
	15,1		+	+	+								+	+	+	+		
	31,1				+								+					
	31,2																	
	24				+		+		+						+			
	4			+							+			+	+			
	5						?								+			
4	1,2	+														+		
	21,2				+				+								+	
	6,2														+			
	28	+		+						+								
5	29	+			+			+		+								
	23,2	+	+	+	+			+	+						+	+		
	11,1	+																
	19							?			+	+				+		
	9	+										+		+	+		+	+
6	32,2	+		+							+							

ция происходила значительно медленнее. В заключение отметим, что указанные изменения в наряде вятичской женщины, возможно, носят узколокальный характер.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЙ

Курган 1. Погребение 2. 4 целых и обломки одного ВК7 без боковых колечек, с первым орнаментом; бусы: 7 сердоликовых бипирамидальных, 1 хрустальная шарообразная; перстни: витой тройной петлеконечный, проволочный с заходящими концами, ложновитой замкнутый; горшок с линейным орнаментом.

Курган 2. 4 ВК7 без колечек, с первым орнаментом; 1 ВКП; бусы: 23 целые и 1 половинка сердоликовых бипирамидальных, продолговатая аморфная из светлого кварца, стеклянные – цилиндрическая золоченая, 4 бочонковидные псевдозолоченые (из желтого стекла с бесцветным покрытием), шарообразные желтая и зеленая; привеска-конек; 16 шаровидных со щелевидной прорезью бубенчиков; гривна ложновитая с плоскими концами (от замка сохранилась часть крючка на одном конце); перстни: рубчатый, проволочный замкнутые; 2 поясных железных кольца; разделитель ремня в виде колесика со спицами; эсовидное бронзовое звено цепочки с колечком; нож с деревянной рукоятью; 5 гвоздей; горшок с линейным орнаментом и обломки другого.

Курган 3. 2 ножа (один – в насыпи); 2 гвоздя; горшок с линейным орнаментом.

Курган 4. В насыпи – ВК7 без колечек, с первым орнаментом; в погребении – ВК7 с первым орнаментом, из них 2 с колечками и 4 без колечек; бусы: 11 целых и 2 половинки сердоликовые бипирамидальные, 1 бипирамидальная из серого халцедона, 9 стеклянных шарообразных желтых; 10 шаровидных со щелевидной прорезью бубенчиков; браслеты: дротовый с утолщением посредине несомкнутый, витой тройной петлеконечный; перстни: решетчатый двузигзаговый, пластинчатый широкосрединный с чеканным орнаментом, пластинчатый широкосрединный несомкнутый с зигзагообразным орнаментом по краям; ложновитой замкнутый, проволочный замкнутый: обрывок шерстяной ткани.

Курган 5. ВК7 с первым орнаментом, из них 5 целых и 1 обломок без боковых колечек и 1 с колечками; 1 ВКП с заходящими концами; бусы: 6 сердоликовых бипирамидальных, 18 стеклянных желтых, из них 11 шарообразных и 7 бочонковидных: остатки гривны (в области груди), браслет, плетенный из 5 проволок, со стержнем внутри, завязанный; перстни: пластинчатый широкосрединный несомкнутый с чеканным орнаментом, валиковый литой несомкнутый, проволочный замкнутый (под кусочком кожи); сюльгама с вытянутыми лопастями и иглой; нож; 4 костыля.

Курган 6. В насыпи – обломок ВК7 (в коллекции отсутствует) и бубенчик шаровидный со щелевидной прорезью. В погр. 2–2 ВК7 с боковыми колечками и первым орнаментом: 2 сердоликовые бипирамидальные бусины; скоба железная; горшок с линейным орнаментом и обломки другого. В погр. 3–3 сердоликовые бипирамидальные бусины[6].

Курган 7. Курган сильно поврежден. Бусина стеклянная зонная голубая.

Курган 8. Погребение 1. 8 ВКП с заходящими концами; бусы стеклянные: 11 бочонковидных желтых и 2 тройные пронизки из таких же бус, 7 цилиндрических желтых, много обломков; перстни: 2 проволочных несомкнутых; нож; горшок с линейным орнаментом. Погребение 2. 6 ВК7 малых размеров, без боковых колечек, с первым орнаментом; бусы стеклянные: 4 печеночного цвета, из них 2 бочонковидные с желтой спиральной инкрустацией и 2 зонные, 14 зеленых, из них 9 зонных, 1 четверная, и 4 двойные пронизки, 8 бочонковидных золоченых; 3 шаровидных со щелевидной прорезью бубенчика; гривна витая тройная с круглопроволочными концами; пряжка проволочная спиралеконечная; горшок с линейным орнаментом.

Курган 9. 4 ВК7 с колечками, из них 2 с первым орнаментом и 2 – со вторым; 1 ВКП; бусы: 7 сердоликовых бипирамидальных, одна хрустальная шарообразная; браслет витой (2×4) петлеконечный; перстни: литые пластинчатые широкосрединные с эмалью (ячейковый и с растительным орнаментом), пластинчатый широкосрединный с орнаментом в виде треугольников, решетчатый двузигзаговый, ложновитой замкнутый, витой (2×3) с прокованными концами; нож; горшок с линейным орнаментом.

Курган 11. Погребение 1. 3 ВК7 с боковыми колечками, из них 2 со вторым и 1 – с первым орнаментом; 1 ВК5 с колечками и вторым орнаментом; бусы: 3 сердоликовые бипирамидальные, 2 хрустальные шарообразные; горшок с линейным орнаментом (в нем находились 1 ВК7 и 1 ВК5 из вышеназванных). Погребение 2. Пряжка квадратная; нож с костяной рукоятью; 3 гвоздя, горшок.

Курган 13. Пряжка лировидная узловатая с обоймицей; восемь бронзовых четырехлепестковых бляшек; накладка пояса; нож; горшок.

Курган 14. Пряжки железная четырехугольная, выполнявшая роль поясного кольца, и бронзовая лировидная с лилиевидным щитком; 2 ножа; обрывок кожаной обуви.

---

[6] Возможно, бусы относятся к погр. 2, так как скелет погр. 3 залегал над ним.

Курган 15. Погребение 1. 7 ВК7 с первым орнаментом, из них 4– с боковыми колечками и 3– без них; бусы: 25 сердоликовых бипирамидальных, янтарная бипирамидальная со сглаженными гранями, стеклянные желтые –6 шарообразных, 2 битрапецоидные и 2 бочонковидные; 10 монетовидных привесок с волютообразным орнаментом; бубенчики: грушевидный крестопрорезной, 12 шаровидных со щелевидной прорезью, 2 массивных; перстни: 4 рубчатых и 4 ложновитых замкнутых, 4 проволочных с несомкнутыми концами, решетчатые (из них 3– однозигзаговые и 1– двузигзаговый), витой тройной петлеконечный и обломки такого же, пластинчатый широкосрединный несомкнутый с орнаментом, 2 с круглыми вставками из голубого стекла и желто-серого камня; остатки кожаной обуви; костыль; горшок. Погребение 2. Булавка в виде железного острия с подвижным кольцом в головке; пряжка лировидная узловатая; кольцо поясное; нож с деревянной рукоятью; горшок.

Курган 16. Погребение 1. 2 ВК7 малых размеров без боковых колечек, с первым орнаментом, 1 ВК5 с боковыми колечками и первым орнаментом; 1 ВКП с замкнутыми концами; бусы стеклянные: зонные – 5 голубых, 4 фиолетовые и 1 светло-зеленая, желтые бочонковидная и шарообразная, а также их обломки; бубенчик шаровидный со щелевидной прорезью; браслет пластинчатый S-конечный с чеканным орнаментом; горшок с линейным орнаментом. Погребение 2. 6 гвоздей.

Курган 17. Нож: 4 костыля; 2 горшка (1– с линейным, другой – с волнистым и зубчатым орнаментом).

Курган 18. Нож: остатки кожаной обуви; обломок горшка.

Курган 19. 2 ВК7 с колечками, 1– с первым и 1– со вторым орнаментом; 2 трехбусинных височных кольца с гладкими двустворчатыми бусами; 3 сердоликовые бипирамидальные бусины: обломок гривны; пуговица бронзовая; браслеты: витой (2×3) петлеконечный, проволочный несомкнутый; перстень витой тройной с обрубленными концами.

Курган 20. Булавка в виде железного острия с подвижным кольцом в головке; 2 железных поясных кольца: нож с деревянной рукоятью.

Курган 21. Погребение 1. Пряжка арочная; кольцо поясное железное; нож. Погребение 2. 3 ВК7 с боковыми колечками и первым орнаментом; 1 ВК5 с боковыми колечками и первым орнаментом; бусы: 6 сердоликовых бипирамидальных, 10 бронзовых спиральных; бубенчик массивный, обернутый в кусочек ткани и помещенный в деревянный футляр; браслет пластинчатый загнутоконечный с чеканным орнаментом; перстни: 3 проволочных и 2 рубчатых замкнутых, пластинчатый широкосрединный литой с орнаментом и остатками эмали; горшок.

Курган 22. Погребение 1. Бубенчик шаровидный со щелевидной прорезью; замки: цилиндрический и кубический (в коллекции отсутствуют); 2 поясных кольца; горшок с линейным орнаментом и клеймом в виде широкого креста с крестообразным узором внутри. Погребение 2. 2 ВК7 без боковых колечек, с первым орнаментом: бусы: 4 кольцевидные бронзовые, 6 бипирамидальных сердоликовых, 1 бипирамидальная из обожженного сердолика, стеклянные-битрапецоидные голубая и зеленая, бочонковидная золоченая; бубенчик шаровидный со щелевидной прорезью (в горшке); перстни: решетчатый двузигзаговый, широкосрединный несомкнутый с чеканным орнаментом, валиковый несомкнутый (в горшке); 3 оловянных шарика; предмет железный; горшок с волнистым орнаментом и клеймом типа буквы Х.

Курган 23. Погребение 1. Бубенчики: грушевидный крестопрорезной, шаровидный со щелевидной прорезью; нож; обломки тонкого медного жгутика из двух проволок; 4 гвоздя; обломки двух горшков. Погребение 2. 3 ВК7 с боковыми колечками и вторым орнаментом, 1– с колечками и первым орнаментом, 1– без боковых колечек и с первым орнаментом; бусы: 10 сердоликовых бипирамидальных, 8 хрустальных шарообразных; бубенчики: 2 шаровидных со щелевидной прорезью, массивный, грушевидный крестопрорезной; гривна витая (2×3) с припаянными пластинчатыми наконечниками; браслет пластинчатый загнутоконечный с орнаментом; перстни: пластинчатый широкосрединный с чеканным орнаментом, витой тройной с прокованными несомкнутыми концами, 4 проволочных (из них 3 замкнутых и 1– с заходящими концами), ложновитой несомкнутый; бляшка прорезная (в коллекции отсутствует); нож: 3 костыля; обломки 2 горшков; на дне одного из них клеймо в виде креста в круге.

Курган 24. В насыпи – гладкая монетовидная привеска и сердоликовая бипирамидальная бусина. 4 ВК7 с первым орнаментом, из них 2 – с боковыми колечками и 2– без них; 1 ВКП; бусы: 7 сердоликовых бипирамидальных, 5 целых и обломки стеклянных бочонковидных желтых; 5 гладких монетовидных привесок; бубенчик массивный; гривна ложновитая с пластинчатыми концами; браслет пластинчатый загнутоконечный; перстни: 2 пластинчатых широкосрединных несомкнутых с орнаментом; 2 проволочных несомкнутых; пряжка проволочная спиралеконечная; 4 костыля; горшок.

Курган 25. В насыпи – черепки и горшок с клеймом в виде зверя. Пряжка узловатая; 2 поясных кольца; горшок с линейным орнаментом.

Курган 26. Кольцо железное; нож; горшок с линейным орнаментом.

Курган 27. Гребень костной цельный трапециевидный; пряжка лировидная; 2 плоских поясных кольца; обоймица трехпроемная (в коллекции отсутствует); нож; горшок с линейным орнаментом и клеймом в виде круга с диаметрами.

Курган 28. 2 ВК7 с колечками и первым орнаментом; бусы: 9 сердоликовых бипирамидальных, 5 хрустальных шарообразных, 5 билоновых бипирамидальных, 2 бронзовые спирали; бубенчики: 2 шаровидных со щелевидной прорезью; браслет ложнозавязанный; перстни: проволочный с заходящими концами, пластинчатый широкосрединный; 2 гвоздя; днище горшка с клеймом «крест в круге».

Курган 29. 4 ВК7 без колечек, три из них с первым орнаментом и два – со вторым; бусы: 9 сердоликовых бипирамидальных, 1 хрустальная шарообразная, стеклянные – бочонковидная желтая, битрапецоидная темно-голубая, 4 зонные зеленые, 2 бочонковидные серебрёные (1 – с покрытием из желтого стекла), 2 белые шарообразные глухого стекла; бубенчик массивный; цепочка железная с бронзовыми колечками на концах; гривна витая двойная с припаянными пластинчатыми наконечниками; браслеты: дротовый ложнозавязанный, ложновитой рубчатый; перстень цепевидный; 2 ножа; 2 железных предмета; серп железный (отсутствует).

Курган 30. 3 ВК7 с боковыми колечками и первым орнаментом, 1 – маленькое, без колечек, с первым орнаментом; бусы: 10 сердоликовых бипирамидальных, 1 стеклянная зонная (отсутствует); бубенчик грушевидный крестопрорезной; браслет дротовый ложнозавязанный; 2 перстня пластинчатых широкосрединных с чеканным орнаментом по краям и ребром посредине; нож; горшок с линейным орнаментом.

Курган 31. Погребение 1. 4 ВК7 с колечками и первым орнаментом; бусы: 6 сердоликовых бипирамидальных, 2 стеклянные шарообразные желтые; привески: 6 монетовидных гладких, 1 – с ободком по краю из точек; бубенчик массивный; перстни: решетчатый однозигзаговый, проволочный несомкнутый; пряслице битрапецоидное из розового шифера; горшок с линейным орнаментом. Погребение 2. 2 ВК7 без колечек, с первым орнаментом, одно из них – маленькое; нож; горшок.

Курган 32. Погребение 1. Перстень рубчатый; пряжка лировидная; нож. Погребение 2. 6 КВ7 с боковыми колечками и вторым орнаментом; 1 ВКП; бусы: 20 сердоликовых бипирамидальных, 6 хрустальных шарообразных, опаловая зонная; 3 раковины каури; 3 шаровидных бубенчика со щелевидной прорезью; браслет дротовый несомкнутый с утолщением посередине; перстни: 4 проволочных, из них 3 замкнутых и 1 – с заходящими концами; ложновитые замкнутый и несомкнутый, 2 рубчатых замкнутых.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Саблин М. А.* Список курганов Московской области // ИОЛЕАЭ. Т. XXXV. 1879.
2. *Бадер О. Н.* Материалы к археологической карте Москвы // МИА. 1947. № 7.
3. *Арциховский А. В.* Большой Беседский курган // МИА. 1970. № 176.
4. *Арциховский А. В.* Беседские курганы // КСИИМК. Вып. 21. 1947.
5. *Недошивина Н. Г.* Акатовский курганный могильник // Экспедиции ГИМ. М., 1969.
6. *Лесман Ю. М.* О сидячих погребениях в древнерусских могильниках // КСИА. 1981. Вып. 164.
7. *Недошивина Н. Г.* О религиозных представлениях вятичей XI–XIII вв. // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976.
8. *Недошивина Н. Г.* Хронологические различия в погребальном обряде вятичей // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.: Сов. Россия, 1971.
9. *Равдина Т. В.* Семилопастные височные кольца // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
10. *Щапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во МГУ, 1972.
11. *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. 1970. № 55.
12. *Равдина Т. В.* Еще раз о датировке древнего слоя Москвы // СА. 1963. № 1.
13. *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. К истории заселения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981.
14. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // СА. 1958. № 2.
15. *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Привески – бубенчики // Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.
16. *Фехнер М. В.* Шейные гривны // Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.
17. *Левашова В. П.* Браслеты // Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.
18. *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Тр. ГИМ. 1959. Вып. 33.
19. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М.: Изд-во РАНИОН, 1930.
20. *Недошивина Н. Г.* Перстни // Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.
21. *Журжалина Н. П.* Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. 1961. № 2.
22. *Равдина Т. В.* Хронология «вятичских» древностей. Канд. дис.: ИА АН СССР, 1975 // Архив ИА АН СССР, р-2, № 2154.
23. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981.
24. *Шмидт Е. А.* Курганы XI–XIII вв. у дер. Харлапова // МИСО. 1957. Вып. 2.
25. *Равдина Т. В.* Шишимровские курганы // Культура древней Руси. М.: Наука, 1966.
26. *Булычев Н. И.* Раскопки по среднему течению р. Угры (Бассейн р. Волги). М., 1913.
27. *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. X–XIII вв. М.: Наука, 1973.
28. *Успенская А. В.* Нагрудные и поясные привески // Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.
29. *Шинаков Е. А.* Население верхнего течения реки Псел в XI–XII вв. (по материалам Гочевского археологического комплекса) // Вестн. МГУ. Сер. истор. 1982. № 2.
30. *Равдина Т. В.* Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
31. *Рабинович М. Г.* Курганы в Поворовке // Сб. науч. студенческих работ. Вып. II. История. М.: Изд-во МГУ, 1940.
32. *Седов В. В.* Грицковские курганы // КСИА. 1971. 125.

33. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65.
34. *Рабинович М. Г.* Московская керамика // МИА. 1949. № 12.

V. V. Enukov

MOUNDS IN THE BESEDY VILLAGE

Summary

Discusses the grave goods and the burial rite of the mounds in the Besedy village. Enukov considers the site to be the earliest among the sites of the same kind. It exhibits a typically Vyatka set of women ornaments (hair rings, massive enameled and open-work signet rings, etc.) dated between the 10s and the beginning of the second half of the 12th century. The range of women ornaments changed considerably within this short interval which is testified to by the evolution of the most popular objects. This identified six consecutive chronological groups of burials (Fig. 3) and showed that in the Old Russian times the factor of fashion played a certain role. In all probability the ornaments rarely survived to reach the stage of moral obsolescence.

Заметки

Л. Б. ВИШНЯЦКИЙ

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ПАЗАМИ ИЗ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ БЕРЕЗОВЫЙ РУЧЕЙ I

В 1981—1982 гг. экспедицией ЛОИА АН СССР проведены раскопки позднепалеолитического памятника Березовый Ручей I в бассейне р. Чулым (Шарыповский р-н Красноярского края) [1, 2].

Среди материалов памятника интересны два довольно хорошо сохранившихся костяных изделия, представляющих собой основы с пазами для вкладышей (рис. 1). Подобные изделия являются довольно редкой находкой, и это оправдывает их отдельную публикацию.

Оба орудия обнаружены при разборке костно-углистого заполнения очажного углубления, единственного сохранившегося на раскопанной части памятника объекта подобного рода. Материалом для изготовления первого орудия послужил рог северного или благородного оленя (здесь и далее фаунистические определения Н. М. Ермоловой). Длина этого орудия 22, ширина 2,5 и высота или толщина 1 см (рис. 1, *1*). Сохранилось оно хорошо, если не считать легкого повреждения одной из стенок паза у обоих концов. По форме изделие уплощенное и сильно удлиненное, в сечении слегка изогнутое и выпуклое. На внешней его стороне неразличимы какие-либо явные следы обработки, за исключением, возможно, уплощающего среза на проксимальном конце. На нижней стороне в значительной степени сохранилась губчатая масса рога. Дистальный конец изделия острый, по направлению к проксимальному концу оно расширяется, что является следствием естественной формы заготовки. Паз, ширина которого не превышает 2 мм, прорезан на всю длину одной из боковых граней изделия. Он выполнен очень аккуратно — стенки и дно его ровные и глубина на всем протяжении постоянна — около 3 мм. Поставленное на одну из боковых граней, изделие имеет изогнутый профиль, что также является следствием естественной формы рога (рис. 1, *1*).

Второе орудие изготовлено из фрагмента метаподии неопределимого точно животного. Оно также достаточно полно сохранилось, и лишь незначительная часть более тонкого конца его обломана. По размерам это изделие уступает первому — его длина 16, ширина 2, толщина 0,8 см. По форме оно, как и первое, удлиненно-уплощенное, в сечении же сегментовидное. Неповрежденному концу его придана закругленная форма; не исключено, что был закруглен и противоположный конец. На нижней поверхности сохранилась некоторая часть костной губчатой массы. Паз этого орудия начинается в 4 см от закругленного конца, ширина его в основной части такая же, как и у первого орудия, а глубина на 0,5 мм больше (рис. 1, *2*).

Поверхности обоих орудий за время пребывания в почве подверглись некоторому повреждению в результате химических процессов, что затрудняет выявление на них несомненных следов работы древнего мастера. Как было показано З. А. Абрамовой для аналогичных орудий в палеолите Енисея, паз служил для закрепления в нем острых кремневых микропластин [3]. Несомненно, что это справедливо и для описываемых здесь изделий, которые происходят с памятника, территориально и в культур-

ном отношении близкого енисейским. Показательно в этом отношении, что в коллекции Березового Ручья I двум костяным основам для вкладышей сопутствуют 23 микропластины, составляющие 4,5% от общего числа изделий из камня, а также 15 микронуклеусов, с которых такие пластины и снимались. Сечение большинства микропластин также не противоречит предположению об использовании их в качестве вкладышей к описанным костяным основам. В то же время вряд ли можно со всей определенностью сказать, использовались ли эти орудия в качестве ножей, наконечников копий или как-либо еще. Во всяком случае, как кажется, ближайшей аналогией им являются вкладышевые изделия из Кокорево I, описываемые З. А. Абрамовой как кинжалы [4, рис. 5, *2*; 5, рис. 50, *13*, *14*, рис. 52, *7*], служившие, видимо, главным образом режущим, а не колющим орудием [5, с. 111]. Эти орудия близки нашим по пропорциям, глубине и тщательности отделки паза, по форме и сечению. Следует отметить, что в енисейских памятниках, относящихся к афонтовской культуре, столь же близкие аналогии не прослежены, да и кинжалов там З. А. Абрамова не выделяет [6, с. 122, табл. 6]. Это еще раз свидетельствует в пользу сложившегося при анализе каменного инвентаря Березового Ручья I мнения, что в целом для индустрии этого памятника характерно смешение черт афонтовской и кокоревской культур [7. с, 104, 105].

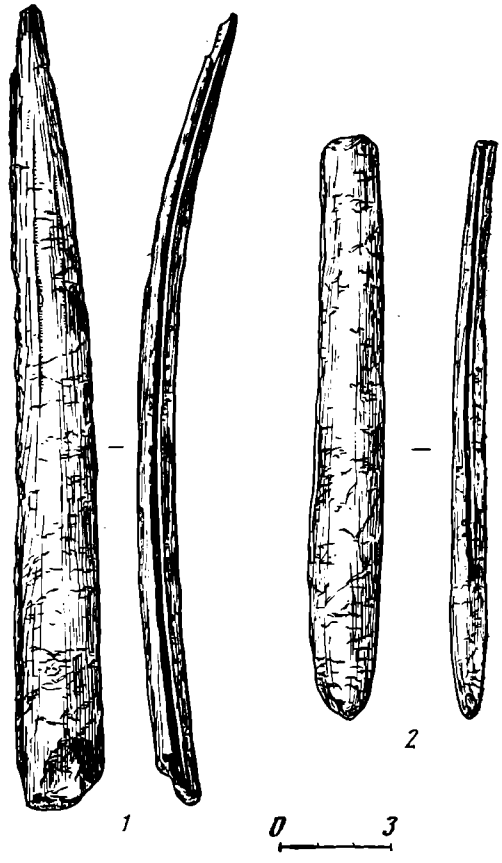


Рис. 1. Вкладышевые орудия со стоянки Березовый Ручей I (*1*, *2*)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Курочкин Г. Н., Мелентьев А. Н.* Палеолитическая стоянка Березовый Ручей I в зоне КАТЭК // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982.
2. *Мелентьев А. Н.* Работы в зоне КАТЭК // АО – 1981. М., 1982.
3. *Абрамова З. А.* О вкладышевых орудиях в палеолите Енисея // КСИА. 1967. Вып. 111.
4. *Абрамова З. А.* Новые данные по палеолиту Енисея // МИА. 1971. № 13.
5. *Абрамова З. А.* Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979.
6. *Абрамова З. А.* Афонтовская культура. Новосибирск: Наука, 1979.
7. *Вишняцкий Л. Б., Курочкин Г. Н., Мелентьев А. Н., Лисицин Н. Ф.* Палеолитическая стоянка в Красноярском крае // КСИА. 1986. Вып. 188.

А. С. СМИРНОВ

МОГИЛЬНИК СТАЙКИ II В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ ОКИ

В бассейне Верхней Оки до настоящего времени почти не было известно погребальных памятников эпохи ранней бронзы, кроме Детчинского и Михеевского могильников, расположенных на р. Суходрев севернее Калуги, у границ Московской обл. На них обнаружено по одному погребению. Южнее отмечены лишь случайные находки сверленых топоров и несколько фрагментов керамики позднего этапа среднеднепровской культуры на городище раннего железного века у с. Лужки Кром-

ского р-на Орловской обл. В то же время левобережье Верхней Оки, тесно смыкающееся с бассейном Десны и Поднепровья в целом, весьма интересно в плане взаимодействия двух крупных культур эпохи ранней бронзы — среднеднепровской и фатьяновской.

Грунтовый могильник Стайки II, обнаруженный в 1982 г. Деснинской экспедицией Института археологии АН СССР, позволяет в некоторой степени заполнить этот пробел. Памятник находится в Хвастовичском р-не Калужской обл., в верхнем течении р. Рессеты — правого притока р. Жиздры (левый приток р. Оки). В этом месте Волжский и Днепровский бассейны разделены легкопроходимым, местами заболоченным водоразделом. Деснинские (р. Болва) и окские (р. Рессета) притоки сходятся практически вплотную, в ряде случаев вытекая из одного болота. В летописное время здесь существовал волок из рек Десны и Болвы через р. Лохову в реки Рессету — Жиздру — Оку.

Могильник занимает пологий слабовыраженный мыс первой надпойменной террасы левого берега р. Рессеты в 1 км к востоку от с. Стайки. Мыс образован плавным изгибом коренного берега, с востока ограничен небольшим оврагом. Поверхность мыса, плавно повышаясь от поймы по направлению к северо-западу, на площади памятника повышается до 3 м. По краям мыс задернован, в центре дерновый слой уничтожен, обнажившийся песок активно развевается.

По всей видимости, здесь некогда находилась неолитическая стоянка, на площади которой и расположен могильник. Об этом свидетельствуют встреченные на выдувах кремневые отщепы и пластины, реже невыразительные кремневые орудия, мелкие фрагменты неолитической керамики со следами ямочного и гребенчатого орнаментов.

В северной части развеваемого участка обнаружены четыре развала сосудов, сопровождавшиеся крупными кремневыми орудиями. Один из сосудов, который удалось расчистить, стоял на венчике практически в полной сохранности (погр. 1). Эти обстоятельства позволяют говорить, что здесь обнаружен грунтовый могильник. Развалы горшков, расположенные по линии северо-восток — юго-запад, находятся друг от друга на расстоянии от 1,5 до 7 м. Крайние сосуды отстоят один от другого более чем на 10 м. Скорее всего каждый развал и сопровождающие его кремневые орудия составляют инвентарь отдельного погребения. К сожалению, зачистка песчаного слоя в местах находок развалов сосудов, имевшая целью выявить какие-либо следы ям, погребальных сооружений и т. п., не увенчалась успехом.

Погребение 1 (рис. 1, *1, 2*). Сосуд с шаровидным туловом и высокой, слегка раздутой в центре шейкой. Общая высота сосуда 14 см при высоте шейки 5, диаметре тулова 13, венчика 12,5 см. Поверхность сосуда заглажена, желтого, местами красноватого цвета. Изнутри прослеживаются следы легкой штриховки. Тесто хорошо отмученное, с примесью дресвы, шамота и органики. Сосуд орнаментирован по шейке шнуровым орнаментом. На границе шейки и тулова имеются небольшие прямоугольные вертикальные вдавления. По плечикам нарезными линиями нанесены вертикальные фестоны.

Подобные сосуды неоднократно встречались в могильниках среднеднепровской культуры. Весьма близкие по форме и орнаментике горшки существовали на ее раннем и среднем этапах. Напоминая фатьяновские сосуды, он в то же время отличается от них слегка раздутой шейкой. Подобная форма шейки не характерна для сосудов фатьяновской культуры и была встречена лишь однажды на горшке с Ханеевского могильника [1, рис. 1, *37*].

Рядом с сосудом обнаружен нож на трапециевидной в сечении пластине, длиной 9,5 см, с плоской прпостряющей ретушью по обоим краям. Орудие изготовлено из темно-серого пятнистого кремня. Подобные орудия имели широкое распространение как в среднеднепровской [2, с. 40], так и в фатьяновской культуре [3, с. 73].

Погребение 2 (рис. 1, *3—5*). Сосуд с шаровидным туловом и небольшой цилиндрической шейкой. Высота сосуда около 10 см при макси-

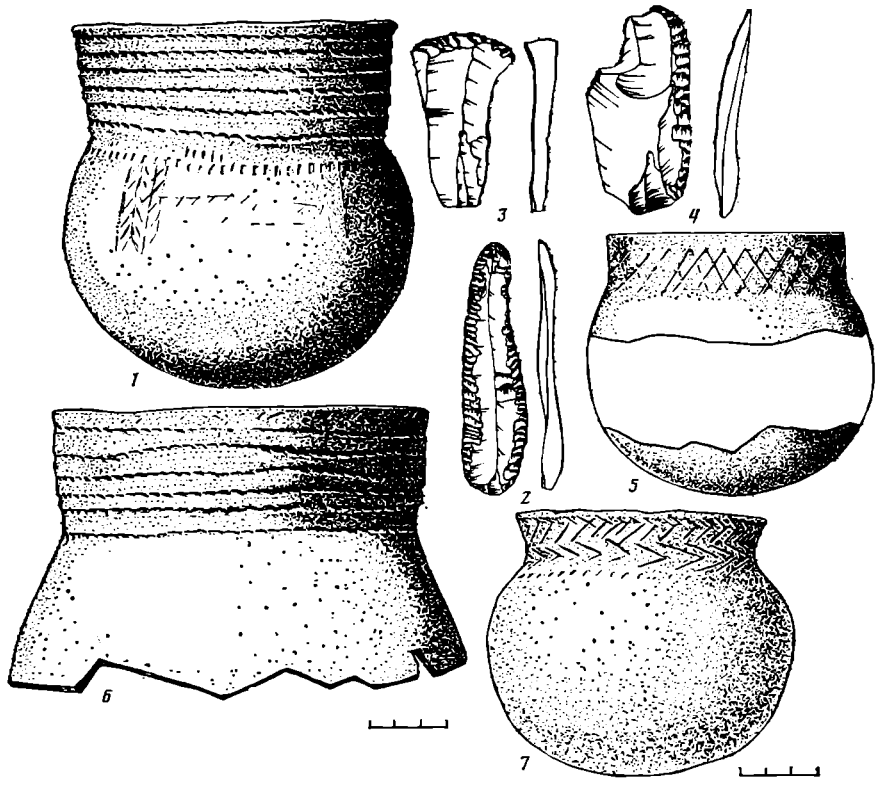


Рис. 1. Инвентарь погребений могильника Стайки II. *1*, *2* — погр. 1; *3—5* — погр. 2; *6* — погр. 3; *7* — погр. 4. *1*, *5*, *6*, *7* — сосуды глиняные; *2—4* — кремневые орудия

мальном диаметре тулова 10,5 см. Высота шейки 2, диаметр 8,5 см. Сосуд грязно-серого цвета, в тесте примесь шамота и органики. По шейке сосуда нанесены косые, взаимопересекающиеся нарезные линии. Из всех сосудов могильника этот по форме и орнаментике наиболее близок фатьяновским. Так, узор в виде прочерченной «решетки» весьма распространен в московско-клязьминской группе фатьяновской культуры [3, с. 224]. На сосудах из среднеднепровских могильников подобный орнамент встречен лишь дважды [3, с. 117]. Небольшая цилиндрическая шейка тоже более характерна для фатьяновских сосудов, чем для среднеднепровских с шаровидным туловом.

Рядом с горшком лежали концевой скребок на неправильной пластине с расширенной рабочей частью, оформленной крупной скребковой ретушью, и кремневый нож, изготовленный на аморфной пластине с приостряющей ретушью по боковому рабочему краю. Подобные ножи на широких пластинах характерны для могильников московско-клязьминской группы фатьяновской культуры [3, с. 41], встречены они и в среднеднепровских погребениях [2, с. 41].

Погребение 3 (рис. 1, *6*). Из погребального инвентаря сохранилась лишь верхняя часть горшка с шаровидным туловом и прямой цилиндрической шейкой высотой 4,5 и диаметром 14 см. Поверхность грязно-желтого цвета с темными подпалинами. Тесто хорошо отмученное, с примесью дресвы, шамота и органики. Сосуд орнаментирован по шейке шнуровым орнаментом с косыми неглубокими насечками (по всей видимости, ногтевыми) по краю венчика, типологически близок сосуду из погребения 1. Их связывает как форма, так и характер и элементы орнамента.

Погребение 4 (рис. 1, *7*). Круглодонный сосуд с эсовидным профилем, небольшой вогнутой шейкой и отогнутым венчиком. Общая высота сосуда около 10 см при высоте шейки около 1,5 см, диаметре тулова 12 и венчика 10,5 см. Поверхность сосуда желтовато-серого, местами слегка красноватого цвета. В тесте примесь дресвы, шамота и органики. Изнутри имеются следы заглаживания в виде слабой штриховки. По шейке сосуд

орнаментирован нарезными линиями, составляющими вертикальный зигзаг. Ниже идет полоса мелких вдавлений, нанесенных, по всей видимости, маленькой щепкой.

Этот сосуд имеет весьма близкие аналогии в среднеднепровской культуре. По форме и характеру орнамента он напоминает горшок из погр. 3 кург. 413 у с. Заборы [4, рис. 2, *10*]. Подобная форма доживает до среднего этапа среднеднепровской культуры. В то же время сосуды с эсовидным профилем неоднократно встречены в фатьяновских могильниках. Они известны во всех могильниках московско-клязьминской группы [3, с. 223].

Погребальный инвентарь могильника объединяет целый ряд общих черт. Все сосуды с округлым туловом и круглым гладким дном украшены простым однозональным орнаментом, выполненным прочерченными линиями или шнуром. Орудия изготовлены едиными приемами, из одного и того же кремня. Все это говорит о хронологическом единстве памятника.

В инвентаре могильника сочетаются черты двух культур — фатьяновской и среднеднепровской. Близость сосудов среднеднепровским проявляется уже в их внешнем виде. Для фатьяновских горшков характерна бóльшая залощенность, несколько иной цвет поверхности. Как правило, встреченные в могильниках сосуды находят себе весьма близкие по форме аналогии в погребениях Поднепровья.

Все виды орнаментов на сосудах из погребений могильника Стайки II встречены на среднеднепровских памятниках. Шнуровой орнамент сосудов погр. 1 и 3 — один из наиболее распространенных в среднеднепровской культуре начиная с раннего ее этапа. Вертикальный нарезной зигзаг (погр. 4) отмечен в Белынецком могильнике (кург. 21, погр. 1 и кург. 6, погр. 1) на р. Десне [5, рис. 8, *3*] и в ряде других памятников. Меньшее распространение в среднеднепровской культуре получил орнамент в виде пересекающихся нарезных линий.

Форма сосудов, технологические признаки, тип и элементы орнамента — все это связывает могильник Стайки II с кругом памятников среднеднепровской культуры. Дополнительным аргументом в пользу этого положения может служить характер кремня, использованного для изготовления орудий из погребений. Это меловой темно-серый пятнистый кремень. Он постоянно встречается на памятниках Верхнего Подесенья. Многочисленные выходы его имеются на правобережье р. Десны, встречены они также и на р. Болве. На юго-западных памятниках фатьяновского региона (московско-клязьминская группа) использовался фиолетово-розовый и красновато-коричневый кремень [3, с. 224].

Таким образом, в целом памятник может быть отнесен к ареалу среднеднепровской культуры. Однако в характере керамического инвентаря могильника имеется много черт, связывающих его с фатьяновскими, главным образом с памятниками московско-клязьминской группы. В сосудах этой группы, как и в горшках могильника Стайки II, широко употребляется дресва [3, с. 151, 152, 221]. Вторым технологическим признаком можно считать наличие на внутренней части сосудов (погр. 1, 4) следов полосчатого сглаживания. Подобная черта отмечена и на фатьяновских горшках [3, с. 151].

Сосуды могильника Стайки II имеют гладкое округлое дно без ямки. Эта же черта выделяет сосуды московско-клязьминской группы из общего круга фатьяновской керамики [3, с. 224]. Горшок из погр. 4 близок сосудам из Тимофеевского фатьяновского могильника [3, рис. 40, *25*]. Напоминает фатьяновский и сосуд из погр. 2, с его невысокой цилиндрической шейкой. Как уже было сказано, орнамент, украшающий его, не получил широкого распространения в среднеднепровской культуре, но часто наносился на фатьяновские горшки [3, рис. 46, *23*] в качестве разделителя орнаментальных зон. Как самостоятельный орнамент он отмечен только в трех случаях [3, с. 116]. Характерной чертой керамики московско-клязьминской группы является шнуровой орнамент [3, с. 126], присутствующий и на сосудах могильника Стайки II. Сближает эти группы

памятников и сам характер выполнения орнамента. В обоих случаях характерна достаточно простая, однозонная композиция, без каких-либо сложных элементов [3, с. 151, 221, 224].

Далее необходимо остановиться на датировке могильника. Форма сосудов, характер и элементы орнамента близки керамическому инвентарю раннего этапа среднеднепровской культуры. Однако обряд захоронения в грунтовых могильниках получает распространение лишь на среднем ее этапе [6, с. 32]. Нам кажется справедливым датировать могильник Стайки II началом среднего этапа среднеднепровской культуры. Косвенным подтверждением этому служит и отсутствие сложных геометрических орнаментов, появляющихся во второй половине среднего этапа [7, с. 247].

По всей видимости, могильник Стайки II старше Михеевского и тем более Детчинского могильников. На керамике последних шнуровой орнамент не играет самостоятельной роли, а является лишь разделителем орнамента [3, с. 127]. Для керамики характерны сложные узоры в виде треугольников с опущенными вниз вершинами и т. п. [8, табл. IV]. Более поздней по сравнению с материалами могильника Стайки II выглядит и керамика, обнаруженная у с. Лужки в истоках Оки, имеющая шнуровой орнамент в виде взаимопроникающих треугольников, узоры типа «колючей проволоки» [2, рис. 12, *17—23*].

Представляется, что могильник Стайки II не моложе ранних могильников московско-клязьминской группы (Ивангородского, Давыдковского и др.) [3, с. 226]. Он близок им как по топографическому положению, так и по орнаментации сосудов — наличию большого количества поясков из отпечатков шнура по шейкам сосудов [3, с. 226].

Сходство между памятниками среднеднепровской культуры и памятниками московско-клязьминской группы фатьяновской культуры неоднократно отмечалось в литературе. В настоящее время причину этого явления видят в генетической связи среднеднепровской и фатьяновской культур [3, с. 225, 259, 260; 6, с. 41], считая, что сложение московско-клязьминской группы происходило при участии среднеднепровского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирьянова Н. А.* Фатьяновский могильник у д. Ханево // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
2. *Артеменко И. И.* Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.: Наука, 1967.
3. *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972.
4. *Артеменко И. И.* Среднеднепровская культура // СА. 1963. № 2.
5. *Артеменко И. И.* Белынецкий могильник // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
6. *Артеменко И. И.* Среднее и Верхнее Поднепровье в конце энеолита и в эпоху бронзы: Автореферат докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1977.
7. *Артеменко И. И.* Среднее и Верхнее Поднепровье в конце энеолита и в эпоху бронзы: Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. М., 1977 // Архив ИА АН СССР, р-2, № 2222.
8. *Крайнов Д. А.* Памятники фатьяновской культуры. Московская группа // САИ. 1963. Вып. В1-19.

В. Я. СОРОКИН

УНИКАЛЬНОЕ ТРИПОЛЬСКОЕ ОРУДИЕ

Известно, что для орнаментации керамической посуды первобытных культур использовали любые предметы: птичьи косточки, перья, заостренные веточки, щепки, костяные шилья, шпильки, ножи и др. [1, с. 216]. Для украшения трипольской керамики, особенно раннего периода, широко применялись зубчатые штампы из створок речных моллюсков, кости, пластины из продольно расколотых клыков кабана. Они хорошо документируются на раннетрипольских поселениях Лука-Врублевецкая

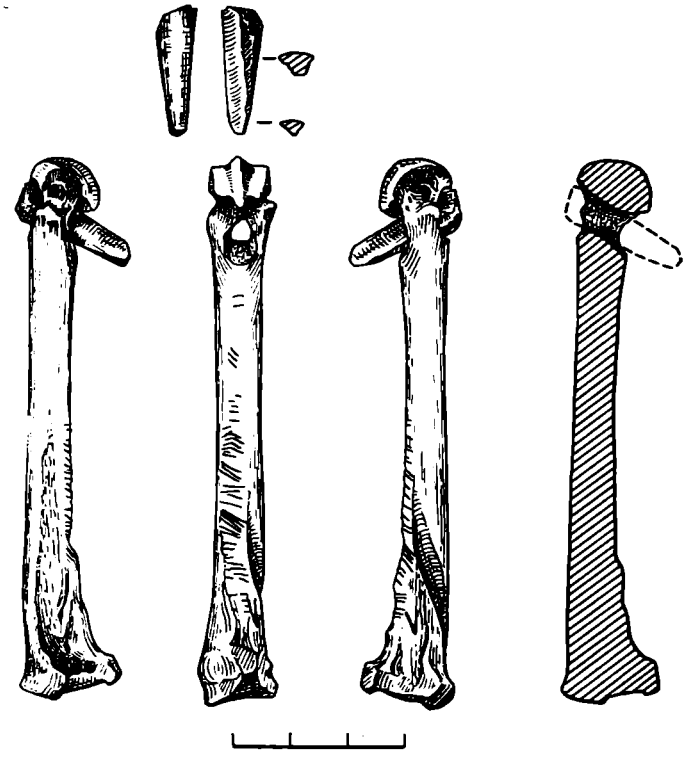


Рис. 1. Костяной составной орнаментир

[2, с. 116—118], Александровка I, Путинешты I [3, с. 54, 62], Александровка [4, с. 23], Бернашовка [5, с. 96, 98] и др. Для орнаментации расписной посуды предполагается использование разнообразных кисточек [6, с. 19].

В связи с этим представляет интерес орудие, предназначавшееся, по нашему мнению, для орнаментации керамики, найденное в 1980 г. при исследовании многослойного памятника Мерешовка-Четэцуе в 0,6—0,8 км к востоку от с. Мерешовка Окницкого р-на МолдССР, в урочище Четэцуя, на высоком сланцевом останце правого берега р. Днестр [7, с. 102]. Орудие представляет собой циркульный составной орнаментир для нанесения каннелюр и углублений на поверхности сырых сосудов[1], изготовленный из небольшой плюсневой кости волка[2], с пробитым в области эпифиза подпрямоугольным отверстием, в которое вставлялся съемный стержень — наконечник из продольного расчлененного трехгранного отрезка трубчатой кости, слегка подправленного на абразиве (рис. 1). Стержень найден вставленным в отверстие костяной рукоятки. По мере стачивания рабочей части наконечника его могли заменить новым. Линейные следы износа расположены в перпендикулярном положении к продольной оси изделия на самом кончике острия. Именно им осуществлялось нанесение углубленного орнамента. У противоположного нижнего эпифиза на боковых поверхностях кости видны короткие диагональные желобки от привязывания сухожилий или сыромятных ремешков. Одна из сторон кости уплощена и заточена на абразиве для того, чтобы при нанесении орнамента не деформировать поверхность сырых стенок сосудов. Участок эпифиза возле наконечника, расположенный на стертой стороне, заглажен до зеркального блеска от соприкосновения с обрабатываемой поверхностью сырого сосуда. Торец нижнего эпифиза сохраняет интенсивные следы затертости, образовавшиеся в результате стирания неправильно нанесенного углубленного орнамента. Наиболее выступающий боковой участок этого эпифиза скруглен, под ним заметны

[1] Определение Г. Ф. Коробковой.
[2] Определение А. И. Давида.

линейные следы, появившиеся от вращения орнаментира по поверхности сосуда (рис. 1).

Сложная составная конструкция изделия и следы износа на нем позволяют видеть в данном предмете своего рода циркульный орнаментир, с помощью которого можно было проводить углубленные линии на определенном расстоянии от венчика сосуда, так, чтобы эти линии имели вид сравнительно правильного круга.

Циркульный орнаментир, по всей вероятности, относится к поселению этапа B_I (IV трипольский слой), керамика которого украшена канеллюрами и углубленно-линейным орнаментом. В раскопе 1980 г. в этом слое каких-либо сооружений не обнаружено. Отметим, однако, что на керамике из этого слоя хорошо прослеживается орнамент, который мог быть нанесен этим орудием. Ширина и глубина желобков на керамике соответствуют тем, что образуются при работе найденным инструментом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Семенов С. А., Коробкова Г. Ф.* Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983.
2. *Бибиков С. Н.* Поселение Лука-Врублевецкая // МИА. 1953. № 38.
3. *Маркевич В. И.* Исследования молдавской неолитической экспедиции в 1970—1971 гг. // АИМ—1970—1971. Кишинев, 1973.
4. *Скакун Н. Н.* Орудия труда раннетрипольского поселения Александровка (в свете экспериментально-трасологического исследования) // СА. 1978. № 1.
5. *Збенович В. Г.* Поселение Бернашовка на Днестре. Киев: Наук. думка, 1980.
6. *Dumitrescu V.* Arta Culturii Cucuteni. Buc., 1979.
7. *Сорокин В. Я.* Раскопки многослойного поселения Мерошовка-Четэцуе в 1980 г. // АИМ—1979—1980. Кишинев, 1983.

С. Н. САНЖАРОВ, О. Я. ПРИВАЛОВА

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ДОНЕЦКОГО МУЗЕЯ

Памятники эпохи бронзы из фондов Донецкого областного краеведческого музея частично уже освещались в археологической литературе [1, с. 86—88; 2, с. 22—26; 3, с. 111—112]. Постоянный приток новых поступлений вызывает необходимость специального изучения и точного определения наиболее интересного материала.

В 1972 г. в Донецкий музей поступили сведения о разрушенном при строительных работах в Шахтерском р-не Донецкой обл. кургане в 4 км к северо-западу от с. Дмитровка. Памятник был осмотрен и частично доисследован зав. отделом Донецкого краеведческого музея О. Я. Привалоной. В результате опросов строителей установлено, что в кургане разрушено катакомбное погребение с входной шахтой, забутованной крупными камнями, отмечено большое количество порошка красной охры в погребальной камере, где зафиксированы остатки одного костяка. При погребенном находились лепной сосуд, каменный растиральник и костяной остроконечник (рис. 1). Все вещи поступили в фонды Донецкого музея.

Приземистый сосуд с короткой, слегка отогнутой шейкой, выпуклыми боками (наибольший диаметр приходится на середину тулова) и широким плоским дном. Поверхность его заглажена и орнаментирована резными линиями и вдавлениями палочки (рис. 1, *1*). Срез венчика украшен рядами насечек. По горлу и тулову нанесены пять круговых резных полосок, пространство между которыми заполнено вдавлениями палочки, создающими елочный орнамент. Придонная часть сосуда разделена на треугольные фигуры, заполненные вдавлениями палочки и прочерченными линиями. Высота сосуда 12, шейки 1,5 см; диаметры: венчика 12, максимальный 16,2, дна 9 см.

Каменный растиральник в виде удлиненного цилиндра с несколько

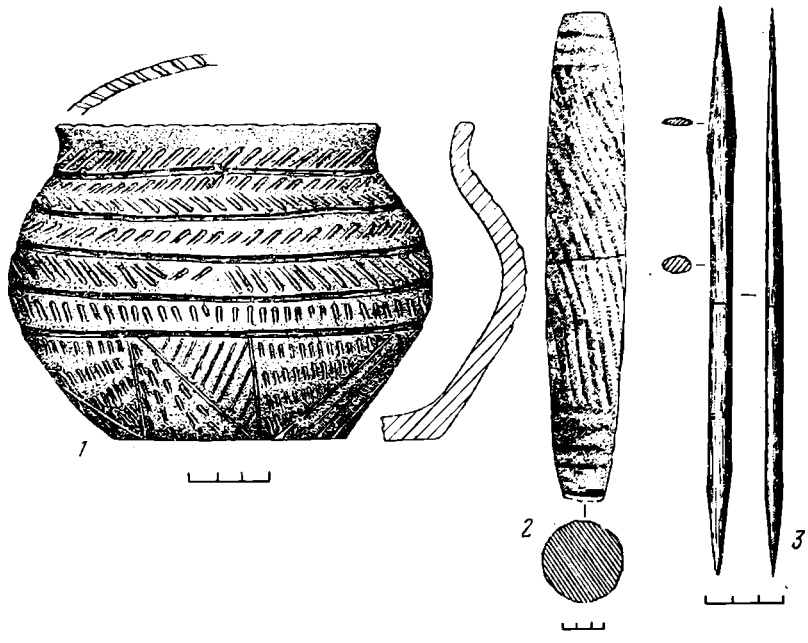


Рис. 1. Сосуд из погребения у с. Дмитровка (*1*); каменный растиральник (*2*); костяной остроконечник (*3*)

сужающимися концами выполнен из темно-зеленого диабаза[1]. Длина изделия 34,8 см, диаметр в средней части 5,8, на концах — 2,8—3 см (рис. 1, *2*). Поверхность орудия покрыта валиками (ширина 0,7—0,9 см) двух типов: винтообразные и круговые — в зависимости от практического предназначения той или иной части растиральника. По типу валиков поверхность делится на две зоны: центральную, непосредственно рабочую, с винтовой системой валиков, и конечную, парную зону, с круговыми валиками. Не исключена возможность использования растиральника в виде пестика, о чем свидетельствуют характерные следы на концах орудия.

Костяной остроконечник длиной 21,6 м, толщиной 0,7—1 см (рис. 1, *3*) имеет заполированную поверхность. Верхняя часть орудия ланцетовидной формы, нижняя в виде вытянутого конуса, заострена.

По классификации катакомбной керамики, предложенной С. Н. Братченко, дмитровский сосуд сближается с типами короткошейных горшков (отдел II, группы В и Г) [4, с. 26, 27], широко распространенных в среде катакомбных памятников. Стиль и характер орнаментации (геометрические фигуры, елка, прочерченный орнамент) свидетельствуют о его позднекатакомбной принадлежности [4, с. 124; 5, с. 26—34; 6, с. 11].

Приведенные нами каменный растиральник и костяной остроконечник в памятниках материальной культуры катакомбных племен встречены впервые и, возможно, представляют единый производственный комплекс. Их использование вполне уместно для приготовления глиняного теста, изготовления и орнаментации сосудов. Анализ техники нанесения орнамента на сосуд из дмитровского погребения показывает, что он выполнен орудием, аналогичным упомянутому остроконечнику.

Процесс выделения специалистов-ремесленников из среды рядовых общинников был достаточно характерен для юга Восточной Европы в период бытования развитой катакомбной культуры и культуры многоваликовой керамики [7, с. 85; 8, с. 246—248]. Дмитровский производственный набор может быть связан с погребением мастера-керамиста.

Таким образом, к известным функциональным наборам литейщиков

[1] Определение проведено в лаборатории при кафедре геологии Донецкого политехнического института под руководством д-ра геол. наук, проф. Л. П. Нестеренко, за что авторы приносят ему искреннюю благодарность.

[2, с. 22—26; 8, с. 248, 249; 9, с. 252—258], стрелочников [10, с. 347; 11, с. 52; 12, с. 164—169] и ткачей [13, с. 70—81], происходящих из погребений катакомбных культур, следует добавить и производственный набор горшечника, являвшегося в древности основной фигурой в развитии массового производства [14, с. 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шаповалов Т. О., Телегін Д. Я.* Матеріали епохи міді — бронзи Донецького музею // Археологія. 1971. № 1.
2. *Шапошникова О. Г.* До питання про металообробку у племен донецької катакомбної культури // Археологія. 1971. № 1.
3. *Привалова О. Я.* Дослідження Олександрівського кургану // Археологія. 1978. № 25.
4. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
5. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
6. *Шапошникова О. Г., Шарафутдинова И. Ф., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д.* Некоторые итоги изучения погребальных памятников эпохи меди — бронзы на р. Ингул // Археологические памятники Поингулья. Киев: Наук. думка, 1980.
7. *Рындина Н. В.* К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи // Вестн. МГУ. 1978. № 6.
8. *Березанская С. С.* Первые мастера-металлурги на территории Украины // Первобытная археология — поиски и находки. Киев: Наук. думка, 1980.
9. *Державин В. Л., Тихонов Б. Г.* Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье // СА. 1981. № 3.
10. *Писларий И. А., Гераськова Л. С., Дубовская О. Р., Смирнов А. М.* Исследования Северско-Донецкой экспедиции // АО — 1977. М., 1978.
11. *Бочкарев В. С.* Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
12. *Смирнов Ю. А.* Погребения мастеров-изготовителей древков и кремневых наконечников стрел. // Древности Дона. М.: Наука, 1983.
13. *Післарій І. О.* Про ткацтво в добу міді — бронзи та раннього заліза // Археологія. 1982. № 38.
14. *Сайко Э. В.* Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М.: Наука, 1982.

Я. П. ГЕРШКОВИЧ, В. И. КЛОЧКО, Н. П. ОЛЕНКОВСКИЙ

ЛИТЕЙНАЯ ФОРМА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ НИЖНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

В 1979—1983 гг. Н. П. Оленковским проводилось обследование позднепалеолитического местонахождения, расположенного в 1,2—1,5 км к востоку от балки Сомовой (восточная окраина с. Любимовка, Каховского р-на Херсонской обл.) [1, с. 315; 2, с. 293; 3, с. 297]. Здесь же из размывов лёссового берега Каховского водохранилища собран материал эпохи поздней бронзы, в том числе кварцевый фигурный пест (рис. 1, *1*), керамика и часть составной литейной формы (рис. 2, *1—4*).

Литейная форма изготовлена из слюдистого сланца, возможно происходящего из месторождений в Днепропетровской обл. и в Приазовье[1]. На ее широких сторонах вырезаны негативы двух предметов: 1 — крюк-подвеска с прямоугольным ушком (длина предмета 7, длина ушка 1,8 см) (рис. 2, *1*, *5*); 2 — маленький безушковый кельт, шестигранный в сечении, с валиком на втулке (длина 5,5 см) (рис. 2, *3*, *7*). На боковых гранях вырезаны негативы: стержня (длина — 3 см) с тремя валиками (застежка?) (рис. 2, *2*, *6*) и заготовки, из которой после литья (кузнечным способом) могла быть изготовлена лопастевидная подвеска, длиной 7,5 см (рис. 2, *4*, *8*). Судя по отверстиям для штифтов, расположенным по диагонали предмета, кельт отливался в двусоставной литейной форме. Третье отверстие на этой стороне старое, оставшееся от другого изделия, негатив

[1] Определение канд. геолого-минерал. наук В. П. Грищенко.

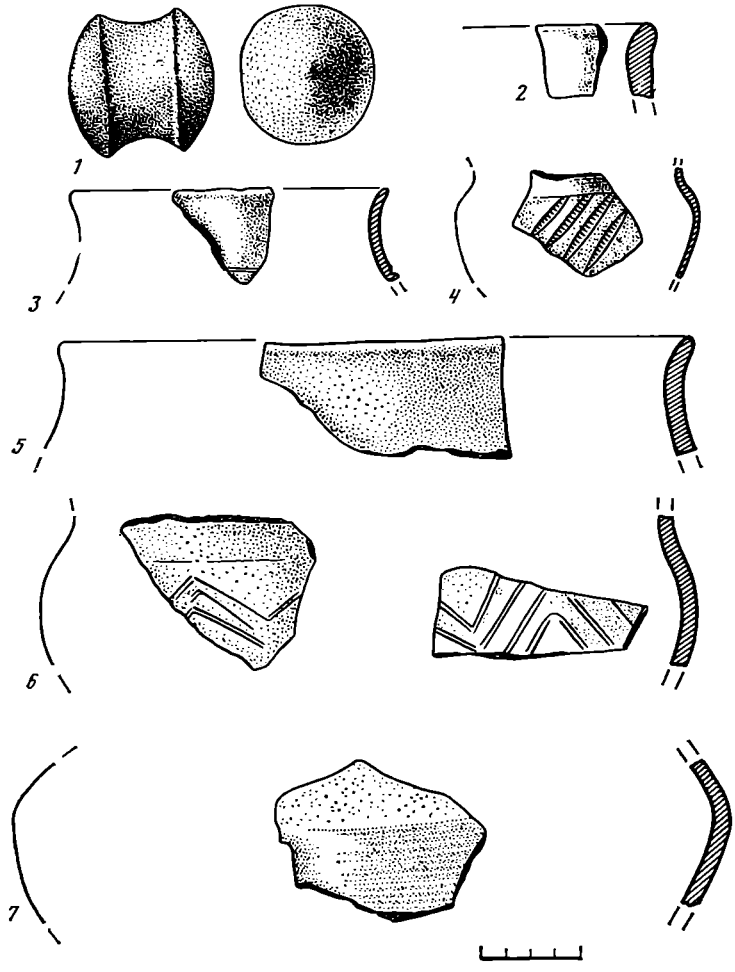


Рис. 1. Керамика (*2—7*) и кварцевый пест (*1*) с поселения эпохи поздней бронзы у с. Любимовка

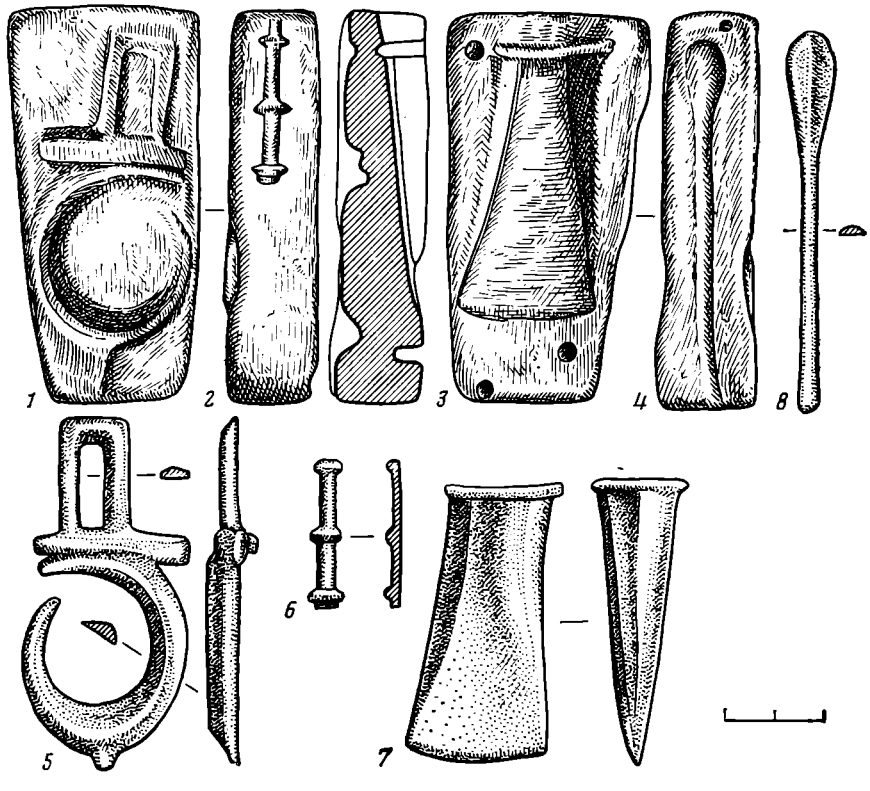


Рис. 2. Литейная форма (*1—4*) и предметы (*5—8*), реконструированные по ее негативам

которого был сточен. Остальные предметы отливались в односторонней форме с крышками. Отверстие для штифта на боковой стороне с заготовкой подвески старое, сточенное.

Прямые аналогии большинству предметов нам неизвестны. Кельты, близкие по форме, найдены в Ингульском и Райгородском кладах в Северном Причерноморье (тип К-10, по Е. Н. Черныху) [4, с. 73, табл. II, *13, 14*], в кладе Ульми в Молдове (Румыния), отнесенном М. Петреску-Дымбовицей к XIII в. до н. э. [5, с. 77, табл. 88, *4*]. Аналогичные предметы происходят из кладов Горско-Косово, Вырбица I и Дичево в Болгарии (тип К-32, по Е. Н. Черныху) [6, с. 192, табл. 35, *12—18*], отнесенных к центральноевропейским периодам БД-ГаА$_1$, которые в настоящее время датируются серединой XIII—XII вв. до н. э. [7, с. 17]. Однако наибольшее сходство у любимовского кельта наблюдается с безушковым, шестигранным в сечении кельтом Кишиневского клада, отнесенного В. А. Дергачевым к первой хронологической группе (XIII—XII вв. до н. э.) [8, с. 31, 32, рис. 11, *6*]. На основании этих аналогий и особенностей изготовления литейной формы ее можно отнести к переходному периоду от позднесабатиновского к раннебелозерскому времени.

Такому определению не противоречит найденная здесь же керамика. Она представлена фрагментами венчиков сосудов с грубой поверхностью бурого цвета (рис. 1, *2*) и фрагментами сосудов с темно-серой и серой лощеной поверхностью (рис. 1, *3—7*). На некоторых фрагментах видны уступчики у перехода от шейки к тулову орнамент из косых каннелюр (рис. 1, *4*) и врезных линий в виде зигзага (рис. 1, *6*). Большинство фрагментов сильно окатано из-за длительного пребывания в воде.

Лощеная посуда подобных типов широко представлена в белозерских погребениях. Бесспорно, прав В. В. Отрощенко, отметивший, что этот факт является следствием обычая ставить в могилу сосуды лучшего качества [9, с. 198]. В то же время и сосуды с валиками (сабатиновские) также изредка встречаются в белозерских курганах [9, с. 199, рис. 5, *8*], а на поселениях белозерская керамика, как правило, сопровождается сабатиновской [10, табл. I, *1, 13*].

Все это может указывать на отсутствие какого-либо значительного хронологического разрыва между позднесабатиновскими поселениями и некоторыми (по-видимому, самыми ранними) белозерскими могильниками. В данном случае на это еще раз указывает приведенная нами литейная форма XIII—XII вв. до н. э., происходящая из пункта, давшего в основном керамику белозерского типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Оленковский Н. П.* Работы на Сиваше и Нижнем Днепре // АО — 1979. М., 1980.
2. *Оленковский Н. П.* Разведки на Нижнем Днепре // АО — 1980. М., 1981.
3. *Оленковский Н. П.* Разведки на Нижнем Днепре // АО — 1981. М., 1982.
4. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
5. *Petrescu-Dîmbovita M.* Depozitele de bronzuri din România. Bucuresti, 1977.
6. *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
7. *Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe: cultural interrelations in the second millenium B. C. Praha, 1985.
8. *Дергачев В. А.* Бронзовые предметы XIII—VIII вв. до н. э. Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1975.
9. *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
10. *Ильинская В. А.* Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 5.

А. Г. АВДЕЕВ, Б. Г. ПЕТЕРС

ЗАМЕТКИ ОБ АМФОРНЫХ КЛЕЙМАХ ИЗ РАСКОПОК ФЕОДОСИИ

Керамические клейма из раскопок Феодосии публиковались неоднократно. В 1895 г. В. Н. Юргевич опубликовал бо́льшую часть клейм, найденных при земляных работах по устройству феодосийского порта [1, с. 87—174]. Позднее эти клейма с добавлением некоторого количества неопубликованных материалов из фондов Одесского археологического и Феодосийского краеведческого музеев вошли в рукопись Свода керамических надписей Северного Причерноморья (IosPE, III), подготовленную Е. М. Придиком и Б. Н. Граковым [1]. Родосские клейма из Феодосии, включенные в данное собрание, были специально рассмотрены Ю. С. Бадальянцем [3, с. 53—58].

В 1975—1977 гг. в Феодосии в районе Карантинного холма проводила работы экспедиция Института археологии АН СССР, возглавляемая Б. Г. Петерсом. За время ее работы на городище было обнаружено более 60 клейм античного времени, опубликованных А. С. Голенцовым и Б. Г. Петерсом [4, с. 207—222] [2].

В данной статье рассматриваются три неопубликованных клейма из феодосийских раскопок 1975 и 1977 гг. По центрам производства они распределяются следующим образом: Фасос — одно; неизвестные центры круга Фасоса — два клейма.

1. Клеймо на ручке фасосской амфоры (рис. 1, *1*). Глина бледно-терракотовая (ж 4), хорошо отмученная, насыщенная блестками слюды, без заметных крупных включений. Обмазка телесно-розового оттенка (о 5). Клеймо очень плохой сохранности, сохранилась лишь верхняя часть с остатками ретроградно выписанной легенды (по-видимому, сокращение имени), ниже видны остатки полукруглой эмблемы. На верхней рамке клейма заметен след ногтя большого пальца человека, ставившего клеймо. Полное восстановление легенды клейма не представляется возможным. По морфологическим и палеографическим признакам клеймо может быть отнесено ко второму стабильному периоду фасосского клеймения, датируемому Ю. Г. Виноградовым 360—340 гг. до н. э. [7, с. 59, табл. II] (ср. [8, с. 310, 311]) [3].

Клеймо обнаружено при раскопках здания V—IV вв. до н. э. [6, с. 70], на поверхности глинобитного пола, относящегося к последнему периоду существования здания, под завалом черепичной крыши. На этом же полу найдены фрагменты синопских амфор с клеймами астиномов II хронологической группы — Эпиэлпа, Теопейта и Посейдония [4, с. 218, № *17*, *18*, с. 219, № *25*], что в целом позволяет датировать весь комплекс 350—345 гг. до н. э.

Основными критериями для датировки данного комплекса служили синопские клейма II хронологической группы: ее нижней временно́й границей на основании датировки комплекса из погр. 8 курганной группы «Пять братьев», содержащего синопскую амфору с клеймом одного из последних астиномов I хронологической группы Хабрия, мы считаем начало третьей четверти IV в. до н. э. [11, с. 26, 43]. Этой дате не противоречат и подражания фасосской манере клеймения, характерные для некоторых астиномов I хронологической группы [12, с. 49]. Верхней временно́й границей II хронологической группы — рубеж IV—III вв. до

[1] Рукопись хранится в архиве ИА АН СССР (р=2, № 2157—2198). Отдельный оттиск статьи В. Н. Юргевича [2] с карандашными пометками Б. Н. Гракова, касающимися исправления неправильной локализации и ошибочных чтений плохо сохранившихся экземпляров клейм, находится в библиотеке кафедры истории Древнего мира исторического факультета МГУ.

[2] О работе экспедиции см. [5, с. 399—403; 6, с. 68—72]. Краткие статьи информационного характера о ходе раскопок были опубликованы в АО за соответствующие годы. В 1976—1977 гг. в работах экспедиции принимал участие А. Г. Авдеев.

[3] Определение цвета глины дано по шкале А. С. Бондарцева [9]. Размеры зерен включений определялись по шкале М. Васпльевского [10, приложение к главе XVII].

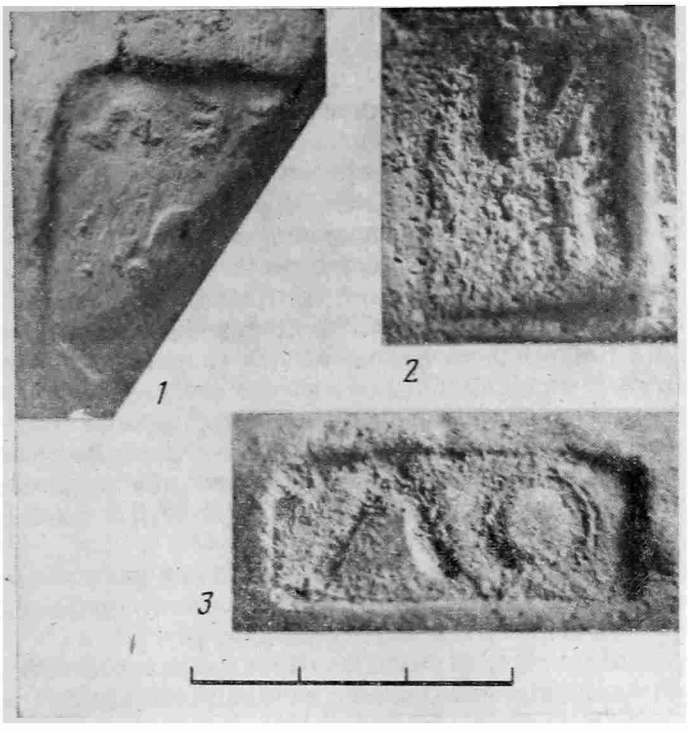


Рис. 1. Амфорные клейма из Феодосии. *1* — Фасос; *2, 3* — неизвестные центры круга Фасоса

н. э.— служит датировка комплекса из тризны в насыпи Зеленского кургана, содержащего синопские клейма II — начала III хронологических групп [13, с. 121; 14, с. 140; 15, с. 70; ср.: 16, с. 14][4]; эта датировка подкрепляется также тем обстоятельством, что две последующие группы, включающие около 50 астиномов [18, с. 132—134, 138—140], не выходят за пределы первой половины III в. до н. э. [19, с. 139]. Наличие фасосского клейма, датируемого 360—340 гг. до н. э., позволяет датировать феодосийский комплекс 350—340 гг. до н. э. На эту же дату указывает и керамический материал — фрагменты амфор и чернолаковых сосудов, найденные в комплексе [6, с. 70—72].

В какой-то мере в качестве terminus ante quem может быть использована находка в слое, перекрывающем комплекс, чернолакового канфара стиля Гнафии, датируемого 320—310 гг. до н. э. [20, с. 374].

Предлагаемую датировку подтверждает и историческая ситуация, сложившаяся на Боспоре в середине IV в. до н. э. В это время Феодосии при поддержке Гераклеи Понтийской и Херсонеса, вероятно, удалось восстановить независимость от Боспора, о чем свидетельствует возобновление чекана собственной монеты[5]. В результате новой войны, происходившей, согласно расчетам Д. Б. Шелова, между 353—347 гг. до н. э. [26, с. 173, 176][6], боспорский царь Левкон вернул мятежный полис под власть Боспора.

---

[4] Видимо, недоразумением объясняется датировка херсонесского клейма, происходящего из данного комплекса, 70-ми годами III в. до н. э. [17, с. 101].

[5] Разные номиналы из этой серии с изображением повернутой в три четверти головы быка на аверсе и шестилучевой розетки с сокращением названия полиса между лучами на реверсе были опубликованы Л. Н. Беловой [21, с. 145, табл. I, *9*, с. 149, 150] и М. И. Золотаревым [22, с. 89, № *1—3*]. Монетную серию с изображением безбородой головы на аверсе и бодающего быка на реверсе, отнесенную на основании аналогий с монетными типами Гераклеи и Херсонеса к середине IV в. до н. э. [23, с. 162, табл. XXXIX, *3*, *4*], видимо, следует датировать более ранним временем, так как данный тип гераклейских монет был сменен в 364 г. до н. э. [24, с. 19, 20], а херсонесские монеты с аналогичными типами датируются серединой 50-х годов IV в. до н. э. [24, с. 22] (ср. [22, с. 90; 25, с. 142]).

[6] В. Д. Блаватский принимал (без учета нумизматических данных) более раннюю датировку этих событий [27, с. 22, 23].

О принадлежности раскопанного здания представителям средних слоев граждан, видимо, свидетельствует как сам комплекс находок, в состав которого помимо отмеченных выше предметов входили фрагменты чернолаковых сосудов разнообразных типов, краснофигурных кратеров, расписных сосудов, сетчатых лекифов, алабастров и другие категории находок, так и сохранившиеся фрагменты внутреннего убранства здания и остатки черепичной крыши [5, с. 401; 6, с. 70, 71; 28, с. 353; ср. 29, с. 417, прим. 236]. Вместе с тем сырцовые стены, возведенные на месте относящихся к первому периоду существования здания известняковых [6, с. 70, 71], видимо, выдают средний достаток его владельцев (ср. [30, с. 211, 212]). На основании материалов данного комплекса создается впечатление, что во время военных действий владельцы были вынуждены спешно покинуть свое жилище, унеся самое ценное[7], а вещи, оставшиеся в доме, оказались погребенными под развалинами [6, с. 70—72].

2. Клеймо на ручке амфоры (рис. 1, *2*), глина темно-оранжевая (п 6), насыщенная слюдой, рыхлая, с включениями мелкозернистого (d 0,1—0,25 мм) песка, средне- и грубозернистых (d от 0,5 до 2,0 мм) частиц известняка. Обмазка бледно-терракотовая (ж 4).

На ручке, ближе к изгибу, нанесено рельефное клеймо в виде сложной монограммы, составленной из трех букв греческого алфавита — N, T и I или N, I и H, заключенных в квадратную рамку.

В рукописи IosPE, III, в разделе «Клейма неизвестных центров» зарегистрировано два варианта клейм с такой легендой. Глина амфор с клеймами первого варианта (№ 834—840) напоминает фасосскую и, возможно, действительно относится к этому центру производства, так как клеймо этого же штемпеля найдено на Фасосе [31, с. 506. № 2225]. Клейма этого штемпеля, отличного от нашего, найдены также в Ольвии (2 экз.), Керкинитиде (1 экз.) и Пантикапее (4 экз.). Ареалом клейм второго варианта (№ 841—844), видимо имеющего один штемпель с нашим, является европейский Боспор. Одно из них опубликовано Е. М. Придиком [32, с. 105, № *55*, табл. XVI, *27*].

Относительно локализации центра производства амфор с данным типом клейм нельзя сказать ничего определенного. По составу глины, возможно, это был один из островов Эгейского архипелага, находившийся под сильным влиянием Фасоса и подражавший ему в манере клеймения. Дата клейма, вероятно, лежит в пределах III в. до н. э.

3. Рельефное клеймо на ручке амфоры в виде букв λ и O, заключенных в прямоугольную рамку (рис. 1, *3*). В верхней части клейма заметен отпечаток указательного пальца человека, ставившего клеймо. Глина цвета дубленой кожи (д 4), напоминающая мендскую, слоистая, рыхлая, с примесью среднезернистого (d 0,25—0,5 мм) песка, насыщенная блестками слюды. Обмазка темно-телесного оттенка (в 5). В IosPE, III клеймо с подобной легендой не зарегистрировано.

По характерным признакам — составу глины и структуре легенды — данное клеймо может быть включено в выделенную Д. Б. Шеловым «группу А», объединяющую клейма неустановленных центров производства, располагавшихся, судя по особенностям глины, в одном регионе, географически близком к Фасосу (Менда и др.); по аналогии с фасосскими клеймами он датировал клейма этой группы IV—III вв. до н. э. [33, с. 217—221].

Клейма «группы А» присутствуют в феодосийском комплексе [4, с. 216]. Часть их имеет фасосское происхождение [7, с. 43, 58, табл. II]. Другая их часть, бесспорно, стоит на мендских амфорах, точнее, на их позднем варианте, условно именуемом амфорами «с рюмкообразной ножкой» [34, с. 68, 69]. Две целых амфоры этого типа с энглифическими клеймами в виде вписанного в круг сочетания λ и I были найдены совместно с фасосскими клеймами 340—320 гг. до н. э. в Желтокамен-

[7] Неоднократные находки монет из упомянутой выше серии середины IV в. до н. э. в Херсонесе [21, с. 150; 22, с. 91, 92] дают основания предположить, что данный полис мог предоставить убежище политическим изгнанникам из Феодосии.

ском кургане в Нижнем Приднепровье [35, с. 202, рис. 30, *1, 2*; с. 217] (ср. [33, с. 217—221]).

Палеографическая и типологическая близость этих клейм к феодосийскому очевидна. И, видимо, по аналогии с ними для последнего может быть принята дата комплекса из Желтокаменского кургана.

Следует отметить, что отпечатки пальцев на двух из публикуемых здесь клейм (рис. 1, *1, 3*) знакомят нас с техникой клеймения амфор. Как нам представляется, штемпель брался большим и указательным пальцами правой руки; при этом верхняя сторона штемпеля располагалась под указательным пальцем и была ориентирована вдоль (как на клейме № 3) или поперек (как на клейме № 1) ручки амфоры, что давало возможность прочесть клеймо сразу же после оттиска. Вероятно, это говорит о том, что клеймение амфор проводилось грамотными людьми. Интересно отметить, что клеймо № 2, легенда которого состоит из трудночитаемой монограммы, поставлено небрежно и не имеет ориентации относительно амфорной ручки.

По внешнему виду клейма № 3 можно заключить, что рабочая часть штемпеля смачивалась перед клеймением, дабы предотвратить забивание штемпеля глиной и гарантировать четкость изображения. Однако в данном случае на подсушенную глину попала жидкость, стекшая с пальцев клеймившего амфору, что привело к переувлажнению поверхности клейма и характерным глиняным натекам внутри углублений букв, образовавшим своего рода «гало» вокруг О.

Публикуемые клейма позволяют дополнить представления о составе комплекса керамических клейм из раскопок Феодосии. В частности, видимо, с учетом ранее опубликованных клейм [1, 4] можно поставить вопрос о некотором усилении в торговом балансе полиса экспорта из Фасоса и центров, лежащих в зоне его экономического влияния, с середины IV в. до н. э.[8] Возможно, это связано с ослаблением позиций торговой соперницы Фасоса — Гераклеи, проигравшей войну с Боспором из-за Феодосии [22, 26, 36]. Позднее усилению позиций Фасоса в Причерноморье способствовало превращение острова в опорный пункт торговли Македонии с государствами Причерноморья и Средиземноморья (ср. [34, с. 71, 72]), хотя при этом остров сумел хотя бы формально сохранить независимость вплоть до конца III в. до н. э. [37, с. 435—437].

Кроме того, мы хотели бы отметить, что наличие большого количества клейм разнообразных типов, стоящих на амфорах из так называемых неустановленных центров производства (два из них представлены в данной публикации) [9], позволяют поддержать мнение В. И Цехмистренко и Л. А. Ельницкого о широком распространении обычая клеймения керамической тары в эпоху эллинизма [39, с. 15, 16; 40, с. 104, 105]. Согласно их наблюдениям, клеймение амфор в этот период было общепринятым и осуществлялось в значительном числе полисов, экспортировавших сельскохозяйственную и иную продукцию, нуждавшуюся в керамической таре (подробнее см. [39, с. 15—20; 40, с. 104, 105]). При этом мы хотели бы подчеркнуть, что если основная линия эволюции института клеймения зависела от общих закономерностей развития античной экономики (ср. [39, с. 16]), то манера и интенсивность клеймения, а также набор информационных элементов, составлявших структуру легенды клейма [10], в каждом конкретном случае определялись рядом индивидуальных факторов. Важнейшее значение среди них имели: уровень сельскохозяйственного и ремесленного производства и степень развития товарно-денежных отношений в каждом полисе, наличие возможностей

---

[8] Не исключено, что среди центров, находившихся в зоне экономического влияния Фасоса, мог быть и о-в Пепареф, во времена Демосфена экспортировавший вино на Боспор (Demosth., XXXV, adv. Lacr., 35). Амфоры пепарефского производства до сих пор не выделены, но, возможно, среди амфорных клейм, объединенных Д. Б. Шеловым в «группу А», есть и принадлежащие Пепарефу.

[9] В настоящее время группа клейм из неустановленных центров производства составляет менее 10% общего количества керамических клейм [38, с. 294].

[10] О структуре информационных элементов в легенде клейма см. [39, с. 15—20].

для более или менее широкого экспорта излишков продукции, тип политического устройства и формы государственного (полисного) контроля над керамическим производством и, кроме того, экономическое влияние со стороны центров — крупных экспортеров (Фасоса, Гераклеи, Синопы, Родоса) (ср. [40, с. 102, 103]). Следует также отметить, что в ряде производственных центров эллинистического времени, вероятно, существовала иная система контроля над керамическим производством, не требовавшая наложения клейма на сосуд перед обжигом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Юргевич В. Н.* Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г. // ЗООИД. 1895. Т. XVIII.
2. *Юргевич В. Н.* Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в 1894 г. Одесса, 1895.
3. *Бадальянц Ю. С.* Из истории торговых взаимоотношений Феодосии с Родосом в III—II вв. до н. э. // Изв. АН ТуркмССР. Сер. обществ. наук. 1970, № 3.
4. *Голенцов А. С., Петерс Б. Г.* Керамические клейма из раскопок Феодосии 1975—1977 гг. // СА. 1981. № 2.
5. *Петерс Б. Г.* Археологические раскопки в Феодосии // Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран «Эйрене». Т. II. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1979.
6. *Петерс Б. Г., Голенцов А. С.* Археологические раскопки в Феодосии 1975—1977 гг. // КСИА. 1981. Вып. 168.
7. *Виноградов Ю. Г.* Керамические клейма острова Фасос // НЭ. 1972. Т. X.
8. *Debidour M.* Réflexions sur les timbres amphoriques Thasiens // BCH. 1979. Suppl. V.
9. *Бондарцев А. С.* Шкала цветов (пособие для биологов при научных и научно-прикладных исследованиях). М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
10. Справочник путешественника и краеведа. Т. II. М.: Географгиз, 1950.
11. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.: Наука, 1980.
12. *Кругликова И. Т., Виноградов Ю. Г.* Клейма Синопы на амфорах из поселения Андреевка Южная // КСИА. 1973. Вып. 133.
13. *Шкорпил В. В.* Датированные керамические надписи Зеленского кургана // ИАК. 1914. Вып. 51.
14. *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л.: Наука, 1984.
15. *Цехмистренко В. И.* Синопские керамические клейма с именами гончарных мастеров // СА. 1960. № 3.
16. *Максимова М. И.* Панафинейская амфора из Зеленского кургана // КСИА. 1961. Вып. 83.
17. *Кац В. И.* Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм // ВДИ. 1985. № 1.
18. *Граков Б. Н.* Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1928.
19. *Шелов Д. Б.* Керамические клейма из Танаиса III—I вв. до н. э. М.: Наука, 1975.
20. *Петерс Б. Г., Беляев С. А., Загинайло А. Г., Кочан Т. М., Николаенко Т. Д.* Феодосийская экспедиция // АО — 1977. М., 1978.
21. *Белова Л. Н.* Несколько херсонесских неизданных монет из собрания Эрмитажа // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л.: Аврора, 1977.
22. *Золотарев М. И.* Два типа редких монет Феодосии // ВДИ. 1984. № 1.
23. *Зограф А. Н.* Античные монеты // МИА. 1951. № 16.
24. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. — XII в. н. э.). Киев: Наук. думка, 1977.
25. *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
26. *Шелов Д. Б.* Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. 1950. № 3.
27. *Блаватский В. Д.* Феодосия VI—IV вв. до н. э. и ее название // СА. 1981. № 4.
28. *Петерс Б. Г., Айбабин А. И., Айбабина Е. А. и др.* Феодосийская экспедиция // АО — 1976. М., 1977.
29. *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Проблемы развития полиса. Т. I. Становление и развитие полиса. М.: Наука, 1983.
30. *Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1950.
31. *Bon A.-M., Bon A.* Les Timbres amphoriques de Thasos. P., 1957.
32. *Придик Е. М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пгр., 1917.
33. *Шелов Д. Б.* Клейма на амфорах и черепицах, найденные при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг. // МИА. 1957. № 56.
34. *Брашинский И. Б.* Амфоры Менды (о локализации группы амфор с «рюмкообразными ножками») // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука, 1976.
35. *Мозолевский Б. Н.* Скифский «царский» курган Желтокаменка // Древности Степной Скифии. Киев: Наук. думка, 1982.

36. *Burstein S. M.* The war between Heraclea Pontica and Leucon of Bosporus. The problem and sources // Historia. Z. für Alte Geschichte. 1974. B. XXIII, H. 4.
37. *Pouilloux J.* Récherches sur l'histoire et les cultes de Thasos. P., 1954.
38. *Брашинский И. Б.* Успехи керамической эпиграфики // СА. 1960. № 2.
39. *Цехмистренко В. И.* О характере керамического клеймения в античную эпоху // КСИА. 1971. Вып. 128.
40. *Ельницкий Л. А.* Из истории древнегреческой виноторговли и керамического производства // ВДИ. 1969. № 3.

А. Р. АРТЕМЬЕВ

ДРЕВНЕРУССКИЙ ПОРУБ В ИЗБОРСКЕ

Летом 1980 г. при раскопках Изборской крепости[1] были обнаружены остатки необычного сооружения [1, с. 58—60, рис. 99—101], которое идентифицируется мною с известным по летописям древнерусским порубом.

При зачистке материка в 12 м южнее древнейшей в крепости башни Луковка[2], возведенной в 1330 г. [3, с. 132—134, 137], была выявлена яма (рис. 1), представляющая в плане довольно правильную окружность диаметром 3,2—3,6 м (рис. 2, *1*). Яма оказалась многослойной, ввиду чего серединная ее часть (бровка) раскапывалась по слоям (I—IV) и прослойкам (1—3).

Слой I состоял из трех прослоек. Верхняя, наиболее мощная (до 0,5 м), была представлена желто-серой глиной со щебнем (I/1). Средняя стояла из извести (I/2). В профиле она видна лишь в его левой части, но в других местах присутствовала неизменно. Под известью находилась прослойка пожарища (I/3), которая также видна лишь в левой части профиля, но на остальной площади ямы прослеживалась практически везде. Незначительное количество керамики было выбрано из верхней прослойки (рис. 3); кроме того, в ней встречены: обломок двустороннего цельного гребня (рис. 4, *8*) XI—XV вв. [4, с. 102, 103], ключ (рис. 4, *1*) типа В-II (по Б. А. Колчину) конца XII — начала XV в. [5, с. 160, рис. 3] и серебряный грош Сигизмунда II Августа 60-х годов XVI в. В других прослойках, за исключением обугленного зерна в слое пожарища, ничего не найдено.

В слое II тоже выделяются три прослойки. Верхняя (II/1), толщиной до 0,6 м, состояла из обожженной и необожженной глины красного цвета. В прослойке найдена печная обмазка, камни, в основном обкатанные гранитные, размерами в среднем 0,2×0,2×0,2 м, и большое количество керамики, в том числе ошлакованной (рис. 3). В левой части профиля видна вторая прослойка (II/2), состоявшая из мелких угольков и обугленного зерна. Прямо под ней на стенке ямы лежала прослойка строительного мусора (II/3), которая прослеживалась на половине площади ямы.

Слой III — темно-серая земля с включениями угля, большим количеством керамики и костей. Слой однороден, толщина его от 0,2 до 0,5 м. Здесь найдены: шиферное пряслице (рис. 4, *12*) XIII в. [6, с. 223], наконечник арбалетной стрелы (рис. 4, *10*) типа 15 (по А. Ф. Медведеву) XIII—XIV вв. [7, с. 95], ледоходный шип X—XVI вв. [8, с. 247, 248; 9, с. 80—83], обломок шахматной фигуры (рис. 4, *6*) второй половины XIII—XV вв. [10, с. 115, 116], ключ (рис. 4, *2*) типа Д (по Б. А. Колчину) XIV — 40-х годов XV в. [5 , с. 160, рис. 3], два ножа, один из которых имел деревянную рукоять, обитую бронзой, подковка и четыре неопределимых железных предмета.

Слой IV состоял из трех прослоек: верхней из мелкого щебня (IV/1), средней, представляющей собой остатки пожарища (IV/2), и нижней из

[1] Начальник экспедиции В. В. Седов.

[2] В. В. Косточкин убедительно доказал, что остальные башни крепости пристроены позднее [2, с. 124—143].

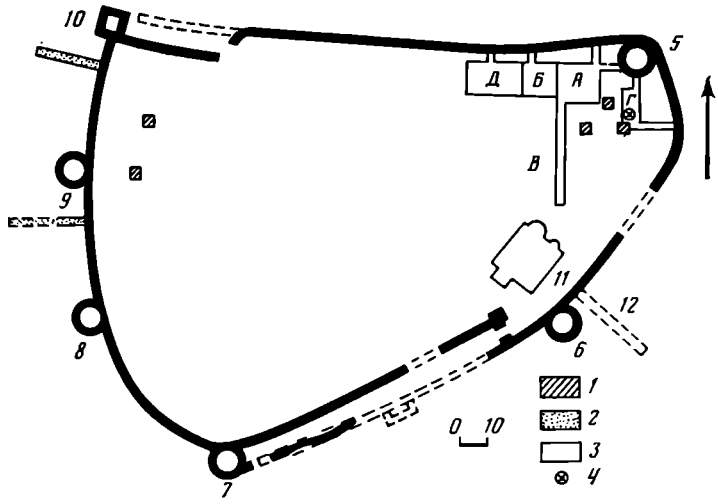


Рис. 1. Ситуационный план Изборской крепости. *1* — шурфы Н. И. Репникова (1910 г.); *2* — траншеи К. Н. Романова (1911 г.); *3* — раскопы и траншеи 1977—1980 и 1985 гг.; *4* — поруб; *5* — башня Луковка; *6* — башня Колокольная; *7* — башня Темнушка; *8* — башня Рябиновка; *9* — башня Вышка; *10* — башня Талавская; *11* — Никольский собор; *12* — подземный ход

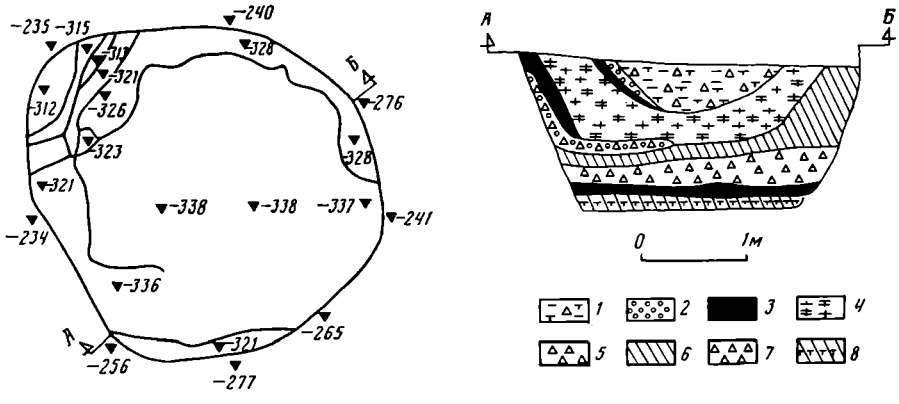


Рис. 2. План и разрез ямы. *1* — желто-серая глина со щебнем (I/1); *2* — известь (I/2); *3* — углисто-черный слой (I/3, II/2, III/2); *4* — красная, в основном обожженная глина с камнями (II/1); *5* — мелкий щебень с известью (II/3); *6* — темно-серая земля с углем (III); *7* — мелкий щебень (IV/1); *8* — желтая глина с черной землей (IV/3)

очень влажной желто-коричневой глины и серой земли, насыщенных костями, перепревшей соломой и экскрементами (IV/3). В двух нижних прослойках встречена масса находок, в том числе: пряслица — каменное и шиферное, датируемое второй половиной XIII в., ледоходный шип X—XVI вв., два обломка костяных накладок от сложного лука (рис. 4, *3*, *4*), костяная свистулька (рис. 4, *7*), игла для плетения сетей (рис. 4, *11*), бронзовый полукруглый в сечении стержень (рис. 4, *5*), точильный брусок и несколько неопределимых предметов из кости, бронзы и железа. Керамика, аналогичная найденной в прослойках IV/2 и IV/3 (рис. 3), широко представлена в материалах из Псковского кремля, где датируется в основном XIV — началом XVI в. [11, рис. 3, *I*, *II*; 12, с. 59, рис. 5, *1*; 13, рис. 12—15].

После окончательной расчистки ямы выяснилось, что она вырублена в материковой известняковой скале на глубину до 1,5 м, сужаясь книзу до 2,1 м, и не имеет спуска ни с одной стороны.

Существовавшему на ее месте сооружению по времени соответствует прослойка IV/3. Прослойка IV/2 отложилась в результате пожара, уничтожившего какие-то наземные деревянные конструкции. Прослойка IV/1, по-видимому, является присыпкой слоя пожара, после которого деревянные конструкции больше не восстанавливались. В дальнейшем яма использовалась как мусорная и в последней четверти XVI в. была окончательно снивелирована.

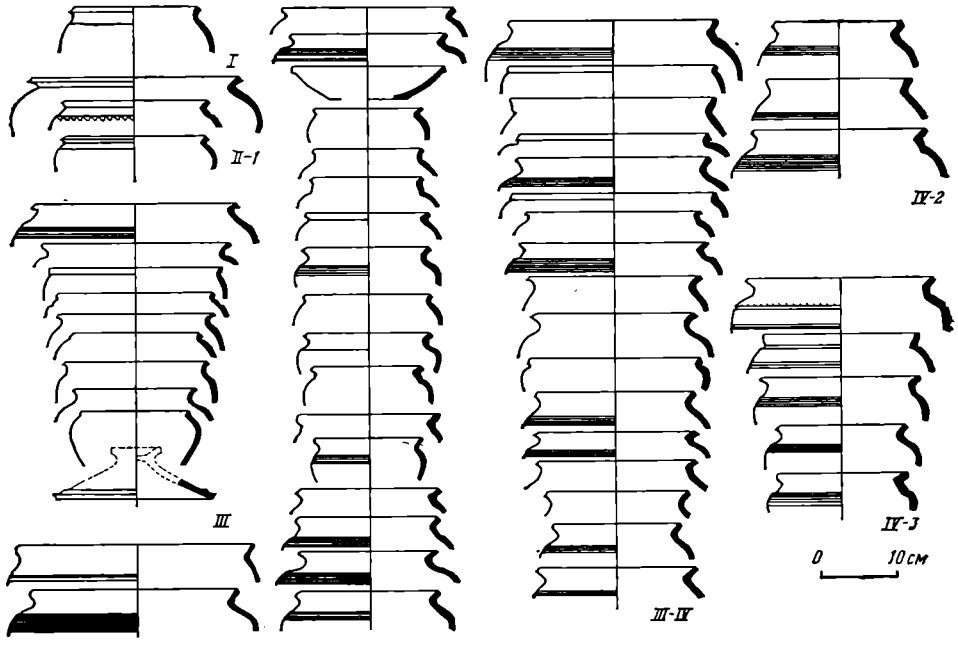


Рис. 3. Керамика из слоев и прослоек заполнения ямы

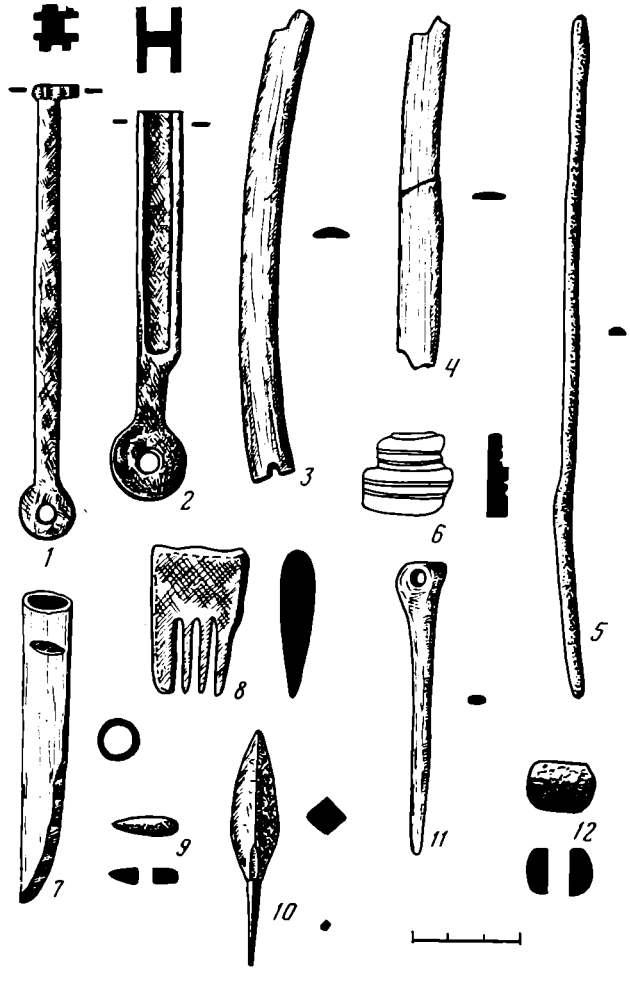


Рис. 4. Предметы из слоев и прослоек заполнения ямы. *1*, *2*, *10* — железо; *3*, *4*, *6—8*, *11* — кость; *5* — бронза; *9*, *12* — шифер

Впервые в источниках поруб упоминается в Пскове: «... всади Ярослав Судислава в порубъ, брата своего, Плесковѣ» [14, с. 102]. Судислав провел в заточении 24 года [14, с. 109]. Это единственный известный случай столь долгого проживания в порубе. Обычно, если пленники не освобождались [14, с. 114; 15, с. 168, 169, 174; 16, стб. 1216], то вскоре умирали, как Глеб Рязанский (1177 г.) [17, с. 35, 224], или тяжело заболевали, как Игорь (1068 г.), посаженный Изяславом [16, стб. 1216]. В псковских источниках «поруб» в значении «заточение» в последний раз упоминается в статье 13 договорной грамоты Пскова с Ливонией 1509 г. [18, с. 93].

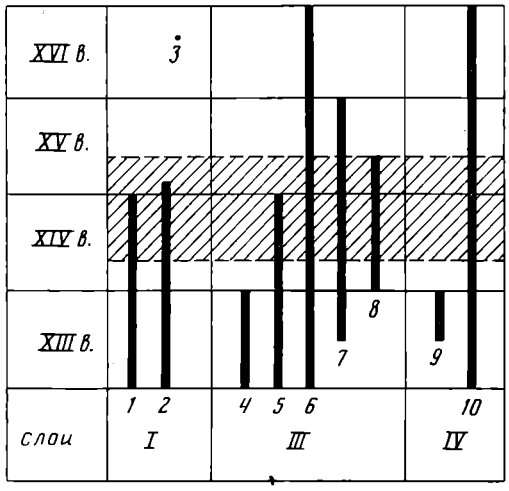


Рис. 5. Распределение датируемых вещей по слоям

В. Даль определяет поруб как яму со срубом, погреб, темницу [19, с. 323, 324]. Такой сруб, по-видимому, имел окошко или несколько, потому что дружинники Изяслава советовали тому умертвить мечом Всеслава, сидящего в порубе, «...призвав его лестью к оконцю» [14, с. 114] [3]. Поруб мог не иметь входа, так для извлечения из него Игоря (1068 г.) поруб пришлось разобрать, что опять-таки предполагает наличие окошка для подачи пищи. В 1981 г. в Киеве на территории «города Ярослава» были открыты остатки поруба, отвечающие основным летописным характеристикам [4].

Определить время сооружения изборского поруба сложно, хотя расположение его рядом с древнейшей в крепости башней и находка в прослойке IV/3 шиферного пряслица второй половины XIII в. позволяют предположить одновременность его сооружения с крепостью — 1330 г.

Верхней датой поруба, судя по перекрывавшим его вещам (рис. 5), можно считать конец XIV — 40-е годы XV в. Причиной, по которой его не восстановили после пожара, по-видимому, явилась постройка в последней четверти XIV — начале XV в. [2; 3, с. 132—134, 137] пяти новых башен, одна из которых получила наименование Темнушка (т. е. темница). Эта башня в отличие от прочих не имеет ни одной бойницы подошвенного боя, что предполагает наличие на первом этаже наглухо изолированного помещения, служившего темницей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седов В. В.* Отчет о раскопках в Изборске в 1980 г. // Архив ИА АН СССР, р-1, № 7782, 7782а.
2. *Косточкин В. В.* Строительная биография крепости Изборска // СА. 1959. № 1.
3. *Артемьев А. Р.* Стратиграфия и хронология Изборской крепости // СА. 1985. 2.
4. *Давидан О. И.* Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. 1962. Вып. 4.
5. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. 1982.
6. *Розенфельд Р. Л.* О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. 1964. № 1.
7. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел (VIII—XIV вв.) // САИ. 1966. Вып. Е1-36.
8. *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло древнего Новгорода // МИА. 1959. № 65.
9. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси (X—XIII в). // САИ. 1973. Вып. Е1-36.

[3] Это сообщение не позволяет судить о глубине поруба, так как к оконцу могла вести изнутри лестница.

[4] Он представлял собой углубленное (до 4 м) помещение трапециевидной формы с несколько усеченной внизу вершиной, в верхней части переходящее в сруб 5,7×4,3 м [20, с. 21].

10. *Линдер И. М.* Шахматы на Руси. М.: Наука, 1975.
11. *Белецкий С. В.* Раскопки в Псковском Кремле в 1972—1974 гг. // КСИА. 1978. Вып. 155.
12. *Белецкий С. В.* Раскопки Псковского городища в 1977—1978 гг. // Древнерусские города. М.: Наука, 1981.
13. *Белецкий С. В.* Псковское городище (керамика и культурный слой) // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983.
14. Повесть временных лет. Ч. I. М.— Л.: Наука, 1950.
15. Псковские летописи. Ч. II. М.— Л.: Наука, 1955.
16. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. М.: Наука, 1958.
17. Новгородская Первая летопись. М.— Л.: Наука, 1950.
18. *Казакова Н. А.* Договор Пскова с Ливонией в 1509 г. // ВИ. 1983. № 1.
19. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Наука, 1980.
20. *Боровский Я. Е.* О некоторых вопросах топографии «города Ярослава» древнего Киева // Древнерусский город. (Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева). Киев: Наук. думка, 1984.

Ю. М. ЗОЛОТОВ

СЕМЬ НАДПИСЕЙ XVI—XVII ВВ. ИЗ МОСКВЫ

Настоящая публикация посвящена семи памятникам московской эпиграфики, созданным на протяжении почти 200 лет и отражающим все типы этих своеобразных документов прошлого.

Самой ранней, очевидно, является надпись, обнаруженная нами на обломке белокаменной плиты около церкви Николы на Берсеневке во время земляных работ (рис. 1). Буквы процарапаны острым предметом без всякой претензии на художественность исполнения, но приемы вязи здесь уже есть: лигатура «аб» в словах «раба божия». Размеры плиты 39×31 см, высота букв от 3.5 до 2,5 см. Текст гласит: «В ЛЕТО... [ПРЕ]СТАВИСЯ РАБА БОЖ[ИЯ АВ]ДОТЬЯ МЕСЯЦА...». Даты на плите нет, однако по ряду признаков время ее изготовления можно определить довольно точно.

Во-первых, написание «в лето» вместо обычного «лета», отмечено на ряде памятников: на строительной плите 1491 г., на Спасской башне Московского Кремля, на надгробии 1501 г. князя А. В. Оболенского, на строительной плите 1541 г. из Возмищинского монастыря [1, с. 14, 50, 29]. Во-вторых, орнамент настоящей плиты полностью совпадает с орнаментом надгробия А. В. Оболенского и орнаментом надгробия девицы Анны 1522 г. с тою лишь разницей, что в данном случае ряд внутренних треугольников обращен вершинами наружу. В-третьих, сличение букв всех трех плит показывает их архаичность в надписи Оболенского (особенно, «а», «в», «д», «ц») и значительную близость на плитах Авдотьи и Анны [1, табл. 1, 2; 2, с. 160]. На этом основании мы склонны датировать надпись Авдотьи первой четвертью XVI в., обращая особое внимание на характерный и редкий тип орнамента, в том числе и на «сиянии».

Перед самым включением с. Тропарева в состав Москвы нами была осмотрена церковь архангела Михаила и недалеко от ее южной стены обнаружена белокаменная плита со жгутовым орнаментом (рис. 2). Правая сторона ее и низ были отколоты, но текст сохранился полностью. Размеры плиты 48×90 см, высота букв 6 см. Надпись сделана вязью: «ЛЕТ 7101 [1593 г.] ФЕВРАЛЯ 10 ДН ПРЕСТАВИС ИВАН ЗАХАРОВ». Лигатур здесь пять: «ля», «пр», «ст», «ав», «ив». Выносных букв семь: «т», «дн», «с», «н», «р», «в». Качество резьбы хорошее. Написание слова «февраль» через «фиту» в XVI в. встречалось [1, с. 57]. Обычным было тогда же написание «лет» вместо «лета» и пропуск слов «раб божий». Иван Захаров скорее всего был местным священником. В документах XVI—XVII вв. встречается множество упоминаний о рядовом духовенстве и всегда в таких случаях записано имя и отыменное прилагательное без добавления слова «сын», как и в настоящей надписи. В переписных книгах за 1627 г. В Тропареве отмечен «поп Наум Иванов», хотя церкви в то время в селе не было [3, с. 113]. Учитывая распространенный в

Рис. 1. Плита Авдотьи

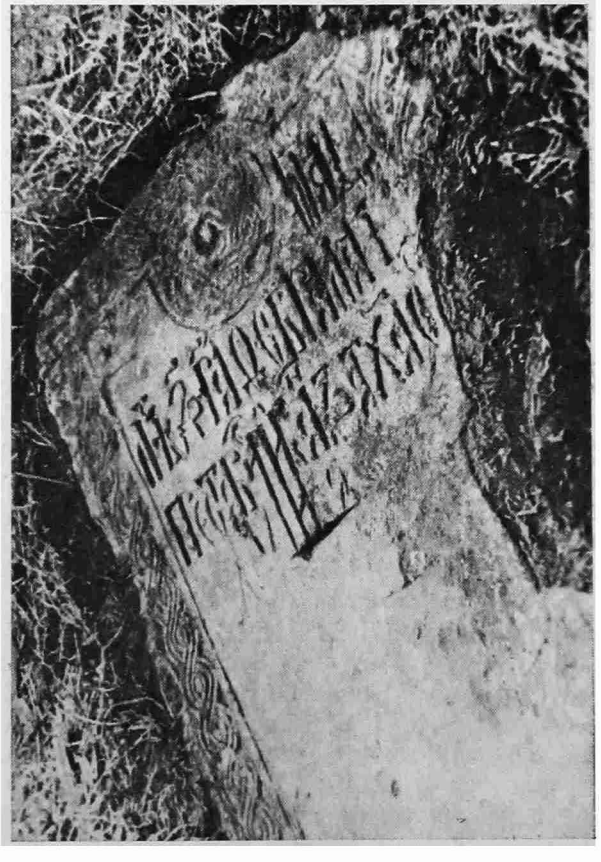


Рис. 2. Плита Ивана Захарова

древности обычай преемственности среди духовенства, можно предположить, что Наум Иванов был сыном Ивана Захарова. Село Тропарево являлось старинной вотчиной Новодевичьего монастыря, в котором, как известно, постоянно работали хорошие резчики [1, с. 22]. Видимо, это надгробие простому сельскому священнику делали именно они.

В упомянутой уже церкви Николы на Берсеневке найдены еще две белокаменные плиты. Одна из них была расколота на три части (рис. 3). Длина ее 123 см, ширина в изголовье 60, в ногах 43 см. Орнамент представляет сочетание мелких треугольников по краю плиты с крупными, образующими внутреннюю рамку. Правда, крупные треугольники идут здесь только по верху. Плиты с подобным узором известны с 1538 по 1581 г. [1, с. 5]. Текст резан вглубь вязью в четыре строки, высота букв 5 см. «ЛЕТА 7102 [1594 г.] ПРЕСТАВИС МАРЬЯ КИРИ ЛОВА ДОЧ САДОВНИ КОВА». Лигатур здесь пять «ле», «та», «пр», «ст», «ав». Надстрочных букв четыре: «с», «р», «ч», «в». Резчик был грамотный, но не очень искусный: буквы трижды вылезают за рамку. Марья, несомненно, принадлежала к знаменитому роду государевых садовников Кирилловых, для которых церковь Николы была приходской. Однако на плите не обозначены ни день, ни месяц, не указано имя мужа. Скорее всего, Марья была девочкой-подростком и надгробие ей изготовили не сразу, а когда уже забыли точный день смерти, ввиду чего и месяц обозначать не имело смысла.

В той же церкви лежала плита, некогда прикрывавшая белокаменный саркофаг брата Марьи, Стефана (рис. 4). Она точно повторяет очертания саркофага. В настоящее время плита состоит из десяти обломков. В таком виде размеры плиты примерно 90×70 см. Высота букв 7 см. Текст восстанавливается полностью. Буквы резаны вглубь вязью в шесть строк: «ЛЕТА 7153 ГО [1645 г.] ФЕВРАЛЯ В 23 ДЕНЬ ПРЕСТАВИС РАБ БОЖ[ИЙ] СТЕФАН КИРИЛОВ ГОСУДАРЕВ САДОВ[НИК] ВО ИНОЦЕХ СХИМНИК С[Е]РЬГЕЙ». Лигатур в надписи десять: «ле», «нг», (дата), «дн», «пр», 2 раза «ст», «ав», «аб», «ак» (предпоследняя буква в слове «Стефан» и первая в слове «Кирилов»), «ир». Выносных букв 15: «днь», «б», 2 раза «с», «н» (в слове «Стефан»), 3 раза «в», «ц», «х», «м», «к», «и». Под титлом два слова «божий» и «государев». В первой строке над предлогом «в» стоит паерок. В датах трижды поставлены точки. Стефан Кириллов заведовал царскими садами, а его сын, Аверкий, поднялся еще выше, став думным дьяком [4, с. 260]. Он погиб во время восстания 1682 г. и был похоронен в этой же церкви [5, № 6, с. 236]. Подражая высшей знати, Стефан Кириллов перед смертью принял схиму.

В середине XVII в. появляется новый тип мемориальных надписей, сделанных на каменных четырехугольных досках, которые вставлялись в стену храма. В церкви Николы на Берсеневке был и такой памятник (рис. 5). Размеры этой доски, расколовшейся надвое,— 72×45 см, высота букв 8 см. Текст исполнен вязью вглубь на пяти строках. Первую строчку разделяет посредине равноконечный крест с надписями: «ИС ХС НИ КА». Это обычная деталь подобных памятников. Содержание надписи таково: «ЛЕТА 7199 ГО[1691 г.] МАРТА ВО 12 ДЕ ПРЕСТА [ВИС РАБ]БОЖИЙ КАЗЕННОЙ СЛОБОДЫ ТЯГЛЕЦ ПЕТРЪ ФЕДОРОВ СЫН [ОНТИПОВЫХ СУРО] ЖЕНИН А ПОГРЕБЕН ЗДЕ И РЦЫ ЕМУ ВЕЧНУЮ ПАМЕТ З Ж».

Чтение «...вис раб» не вызывает сомнений: видны верха всех строчных букв и надстрочные буквы «с», «б». Чтение же «...онтиповых суро» более затруднительно. Надстрочные буквы «х» и «с» видны ясно. Слово «сурожении» могло начинаться с выносной буквы так же, как, скажем, слово «рцы». Другие слова с окончанием «женин» в данной ситуации подыскать трудно. «Онтиповых» мы реконструируем, исходя из очертаний сохранившихся букв, в частности «ы», которая здесь весьма своеобразна, напоминая нотный знак «бекар» (отказ): см. слова «слободы» и «рцы». Лигатур в надписи девять: «ле», «го», «пр», «ст», «тя», «ни», «иц» (в словах «и рцы»), «му» «ам». Надстрочных букв 23: «го», 2 раза «р», «де», 2 раза «с», «б», 2 раза «п», 4 раза «н», «ц», «в», «х», «му»,

Рис. 3. Плита Марьи Кирилловой

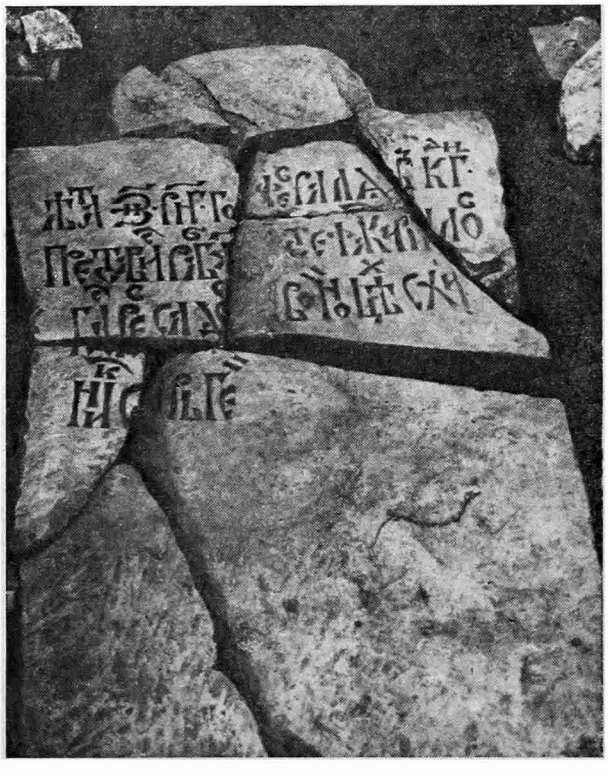


Рис. 4. Плита Стефана Кириллова

«т», «ж». Под титлом одно слово «божий». С обеих сторон последней буквы «г» стоят точки. Надпись вырезана искусно. Этот памятник интересен не только по форме, но и по содержанию, ибо говорит о погребении рядового москвича, «тяглеца» одной из самых больших слобод столицы — «Казенной», на Покровке [6, с. 119]. Среди ее жителей в то

время было немало людей состоятельных. Если мы правильно прочли слово «сурожении», то это означает, что Петр Федоров вел торговлю в «Сурожском» ряду на Красной площади [7, с. 1165, 1274]. Заключительная фраза надписи с призывом помянуть усопшего в сходных выражениях нередко повторяется на надгробиях того времени [5, № 6, с. 231].

К новым явлениям в русской эпиграфике XVII в. относятся и своеобразные каменные «синодики», которые устанавливали на стенах церквей так же разбогатевшие ремесленники и торговцы. Одним из первых точно датированных памятников такого рода была доска в церкви Максима Исповедника на Варварке, относящаяся к 1699 г. На ней было написано: «Род гостиныя сотни строителя сея церкви Максима Филиппова сына Верховитина...» [5, № 8, с. 523]. Точно так же начинается надпись на сохранившейся до наших дней доске на южной стене трапезной церкви Рождества Богородицы в Путинках (современная ул. Чехова) (рис. 6). Текст надписи был опубликован А. А. Мартыновым, но весьма небрежно. Издатель с ошибками написал восемь имен, а из двух, ясно читаемых — «Архиппа, Василия» — образовал три: «Архипа, Павла, Ермия» [5, № 6, с. 222]. Размеры доски 66×64 см; высота букв на первой строке 6, на второй 5, на последней 3,5 см. Текст резан вглубь вязью на восемь строк. Первую строчку так же разделяет равноконечный крест с надписями по бокам: «ИС ХС НИ КА». Содержание этого «поминания» таково: «РОД ГОСТИНОЙ СОТНИ АНДРЕЯ ПРОКОФЕВА СЫНА СВЕШНИКОВА·РАБОВ БОЖИИХ·ПРОКОПИЯ·СИМИОНА·ИЯКОВА·ПЕЛАГЕИ·АКИЛИНЫ ТАТИЯНЫ·ЕВСТАФИЯ УБ·ГРИГОРИЯ ФЕОФИЛАКТА АЛЕКСИЯ МИХАИЛА ПАВЛА БОРИСА ФЕКЛЫ ИОАННА СТЕФАНА АРХИППА ВАСИЛИЯ МАКСИМА ПАРАСКЕВЫ УЛИТЫ». Итого 22 имени.

Плита к резчику попала поцарапанная и с небольшими выбоинами. Это ясно видно из того, как он примерялся написать окончание слова «сотни» и начало слова «Андрея». Щербины видны и в других местах. Но резчик выполнил работу в общем хорошо. Он не рассчитал пространство и попал в неудобное положение только на имени «Татияна», так что в конце строки ясно обозначилось слово «тати», которое как бы относилось ко всем лицам, перечисленным выше. Резчик это понял и постарался скрыть свою оплошность тем, что поставил рядом с буквой «и» еще одну мачту. Получилась несуразица, но зато без «татей»!

Лигатур в надписи 15: «ни», 2 раза «пр», «аб», 4 раза «ия», «ими», «лпны», «иг», «лия», «им». В слове «Василия» резчик пытался еще сделать лигатуру «си». Выносных букв 23: «д», 2 раза «с», 3 раза «и», 2 раза «т», 2 раза «н», «фита», 2 раза «в», «х», «б», 3 раза «к», «р», «п». Под титлом стоят три слова — «сына», «божиих» и «убиенный», относящееся, очевидно, к «Евстафию». Из особенностей орфографии следует отметить обычное колебание в написании имени «Симеон». Фита правильно написана в именах «Евстафия» и «Феклы». В имени «Феофилакт» ее надо поменять местами с «фертом», а в словах «Прокофева» и «Стефана» эта буква вообще не нужна. Написание «Ияков» говорит о смешении канонической и простонародной форм этого имени. В остальном же «синодик» довольно точно следует каноническим нормам. Так, например, имя «Феофилат» написано правильно, через «ижицу». В начале мастер старательно ставил ударения, придыхания, точки. Дальше ему пришлось сокращаться. В целом же этот «синодик» очень интересный памятник, отмечающий начало усиления купечества. Сейчас доску, к сожалению, забелили известью и буквы едва проглядывают. Гостиная сотня не была отдельной слободой, и ее члены обитали в разных частях города [6, с. 118]. Мы внимательно просмотрели переписные книги Москвы XVII в., но среди представителей фамилии «Свешниковы» сочетания имен, подобного обозначенному на этой плите, не обнаружили.

С 50-х годов XVII в. появляются трапециевидные надгробия, совершенно лишенные орнамента. Текст очерчивался неглубокой рамкой. Именно такая плита была извлечена при земляных работах около апсиды церкви Никола Красный Звон в Китай-городе (рис. 7). Левая ее по-

Рис. 5. Плита Петра Федорова сына

Рис. 6. Синодик купцов Свешниковых

ловина вместе с датами срублена, стесан и низ. В таком виде ее размеры 85×55 см, высота букв 7 см. Надпись исполнена вязью, буквы угловатые, врезаны глубоко. Нижняя, шестая, строка, немного пострадала, но текст читается легко: «НА ПАМЯТЬ СВЯТЫХ ОТЕЦЪ [ВАСИЛ]ИЯ ВЕЛИКОГО ГРИГОРИЯ ... [ЗЛАТО]УСТАГО ОТ СЕГО ЗЕМНАГО ...[ЖИЛ]ИЩЕ РАБА БОЖИЯ ...КОНДРАТА НИКИТИ... ПОГРЕБЕНО ТЕЛО...».

Рис. 7. Плита родственницы Кондрата Никитина

Лигатур здесь 16: «ап», «ам», «ия», «лик», 2 раза «го», «иг», 2 раза «аг», «от», «иш», 2 раза «аб», «др», «ник», «ти». Выносных букв 11: 2 раза «т», «х», 2 раза «го», «с», «м», «н», «г». Под титлом стоят: «святых», «отецъ», «божия». В слове «отецъ» буквы расположены вертикально: первая посредине, а «ъ» справа от всех. В шестой строке интересно написан «ять» в слове «тело»: правая сторона перекладины загнута вверх, как и в слове «Свешникова» на предыдущей плите. Обозначение дат здесь срублено, но месяц и число определить легко. Это несомненно, 30 января, когда и отмечается память Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста. В этой надписи в строгие когда-то формулы эпитафий уже вторгается семинарская элоквенция и мещанская велеречивость: «от сего земнаго жития», «в вечное жилище» (переселилась), «погребено тело ея под сим камнем». В ближайшем соседстве с церковью Николы Красный Звон находится знаменитая церковь Троицы, построенная богатыми гостями Никитниковыми. Но упомянутый в надписи «Кондратий», очевидно, к ним отношения не имеет, поскольку он не Никитников, а Никитин.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гиршберг В. Б.* Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Ч. 1. // НЭ. 1960. Вып. I.
2. *Арциховский А. В.* Надписи, найденные на Метрострое // По трассе первой очереди Московского метрополитена. М.– Л.: Соцэкгиз, 1936.
3. *Холмогоровы В. И. и Г. И.* Исторические материалы о церквах и селах XVI–XVIII столетий. Вып. 3. М., 1886.
4. *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
5. *Мартынов А. А.* Надгробная летопись Москвы // Русский архив. 1895. № 6, 8.
6. *Богоявленский С. К.* Московские слободы и сотни в XVII веке // Тр. Об-ва изучения Московской области. Вып. 6. Московский край в его прошлом. Ч. 2. М., 1930.
7. *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. 2. М., 1891.

Критика и библиография

СКОЛЬКО БЫЛО САРМАТОВ?

В статье Б. Ф. Железчикова «Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н. э.— I в. н. э. по демографическим и экологическим данным», опубликованной в сборнике «Древности Евразии в скифо-сарматское время» (М.: Наука, 1984. С. 65—68), допущена арифметическая ошибка, которая привела автора к курьезным выводам.

При расчете возможной численности кочевников, обитавших в древности в Южном Приуралье и Заволжье, Б. Ф. Железчиков берет за основу следующие данные: общий размер территории Т=1 000 000 км²; относительная площадь пастбищ П° = 60—70%; поедаемая часть кормов К = 60%; размер пастбища, необходимого для содержания стада, служащего для поддержания жизнедеятельности одного человека (из расчета среднего потребления мяса на душу населения 1 кг/сут, $П^1$ = 180—190 га (округление — 2 км²)).

Б. Ф. Железчиков не приводит формулы своих вычислений, но из текста очевидно, что использовалась формула

$$Н = \frac{Т \times П^{\circ}/100 \times К/100}{П^1},$$

где Н — численность населения.

Если принять исходные данные Б. Ф. Железчикова, то расчет по указанной формуле дает вероятную численность населения:

$$\frac{1\,000\,000 \times 0{,}6 \times 0{,}6}{2} = \frac{360\,000}{2} = 180\,000 \text{ человек.}$$

Между тем Б. Ф. Железчиков утверждает, что расчеты показывают, что рассматриваемая территория способна прокормить лишь 20 тыс. степных кочевников (с. 66). Причиной столь странного вывода послужила ошибка в пересчете площади пастбищных угодий с квадратных километров на гектары. В одном квадратном километре 100 га, поэтому 360 тыс. км²=36 млн. га, тогда как по вычислению Б. Ф. Железчикова, пастбищные угодья составляли лишь около 3,7 млн га.

Полученная нами величина —180 000 кочевого населения на 1 млн. км² степей Заволжья и Южного Приуралья — является минимальной из возможных, так как исходит из завышенной нормы потребления мяса на душу населения.

Энергетические потребности среднестатистической семьи из пяти человек (отец, мать и трое детей, двое из которых — подростки), по расчету Дж. Уайнера, составляют 9930—11 940 ккал/день. Калорийность вареного мяса в зависимости от содержания жира составляет 2—3 ккал/г, поэтому при питании одним мясом дневная норма на одного человека составит около 800 г [1, с. 344, 345]. Однако кочевники всегда употребляли в пищу большое количество молочных продуктов, богатых жиром и белками, за счет которых, по-видимому, семья могла покрывать по крайней мере 30—40% энергетических потребностей.

Кроме того, принятое Б. Ф. Железчиковым предположение, что половина минимально необходимого стада у сарматов не использовалась для непосредственного удовлетворения жизненных потребностей кочевников, а служила обеспечению потребностей обмена и торговли, кажется мне слишком произвольным и внутренне противоречивым. С одной стороны, это предположение, вероятно, преувеличивает степень товарности хозяйства древних сарматов (тем более что кочевники торговали не только живым скотом, но и шкурами, шерстью и т. п.), с другой стороны, торговые контакты с оседлым населением, несомненно, давали возможность попол-

нять рацион кочевников продуктами земледелия. Поэтому, вероятно, следует значительно увеличить найденное нами минимальное значение численности населения древнего Заволжья и Южного Приуралья и признать наиболее вероятной величину 500 000—700 000 человек. Если же учесть, что на этой территории наряду с кочевыми скотоводами скорее всего проживало и некоторое количество земледельческого населения [2, с. 5], то и оценка численности населения в 1 млн. человек не кажется абсолютно невероятной.

Следует отметить также, что статья Б. Ф. Железчикова может дезориентировать читателя и по вопросу о продуктивности древнего земледелия. Б. Ф. Железчиков пишет, что для поддержания необходимой жизнедеятельности земледельцу необходимо всего 0,1—0,15 га, из чего напрашивается абсурдный вывод, будто при переходе от кочевого скотоводства к земледелию плотность населения могла возрасти в 2000 раз (!). Но в действительности следует учитывать ограниченность площадей, пригодных для древнего земледелия, низкий уровень агротехники, нестабильность урожаев, неизбежные потери зерна при хранении и необходимые затраты зерна на посев и на корм домашним животным.

Вопрос о зависимости плотности населения от техники производства достаточно основательно разработан в мировой науке [3, с. 113—146]. Ведение экстенсивного земледелия позволяло древним обществам поддерживать плотность населения на уровне 20—45 чел/км² (например, в средневековой Англии плотность населения была около 20 чел/км²) [1, с. 408, 409]. В античных государствах урожайность зерновых обычно была не более 8—10 ц с 1 га, а плотность земледельческого населения могла достигать 30 чел/км² [4, с. 158, 159, 174, 179]. По подсчетам Б. Ц. Урланиса, на одной и той же площади земледелие способно прокормить в 20—30 раз больше людей, чем скотоводство [3, с. 371; 5, с. 206].

Что касается кочевников, то, например, Э. Левассер оценивает возможную плотность населения при ведении экстенсивного скотоводства в 0,5—2,7 чел/км² [6, с. 473—476], а Ф. Ратцель определяет плотность кочевого скотоводческого населения в 0,7—1,8 чел/км² [7, с. 173]. Эти оценки согласуются с результатами наших расчетов.

Разумеется, такого рода количественные оценки носят сугубо приближенный характер, но очевидно все же, что речь может идти именно о сотнях тысяч, если не миллионе кочевников на территории Заволжья и Южного Приуралья в скифо-сарматское время, против чего столь категорически возражает Б. Ф. Железчиков.

В. В. Халдеев

ЛИТЕРАТУРА

1. *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Таннер Дж., Баррикот Н.* Биология человека. М.: Мир, 1968.
2. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
3. *Урланис Б. Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941.
4. *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
5. *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М.: Наука, 1969.
6. *Levasseur E.* Population francais. T. III. P., 1892.
7. *Ratzel F.* Anthropogeographie. B. II. Die geographische Verbreitung der Menschen. Stuttgart, 1922.

О новых исследованиях Британского института археометаллургии IAMS Newsletters, № 1, 1980. 4 p.; № 2, 1981, 6 p; № 3, 1982. 8 p.; № 4, Jan. 1983. 8 p.; № 5, Nov. 1983. 8 p.; № 6, June 1984. 8 p.; № 7, Dec. 1984. 8 p.; Rothenberg B., Tylecote R. F., Boydell P. J. Chalcolithic Copper Smelting. Excavations and Experiments. London: IAMS, 1978. 51 p. (Archaeo-Metallurgy, IAMS Monograph Number One); Rothenberg B. and Blanco-Freijero A. Studies in Ancient Mining and Metallurgy in South-West Spain. Explorations and Excavations in the Province of Huelva. London: IAMS, 1981. 320 p. (Metal in History: One)

Последние десятилетия ознаменовались все возрастающим интересом ученых разных стран к проблемам древней металлургии. Важные исследования в этой области проводятся крупнейшими зарубежными институтами и музеями. Для при-

мера можно назвать работы по обследованию древних рудников Средиземноморья. В 1975—1977 г. Институт ядерной физики имени Макса Планка (ФРГ, Гейдельберг), Музей горного дела (ФРГ, Бохум), Оксфордский университет (Англия) проводили обследование рудников, расположенных на территории Малой Азии, Балканского полуострова и островов Эгейского моря. Экспедиция изучила около 70 рудников, были проанализированы образцы руды и шлаков из 30 пунктов [1—5]. В 1983 г. Босфорским университетом (Турция) начат проект по исследованию древних рудников Анатолии [6, с. 450].

Одним из крупнейших научных центров, координирующих работу исследователей древней металлургии в разных странах, стал в последнее десятилетие Институт археометаллургических исследований, созданный в 1973 г. как организация, существующая на средства различных фондов и пожертвования частных лиц, с 1978 г. тесно сотрудничающая с Институтом археологии Лондонского университета. Задачами этой международной организации, в научный комитет которой под руководством профессора Б. Ротенберга (Англия) входят такие видные специалисты по истории древней металлургии, как Р. Ф. Тайлекот, П. Т. Крэддок (Англия), Х.-Г. Бахман (ФРГ), А. Бланко-Фрейхеро (Испания), являются координация и поощрение исследований зарождения и развития горного дела и металлургии с древнейших времен. По мнению сотрудников института, его образование находится в прямой связи с успехами экспедиций, включающих как археологов, так и специалистов в области металлургии, работавших в пустынных областях, расположенных между Средиземным и Красным морями. Одной из своих важных задач Институт археометаллургических исследований считает не только изучение горного дела и истории металлургии, но и, что представляется нам весьма существенным, получение новой информации для реконструкции истории древних культур, развития ремесла и торговли в древности.

С 1980 г. Институтом археометаллургических исследований издается периодический бюллетень («Newsletter»). К концу 1984 г. вышли из печати семь его выпусков. Опубликованы и подготовленные членами научного комитета монографии в сериях «Археометаллургия» и «Металл в истории», посвященные исследованиям процесса плавки меди в эпоху энеолита и изучению горного дела и металлургии Юго-Западной Испании. В настоящее время находится в печати книга Б. Ротенберга «The Mining Sanctuary at Timna». Отметим, что по замыслу издателей серия «Металл в истории» будет объединять результаты конкретных археометаллургических исследований в основных центрах древней горной добычи и производства металла. Несомненно, что публикация подобных материалов будет интересна всем занимающимся проблемами, так или иначе связанными с историей ремесла и металлургии в частности.

В настоящее время Институт археометаллургических исследований завершил следующие крупные научные разработки: исследования древней добычи и выплавки меди египтянами в пустыне Араба и открытие египетского храма XIII в. до н. э. в районе добычи меди; работы по изучению процесса плавки меди с IV тыс. до н. э. по эпоху бронзы, раскопки печей, реконструкцию древних печей в лабораторных и полевых условиях, создание математической модели металлургического процесса; широкомасштабные исследования на Синайском полуострове, где открыто и изучено около 700 памятников древнего горного дела и металлургии, датирующихся с позднеэнеолитического до римского времени; систематические исследования рудников и мест выплавки металла в провинции Уэльва на юге Испании; раскопки мест добычи меди и серебра в Рио Тинто (Испания), одном из древнейших среди ныне действующих горнорудных районов, относящихся к периоду с III тыс. до н. э. до римского времени.

В 1959 г. в западной части пустыни Араба к северо-востоку от Синайского полуострова начала работу археологическая экспедиция под руководством Б. Ротенберга. Эти раскопки и проводимые с 1964 г. ежегодные исследования в долине Тимны открыли многочисленные следы древней добычи и выплавки меди. Наиболее ранние из них относятся к IV тыс. до н. э. Судя по археологическим данным, производство меди в этом районе достигло наибольшего размаха в XIII—XII вв. до н. э., небольшие разработки велись и римлянами во II в. н. э. Одним из важнейших открытий в долине Тимны, сделанном в 1969 г., является находка остатков египетского храма времени 19—20-й династий в центральной части района, разрабатывавшегося египтянами. В процессе раскопок обнаружено более 10 тыс. вотивных пред-

метов. Другое святилище было открыто неподалеку высоко в горах, где огромная упавшая скала образовала пещеру, в которой находился алтарь со стоящим на нем вертикально камнем. Святилище датируется найденной в нем керамикой XIV—XII вв. до н. э. Не меньший интерес вызывают и остатки шахт и галерей II в. н. э., впервые обнаруженные в этих областях. Исследователи считают, что в XIV—XII вв. до н. э. Вади Араба был основным источником меди для египтян, тогда как разработки первых веков нашей эры не были значительными для Римской империи, так как Рим располагал огромными запасами медной руды, особенно на Кипре и в Южной Испании. Предполагают, что римляне вели здесь разработки медной руды главным образом с целью обеспечить свои местные потребности.

Особое внимание уделено исследованию медеплавильной печи IV тыс. до н. э., которому посвящена одна из изданных Институтом археометаллургических исследований монографий (заметим, что это уже не первая монография, посвященная находкам в долине Тимны) [7, 8]. Печь была открыта во время раскопок в долине Тимны в 1965 г. Б. Ротенберг описывает историю открытия, стратиграфию и обосновывает датировку комплекса (с. 1—8). Специальным исследованиям подверглись найденные при раскопках печи образцы руды и шлаков. Результаты анализов сведены в таблицы. Отмечается, что в качестве руды использовались малахит, паратанамит и реже самородная медь. Медных слитков найдено не было, но анализ капель металла показал, что они содержат 97—99% меди, 0,2—0,3% железа и небольшие примеси свинца и мышьяка. Плавильная печь представляла собой конструкцию из песчаника высотой около 80 и в диаметре около 45 см. Анализ шлаков показал, что в печи поддерживалась температура 1180—1350° С (с. 8—15). В приложениях к публикации Б. Ротенберга даются описания и анализ кремневых орудий, найденных при раскопках слоев энеолитической культуры конца IV тыс. до н. э. (с. 16—20), а также результаты фазового анализа шлаков, дающие основание считать, что технология выплавки меди в долине Тимны была в целом типична для энеолитической эпохи (с. 21—23).

Вторая часть монографии, написанная Р. Ф. Тайлекотом и П. Ж. Бойделлом, посвящена экспериментам по выплавке меди, основанным на находках ранних медеплавильных печей в Тимне. Вначале в лабораторных условиях в Англии, а затем на месте раскопок были построены печи в соответствии с данными раскопок. Результаты анализов использованной руды, флюсов и образовавшихся шлаков приведены в таблицах. Выплавленная медь в качестве основной примеси содержала железо. Содержание в меди мышьяка отражает его наличие в руде. В меньшей из двух построенных печей за 2 ч экспериментальной плавки было восстановлено из руды 0,3 кг меди при максимальной загрузке печи 5 кг руды и топлива (с. 27—51).

Если до 1976 г. деятельность института была сосредоточена главным образом в районах Ближнего Востока, то утвержденный в 1973 г. проект «Уэльва» стал одним из центральных мероприятий во второй половине 1970-х годов. Его задачами было, объединив междисциплинарные исследования археологов, историков, геологов и металлургов, попытаться воссоздать сложный комплекс геологической, географической и топографической ситуаций, в которых оказался древний человек, искавший металл на юге Испании, и способы решения им технологических, экономических и логистических проблем в различные периоды древней истории.

Результаты комплексных исследований отражены в монографии, подготовленной Б. Ротенбергом и А. Бланко-Фрейхеро. В первой главе работы представлена сводка сообщений древних авторов, имеющих отношение к исследуемому региону, рассматриваются эпиграфические свидетельства, дается очерк археологического изучения провинции Уэльва (с. 1—32).

Вторая глава (с. 33—162), посвященная собственно археометаллургическому изучению Уэльвы, открывается написанным М. П. Джонсом очерком месторождений провинции Уэльва, на территории которой, входящей в зону иберийского пиритового пояса, имеются многочисленные залежи меди и серебра, железа и золота. За несколько сезонов работ экспедиция исследовала 42 памятника, так или иначе связанных с добычей руды и выплавкой металла. Каталог этих памятников, снабженный подробными ситуационными планами и фотографиями, рисунками находок и данными анализов шлаков и образцов металла, составляет основную часть второй главы и монографии в целом. В этой же главе приводится небольшой очерк истории металлообрабатывающего района Рио Тинто (с. 111—114), существенными положениями которого следует считать доказательство того, что в Рио Тинто вы-

плавляли не только серебро, но и медь, и железо. Хотя широких масштабов выплавка металлов, главным образом серебра, достигает впервые в XII—IX вв. до н. э., в 1980 г. были получены данные, говорящие о том, что рудные богатства Рио Тинто начали разрабатываться еще в IV—III тыс. до н. э.

Третья глава (с. 165—182) посвящена интерпретации результатов археометаллургического исследования и представляет, на наш взгляд, наибольший интерес. По существу, это впервые написанный синтетический очерк истории горного дела и металлургии провинции Уэльва на основе фактических данных как археологических (остатки построек, керамика, орудия труда, монеты и пр.), так и металлургических (результаты специальных исследований технологии плавки, отходов литья и т. д.).

История металлургии провинции Уэльва начинается в IV—III тыс. до н. э., и первым металлом, который добывали здесь, была медь. Исследователи считают этот период в истории Иберии во многом революционным. Именно тогда появляются ранние мегалитические постройки, впоследствии развившиеся в каменные здания поселений медеплавильщиков. Орудия, которыми пользовались древнейшие рудокопы, и по форме, и по назначению аналогичны известным как на Ближнем Востоке, так и в Европе. Специально рассматриваются проблемы мышьяковистых бронз в связи с историей металлургии эпохи ранней бронзы. Авторы приходят к выводу, что производство изделий из мышьяковистой бронзы и серебра можно считать основным фактором быстрого расцвета аргарской культуры II тыс. до н. э. Вместе с тем, судя по немногочисленным находкам шлаков и других отходов литья, объем производства металла в этот период был еще невелик.

Принципиально новая стадия металлургическо-технологического развития начинается с эпохи поздней бронзы. На смену изделиям из «чистой» меди и мышьяковистой бронзы приходят оловянистые бронзы. Для позднебронзового века Иберии характерно не только широкое производство бронзового оружия и инструментов, но и изготовление при помощи сложной технологии замечательных сосудов и украшений из золота и серебра. С появлением на территории Пиренейского полуострова финикийских поселений объем добычи и выплавки металлов в провинции Уэльва значительно возрос, причем, судя по всему, рудники Уэльвы разрабатывались местным населением. Если все известные рудники, относящиеся к эпохе Римской республики, разрабатывались и в предшествующий период, то картина разработки рудных богатств Уэльвы кардинально изменилась в августовскую эпоху. Хотя рудникам эпохи Римской империи в Испании посвящено много литературы (вспомним хотя бы ставшую классической работу О. Девиса [9]), современные исследования позволили существенно дополнить уже известную картину. В самом начале I в. н. э. на территории провинции появляется множество новых рудников, в которых добывали медную, серебряную и железную руду. Огромный объем производства металлов на юге Испании в эпоху Римской империи, о котором свидетельствуют множественные следы разработок и миллионы тонн шлаков, по мнению авторов, ставят под сомнение точку зрения М. И. Ростовцева [10, с. 341, 342], считавшего, что эти рудники разрабатывались компаниями частных владельцев, и скорее говорят в пользу высказанной им же гипотезы о тенденции к монополизации рудников государством. В заключение главы Б. Ротенберг и А. Бланко-Фрейхеро приходят к выводу, что Уэльва была наиболее значительным районом производства металлов в эпоху Римской империи и одной из самых важных металлургических областей древнего мира (с. 175).

Последующие главы монографии посвящены изучению прибрежных районов провинции Уэльва с подробным геологическим очерком (глава 4, с. 183—226), итогам раскопок городища Техада ля Вейя с приложениями результатов анализов металлических изделий и образцов шлаков, составленных П. Т. Крэддоком и Х.-Г. Бахманом (глава 5, с. 227—289). Все аналитические данные, использованные в работе, включены в шестую главу (с. 290—317).

Несмотря на отдельные замечания, которые могут относиться прежде всего к композиционному решению монографии, несомненно одно: провинция Уэльва благодаря огромной важности металлов в ее истории может служить моделью par excellence для изучения роли металлов в истории вообще.

Среди крупных работ, которые в настоящее время проводит или планирует провести Институт археометаллургических исследований, назовем следующие: изучение добычи руды на о. Кипр в период, предшествовавший бронзовому веку; ис-

следованию добычи руд и выплавки металлов на всей территории иберийского пиритового пояса и влияния горного дела на историю полуострова; изучение древней технологии плавки серебра, его восстановления из комплексных серебряно-свинцово-медных руд в Западной Европе; исследование ранней металлургии Британских островов, а также ее связи с доисторическими памятниками и культами.

Следует выделить разработку глобальной темы «Человек и металлы», представляющей всестороннее исследование металлургической технологии и влияния металлов на экономическое и культурное развитие общества. Отметим также, что при Лондонском университете читаются специальные курсы по археометаллургии.

На страницах бюллетеней Института археометаллургических исследований находят отражение и другие важнейшие проблемы. Среди них вопрос об источниках олова для металлообработки Средиземноморья эпохи раннего железного века [1]. Были исследованы слитки олова и меди, найденные недавно в порту г. Хайфы. По предварительному заключению Б. Ротенберга, оловянные слитки были погружены в Испании на финикийский корабль приблизительно в 700—600 гг. до н. э. Анализ на изотопы свинца, который проводится в Оксфордском университете, позволит точнее решить вопрос о происхождении слитков [2].

Привлекает интерес сообщение о находке первого достоверного шлака на о. Сардиния экспедицией под руководством Р. Ф. Тайлекота. Отмечается, что основная проблема в изучении древней металлургии острова состоит в том, чтобы определить, в какой степени использовал остров собственные минеральные ресурсы и какие металлы импортировались [3].

Начаты работы по специальному исследованию истории металлургии западной части Великобритании (Корнуэлл, Девон). В 1970-е годы в Корнуэлле в погребении XVI в. до н. э. были найдены кусочки оловянных шлаков. Хотя предполагается, что олово выплавляется в Корнуэлле уже четыре тысячелетия, начиная примерно с XVIII в. до н. э., следы производства обнаружить нелегко, поскольку в древности печи были примитивны, а шлаков оставалось мало, так как плавке подвергались богатые оловом руды. Считают, что первыми выплавлять олово в Корнуэлле начали поселившиеся здесь выходцы из Средиземноморья. Уже около 1500 г. до н. э. в торговлю с Корнуэллом включились финикийцы. На наш взгляд, участие выходцев из Средиземноморья в выплавке олова в Корнуэлле проблематично, как, впрочем, сомнительна и возможность торговли финикийцев с Корнуэллом в середине II тыс. до н. э.[4].

Проведены исследования и на юго-западе Ирландии, где открыты рудники на горе Габриэль, интенсивно разрабатывавшиеся в период между 1500 и 1250 гг. до н. э. По оценкам специалистов, в этот период здесь было выплавлено примерно 146 т меди. Если учесть, что такой объем металла производил лишь один небольшой металлургический район, есть основания считать, что Ирландия в эпоху бронзового века «экспортировала» медь.

Не оставлены без внимания составителями бюллетеней и проблемы древней металлургии Востока, в частности Китая и Индии. Освещены результаты раскопок китайских археологов на крупнейшем из разрабатывавшихся в древности медном руднике Тонглюшань в районе р. Янцзы. Рудник разрабатывался уже три тысячелетия назад. За время разработки, по оценкам специалистов, было выплавлено около 80 тыс. т меди. Чрезвычайно интересны результаты совместной экспедиции Британского музея, компании «Хиндустан цинк лтд.» и Университета Бароды (Индия), в результате которой на территории современных рудников в Заваре

---

[1] Капитальное исследование проблемы торговли медью и оловом в эпоху бронзы и раннего железного века провел американский историк древней металлургии Дж. Мьюли [11—13].

[2] Новым находкам оловянных слитков в порту Хайфы посвящена также работа американских исследователей, в которой ставятся проблемы источников олова для древней металлообработки Восточного Средиземноморья [14]. В 1977 г. Смитсоновским институтом и Национальным бюро стандартов в Вашингтоне был проведен международный семинар, организованный Т. А. Вертаймом, посвященный поиску древних источников олова [15].

[3] В последнее время сообщалось о том, что открыты источники олова на о. Сардиния. Найденные там кусочки касситерита очень малы (диаметр 5—6 мм), что дает повод усомниться в том, что они могли привлечь внимание древних металлургов. Предположение о древних разработках олова на о. Сардиния нуждается в дальнейшей проверке [16, с. 318].

[4] См. новейшие данные о присутствии финикийцев на Западе [17—19].

(Индия, штат Раджастан) были открыты печи XVI в. по выплавке металлического цинка. На сегодняшний день это древнейшие остатки производственных сооружений, в которых велась выплавка металлического цинка. Благодаря хорошей сохранности печей технология процесса получения металлического цинка надежно реконструируется [20, 21].

Опубликована информация о работах экспедиции Немецкого музея горного дела (ФРГ, Бохум) в Омане, где на поселении III тыс. до н. э. Аль-Мейзер были обнаружены многочисленные следы выплавки меди, включая медные слитки. Полученные результаты являются важным свидетельством в пользу гипотезы о том, что современный Оман — это древний Маган, хорошо известный по упоминаниям в месопотамских клинописных табличках как источник меди для Ура и Шумера [22—24].

К одному из перспективных направлений в современной археометаллургии принадлежат работы, ведущиеся отделением геологии Оксфордского университета под руководством Н. Гейла (Англия). Благодаря тому что руды различных месторождений имеют в своем составе различные сочетания изотопов свинца (^{204}Pb, ^{206}Pb, ^{207}Pb, ^{208}Pb), анализ древних металлических предметов позволяет установить их происхождение. Этому открытию предшествовала большая аналитическая работа с образцами из разрабатывавшихся в древности рудников Средиземноморья. Так, например, изучая источники свинца и серебра для Эгейского бассейна эпохи бронзы, исследователи пришли к выводу, что ими являлись рудники Сифноса и Лаврио на [5], [26—29].

Представленный обзор показывает весомый вклад Института археометаллургических исследований в изучение проблем древнего горного дела и металлургии, имеющий несомненное значение для советских историков и археологов, ведущих комплексные исследования древней металлургии и металлообработки как на территории СССР, так и за рубежом [30—37]. Вероятно, создание организации, подобной Институту археометаллургических исследований, в нашей стране позволило бы улучшить координацию работ по исследованию древнего горного дела, металлургии и металлообработки.

М. Ю. Трейстер

ЛИТЕРАТУРА

1. *Gentner W., Muller O., Wagner G. A.* Silver Sources of Archaic Greek Coinage // Naturwissenschaften. 1978. Jg. 65, H. 6.
2. *Wagner G. A., Pernicka E., Gentner W., Groppengiesser H.* Nachweis antiken Goldbergbaus auf Thasos: Bestätigung Herodots // Naturwissenschaften. 1979. Jg. 66, H. 12.
3. *Wagner G. A., Weisberger G.* The Ancient Mine of Aghios Sostis on Siphnos (Greece) // Archaeophysika. 1979. V. 10.
4. Silber, Blei und Gold auf Siphnos — Prähistorische und antike Metallproduktion / Hrsg. Wagner G. A., Weisberger G. // Anschnitt. 1985. Beih. 2.
5. *Pernicka E., Seeliger T. S., Wagner G. A. et al.* Archäometallurgische Untersuchungen in Nordwestanatolien // Berichte der Komission für Metallurgie des Altertums. JRGZ. 1984. Jg. 31.
6. *Mellink M. J.* Archaeology in Asia Minor // AJA. 1984. V. 88, № 4.
7. *Rothenberg B.* Timna: Valley of the Biblical Copper Mines. L., 1972.
8. *Conrad H. G., Rotenberg B.* Antikes Kupfer im Timna-Tal. Bochum: Deutsches Bergbau Museum, 1980.
9. *Davies O.* Roman Mines in Europe. Oxford, 1935.
10. *Rostovtzeff M. I.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1957.
11. *Muhly J. D.* Copper and Tin. The Distribution of mineral resources and the nature of the metals trade in the Bronze Aga // Transactions Connecticut Acad. Arts and Sciences. V. 43. New Haven, 1973.
12. *Muhly J. D.* Supplement to Copper and Tin // Transactions Connecticut Acad. Arts and Sciences. V. 46. New Haven, 1976.
13. *Muhly J. D.* Sources of Tin and the Beginnings of Bronze Metallurgy // AJA. 1985. V. 89, № 2.
14. *Maddin R., Wheeler T. S., Muhly J. D.* Tin in the Ancient Near East: Old Questions and New Finds // Expedition. 1977. V. 19. № 2.
15. The Search for Ancient Tin/Ed. Franklin A. D., Olin J. S., Wertime T. A. Washington, 1978.

[5] Исследования Н. Гейла получили подробное освещение и в отечественной научно-популярной литературе [25].

16. *Lo Schiavo F., Maddin R., Muhly J. D., Stech T.* Preliminary Report on Ancient Metallurgy in Sardinia, 1984 // AJA. 1985. V. 89. № 2.
17. Phönizier im Westen. Die Beitrage des Internationalen Symposiums uber «Die phonizische Expansion im westlichen Mittelmeeraum» in Köln von 24. bis 27. April 1979/Hrsg. Niemeyer H.-G. Mainz, 1982. // DAI Madrider Beitrage. 1982. B. 8.
18. *Niemeyer H.-G.* Die Phonizier und die Mittelmeerwelt im Zeitalter Homers // JRGZ. 1984. Jg. 31.
19. *Schauer P.* Orient im spätbronze – und früheisenzeitlichen Occident. Kulturbeziehungen zwischen der Iberischen Halbinsel und dem Vorderen Orient während des späten 2. und des ersten Drittels des 1. Jahrtausends v. Chr. // JRGZ. 1983. Jg. 30.
20. *Craddock P. T.* How Zinc was Smelted in Ancient India // New Scientist. 1984. March 29.
21. *Craddock P. T., Freestone I. C., Gurjar L. K., Hedge K. T. M., Sonawane V. H.* Early Zinc Production in India // Mining Mag.. 1985. January.
22. *Hansman J.* A Periplus of Magan and Meluhha // Bull. School African and Oriental Studies. 1973. V. XXXV. pt. 3.
23. *Hansman J.* A Further Note on Magan and Meluhha // Bull. School African and Oriental Studies. 1975. V. XXXVII. pt. 3.
24. *Бибби Дж.* В поисках Дильмуна. М.: Наука. 1984.
25. *Ваганов П. А.* Физики дописывают историю. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
26. *Gale N. H., Gentner W., Wagner G. A.* Mineralogical and Geographical Silver Sources of Archaic Greek Coinage // Metallurgy in Numismatics. L., 1980.
27. *Gale N. H., Stos-Gale Z. A.* Cycladic Lead and Silver Metallurgy // BSA. 1981. V. 76.
28. *Gale N. H., Stos-Gale Z. A.* The Sources of Mycenean Silver and Lead // J. Field Archaeol. 1982. V. 9.
29. *Gale N. H., Stos-Gale Z. A.* Bronze Age Copper Sources in the Mediterranean: A New Approach // Science. 1982. V. 216. № 4541.
30. *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.: Наука, 1966.
31. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М.: Наука, 1976.
32. *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
33. *Сергеева Н. Ф.* Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1981.
34. *Сунчугашев Я. И.* Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М.: Наука, 1975.
35. *Сунчугашев Я. И.* Древняя металлургия Хакассии. Эпоха железа. М.: Наука, 1979.
36. *Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.: Наука, 1983.
37. *Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В.* История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э.– III в. н. э.). Киев: Наук. думка, 1983.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ГРЕКО-БАКТРИИ В ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Одной из наименее исследованных и соответственно наиболее дискуссионных в литературе по истории Центрально-Азиатского региона является эпоха существования Греко-Бактрийского царства. В данном кратком обзоре предпринята попытка проанализировать состояние изученности некоторых проблем истории и культуры Греко-Бактрии в современной литературе. В качестве основы этого обзора взяты работы общего характера, написанные известными специалистами. В работах обобщающего характера более отчетливо, чем в частных исследованиях, отражается реальный прогресс в изучении проблем истории и культуры Греко-Бактрии. Конечно, по мере необходимости авторы обзора будут привлекать и частные исследования (особенно те, на базе которых строятся выводы в работах общего характера, или те, выводы которых расходятся с сообщаемым в общих работах).

Среди изданий общего характера, рассматривающих (в числе других сюжетов) и историю Греко-Бактрии, прежде всего необходимо назвать книгу известного иранист Р. Н. Фрая [1], вышедшую в серии «Handbuch der Altertumswissenschaft», чем и определяется ее характер. Автор стремится дать строго фактическое изложение событий, отметить важнейшие точки зрения по рассматриваемым вопросам, указывает, в какой степени они, по его мнению, подкрепляются свидетельствами источников. Каждой из глав предпосылается краткое введение, в котором указывается важнейшая литература по теме, рассматриваемой в данной главе. Греко-бактрийские проблемы рассматриваются в главе VII («Греко-бактрийцы, саки и парфяне»).

Другая работа общего характера, в которой также освещается история Греко-Бактрии (и ряд тесно связанных с ней вопросов),— это третий том (состоящий из двух полутомов) «Кембриджской истории Ирана» [2]. Интересующие нас вопросы излагаются, в частности, в главе 5 — «История Восточного Ирана» (автор — Э. Д. Бивар) и главе 6 — «Политическая история Трансоксианы» (автор — Е. В. Зеймаль) (см. также [3]). Иногда касаются проблем истории и культуры Греко-Бактрии и авторы других глав.

Наконец, еще одним изданием общего характера, в котором исследуются история и культура Греко-Бактрии, является «Археология Афганистана» [4]. Рассматриваемые в данном обзоре проблемы освещаются в главе 4 — «Раннеисторический период: Ахемениды и греки» (авторы — Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи). В этой главе имеются следующие разделы: «Исторический фон», «Эпиграфика», «Нумизматика», «Поселения, материальная культура и искусство».

Проблема возникновения Греко-Бактрийского царства. Этот вопрос полнее всего освещается Р. Н. Фраем. Э. Д. Бивар придерживается в сущности аналогичной концепции, которая представлена в «Археологии Афганистана» в самом кратком виде.

Р. Н. Фрай прежде всего указывает, что сведения источников (в основном Юстина), касающиеся хронологии, в ряде случаев нельзя понимать буквально. Во всяком случае свидетельство Юстина (Just. XLI, 4, 3—4) о дате отпадения парфян от Селевкидов (и соответственно о дате отпадения Диодота, поскольку Юстин говорит об этих событиях как одновременных) внутренне противоречиво, так как в нем имеются три хронологических указания: во время первой Пунической войны, в консульство Луция Манлия Вульсона и Марка Аттилия Регула, когда происходили раздоры между двумя братьями-царями: Селевком и Антиохом. Эти указания нельзя согласовать хронологически. Р. Н. Фрай совершенно справедливо указывает, что все попытки как-то исправить текст Юстина, чтобы устранить эти противоречия, оказались совершенно безуспешными.

Р. Н. Фрай также считает, что отпадение правителя Бактрии Диодота от Селевкидов было не единовременным актом, а растянулось на определенный, достаточно длительный срок. Подтверждение этому он видит, как и большинство современных исследователей, в изменении характера монетного чекана Диодота. Начало процесса отпадения Р. Н. Фрай относит ко времени войны между Селевком II и Антиохом Гераксом (ко времени вскоре после 246 г. до н. э., т. е. после смерти Антиоха II), а конец — к 239 г. до н. э. Он особо подчеркивает, что одновременность отпадения Бактрии и Парфии (о которой говорит Юстин) заставляет постоянно иметь в виду, что аршакидская эра начинается с 247 г. до н. э., и поэтому отодвигать на длительный срок дату отпадения Диодота от этого твердо фиксированного года невозможно. Этого же мнения придерживается и Э. Д. Бивар [1]. В силу этого Р. Н. Фрай решительно отвергает 239 г. до н. э. как дату начала независимости Парфии. Эта точка зрения в последние годы активно защищается И. Вольским [6—9]. С точки зрения Р. Н. Фрая, 239 г. до н. э.— это завершение процесса создания независимого Греко-Бактрийского царства, оформление независимости де-юре, начало же процесса относится к более раннему времени.

В связи с проблемой возникновения Греко-Бактрийского царства Р. Н. Фрай касается еще нескольких вопросов. В частности, он высказывает кажущееся вполне обоснованным сомнение относительно концепции И. Вольского [7], согласно которой, отпадение Бактрии означало восстание греков и бактрийцев против власти македонян. В источниках нет ни малейшего намека, который можно было бы использовать для подтверждения подобного взгляда. Р. Н. Фрай считает также, что местное население вряд ли различало эти две группы завоевателей. Отметим в связи с этим, что уже в эпоху ранних Селевкидов произошло в сущности слияние этих двух групп: греков и македонян.

Р. Н. Фрай также категорически не согласен с иногда высказываемой точкой зрения о том, что на бактрийском престоле до Евтидема находилось не два царя (Диодот I и Диодот II), а только один. Он указывает, что в сообщении Юстина совершенно определенно говорится о двух царях, отце и сыне, носящих одно и

---

[1] Отметим в связи с этим, что в фундаментальной работе Э. Вилля, где подробно рассматриваются проблемы возникновения Парфянского и Греко-Бактрийского царств, этот фактор совершенно не учитывается [5, с. 252—261, 270—278].

то же имя (Just. XLI, 4, 9). Кроме того, хронологический промежуток между серединой III в. до н. э. и временем Евтидема слишком велик, чтобы его могло заполнить одно царствование (Диодота I). К числу аргументов, видимо, можно добавить еще один — прямое свидетельство Полибия. В его рассказе о переговорах между Антиохом III и Евтидемом последний говорит, что он уничтожил «потомство» изменников (Polyb. XI, 34).

Не соглашается Р. Н. Фрай и с точкой зрения А. К. Нарайна [10, с. 16, 17] относительно характера чеканки монет первыми греко-бактрийскими царями (Диодотом I и Диодотом II). А. К. Нарайн полагал, что и тот и другой чеканили как монеты с портретом Антиоха II, так и со своим собственным портретом. Эта идея родилась из предположения, что отпадение Бактрии имело место в 256 г. до н. э., а восшествие на престол Диодота II — в 248 г. до н. э. Опровержение Р. Н. Фраем этой концепции базируется на хронологических соображениях: поскольку доказано, что отпадение Бактрии не могло произойти в 256 г. до н. э., то соответственно восшествие на престол Диодота II не может датироваться 248 г. до н. э. Таким образом, исчезает единственная возможность допустить, что Диодот II находился у власти в то время, когда независимость Бактрии еще не была провозглашена официально.

Проблема границ Греко-Бактрийского царства. Особого внимания требует проблема границ Греко-Бактрийского царства. Р. Н. Фрай прежде всего отмечает, что сообщение Юстина (Just. XLI, 4, 8) о том, что основатель Парфянского царства Аршак I «опасался» не только селевкидского царя Селевка, но и «Диодота, царя бактрийского», может быть истолковано как свидетельство агрессивности политики первого царя независимой Бактрии. Р. Н. Фрай также считает, что помимо собственно Бактрии первым греко-бактрийским царям принадлежала и Маргиана. Более сложен, с его точки зрения, вопрос о вхождении в состав Греко-Бактрийского царства Согдианы и близких к ней районов. По его мнению, сейчас невозможно определить, была ли Согдиана (включая Ферганскую долину) частью государства, созданного Диодотом. Однако нет оснований сомневаться, что какое-то время Согдиана входила в состав Греко-Бактрийского царства. Но нельзя думать, что власть греко-бактрийских царей в какой-либо период распространялась за пределы Согда (например, на территорию Ферганы и тем более Хорезма). Особенно резко выступает Р. Н. Фрай против предположения В. Тарна о завоевании Евтидемом Восточного Туркестана [11, с. 84—87]. Привлекая для решения этой проблемы данные нумизматики, Р. Н. Фрай подчеркивает, что зона распространения монет (особенно бронзовых) является достаточно хорошим индикатором для определения политических границ. В связи с этим он обращает внимание на то обстоятельство, что на территории среднеазиатских советских республик найдено определенное количество монет поздних греко-бактрийских царей (или подражаний им), в то время как монет Диодота и Евтидема нет. Правда, тут же Р. Н. Фрай указывает, что и на территории Афганистана бронзовых монет Диодота найдено немного.

Более радикальными являются взгляды Е. В. Зеймаля относительно проблемы северных границ Греко-Бактрии. Подобно некоторым другим авторам, он считает, что граница между Бактрией и Согдом проходила по Амударье. Е. В. Зеймаль полагает, что под властью Селевкидов находились только территории вдоль северного берега Амударьи (не севернее Гиссарского хребта). Долина Зеравшана поэтому не могла входить в состав Селевкидского государства. Не могла быть отодвинута эта граница дальше на север и в период независимого существования Греко-Бактрии. Подтверждение этому Е. В. Зеймаль видит в небольшом числе находок селевкидских и греко-бактрийских монет на этих территориях. Он подчеркивает: чем далее на север, тем меньше находок этих монет. В частности, Е. В. Зеймаль указывает, что к северу от Гиссарского хребта, в долине Зеравшана, находки греко-бактрийских монет — исключительная редкость.

Эти взгляды в общем достаточно сильно отличаются от представлений, принятых большинством исследователей. Преобладающим является мнение, что, как и при Александре Македонском, в период господства Селевкидов и греко-бактрийцев Согд входил в состав этих государственных образований. Учитывая, что сходные взгляды высказываются в двух различных работах общего характера (Р. Н. Фраем — более сдержанно, а Е. В. Зеймалем — более решительно), можно сделать вывод, что происходит становление новой концепции.

Признавая всю весомость аргументов этих авторов, мы все же должны указать на наличие некоторых слабых пунктов в данной концепции. Отметим прежде всего, что Е. В. Зеймаль ошибается, утверждая, что начиная с 30-х годов XX в., когда в долине Зеравшана были начаты широкие археологические исследования, и до настоящего времени при раскопках не было найдено ни одной греко-бактрийской монеты. При исследовании кочевнических захоронений в Бухарском оазисе монету Гелиокла нашел О. В. Обельченко [12, с. 203]. Также в Бухарском оазисе был обнаружен клад, состоявший из 50 монет трех греко-бактрийских царей: Диодота, Евтидема, Агафокла [13, с. 55, 56]. Кроме того, необходимо учитывать, что при всей масштабности археологических работ, проводившихся в долине Зеравшана, ранние слои, относящиеся к селевкидскому и греко-бактрийскому времени, вскрывались чрезвычайно редко, что хорошо объясняет и редкость монетных находок. Не всегда можно согласиться и с толкованием данных античной традиции. Страбон, например, прямо пишет о том, что бактрийские греческие цари владели и Согдианой (Strabo, XI, 11, 2). Нельзя, как нам кажется, использовать в качестве аргумента (для подтверждения тезиса о том, что большая часть Согда не входила в состав Греко-Бактрийского царства) и слова Евтидема в ходе его переговоров с Антиохом III (в передаче Полибия). Евтидем сообщает Антиоху: «...положение обоих становится небезопасным. На границе стоят огромные полчища номадов, угрожающие нам обоим; если только варвары перейдут границу, то страна наверняка будет ими завоевана» (Polyb. XI, 34). Е. В. Зеймаль понимает данное сообщение как указание на то, что кочевники стоят на северном берегу Окса, но это представляется в высшей степени маловероятным. Во-первых, в сообщении Полибия нет никаких указаний на то, что граница — это река Окс. Во-вторых, очень трудно представить, чтобы Антиоху, 2 года осаждающему Бактры, нужно было сообщать, что совсем рядом, за рекой, стоят полчища кочевников. Смысл в таком сообщении имеется только в том случае, если оно рассказывает о ситуации на отдаленной границе, о чем не знает Антиох и о чем ему сообщает Евтидем, лучше осведомленный об обстановке как в принадлежащей ему стране, так и на ее рубежах.

Таким образом представляется, что новая тенденция в литературе — ограничивать владения Греко-Бактрии к северу от Амударьи очень узкой полосой — еще не может быть принята. Имеется целый ряд фактов, которые не могут быть объяснены исходя из этой концепции.

Греко-бактрийские завоевания в Индии. Последующая история Греко-Бактрии в книге Р. Н. Фрая, и в «Кембриджской истории Ирана» рассматривается главным образом в контексте греко-бактрийских завоеваний на Индийском субконтиненте. Р. Н. Фрай справедливо подчеркивает, что в реконструкции основных событий политической истории Греко-Бактрии до времени царствования Деметрия, сына Евтидема, подавляющее большинство исследователей согласны друг с другом. Совершенно иная картина наблюдается при рассмотрении проблем более позднего времени. Здесь имеются очень серьезные расхождения между исследователями, касающиеся даже числа греко-бактрийских царей, в частности относительно числа одноименных царей. Некоторые ученые считают, что существовал только один царь Деметрий, зафиксированный как античной традицией, так и обильным монетным чеканом, другие — что существовало два одноименных правителя. То же самое можно сказать о Менандре и некоторых других греко-бактрийских царях. Сам Р. Н. Фрай не останавливается специально на вопросе о числе царей с именем Деметрий, но, судя по контексту, больше склоняется к тому, что их было два.

Именно с Деметрием I, если считать, что их было два, связана большая и сложная проблема начала греко-бактрийских завоеваний на юге, в сторону Индийского субконтинента. Р. Н. Фрай, сопоставляя взгляды различных исследователей относительно масштабов и направлений походов Деметрия, отвергает точку зрения В. Тарна [11, с. 93 сл.] и Ф. Альтхайма [14] о больших масштабах его завоеваний в Индии. Он склонен следовать концепции А. К. Нарайна [10, с. 23 сл.], хотя и указывает, что последний несколько преуменьшает их. А. К. Нарайн полагал, что Деметрий I завоевал Арахозию и, возможно, часть Дрангианы — Систана, а завоевание Паропамиса связывает с деятельностью Деметрия II. Последний тезис А. К. Нарайна был справедливо подвергнут критике А. Симонеттой [15, с. 157]. Конечный вывод Р. Н. Фрая: завоевания Деметрия I охватывают Парапамис и Арахозию. Конец царствования Деметрия I приходится примерно на 185 г. до

н. э. В «Кембриджской истории Ирана» проблема Деметрия в сущности подробно не рассматривается. Здесь основное внимание уделяется несколько более позднему времени. Этот период интересует также и Р. Н. Фрая. Он указывает на чрезвычайную сложность вопроса о взаимоотношениях между Деметрием и Евкратидом, относительно которых основным источником является Юстин (Just. XLI. 6). По мнению Р. Н. Фрая, здесь не ясны самые основные факты. В частности, не ясно, с каким из Деметриев (I или II) сражался Евкратид. В. Тарн полагал, что Евкратид восстал против Деметрия I (и его двух «генералов» — Менандра и Аполлодота). А. К. Нарайн, напротив, думал, что Евкратид восстал против Деметрия II. Не ясно и происхождение Евкратида. В. Тарн предполагал, что Евкратид был двоюродным братом селевкидского царя Антиоха IV, посланным им на Восток, чтобы воссоздать могущественную державу, вернуть Селевкидам все их владения на Востоке [11, с. 195]. Э. Д. Бивар согласен с мнением В. Тарна. Он также считает Евкратида «эмиссаром Антиоха IV», хотя и без большой уверенности. Р. Н. Фрай, напротив, решительно возражает против этого. Он предполагает, что Евкратид был (перед восстанием против Деметрия) правителем одной из западных или северных провинций Греко-Бактрийского царства (возможно, Согдианы или Герата). Тот факт, что, достигнув власти, Евкратид чеканил коммеморативные монеты, на которых воспроизведены, по всей видимости, его родители Гелиокл и Лаодика (причем диадема изображена только на голове Лаодики), по мнению Р. Н. Фрая, позволяет сделать вывод, что его мать была принцессой из семьи Диодота или Евтидема [2]. Свидетельства Юстина о многочисленных войнах Евкратида Р. Н. Фрай считает возможным истолковать как конфликты его с такими правителями, как Антимах, Панталеон, Агафокл. При этом он считает вполне допустимым предположение, что Антимах был правителем какой-то из областей Греко-Бактрии, расположенной к северу от Амударьи. Одновременно разворачивались и военные действия против парфян, о которых также сообщает Юстин. В ходе этой войны Евкратид уступил парфянам, согласно свидетельству Страбона, две сатрапии— Туриву и Аспиону (Strabo. XI, 517). К сожалению, указывает Р. Н. Фрай, невозможно точно идентифицировать эти две провинции. Можно только предполагать, что они находились в районе Мерва— Герата. В связи с системой взглядов, развиваемой Р. Н. Фраем, необходимо указать, что нумизматические материалы (на которые не ссылается Р. Н. Фрай), кажется, твердо свидетельствуют о захвате части территории Греко-Бактрии парфянами в начале царствования Евкратида [16].

При Евкратиде или его преемнике Гелиокле (около 140 г. до н. э.) были утрачены, по мнению Р. Н. Фрая, северные области Греко-Бактрийского царства, захваченные кочевниками. Другим важнейшим обстоятельством, определившим дальнейший ход истории этого государственного образования, был раскол страны (170—150 гг. до н. э.). Отныне в ней были две правящие династии: династия Евкратида, опиравшаяся на северные части страны, и преемников Евтидема, действовавших главным образом к югу от Гиндукуша, хотя некоторые представители этой династии (например, Антимах Теос) воевали к северу от Гиндукуша в то время, когда Деметрий I или Деметрий II — на юге. Здесь, к югу от Гиндукуша, по мнению Р. Н. Фрая, ситуация была чрезвычайно сложной, и в настоящее время невозможно сколько-нибудь твердо определить хотя бы самые основные факты истории греко-бактрийцев на Индийском субконтиненте в этот период. Твердо установленным фактом можно считать то, что в это время в данном регионе действовало несколько монетных дворов: с начала периода — в Александрии (у современного Чарикара), Пушкалавати (Чарсада), Таксиле, несколько позже — монетный двор в Гардезе и некоторые другие. На этих монетных дворах в период между Деметрием и Менандром чеканили свои монеты несколько царей, которых (вслед за А. К. Нарайном) лучше называть греко-индийскими, а не греко-бактрийскими. Некоторые из них были подлинными царями, другие — вассальными, зависящими от первых. Большинство этих царей владело территориями по обе стороны Гиндукуша. С точки зрения Р. Н. Фрая, доказательством этому служит чеканка монеты подавляющим большинством царей в двух вариантах: чисто греческие (по аттическому стандарту), предназначенные для обращения в областях к северу от Гиндукуша, и двуязычные, предназначенные для обращения в областях Индийского субконти-

[2] Последнее предпочтительнее, поскольку, согласно свидетельству Полибия (Polyb. XI, 34), Евтидем сам сообщал, что он уничтожил «потомство» изменников, т. е. Диодота I и II.

нента. Царями Евтидемидской династии являлись: Евтидем II и Деметрий II (хотя, строго говоря, нельзя быть уверенными в том, что они действительно существовали), Антимах, Панталеон, Агафокл, Аполлодот. Однако, подчеркивает Р. Н. Фрай, опираясь только на нумизматические данные, зачастую невозможно решить вопрос о принадлежности какого-либо конкретного лица к той или иной династии. Самый яркий пример этого, по мнению Р. Н. Фрая,— царица Агафоклея, изображенная на монетах вместе со Стратоном. В. Тарн считал ее дочерью Деметрия I, А. К. Нарайн — дочерью Деметрия II, А. Симонетта — дочерью Агафокла. Многие авторы утверждали, что Агафоклея была женой Менандра и матерью Стратона, а А. Симонетта полагал, что она была женой Аполлодота I и матерью Стратона. Э. Д. Бивар предполагает, что Стратон правил в значительно более позднее время, чем предполагает большинство исследователей. Кроме того, по его мнению, Агафоклея должна, скорее, быть супругой Стратона, чем его матерью. Это мнение Р. Н. Фрай также считает более предпочтительным.

В «Кембриджской истории Ирана» высказываются взгляды, очень близкие тому, что мы встречаем у Р. Н. Фрая. Э. Д. Бивар только подчеркивает, что в Северной Индии около 190 г. до н. э. образовался «вакуум власти», что побудило греков Бактрии вторгнуться сюда. В числе правителей Евтидемовского дома, участвовавших в завоевании территорий на Индийском субконтиненте, он называет Деметрия I, Аполлодота I, Антимаха I. Как уже отмечалось выше, Э. Д. Бивар полагает, что Евкратид, посягнувший на власть династии Евтидемидов в Бактрии, был «эмиссаром» Антиоха IV. Э. Д. Бивар также указывает, что в борьбе с Евкратидом погиб именно Деметрий I. Также он полагает, что в Бактрии против Евкратида боролись следующие цари Евтидемовской династии: Евтидем II, Агафокл, Панталеон. Все они, по мнению Э. Д. Бивара, правили очень короткое время. В Бактрии вскоре установилась власть царей дома Евкратида, который кроме его основателя включал также Евкратида II Сотера, Платона и Гелиокла.

Проблема Менандра. Сложную проблему в истории Греко-Бактрии и Греко-Индии представляет Менандр. Р. Н. Фрай уделяет этой проблеме минимум внимания. В целом он поддерживает точку зрения А. К. Нарайна, согласно которой, масштабы завоеваний Менандра в долине Ганга были достаточно ограничены. Походы Менандра были скорее набегами, они не привели к реальному включению в его государство бо́льшей части тех территорий, которые подверглись этим набегам. По его мнению, власть Менандра не распространялась на дельту Инда. Р. Н. Фрай в связи с изложением событий времени Менандра подчеркивает, что власть греков на Индийском субконтиненте ограничивалась только его северо-западной частью. При этом здесь не существовало единого царства (с системой вассальных царей), а было несколько совершенно независимых друг от друга правителей. Хотя вопрос о времени царствования Менандра еще вызывает споры, большинство исследователей сейчас согласны с тем, что оно приходится на период примерно 155—140 гг. до н. э.

Рассматривая изложение этой проблемы Э. Д. Биваром, необходимо подчеркнуть следующие нюансы. Э. Д. Бивар полагает, что именно Менандр остановил продвижение в Индию правителей Евкратидовского дома, хотя отношение Евкратида к династии Евтидема остается неясным. Предположение В. Тарна, что Менандр был одним из «генералов» Деметрия I, женатым на сестре Агафокла, кажется Э. Д. Бивару сомнительным. Э. Д. Бивар подчеркивает, что центром владений Менандра был город Пушкалавати. Кроме того, он считает, что Менандр создал могущественное государство, а большое количество выпущенных им монет заставляет думать, что царствование Менандра было достаточно длительным. Более того, в рассматриваемой работе Э. Д. Бивар еще раз подчеркивает свою идею, уже высказывавшуюся им неоднократно, что существовавшая в Индии система летоисчисления, начинавшаяся с 155 г. до н. э. (которую В. Тарн называл «старой сакской эрой»), в действительности является греко-бактрийской эрой, точнее — даже «эрой Менандра». Это мнение Р. Н. Фрай считает вполне возможным.

В последнее время по интересующей нас проблеме, связанной с правлением Менандра, появились новые материалы, опубликованные в специальной монографии Дж. Р. Шармы [17]. Новым источником, использованным в ней, явилась надпись царя Менандра, найденная в деревне Рех (штат Уттар Прадеш, в 96 км к западу от городища Каушамби). С точки зрения палеографии, эта надпись, по мнению Дж. Р. Шармы, относится к самой ранней группе пост-маурийских надпи-

сей и должна датироваться временем около 150 г. до н. э. (или несколькими годами ранее). Дж. Р. Шарма считает, что данная надпись представляет собой ключ к пониманию этого очень сложного периода. С его точки зрения, эта надпись прежде всего позволяет решить, кто из греческих царей выступал в роли главного завоевателя долины Инда. По его мнению, завоевание было начато Деметрием и достигло кульминации при Менандре, когда греко-бактрийцы проникли до Паталипутры, столицы Магадхи. Ход рассуждений автора таков: на обширном пространстве Северной Индии на многих памятниках (Каушамби, Бхита, Джхуси, Матхура, Пурана Кила, Хастинапур, Атранджикхера, Шрингверпур, Лакшагир, Айодхья, Сохагаура, Раджгхат, Буксар, Чиранд, Кумрахар, Чечар, Дангавара) археологически засвидетельствованы следы разрушений, в частности пожаров. Зона, в которой фиксируются эти разрушения, протянулась на 800 км с запада на восток (от Дели — Хастинапура до Паталипутры) и на столько же в направлении с севера на юг (от Сахагаура до Дангавара). Изучив стратиграфию Каушамби и использовав даты, полученные при помощи радиоуглеродного метода, Дж. Р. Шарма приходит к выводу, что слой разрушений в Каушамби должен датироваться примерно 170—150 гг. до н. э. Этот слой разрушений четко связан с концом производства «северной чернолощеной керамики». Данное наблюдение (в сочетании с рядом других) позволяет прийти к выводу, что во всех упомянутых выше центрах слои со следами разрушений и пожаров должны датироваться примерно этим же временем. Второе наблюдение, также на основании материалов из Каушамби,— наличие слоя разрушения на всей территории городища. Насколько можно судить, считает Дж. Р. Шарма, аналогичная картина характерна и для других центров. По подсчетам Дж. Р. Шармы, ряд городов этого региона имел население от 50 до 100 тысяч человек. Он указывает, что разрушения и пожары городов должны были вызвать большое передвижение населения, бежавшего из них.

Именно это наблюдение послужило автору отправной точкой для поисков отражения указанных событий в индийской литературной традиции. В ряде письменных памятников, особенно в пуранах, нашли отражение события, связанные с походом «яванов» (греков). Наиболее подробно этот сюжет раскрывается в «Юга-пуране» (часть Гарга-самхиты). В заключительной ее части, после рассказа о завоевании яванами Магадхи, говорится о его последствиях: бегстве народа из Магадхи, упадке сельского хозяйства и ремесла, разрушении политического и административного порядка, устоявшихся социальных отношений, упадке традиционной морали и религии. В «Юга-пуране» указывается, что земля гибнет под огнем, на земле голод. Особое внимание привлекает то сообщение, в котором говорится, что в результате всего этого не хватает мужчин (один мужчина должен брать в жены 10—20 женщин). Женщины же должны не только заниматься обработкой земли, но и служить в армии, привлекаться для выполнения административных обязанностей. Дж. Р. Шарма считает, что в «Юга-пуране» сквозь преувеличения (свойственные вообще этому источнику) явственно просвечивает реальная картина колоссальной катастрофы.

Особую ценность этому источнику придает, как установили современные исследования, тот факт, что «Юга-пурана» была составлена во второй половине I в. до н. э., т. е. очень близко по времени к описываемым событиям. Аналогичная картина представлена и в «Ваю-пуране» (которая иногда считается древнейшей из пуран). В ней особо подчеркивается, что цари яванов идут «по пути зла»: они убивают женщин и детей, ведут борьбу друг с другом и убивают один другого; в результате этой катастрофы разрушается варновый строй и т. д. Аналогичные картины присутствуют и в других пуранах, повествующих о захвате яванами Паталипутры.

Дж. Р. Шарма считает, что можно следующим образом реконструировать основные этапы политической карьеры Менандра: 1) брак Менандра с Агафоклеей, дочерью Деметрия, вступление на трон, изгнание Пушьямитры, установление столицы в Шакале — 170—169 гг. до н. э.; 2) завоевание Матхуры, Хастинапура и Панчалы — 169—160 гг. до н. э.; 3) завоевание Мадхьядеши, в частности Каушамби (около 160—158 гг. до н. э.), и вторжение в Магадху — наступление на Паталипутру и ее захват (около 155—150 гг. до н. э.).

Менандр в конце концов был вынужден вернуться в Матхуру. Это произошло вследствие угрозы со стороны Гелиокла — преемника Евкратида. Менандр оказался в критической ситуации и не мог в течение сколько-нибудь длительного времени

осуществлять контроль над Мадхьядешей и Магадхой. Вслед за смертью Менандра (около 145 г. до н. э.) начался период политического хаоса. По мнению Дж. Р. Шармы, вторжение Менандра окончательно остановило процесс политической интеграции, начатой при Шишунагах и Нандах. Опустошения и разрушения, которым подверглись обширные районы, в конечном счете подготовили вторжение шаков и кушан.

Работа Дж. Р. Шармы, бесспорно, представляет значительный интерес. Тем не менее его концепцию нельзя считать полностью доказанной. Некоторые специалисты по индийской эпиграфике дают иное чтение надписи Менандра [18, с. 24]. Предложенный вариант интерпретации недостаточно обоснован, так как имя Менандра здесь читается довольно отчетливо, поэтому надпись вполне можно использовать как источник для определения границ государства Менандра на востоке. Следует отметить, что по поводу границ державы Менандра существуют большие разногласия. Так, В. Тарн [11, с. 225] полагал, что традиционная точка зрения относительно границ державы Менандра – от Матхуры на востоке до Баригазы на юге в принципе справедлива, хотя и следует сделать некоторые исправления в деталях. Наименьшие сомнения вызывал у него вопрос о юго-восточной границе. После отступления из Паталипутры твердая граница установилась к югу от Матхуры. На северо-западе граница проходила по верхнему течению Инда. Гандхара прочно была в руках Менандра. На юго-западе ему принадлежала Баригаза. Согласно А. К. Нарайну [10, с. 80, 81, 97], держава Менандра простиралась от долины Кабула на западе до Рави на востоке и от долины Свата на севере до Северной Арахозии на юге. Менандр совершал походы в долину Ямуны (Джамны) и далее, вплоть до Паталипутры, но нет никаких доказательств того, что он владел какими-либо территориями в этом районе.

Таким образом, если мы допускаем, что эта надпись — подлинная надпись Менандра, то в пересмотре нуждается прежде всего вопрос о восточных границах державы Менандра. Необходимо поставить под сомнение наиболее распространенные в современной литературе взгляды согласно которым, граница его царства проходила у Матхуры. Вероятно, она проходила значительно восточнее, хотя мы и не можем в настоящее время твердо сказать, где именно. Однако местность, где была найдена новая надпись, очевидно, все-таки была частью территорий, прочно завоеванных Менандром.

Определенные сомнения вызывает воссозданная Дж. Р. Шармой картина всесокрушающего разгрома, учиненного Менандром, от которого страна смогла оправиться только ко времени кушанского завоевания. Прежде всего подчеркнем, что сам Дж. Р. Шарма отмечает на городище Каушамби наличие монументальных построек, являющихся результатом деятельности греков. И В. Тарн [11, с. 260], и А. К. Нарайн [10, с. 99] обращали внимание на большое развитие обмена в эпоху Менандра, видя в этом одно из проявлений экономического подъема. Большое количество монет, выпущенных Менандром, может быть следствием и других причин, но столь же вероятно, что обильный чекан – результат экономического подъема страны. Наконец, необходимо отметить, что в индийской традиции отношение к Менандру в общем благожелательное. Если бы его поход был столь опустошительным для страны, вряд ли о нем сохранилась бы добрая память. Наконец, некоторые сомнения вызывает и столь точная хронология деятельности Менандра.

В настоящее время ясно, что проблемы, связанные с правлением Менандра, все еще далеки от разрешения. Если надпись, изданная Дж. Р. Шармой, аутентична, то можно считать, что границы царства Менандра на востоке были продвинуты дальше, чем это предполагалось.

Поздние греко-бактрийские и греко-индийские цари. Р. Н. Фрай указывает, что после Менандра начался распад Греко-Бактрийского и Греко-индийских царств. Вдобавок на Бактрию с севера двинулись кочевники. Р. Н. Фрай подчеркивает свое решительное несогласие с точкой зрения Ф. Альтхайма, который считал, что греко-бактрийские владения к северу от Гиндукуша первоначально были завоеваны парфянским царем Митридатом I (около 139 г. до н. э.), затем, после смерти Митридата, греки вернули свою свободу (138—137 гг. до н. э.), и только после этого данные области были окончательно завоеваны кочевниками [14, с. 597, 598]. Эту точку зрения отвергал А. К. Нарайн. В. Тарн полагал, что Митридат I завоевал не всю Бактрию, но большую ее часть, а затем (согласно свидетельству Павла Орозия) завоевал Индию. Р. Н. Фрай считает, что Митридат I отвоевал у греко-бактрийцев только район Герата, а затем направил свои завоевания на юг, в Систан

и восточную часть Арахозии. Доказательство этому Р. Н. Фрай видит в характере нумизматических находок: нет никаких нумизматических свидетельств продолжения господства греко-бактрийцев в Систане, а в Арахозии отсутствуют ранние парфянские монеты. Поскольку здесь встречены в большом количестве бронзовые монеты поздних греко-бактрийских царей, можно предполагать, что Арахозия не была завоевана Митридатом, а только являлась объектом набега его войск.

К истории поздних греко-бактрийских и греко-индийских царей Р. Н. Фрай обращается также в связи с анализом состава и характера Кундузского клада [19; 20, с. 29—34], считая, что этот клад чрезвычайно важен для выяснения многих аспектов истории позднего периода Греко-Бактрийского царства. В частности, Р. Н. Фрай полагает, что, исследовав состав клада, можно утверждать, что в то время как власть греков была уничтожена и в Индии и на Бактрийской равнине, небольшие остатки греческого царства сохранялись в северных предгорьях Гиндукуша. Важен клад еще в одном отношении: до его открытия считалось, что некоторые из греческих правителей чеканили только двуязычные монеты (Лисий, Теофил, Архебий, Филоксен, Аминта, Гермей), однако данный клад дал новые типы их монетной чеканки — только с греческими легендами и чеканенные по аттическому весовому стандарту. В связи с этим Р. Н. Фрай считает, что монеты чисто греческого облика предназначались для обращения на территории к северу от Гиндукуша, а двуязычные (чеканенные по индийскому весовому стандарту) — для обращения в областях к югу от Гиндукуша. Вместе с тем Р. Н. Фрай высказывает предположение, что некоторые из «чисто греческих» монет не предназначались для регулярного монетного обращения, а имели только «престижный» характер. Хотя автор этого прямо не говорит, но, видимо, его мысль можно понять следующим образом: чисто греческий чекан некоторых правителей отнюдь не может свидетельствовать о том, что их власть распространялась на территории к северу от Гиндукуша.

Э. Д. Бивар рисует историю поздних греко-бактрийских и греко-индийских царей несколько по-иному. Он считает, что среди последнего поколения индо-бактрийских правителей (период 135—125 гг. до н. э.) наиболее заметной фигурой был Стратон I. Как показывают его монеты, Стратон начал свою деятельность в Пушкалавати, но его контроль над этим районом окончился вследствие вторжения нескольких соперников, в частности Гелиокла. С точки зрения Э. Д. Бивара, вполне вероятно, что Гелиокл, выпускавший монеты индо-греческого типа (двуязычные),— это то же самое лицо, что и Гелиокл, выпускавший монеты греческого типа, хотя некоторые нумизматы (в частности, Р. Уайтхэд) считали, что это разные правители. Позднее Стратон снова становится хозяином монетного двора в Пушкалавати. Именно к этому времени относятся уже упоминавшиеся необычные монеты, на которых изображены Стратон I и царица Агафоклея. За этими монетами непосредственно следует серия, на монетах которой также воспроизведен парный портрет, но с именами Гермая и Каллиопы. Однако вслед за ней вновь начинается выпуск монет с именем Стратона. Самые последние монеты с именем Стратона чеканились не на монетном дворе Пушкалавати, а в Таксиле и Гардезе. Непосредственным преемником Стратона на этих монетных дворах был Архебий. Еще В. Тарн предполагал (и это предположение кажется справедливым), что непосредственным преемником Архебия здесь был индо-сакский правитель Мауэс.

Эпиграфические находки. Специальное внимание эпиграфическим находкам на территории Греко-Бактрии уделяется только в «Археологии Афганистана» [4]. Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи справедливо подчеркивают, что особое значение имеют надписи, полученные при раскопках городища Ай Ханум. Они перечисляют эти надписи, сопровождая их краткими комментариями, заимствованными у авторов первых публикаций. Д. В. Мак Доуэлом и М. Таддеи упомянуты следующие эпиграфические находки: надписи из героона Кинея (надпись самого Кинея и пять максим из Дельф); посвящение Гермесу и Гераклу из гимнасия, опубликованные Л. Робером [21, с. 416—467]; фрагментированные надписи из некрополя, а также арамейский остракон из «храма с уступами», изданные П. Бернаром [22]. Надписи из теменоса Кинея являются ярким показателем тесных связей между этим, самым восточным из греческих полисов и Элладой в III в. до н. э., верности его граждан основополагающим принципам греческой культуры. Надписи из гимнасия подтверждают это наблюдение, а кроме того, они очень интересны с точки зрения посвятителей — Трибалла и Стратона, сыновей Стратона. Как показал Л. Робер,

подобные имена типичны для Северной Греции и Македонии, а имя Трибалл — явное указание на то, что его отец Стратон был как-то связан с фракийским миром — вероятнее всего, благодаря службе в македонской армии.

Надписи из некрополя, несмотря на их краткость и фрагментированность, также достаточно важны. В них засвидетельствованы три имени. Имя Лисаний важно как этнический показатель, оно является типично македонским. Имя Исидора важно как показатель распространения культа богини Исиды на самой восточной окраине эллинистического мира. В связи с этим необходимо отметить одно обстоятельство: сравнительно недавно на территории Гиркании была найдена греческая надпись, датируемая временем около 270 г. до н. э., в которой упоминается другое эллинистическое египетское божество — Сарапис [23, 24]. Сопоставление этих двух эпиграфических находок позволяет лучше представить пути проникновения некоторых элементов культуры эллинистического Египта на восток. Из некрополя также происходит фрагментированная стела, в которой сохранилось слово «цари»,— вероятнее всего, надгробие кого-то из представителей царской администрации.

Из «храма с уступами» происходит остракон, на котором написано несколько слов арамейской графикой. К сожалению, краткость текста не позволяет решить, является ли этот текст чисто арамейским или (подобно текстам из Нисы) за арамейской графикой скрывается какой-то иранский (вероятнее всего, бактрийский) язык.

За время, прошедшее с момента публикации «Археологии Афганистана», число эпиграфических документов, происходящих с территории эллинистического Востока, резко увеличилось, в том числе — найденных в Ай Ханум, среди которых прежде всего следует упомянуть остраконы с греческими текстами из раскопок «сокровищницы» [25, с. 315—381]. В связи с этими находками необходимо отметить следующее. Вопреки мнению Р. Н. Фрая о том, что нам ничего не известно об административной структуре Греко-Бактрийского царства, теперь благодаря новым материалам мы имеем некоторое представление о финансовой администрации этого государства.

Интересным эпиграфическим документом является греческая надпись на небольшом алтаре, происходящая из раскопок храма на городище Тахти-Сангин. Эта надпись — посвящение божеству Оксу (то есть Амударье) [26]. Точно так же интересна надпись с городища Жига-тепе (Северный Афганистан) [27, с. 74—75, рис. 12, *2*]. Г. А. Пугаченкова истолковывает эту надпись как посвятительную. По нашему мнению, надпись не является посвятительной. Это фрагментированное, но бесспорное надгробие [28, с. 425]. Любопытной особенностью данной надписи является, то, что она выполнена на глиняной плите, а не на камне. При этом ясно, что надпись была сделана на сырой глиняной плите, которая затем была обожжена.

В связи с рассматриваемыми проблемами Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи привлекают также надписи из Арахозии. Хотя эта область первоначально не входила в состав Греко-Бактрийского царства, а находилась под властью Маурьев, все же, учитывая наличие здесь значительного греческого населения и факт позднейшего завоевания Арахозии греко-бактрийскими царями, эпиграфические находки из этой области имеют большое значение для понимания как общих проблем истории и истории культуры эллинистического Востока, так и более частных проблем позднего периода истории Греко-Бактрии. Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи указывают на надписи, происходящие из Кандагара: двуязычную (греко-арамейскую) наскальную [29, с. 1—48], греческую на поросовом блоке [30, с. 126—140; 31. с. 137—157] и индо-арамейскую [32, с. 437—465]. Эти надписи представляют собой изложение различных, уже хорошо известных эдиктов царя Ашоки. Однако с того времени, как была опубликована «Археология Афганистана», в распоряжении исследователей появилась новая греческая надпись из Кандагара [33, с. 9—21]. Важность этого документа трудно переоценить. Данная надпись в отличие от всех ранее упомянутых обнаружена в ходе археологических раскопок — она была выполнена на базе статуи. Если все предыдущие надписи свидетельствовали о той или иной форме культурного греко-индийского синтеза, то новая надпись представляет собой свидетельство чисто греческих черт в жизни населения Кандагара и тем самым дает новый штрих для характеристики общей картины судеб эллинизма в Арахозии.

Кроме того, нам хотелось бы обратить внимание на то, что в последние годы в связи с развитием археологических исследований на восточных окраинах эллини-

стического мира в распоряжении исследователей появился новый источник — греческие надписи. Тот факт, что их число достаточно быстро растет, внушает определенные надежды на будущее.

Проблемы материальной культуры. Проблемы истории материальной культуры Греко-Бактрии Р. Н. Фрай характеризует кратко, более подробно эти проблемы освещаются в «Археологии Афганистана». Р. Н. Фрай, как и Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи, справедливо подчеркивает, что только в недавнее время появились материалы, позволяющие не умозрительно, а на основе фактов обсуждать проблемы культуры Греко-Бактрии. Все три автора указывают, что эти материалы получены только в результате археологических раскопок. Особо подчеркивается значение раскопок городища Ай Ханум. Р. Н. Фрай, правда, отмечает и значение раскопок Саксанохура [34, с. 160—178], Тахти-Сангина [26; 35, с. 133—167], Дильберджина [36].

С нашей точки зрения, Тахти-Сангин представляет собой исключительно важное явление. Он важен в первую очередь как своего рода «оборотная сторона» культуры Греко-Бактрии, как образец культуры местного населения Бактрии в эллинистическую эпоху. Сопоставление материалов из Ай Ханум и Тахти-Сангина, видимо, должно стать в настоящее время основой для разработки главных проблем культуры Греко-Бактрии.

Необходимо также, как нам кажется, подчеркнуть, что проблемы культуры Греко-Бактрии должны рассматриваться в более широком контексте, в частности в контексте проблемы взаимоотношения между греками и местным населением. Этого вопроса в сущности касается только Р. Н. Фрай. Он, с одной стороны, подчеркивает наличие границы между греческим и местным населением, с другой же — указывает на то, что нет никаких свидетельств о конфликтах между греками и бактрийцами. Этот тезис, с нашей точки зрения, нуждается в определенном уточнении. Проблема границ между различными группами населения должна рассматриваться не сама по себе, а в более широких исторических рамках. Бактрийский феномен — это только один из вариантов взаимоотношений между завоевателями и покоренным населением на эллинистическом Востоке [37]. При таком взгляде более вероятным выглядит предположение, что в Бактрии, как и в других областях эллинистического Востока, основная часть местного населения в той или иной степени подвергалась эксплуатации со стороны завоевателей. Это тем более вероятно, что исследования городища Ай Ханум и его окрестностей позволяют высказать такое предположение. Ответ на вопрос о том, почему в источниках не отражены конфликты, с нашей точки зрения, достаточно прост. Если мы учтем, как мало вообще говорится о Греко-Бактрии в источниках, то это умолчание не может быть признано сколько-нибудь значащим. Кроме того, нам кажется, известное место в тексте Юстина (Just. XLI, 6, 2), где говорится о войне с согдианами, арахотами, дрангами, ареями и индами, вполне может быть интерпретировано как отражение конфликта между греками Бактрии и местным населением.

Наибольшее количество данных для суждения о материальной культуре Греко-Бактрии получено в результате раскопок Ай Ханум, и, естественно, этим вопросам в «Археологии Афганистана» уделяется самое большое внимание. Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи согласны с выводом руководителя раскопок в Ай Ханум П. Бернара о том, что город возник еще при Александре Македонском и существовал примерно до 100 г. до н. э. Точно так же согласны они и с периодизацией, разработанной П. Бернаром: период I — 330—303 гг. до н. э.; период II—1 — первая половина III в. до н. э.; период II—2 — вторая половина III в. до н. э.; период III—1 — первая половина II в. до н. э.; период III—2 — примерно 150 г. до н. э.; период IV — вторая половина II в. до н. э.; разрушение в результате пожара — примерно 100 г. до н. э.

Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи принимают также и некоторые другие выводы П. Бернара: о том, что город, вероятнее всего, носил название Александрия Оксиана [38, с. 217—242], что он строился прежде всего для того, чтобы обезопасить северо-восточные рубежи Бактрии от вторжений кочевников.

Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи утверждают, что строительная техника — в основном местная, традиционная, а архитектура — в основном греческая. По этому поводу можно заметить, что греки достаточно хорошо были знакомы с техникой строительства из сырцового кирпича. Поэтому более правильно было бы сказать, что греки рационально использовали хорошо знакомую им местную строительную

технику. Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи следуют непосредственным исследователям городища в определении функций отдельных комплексов. Особенно большое внимание уделяется определению характера центрального комплекса Ай Ханум. Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи отмечают, что в более ранних публикациях его обычно называли «дворцом», затем «административным кварталом» (когда был вскрыт комплекс помещений, видимо являющихся канцеляриями), и, наконец, он вновь стал называться «дворцом» (после того как были исследованы сооружения, которые могут быть определены как жилая часть). Особое внимание Д. В. Мак Доуэлла и М. Таддеи привлекает центральная часть дворца (с помещениями канцелярского типа), которая делится на две поразительно схожие части. Этот феномен можно объяснить следующим образом: 1) одна часть — это помещения канцелярии царя, вторая — его наследника, имеющего ранг соправителя; 2) одна часть — канцелярия правителя сатрапии, вторая — правителя города; 3) эти две части — резиденции двух высших городских магистратов (если допустить, что город обладал полисным статусом). Однако Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи не высказывают своего мнения о том, какое из этих предположений им кажется более правильным.

Полностью согласны Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи с характеристикой авторов раскопок героона Кинея как места захоронения ктиста города, основавшего его по приказу Александра Македонского. Погребение, по всей вероятности, относится еще ко времени пребывания Александра в Бактрии (329—327 гг. до н. э.). «Храм с уступами» авторы «Археологии Афганистана» считают самым удивительным из сооружений города. По своему устройству храм чисто восточный (месопотамский), но в нем находилось чисто греческое (насколько мы можем судить по сохранившимся фрагментам) культовое изображение.

Другие сооружения города (жилые дома, загородную виллу, гимнасий, театр, еще один героон) Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи только упоминают. Некоторое внимание они уделяют результатам раскопок в некрополе, в частности мавзолею и нескольким вещественным находкам. Кроме того, очень кратко характеризуются археологические исследования на равнине, примыкающей к городу. Упоминается, например, система каналов, относящихся к греко-бактрийскому времени, но существовавшая и позднее, даже в кушанское время.

Произведения искусства, обнаруженные при раскопках, свидетельствуют, по мнению Д. В. Мак Доуэлла и М. Таддеи, о существовании трех художественных направлений: 1) чисто греческого, показывающего приверженность «правящего класса» Ай Ханум культурным стандартам своей далекой метрополии; 2) связанного с художественными традициями Переднего Востока и Ирана этого времени; 3) явно эллинистического по своему происхождению, но уже имеющего некоторые новые оригинальные черты, которые позднее должны были развиться в искусство Гандхары. Вместе с тем Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи подчеркивают, что процесс сложения искусства Гандхары не может быть понят только на материалах Ай Ханум, поскольку история города обрывается слишком рано для того, чтобы этот процесс принял завершенную форму. По мнению авторов, следующие после Ай Ханум стадии данного процесса могут документировать такие центры как Емши-тепе, возникшее еще в греко-бактрийское время, но продолжавшее существовать вплоть до V в. н. э.

Соглашаясь в основном с тем, что было написано авторами данного раздела «Археологии Афганистана», хотелось бы отметить несколько обстоятельств, на наш взгляд достаточно важных. Прежде всего необходимо указать, что Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи даже не делают попыток социологической интерпретации археологических материалов, хотя данные раскопок иногда их прямо подсказывают. Иногда сами авторы раскопок формулируют историко-социологические выводы, но авторы «Археологии Афганистана» именно их обходят стороной. Показательным примером этого служит вопрос о сельскохозяйственной территории Ай Ханум. На основании тщательных исследований было выяснено, что хорой греческого города стала долина общей площадью около 10 000 га, занятая местным населением еще в догреческое время и орошаемая двумя большими каналами. Кроме того, отмечалось, по всей видимости справедливо, что греческий город осуществлял контроль и над некоторыми близлежащими долинами, которые, однако, не входили в состав собственно хоры [39]. Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи не обратили внимания также на другое важное обстоятельство, связанное с географической ситуацией, в которой находился вновь основанный город. Уже отмечалось, что Ай Ханум был ключевым пунктом

на пути к рудным месторождениям (железо, медь) и выходам пород с полудрагоценными камнями в Бадахшане. Особенно важны были месторождения лазурита, в сущности единственные эксплуатировавшиеся в древности. Кроме того, здесь также добывали и золото [40].

Очень важны, с точки зрения историко-социологической интерпретации археологических материалов, наблюдения авторов раскопок над характером застройки и соответственно количеством жителей и их статусом. П. Бернар, по всей видимости с полным основанием считает что в этом огромном по своим размерам городе население было сравнительно немногочисленным. Основная часть населения (не считая гарнизона) принадлежала к высшим социальным слоям: греческие колонисты, офицеры гарнизона, крупные земельные собственники [41]. Другое наблюдение того же порядка касается гимнасия [42, с. 423—429] и театра [42, с. 429—441]. Значительные размеры этих сооружений (величина театра рассчитывается достаточно надежно — он должен был вмещать примерно 6000 зрителей) заставляют думать, что они предназначались не только для населения собственно города, но также и для тех греков-колонистов, которые жили в сельской местности (хоре полиса) на своих участках, а, возможно, также и для всего греческого населения провинции, управлявшейся из этого города. П. Бернар считает, что данный вывод подтверждают и исследования арсенала. Арсенал представляет собой прямоугольное в плане сооружение (размеры длинной стороны — 150 м). Помимо помещений для хранения оружия там были также помещения, в которых оно производилось. П. Бернар полагает, что такой масштаб производства был, конечно, ориентирован не на один город, а на всю провинцию.

Отметим, наконец, что в работе, посвященной общей характеристике города Ай Ханум, П. Бернар, говоря о центральном комплексе, решительно определяет его как дворец [41, с. 115]. Главный аргумент он видит в том, что здесь, как и в обычных восточных дворцах, в рамках единого комплекса объединены как собственно жилые, так и административные сооружения (канцелярии, склады, сокровищница и т. д.). Дворец Ай Ханум поразительно напоминает ахеменидский дворец в Сузах и дворец Навуходоносора II в Вавилоне [43, с. 252—257].

Что касается места нахождения собственно полисных магистратов, то П. Бернар и его сотрудники считают (вопреки высказанному раньше мнению), что им был не дворец, а одно из зданий, расположенных несколько в стороне от дворца.

К сожалению, Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи совершенно не касаются еще одной проблемы. При всей приверженности греческих поселенцев Бактрии традициям далекой родины, жилища в Ай Ханум разительно отличаются от типично греческих. В Ай Ханум до сего времени не встречены жилые дома обычного для Греции типа — с центральным двориком, окруженным жилыми и служебными помещениями. В Ай Ханум существует другой тип жилища — с большим двором перед зданием, всегда расположенным с северной стороны, за ним — колонный портик. Собственно жилая часть всегда отделяется от портика коридором. Центром ее является обычно очень большое помещение, отделенное от других системой коридоров. По всей видимости, это помещение — нечто вроде официального приемного зала, в котором располагается глава семьи [43, с. 257—266]. П. Бернар, детально исследовав этот новый, типичный для Греко-Бактрии тип жилища, считает, что он не только подчеркивает архитектурными средствами роль главы семьи [41, с. 118], но и отражает характер общества более иерархически организованного, чем общество собственно Греции.

Наконец, отметим, что Д. В. Мак Доуэлл и М. Таддеи никак не откликнулись на попытки исторической интерпретации, осуществленные авторами раскопок Ай Ханум. Мы имеем в виду стремление доказать, что последний период обширного строительства в городе приходится на время царствования Евкратида, и высказанное в связи с этим предположение, что город был вторично «основан» Евкратидом и после этого носил имя Евкратида. Эта идея во всяком случае нуждается в обсуждении.

Подводя итоги этого краткого обзора, можно утверждать, что в изучении вопросов политической истории Греко-Бактрии все еще гораздо больше «белых пятен», нежели твердо установленных фактов. Прогресс в этой области исследования еще слишком незначителен и в большинстве случаев связан с появлением новых источников, а не новых методов интерпретации известных ранее. В изучении же вопро-

сов истории материальной культуры Греко-Бактрии в последние годы отмечаются значительные успехи, главным образом в результате раскопок городища Ай Ханум, давших в руки исследователей эталонный памятник.

З. В. Сердитых, Г. А. Кошеленко

ЛИТЕРАТУРА

1. *Frye R. N.* The History of Ancient Iran. München, 1983.
2. The Cambridge History of Iran. V. 3. The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Cambridge. 1983.
3. *Зеймаль Е. В.* Политическая история Трансоксианы по нумизматическим данным.— В кн.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.: Аврора, 1978.
4. The Archaeology of Alghanistan from Earliest Times to the Timurid Period/Ed. by Allchin J. R. and Hammond N. London — New York — San Francisco, 1978.
5. *Will E.* Histoire politique du monde hellénistique. T. 1. Nancy, 1966 (Annales de l'Est. Publiées par la Faculté des lettres et des sciences humaines de l'Université de Nancy. Mémoire № 30).
6. *Wolsky J.* The Decay of the Iranian Empire of the Seleucides and the Chronology of Parthian Beginnings.— Berytus, 1956—1957, XII.
7. *Wolski J.* Les iraniens et le royaume grèco-bactrien.— Klio, 1960, 38.
8. *Wolski J.* Der Zusammenbruch der Seleukidenherrschaft in Iran im 3 Jh. v. Chr.— In: Der Hellenismus im Mittelasien. Hrsg. von Altheim F. und Rehork J. Darmstadt, 1969.
9. *Wolsky J.* Untersuchungen zür frühen parthischen Geschichte.— Klio, 1976, 58.
10. *Narain A. K.* The Indo-Greeks. Oxford, 1962.
11. *Tarn W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1952.
12. *Обельченко О. В.* Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе.— В кн.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. М.: Наука, 1974.
13. *Ртвеладзе Э. В., Ниязова М.* Клад греко-бактрийских монет из Бухары.— В кн.: Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тез. докл. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1984.
14. *Altheim F., Stiehl R.* Geschichte Mittelasien in Altertum. Mit Beiträgen von Harmatta J. Berlin, 1970.
15. *Simonetta A. M.* A New Essay on the Indo-Greeks, the Sakas and the Parthians.— East and West, 1958, № 9.
16. *Кошеленко Г. А.* Монетное дело Парфии при Митридате I.— НЭ, 1972, т. X.
17. *Sharma G. R.* Reh Inscription of Menander and the Indo-Greek Invasion of Gaṅgā Valley. Allahabad, 1980. (University of Allahabad. Studies in History, Culture and Archaeology. V. 1).
18. *Sharma R. C.* Buddhist Art of Mathura. Delhi, 1984.
19. *Curiel R., Fussman G.* Le trésor monetaire de Qunduz.— MDAFA, 1965, t. XX.
20. *Массон В. М.* Кундузский клад и некоторые вопросы греко-бактрийской нумизматики.— ЭВ, 1971, т. XX.
21. *Robert L.* De Delphes à Oxus, inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane.— CRAI, 1968.
22. *Bernard P.* Fouilles d'Aï Khanoum, campagnes de 1971.— CRAI, 1972.
23. *Welles C. B.* The Discovery of Sarapis and the Foundation of Alexandria.— Historia, 1962, B. XI, H. 3.
24. *Bömer F.* Das Privateigentum eines Sklaven und seine Freilassung.— Historia, 1963, B. XII, H. 4.
25. *Rapin C.* Les inscriptions économiques de la trésorerie hellénistique d'Aï Khanoum (Afghanistan) — BCH, 1983, CVII.
26. *Litvinsky B. A., Pichikyan I. R.* Monuments of Art from the Sanctuary of Oxus (Northern Bactria).— AAASH, 1983, t. XXVIII, fasc. 1—4.
27. *Пугаченкова Г. А.* Жига-тепе (раскопки 1974 г.).— В кн.: Древняя Бактрия. Вып. 2. Матер. Советско-афганской археологической экспедиции. М.: Наука, 1979.
28. *Kruglikova I.* Les fouilles de la mission archéologique soviéto-afghane sur le site gréco-kushan de Dilberdjin en Bactriane (Afghanistan) — CRAI, 1977.
29. *Schlumberger D., Robert L., Dupont-Sommer A., Benveniste E.* Une bilingue gréco-araméenne d'Aśoka.— JA, 1958, v. 246.
30. *Schlumberger D.* Une nouvelle inscription grecque d'Asoka.— CRAI, 1964.
31. *Benveniste E.* Edits d'Aśoka en traduction grecque.— JA, 1964, v. 252.
32. *Benveniste E., Dupont-Sommer A.* Une inscription indo-araméenne d'Aśoka provenant de Kandahar (Afghanistan).— JA, 1966, 254.
33. *Fraser P. M.* The Son of Aristonax at Kandahar.— Afghan Studies, 1979, v. 2.
34. *Литвинский Б. А., Мухитдинов Х.* Античное городище Саксанохур.— СА, 1969, № 2.
35. *Litvinskij B. A., Pichikiyan I. R.* The Temple of Oxus.— JRAS, 1981, № 2.
36. Древняя Бактрия. Вып. 3. Материалы Советско-афганской археологической экспедиции. М.: Наука, 1984.
37. *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979.
38. *Bernard P.* Diodore XVII, 83, 1: Alexandrie du Caucase ou Alexandria de l'Oxus? — J. des Savants, 1982, Juillet — decembre.

39. *Gentelle P.* Etude géographique de la plaine d'Aï Khanoum et son irrigation depuis les temps antiques. P. 1978.
40. *Bernard P., Francfort H.-P.* Etudes de géographie historique sur la plaine d'Aï Khanoum. P. 1979.
41. *Bernard P.* Problémes d'histoire coloniale grecque à travers l'urbanisme d'une cité hellénistique d'Asie Centrale.— In: 150 Jahre Deutsches Archäologisches Institut. 1829—1979. Mainz, 1981.
42. *Bernard P.* Campagne de fouilles 1976—1977 à Aï Khanoum (Afghanistan).— CRAI, 1978.
43. *Bernard P.* Les tradition orientales dans l'architecture gréco-bactrienne.— JA, 1976, v. 264.

КУРГАННЫЕ ДРЕВНОСТИ СТЕПНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ III—I ТЫС. ДО Н. Э.

В издательстве Днепропетровского госуниверситета за последние годы (1977—1981) вышло пять сборников (Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск: ДГУ, 1977, вып. 1; 1978, вып. 2; 1979, вып. 3; Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск: ДГУ, 1980, вып. 4. Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск: ДГУ, 1981), содержание которых посвящено в основном публикации материалов раскопок Днепропетровской новостроечной археологической экспедиции. Этой экспедицией, работающей под общим руководством И. Ф. Ковалевой, раскопано уже, по опубликованным данным, около 250 курганов, в которых исследованы сотни погребений разных эпох, начиная от энеолита и кончая средневековьем. Коллектив археологов, сложившийся в Днепропетровске на базе экспедиции, сумел наладить публикацию материалов раскопок. Систематический выпуск в течение восьми лет археологических сборников, несмотря на наличие отдельных недостатков, можно, несомненно, только приветствовать. Научная ценность сборников повышается еще и тем, что кроме отчетов о раскопках тут публикуются статьи общего порядка, в том числе посвященные проблемам энеолита — бронзы Поднепровья (И. Ф. Ковалева, З. П. Марина, С. С. Волкобой и др.), раннего железного века (В. И. Костенко, С. Е. Мухопад, В. А. Ромашко и др.).

Интерес, в частности, вызывает разработка днепропетровскими археологами вопросов эпохи меди—бронзы, на рассмотрении которых мы хотим остановиться специально. Речь идет об открытии целой серии новых захоронений с посудой трипольской культуры, о хронологии и периодизации ямной, срубной культур и т. п.

Открытие Днепропетровской экспедицией в Степном Поднепровье ряда новых захоронений с трипольской керамикой, несомненно, следует расценивать как важный факт для объяснения взаимоотношений степных скотоводческих племен с земледельческим населением трипольской культуры. Фиксируются они главным образом находками на поселениях и в могильниках Поднепровья керамических трипольских импортов — фрагментов посуды, целых сосудов или антропоморфных статуэток. Как известно, фрагменты трипольской посуды ранних периодов были обнаружены и на поселениях днепро-донецкой культуры на Среднем Днепре и в Надпорожье (Пищики, Стрильча Скеля), а на Никольском могильнике найден целый сосуд конца раннего — начала среднего этапов Триполья [1, с. 192, 193].

В медном веке Поднепровья эти контакты с Трипольем, кажется, еще увеличиваются, о чем свидетельствует распространение трипольских импортов на поселениях и в захоронениях среднестоговской культуры (Средний стог 2, Игрень 8, Деревка, Молюхов Бугор и т. п.) [2, с. 124, 125; 3, рис. 13; 4, рис. 1, *1*], в курганных захоронениях нижнемихайловского типа — Широкое [5, с. 18, 19], Баратовка, «Прогресс» [6, с. 252] и ямного времени.

До начала работ Днепропетровской экспедиции в Поднепровье и Днепро-Бугском междуречье было известно более 10 предметов несомненно позднетрипольского импорта, которые проникли в ямную среду: Животиловка, Любимовка (23/4) [1], Михайловка, Великая Лепетиха, Новоалексеевка, Ильинка и т. п. Теперь этот список может быть дополнен еще тремя захоронениями с несомненными трипольскими импортами (Соколово I, 6/4; Соколово II, 1/2,9 [7, с. 46—49]). Если, кроме

[1] Здесь и далее в числителе обозначен номер кургана, а в знаменателе — номер погребения.

того, учесть наличие в одном из названных соколовских захоронений кольцевых пронизок из камня, которые были обнаружены также и при трех иных аналогичных захоронениях (Соколово II, 14/2,3; Пидгородне X, 3/7), то количество захоронений этой группы возрастет еще больше.

Важно отметить, что для трех вновь выявленных захоронений определено их стратиграфическое положение среди погребений ямной культуры. Так, например, одно из них (Соколово I, 6/4) впущено в насыпь основного захоронения ямной культуры и было перекрыто позднеямной могилой, где обнаружена молоточковидная булавка. Два других (Соколово II, 14/2,3) были в кургане более поздними, чем раннеямные вытянутые на спине захоронения. Таким образом, опираясь на эти факты, можно говорить, что распространение погребений с позднетрипольской посудой в Поднепровье относится к рубежу перехода от ранне- к позднеямному времени.

Таким образом, вопрос о времени погребений с трипольскими импортами в Поднепровье считается уже в достаточной мере решенным, как и юго-восточная граница их распространения — до степного левобережья и северных районов Крыма (Рисовое) включительно.

Значительно сложнее, однако, обстоит дело с определением культурной принадлежности погребальных памятников, в которых обнаружена трипольская посуда. О. Ф. Лагодовская, публикуя материалы из Животиловки, относит их по сосуду, обнаруженному в погр. 5, к памятникам усатовского типа [8, с. 104]. Как позднетрипольский импорт трактует эти и другие аналогичные находки в Поднепровье и В. Г. Збенович [9, с. 62 и сл.]. Оба указанных автора допускают эпизодическое (Лагодовская), спорадическое (Збенович) проникновение на Нижнее Поднепровье позднетрипольских племен или их отдельных представителей. В отличие от своих предшественников И. Ф. Ковалева, публикуя новые материалы, выделяет обнаруженные ею погребения в отдельный животиловский тип памятников [7, с. 46]. Такое утверждение, сделанное на основании изучения рассмотренных выше погребений, дискуссионно. Дело в том, что захоронения с трипольскими импортами в Поднепровье и Днепро-Бугском междуречье какой-то единой культурной группы, на наш взгляд, не составляют. Они заметно отличаются между собой не только по составу находок, но и по погребальным обрядам. Ориентация этих погребений очень неустойчива (от южного до северного направления), это же относится и к положению скелетов в могилах. Так, например, в трех погребениях установлено положение скорченное на спине (Любимовка, 23/4; Новоалексеевка, 6/15; 6/16), т. е. эти покойники были похоронены по среднестоговскому или ямному обряду. Но в большинстве случаев наблюдалось положение скорченное на боку с кистями рук перед лицом (Соколово I, 6/4; Соколово II, 1/2; 1/9; Пидгородне X, 3/7), что типично и для трипольской культуры.

Очень возможно, что рассмотренные захоронения Поднепровья представляют собой синкретическое явление, которое сложилось в ямной среде под значительным влиянием Триполья. Очевидно, обстоятельства появления отмеченных двух групп захоронений были разными. В первых из них мы видим просто результат распространения в Поднепровье и среди ямного населения в процессе межплеменного обмена трипольских керамических импортов. Во втором случае не исключена возможность проникновения в Степное Поднепровье отдельных групп трипольского населения. Думается, что в культурно-этническом плане указанные две группы захоронений с трипольскими импортами были разными: скорченные на спине захоронения принадлежат местным степным племенам, прежде всего ямной культуры, и частично относятся к нижнемихайловскому типу, а скорченные на боку погребения, возможно, трипольские [2]. Сделанное предположение о разном генезисе двух групп захоронений с трипольскими импортами в Поднепровье нашло бы, очевидно, еще более полное обоснование при анализе антропологического материала из рассмотренных захоронений, об изучении которого, к сожалению, у нас нет данных.

Вопросу изучения памятников ямной культуры эпохи меди Орельско-Самарского междуречья посвящено в сборнике несколько статей З. П. Мариной. Как из-

[2] Вообще взаимосвязи между трипольцами и ямниками Поднепровья носили, очевидно, и более сложный характер, о чем может свидетельствовать находка в кургане из Сушкив вблизи Золотоноши, где в погребении обнаружена глиняная женская статуэтка, судя по всему, местной работы, но изготовленная по трипольским прототипам.

вестно, скотоводческие племена ямной культуры жили в III тыс. до н. э. в степном Поднепровье и смежных территориях. Их памятники представлены в основном подкурганными захоронениями. В настоящее время исследовано уже несколько сотен таких погребений. Автором статей много внимания уделяется, в частности, периодизации и хронологии памятников, среди которых она выделяет четыре хронологических горизонта и 10 так называемых «обрядовых групп» [9, с. 80—87]. К сожалению, методика выделения таких групп не всегда достаточно адекватна и последовательна. При выделении «обрядовых групп» используются в одних случаях одни признаки, а в других — совсем иные. Так, например, в основу выделения первых девяти «обрядовых групп» положен прежде всего принцип ориентации погребенных головой соответственно сторонам горизонта, а к последней, десятой группе, отнесены захоронения, выделенные уже по положениям скелета, для которых ориентация, по утверждению автора, не является постоянной.

После ознакомления с таким членением объектов сразу возникает много вопросов: была ли в таком случае постоянной ориентация в девяти первых группах погребений? Почему скорченные погребения на боку выделены в одну обрядовую группу, а скорченные на спине разбиты на девять? Учитывая фактические данные и следуя нормам формальной логики, все ямные захоронения Орельско-Самарского междуречья, как и Украины в целом, должно распределять прежде всего на две большие группы — скорченных на спине и скорченных на боку, что, кстати, уже давно сделано исследователями. Что же касается девяти «обрядовых групп» среди скорченных погребений на спине, то, на наш взгляд, признаки, положенные в основу разделения, не всегда убедительны. Так, например, погребенные первых двух «обрядовых групп» отличаются лишь тем, что одни из них лежат головой прямо на восток, а другие — с отклонением к северо-востоку; то же можно сказать п о седьмой — девятой группах, где погребенные одной из них лежат головой прямо на запад, а двух других — с отклонением к северо- или юго-западу. В ином случае, при выделении третьей группы захоронений, ориентированных так же, как и вторая, исследовательница за основу деления берет уже факт положения кисти одной из рук покойника у таза и на нем. Опять-таки, как и в первом случае, такой принцип членения объектов нельзя назвать последовательным, поскольку на одном уровне классификационной схемы учитываются разные, отдельно взятые признаки. Не соответствует он и принципу системности в исследовании, так как при выделении групп учитывается лишь один-единственный признак, а не их сумма. К тому же и признаки, взятые для деления погребений на «обрядовые группы», далеко не во всех случаях можно отнести к тем, которые несут на себе ритуальную нагрузку. Трудно, в частности, утверждать, что положение кисти одной из рук было обязательной чертой погребального обряда. Очень возможно, что это явление имеет совершенно случайный характер. То же следует сказать и об отклонении в ориентации погребенных от линии восток—запад, что, очевидно, связывается с сезонностью захоронений, когда солнце зимой и летом всходит и заходит со значительным отклонением от осенне-весенней линии запад—восток (до 45°).

«Обрядовые группы» объединены в четыре стратиграфических горизонта [10, с. 80—82], которые должны были бы показывать последовательность развития культуры и относительную хронологию памятников. Однако, как отмечает сама исследовательница, между захоронениями четвертого и третьего горизонтов прямая стратиграфия не отмечена. Не указывается З. П. Мариной и на наличие такой стратиграфии между захоронениями третьего и второго горизонта. Более того, нам известны факты, когда захоронения ямной культуры с северной ориентацией перекрывают захоронения, ориентированные на запад (Грушевка), что в соответствии со схемой исследовательницы должно бы было быть наоборот.

Очевидно, для ямных памятников Орельско-Самарского междуречья, как и для иных территорий, можно говорить о наличии двух основных групп погребений — скорченных на спине и скорченных на боку. Первые в целом являются более ранними, чем вторые, хотя на определенном этапе в развитии ямной культуры оба эти обряда сосуществуют, и, вероятно, довольно длительное время [11, с. 5—19].

Для завершения рассмотрения вопроса о памятниках ямной культуры Орельско-Самарского междуречья необходимо сказать еще несколько слов об определении их абсолютного возраста. По мнению З. П. Мариной, время существования этих памятников относится к периоду от конца IV тыс. до XVIII в. до н. э. С предложенной верхней датой, до которой доживает ямная культура, в целом можно согла-

ситься. Что же касается начальной даты этих памятников, то она весьма дискуссионна.

На основании большой серии радиокарбонных дат, полученных для памятников ямной культуры Поднепровья, позднеямные памятники имеют дату не ранее XXV—XXVI вв. до н. э., а в первой четверти III тыс. до н. э. тут были распространены поселения среднестоговской культуры, которая является генетической подосновой ямной культуры Поднепровья. Таким образом, раннеямные захоронения должны датироваться примерно второй четвертью III тыс. до н. э., а ямная культура в целом — от XXVII в. до начала II тыс. до н. э. [11, с. 5—19]. Хронологическое сопоставление ранних памятников Орельско-Самарского междуречья с Хвалынским могильником на Волге, к которому обращается З. П. Марина, по нашему мнению, сомнительно ввиду того, что этот памятник довольно надежно синхронизируется со среднестоговской культурой [12, с. 31].

Трудно переоценить вклад новостроечной экспедиции Днепропетровского университета в изучение курганных памятников заключительного периода эпохи средней бронзы (культура многоваликовой керамики) и позднего бронзового века (срубная культура). На протяжении последних 15 лет исследованы десятки могильников упомянутых культур, что позволило выявить локальную специфику раскопанных погребений [13, с. 3—17], разработать их относительную и абсолютную хронологию [14, с. 77—84], рассмотреть некоторые аспекты погребальной обрядности, демографии, идеологии населения Орельско-Самарского междуречья в XVII—XIII вв. до н. э. [15, с. 3—79]. Всего в пяти рецензируемых выпусках опубликованы материалы раскопок 21 курганной группы, в которых открыто 39 захоронений культуры многоваликовой керамики и 247 погребений срубной культуры. Опубликованные в сборниках погребальные памятники культуры многоваликовой керамики обобщены Н. В. Чернявской и стали важнейшим источником для изучения обряда захоронения этой культуры [16, с. 88—97]. Исключительный интерес представляют многочисленные погребения срубной культуры с ярким ритуалом и сложными внутримогильными конструкциями, сопровождаемые разнообразным инвентарем. Однако наряду с несомненными достоинствами сборников бросаются в глаза отдельные погрешности и недоработки, на которые надо обратить внимание при подготовке следующих выпусков.

Авторы далеко не всегда выдерживают принцип полной публикации могильника и зачастую прибегают к выборочной публикации. В ряде случаев такая выборочность оправдывает себя необходимостью оперативного введения в научный оборот наиболее интересных комплексов, например захоронений, совершенных по редкому для срубной культуры обряду кремации [17, с. 98—104], или погребений, сопровождаемых кубками [18, с. 69—75], но всегда существует опасность субъективного отбора материала. В свое время внимание специалистов привлекла статья о стратиграфическом соотношении погребальных памятников культуры многоваликовой керамики и срубной на материалах раскопок курганов у с. Новоподкряж Царычанского р-на Днепропетровской обл. [19, с. 32—45]. Наблюдения и выводы И. Ф. Ковалевой и С. С. Волкобоя о более раннем возрасте погребений культуры многоваликовой керамики по отношению к срубным хорошо согласовывались с результатами исследований в других регионах степной Украины и заняли видное место в историографии исследования обеих культур. Однако из 14 стратифицированных курганов, привлеченных к анализу, публиковался общий план и разрез всего лишь одного. Да и приведенный разрез [19, с. 43, рис. 3, *1*] оказался малоинформативным, так как длинный курган раскапывался короткими поперечными траншеями, что с методической точки зрения спорно. Описание стратифицированных курганов оказалось также выборочным. То же можно сказать и о погребениях: некоторые описывались детально, с полным графическим воспроизведением комплекса, а другие лишь упоминались.

К сожалению, и следующая итоговая статья, посвященная стратифицированным курганам Поорелья в целом, не избавлена от упомянутых недостатков. Так, информация о курганах у с. Пролетарское со сложной стратиграфией не подкреплена иллюстративным материалом [14, с. 77—79]. О вышеупомянутых курганах у с. Новоподкряж сказано, что они «в основной части опубликованы» [14, с. 81], хотя, как показано выше, это далеко не так. Дело осложняется тем, что решительно пересматривается стратиграфия ряда новоподкряжских курганов, причем обоснованность такого пересмотра фактическими данными не подкреплена.

Учитывая, что пересмотр стратиграфии ряда курганов был предпринят И. Ф. Ковалевой при создании новой схемы относительной хронологии погребений срубной культуры Орельско-Самарского междуречья, рассмотрим эту схему подробнее, учитывая особую важность подобных исследований. Проанализировав 25 стратифицированных курганов Поорелья, И. Ф. Ковалева выделяет шесть «обрядовых групп» погребений, распределенных по четырем стратиграфическим горизонтам: 1) скорченные на спине или на правом боку скелеты, ориентированные на запад; 2) скорченные на груди — левом боку скелеты, ориентированные на юго-восток; 3) среднескорченные на левом боку скелеты, ориентированные на восток и северо-восток; 4) сильноскорченные на левом боку скелеты, ориентированные на северо-восток [14, с. 82]. Первые две стратиграфические группы соответствуют обрядовым, к третьей стратиграфической относятся третья — пятая обрядовые с известным внутренним членением, а четвертой стратиграфической отвечает шестая обрядовая. В плане культурном к первому горизонту относятся погребения культуры многоваликовой керамики, ко второму — синкретические захоронения с элементами двух культур (многоваликовой и срубной), а к третьему и четвертому — различных горизонтов срубной культуры. Изложенная схема предполагает, что ориентировка умершего и степень его скорченности являются датирующими показателями для рассматриваемых погребений. Действительно, такая тенденция намечается, но во всех случаях, а тем более при создании схемы она требует комплексной проверки во избежание натяжек.

В приложенном к статье рисунке обрядово-стратиграфические группы сопоставляются с наиболее показательными вещами [14, с. 84]. И такое сопоставление сразу же вызывает сомнения. Так, к пятой обрядовой группе отнесен комплекс, включающий бронзовый перстень со свернутыми в спираль концами. Подобные украшения характерны для наиболее ранних памятников срубной культуры [20, с. 5, рис. 1, *8*] и даже предсрубного времени [21, с. 94, 95]. С такой датой перстня согласовывалась стратиграфия кург. 1 в группе III у с. Новоподкряж, где основное погр. 7, скорченное на правом боку с северо-восточной ориентировкой, сопровождалось простым баночным сосудиком, перстнем с двуспиральным щитком и костяной пряжкой, обнаруженной в заполнении ямы [19, с. 32, табл. I, *1—4*]. В насыпь этого кургана впущено еще шесть погребений срубной культуры, в том числе и ориентированные на восток, с нарядными остроребериыми сосудами [19, с. 32]. В публикации 1981 г. стратиграфия этого кургана представлена иначе: основным считается погр. 6, за ним следуют погр. 2 и 3 — теперь они уже считаются не срубными, а культуры многоваликовой керамики, хотя в публикации фигурирует типично срубный обряд и инвентарь. Некогда основное погр. 7 ныне оказывается в третьем стратиграфическом горизонте. Костяная пряжка от этого комплекса отторгнута и связана с погр. 2, которое якобы было нарушено погр. 7 [14, с. 81, табл. I].

Подобные расхождения при сравнении публикаций со схемой отмечались неоднократно. В кург. 3 группы VII у с. Прядовка основным являлось погр. 4 (раннесрубное), а впускным — погр. 2 (культуры многоваликовой керамики (?)) [22, с. 20, 21, рис. 3, *4—7*]. Знак вопроса при атрибуции погр. 2 стоит потому, что оно безынвентарно. В таблице же стратифицированных курганов Орельско-Самарского междуречья в колонке под шифром Прядовка 7/3 отмечено лишь погр. 2, но уже в качестве основного [14, табл. I]. А ведь и публикация, и таблица помещены в одном сборнике. Еще один пример: в кург. 3 у с. Выдвиженец Новомосковского р-на Днепропетровской обл. в публикации фигурируют три погребения срубной культуры, правда, без иллюстраций [23, с. 34], а в соответствующей колонке обрядово-стратиграфической таблицы фигурируют уже два погребения культуры многоваликовой керамики, ориентированные, согласно схеме, на запад [14, табл. 1]. На самом же деле ориентировку погр. 3 (основного) установить не удалось, а погр. 2 ориентировано на юго-восток. Подобные примеры, перечень которых можно было бы продолжить, указывают на то, что предложенная схема не во всех случаях соответствует конкретной стратиграфии памятников.

Оценивая опубликованную уже дважды таблицу и стратиграфическую схему в целом [14, 15], отметим перегруженность ее материалом (114 курганов), что сильно затрудняет пользование ею. Между тем 35 помещенных в нее курганов, что составляет почти одну треть, содержат по одному погребению и никакой стратиграфической информации не несут. В то же время в таблице совсем не пред-

ставлены многочисленные курганы срубной культуры, исследованные экспедицией ДГУ у с. Верхняя Маевка [24]. Вторая обрядово-хронологическая группа представляет, по И. Ф. Ковалевой, смешанные погребения с чертами культуры многоваликовой керамики и срубной [14, с. 82—83]. Но такую же специфику имел и так называемый маевский тип [13, с. 21], утративший ныне свою конкретность. Показательно, что начиная с третьего выпуска сборника (1979 г.) в публикациях ДГУ уже не отмечается принадлежность погребений к числу маевских, а пишется просто «раннесрубное». В связи со сказанным выше вызывает удивление новая попытка И. Ф. Ковалевой возвратиться к выделению локальной маевской культуры [15, с. 77]. Ведь сами же днепропетровские авторы недавно заявили, что маевский тип памятников имеет «скорее не территориально-локальное, а хронологическое положение» [19, с. 38]. Добавим, что попытки выделения смешанных памятников двух самостоятельных культур (тут многоваликовой и срубной) в третью всегда были уязвимы с методической точки зрения.

Схема плавного изменения погребального обряда и инвентаря от культуры многоваликовой керамики к срубной, в частности ориентировки скелетов от западной через юго-восточную к восточной и северо-восточной, несколько упрощает ход исторических событий в Орельско-Самарском междуречье. Ведь ориентировка умерших в погребениях культуры многоваликовой керамики не ограничивалась западным сектором. В погребениях этой культуры самой же И. Ф. Ковалевой фиксируется еще и южная, и северо-восточная ориентировки [15, рис. 14]. Форма могильных ям в погребениях культуры многоваликовой керамики не только прямоугольная, что вытекает из схемы, но есть и овальные ямы, а также подбои [16, с. 92, рис. 1, *11*, 2, *1*]. Учитывая, что район исследований экспедиции ДГУ близок к лесостепи, следует иметь ввиду, что погребения срубной культуры лесостепного варианта имеют северную ориентировку скелетов с отклонениями к северо-востоку [25, с. 12, 21, 25], как и древнейшие погребения срубной культуры на Украине, имеющие, как правило, абашевские черты [26, с. 55, табл. 2]. Ориентированы на северо-восток и древнейшие погребения срубной культуры Орельско-Самарского междуречья, сопровождаемые бронзовыми перстнями с двуспиральным щитком,— Новоподкряж III, $^{1}/_{7}$ и Хащевое, $^{5}/_{14}$ [27, с. 11, рис. 5, *5—7*]. Все это вносит определенные коррективы в предложенную схему.

Отдавая должное Днепропетровскому университету в оперативном освещении результатов работы новостроечной археологической экспедиции, следует остановиться на некоторых общих замечаниях, направленных на улучшение качества обобщающих статей и публикаций. Так, заметна поспешность некоторых авторов в формулировке выводов, недостаточно мотивированных результатами тщательной обработки массового материала. Нередко при попытке выделения культурных типов памятников или этапов в развитии культуры упор делается на один какой-то признак при недооценке остальных культурных черт. Так, И. Ф. Ковалева, выделяя в отдельную группу памятников, обладающую «признаками археологической культуры», вытянутые энеолитические погребения, берет за основу лишь вытянутое трупоположение, инвентарь же сравнительному анализу не подвергается. При этом и некоторые из приведенных фактов вызывают сомнения. И. Ф. Ковалева к числу вытянутых отнесла скорченное на спине захоронение (Соколово, $^{2}/_{22}$), стопы которого стояли «на подошве» [28, с. 63, рис. 2, *2*]. Сомнительным остается стратиграфическое положение и культурная принадлежность погребения Хащевое I, $^{2}/_{16}$, поскольку планы и разрезы этого кургана в публикации [27, с. 18, рис. 2, *2*] и статье о вытянутых погребениях, помещенной в этом же сборнике [28, с. 76, рис. 4, *1*], различны. К сожалению, и кург. 5 у с. Хащевое имеет также два разных общих плана и различные чертежи профилей одной и той же центральной бровки [27 с. 21, рис. 5, *1*; 28, с. 77, рис. 5, *1*]. В этом кургане, если верить общему плану, «энеолитическое» погр. 9 перекрывает позднекатакомбное погр. 16. Дело в том, что вытянутость скелетов характерна для обеих (энеолитической и позднекатакомбной) групп погребений. И если бульдозер срежет катакомбу под основание, то ее уже трудно отличить от овальной ямы эпохи энеолита, отсюда и сомнения при определении культурной принадлежности лишь по одному признаку — вытянутому положению скелета.

Как об общем недостатке приходится говорить о ряде неточностей в публикациях сборников. Особенно много их выявляется при сопоставлении текстов статей с чертежами и рисунками вещей, иллюстрирующими тот или иной текст. Так,

в статье [24, с. 15] сказано, что при погребении Верхняя Маевка XII, $^{1}/_{18}$ «найдены 6 пронизок», а на табл. 3, *4* изображены 9 пронизей. Перечень подобного рода упущений и неточностей можно было бы увеличить. Очевидно, необходимо уделять больше внимания редактированию статей.

Завершая обзор, хотелось бы пожелать экспедиции ДГУ более широкого привлечения к своей работе специалистов из области естественных наук. В сборниках отсутствуют датировки памятников, установленные радиокарбонным и археомагнитным методами, хотя при раскопках многие из погребений были перекрыты деревянными конструкциями, а вблизи их фиксировались остатки кострищ. Положительным моментом следует признать публикацию антропологической характеристики населения Орельско-Самарского междуречья [29, с. 76—88], но работу в этом направлении следует продолжить и дать публикацию индивидуальных характеристик скелетов. Несмотря на сделанные замечания, необходимо отметить, что материалы последних сборников свидетельствуют о заметном улучшении качества публикаций, что нельзя не приветствовать.

Д. Я. Телегин, В. В. Отрощенко

ЛИТЕРАТУРА

1. *Телегін Д. Я.* Дніпро-Донецька культура. Київ: Наук. думка, 1968.
2. *Телегін Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді. Київ: Наук. думка, 1971.
3. *Телегін Д. Я.* Основні риси і хронологія середньостогівської культури // Археологія. 1970. Т. XXIII.
4. *Телегин Д. Я., Филенко О. С.* Могильник среднестоговской культуры в Днепровском Надпорожье // СА. 1982. № 1.
5. *Крилова Л. П.* Археологічні розкопки стародавніх курганів на Криворіжжі в 1964—1966 рр. // Наш край. Дніпропетровськ: Промінь, 1971.
6. *Елагина Н. Г., Петренко В. Г.* Раскопки курганов на Ингульце // АО — 1968. М., 1969.
7. *Ковалева И. Ф.* Погребения животиловского типа в Присамарье // Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 2. Днепропетровск, 1978.
8. *Лагодовська О. Ф.* Пам'ятки усатівського типу // Археологія. 1953. Т. VIII.
9. *Збенович В. Г.* К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
10. *Марина З. П.* Культурно-хронологическое положение погребений Орельско-Самарского междуречья в системе древнеямных памятников // Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск, 1979.
11. *Телегин Д. Я.* Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита юга Украины // СА. 1977. № 2.
12. *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья. Куйбышев, 1981.
13. *Ковальова І. Ф., Волкобой С. С.* Маївський локальний варіант зрубної культури // Археологія. Київ, 1976. № 20.
14. *Ковалева И. Ф.* Стратифицированные срубные курганы Приорелья // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.
15. *Ковалева И. Ф.* Север Степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда). Днепропетровск, 1981.
16. *Чернявская Н. В.* Погребения культуры многоваликовой керамики в Днепровском Левобережье // Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск, 1979.
17. *Волкобой С. С.* Срубные погребения с трупосожжением в Орельско-Самарском междуречье // Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск, 1979.
18. *Волкобой С. С.* Срубные погребения с кубками в Днепровском Левобережье // Курганы Степного Поднепровья. Вып. 4. Днепропетровск, 1980.
19. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С.* Срубные курганные могильники Нижнего Приорелья // Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 2. Днепропетровск, 1978.
20. *Чередниченко М. М.* Хронологія зрубної культури Північного Причорномор"я // Археологія. 1977. № 22.
21. *Генинг В. Ф.* Хронологические комплексы XVI в. до н. э. // Новейшие открытия советских археологов. Ч. I. Киев, 1975.
22. *Ковалева И. Ф., Ромашко В. А., Чернявская Н. В., Христан А. М.* Раскопки курганных могильников бронзового века Среднего Приорелья // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.
23. *Ковалева И. Ф., Ромашко В. А., Андросов А.* Срубные курганные могильники Среднего Присамарья // Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск, 1979.
24. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Марина З. П., Лихачев В. А., Попцов В. А.* Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье

Орели и Самары // Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 1. Днепропетровск, 1977.
25. *Агапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
26. *Гершкович Я. П.* Культурно-хронологические группы погребений эпохи средней — поздней бронзы кургана у с. Пришиб // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
27. *Ковалева И. Ф., Марина З. П., Чернявская Н. В., Никитин С. В.* Курганный могильник эпохи бронзы у с. Хащевое // Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск, 1979.
28. *Ковалева И. Ф.* Вытянутые погребения Днепровского ареала Волго-Днепровской культурно-исторической общности эпохи энеолита // Курганные древности Степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Вып. 3. Днепропетровск. 1979.
29. *Мельник Л. А.* Антропологическая характеристика населения Орельско-Самарского междуречья в эпоху бронзы // Древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск, 1982.

Т. М. Потемкина. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 375 с., 112 рис., 34 табл.

Без преувеличения можно сказать, что в современной археологии эпохи бронзы Евразии андроновская проблематика стоит в ряду остродискуссионных тем. Научные споры при обсуждении докладов на конференциях, полемика в печати являются отражением общей ситуации, которая сложилась на сегодняшний день в этой области. Как выясняется, среди специалистов, занимающихся изучением андроновских памятников, нет единого мнения об их внутреннем членении, а следовательно, и соотношении по регионам; неоднозначно решение вопросов абсолютного датирования, да и само понятие «андроновская культура» стало весьма расплывчатым, недостаточно конкретизированным в деталях.

Подобного рода положения вполне оправданны и закономерны для развития науки. Именно последние десятилетия ознаменовались для андроновской культуры (или культур) не только резким увеличением источниковедческой базы, но и принципиально новыми качественными явлениями. Масштабы раскопок С. Я. и Г. Б. Здановича в Северном Казахстане, Т. М. Потемкиной в Зауралье, М. К. Кадырбаева в Центральном Казахстане и др. не имеют себе равных в предшествующие годы. Памятники стали исследоваться широкими площадями, что дало огромный приток источников. Изучение их с применением новейшей методики анализа выявило целый ряд закономерностей, не укладывающихся в старые традиционные концепции. Так, прежние периодизационные схемы, неизбежно довлеющие при оценке новых материалов, стали явно недостаточными. К тому же обилие этих схем (что настораживает уже само по себе) вносит дополнительную трудность при сопоставлениях, тем более что в основе их лежат зачастую различные методические предпосылки.

Следовательно, сопряженность возможна лишь по итоговым результатам, а не в процессе эволюции культурных изменений. Поэтому не случайно Т. М. Потемкина сочла необходимым в начале своей монографии четко оговорить исходную позицию в этом вопросе.

Она пишет: «Когда в середине 60-х годов автор настоящей работы приступила к археологическим исследованиям в лесостепном Притоболье, было стремление не подпасть под влияние существующих схем, считая, что попытки установления периодизации бронзового века этого района могут быть предприняты лишь после широких раскопок и накопления ряда взаимоподтверждающих стратиграфических свидетельств» (с. 18). Это положение, постулируемое во введении, строго выдерживается на протяжении всего анализа.

Книга является итогом многолетней полевой и камеральной работы автора, вводит в научный оборот огромный материал, причем изучение его велось всесторонне и всеобъемлюще как в чисто археологическом аспекте, так и с привлечением методов естественных наук. Многочисленность и различие категорий источников, извлеченная из них обширнейшая информация потребовали строгой организации текста. Он дан в тщательно продуманной системе, позволяющей с наибольшей полнотой отразить аналитическую часть, крайне существенную в свете вышеизложен-

ного. Обилие рисунков, чертежей, схем, учетно-аналитических таблиц не только иллюстрирует, но и раскрывает и дополняет авторские положения. Следует специально отметить как несомненные достоинства работы Т. М. Потемкиной предельную конкретность изложения, насыщенность фактологическими сведениями.

Особое внимание уделяет Т. М. Потемкина природным условиям лесостепного Притоболья в эпоху бронзы. Очень важно, что суммированные палеографические характеристики (гл. 2 — «Географическая среда») увязываются с археологическими наблюдениями: топографическое расположение памятников, структура почвенных напластований, перекрывающих культурные слои; фиксация разных уровней стояния грунтовых вод и т. д. В итоге взаимоподтверждающих данных вырисовываются общие представления об экологической обстановке в древности, несколько отличной от современной большей засушливостью климата. Этим автор предваряет собственно археологический анализ, создавая ему необходимый фон, особенно важный при реконструкции хозяйственной деятельности местного населения в древности.

Центральное место в книге по содержанию и объему занимают две последующие фундаментальные главы. В главе 3 — «Поселения» излагаются результаты их исследования с детальным описанием месторасположения, планировки, структуры слоев, раскопов, траншей, жилищ, хозяйственных и культовых сооружений, керамики и вещевых категорий находок. Поскольку изложение сопровождается обширным иллюстративным материалом, итоговые выводы легко проверить.

В монографии опубликованы четыре стационарно раскопанных поселения (Язево I, II и Камышное I, II), еще на одном была проведена шурфовка и заложен небольшой раскоп (Убаган II), а также использован ряд разведочных данных (Высокая Грива, Волосниково, Усть-Суерское III, Камышное). Как установлено автором в процессе раскопок и обследования, большинство поселений многослойные, на них представлено несколько строительных горизонтов, которые вычленяются стратиграфически. При этом для большей четкости их выделения, учитывая особенности грунта и частичную переотложенность слоев, стратиграфические наблюдения проверяются и подтверждаются планиграфией.

Как известно, результативность планиграфических работ на поселениях в значительной мере зависит от тщательности выполнения анализа керамики как наиболее массовой категории находок. В качестве основы ее обработки Т. М. Потемкина использовала программу, предложенную В. Ф. Генингом [1]. Предлагаемая автором классификационная схема многоступенчата. Самое крупное объединение — группа. Она включает все ведущие признаки: форму, характер и технику орнамента, технологические особенности. Подгруппа — производное от первой, обладающее специфическими признаками. Тип — первоначальная классификационная единица, которая объединяет керамику, близкую в деталях формы и орнаментации.

Наиболее подробно система обработки керамики продемонстрирована на материалах комплекса поселения Язево I, самого крупного (вскрыто около 1400 м²) из раскопанных. Результаты анализа помещены в учетные таблицы, из которых в первой приведены детальные характеристики всех ведущих признаков, а со второй по пятую — распределение элементов орнамента в пределах групп и подгрупп [1]. Все данные сопровождаются статистическими подсчетами, графическими изображениями элементов орнаментации и сведены в таблицы. Каждой подгруппе на основании широких аналогий дается соответствующая культурная атрибуция. При этом случаи местного своеобразия оговариваются особо, на конкретных примерах.

На с. 61—64 излагается распределение классификационных групп и подгрупп керамики по раскопам и жилищам поселения Язево I, т. е. фактически устанавливается его планиграфия, результаты которой отражены в табл. 6. В табл. 7 пред-

---

[1] Во всех учетно-аналитических таблицах керамики автор вводит две графы: «шейки» и «стенки» — и дает им изолированный подсчет. Соответственно и в тексте при процентном распределении по группам и подгруппам керамика представлена таким же образом. Подобная параллельность учета не только дает широкое представление об общем количестве и составе анализируемых экземпляров, но и особенно существенна при рассмотрении орнаментации. Поскольку керамика поселений всегда сильно фрагментирована, исходной и единственной единицей анализа орнамента могут быть только его элементы. Сочетание их на венчиках и стенках создает уже общее впечатление о сюжетных узорах, их ритмике и т. д. Поэтому предложенный Г. Б. Здановичем учет керамики (считать только венчики сосудов) [2] может невольно привести к сужению информативности.

ставлено размещение вещевого инвентаря по раскопам и закрытым комплексам поселения, что фактически соответствует предыдущим выводам. Согласно полученным результатам, поселение Язево I содержит три культурно-хронологических слоя: первый — развитой эпохи бронзы с керамикой группы I, с подгруппами (А — алакуль; Б — федорово; В — подобно черкаскульской, но не аналог); второй — эпохи поздней бронзы с керамикой группы II, с подгруппами (А — Алексеевская; Б — межовская); третий — эпохи раннего железа с керамикой группы III. Анализ проведен настолько тщательно, с неоднократными взаимопроверками, что сомнений в его итогах быть не может.

Поселение Язево I рассмотрено в книге первым. Материалы всех последующих бытовых комплексов изложены в той же системе, соотнесены с ним и между собой. В целом стратиграфическое и планиграфическое их распределение аналогично трем культурно-хронологическим горизонтам Язево I, за исключением двух моментов. На поселение Камышное II в первой группе керамики выделена подгруппа Г, которая по формам и орнаментации подобна петровской Северного Казахстана. Согласно раскопочным данным, она является самой ранней на этом памятнике (рис. 27, с. 99). На этом же поселении вычленена керамическая подгруппа I-1, которая соответствует по всем признакам черкаскульской (рис. 28). Хотя ее точная привязка на памятнике не определена, Т. М. Потемкина считает по косвенным данным, что она занимает во времени промежуточное положение между эпохой развитой и поздней бронзы, отражая как бы переходный период (с. 99, 100).

В заключение главы автор отмечает хронологические особенности в тенденции развития бытовых комплексов. Так, поселения алакульской эпохи сравнительно невелики, жилища их (наземного типа с незначительным углублением в землю) расположены вдоль берега реки на близком расстоянии друг от друга. В эпоху поздней бронзы население расселяется обычно на тех же местах, но площадь поселков значительно увеличивается, так же как и размеры жилищ, имеющих вид полуземлянок с глубокими котлованами. Планировка иная — двумя рядами, образующими полукруг или перпендикулярные ряды вдоль берега. В книге содержатся интересные наблюдения об изменениях с ходом времени конструкций жилых сооружений (с. 322—330), которые, на наш взгляд, не очень оправданно помещены в заключительную главу, посвященную вопросам производственной деятельности местного населения, и тем самым оторваны от основного текста разбора поселенческих материалов.

В главе 4 — «Могильники» автор проводит анализ пяти (Верхняя Алабуга, Убаган I, Раскатиха, Камышное I, Субботино) раскопанных ею погребальных памятников. Она считает, что все они принадлежат к категории курганных (с. 251), хотя насыпи, как таковые, имелись лишь в двух из них (Камышное I и Субботино). Применительно к другим такое предположение не бесспорно. Как следует из описания чертежей, этому противоречит ряд фактов. Во-первых, характер структуры и условия залегания почвенных слоев, перекрывающих могильные сооружения, не фиксируют наличие специально насыпного грунта. Во-вторых, общая планировка погребений в пределах этих могильников не показывает обычной организации подкурганных пространств с необходимыми интервалами на расстояния между насыпями. Очевидно, это были могильники грунтового типа, расположенные на естественных возвышениях и, возможно, имеющие какое-то земляное оформление индивидуальных погребений, что в сумме создает впечатление курганной насыпи.

Наиболее крупный из исследованных памятников — Верхняя Алабуга, погребальный комплекс, сложный и разноплановый по составу. Сразу необходимо отметить, что анализ материалов, представленных в этой главе, дается по тому же принципу, что и в предыдущей. Весь методический подход продемонстрирован на первом, самом большом памятнике, который становится как бы эталонным. Остальные даются в той же системе и соотносятся с ним. Такая подача источников весьма рациональна и исключает возможность повтора. Все положения автора и здесь документируются чертежами, сводными таблицами и рисунками. Типология погребальной керамики подкреплена статистическими подсчетами и отражена в аналитических таблицах, что также дает полную возможность проверки выводов.

Как устанавливается фактами прямой и горизонтальной стратиграфии (с. 150), первоначально на береговом останце Тобола у д. Верхняя Алабуга располагался энеолитический могильник, затем на некотором расстоянии от него возникло посе-

ление раннебронзового времени. Впоследствии то и другое было перекрыто погребениями эпохи поздней бронзы. Энеолитические погребения (с. 56), расположенные несколькими рядами, были совершены на различной глубине в овальных или, реже, прямоугольных ямах. Погребенные находились в скорченном или вытянутом положении на спине, а также в позе «сидя». Инвентарь немногочислен, в керамике Т. М. Потемкина отмечает черты сходства с афанасьевской и ямной культурами, но подчеркивает и местное своеобразие, не дающее прямых параллелей. Некоторые различия в погребальном обряде и инвентаре справедливо приводят ее к мысли о разновременности захоронений, об отнесении части их к эпохе ранней бронзы.

Поселение эпохи ранней бронзы в значительной мере было разрушено поздними погребениями, что не позволяет в деталях проследить конструкцию жилищ. Большинство керамики по формам, технике и орнаменту, нанесенному поверх «текстильных» отпечатков, имеет близкие аналогии среди памятников одинцовско-крохалевского и вишневского типа. Здесь встречен небольшой процент обломков посуды, тождественных боборыкинской. Условия залегания позволяют установить, что на этом памятнике боборыкинская керамика предшествует вышеупомянутой.

Преобладающее большинство погребальных комплексов Верхней Алабуги (73 погребения и 24 жертвенных места) относится к периоду развитой эпохи бронзы. Автор выделяет среди них две группы захоронений и намечает хронологическое различие между ними (с. 199). Первая группа характеризуется могильными ямами чаще всего малых размеров, незначительным числом деревянных конструкций в них, присутствием в жертвенных местах костей мелкого рогатого скота, единичными находками бронзовых украшений и кремневых изделий, преобладающим количеством сосудов с ранними признаками в формах и орнаментации. Вторая группа: могильные ямы обычно крупных размеров, повсеместные остатки деревянных конструкций, использование в качестве жертвенных животных лошади и крупного рогатого скота, богатый и разнообразный набор бронзовых изделий, сосуды поздних типов (исключительно остроребериых форм).

Такое членение с наибольшей полнотой подтверждают итоги типологического анализа керамики, проделанного с той же обстоятельностью, что и на поселенческих материалах. По форме керамика делится автором на пять типов, из которых четыре — основные, а пятый — переходный от третьего к четвертому. Формы соотнесены с элементами орнамента (с. 175—191, табл. 18, 19). Каждому типу приводятся широкие аналогии на сопредельных и более удаленных (поволжских) территориях. В качестве очень важного положительного момента следует отметить, что Т. М. Потемкина сопоставляет результаты типологического анализа поселенческой керамики с погребальной. Взаимно дополняя друг друга, они создают общую картину развития керамического производства у племен лесостепного Притоболья. К тому же появляется дополнительная возможность перекрестной проверки выявляемых тенденций изменений.

По мнению автора, основанному на анализах планиграфии могильника и керамики, первая группа погребений эпохи развитой бронзы здесь более ранняя. Сосуды, происходящие из этих погребений, имеют в формах и орнаментации черты преемственности с посудой предшествующего времени. Именно в керамике этой группы Т. М. Потемкина отмечает сосуды, аналогичные полтавкинским. Керамика же второй группы не имеет местных корней и по ряду признаков сближается с уральской абашевской. Фактически здесь автором развиваются уже высказанные ранее положения [3].

В следующем по величине могильнике — Раскатиха раскопано 47 погребений, сконцентрированных в несколько групп. В целом этот погребальный памятник относится к алакульской культуре, но, базируясь на керамических материалах, автор прослеживает между группами категорий хронологический разрыв (с. 227). Наряду с алакульскими сосудами здесь представлены петровские (по поселенческой типологии, группа I, подгруппа Г), а также смешанного облика со срубными и абашевскими чертами. Хронологически этот могильник является следующим после Верхней Алабуги.

В культурном и хронологическом отношении Раскатихе аналогичен курганный могильник Камышное I, который в свою очередь соотносится с ранним слоем поселения Камышное II. Степень сходства в последнем случае предполагает принадлежность к одной группе населения.

Из разновременного могильника Убаган I автором взяты только погребения эпохи бронзы, поскольку энеолитические комплексы уже опубликованы [4]. Т. М. Потемкина определяет их как раннеалакульские, но отмечает в них ярко выраженную абашевскую культурную окраску (с. 203).

Очень интересные данные о соотношении федоровских и алакульских погребений дает курганный могильник Субботино. В нем раскопано четыре кургана. Наряду с чисто алакульскими (курган 17, 18), чисто федоровскими (курган 3) в кургане 2 под одной насыпью находились погребения той и другой культуры. Отсутствие фактов стратиграфии и некоторое смешение черт указывают, по мнению автора, на их одновременность (с. 249).

Глава 5 — «Периодизация и хронология» в действительности значительно шире своего названия. В ней рассматриваются не только вопросы относительного и абсолютного датирования исследованных памятников, но и проблемы взаимодействия, связей и происхождения местных культур. Предлагаемая Т. М. Потемкиной периодизационная схема фактически суммирует и обобщает положения, изложенные на конкретных материалах в предыдущих главах. Хронологический диапазон включенных в схему памятников широк — от эпохи энеолита до раннего железного века включительно. В основу ее построения положены результаты типологического анализа керамики, сопряженные с другим вещественным инвентарем и распределенные согласно данным вертикальной и горизонтальной стратиграфии. Итоги представлены в сводных таблицах (рис. 106—108). Весьма важно, что в них введена рубрика «инокультурные влияния», которая наглядно придает материальным характеристикам этапов соответственный историко-культурный параллелизм.

Абсолютные датировки выделенных культур и периодов их внутреннего развития базируются в основном на традиционном методе перекрестных синхронизаций. Данные, полученные путем радиоуглеродных определений, тоже привлекаются в работе, но вследствие расхождений в результатах автор обоснованно считает их не столь надежными (с. 200). Индикаторами хронологических показаний, как обычно, служит металлический и костяной инвентарь. Но крайне существенно, что рассматривается он комплексно, в сопоставлении с общей тенденцией культурных изменений, которую в первую очередь дает керамика. Это позволяет идти по линии синхронизации не отдельных памятников, а целых культурных образований, что в итоге выводит на уровень исторических обобщений.

Обоснованность построения периодизационной схемы, неоднократно проверенная в процессе анализа, предложенные абсолютные датировки не вызывают никаких принципиальных возражений. Есть, однако, ряд аспектов, на которых желательно остановиться особо, поскольку они имеют не только местное значение, но связаны и с общей проблематикой эпохи бронзы. Первый из них касается культурного определения памятников петровского типа. Как следует из периодизационных таблиц (рис. 107), Т. М. Потемкина включает их в свою схему в качестве самостоятельного (второго) этапа алакульской культуры. Однако своеобразие этих памятников за счет включения абашевских и срубных элементов очень велико. Это неоднократно отмечается в тексте книги и наиболее полно сформулировано в данной главе (с. 268, 269). Черты генетической преемственности между этапами алакульской культуры достаточно хорошо показаны автором. Но в данном случае они вопроса не решают, а скорее усложняют его. Невольно понятие «характеристика» подменяется понятием «происхождение». Позиция автора и ее принципиальное отличие от той, которую занимает Г. Б. Зданович, выделяя те же памятники в самостоятельную культуру на смежной территории, все же не совсем ясны. Видимо, ситуация здесь аналогична имевшей место в свое время при атрибуции полтавкинских памятников. Там также главной причиной расхождения мнений была фиксация генетической преемственности между ямными, полтавкинскими и срубными памятниками, дополнительно осложненная наличием катакомбных влияний. Разночтение при оценке петровских комплексов носит тоже далеко не терминологический характер, так как это связано с целым рядом причин исторического плана. Следовательно, необходимо решение этого вопроса в целом с привлечением материалов по всем регионам.

Второй аспект — это проблема соотношения федоровской и алакульской культур. Как погребальные, так и поселенческие материалы, приведенные в книге, дают очень серьезные свидетельства в пользу сосуществования этих культур в лесостепном Притоболье. Как бы ни была расширена трактовка характерных признаков

федоровской культуры за счет включения в нее бишкульских памятников (что само по себе очень интересно), факты, предъявленные Т. М. Потемкиной и основанные на тщательнейшем анализе, сейчас вряд ли опровержимы. Они дают ей возможность предельно четко сформулировать свое мнение в этом вопросе: «...алакульская и федоровская культура представляли две параллельные линии развития, взаимодействующие на разных стадиях своего существования, что приводило к возникновению явлений смешанного типа» (с. 273).

В книге уделяется большое внимание западным, поволжским параллелям, в частности полтавкинским и срубным памятникам. Они привлекаются согласно их размещению в периодизационных схемах бронзового века Поволжья, что не только устанавливает линию синхронизации, но и подводит к решению общих проблем. Целиком солидаризируясь с мнением автора в правомерности и обоснованности таких сопоставлений, хочу подчеркнуть ряд моментов. Вопрос контактов поволжского населения эпохи бронзы с соседями на востоке имеет обширную и долгую историографию. Но, как показывают современные разработки, традиционного объяснения причин активности связей лишь сосуществованием на сопредельных территориях уже явно недостаточно. Слишком велико сходство отдельных черт погребального обряда, керамики, металлических изделий и т. д. в синхронных памятниках этих территорий. Так, сопоставимость полтавкинской керамики с петровской (раннеалакульской, по Т. М. Потемкиной) прослеживается не по отдельным чертам, а по совокупности показателей формы, технологии, элементов, сюжетов и стиля орнаментации. На востоке полтавкинские сосуды имеют себе полные аналоги. Количество их, кроме тех, что приводит Т. М. Потемкина, можно значительно увеличить. Например, достаточно взглянуть на рис. 74 в ее книге, чтобы обнаружить полтавкинские соответствия большинству представленных здесь сосудов. Если подходить к подобным явлениям с позиции полтавкинской общности, то приходится признать, что степень близости усиливается по мере продвижения на восток от Волги за пределы влияний катакомбного мира. В этом случае отдельная сопоставимость начинает превращаться в некую культурную аналогичность. Не исключено, что она объясняется и причинами, ретроспективно связанными с древнеямной основой. Видимо, на изначальной близости полтавкинских и петровских, а может быть, и более ранних памятников основывается общее сходство поволжской срубной и алакульской культур, признаваемое сейчас многими исследователями. Это в свою очередь в какой-то степени объясняет далекие взаимные перемещения в пределах срубной и андроновской общностей, участие соединенного срубно-алакульского субстрата в сложении тазабагъябской культуры и т. д. Конкретизация этих явлений — дело будущего, но констатация необходима и сейчас.

Заключительная, шестая глава монографии посвящена вопросам производственной деятельности местного населения в эпоху бронзы. Для ее реконструкции привлекаются многочисленные разнообразные орудия труда, остатки сооружений, остеологические материалы. Осмыслению данных, которые предоставляют фаунистические находки, в разделе уделяется очень большое внимание, они рассматриваются в разных планах (соотношение количественного и видового состава стада, сравнительный анализ поселенческих и погребальных материалов и т. д.). Однако мнение автора о том, что фаунистические находки из могильников не могут служить достоверным источником для характеристики хозяйственной деятельности населения (с. 308), на наш взгляд, звучит слишком категорично. Исследования В. П. Шилова [5] в этой области с наибольшей полнотой продемонстрировали возможность использования этих материалов.

Для восстановления форм скотоводческого хозяйства Т. М. Потемкина привлекает этнографические данные (с. 314, 315). В итоге она приходит к выводу, что на всем протяжении бронзового века местные племена занимались пастушеским скотоводством с ежедневным отгоном скота. Устанавливается динамика в изменении с ходом времени состава стада и приводятся подсчеты соответствующей затраты труда на его содержание. Земледелие носило здесь, по ее мнению, ограниченный характер, что подтверждается комплексным разбором археологических и этнографических показателей. Охота и рыболовство служили вспомогательными промыслами.

Заканчивая разбор монографии Т. М. Потемкиной, необходимо подчеркнуть, что в нее вложен огромный труд, давший серьезные результаты. Советская археология эпохи бронзы получила работу, крайне важную не только для прямых спе-

циалистов, но и тех, кто изучает синхронные памятники Поволжья и Причерноморья. Заинтересованность кроется здесь отнюдь не в расширении общей эрудиции, а в насущной потребности. Было замечено уже давно, но особенно явно — в итоге исследований последних десятилетий, что история срубного, абашевского и андроновского населения тесно переплетена. Поэтому каждая специальная разработка приобретает и общее значение. Книга вводит в научный оборот не только интереснейшие памятники, но и представляет собой широкое исследовательское полотно, которое посвящено ключевым вопросам проблематики бронзового века Евразии.

Н. К. Качалова

ЛИТЕРАТУРА

1. *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1.
2. *Зданович Г. Б.* К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984. Вып. 177.
3. *Потемкина Т. М.* О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье // КСИА. 1982. Вып. 169.
4. *Потемкина Т. М.* Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
5. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.

Gräber von Ancon, Peru. Nach den Arbeiten von W. Reiss/A. Stübel, M. Uhle, R. Ravines, G. R. Willey und C. Huapaya dargestellt von P. Kaulicke (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie, Bd 7). München, 1983. 117 S., 81 Abb.

Рецензируемая книга — один из выпусков издаваемой Г. Мюллером-Карпе серии реферативно-обобщающих работ по мировой археологии. Появление этого многотомного издания обусловлено ростом числа первичных публикаций и труднодоступностью многих старых работ, изданных очень небольшим тиражом. Реферативные обзоры старых материалов особенно полезны в тех случаях, когда на соответствующих памятниках независимо друг от друга работали разные специалисты. Таков древнеперуанский могильник на берегу бухты Анкон. С 1875 г. по настоящее время его копали более десятка археологов-профессионалов (не говоря о дилетантах и просто грабителях), вскрывших не менее 3000 (а по некоторым оценкам, до 40 000) погребений, самые ранние из которых относятся к началу VII в. н. э., а самые поздние — к эпохе инков. Однако до сих пор нет ответа на многие важные вопросы, которые при подобном размахе исследований давно могли бы быть решены. Низкая научная отдача от деятельности вот уже более ста лет посещающих Анкон экспедиций связана не с профессиональной подготовкой работавших там археологов (даже первые исследования В. Райса и А. Штюбеля, публикация результатов которых впервые «привлекла внимание научных кругов Европы к раскопкам древностей Центральных Анд» [1, с. 5], были проведены в целом на удовлетворительном для своего времени уровне), а с отсутствием у них точных целей. Раскопки либо велись ради общего изучения культуры Древнего Перу — близость могильника к столице во многом определяла выбор места — либо имели спасательный характер; в некоторых случаях главным мотивом было желание просто пополнить музейные коллекции.

Бухта Анкон расположена на пустынном побережье в 42 км севернее Лимы между долинами речек Чильон и Чанкай. Сейчас здесь находится популярный курорт. В доколумбово время, начиная по крайней мере с III тыс. до н. э., хозяйство местных жителей в основном было связано с морем. Из-за скудости пресных источников ни значительных полей, ни крупных поселений в окрестностях Анкона быть не могло. Не заметно и попыток провести канал из Чильона или Чанкая или использовать в широких масштабах подпочвенные воды, сажая растения в специальных выемках, как это делалось в других местах побережья. Остатки поселений III—I тыс. до н. э. обнаружены вдоль берега бухты, связанных с ними захоронений почти не найдено. Могильник Анкон, относящийся к более поздней эпохе, удален от береговой линии на несколько сот метров и простирается при-

мерно на 2 км с севера на юг и на 1 км с запада на восток. На этой территории встречаются остатки разновременных поселений. Материалы ряда периодов из них представлены в погребениях, но они совершенно не исследованы.

Западногерманский археолог П. Каулике (сейчас постоянно живущий и работающий в Перу) рассматривает только публикации, относящиеся к могильнику. Он пользуется разработанной Дж. Роу и его калифорнийскими коллегами хронологической шкалой, делящей историю Центральных Анд с момента появления на побережье керамики (около 1800 г. до н. э.) на три «горизонта» и два «промежуточных периода» (а также «начальный период», предшествующий «раннему горизонту»). Вначале горизонты понимались как эпохи быстрого распространения на большей части Центральных Анд определенных керамических стилей, но поскольку соответствующие находки оказались не вполне одновременными в разных районах, периоды Дж. Роу превратились в условные таксоны, позволяющие соотносить памятники и культуры независимо от оценки их возраста в абсолютных цифрах.

Захоронения в могильнике Анкон производились начиная с этапа 1 В среднего горизонта (СГ), в позднем промежуточном периоде (ППП) и в позднем горизонте (ПГ), т. е. в инкское время. Благодаря большому количеству радиоуглеродных дат, начало СГ можно довольно уверенно датировать концом VI в. н. э. Инки завоевали центральные области Перуанского побережья в третьей четверти XV в. Абсолютный возраст этапов, промежуточных между этими датами, определяется приблизительно. Весь СГ делится на четыре этапа, причем первые два — на половины А и В. В ППП выделено восемь этапов, но для центрального побережья соответствующая шкала разработана недостаточно, поэтому практически могилы Анкона удается отнести лишь к ранней (этапы 1—3) или поздней (этапы 4—8) поре ППП. Поздний горизонт дробно не расчленен.

Первые захоронения в Анконе (СГ 1 В) связаны с завершающей эпохой в развитии культуры лима. В течение нескольких предшествующих столетий она господствовала в четырех долинах центрального побережья Перу: Чанкай, Чильон, Римак (здесь находилось ее крупнейшее поселение Кахамаркилья, остатки которого сейчас почти уничтожены пригородами перуанской столицы) и Лурин. Судя по распределению поселений разных типов (в том числе крупных с монументальной архитектурой), культуре лима могло соответствовать раннее государство, подобное существовавшему в тот же период на северном побережье у создателей культуры мочика, или небольшие протогосударства, возглавляемые вождями, возможно объединенные на каком-то этапе вокруг одного центра. В период СГ 1 в культуре лима заметны внешние, главным образом южные влияния. Керамика этапа СГ 1 В с чертами, заимствованными от сосудов стилей наска 9 (южное побережье), окрос и чакипампа (район города Аякучо в горах) относится к стилю ньеверия.

Погребения периода СГ 1 В в Анконе, как и в других могильниках лимы, совершены в простых прямоугольных ямах, положение погребенного — вытянуто, на животе, головой на юг. Вытянутое положение типично и для культур северного побережья Перу (мочика, гальинасо, салинар), но вентральная позиция костяка специфична исключительно для лимы. На южном побережье в культурах паракас и наска умерших хоронили в положении сидя, завернутыми в ткань. В Анконе в период СГ 1 В впервые на центральном побережье появляются отдельные сидячие захоронения. Покойники завернуты в тканевый «кокон» и снабжены несколько более богатым инвентарем.

С начала периода 2 этот новый тип захоронений становится единственным. Тканевые «коконы» увенчаны ложной головой, обращенной лицом на север. По крайней мере в одном случае внутри был обнаружен не скелет, а расчлененные кости, т. е. захоронение было вторичным. Могильные ямы более глубокие, чем в СГ 1 В, и имеют подбой. Хотя среди инвентаря еще встречаются сосуды, выполненные в традициях лимы, в целом керамический комплекс меняется. Он представлен бедно орнаментированными сосудами стиля театино, распространенного в периоды СГ 2, 3 от долины Уауры на севере до Чильон на юге, и великолепной парадной керамикой стиля пачакамак. Центром ее распространения являлось одноименное городище в долине Лурин (следующей на юг от долины Римака), где, видимо, в период СГ 2 А был основан храм, позднее (в ППП и особенно при инках) приобретший значение панперуанского святилища. Сосуды стиля пачакамак украшены изображениями божеств, почитавшихся в этом центре. Продолжала лин

оставаться политическим ядром центрального побережья Кахамаркилья, или же эта роль перешла к Пачакамаку, не известно.

Выяснено, что с переходом от СГ 1 В к СГ 1 А на центральном побережье меняются изобразительный стиль и (частично) керамический комплекс. Приводимые П. Каулике материалы свидетельствуют и об одновременном изменении погребального обряда. К сожалению, эволюция культуры по материалам поселений для этого времени плохо изучена, и это не позволяет твердо решить, относятся ли комплексы СГ 2 к позднему этапу культуры лима (мнение, высказанное в начале 70-х гг. В. А. Башиловым [1, с. 137—142], или (к чему склоняется автор рецензии) мы вправе говорить о новой самостоятельной культуре пачакамак.

Судя по материалам Анкона, культура пачакамак (или, следуя В. А. Башилову, поздняя лима) продолжает существовать в период СГ 3. В это время сюжетные изображения на керамике и тканях постепенно схематизируются, ухудшается качество их исполнения. Появляются сосуды с рельефным декором в стиле касма [2, с. 29, 30], вероятно привезенные с севера, где между долинами Санты и Супе находились основные центры их производства. Заметных изменений в погребальном обряде не наблюдается.

На рубеже периодов СГ 3—4 плавная эволюция культуры вновь прерывается. Могильные ямы устраиваются теперь без подбоя. У «коконов» мумий не всегда имеется ложная голова. Становятся обычными крайне редкие ранее коллективные захоронения (до 16 человек в одной яме). В составе инвентаря меньше сосудов неместного производства и металла. Из разнородных северных (касма), южных (пачакамак) и местных по происхождению элементов начинает формироваться новый керамический стиль, легший в основу более позднего стиля чанкай. Для него типичны сосуды с более или менее шарообразным туловом, вздутием на горле и парой ручек-ушек на тулове или между горлом и плечиками, украшенные иногда штампованным (как в касме), чаще расписным, несложным, в основном, геометрическим орнаментом. Глиняные антропоморфные фигурки продолжают традицию периодов СГ 2—3, но, по-видимому, их больше. Мумии по-прежнему ориентированы лицом на север, глаза у личин ромбической формы.

Культура соответствующего времени до сих пор не получила наименования и вообще четко не выявлена, принято говорить о «локальных стилях» конца среднего горизонта в той или иной долине. «Локальный стиль» Анкона этапа СГ 4 напоминает материалы из погребений, раскопанных в Пачакамаке, но близкие аналогии ему можно найти по всему центральному и югу северного побережий. Синкретический характер керамической традиции не позволяет ориентироваться в проведении культурных границ на форму и орнаментацию сосудов, а остальные древности этого времени в долинах перуанского побережья, лежащих между Чимботе и Лимой, изучены плохо.

Материалы ранней поры позднего промежуточного периода (ППП 1—3) отличаются от последующих (ППП 4—8) тем, что сосуды окрашены тремя цветами (черный, белый, красный), а не двумя (черный и белый). В ППП 1—3 ложная голова «коконов» снова становится обязательной, но сделана иначе, чем в СГ 2—4, а с этапа ПП 4 этот обряд полностью исчезает. В ППП 4—8 и позже (при инках) «коконы» мумий обернуты в сеть. В ППП сходит на нет практика коллективных захоронений. В остальном прослеживается плавное развитие культуры от этапа СГ 4, приводящее на этапе ППП 4 к сложению классической культуры чанкай с главными центрами распространения в окружающих Анкон с севера и юга долинах Чанкай и Чильон.

Со времени ППП 3 в Анконе встречаются «коконы» с останками сразу нескольких человек, но изображающие (пока антропоморфная форма вообще сохраняется), как обычно, одно существо. В ППП и при инках в погребениях чаще стали помещать сосуды с пищей — растительной, а также креветками, рыбой и мясом морских свинок. Среди растений больше всего кукурузы, затем идет маниок, на третьем месте — арахис. Обычны также остатки батата, фасоли, фруктов, тыкв. Наиболее вероятно, что продукты земледелия обитатели бухты Анкон выменивали на рыбу и другие дары моря, а не выращивали на собственных участках. Во всяком случае, среди заупокойных приношений встречаются зерна киноа, клубни ульюку и листья коки — видов, растущих только в горах или (кока) предгорьях.

В инкское время (ПГ) принципиальных изменений по сравнению с поздним чанкаем не происходит, хотя какие-то тенденции, может быть, не замечены, по-

скольку погребения этого периода в Анконе документированы особенно плохо. Сосуды конца XV — начала XVI в. демонстрируют, как и повсюду на побережье, синтез черт местного стиля (в данном случае чанкая), чиму (северное побережье) и инкской керамики.

В большинстве раскопанных в Анконе могил основную массу инвентаря составляют тканые, а не керамические изделия. Нередки также поделки из дерева и кованые предметы из меди и серебра; крупных литых бронзовых орудий как будто не найдено, хотя они известны по находкам в могильниках ППП и ПГ в Чанкае, Чильоне, Римаке и других долинах. Большинство орнаментированных тканых предметов — это сумочки, пояса и другие мелкие вещи с геометрическим и зооморфным декором, но встречаются и полотнища со сложнейшими сюжетными изображениями. Чтобы разобраться в эволюции изображений на тканях Анкона, П. Каулике предпринял особое исследование, которое планирует завершить в 1987 г.; в данной книге эта тема не затрагивается. Ясно лишь, что изображения СГ 2 и ППП (они полнее всего представлены в публикации) различны. Первые через культуры пачакамак и уари в конечном итоге восходят к иконографии культуры тиауанако на Боливийском плоскогорье. Генезис вторых не ясен; во всяком случае с невыразительными сюжетными изображениями на керамике чанкай они имеют сравнительно мало общего. Ближе всего к иконографии тканей чанкай стоит искусство чиму, но оно само включает много элементов неясного происхождения [3, с. 50—66].

В погребальном инвентаре центрального побережья представлены своеобразные тканые щитки, прикрепленные к вертикальным палочкам, наиболее характерные типы которых (со схематичным изображением антропоморфного божества) датируются этапом СГ 4. Их может быть до 13 в одной могиле. Ранние их типы в виде нитяных крестов внешне удивительно напоминают «цикури» — магические кресты западномексиканских уичоль, призванные преграждать путь духам [4, рис. 6]. Назначение щитков в перуанских захоронениях не известно.

Все сказанное выше представляет в основном изложение первой части книги П. Каулике, которая, несомненно, станет неоценимым руководством для всякого, кто предпримет попытку разобраться в исключительно сложной культурной истории центрального побережья Перу на протяжении предшествовавшего конкисте тысячелетия. Очень важно выделение основных рубежей, отделяющих комплексы этапов 1 В (культура лима), 2—3 (культура пачакамак) и более поздние. Можно ли материалы СГ 4 и ППП 1—3 относить к культуре чанкай, как связанные с ее ранними этапами, или их следует рассматривать особо, по данным одного лишь Анкона, решить невозможно, но во всяком случае они ближе чанкаю (ППП 4—8), чем пачакамаку.

Вторая половина книги посвящена рассмотрению данных могильника Анкон, проливающих свет на социально-экономические отношения в соответствующие эпохи. В сравнении с огромным числом раскопанных погребений объем доступной нам здесь информации скромен, что вызвано главным образом методическим несовершенством раскопок, но в какой-то мере и спецификой памятника. Перед нами могильник, вероятно, сравнительно однородной в социальном отношении группы людей, жившей на небольших поселениях вдали от политических центров и занимавшихся в основном рыболовством. Наиболее характерная особенность погребений всех периодов и особенно поздних (с СГ 3) — преобладание в женских погребениях прядильно-ткацких инструментов (плетеные коробочки с набором веретенец, мотков пряжи и т. п.), а в мужских — орудий рыбной ловли (особенно медных крючков и кочадыков для плетения сетей) при полном или почти полном отсутствии орудий, связанных с обработкой земли.

Возможно, впрочем, что связь между занятиями населения Анкона и составом инвентаря в захоронениях была менее прямолинейной, чем это кажется П. Каулике. Во всяком случае желательно сравнение с каким-нибудь могильником, в котором захоронены заведомо земледельцы. Хорошо известно, что умершие обычно наделяются инвентарем, исходя из их предполагаемых потребностей не в загробном мире, а по пути туда, и что род занятий человека при жизни определяет состав инвентаря лишь опосредованно. Например, камаюра в верховьях Шингу до сих пор кладут в женские захоронения веретенца, но вовсе не для того, чтобы члены племени переселившись на тот свет, продолжали там прясть. Считается, что по пути через лес покойницы подвергнутся нападению мифических птиц, отбиться от кото-

рых они могут только веретенцами [5, с. 133]. Весьма вероятно, что загробный мир древних жителей перуанского побережья лежал за океаном [2, с. 111] и что поэтому даже люди, занимавшиеся земледелием, нуждались после смерти не в землекопалках, а в рыболовных крючках.

То же касается деревянных весов с коромыслицами, встречающихся в Анконе по крайней мере в период СГ 4 и известных также по находкам в других мотильниках на центральном и южном побережье Перу. Как бы ни употреблялись весы их владельцами (высказаны предположения, что они служили при разнообразных торгово-обменных операциях, либо преимущественно для взвешивания пряжи), включаться в погребальный инвентарь они могли по какой-то совершенно особой причине.

Погребения всех периодов в Анконе демонстрируют такие различия в инвентаре, которые можно объяснить разным социальным статусом умерших. В более богатых захоронениях встречается керамика неместного изготовления (расписная из Пачакамака — этап СГ 2, штампованная с сюжетными изображениями из более северных долин — СГ 3, 4) и крупные раковины Strombus и Spondylus, привозившиеся из Эквадора (их особенно много в могилах СГ 2 А). В культуре лима (СГ 1 В) в рядовых захоронениях никогда не встречаются парадные сосуды с двумя вертикальными горлышками и ручкой-мостиком. Погребение по новому для центрального побережья обряду (сидя внутри «кокона») в период СГ 1 В также нельзя отнести к рядовым. В одном из коллективных захоронений этапа СГ 4 лишь один из 13 «коконов» имел ложную голову; скорее всего данный признак был связан с более высоким статусом этого покойника по сравнению с остальными. В целом, однако, масштаб социальных различий, отраженных в погребальном инвентаре Анкона, недостаточно выявлен. Богатство захоронений — понятие относительное. Чтобы оценить статус отдельного погребения, необходимо хорошо представлять весь спектр возможных различий в количестве и характере инвентаря, представленный в данной культуре. Для Анкона и центрального побережья вообще таких сведений нет.

Особенно трудно определить подлинное значение внешне простых, но трудоемких по изготовлению тканей. Расчеты показывают, что для выработки 17 м² неорнаментированной материи, в которую было обернуто наделенное некоторыми «престижными» предметами (раковина Spondylus), но в целом не особенно выдающееся женское (судя по коробочке с прядильными инструментами) захоронение инкского времени, потребовалось более 1000 человеко-часов [2, с. 49; 6, с. 13—22]. Видимо, умершая занимала какой-то пост в местной иерархии, но оставалась ли она по своему положению ближе к женам рыбаков или к высокопоставленным жрицам в Пачакамаке, не ясно. Опубликованные материалы разобраться в подобных вопросах не позволяют, и остается только надеяться, что хранящиеся в перуанских музеях коллекции из Анкона документированы достаточно хорошо, чтобы проследить по ним социально-имущественные градации.

Материалы Анкона дают немало для изучения религиозных представлений древних перуанцев. Правда, местная керамика лишена сложных ритуально-мифологических сцен, а большие композиции на тканях пока не поддаются интерпретации, зато интересны сами «коконы»: все имеющие антропоморфные коконы и личины лишены индивидуальных признаков и явно изображают не конкретных умерших, а предков, к сонму которых те присоединялись. По всей видимости, скончавшиеся члены родов и линиджей (айлью) отождествлялись с их основателями (мифическими или мифологизированными), поэтому в одном «коконе» могли быть запеленуты остатки сразу нескольких человек. По наблюдению П. Каулике, у многих мумий личины замотаны тканью. Автор книги полагает, что повязку снимали во время ежегодных обрядов, когда предков извлекали из-под земли и демонстрировали народу. Такого рода «праздники воплощения предков» типичны для андских индейцев, хотя прямыми археологическими доказательствами периодического вскрытия могил в Анконе мы не располагаем.

Многие найденные в Анконе предметы отражают ритуалы и представления, общие для всех индейцев Центральных Анд. Таковы упоминавшиеся эквадорские раковины, употреблявшиеся прежде всего в обрядах, связанных с культом плодородия и воды; листья коки, которые жевали в ходе любых ритуалов; ожерелья из лекарственных семян Nectandra, как и листья коки, представлявшие стандартную форму жертвоприношений.

Как и другие выпуски серии, издаваемой Г. Мюллером-Карпе, книга П. Каулике прежде всего систематизация сведений более ранних публикаций. Возможно, поэтому автор не счел нужным привести какие-либо статистические подсчеты, ибо бóльшая (неопубликованная) часть материала в них все равно бы не нашла отражения. Поскольку, однако, выводы об определенных тенденциях в распределении материала по периодам все равно делаются, хорошо было бы знать величину выборок, на которых они основаны. Это касается, например, вопроса о погребениях с оружием, которые вообще в Анконе (как и во всех перуанских культурах, кроме викуса) редки, но становятся многочисленнее на этапе СГ 4. В могилах того же времени обнаружены «штандарты» из перьев, металла и тканей на деревянных древках, которые, может быть, были воинскими эмблемами. Этап СГ 4 был временем культурных изменений, связанных, вероятно, с гибелью одних политических образований и появлением других, и в этом смысле рост числа погребений с оружием знаменателен.

Вместе с П. Каулике мы не можем не пожалеть о той огромной информации, которая утрачена безвозвратно из-за несовершенства раскопок в Анконе. Материалы этого могильника остаются многообещающим полем деятельности для будущего исследователя, но оправдают затраченные усилия лишь того специалиста, который, немного перефразируя Р. Коллингвуда, станет заниматься не памятником, а проблемой. Одной из нерешенных (и даже не поставленных) проблем перуанской археологии является выявление реальных культурных и политических общностей (а не керамических стилей), существовавших на юге северного и севере центрального побережья во второй половине СГ и начале ППП. Как показывают, например, исследования в долине Касмы в эту эпоху численность населения достигла здесь максимума, за которым последовал резкий спад [2, с. 29]. Создается впечатление, что в отношении политической организации и экономического потенциала местные культуры в конце СГ находились по крайней мере на столь же высоком уровне, как всем известная наска, но из-за отсутствия привлекательных для коллекционеров памятников изобразительного искусства не вызвали должного интереса. Хотя могильник Анкон расположен на крайнем юге рассматриваемой территории, его дальнейшее изучение в силу массовости накопленных материалов может привести к важным историческим выводам.

Ю. Е. Березкин

ЛИТЕРАТУРА

1. *Башилов В. А.* Древние цивилизации Перу и Боливии. М.: Наука, 1972.
2. *Березкин Ю. Е.* Мочика. Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I—VII вв. Л.: Наука, 1983.
3. *Березкин Ю. Е.* Культурная преемственность на северном побережье Перу в V—XV вв.— СЭ, 1984, № 2.
4. *Furst P. T.* House of Darkness and House of Light: Sacred functions of West Mexican funerary art.— In: Death and the Afterlife in Pre—Columbian America. Wash., 1975.
5. *Villas Boas O., Xingu C.* The Indians, their Myths. N. Y., 1973.
6. *Stothert K. E.* Preparing a Mummy Bundle, Note on a Late Burial from Ancon, Peru.— Ñawpa Pacha, 1978, № 16.

Хроника

КОНФЕРЕНЦИЯ «БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДРЕВНОСТИ: ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД» (Москва, 1985)

Организатором конференции, состоявшейся в Москве 29—31 января 1985 г., был Институт славяноведения и балканистики АН СССР. В ней приняли участие археологи, филологи, фольклористы, этнографы. Целью конференции было на основе всех материалов, которыми располагает наука сегодня, сопоставить и синтезировать результаты археологических исследований с данными этнолингвистического изучения духовной культуры и, таким образом, комплексно разрешить основные вопросы погребальной обрядности древних племен и народностей.

Тематика конференции не была ограничена балто-славянской проблематикой. Мы оцениваем это как положительный момент. Славяне и балты, особенно их духовная культура, развивались не изолированно, их история и этногенез теснейшим образом переплетаются с рядом других индоевропейских этносов, немало было унаследовано славянами и балтами из периода индоевропейской общности. Выход за пределы индоевропейской погребальной обрядности представляется также правомерным. Это дает возможность понять многие детали ритуала индоевропейцев, в частности балтов и славян.

Участниками конференции заслушано более 50 докладов ученых Белоруссии, Латвии, Литвы, РСФСР; больше всего докладов было представлено различными научными учреждениями Москвы и Ленинграда. К началу совещания были выпущены тезисы докладов. (Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд». Тезисы докладов. М., 1985.). Мы не ставили своей задачей прокомментировать и проанализировать все доклады, представленные на конференции. В настоящей статье сосредоточено внимание лишь на тех из них, которые непосредственно связаны с археологической тематикой или же представляют научный интерес для археологов.

Первую группу составляют доклады, затрагивающие общие вопросы погребальной обрядности, построенные на материалах нескольких этносов и имеющие широкий хронологический диапазон.

В выступлении Ф. Р. Балонова (Ленинград) «Повозки и ковры в связи с погребальным обрядом, жертвоприношением и молитвенными формулами у населения Евразийских степей и предгорий в эпоху бронзы и железа» поставлены важные вопросы, связанные с ролью повозки в погребальной обрядности древних племен, ее употребления в ритуальной процедуре, на основании довольно многочисленного археологического материала. Рассмотрены новые данные, полученные за последние десятилетия, особенно в связи с работами археологов на новостройках, в районах Северного Кавказа и Прикаспия. Автор доклада приходит к выводу, что «первые погребения с повозками появляются практически одновременно с изобретением и внедрением в быт этого транспортного средства — в эпоху ранней бронзы». Причем, по мнению докладчика, повозка на первых стадиях развития погребальной обрядности у кочевых народов играла не только роль простого инвентаря, но уже само ее помещение в могилу несло ритуальную нагрузку. Постепенно, с развитием этой «новой» погребальной процедуры, происходит трансформация обрядности — в позднем бронзовом веке в Западной, Центральной и Юго-Западной Европе повозка начинает заменяться имитационной моделью. Но вместе с тем обычай помещать настоящие повозки в могилы доживает до железного века, в частности в скифском мире и у сармат. Докладчик подробно остановился на отдельных сторонах эволюции погребальной обрядности у сармат от раннего (прохоровского) до позднего этапа, когда повозки помещались в могилу в разобранном виде, а иногда служили своеобразным перекрытием гробовища. В сусловском периоде в конструкции погребальной камеры появляются заплечики, на них укладывались колеса и детали повозок. На позднем этапе колеса повозки помещались по сторонам могильной ямы, а кузов служил перекрытием могилы.

Довольно подробно докладчик остановился и на роли в погребальной процедуре ковра и продемонстрировал примеры этого сюжета на изображениях повозок на петроглифах Европы и Азии. По мнению Ф. Р. Балонова, «ковер и повозка связаны не только функционально, но и сакрально». Обращаясь к изобразительной тематике на коврах (на примере ковра из пятого кургана Пазырыка), Ф. Р. Балонов заключил, что «ритмика изображений на ковре соответствует ритмике поэтических формул — погребальных, сакрифицпальных гимнов, молитв». Повозка и ковер, таким образом, уподобляются адорации богам, покойник уподобляется жерт-

ве. Однако, описывая и анализируя отдельные сюжеты ковра, автор доклада отверг мысль о возможном использовании ковра как «игрового» поля (эта мысль высказывалась многими исследователями раньше).

Доклад Н. Н. Казанского (Ленинград) «Маска в погребальном обряде Восточного Среднеземноморья» посвящен интереснейшей и в целом мало разработанной теме. Автор, опираясь на находку древнейшей для рассматриваемой территории погребальной маски (Иерихон, VI тыс. до н. э.) и считая ее «явно передающей индивидуальные черты лица», приводит широкие временные и пространственные сопоставления от палеолита до североамериканских индейцев. Он полагает, что «портретные маски», получившие широкое распространение в бронзовом веке и коррелирующиеся с определенным типом погребальных сооружений («катакомба»), отражают «идею сохранения тела как вместилища души», постулируя из этого тезиса возможность присвоения чужой души и, следовательно, существование представлений о «многодушии». Далее автор опять-таки постулирует эти представления для Греции классического времени, указывая (со ссылкой на Гиппократов Корпус «О диете») на возможность их более широкого распространения и бо́льшую древность по сравнению с идеей Аида. После этого автор переходит уже к глобальным обобщениям, предполагая, что «для праиндоевропейской эпохи погребальная маска и соответствующие ей представления о „многодушии" были одной из основных идей „индоевропейской традиции"». Причем, сопоставляя погребальные маски с палеолитическими статуэтками «Венер», Н. Н. Казанский пытается доказать «полную смену представлений», происшедшую с переходом «от безглавых изображений палеолита к портрету VI тыс. до н. э.».

Большой интерес представляет доклад Вяч. Вс. Иванова (Москва) «Проблема реконструкции общеиндоевропейского погребального обряда и ритуального текста», в котором предпринята попытка проанализировать причины и условия возникновения обряда кремации умерших в индоевропейском этносе. Общеиндоевропейский обряд, состоящий из трупосожжения, собирания остатков кремации, изготовления символического изображения покойника, которое возили на колесной повозке, запряженной лошадьми, реконструируется докладчиком на основе сопоставительного анализа обрядности царских похорон у хеттов, ведийских гимнов и гомеровского описания ритуала кремации умершего. По мнению докладчика, причиной становления обряда кремации умерших могли быть появление и распространение таких заразных заболеваний, как чума, пришедшая из региона Великих Озер Африки через южные районы Передней Азии. В этой связи можно объяснить и смысл ритуалов разбивания посуды умершего, сжигание принадлежащих ему вещей и т. п.

Среди индоевропейцев был распространен образ загробного мира как пастбища, в том числе среди славян и балтов. С этим представлением Вяч. Вс. Иванов связывает входящий в ритуал похоронной обрядности обычай сжигать жертвенных домашних животных, особенно коней. Особый интерес представляет роль коня (или его головы) в греческих и иранских представлениях, связанных с погребением.

Вторую группу составляют доклады, посвященные отдельным конкретным темам исследования погребальной обрядности славян и балтов.

В докладе А. Бутримаса и А. Гиринникаса (Вильнюс) «Старые и новые погребальные обычаи в неолите Литвы» на примере трех могильников исследовались контакты носителей нарвской и шнуровой культур. Племена, относимые к последней культуре и являющиеся прабалтами, принесли на территорию Литвы обряд трупосожжения и захоронений в урнах. С появлением племен — носителей культуры шнуровой керамики большое значение приобретают земледелие и скотоводство и как следствие этого — затухание охотничьих традиций.

М. К. Янюнайте (Вильнюс) в докладе «О возможности определения территории формирования балтских племен на основе исследования погребальной обрядности» анализировала данные, связанные с обрядом кремации, трактуемым как признак индоевропейской принадлежности этноса. Выводы автора о волнах индоевропейского заселения территории Прибалтики, фиксируемых как продвижение носителей культуры шаровидных амфор и племен шнуровой керамики (для последних выявлены контакты с культурами дунайского круга), достаточно убедительны.

Я. Я. Граудонис (Рига) в докладе «Погребальные обряды на территории Латвии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (конец II тыс. до н. э.— начало нашей эры)» привел новые материалы из раскопок последних лет. Скрупулезный анализ их позволил автору не только охарактеризовать культурно-этническую обстановку на территории Латвии в I тыс. до н. э., но и проследить контакты местного населения с племенами Средней и Восточной Европы. Автор совершенно справедливо подчеркивает стабилизацию племен территории Латвии в начале нашей эры, что обусловлено консолидацией этнических массивов в этой части Прибалтики.

Л. Вайткунскене (Вильнюс) в докладе «Культовая роль коня в древнелитовском погребальном обряде (V—XII вв.)» использовала обширный материал, добытый литовскими археологами при раскопках раннесредневековых могильников. Докладчица обратила внимание на то, что при конских погребениях нередко встречаются богато орнаментированные предметы снаряжения. Л. Вайткунскене приходит в заключении к выводу о связи культовой роли коня с культом вождей-героев.

В дискуссии В. И. Кулаков (Москва) уточнил некоторые детали в интерпретации конских захоронений в могильниках жемайтов и аукштайтов. Прежде всего,

подтип перекладчатых фибул, на основе которых Л. Вайткунскене датирует ранние захоронения V в., появляется в землях балтов не ранее первой половины VII в. Конские захоронения, встреченные, кроме того, на раннесредневековых могильниках пруссов и ятвягов, зачастую сопровождают погребения мужчин с малочисленным инвентарем. Последний тезис позволяет трактовать роль конских захоронений не только как дань культу вождя или героизированного предка, но и как отражение идеи о пути в загробный мир. Обряд конских захоронений различен у жемайтов и аукштайтов, а также у пруссов и ятвягов (череп коня в верхнем ярусе могилы, конский скелет в отдельной части могильника, скелет в нижнем ярусе могилы, в стороне от нее или в поле кургана) и являлся в некоторой степени этническим индикатором раннесредневековых племен балтов.

В докладе В. И. Кулакова (Москва) «Погребальный обряд пруссов, скальвов и ламатов в VIII—XIII вв.» продолжен начатый А. З. Таутавичюсом процесс вычленения ареалов раннесредневековых племен балтов на основе данных погребального обряда. В докладе показаны этапы развития обрядности в западной части балтского мира, делается попытка интерпретации происхождения племенных образований скальвов и ламатов, причем процесс этот связывается с функционированием торгового пути, соединявшего низовья р. Немана с западной частью Мазурского Поозерья. Появление обряда трупосожжения у ламатов и скальвов в X в. и последующая нивелировка обрядности населения междуречья Ногаты и Немана объясняются автором процессом становления единой культурной общности в данном регионе.

Интересный доклад был представлен Л. А. Гиндиным (Москва) — «Обряд погребения Аттилы и „тризна" Ольги по Игорю». Он посвящен детальному рассмотрению различий в значении слов «страва» и «тризна» на примерах двух фрагментов из текстов Иордана «О деяниях гетов» (фрагмент, посвященный похоронам Аттилы) и «Повести временных лет» в описании погребения Игоря. Анализируя семантику слова «тризна», автор доклада доказывает, что «тризна» означает «награду в ритуальных состязаниях, играх, борьбе», а слова «страва» — поминальный пир по покойному. Докладчик убедительно показал тождество похоронной процедуры погребения Аттилы и Игоря. Реконструируя последовательность обряда, автор указывает на небольшие отклонения, которые можно отнести за счет временного расхождения (похороны Аттилы — V в. н. э., похороны Игоря — X в. н. э.). В итоге его рассуждений «страва» Иордана не может соответствовать «тризне», как полагали раньше, в «Повести временных лет» она полностью адекватна лишь поминальному пиру с обильным питьем. «Тризна» — это похоронные ристалища, и не исключена возможность того, что Ольга, заставив древлян хоронить Игоря, умерщвляет их при помощи своих воинов в качестве приносимой (ритуальной) жертвы в честь умершего супруга.

Происхождению и этимологии слов «тризна» и «страва» посвящен доклад В. В. Мартынова (Минск). Используя текст Иордана (VI в. н. э.), он утверждал, что, если «страва» точно может быть выведена из готского straujan («стелить» — стол), то возможно предполагать также, что «тризна» готского происхождения, тем более что во многих западнославянских языках это слово сохранило смысловое звучание как мучение, терзание.

В докладе Н. И. Толстого (Москва) «Глаза и зрение покойников в славянских народных представлениях» на большом числе этнографических наблюдений у народов Полесья и Балканского полуострова XIX—XX вв. и по данным письменных источников разбирается вопрос о происхождении специальных церемоний, связанных с умершим: зажигания свечи в руке умирающего, наложения монет на глаза, запрет заниматься ткачеством в период поминовения покойного, змеиные культы и т. д. Из множества интереснейших наблюдений (многие из них, к сожалению, археологически не улавливаются) хотелось бы остановиться только на одном сюжете, связанном с конечной фазой погребальной процедуры, а именно водружением надгробия и высечением на нем символических знаков. В докладе прежде всего шла речь об изображении глаз на надгробиях и эволюции этого символа в изобразительном плане. По мнению Н. И. Толстого, «сербская традиция сохранила множество прямых и стилизованных изображений глаз на надгробиях средневековых и более новых, имеющих свои соответствия в славянских узорах — русских, украинских, полесских и др.». Это один из очень распространенных и древних (дославянских) мотивов. Он символизирует зрение покойников, но может приобретать и другое значение и просто десемантизироваться.

Тема, поставленная В. Я. Петрухиным (Москва) в докладе «О начальных этапах формирования древнерусской народности в свете данных погребального обряда», очень важна и неоднократно привлекала внимание исследователей. Докладчик, обращая внимание на разнящуюся по набору признаков погребальную обрядность различных славянских племен Восточной Европы на пороге образования Киевской Руси, приходит к выводу о том, что при формировании древнерусской народности главенствующая роль принадлежала дружинному сословию, оставившему могильники в Гнездове, Тимиреве, Чернигове и др. По мнению автора, именно последнее явилось стимулом к унификации погребального обряда восточного славянства к XI в. Параллельно и этноним Русь, обозначавший первоначально полиэтничную княжескую дружину, начинает соответствовать всему населению Киевского государства. В дискуссии, возникшей по докладу, Ю. М. Десятчиков и В. И. Кулаков (Москва) высказали сомнения в правильности гипотезы В. Я. Петрухина. Основные компоненты обрядности дружинных могильников Восточной

Европы — трупосожжения в курганах или сопках — являются деталями обряда, использовавшимися местным восточнославянским населением и в предгосударственный период. Сочетание черт обрядности в дружинных курганах Древней Руси не обнаруживает полных аналогий в Скандинавии. Унификацию погребального обряда славян Киевской Руси следует связывать скорее всего с утратой в процессе усиления государственной власти племенных различий населением Восточной Европы.

В докладе Ю. М. Лесмана (Ленинград) «Погребальный ритуал и погребальные сооружения (к осмыслению археологического материала Восточной Европы второй половины I — первой половины II тыс. н. э.)» предпринята попытка разграничить типы погребальных сооружений, опираясь на их функции. Так, например, докладчик полагает, что в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э. возрастает роль «курганов-домов» (сюда отнесены курганные насыпи пражской, Луки-Райковецкой, борщевской культур, смоленских длинных курганов, курганов верхней Оки, сопки, приладожские курганы западного региона), в то время как «длинные курганы» VI—VII вв. представляют собой типичные «курганы-холмы». По его мнению, в древнерусское время «обе разновидности курганов сосуществуют», при этом отмечается «типичность для Верхней Волги XI—XII вв. курганов-холмов, в отличие от Новгородчины, где, по-видимому, преобладали „курганы-дома“».

Доклад Л. В. Дучиц (Минск) «Курганы белорусско-литовско-латышского пограничья» является определенным этапом в процессе исследования погребальных древностей эпохи раннего средневековья в Северо-Западной Белоруссии. Используя данные многолетних раскопок, автор исследовал различные сочетания черт погребального обряда и погребального инвентаря балто-славянского пограничья в бассейне Западной Двины. Анализ материалов позволил вычленить три волны славянского заселения в данном регионе. Последняя волна, приходящаяся на конец XI—XII в., связана с укреплением форпостов первого государственного объединения в северо-западной Белоруссии — Полоцкого княжества.

Три доклада — Ю. Е. Березкина (Ленинград), А. И. Немировского (Москва) и И. Ю. Шауб (Ленинград) — затрагивали частные вопросы погребальной обрядности регионов, стоящих в стороне от балто-славянского мира.

А. И. Немировский в докладе «Печень из Пьяченцы» еще раз обратился к очень интересному, но пока еще малодоступному для понимания сюжету в этрускологии, к модели «печени» из Пьяченцы. Как известно, она имеет по внешнему краю 16 секций, различных по величине. Каждая секция сопровождается надписью. А. И. Немировский предполагает, что часть секций может трактоваться как названия месяцев этрусского календаря. Однако отсутствие данных об ориентации по сторонам света (неизвестно какая из секций является отправной в отсчете) препятствует его пониманию.

Доклад Ю. Е. Березкина «Назначение предметов с сюжетными изображениями из погребений культуры Мочика» посвящен расписной керамике с фигуративными изображениями культуры Мочика на побережье Перу I тыс. н. э. Начиная с 30-х годов XX в. эта керамика служила главным источником для суждения о культуре доколумбового Перу. Особенно богатую информацию она дает о мифологии и социальной структуре общества. В 1970-х годах было доказано, что все изображения связаны со сферой сакрального и не являются отражением бытовых сцен. Многие сцены на погребальных сосудах соответствуют росписям в храмах. Сцены инициации знатных юношей и иллюстрации к мифам пронизаны рядом общих мотивов, объединяющих их в единую тему, связанную с праздником воплощения предков, дошедшим до наших дней и отраженным в этнографии южноамериканских общинных ритуалов. По мнению Ю. Е. Березкина, керамика приготовлялась специально к праздникам, а не для бытовых целей. Это ее назначение и было обусловлено использованием в поминальной тризне. Употребление сосудов и другого инвентаря в качестве погребального носит вторичный характер. Закономерностей между половозрастными и ранговыми особенностями погребенного и набором изображений на положенных с ним сосудах нет. В могилы умерших в течение года могли класть вещи, изготовленные к предыдущему празднику. Ю. Е. Березкин обратил внимание на тот факт, что, судя по наблюдениям среди индейцев Центрального Перу, основные мочикские ритуалы скорее всего приходились на июнь—июль и были приурочены, во-первых, к ежегодной очистке оросительных каналов, а во-вторых, к гелиокальному восходу Плеяд, от которого отсчитывался Новый год.

В докладе «Тризны кургана Большая Близница» И. Ю. Шауб показал, что в этом известнейшем кургане Таманского полуострова зафиксировано не три (как принято считать), а четыре тризны. Характерной их особенностью является наличие там краснофигурных рыбных блюд, большинство с определенным сюжетом — «Европа, пересекающая море на быке» (этот сюжет представлен также и на одном рельефном сосуде). Автор вслед за К. Шефольдом видит в этом сюжете «символ путешествия умерших по водам, отделяющим обитель живых от области мертвых», и связывает, помимо прочего, употребление этих блюд при совершении тризны Большой Близницы с Великим женским божеством, жрицы которого, по его мнению, были похоронены в двух камерах этого кургана.

Два последних доклада были посвящены теоретическим вопросам, связанным с изучением погребальной обрядности.

Г. Ф. Никитина (Москва) в докладе «Об опыте конкретно-исторической интерпретации при сравнительном анализе культур по материалам погребального

обряда» утверждала, что историческая интерпретация является конечной целью любых археологических исследований. При этом многое зависит от того, как были проведены (на каком уровне), описание, классификация, датировка и т. д. Для получения аргументированных выводов по этнической принадлежности и происхождению культур необходимо разработать единый метод сопоставления их различных элементов, обработанных по единой методике. Этот тезис был удачно проиллюстрирован примером из археологической практики — существующими разночтениями и различием в понимании истории сложения зарубинецкой культуры.

Доклад Ю. А. Смирнова (Москва) «Морфология погребения (способы обращения с умершими)», тезисы которого не опубликованы, был посвящен трем взаимосвязанным темам. Первая тема рассматривает «погребение» (сокрытие) как один из двух возможных конечных (второй — «выставление») результатов обращения с умершими, что автор выделяет в особую сферу человеческой деятельности — тафологию. Вторая тема рассматривает погребение с точки зрения структуры и функции похорон начиная с момента своего появления (примерно 60 тыс. лет назад). При этом подчеркнуто, что погребальный комплекс, образующий систему из двух постоянных составляющих (погребальное сооружение и останки погребенного) и двух переменных (погребальный инвентарь и сопутствующая структура), окончательно складывается уже в мустьерское время и не получает в дальнейшем ни принципиально новых дополнений, ни принципиально новых конструктивных решений. Функция его направлена прежде всего на изоляцию останков умершего, тем самым и на его сохранение как в «прагматическом», так и в символическом (в том числе и меморативном) отношении. Третья тема посвящена «сказочному» разнообразию существующих способов обращения с умершими и возможностям создания их классификаций.

Многочисленные исследования в области морфологии погребений показывают, что конкретные их формы зависят не только от типа общественных отношений (базисных и надстроечных), но и от общих (природных) и частных (тафологических) законов, действующих в сфере обращения с умершими и определяющих пути и линии развития погребальной практики. Число возможных основных вариантов самих погребений ограниченно, поэтому морфология отдельного погребения — вне культурно-исторического (археологического) контекста — не может использоваться в качестве культурно-различительного признака, ибо хорошо известно, что одни и те же формы погребений встречаются в разные исторические периоды или в пределах одного периода у разноэтничного или разнокультурного населения.

В докладе обсуждался и тот не менее хорошо известный всем факт, что в мире зафиксировано прямо-таки сказочное разнообразие форм и способов обращения с умершими, в том числе и способов их погребения. Однако было отмечено, что «сказочность» эта скорее мнимая, чем действительная, поскольку данное разнообразие существует не только за счет великого множества отдельных типов обращения и форм погребения или выставления, сколько за счет бесчисленного сочетания их отдельных элементов.

Далее была рассмотрена проблема создания общих тафологических классификаций. По мнению Ю. А. Смирнова, существующие схемы неудачны, даже в тех случаях (Ж. Монтандон, С. А. Токарев), когда в основе построений лежит верно выбранная дихотомия, постоянно присутствующая в этой сфере человеческой деятельности. Классификациям этим (видимо, из-за специфики объекта и неправильно выбранной схемы построения) свойственно постоянное нарушение объема понятий и наличие перекрещивающихся признаков. Сама же дихотомия проистекает из давно отмечавшегося двойственного отношения к умершему и выражается, с одной стороны, в стремлении как можно дольше удержать умершего среди живых (со всеми вытекающими из этого последствиями), а с другой — как можно скорее от него избавиться. Если же учитывать отсутствие линейной эволюции в сфере обращения с умершими то, по мнению автора, при создании тафологических классификаций следует пользоваться не «кладогенетическими» (в виде дерева, как это делалось до сих пор), а «фамногенетическими» (в виде куста) схемами построений или многоуровневыми моделями, строящимися по принципу двойственных или тройственных оппозиций. В заключение Ю. А. Смирновым была предложена одна из возможных схем.

В небольшой дискуссии, возникшей после этого доклада, В. Ю. Дукельский подчеркнул несомненную перспективность структурно-функционального направления исследования и согласился с необходимостью выделения тафологии как в качестве особенной сферы человеческой деятельности, так и в качестве отдельного направления в науке. Вяч. Вс. Иванов провел некоторые сопоставления в лингвистике и археологии, обратив особое внимание на цикличность процессов их развития. Сделано это было на примере отхода лингвистов в последнее время от бихевиоризма и от направления, разработанного А. Н. Хомским (генетивная грамматика), и возвращения к «культурно-историческому направлению», идеи которого разрабатывались в нашей стране еще в 1920-х годах Л. С. Выготским, А. Я. Проппом и другими исследователями, в то время как археология в этом отношении запаздывает и по существу находится на уровне 50-х годов. В заключение Ю. А. Смирнов, согласившись с существованием определенных циклов в развитии науки, подчеркнул и наличие неравномерности в прохождении общих циклов и на примере современных исследований древнейших погребений в зарубежной археологии показал, что они еще далеки от структурно-функционального подхода. В то же время зарубеж-

ные исследователи, изучающие средневековые погребения, во многом пользуются идеями культурно-исторического метода.

Проведение конференции ясно показывает необходимость синтеза археологических и этнолингвистических исследований и стремление к объединению усилий разных специалистов при разработке отдельных исторических проблем. К сожалению, желаемого симбиоза на настоящей конференции достигнуть не удалось. Тем не менее конференция принесла несомненную пользу, дав обильную пищу для размышлений и большую информацию по целому ряду вопросов и проблем, которыми занимаются исследователи смежных наук. В резолюции, принятой участниками конференции, была особо оговорена насущная необходимость в координации исследований по рассматриваемой тематике и возможность перехода к изысканиям на междисциплинарном уровне уже в настоящем времени.

М. Г. Гусаков, В. И. Кулаков, Ю. А. Смирнов

МЕЖРЕСПУБЛИКАНСКИЙ МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СОВЕТА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ЛОИА АН СССР «НОВЕЙШИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ В ЗАРУБЕЖНОЙ АРХЕОЛОГИИ. АРХЕОЛОГИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ» (Ленинград, 1985)

18—20 марта 1985 г. в Ленинграде по инициативе Совета молодых ученых ЛОИА АН СССР состоялся расширенный межреспубликанский методический семинар на тему «Новейшие теоретические и методические разработки в зарубежной археологии. Археология зарубежной Азии». В работе семинара приняли участие представители научной молодежи 17 научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений 15 городов страны — Москвы, Ленинграда, Киева, Новосибирска, Свердловска, Еревана, Тбилиси, Вильнюса, Риги, Самарканда, Ашхабада, Воронежа, Фрунзе, Одессы и Кишинева. Перед участниками семинара выступили также их старшие коллеги. Всего в ходе семинара был прослушан 21 доклад и проведен обмен мнениями за круглым столом.

Семинар открыл председатель Совета молодых ученых ЛОИА АН СССР И. Ю. Шауб. Затем с приветственным словом к участникам обратился заведующий ЛОИА АН СССР В. М. Массон. Первый день работы семинара был посвящен вопросам теории и методологии археологии. Детальный анализ социальной археологии в интерпретации К. Ренфрю был дан в докладе Ю. Б. Устиновой (ЛОИА АН СССР). По ее мнению, новая книга К. Ренфрю [1] демонстрирует возможность извлечения из археологического материала более значительной, нежели ранее было принято считать, информации о социально-политической организации общества. Убежденный в существовании закономерностей в эволюции общества, К. Ренфрю в противовес скептически настроенным исследователям считает возможной реконструкцию общественных структур и предлагает конкретные пути их познания. Большое значение он придает пространственному анализу, справедливо полагая, что система пространственных отношений между различного типа поселениями, могильниками и другими памятниками во многом обусловлена системой социально-экономических отношений внутри конкретного общества. Не менее информативными К. Ренфрю считает данные о характере и размахе монументального строительства как показателе организованности общества, а также данные об обмене, торговле, структуре поселений и могильников, отражающие уровень социальной стратификации. В поисках ответа на вопрос о причинах сохранения обществом стабильности К. Ренфрю обращается к внутренним факторам общественных изменений.

Более конкретно социально-экономические изменения как предмет археологических исследований анализируются в сборнике [2], которому был посвящен доклад В. А. Трифонова (ЛОИА АН СССР). В центре внимания авторов сборника социально-экономические процессы в так называемых ранжированных обществах, занимающих исторически промежуточное положение между эгалитарными и государственными образованиями. В. А. Трифонов подчеркнул, что в ряде предложенных моделей социально-экономических изменений процессы социальной (статусной, ранговой) и имущественной дифференциации прямо рассматриваются как детерминированные в конечном счете ростом производительности труда и появлением излишков общественного продукта. Подобная отчетливо материалистическая ориентация на экономические процессы как ключевые выгодно отличает эти разработки от других детерминистских схем, например экологической, демографической. В теоретическом разделе сборника, отметил докладчик, вместо объективного анализа плодотворных подходов представлено умозрительное сопоставление нескольких теоретических схем, восходящих к философским принципам позитивизма, структурализма и марксизма, причем последний изложен в наиболее искаженном виде Д. Гледхиллом и М. Роуландсом. В целом же теоретическая дискуссия, представленная в сборнике, вышла далеко за пределы археологии и фактически ведется на общесоциологическом уровне.

Стремление к достоверности и проверяемости выводов является постоянным стимулом к совершенствованию математических методов анализа археологических

материалов. Обзор достижений в этой области за рубежом по материалам недавно опубликованного в Англии сборника [3] был сделан в докладе Д. И. Фонякова (ЛОИА АН СССР). Он отметил широкий круг проблем, изучаемых с привлечением математических методов, а также разнообразие и сложность применяемого математического аппарата. Виднейшие представители англо-американской археологии, известные работами в области применения математических методов (Я. Ходдер, К. Ренфрю, Ф. Плог и др.), обратились к оценке и моделированию средствами математики изменений в культуре, способов реконструкции социальной иерархии древних обществ, взаимодействию субсистем культуры, исследованию экономических процессов в древности. Д. И. Фоняков особенно подробно остановился на попытке применения в археологии математической «теории катастроф». Он указал на уязвимые места этой теории, определяемые в первую очередь приверженностью авторов к различным вариантам идеалистических философских систем. Вместе с тем, подчеркнул докладчик, здесь можно почерпнуть ряд полезных методических приемов.

Новой работе известного американского теоретика археологии Л. Бинфорда [4] было посвящено выступление С. А. Васильева (ЛОИА АН СССР). Монография посвященная проблемам реконструкции истории развития древних обществ по археологическим данным демонстрирует, по его мнению, отход Л. Бинфорда от крайностей «новой археологии» и нацелена на решение конкретных проблем нашей науки. В книге суммированы результаты исследований автора по этноархеологии и изучению ископаемых костей гоминид. Л. Бинфорд дает свою интерпретацию деятельности гоминид Африки, выдвигая ряд аргументов против охотничьей концепции антропогенеза. Наибольшего внимания, считает С. А. Васильев, заслуживает та часть работы Л. Бинфорда, в которой анализируется жизнедеятельность охотничье-собирательских обществ и проводится широкое сопоставление этнографических данных по эскимосам, австралийцам и бушменам с позднепалеолитическими материалами. Менее удачны методологически слабые гипотезы Л. Бинфорда относительно причин становления производящего хозяйства и разложения первобытного общества.

Среди зарубежной литературы по археологии особое место занимают учебники. Сейчас, при отсутствии в мировой археологии доминирующих идей, авторам любых обобщающих пособий чрезвычайно трудно найти путь к непротиворечивому изложению теоретических основ этой дисциплины. С этой точки зрения особый интерес представляет новый американский учебник Р. Шарера и У. Ашмо [5], анализу которого было посвящено выступление Е. М. Колпакова (ГИОП, Ленинград). Он отметил, что авторам удалось вполне убедительно продемонстрировать существование достаточно согласованного свода методов и даже теорий, образующих солидный фундамент внутренне цельной науки. Это достигается, по мнению докладчика, благодаря интерпретации археологии как науки, изучающей прошлое человечества во всех его аспектах через исследование материальных остатков. Разные антропологические теории не столько конкурируют на страницах учебника, сколько дополняют друг друга. Учебник характеризуется отказом от крайностей различных «археологий».

Своеобразие развития теоретической мысли в археологии Германской Демократической Республики было полно и глубоко проанализировано в докладе В. А. Алекшина (ЛОИА АН СССР). Он отметил, что археологи ГДР основное внимание уделяют социологическим реконструкциям и в меньшей степени проблемам первичной организации археологического материала (выделение признаков, типов, культур). Недостаток внимания к этим проблемам, считает докладчик, может сказаться на правильности палеосоциологических и палеоэкономических реконструкций.

Развернутый обзор региональных проблем в археологии по материалам журнала «Мировая археология» [6] был представлен в сообщении Е. Ю. Гири (ЛОИА АН СССР). На примерах работ англо-американских, японских, скандинавских археологов он познакомил участников семинара с особенностями влияния социально-экономических и политических факторов на развитие археологической науки, а также ролью национальных движений в формировании основной проблематики дисциплины. Приведенные примеры, по мнению докладчика, свидетельствуют о том, что археология не существует изолированно, вне общественной жизни, как «чистая наука», а играет заметную роль в формировании мировоззрения и национального самосознания.

Два последних дня заседаний семинара были отведены докладам, посвященным новейшим исследованиям в области археологии зарубежной Азии. О значении археологических памятников Азии для изучения всемирной истории говорил в своем докладе В. М. Массон (ЛОИА АН СССР). По его мнению, Азия сохраняет свою роль зоны, весьма рано освоенной человеческими коллективами, поэтому археологические исследования в Индостане, Китае и Юго-Восточной Азии позволяют постепенно заполнять хронологические лакуны в последовательном развитии палеолитических культур, выявляют своеобразие местных путей развития каменной индустрии. Можно считать, что эпоха неандертальского общества со сложной системой хозяйственной деятельности, организацией жилого пространства и идеологических представлений от практики погребений до «культа зверей» была важным рубежом в развитии человечества и не последнюю роль в установлении этого обстоятельства сыграли археологические материалы Азии. Не менее хорошо известно значение археологических памятников Азии для изучения перехода к земледелию и ското-

водству, процесса формирования первых классовых обществ и цивилизаций. Археология Азии дает многочисленные свидетельства межрегиональных взаимодействий, которые становятся более регулярными в эпоху металла. В заключение докладчик подчеркнул, что изучение отдельных регионов и народов Азии тормозится невысоким методическим уровнем исследований. Нередко полевые наблюдения прямолинейно служат основой для поспешных исторических выводов.

С докладом, посвященным палеоэкологии каменного века Юго-Восточной Азии, выступил П. М. Долуханов (ЛОИА АН СССР). Эволюция природной среды региона на протяжении четвертичного периода, по его мнению, следовала плювиально-аридному ритму. Бо́льшая часть нижнепалеолитических культур Юго-Восточной Азии соответствует хронологическому интервалу, определенному для комплексов культуры паджитан (200—100 тыс. лет назад). Широкое заселение региона с преодолением значительных водных пространств, считает П. М. Долуханов, стимулировалось глобальной перестройкой ландшафтов в период последнего оледенения (30—10 тыс. лет назад).

А. Е. Матюхин (ЛОИА АН СССР) в докладе о галечных орудиях в каменном веке Южной и Юго-Восточной Азии отметил, что галечные орудия раннего палеолита являются скорее нуклеусами, чем орудиями. Затем он дал развернутую характеристику подлинных галечных орудий аньятской культуры Бирмы, культур Шон Ви, Хао Бинь, Бак Шон и ряда других памятников Вьетнама и Китая. На примере галечных орудий докладчик стремился показать своеобразие развития региона в каменном веке.

В совместном докладе Н. К. Анисюткина и В. И. Тимофеева (ЛОИА АН СССР) были рассмотрены проблемы изучения палеолита Вьетнама, а также вопросы выделения локальных культур Юго-Восточной Азии. Особое внимание было уделено нижнепалеолитическим памятникам, материалам Горы До и коллекциям, собранным докладчиками во время их командировки во Вьетнаме. Для палеолита Вьетнама, по мнению докладчиков, как и для других регионов Юго-Восточной Азии, характерно, судя по технике изготовления рубил, длительное существование аббевиля, так и не перешедшего в подлинный ашель. Отсутствие последнего тем не менее не означает, что культура палеолита здесь была застойной или отсталой.

Проблему происхождения переднеазиатской халафской культуры по данным погребального обряда рассмотрел В. А. Алекшин (ЛОИА АН СССР). Он приходит к выводу, что на раннем этапе на территории, занимаемой халафской культурой, появляется ряд инноваций (захоронение черепов, кремация, захоронения без черепов), имеющих аналогии в памятниках Сиро-Палестины предшествующего времени. В свете этих данных «западная» гипотеза происхождения халафской культуры представляется более перспективной, чем «восточная».

Подробный обзор новейших исследований археологов США в Иранском Азербайджане по «программе Хасанлу» был представлен в сообщении Г. Н. Курочкина (ЛОИА АН СССР). Докладчик подробно остановился на разработанной для Северо-Западного Ирана стратиграфически обоснованной периодизации от неолита до раннежелезного века (Хасанлу X—III).

Раннегородскому поселению Шахри-Сохта в Юго-Восточном Иране и его связям с культурами Южного Туркменистана был посвящен доклад Б. Н. Удеумурадова (ЛОИА АН СССР). Он охарактеризовал основные этапы развития поселения и отметил тесные связи между Сеистаном и Подгорным Копетдагом в первый и второй периоды его развития (соответствующие периоды Намазга III, IV).

В докладе В. А. Трифонова (ЛОИА АН СССР) о переднеазиатских связях майкопской культуры основное внимание было уделено анализу культурно-исторической ситуации в Закавказье и на Переднем Востоке, способствовавшей проникновению древневосточных элементов на Северный Кавказ. Автор стремился обосновать идею о формировании в этом регионе в период позднего энеолита крупного массива культур, включавшего и наиболее ранние памятники майкопской культуры.

С докладом «Культура эллинистического Пергама» выступил В. А. Горончаровский (ЛОИА АН СССР). Он указал на специфику культуры Пергама, подчеркнул своеобразие его искусства — скульптуры, живописи. Наиболее подробно докладчик остановился на особенностях пергамского керамического производства.

Культурные связи Афганистана и Средней Азии в XI в. н. э. были рассмотрены в докладе Д. А. Абдуллаева (ЛОИА АН СССР). На примере живописи, резного штука и керамики из Лашкари-Базара — столичного центра Ганзевидов на юге Афганистана — Д. А. Абдуллаев показал прочные связи, которые сохранялись и в условиях политической обособленности регионов.

В заключение семинара были заслушаны доклады по проблемам исторического анализа письменных источников, используемых при интерпретации археологических материалов: Ю. В. Устиновой (ЛОИА АН СССР) «Дельфийские максимы в Айханум», Д. Г. Ермакова (ЛОИВ АН СССР) «Хадисы как исторический источник», Е. Е. Резвана (ЛОИВ АНСССР) «Коран. Лексика как исторический источник».

В. А. Трифонов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Renfrew C.* Approaches to Social Archaeology. Edinburg, 1984.
2. Ranking Resource and Exchange: Aspects of the archaeology of Early Europeanian Society / Ed. Renfrew C. and Sheunan St. Cambridge. 1982.
3. Transformations: Mathematical approaches to culture change / Ed. Renfrew C. and Cooke K. N. Y. 1979.
4. *Binford L. R.* In Pursuit of the Past Decoling the Archaeological Record. L., 1983.
5. *Sharer R., Ashmore W.* Fundamentals of Archaeology. Benjamin. Cummings, 1979.
6. World Archaeology. 1981—1982. V. 13. № 2, 3.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЗОНАХ МЕЛИОРАЦИИ. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ ИНТЕНСИФИКАЦИИ» (Ленинград, 1985)

С 16 по 18 декабря 1985 г. в Ленинграде проходила Всесоюзная научно-практическая конференция «Археологические исследования в зонах мелиорации. Итоги и перспективы их интенсификации». Организатором конференции явилось Ленинградское отделение Института археологии АН СССР. В конференции приняли участие археологи и представители строительных организаций РСФСР, Казахстана, Литвы, Туркмении, Узбекистана, Украины. Было заслушано 25 докладов, посвященных перспективам хозяйственного освоения земель в зонах мелиорации и культурного строительства, организации археологических работ, общим итогам археологических исследований и тем новым данным по древней истории и культуре, которые были получены в результате этих исследований.

Открыл заседание заведующий ЛОИА АН СССР, член-кор. АН ТССР В. М. Массон. В своем докладе «Исследования на новостройках — новая функция советской археологии» он остановился на вопросах, связанных с исследованием памятников археологии на осваиваемых строителями территориях. В. М. Массон подчеркнул необходимость разработки оптимальной методики полевых исследований, более быстрого ввода материалов в научный оборот и практику, оказание помощи специалистов по различным формам культурного строительства на местах. В докладе было отмечено, что широкомасштабность строительных работ дает возможность изучать различные культурно-хозяйственные типы, позволяет «выйти на обоснованную реконструкцию социальных, культурных и хозяйственных структур древних обществ».

С докладом «Современное состояние и перспективы развития мелиоративных систем в Ленинградской области» выступили представители «Ленгипроводхоза» Б. М. Баранов и Н. И. Воробьев (Ленинград). Они рассказали об истории строительства мелиоративных систем в Ленинградской обл., о работах, намеченных на период с 1986 по 2000 г. и о планируемом финансировании археологических работ.

В. А. Лапшин (Ленинград) в докладе «Перспективы изучения памятников археологии Ленинградской области и мелиорация» обратил внимание на разрушение памятников, попадающих в зону строительства. Он отметил, что в силу особенностей топографии в зоны мелиоративных работ попадают памятники конца I — середины II тыс. н. э.— поселения и погребальные памятники, и подчеркнул, что для их своевременного изучения необходим более тесный контакт археологов и строителей.

В. Ф. Генинг и П. А. Горишный (Киев) в докладе «Организация и опыт новостроечных экспедиций Института археологии АН УССР» остановились на работе Отдела новостроечных экспедиций института. Они осветили ряд моментов, связанных с выявлением археологических памятников на территории предполагаемого строительства, подготовкой документации, организацией новостроечных экспедиций. Новостроенные экспедиции ежегодно выполняют большой объем работ. По материалам экспедиций подготовлено несколько сборников.

О результатах работ одной из крупных новостроечных экспедиций ИА АН УССР рассказал В. В. Отрощенко (Киев) в докладе «Иссяедования Запорожской экспедиции в 1968—1984 гг.» За время работы экспедицией было раскопано 475 курганов, содержащих разновременные погребения. Изучение количественного состава погребений по культурам позволило сделать выводы о плотности заселения степи в различные временные периоды, об изменении топографии памятников. В то же время докладчик отметил, что на научной стороне исследований отрицательно сказывается нерешенность проблемы регулярной публикации полученных материалов.

В докладе М. А. Итиной (Москва) «Археология на службе современности (из опыта работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции» были подробно освещены вопросы использования научных результатов изучения земель древнего орошения современными ирригаторами. Экспедиция ведет охранные исследования, реконструкцию и реставрацию памятников. Большое внимание уделяется просветительской работе.

Ю. Ф. Буряков (Самарканд) в докладе «Об итогах и перспективах археологических работ на орошаемых площадях Узбекистана» рассказал об истории ирри-

гационного строительства в республике, о работе Отдела археологических исследований на новостройках Института археологии АН УзССР. Большое значение придается комплексному изучению микрооазисов, включающих как бытовые, так и погребальные комплексы. Работы, связанные со строительством и реконструкцией каналов, предполагают расширение исследования памятников в центрах древних земледельческих регионов Бактрии и Согда.

Итогам изучения древних ирригационных сооружений был посвящен и доклад В. А. Грошева (Алма-Ата) «Археологическое изучение древних ирригационных систем в зоне освоения пустынных земель Южного Казахстана». Докладчик отметил, что в зоне строительных работ был выявлен ряд археологических памятников, в том числе и трасса древнего магистрального канала Боз-Арык с расположенными вдоль нее агроирригационными планировками, сельскими поселениями и усадьбами. Керамический материал, обнаруженный на обследуемой территории, позволяет датировать Боз-Арык X—XIV вв. В. А. Грошев подчеркнул, что накопленный археологами материал о землях древнего орошения может и должен быть использован современными строителями.

Д. Г. Савинов (Ленинград) в докладе «Археологические работы ЛОИА АН СССР на новостройках одиннадцатой пятилетки» остановился на итогах работ новостроечных экспедиций института, на организационных и научных задачах, связанных с увеличением объема строительных работ. Им была отмечена необходимость повышения профессионального уровня штатного состава экспедиций, обеспечения экспедиций как в летнее, так и в зимнее время помещениями для камеральной обработки материала, возможность приобретения необходимого оборудования. В научном плане перед исследователями стоит задача перехода по возможности к целенаправленному изучению культурно-исторических районов.

Результаты работ археологической новостроечной лаборатории, организованной при историческом факультете РГУ им. М. А. Суслова, были изложены в докладе Л. М. Казаковой и В. Я. Киящко (Ростов-на-Дону) «Археологические работы на новостройках Ростовской области в одиннадцатой пятилетке». Докладчики коснулись проблем, возникающих в ходе новостроечных работ: диспропорции между числом исследованных погребальных и бытовых комплексов, между объемами исследований и публикациями. Была отмечена необходимость более тесных связей новостроечного сектора ИА АН СССР с местными экспедициями и поставлен вопрос о регулярности встреч представителей новостроечных экспедиций на всесоюзном уровне.

Доклад И. Станкуса (Вильнюс) «Исследования археологических памятников на новостройках Литвы» был посвящен итогам работ двух учреждений — Института истории АН ЛитССР, изучающего археологические памятники в сельской местности, и Института консервации памятников при Министерстве культуры ЛитССР, работающего в городах республики. И. Станкус отметил, что изучение археологических памятников — могильников, городищ, селищ, попадающих в зону строительства, дает новый, интересный, а иногда и уникальный материал для воссоздания различных сторон материальной культуры древнего населения Литвы.

О большой и интересной работе, которую проводит экспедиция Днепропетровского университета, рассказала И. Ф. Ковалева (Днепропетровск) в докладе «Итоги и перспективы работы новостроечной экспедиции Днепропетровского государственного университета». Со времени создания экспедиции (1972 г.) на 15 оросительных системах был раскопан 741 курган, содержащий более 3530 погребений различных эпох. Благодаря сплошному зональному исследованию Днепровское Левобережье является в настоящее время одним из наиболее изученных районов. Научные результаты экспедиции публикуются в сборниках университета, а также в межвузовском сборнике «Проблемы археологии Поднепровья».

О работе Краснодарского отделения ВООПИК рассказала О. П. Куликова (Краснодар) в докладе «Археологические исследования в Краснодарском крае в связи с народнохозяйственным строительством». Она отметила масштабность новостроечных работ в крае: 27 экспедиций и отрядов различных учреждений Москвы, Краснодара, Ленинграда, Майкопа, Волгограда раскапывают ежегодно около 150 курганов и более 1000 м² на городищах и поселениях. К настоящему времени в крае в основном сложилась археологическая служба на новостройках. Управление культуры Краснодарского крайисполкома координирует работы в зонах строительства на всех этапах, от согласования проектной и строительной документации до организации строительных работ. Усилия отдела охраны памятников направлены и на решение проблемы сохранения археологических памятников, не попадающих в зону строительства и разрушающихся естественным путем.

Значительная часть докладов была посвящена тем новым данным по древней истории и культуре, которые были получены в результате работ в зонах мелиорации.

Анализу антропологического материала, полученного Хорезмской экспедицией, был посвящен доклад Л. Т. Яблонского «Новые палеоантропологические материалы из Южного Приаралья». Еще одна сторона работ Хорезмской экспедиции была освещена в докладе Б. В. Андрианова (Москва) «Древняя ирригация: проблемы археологического изучения, картографирования и использования при проектировании современных ирригационных систем». Докладчик отметил давнюю традицию комплексного изучения древней ирригации для использования данных при современном строительстве. Он подчеркнул, что для успешного изучения оросительных каналов, составлявших «костяк» древних культурных оазисов, необходимо

применение аэрометодов. Помимо этого, сейчас возможно использование и космических снимков. О применении аэрофотометодов для выявления археологических памятников шла речь и в докладе Я. М. Паромова (Москва) «Методика обследования больших площадей в зонах мелиоративного строительства (на примере Таманского полуострова)». Изучение аэросъемочного и картографического материала было проведено совместно с данными историографии. Докладчик отметил необходимость точной привязки вновь открытых памятников к земельным планам хозяйств.

Итогам 10-летней работы по созданию общей схемы развития и взаимодействия культур степного и лесостепного Поволжья в период неолита — бронзового века был посвящен доклад С. А. Агапова и П. Б. Васильева (Куйбышев) «Охранные работы на памятниках неолита и бронзового века Среднего Поволжья (1974—1984 гг.)». В результате исследований была выделена ранненеолитическая елшанская культурная группа, получены данные о сложении и развитии энеолитических культур. Сделаны интересные наблюдения о сложении срубной культуры. Из степных районов Поволжья получены интересные материалы переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу.

С. М. Ахинжанов (Алма-Ата) сделал доклад об «Исследованиях Шульбинской археологической экспедиции». С 1980 по 1983 г. экспедицией были открыты разновременные памятники, от среднего палеолита до позднего средневековья. На палеолитической стоянке Шульбинка вскрыто 1200 м² площади. При изучении ряда могильников получены новые материалы раннего и среднего бронзового века, переходного периода от поздней бронзы к эпохе раннего железа. Погребальные памятники IX—XI вв. на территории обитания кимаков дали новый и интересный материал для решения вопроса об этнической принадлежности погребенных. Новые материалы по культуре кимаков IX—X вв. н. э., полученные в результате раскопок на строительных площадках Восточного Казахстана, были представлены в докладе Ф. Х. Арслановой (Калинин) «Кимаки Семипалатинского Прииртышья». Особого внимания заслуживает интерпретация автором серии ажурных украшений из Зевакинского могильника как антропоморфных изображений, раскрывающих новые черты мировоззрения населения Верхнего Иртыша в древнетюркское время.

Раскопкам одного из могильников в Северо-Западной Литве был посвящен доклад А. Мяркявичуса (Вильнюс) «Могильник в д. Генчай». В настоящее время вскрыто 860 м² его площади, где обнаружены погребения как с трупоположениями, так и с трупосожжениями. Расположение инвентаря в обеих группах идентично. По составу различается инвентарь мужских погребений, состоявший в основном из оружия и орудий труда, и женских, содержавших железные ножи, украшения. Детские погребения содержат меньшее количество вещей, чем взрослые. Некоторые погребения отличаются богатством инвентаря. Могильник принадлежал куршам и датируется IX—XII вв. н. э.

О работе Приазовской экспедиции ИА АН УССР рассказал Ю. В. Болтрик (Киев) в докладе «Исследования археологических памятников в Северо-Западном Приазовье». Докладчик отметил, что Северо-Западное Приазовье, несмотря на обширные исследования, остается пока малоизученным. В 1983—1984 гг. экспедицией раскопано 33 кургана. Впервые зафиксировано скифское погребение, впущенное в насыпь длинного кургана V в. до н. э. Анализ полученного материала показал, что группа скифских памятников, исследованная в курганах к западу от нижнего течения р. Молочной, отличается однообразием погребальных сооружений, в то время как для остальной части скифских могильников Днепро-Молочанского междуречья характерно разнообразие форм погребальных сооружений.

А. Н. Гей (Москва) в докладе «Развитие представлений об энеолите — раннем бронзовом веке Западного Предкавказья в связи с работами на новостройках Краснодарского края» обобщил результаты исследований экспедиций в зонах строительства. Одним из важных результатов работ явилось выделение новотитаровской культуры раннего бронзового века.

Доклад И. С. Каменецкого и Г. П. Романовой (Москва) посвящен итогам исследования меотских городищ Усть-Лабинского р-на Краснодарского края. Исследователями были рассчитаны площади городищ и их отдельных частей; подсчитана средняя, начальная и конечная численность населения городищ, указаны возможности для расчета времени существования изучаемых памятников.

На итогах работ в Краснодарском крае остановился А. С. Скрипкин в докладе «Итоги и перспективы работ Волгоградского университета в зоне новостроек Краснодарского края и Нижнего Поволжья». За последние 4 года работ экспедицией был исследован 41 курган, содержавший разновременные погребения. Погребения раннего железного века, открытые в курганах на Понуро-Калининской оросительной системе, находят аналогии в меотских комплексах северопричерноморских античных колоний, погребальные же комплексы восточных районов обнаруживают близость с памятниками, оставленными сарматами. Открыты погребения домонгольского времени, погребальный инвентарь которых позволяет отнести их к погребениям знати. Докладчик отметил, что археологическая лаборатория ВГУ планирует расширение работ на поселениях и курганах Нижнего Поволжья.

В докладе В. И. Мамонтова и Е. П. Мыськова (Волгоград) «Основные раскопки памятников в Волгоградском Заволжье и Волго-Донском междуречье» были изложены результаты работ Приволжского отряда и археологической экспедиции ВГПИ. В курганах открыты погребения эпохи ранней — поздней бронзы, по-

гребения сармат. Из погребений эпохи средней бронзы выделяется одно, содержавшее среди прочего инвентаря костяной скипетр. Из сарматских погребений отмечаются погребения знати, с котлами, оружием, культовыми предметами.

Э. А. Севастьянова (Абакан) в докладе «Охранные раскопки Хакасского областного музея в зонах мелиорации» рассказала о положении, сложившемся в настоящее время в зоне строительных работ в Хакассии. Она подчеркнула сложность и неэффективность исследований, проводимых исключительно силами сотрудников музея. Для полноценного изучения археологических памятников необходимо создание специальных служб, которые бы взяли на себя координацию и проведение охранных работ в зонах строительства. Силами сотрудников музея в зоне реконструируемой Старо-Аскизской ОС было раскопано около 60 курганов. В восьми группах исследованных курганов открыты погребения от тагарского до тесинского этапов.

На закрытии конференции В. М. Массон подвел предварительные итоги работы конференции. М. А. Итина отметила работу ряда экспедиций, достигших значительных успехов в изучении древних культур (Куйбышевского и Днепропетровского университетов, работы И. С. Каменецкого). В то же время она указала на отсутствие в ряде экспедиций антропологических определений, негативно сказывающихся на научных выводах исследователей. М. А. Итина обратила внимание на недостаточную заинтересованность строительных организаций в проведении археологических исследований на осваиваемых ими территориях. В ряде выступлений прозвучала тревога по поводу бесконтрольно разрушающихся памятников, оснащенными мощной современной техникой колхозами и совхозами (Ю. Ф. Буряков, И. С. Каменецкий, В. В. Отрощенко). Так же остро стоит проблема рабочей силы (В. В. Отрощенко, Ю. Ф. Буряков). А. С. Скрипкин обратил внимание на трудности, связанные с организацией и финансированием университетских экспедиций. И. С. Каменецкий поставил вопрос о необходимости создания хранилищ для полученного материала по типу государственных архивов. Выступавшие касались также вопросов, связанных с применением естественных методов исследования (Б. В. Андрианов, В. В. Отрощенко, И. С. Каменецкий). Отмечалась проблема публикации большого объема материалов, полученных в результате археологических исследований в зонах строительства (Ю. Ф. Буряков, В. В. Отрощенко, В. Я. Кияшко). Все выступающие отметили необходимость проведения конференций представителей новостроечных экспедиций на всесоюзном уровне.

В заключение был принят проект рекомендаций конференции. В нем отмечено, что «археологические исследования в зонах современного строительства мелиоративных систем приобретают особо важное значение в свете решений октябрьского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС. На археологическую службу и научно-исследовательские учреждения нашей страны возлагается важнейшая задача по спасению, сохранению и рациональному использованию памятников культуры и истории, расположенных на вновь осваиваемых территориях». При подведении краткого итога работы конференции было отмечено следующее: своевременность проведения конференции и необходимость проводить подобные совещания периодически; для повышения уровня полевых исследований разработать «Свод методических указаний и правил по раскопкам основных типов памятников, расположенных в зонах существующего и проектируемого освоения новых площадей»; расширить формы использования научно-технических методов; признать необходимой скорейшую публикацию материалов, в виде периодических изданий с использованием межведомственных сборников.

Е. В. Избицер.

ПАМЯТИ МИХАИЛА ЕВГЕНЬЕВИЧА МАССОНА

Советская археология понесла тяжелую утрату. 2 ноября 1986 г. после продолжительной болезни скончался академик Академии наук Туркменской ССР, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Узбекской и Туркменской ССР Михаил Евгеньевич Массон. Не стало ученого, чья многогранная энергичная исследовательская и научно-организаторская деятельность являла собою живую и яркую летопись всей послеоктябрьской истории становления и развития археологии в Средней Азии и Казахстане.

М. Е. Массон родился 21 ноября (4 декабря) 1897 г. в Петербурге в семье землемера-топографа, длительное время работавшего в Самарканде. Здесь М. Е. Массон окончил в 1916 г. с золотой медалью гимназию и поступил в Петроградский политехнический институт. В начале первой мировой войны, после прохождения ускоренного курса Михайловского артиллерийского училища М. Е. Массон в чине прапорщика был направлен на юго-западный фронт. Затем, во время гражданской войны, он был членом Совета рабочих и солдатских депутатов.

По возвращении в Самарканд он заведовал с 1919 г. областным краеведческим музеем и вместе с известным самаркандским археологом-краеведом В. Л. Вяткиным вел первые в советское время раскопки на городище Афрасиаб.

С 1923 г. начинается многолетняя кипучая деятельность М. Е. Массона в Ташкенте. В Главном среднеазиатском музее он ведал отделом археологии, был сотрудником Средазкомстариса и Узкомстариса (Комитетов по делам музеев и охраны памятников старины), совмещая служебную работу с посещением учебных курсов Туркестанского восточного института. В 1936 г. по представлению академиков И. Ю. Крачковского, И. А. Орбели и проф. А. Ю. Якубовского М. Е. Массону была присуждена без защиты диссертации ученая степень доктора исторических наук за его работы по археологии.

Начиная с 1939 г. и на протяжении без малого 30 лет М. Е. Массон заведовал созданной им в Среднеазиатском государственном университете им. В. И. Ленина кафедрой археологии Средней Азии, ставшей с течением времени одним из крупных учебных, научно-исследовательских и научно-методических центров среднеазиатской археологии. Здесь в полной мере раскрылся и прирожденный педагогический талант М. Е. Массона — исключительно требовательного и вместе с тем по-отечески заботливого наставника учащейся молодежи. Под его руководством студенты кафедры активно участвовали в полевых и камеральных исследованиях, музейной работе, пропаганде исторических знаний, воспринимая от своего учителя неиссякаемую энергию, пылкую и глубокую преданность делу, волю и умение преодолевать трудности. И закономерно, что из стен университетской кафедры вышли десятки ее воспитанников пятнадцати различных национальностей. Археологи — ученики М. Е. Массона работают в научных учреждениях и музеях городов Средней Азии и Казахстана, Москвы и Ленинграда. Михаил Евгеньевич – признанный основатель среднеазиатской археологической школы, среди его учеников теперь не только кандидаты, но и доктора наук.

М. Е. Массон на протяжении более 70 лет вел раскопки и разведочные работы на территории Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана и Казахстана. С его именем связана организация ряда широкопрофильных среднеазиатских археологических экспедиций, им же возглавлявшихся (Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936—1939 гг.; с 1945 г. работает Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция; в 1963 г. начала работу Кешская археолого-топографическая экспедиция).

Широкую известность и признание получили результаты руководимых М. Е. Массоном раскопок и рекогносцировок на земле древней Нисы и Мерва (Туркмения), Термеза (Узбекистан) и др., сопровождавшиеся открытием памятников древности большого научного значения, начиная от времени первобытного общества, включая памятники античного времени и вплоть до позднего средневековья. М. Е. Массон был также пионером в деле изучения районов и мест добычи в Средней Азии полезных ископаемых в древности и средневековье. Он — автор ряда работ по истории горного дела и металлургии в этом регионе.

Перу М. Е. Массона принадлежат публикации по истории Парфии, в частности по уникальным парфянским ритонам Нисы, архитектурным памятникам и керамике античного и средневекового Мерва, скульптуре кушанского времени из Айртама (Термез), историко-археологической топографии древних городов Средней Азии, научной периодизации ее истории, по нумизматике, описанию историко-архитектурных памятников средневековья и др. При этом для публикаций М. Е. Массона (их свыше 370) характерно стремление к органическому сочетанию собственно археологических данных с данными исторической географии, этнографии, фольклора, восточных рукописей и других прямых или косвенных источников. Много внимания уделялось им прикладным задачам археологии для решения ряда практических народнохозяйственных проблем.

Печатное наследие М. Е. Массона включает также его личные воспоминания как археолога, являющие собой пример мемуарной литературы, которой, к сожалению, так бедна история отечественной археологии (книга «Из воспоминаний среднеазиатского археолога», охватывающая время 20—30-х годов, брошюры «Падающий минарет», «Три эпизода, связанных с самаркандскими памятниками старины» и др.).

Исключительно широкой и полезной была неутомимая деятельность М. Е. Массона как энтузиаста пропаганды исторических знаний, автора многих научно-популярных брошюр, организатора работ по охране памятников старины, осуществлению археологического надзора в зонах новостроек.

В 1940 г. М. Е. Массону было присвоено звание профессора, в 1961 г. последовало его избрание действительным членом Академии наук Туркменской ССР, в 1967 г. за заслуги в изучении истории горного дела он был удостоен звания почетного гражданина города горняков Ахангарана (Узбекистан). Среди наград М. Е. Массона — ордена Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета». С 1978 г. в Ташкенте ежегодно проводятся «Массоновские чтения» на базе Общества охраны памятников истории и культуры Узбекистана.

Обширному научному наследию М. Е. Массона суждена жизнь долгая и плодотворная. Память о нем навсегда сохранится в сердцах всех, кому дорого дело изучения исторического прошлого стран Советского Востока.

Б. В. Лунин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДУ – Археологічні дослідження на Україні
АИБ – Археология и история Боспора. Симферополь
АИМ – Археологические исследования в Молдавии
АКМ – Азовский краеведческий музей
АО – Археологические открытия
АП – Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АСГЭ – Археологический сборник Гос. Эрмитажа
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВИ – Вопросы истории. Москва
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВЯ – Вопросы языкознания. Москва
ГИМ – Гос. Исторический музей. Москва
ГИОП – Гос. инспекция по охране памятников
ГЭ – Гос. ордена Ленина Эрмитаж. Ленинград
ДГУ – Днепропетровский гос. университет
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗОАО – Записки Одесского археологического общества
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО – Записки Русского археологического общества. СПб.
ИАК – Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.
ИИАЭ – Институт истории, археологии и этнографии
ИИМК – Институт истории материальной культуры АН СССР
ИМКУз – История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИОЛЕАЭ – Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ИТУАК – Известия Таврической Ученой архивной комиссии. Симферополь
ИЭ – Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Москва
ИЯЛИ КФАН СССР – Институт истории, языка и литературы Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск
КАТЭК – Канско-Ачинский тепло-энергетический комплекс
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛГУ – Ленинградский гос. университет им. А. А. Жданова
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИВ – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
МГУ – Московский гос. университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва – Ленинград
МИСО – Материалы по изучению Смоленской области
НЭ – Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК – Отчет Археологической комиссии
ОС – Оросительная система
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РГУ – Ростовский гос. университет
СА – Советская археология. Москва
САИ – Свод археологических источников. Москва – Ленинград
СГУ – Саратовский гос. университет
СГЭ – Сообщения Гос. Эрмитажа
СЭ – Советская этнография. Москва
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Москва – Ленинград
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
ЦГАДА – Центральный гос. архив древних актов. Москва
ЭВ – Эпиграфика Востока. Ленинград
ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

AAASH – Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AJA – American J. of Archaeology. New York
BCH – Bulletin de correspondance hellénique. Paris
BSA – Annual of the British School at Athens. London
CRAI – Académie des inscriptions et belles-lettres. Comptes rendus. Paris
DAI – Deutsches Archäologisches Institut
IAMS – Institute for Archaeo-Metallurgical Studies. London
IosPE – Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
JA – J. Asiatique. Paris
JRAS – J. of the Royal Asiatic Society. London
JRGZ – Jahrbuch des Romisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz
MAVA – Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie
MDAFA – Mémoires de la délégation archéologique francaise en Afghanistan. Paris
MS – Materialy starożytne. Warşzawa
MSW – Materialy starożytne i wcześnośredniowieczne
PZ – Praehistorische Zeitschrift. Berlin
SMYA – Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikaukauskirja. Helsinki
WA – Wiadomosci archeologiczne. Warşzawa

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке, должны быть вписаны в текст от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписаны, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

4. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора — два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения и пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографий не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т. д. Наклеивать фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать «верх» и «низ».

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации.

5. Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: [1], [2], ...

6. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. Библиография оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1 — 84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления». Для книг указываются фамилии и инициалы авторов, название книги, город, издательство, год издания; для статей, опубликованных в журналах и продолжающихся изданиях (типа КСИА, МИА, Тр. ГИМ),— фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, название журнала (издания), год издания, том, номер (выпуск); для архивных материалов — фамилии и инициалы авторов, заглавие, местонахождение документа (наименование архива, номер и название фонда, номера описи, дела). Ссылки на русские летописи даются в списке литературы с указанием наименования летописи. Источником библиографического описания является титульный лист издания. Порядок оформления ссылок следующий:

Книги

Смирнов К. Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964.

Шитов В. Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976.

Журналы и продолжающиеся издания

Шелов-Коведяев Ф. В. Новый декрет из Херсонеса // ВДИ. 1982. № 2.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.

Ежегодники

Колесник А. В., Привалов А. И. Мустьерская стоянка Звановка // АО — 1978. М., 1979. ОАК за 1900 г. СПб., 1901.

Рецензии

Кызласов Л. Р. По поводу одного ответа // СА. 1965. № 4.— Рец. на кн.: Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.

Вагнер Г. К., Воронин Н. Н. // Византийский временник. 1968. Т. 28.— Рец. на кн.: Шмерлинг Р. О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.

Авторефераты

Шелягина Н. С. Археологическое изучение Московского Кремля (древняя топография и стратиграфия): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1974.

Архивные материалы

Рябинин Е. А. Отчет об археологических исследованиях Четвертого отряда Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1973 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5227.

Артеменко И. И. Среднее и Верхнее Поднепровье в конце энеолита и в эпоху бронзы: Дис. ... докт. ист. наук. 07.00.06. М., 1977 // Архив ИА АН СССР. Р-2, № 2222.

В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима: [5, с. 80]. Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указываются на русском языке: т., рис., табл., с. При ссылке на рисунок позиция отмечается волнистой чертой: [8, рис. 5, *1*, *2*].

7. Ссылки на работы классиков марксизма-ленинизма и оригинальные работы древних авторов (Herod., Plin. и т. д.) даются в тексте статьи и в список цитированной литературы не вносятся. Если используются переводные источники, они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

8. К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением.

9. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

10. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

11. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Зав. редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 15.04.87 Подписано к печати 29.05.87 А-05483 Формат бумаги $70\times108^1/_{16}$
Высокая печать Усл. печ. л. 25,2 Усл. кр. отт. 94,3 тыс. Уч.-изд. л. 29,3 Бум. л. 9,0
Тираж 3716 экз. Зак. 364

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6